

ВИТАЛИЙ ШАВАНОВ

КУРСАНТЫ

Виталий Шаванов

«КУРСАНТЫ»

КАШИРА
2017

УДК 821.161.1-1 Шаванов
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ш

Шаванов В.
Ш Курсанты. – Москва: «ММТК-СТРОЙ», 2017 – 376 с.

ISBN

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Шаванов ., 2017
© Оформление «ММТК-Строй», 2015

ISBN

Виталий Фёдорович Шаванов родился в 1950 г. на Украине в семье военнослужащего, но родиной своей считает г. Тулу, куда в 1954 г. переехала семья и где он вырос. В 1967 г. по окончании средней школы № 54 г. Тулы поступил в высшее танковое училище в г. Харькове, которое закончил в 1971 году, после чего много лет прослужил в Советской армии, откуда был уволен в запас в 1992 г. Затем жил и работал в Белоруссии, откуда в 2010 году переехал к детям и внукам в г. Каширу.

В молодости писал стихи и короткие рассказы, но нигде их не печатал, считая, что делает это для души, поэтому ничего раннего не сохранилось. Данный роман «Курсанты», написанный в 2015-2017 гг. по просьбе друзей-однокашников автора, является для него дебютом в литературе.

Автор ЛИТО «Зодиак».

ПРАВИЛЬНАЯ НОСТАЛЬГИЯ

Роман Виталия Шаванова «Курсанты» – весьма разноплановая книга и крайне ностальгическая.

Я тоже был курсантом, правда, специальность моя на военной кафедре была «вычислительная техника», а не танки, но тема, в целом, мне близка. И очень интересно было узнать о взаимоотношениях между курсантами в советском военном училище, о быте людей во времена другой, уже довольно забытой советской эпохи. Можно сказать, что это не просто роман, а атмосфера нашей страны в 60-70-х гг. прошлого столетия.

Возможно, диалоги, как логика сюжетных линий романа, выстроенны слишком правильно, но не возникает сомнений, что, в общем-то, именно так и мыслила советская молодёжь. Коммунистический строй предполагал общинный характер взаимоотношений, а в военном училище и в армии в целом – это основа. Мы видим, что роль коллектива в становлении личностей курсантов велика: в начале учебы весьма разношерстная масса молодых людей со своими характерами, способностями и т.д. к концу обучения предстает перед нами единым организмом, становится настоящим воинским братством. Фактически, эта книга – сценарий для сериалов, основанный на реальных отношениях в советских войсках, а не изощрённые придумки современных режиссёров.

Роман «Курсанты» – целый исторический пласт, в слоях которого мы можем увидеть интересные подробности того времени и то, как они пересекаются с современностью. Например, какие предметы изучали в военном училище: высшая математика, общая химия, история КПСС, оружие массового поражения, огневая и строевая подготовка, уставы Советской армии, физическая подготовка и другие. Или же другие стороны жизни: как дружили представители разных народов СССР, как ходили в увольнительные, принимали присягу, встречались с родителями, организовывали свои ВИА и КВН. В современных условиях особенно актуально следующее: при всём разнообразии причин, приведших абитуриентов к поступлению в училище (а их, этих причин, в первой части романа указано множество), ни один из них, даже не поступив, не пытался в последующем уклониться от службы в армии вообще и не держал в голове даже мысли об этом. Не обошлось в этом большом вкусном литературном труде и без «ложки дёгтя», которая переросла

во многие анекдоты – это кража завсклада, но и его последующее покаяние.

Политические события тоже отражены в романе: затронуты страны соцлагеря ЧССР и ГДР; рассказано, как праздновали День Победы в те годы.

Главный герой романа – Алексей Васильцов. На протяжении всей книги мы видим его становление: от мальчишки до храброго лейтенанта танковых войск. Эта история немного напомнила мне известный телесериал по сценарию Леонида Купридо «Солдаты», только здесь – с уклоном на подготовку офицеров.

И, конечно, какой роман без любовной истории? Она бурно развивается в третьей части книги. Можно только радоваться за такую любовь между Алексеем и Светланой, которая преодолевает всяческие препятствия!

Считаю эту книгу лучшим факультативным пособием для военных учреждений, и хорошим чтивом для всех, кто связан с армией.

Андрей Тернов,
член Союза писателей России,

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Книга, к чтению которой вы сейчас приступаете, охватывает четырехлетний период времени в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века, а если точнее – с 1967-го по 1971-й годы. Люди старшего поколения могут это легко подтвердить, восстановив в памяти события тех лет и сопоставив их с указанными в тексте.

Тем не менее, данная книга – это художественное произведение, хотя и имеющее под собой документальную основу. Все действующие в ней персонажи вымышленные, пусть даже они и наделены чертами реальных людей. Да и образ главного героя этого произведения не стоит полностью отождествлять с личностью его автора, хотя отдельные моменты из его биографии, безусловно, в книге присутствуют. Так же вымышлены и все упомянутые в ней географические названия.

Особо хотелось бы остановиться вот на чем. Все упомянутые в книге герои, как и их прототипы – реально существовавшие в жизни курсанты военного училища, будущие офицеры – это первое поколение детей фронтовиков, родившееся вскоре после окончания Великой Отечественной войны, и для нас память о подвигах их отцов и дедов, победивших в страшной войне, всегда была святой. В силу специфики военной профессии, а также изучая курс истории военного искусства (была и такая дисциплина), мы знали чуть больше обычных советских граждан, хотя, разумеется, тоже далеко не всю правду о войне. Тем не менее, никто не ставил под сомнение подвиги старших товарищей, смысл и значение Великой Победы!

Как видно из текста книги, все мы, поступившие в военное училище, были совершенно разными. Среди нас – и уже служившие в армии солдаты и сержанты, и вчерашние школяры, многие из которых имели весьма смутное представление о том, куда идут, и чем будут заниматься, и выпускники суворовских училищ. И все-таки, несмотря на такой весьма разношерстный состав курсантских подразделений в начале первого курса, уже к его окончанию ребята подравнивались в учебе, постепенно исправляя имевшиеся поначалу проблемы. Этому способствовали, в первую очередь, взаимопомощь и взаимовыручка, стремление всячески помочь друг другу. Мы стали поистине единой семьей, и я горжусь тем, что был ее составной частью, проведя в училище на Холдной горе лучшие годы своей жизни.

Мы были романтиками, верившими в светлое будущее как нас самих, так и в целом нашей страны. Разумеется, определенная доля скептицизма по отношению к существовавшей действительности в нас присутствовала. Так, мы, понятное дело, не верили в хрущевский тезис, что в 1980-м году в СССР будет построен коммунизм, но в целом всегда были патриотами страны. И уж почти никому из нас, даже тем, кто стремился поступить в военное училище не по зову сердца, а по каким-то другим соображениям, не приходило в голову увильнуть вообще от службы в Советской Армии, как сейчас говорят в молодежной среде, «откосить от армии». Идти отслужить три (или четыре в ВМФ) года считалось понятием само собой разумеющимся, не подлежащим обсуждению. Иначе девушки будут косо смотреть и за мужчину не считают.

Годы, проведенные в стенах училища, были для нас счастливыми годами. Именно в это время мы познакомились, влюбились, создавали семьи, причем, чаще всего - на долгие годы. Поскольку в те годы, даже несмотря на ожидавшиеся впереди трудности, выйти замуж за офицера, вообще – за военного, считалось верхом престижа.

В заключение хотелось бы от всей души поблагодарить моих товарищей по четвертому взводу восьмой роты нашего славного училища, в первую очередь, Бориса Сушко, Валерия Царапаева, Александра Литвинова и других за то, что сподвигли меня на написание этой книги. Я счастлив, ребята, что был рядом с вами все 4 года!

Виталий Шаванов

A decorative rectangular frame with a black border, containing the text 'Часть первая'. The frame is embellished with elegant, black calligraphic flourishes that extend from the corners and sides. The top-left and bottom-right corners feature large, swirling motifs, while the left and right sides have smaller, more delicate flourishes.

*Часть
первая*

1.

– Здравствуйте, хлопцы, – высокий русоволосый парень в темно-зеленом пиджаке нараспашку и такого же цвета брюках подошел к группе ребят, расположившихся вокруг широкой деревянной скамейки садово-паркового типа и неторопливо беседовавших между собой. Все, как по команде, повернулись к подошедшему, а один из них, среднего роста паренек в рабочей куртке и в кепке, оказавшийся к нему ближе других, дружелюбно, но в то же время с легкой иронией, в тон ему ответил:

– Здравствуй-здравствуй, хлопец.

– Мне сказали, что здесь находятся те, кто едет поступать в Холмоградское танковое училище.

– Правильно тебе сказали, мы все – в Холмоград, в танковое. А ты что, тоже туда?

– Да. Зачислен кандидатом для сдачи вступительных экзаменов. Из училища бумага пришла, я ее здесь, на сборном, в штаб сдал.

– Ну, тогда ты с нами. Давай знакомиться. Павел Зубов, можно просто Пашка, – и он протянул руку.

– Алексей Васильцов, можно просто Лешка, – подошедший парень ответил ему крепким рукопожатием и стал знакомиться с остальными ребятами. Всего их было девять человек, и, как оказалось, кроме Алексея только один из них, Андрей Хватов, скромный, интеллигентного вида паренек, проживал в самом областном центре, городе Тригорске, остальные же прибыли на сборный пункт Тригорского областного военкомата из разных районов области. И одеты все они были весьма разномастно: кто в костюмах, как Алексей, кто – в спортивной форме, а кто – и в рабочих, напоминающих телогрейки, куртках. Разнообразию одежды соответствовало и разнообразие чемоданов, сумок, рюкзаков, где было уложено все необходимое на первых порах будущим абитуриентам.

Пожав всем своим новым товарищам руки, Васильцов огляделся вокруг. Широкий просторный двор, огороженный высоким бетонным забором, вдоль и поперек пересекали асфальтированные дорожки, направление которых словно бы подчеркивала живая, местами продранная изгородь из зеленых аккуратно подстриженных кустов. Дополняли картину высаженные в строгом армейском порядке могучие куполообразные тополя и, словно на контрасте с ними, – нежные кудрявые рябины. Под деревьями стояли однообразные скамейки, и возле них кучковались такие же молодые ребята, собиравшиеся здесь в группы для того, чтобы впоследствии убыть в различные военные училища Советского Союза. А слева, там, где забор прерывался ажурными железными воротами и такой же ажурной калиткой, вплотную к нему примыкали длинное одноэтажное здание администрации и казарма сборного пункта, перед которой находилась широкая, также покрытая асфальтом площадка, называемая по-армейски плацем.

Всего несколькими минутами ранее Алексей подошел к этой калитке с вывеской «Контрольно-пропускной пункт», где, показав де-

журному полученный из училища вызов, прошел в кабинет начальника, которому и предъявил документ, сообщавший, что он, Васильцов Алексей Иванович, зачислен кандидатом для сдачи вступительных экзаменов в Холмоградское высшее танковое командное училище. Средних лет полноватый майор с общевойсковыми эмблемами в красных петлицах кителя, то и дело вытиравший носовым платком обильно выступавший пот, внимательно изучил вызов, сделал отметку в каком-то из многочисленных лежащих перед ним списков и спросил:

– Из какого военкомата?

– Центральный райвоенкомат города Тригорска, – отчеканил Алексей.

– А, от капитана Анохина. Ну, как он там с вами воюет?

– Как воюет – не знаю, но выглядит достаточно бодро. Я его видел три дня назад, когда приходил к нему с полученным на домашний адрес вызовом. Он мне и сказал, что в наше училище всех поступающих от области отправят централизованно одной командой 29 июля, то есть сегодня, и я должен прибыть к вам в этот день не позднее 10.00. Вот я и прибыл.

– Правильно сделал. У тебя ведь в вызове срок явки какой стоит? 30 июля, верно? Вот сегодня вечером все и поедете. А пока иди, ищи свою команду. Там, во дворе, с десяток групп таких, как ты, добровольцев. Вот найди своих – жди дальнейших распоряжений.

– А сколько ждать?

– Все скажу позже, а пока – вперед. Кстати, твои, холмоградские танкисты, по-моему, вон там, левее центральной аллеи под топодем сидят.

И вот теперь, находясь среди своих новых товарищей, Алексей испытывал новые, неведомые ранее чувства. Было одновременно и тревожно, и радостно. Тревожно оттого, что предстояло вступать в новую жизнь, переезжать на новое место жительства в незнакомый до сих пор город, влиться в новый коллектив, подспудно беспокоила мысль: а найдет ли он общий язык со своими новыми товарищами, сможет ли подружиться с ними? Наконец – полностью менялся и прежний образ жизни: он уходил в Армию, неизведанную им доселе структуру, а сможет ли он, привыкший к определенной независимости в поведении, подчиняться ее правилам, своим начальникам? Радостно же было оттого, что он закончил учебу в школе, стал самостоятельным человеком, и впереди вполне отчетливо вырисовывалось то, о чем он давно мечтал, мечтал все последние годы: учеба в военном училище, исполнение его твердого желания стать офицером, таким, каким был его отец.

Между тем время шло к полудню, и стало припекать. «Июль – макушка лета», – вспомнил Алексей народную мудрость, снял пиджак, аккуратно свернул его и положил на свой выдавший виды чемодан, после чего приблизился к центру группы и стал прислушиваться к разговорам ребят. Говорил, в основном, высокий, немного нескладный парень с лицом известного комика, при этом, хотя речь свою он держал вполне серьезно, окружавшие его зрители с трудом удерживались от смеха.

– Ну, вот так мы и давали шороху в селе, соседи уже и не знали, что с нами делать и как от нас избавиться, – подытожил рассказчик.

– Ты лучше скажи, зачем решил в военное училище идти, – спросил кто-то.

– А-а, это отдельная история. Я ведь уже говорил, что наше сельцо небольшое, дворов на шестьдесят, половина жителей – старики, молодежи совсем мало, а уж девок по пальцам можно пересчитать, да и малолетки в основном. А вот километрах в шести от нашей Дубровки – большое село Подлесное, центральная усадьба колхоза. Там и клуб, и школа средняя, и больница, цивилизация, в общем. Поэтому мы, четверо пацанов, все друзья, и мотались туда на мотоциклах по субботам в клуб на танцы, кадрили ихних девок.

– И что, ихним парням это нравилось?

– Нет, конечно. Но мы друг друга хорошо знали, поэтому спорные вопросы всегда решали миром. Да и особо не нагтели, старались соблюдать меру. А, между тем, жила в нашем селе молодуха одна, Танькой ее звали. Где-то года на два постарше меня, оторва – каких свет не видел. Ничего не боялась и никого. И выпить могла крепко, и матом послать как следует. А если уж сильно ее разозлишь – когти свои выпустит, и берегись, мало не покажется. Вот только не курила, что да, то да.

– Замужем?

– Кто? Танька? Да как-то непонятно. Жила по соседству с Мишкой Фокиным, а расписаны или нет – неизвестно. Скорее всего, что нет. Да и детей у них не было. Мишка какой-то затюканный был всегда, не от мира сего. А она – баба красивая, высокая, на голову выше Мишки, фигуристая, все при ней. Ну и понятно, кто у них в семействе вороводил.

– И как же эта Танька связана с твоим военным училищем?

– Ну, так слушайте. А то все перебиваете, не даете до сути дойти.

– А ты не отвлекайся на всякие частности и выкладывай эту свою суть, а то сейчас майор даст команду строиться, и ничего мы о своем боевом товарище не узнаем, – высказал общее мнение Пашка Зубов.

– Ладно, слушайте дальше. Вот как-то под осень собрались мы, как обычно вчетвером, в Подлесное. Ну, а Танька как-то это дело протронула, и к нам: «Мальчики, возьмите с собой в Подлесное, век на танцах не была, а то с Мишкой от скуки сдохнуть можно». Ну, пацаны переглядываются между собой, ясно ведь, что если ее брать – то только мне, поскольку у них мотоциклы слабые: то «Ява», то минские, а у меня отцовский «Иж». Машина! Правда, коляску я отсоединил, ни к чему мне она. Но и так равных ему по проходимости и по нагрузке не было, по крайней мере у нас в селе. Вот и выходило, что и Таньку в Подлесное может доставить только мой «Ижак». И кто меня за язык тянул, ляпнул ей, чтоб собиралась. Под вечер поехали. Друзки мои впереди, они налегке, а я – замыкающим, с таким-то грузом на заднем сидении. А она хоть бы штаны какие надела, а то – платье, а оно у нее сразу задралось от встречного ветра, так и едет, а я назад обернуться боюсь. Хорошо, что никого навстречу не попало, попутчики же мои,

как я говорил, уже далеко вперед уехали. А дорога между нашими селами полевая, по лесу идет, а в одном месте – по берегу речки, и участок этот прибрежный слегка заболочен. В обычное время там проехать, тем более моему «зверю» – пустяки, но я не учел, что незадолго до нашего заезда прошел нехилый дождь, и грунтovку нашу в том месте основательно развезло. Короче, сели мы. Пацаны мои далеко, а больше никого и нет, кроме Таньки, да меня, дурака. «Ну что, – говорю, – красавица, слезай, будем выбираться. Я – за руль и обороты дам, а ты сзади толкай. Только босоножки свои снимии, а то в этом болоте оставишь». Ну, вроде все понятно. Я в рукоятки вцепился и давай газовать, одновременно делаю рулем вправо-влево, чтобы опору найти, а она сзади упирается. Короче, вытолкали мы «Ижа», но перемазались... Я полные туфли грязи набрал да штаны вымазал, но это еще терпимо, а вот Танька все, что из-под заднего колеса вылетело, на свое платье приняла. Стоит и ревет: «Как я на танцы в таком виде пойду?» А я ей возьми и посоветуй: «Вот же речка рядом. Сходи и постирай платье, а я, так и быть, домой тебя верну, все равно вертаться надо, какие уж тут танцы». «А ты, – говорит, – подглядывать не будешь?» «Нет, – отвечаю, – делать мне больше нечего». А сам думаю: как бы не так.

– Что, интересно стало?

– А то! Когда еще такую красавицу удастся лицезреть. Я ведь пацан неизбалованный. Ну, слушайте дальше. Зашла она, значит, за кустик у самой воды, и я, конечно, туда же, только с другой стороны. Видно все, как на ладони. Вот сняла она платье и давай его полоскать. А я смотрю – ничего интересного, на ней ведь еще spodняя юбка, ну и бюстгальтер, конечно. Вот она вышла на берег, отжала с платья воду, накинула его на ветки и, по всей видимости, решила искупаться. А, надо сказать, хоть и сентябрь был, но еще тепло стояло, да и вода не холодная, так как речка не очень глубокая, и течение небыстрое. Вот тут-то я и ошалел: она с себя сняла все и в воду пошла, в чем мать родила. Плескалась она себе, плескалась, потом вылезла на берег и давай волосы от воды отжимать, они у нее длинные. Стоит во весь рост, голая, вода по ней стекает. Красавица! И тут я себя выдал: неловко на сухую ветку наступил, а она треснула, и Танька сразу все поняла. Подскакивает ко мне с криком: «Ах ты, охальник! Ах ты, бандит! Ты же обещал, что не будешь за мной следовать!» Сначала колотила меня своими кулачками по груди, а потом – обхватила обеими руками и все сильнее ко мне жметесь да губы мои для целования ищет. Чуть до греха дело не дошло. Но я вовремя опомнился: во-первых, у меня вся рубаха и штаны мокрые, она ведь ко мне не сухая жалась, а, во-вторых, сразу о последствиях подумал, с такой-то шалавой ухо надо строго держать. Как в воду глядел.

– И что, так ничего и не было?

– Не-а. Оттолкнул я ее от себя, говорю: «Хочешь домой? Одевайся, подвезу. А то пешком пойдешь по темному лесу». Ну, все. Натянула она свои одежды, только платье не стала надевать, и поехали мы. Дорогой молчали, обиделась она, видать. Приехали в Дубровку, я ее сса-

дил с мотоцикла, а сам к себе на сеновал и спать. А на следующий день заявляется Танька, по виду – сама невинность, и с ходу: «Меня Мишка выгнал, сказал, что мое блудство ему уже давно поперек горла, и чтоб я убиралась на все четыре стороны. А после того, что у нас вчера с тобой было, возьми меня, Витенька, к себе. Я буду примерной женой, все буду делать, что прикажешь, только возьми». У меня глаза на лоб: «А что у нас с тобой вчера было?» «А ты, – отвечает, – забыл, как меня обесчестил?» Тут меня как взорвало: «Ах, ты, шалава приبلудная, я тебя вчера никаким образом не тронул, это ты все время ко мне тискалась, совратить пыталась, да ничего у тебя не вышло. Убирайся сейчас же отсюда и забудь меня навсегда». Она так зло сощурилась: «Ладно, я уйду. Но запомни, Пахомов, я от тебя не отстану. Когда ребеночка рожу, всем разнесу, что это от тебя. Еще и алименты платить будешь». Короче, выгнал я ее. Она от Мишки, ясное дело, тоже ушла, сняла угол у старой бабки Титовны на окраине, далеко от нас. Ну, прошли осень, зима, а по весне как-то смотрю – идет Татьяна навстречу и как бы потолстела в определенном месте. От кого бы? Я глазами блым – блым, а она так улыбается ехидно и говорит мне: «Что, папаша, готовишься алименты платить?» И я понял, что она от меня так просто не отстанет, а напакостить может. У нее тетка в соседнем сельсовете работает, любую бумагу может сделать. И ничего другого не придумал, как сразу в военкомат, хочу, говорю военкому, добровольно в армию, когда отправка? А он мне отвечает, что по закону меня можно призвать не раньше октября месяца, поскольку мне еще нет 19 лет. Ну, я ему рассказал, какая мне катастрофа грозит, и почему я прошу отправить меня куда угодно, он вызвал какого-то майора и спрашивает, как тот выполняет наряд в военные училища. Майор руками разводит: где тут в сельском районе, медвежьем углу, найдешь столько желающих стать офицерами? А военком ему: «Вот сидит доброволец, он тракторист, оформляй его в танковое училище и сразу на комиссию. Может, даст бог, поступит, и нам с тобой галочка в план». Вот так я за свое доброе сердце пострадал и тут с вами оказался, – со вздохом подвел итог парень и замолчал.

И такое у него появилось на лице выражение, что удержаться от смеха было трудно.

– Да, влип ты, Витюха, по самые уши. Теперь у тебя другого пути нет, как только поступать, – отсмеявшись, сказал Андрей Задорин, крепкий широкоплечий парень в темной клетчатой рубашке, из расстегнутого ворота которой выглядывала темно-коричневая загорелая шея, – хотя, если у нее такая к тебе любовь, то она тебя и в армии найдет.

– Какая, к черту, любовь? – огрызнулся Виктор, – у нее таких любвей добрый десяток в нашем селе, да и в соседних тоже. Кто-то же ей ребенка сделал, уж не знаю, по какой любви. А вот в училище поступить я и не надеюсь. Куда тут поступать, когда я еще в школе с двойки на тройку перебивался, да и ту закончил год назад.

– А чего ж ты сейчас едешь?

– Да так просто. Не за свой же счет. Месяц – другой с вами перекантуюсь, вернусь – к каким-нибудь шабашникам пристроюсь. А там,

глядишь, и в армию заберут. Мне просто в Дубровке сейчас появляться нельзя, покуда эта стерва меня не забудет.

– Нет, а я сознательно еду поступать и именно в Холмоградское танковое, – вступил в разговор Павел Зубов, – я ведь в прошлом году, как школу закончил, так и подал в военкомат заявление: хочу, мол, стать офицером–танкистом. Меня дядька мой надоумил, мамкин брат. Он после обязательных трех лет в армии остался на сверхсрочную и сейчас служит в Белоруссии, танкист, старший механик-водитель. Он и сказал, когда был в отпуске, что на селе нормальному человеку делать нечего, крутить гайки в колхозе за копейки ума большого не надо, да и неблагодарный он, сельский труд.

– Это он правильно сказал, – поддержали Пашку сразу несколько парней, по виду – сельских.

– Ну вот, и я тоже так подумал, собрал документы, прошел комиссию и – в Холмоград. Да только через две недели назад вернулся.

– Это почему? – спросил Задорин.

– Ну, во-первых, если ты помнишь, в прошлом году в школах был двойной выпуск, аттестаты зрелости получали как те, кто закончил одиннадцатые классы, так и десятые. Вот и получилось, что выпускников вдвое больше обычного, соответственно, и желающих поступить если не в два раза, то все равно значительно больше, чем прежде. Во-вторых, училище в Холмограде, как и другие танковые, стало вышшим, а это значит, что туда кадетов без экзаменов направили около сотни человек.

– Это какие такие кадеты? – спросил Андрей Хватов.

– А это те пацаны, которые закончили суворовские училища. Слышал про такие? Вот. Кадетами же их называют потому, что форма у них очень похожа на форму учеников кадетских корпусов, что у нас до революции были. Правда, в военные училища они приезжают уже в военной форме и с погонами курсантов. В высшие училища их положено зачислять без экзаменов. Ну, и, в-третьих, есть еще много желающих поступить из числа солдат, которые уже прослужили в армии год, два, а то – и три. От них нужно только желание учиться, а если такое желание есть – на экзамене им всегда тройку поставят, а с тройкой их, в отличие от нас, вчерашних школяров, всегда примут, хоть у многих из них ни знаний, ни ума в голове. Соображаешь, что чем больше возьмут этих самых вторых и третьих, тем меньше окажется нас, гражданских? Вот и мне на первых двух экзаменах тройков наставили и сказали, мол, свободен парень, не мешай учиться тем, кому больше надо. Хотя я хотел учиться не меньше. Ладно, думаю, хрен вам, через год все равно приеду сюда и назло всем поступлю. Ну, вот, год покрутил гайки слесарем в колхозе, трактора ведь не дали, хотя права тракториста я получил, заслужить, говорят, его надо. Одновременно на математику с физикой подналег, чтоб из памяти не выветрились, а по весне оформил в военкомате по новой все, что надо, прошел комиссию, и вот здесь, с вами. Не поступлю в этот раз – осенью в армию, оттуда поступлю.

– Я тоже по желанию еду, – сказал Хватов, – меня все настойчиво уговаривали идти поступать в наш машиностроительный институт, но я как представил, что буду инженером на заводе за сто двадцать рэ в месяц вкалывать до шестидесяти годов, тем более, что примеров этого из жизни соседей видел достаточно, так и решил, что буду военным: и зарплата выше, и пенсия раньше.

Алексей помалкивал. Он-то знал, почему едет поступать в военное училище, но это было настолько лично, что он не решался говорить о своих намерениях вслух.

Возможно, они бы еще долго рассказывали друг другу о своей прошлой жизни, но тут рядом с ними остановился начальник сборного пункта, который, который переходил от группы к группе, отдавая какие-то распоряжения.

– Ну, что, гренадеры, не надоело еще загорать под деревом? – майор достал из объемистой папки лист бумаги.

– Надоело, товарищ майор, хоть бы какая ясность была, что нам дальше делать, – ответил за всех Пашка.

– Сейчас вам будет ясность. Ну-ка, построились быстро в одну шеренгу вот здесь, возле скамейки. Так. Сейчас я буду называть ваши фамилии, а тот, кого это касается, должен громко и четко ответить – «Я». Всем понятно?

– Так точно, – прозвучало несколько голосов.

– Список составлен по алфавиту фамилий, чтобы никому обидно не было, почему одного назвали раньше, а другого – позже. Итак, вызываю. Васильцов.

– Я, – ответил Алексей, немного удивленный своим появлением во главе списка.

– Воронов, – назвал майор новую фамилию.

– Я, – прозвучал рядом с Васильцовым голос худенького скромного паренька, доселе не вступавшего в разговоры своих товарищей.

– Задорин.

– Я.

– Зубов.

– Я.

– Иванов.

– Какой? – спросил плотный коренастый паренек в спортивной куртке.

– А что, вас, Ивановых, несколько? – майор снова заглянул в список. – Действительно, двое. Братья, что ли?

– Никак нет, товарищ майор, однофамильцы. У нас половина села Ивановых. Бывает, что полностью совпадают не только фамилия, но и имя, и отчество. Тогда только по уличным кликухам и различают.

– Понятно. Тогда – Иванов Владимир.

– Я.

– Иванов Дмитрий.

– Я.

– Муромцев.

– Я.

– Пахомов.

– Я, – гаркнул Виктор, вытянувшись во весь свой почти двухметровый рост.

– Тише, не в лесу, – поморщился майор. – Пряхин.

– Я.

– Хватов.

– Я.

– Так, из числа прибывших на месте все. Из тех, кто должен был прибыть, не хватает одного. Ну да ладно. Семеро, как говорится, одного не ждут, да и прибудет он или нет – неизвестно. Поэтому держать вас здесь до самой отправки нет смысла. Сейчас времени уже 12 часов 20 минут. Поезд ваш отправляется в 19.30. Поэтому можете провести время в городе, у кого есть куда пойти – по домам, но к 18.00 всем собраться здесь, вот на этом месте, где сейчас стоите. Тогда получите документы и все, что надо на дорогу. Есть такие, кто уже поступал в Холмоградское танковое училище?

– Я, – поднял руку Павел, – кандидат в курсанты Зубов.

– Вот ты и будешь старшим этой команды, на тебя буду оформлять документы. И ты мне всех соберешь здесь к назначенному времени. Ясно?

– Так точно, товарищ майор, – ответил немало польщенный оказанным доверием Пашка.

– Все, пока свободны, – сказал начальник сборного пункта и отошел к следующей группе парней, которые ехали поступать в авиационно-техническое училище. За ним направился Андрей Хватов.

– Ты что, домой не поедешь? – спросил его Алексей.

– Поеду, конечно. Я только на минутку, с другом распрощаюсь, они раньше нас отъезжают.

– Смотри, не изменяй мазутному духу, наш путь особый, – в виде напутствия сказал ему Пашка, и вся остальная группа направилась через КПП на улицу.

– Ну, что, ребята, кто куда? – спросил Павел, и без решения майора ставший как бы негласным лидером группы.

– Я – домой, мне еще кое-что подсобрать надо, – ответил Алексей.

– А я тетку проведаю, давно ее не видел, – сказал Димка Иванов, – Вован, ты со мной? Землячка тебе, как-никак.

– Да поеду я к твоей тетке, надо же где-то пять часов перекантоваться, – отозвался флегматичный увалень Вовка.

– А я постараюсь найти нормальную столовку, пообедать плотно, тем более, что время уже, да и желудок сигналист. Ну, а дальше – пивком запасусь, и в парк отдохнуть. Пока еще в строй не поставили, – в своей манере высказался Витька Пахомов. – Кто со мной?

– Я, я, я, – раздалось несколько голосов.

– Ну, тогда все, разбегаемся, – подвел итоги Павел, – только смотрите, не вляпайтесь в какую-нибудь историю. Нянек нет, сами за собой смотрите. Да, ребята, если кто не взял, разживитесь где-нибудь спортивными трико и тапочками, там с первых дней заставят на зарядку выходить и кроссы бегать. И еще. Особенно тех касается, кто

домой поедет. Захватите с собой провизии, и побольше. Нам ведь сегодня еще надо будет поужинать, завтра утром поесть, да и обедом будут ли кормить – большой вопрос. Когда там нас на довольствие поставят... Все, не опаздывайте. К шести вечера чтоб все были там, где майор сказал.

Ровно без пятнадцати минут шесть Алексей вышел из троллейбуса и, помахивая своим изрядно потяжелевшим по сравнению с утром чемоданом, направился к знакомому уже КПП сборного пункта. Дополнительно отпущенное время он использовал по максимуму. Во-первых, пересмотрел взятые с собой учебники и конспекты по математике и физике, предметам, входящим в программу вступительных экзаменов, дополнив их еще несколькими пособиями, а также уложил большую часть школьных сочинений, написанных им в течение выпускного года. На всякий случай, авось пригодятся. Во-вторых, существенно пополнил свой продуктовый запас: прибавил к уже имевшимся пару банок консервов, положил с десяток отваренных вкрутую куриных яиц и соль, насыпанную в опустошенный спичечный коробок, а также купленные матерью по его просьбе полкило вареной колбасы и хлеб. Ну, и, в-третьих, нашел в шкафу и сложил в чемодан пару футболок, спортивные штаны – трико и выдавшие виды полукеды, уже более трех месяцев валявшиеся в углу за ненадобностью, а сейчас оказавшиеся как нельзя кстати: прав Пашка, что предупредил насчет утренней зарядки; как он сам не подумал, знал ведь, что в армии каждое утро начинается с нее.

Наконец, когда все было уложено, Алексей плотно пообедал, и теперь и он, и мать с братом молча сидели на диване, думая каждый о чем-то своем. Говорить никому не хотелось, да и о чем говорить? Все было давным – давно и обсуждено, и оговорено не раз еще с прошлого года, когда Лешка твердо сказал матери, что после окончания школы будет поступать только в военное училище, причем непременно в высшее, добавив, что уже интересовался условиями приема и учебы там. Нельзя сказать, что это стало для нее неожиданностью. Зная своего старшего сына, она предполагала нечто подобное. Но не мешала, не пыталась как-то повлиять на его планы и уж, тем более, переубедить. Она помнила, как ей нравилось жить в военном городке, каким хорошим отцом был ее муж, и как ему старались подражать дети, особенно старший – Алешка.

– Ты во сколько пойдешь? – прервал молчание младший брат Сергей.

– Да где-то через полчаса, не позже, – сказал, посмотрев на часы, Алексей, – сборный пункт возле вокзала, а до вокзала, сам знаешь, троллейбусом минут сорок.

– Леша, а может мы с Серым тебя все-таки проводим, хотя бы до вокзала? – дрогнувшим голосом проговорила мать, – а то, как сирота, один пойдешь.

– Мама, мы ведь уже говорили на этот счет. Не надо. Я ведь не один. Нас там десять человек. И почти все ребята из районов. Их-то никто не провожает, и мне в этом случае будет неловко. Да и не на век расста-

емся. Я на каникулы буду приезжать, да и ты с Серым когда-нибудь меня проведешь.

– Ты еще поступи, а то ведь можешь и назад приехать, – вдруг выпалил Сережка. – Тоже мне, задавака.

– Типун тебе на язык, салага, – подобной дерзости от своего младшего брата, который во всем всегда его слушался и чуть ли не в рот ему смотрел, Алексей никак не ожидал. – Вот назло тебе не приеду!

– Мальчишки, мальчишки, не ссорьтесь, – мать взяла ситуацию под контроль, – Алеша поступит, а мы к нему на присягу приедем. Возражений у присутствующих нет?

– Конечно, нет, мамочка, – Алексей встал и обнял ее, – ты, как всегда, права. И вообще, ты самая лучшая мама на свете, потому что все понимаешь. Ну, ладно. Мне пора. До троллейбуса проводите, а дальше не надо, очень прошу. Как приедем на место – сразу постараюсь написать. А представится возможность – позвоню. Обещаю.

Васильцов уже подходил к калитке КПП, когда сзади кто-то его окликнул.

– Леша, подожди, – от находящейся поодаль трамвайной остановки к нему спешил Андрей Хватов. – Не опоздаем?

– Пятнадцать минут еще, – Алексей посмотрел на часы, – но поторопиться все же стоит.

Они быстро прошли на территорию сборного пункта и направились к знакомой скамейке, где уже собрались их товарищи абитуриенты.

– Смотри, этот Сказочник опять что-то заливает, – заметил Андрей.

– Какой Сказочник? – не понял Алексей.

– Да Витька Пахомов. Он тут нас с самого утра развлекал. Ты позже подошел и многого из того, что он рассказывал, не слышал. А было что послушать. Так говорил, что даже не поймешь: где правда, а где приврал. Молодец, парень! Хорошо, что он с нами, скучно, во всяком случае, не будет.

– Ну, раз самые дальние прибыли, значит все в полном сборе, – встретил их Пашка Зубов. – Все, иду докладывать майору.

Его не было минут двадцать. Солнце уже не пекло так, как днем, поднялся легкий ветерок, и то ли от его мягкого, но в то же время прохладно – освежающего дуновения, то ли по какой-то другой причине Алексей почувствовал, как у него по коже поползли мурашки. «Спокойно, не нервничать, ты не один здесь такой», – попытался он себя успокоить и увидел, как из дверей в сопровождении Павла вышел начальник сборного пункта и направился к ним.

– Так, товарищи будущие офицеры, все в сборе, никто не передумал за время перерыва поступать в училище? – майор снова достал список.

– Никак нет, товарищ майор, – недружным хором отозвались «товарищи будущие офицеры».

– Тогда проверим ваше наличие по списку, – майор снова провел переключку. – Так, все в строю. Молодцы. Один так и не прибыл, значит – передумал ехать, обойдемся без него. Теперь слушайте внимательно. Ваша команда в Холмоградское танковое училище отправля-

ется отсюда поездом номер 179 Москва – Черноморск. Поезд проходящий, прибывает в Тригорск в 19 часов 15 минут, отправляется, как я уже вам говорил, в 19 часов 30 минут, следовательно – стоянка – 15 минут. За это время вы все должны разместиться в вагоне. Вагон общий, поскольку военнослужащие срочной службы, а вы на время поступления приравниваетесь к ним, перевозятся в общих вагонах скорых и пассажирских поездов. Номер вагона сообщим вам дополнительно, когда оформим на вас билеты. Повторяю: вагон общий, а поезд идет на юг, да еще летом. Из чего следует: мест свободных будет очень мало, но разместиться вам, тем не менее, будет нужно обязательно. Все понятно, Зубов?

– Так точно, – вытянулся в струнку Пашка, – проконтролирую. Никто не отстанет.

– Далее, – продолжил майор, – вот ваши документы. Первый – предписание о направлении вас в училище для сдачи вступительных экзаменов на имя Зубова П.С. и с ним еще девять человек, фамилии на обороте, подпись, печать. Второй – продовольственный аттестат на десять человек, по нему вас поставят на довольствие и будут кормить. Это все я отдаю вашему старшему. Держи, Зубов, отдашь в приемную комиссию училища. И, наконец, третий документ – воинское требование на перевозку десяти человек. Его мы сейчас обменяем на железнодорожный билет. Групповой. Всем все понятно? Вопросы есть?

– А когда нас кормить будут? – спросил Витька Пахомов.

– По правилам – на следующий день после получения от вас продаттестата. Но, возможно, и в день прибытия покормят. Это уж на месте будет видно. Еще кому что не ясно? Ну, если вопросов больше нет, Зубов – за мной, остальным – на вокзал и ждать. Где, Зубов?

– На площади, перед главным входом слева. Чтоб не разбредались и все были друг возле друга, – Пашка все больше входил в роль командира.

– Все, друзья. Желаю успехов. Шагом марш, – скомандовал майор, и все дружной гурьбой направились к вокзалу, до которого было не более двухсот метров.

Долго ждать не пришлось. Не прошло и десяти – пятнадцати минут, как появился Зубов.

– Ну, ребята, пошли к поезду, – Павел помахал в воздухе железнодорожным билетом, – до прибытия – полчаса, нам нужно на вторую платформу, через тоннель. Вагон номер шесть. Я постараюсь сразу пробиться к проводнице, покажу билет, а вы не отставайте. Ни черта, уедем!

Посадка в вагон вылилась в сплошной кошмар, как, собственно, и всегда на советской железной дороге. Не успел поезд остановиться, а проводница, толстая крепкая тетка лет под пятьдесят, выйти на перрон, как на нее со всех сторон стала давить толпа страждущих уехать непременно в ее вагоне. Но тетка, очевидно, была опытная и битая жизнью, а потому не растерялась.

– Куда? – она загнула крепким матом. – А ну назад, билеты предъявляйте! Да не рвитесь так, пятнадцать минут стоим, все уедут, кому места хватит.

– Есть билеты, – Пашка уже был возле нее, – у нас по воинскому требованию, десять человек.

– Заходите, сынки, – посмотрев билет, сказала проводница, – остальным стоять, стоять, сказала, мать вашу так!

– Вперед, пацаны! – Зубов был уже в тамбуре и деловито пересчитывал свою команду. – Занимайте места, где увидите.

– Я – на третью полку, – Алексей прошмыгнул мимо него.

В вагоне и впрямь было не протолкнуться. На нижних полках сидели и по двое, и по трое, были заняты и почти все вторые, но третьи во многих местах были еще свободны. На одну из них и влез Лешка, предварительно закинув на соседнюю, боковую, свой чемодан. Полка была пыльная, скользкая, но на ней все же можно было вытянуться во весь рост, что для рослого Алексея было немаловажно, не боясь, что тебе помешает кто-то, проходящий мимо. Наконец поезд тронулся.

– Ну что, Леха, обосновался? – снизу на него смотрел улыбающийся Пашка. – Молоток, хорошо устроился. Все. Все наши здесь. Давай спускайся, в конце вагона Витюха с Ивановыми закут отвоевали, поужинаем, а то восемь часов ехать.

– Сейчас, это я мигом, только харч достану, – хотя есть Алексею не особо хотелось, но лучше уж перекусить сейчас, чтобы потом спокойно отдыхать до самого Холмограда.

Ужинали молча, перебиваясь редкими репликами. Давала о себе знать усталость после сегодняшнего бурного дня, да и была некая подавленность как результат смены одного образа жизни на другой, новый, неизвестный. Помалкивал даже весельчак Пахомов.

– Ну, что, поели? – Зубов взял слово. – Что из продуктов осталось, заберите с собой, каждый – свое, еще пригодятся. Мусор давайте соберем в одну газету, я выброшу. На сегодня, пожалуй, все. Идите по своим местам и – отбой. Прибываем в Холмоград в 4.30 утра, за полчаса до прибытия я вас всех разбужу.

– А сам где будешь? – спросил кто-то из ребят.

– Я с проводницей договорился, в ее служебном купе перекантуюсь. Она же меня и поднимет в половине четвертого, ну, а я – вас. Не бойтесь, не проспите, я обещаю.

2.

Забравшись на свою полку, Васильцов сунул под голову вывернутый наизнанку пиджак, получилось подобие подушки, и попытался улечься сначала на боку, но было жестковато, и он перевернулся на спину. Тоже не бог весть что, но все же лучше. Спать не хотелось. Глядя в потолок и придерживаясь, на всякий случай, одной рукой за крепежную скобу, Алексей подумал: «Ну, вот, отец, моя мечта начинает сбываться, я заменяю тебя в строю. Будет офицер Васильцов!»

Отец... От мыслей о нем защемило сердце. Лешка очень любил его, просто боготворил, и ему было страшно обидно за него, за то, как с ним обошлась жизнь.

Иван Васильцов, Лешкин отец, личностью был незаурядной. В семнадцать лет, спустя несколько месяцев после начала войны он добился от военкомата направления пусть не на фронт, куда он так рвался, но в военное пехотное училище, успевшее к тому времени перебазироваться на восток. Окончив ускоренный курс этого училища, он прибыл на Западный фронт в самый разгар боев подо Ржевом. В кровопролитных военных буднях он опроверг фронтовую истину, что взводный командир на передовой живет в среднем три дня, чудом уцелел, хотя и был ранен, но дальше медсанбата ехать отказался. Потом были еще бои, еще одно ранение, ордена Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, медали... Закончив войну под Кенигсбергом, капитан Васильцов отбыл в составе своей дивизии на Дальний Восток. Освобождая от японцев Курильские острова, он заслужил еще один орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», а после окончания боев три года прослужил на одном из островов, пока не получил приказ убыть по замене во внутренний военный округ Советского Союза. На новом месте, принимая во внимание хороший почерк и определенную культуру оформления документов, его, несмотря на девять классов образования, перевели на штабную работу с возможностью дальнейшего служебного роста. И на личном фронте у бравого капитана было все в порядке: здесь, в городе, где была расквартирована его воинская часть, он познакомился с юной студенткой педагогического института, роман развивался быстро, и через полгода знакомства Иван Федорович Васильцов в местном ЗАГСе зарегистрировал брак с Анной Николаевной, тоже ставшей Васильцовой, а через девять месяцев после этого торжественного события у молодой четы родился сын, которого назвали Алексеем.

Лешка Васильцов, едва начав соображать, уже играл боевыми наградами отца, знал, что папа их заслужил на войне, потому что он – герой. Да и запахи суконной офицерской шинели, начищенных черным кремом зеркально блестящих хромовых сапог навсегда остались в его памяти. Поэтому с самых ранних лет все, связанное с армией и военной службой, являлось для него святым понятием, а очень глубоко в душе занозой засела мечта непременно стать военным, офицером, как папа.

Между тем, жизнь вполне благополучно шла своим чередом. Командование части представило отца к очередному званию «майор». Мать закончила институт и начала работать в школе, а у Лешки появился младший брат – Сережа. Ничто не предвещало беды, которая вскоре разразилась. В день, когда все случилось, семья в полном составе находилась на перроне железнодорожного вокзала, ожидая поезда, чтобы навестить родных матери. Неожиданно к ним подошли милиционер и двое мужчин в штатском. Штатские предъявили отцу какие-то удостоверения, схватили его за руки и увели с собой. Ошеломленная мать не смогла произнести ни слова, так и стояла посреди перрона с прижавшимся к ней перепуганным Алешкой и тихо сопевшим в коляске Сережкой. Потом вздохнула и побрела с детьми домой. Какое-то время мать безуспешно пыталась выяснить судьбу отца, пока

он сам не объявился спустя три дня. Весь избитый, почерневший, он молча прошел в ванную комнату, где долго кашлял кровавыми сгустками. Потом, выйдя оттуда и немного оклемавшись, достал стоявшую в шкафу начатую бутылку водки, выпил все содержимое и, не закусывая, закурил. Тогда Алексей впервые увидел его пьяным. На все расспросы матери отец ответил коротко: «Это – все!» Что случилось у него на службе, он так и не сказал. Уже много позже повзрослевший и ставший кое-что понимать Алешка слышал из разговоров взрослых, что у отца из сейфа пропал какой-то очень важный документ, то ли он его потерял, то ли его кто-то выкрал. При этом многочисленная материна родня, все эти дяди и тети, отца и осуждали, и жалели одновременно, говоря, что ему еще повезло, что не посадили, времена, дескать, суровые, мог бы и срок схлопотать. Что думала по этому поводу родня отца, узнать было невозможно из-за отсутствия этой самой родни: он был сирота и на фронт ушел прямо из детдома. Как бы там ни было, через три месяца пришел приказ об увольнении отца с военной службы.

Они переехали на новое место жительства, в город Тригорск. Отец как будто успокоился, смирился с судьбой, устроился на работу инженером в строительный трест, но Алешка видел, как невыносимо тоскливо было ему, как не радовало его ничего: ни работа, ни, к сожалению, семья. Он снова начал пить, и, с каждым промежутком времени, все чаще и все больше. С должности инженера его перевели мастером, затем он стал работать кладовщиком, в конце концов скатился до простого рабочего строительной бригады. Мать, как могла, боролась за него, пыталась как-то повлиять на ситуацию, помочь ему, но что она могла сделать, когда он просто потерял интерес к жизни, не видел дальнейшего смысла, как сам говорил, коптить небо.

Наконец произошло то страшное, что неизбежно должно было произойти. Однажды вечером отец не вернулся с работы. После продолжавшихся всю ночь поисков мать нашла его в городском морге. Документов при нем не было, но она сразу его опознала. Как выяснилось, обнаружили его поздно вечером в парке сидящим на скамейке случайные прохожие, по его позе они заподозрили неладное и вызвали «скорую помощь», а прибывшие медики – милицию, поскольку он был уже мертв. Повреждений на теле не было, а вот запах алкоголя изо рта исходил стойкий. Медики долго не мудрствовали и вынесли вердикт: смерть наступила из-за остановки сердца, вызванной злоупотреблением алкоголем. Быстрые скромные похороны, словно матери, уважаемому в школе человеку, было стыдно за своего непутевого мужа, подвели черту под прежней жизнью семьи. Мать после похорон словно окаменела и с головой ушла в работу, а помогать ей в воспитании сыновей стала бабушка, ее мать, переехавшая к ним, как сама говорила, на время. Она о чем-то несколько раз говорила с матерью, но та в конце концов сказала как отрезала: «Замуж больше не пойду, сама подниму детей».

Алексею было уже 12, естественно, что внимания ему уделялось меньше, чем брату, младшему от него на пять лет. Учился Лешка хо-

рошо, хотя и без особого напряжения, в основном на «5» и «4», тройки в дневнике были редким явлением. Не слишком усердствуя при приготовлении домашних заданий, все свободное время он проводил на улице, играя с соседскими пацанами летом в футбол, зимой – в хоккей. При всем при том он всегда помогал матери в домашних делах, ибо осознал себя единственным мужчиной в семье, малолетний брат был не в счет. А поближе к окончанию школы увлекся легкой атлетикой, и если первые год – два ходил заниматься на городской стадион нерегулярно, то в последний школьный год стал к тренировкам относиться серьезнее, почти сразу выполнил норматив третьего разряда на стометровке и уже подбирался ко второму.

К тому же он никогда не забывал о своей мечте, о чем как-то рассказывал матери, и она не стала его отговаривать. Последний школьный год, наряду с учебой и занятиями спортом, был посвящен выбору места исполнения мечты. Здесь было несколько моментов, которые влияли на этот выбор. Во-первых, он сразу поставил крест на училищах, связанных с военно-морским флотом, т.к. на море никогда не был и совершенно не знал его. Во-вторых, воздушный десант его тоже как-то не привлекал. В-третьих, и это было главным критерием, он хотел поступать обязательно в высшее училище, которое давало бы ему высшее гражданское образование, в противовес средним, выпускники которых по окончании учебы получали квалификацию «техник». И еще, в-четвертых, он хотел, окончив учебу, быть непременно командиром, как в свое время отец, поэтому об инженерных и разных прочих тыловых специальностях он даже не думал. Дело, однако, было в том, что высшими командными были только авиационные училища, готовившие летчиков, общевойсковые и танковые. В результате после долгих раздумий и изучения списков училищ верх взяла романтика, и Алексей решил стать летчиком.

Дождавшись выпуска газеты, на огромной последней странице которой в прошлом году были опубликованы условия набора в военные училища с их списком, и быстро собрав указанные там документы, он пришел в военкомат своего Центрального района, где дежурный направил его во второе отделение к капитану Анохину.

– Ты откуда взялся? – среднего роста, стройный подтянутый офицер после обращения к нему вытаращил на нежданного посетителя глаза.

– Из школы номер двадцать пять, – ответил немного ошарашенный такой реакцией Алексей.

– А ты знаешь, что набор в военные училища уже закончен, и районная отборочная комиссия завершила работу? Почему раньше не приходил?

– Так откуда же я знал, что надо раньше? Я в прошлом году прочитал в газете объявление и думал, что и в этом тоже надо обращаться после выхода газеты, – Лешка почувствовал, что земля начинает уходить из-под его ног.

– Думал он, думал, – проворчал капитан, – ну ладно, давай документы, посмотрим, что ты за гусь.

Однако, посмотрев первые же два документа: табель с оценками за девятый класс и выписку из табеля за первые две четверти десятого, где были в основном пятерки и очень немного четверок, он удивленно присвистнул, а когда прочитал еще и школьные характеристики, то сразу проникся уважением к этому парню, выбиравшему не самый легкий путь в жизни.

– Что же ты с такими оценками в институт не хочешь идти?

– А у меня отец был офицер, хочу его дело продолжить.

– Почему «был», а сейчас где он?

– Умер уже давно, – нехотя выдавил из себя Алексей.

– Извини, не знал. А в какое училище ты собираешься поступать? Влетное? Хм, там серьезные требования к здоровью. Ну, хорошо. Хотя районная комиссия и закончила работу, я ее дополнительно соберу, и протокол они подпишут. А областная еще месяц будет работать. В общем, оформляем медицинскую карту, и дуй на областную медицинскую комиссию, она на сборном пункте находится, возле вокзала. Знаешь, где?

– Найду, – земля из-под Лешкиных ног уходить перестала.

На следующий день он был уже на осмотре у врачей областной медкомиссии. Ни у одного из специалистов претензий к нему не было, все писали в его карте «Годен к летному обучению». Он внутренне ликовал, идя к последнему врачу комиссии, терапевту, но тот неожиданно настроение ему испортил. Сначала сухонький седой старичок в больших роговых очках измерил у него давление, пульс, затем прослушал легкие и сердце раз, другой, третий и в итоге отослал в соседний процедурный кабинет снять электрокардиограмму сердца. Затем долго эту кардиограмму рассматривал, что-то шевеля губами, и, наконец, выдал ему направление на стационарное обследование в больницу по месту жительства. Через неделю Алексей принес этому же доктору результаты обследования, после изучения которых тот, ни слова не говоря, сделал в медкарте запись «Негоден к обучению в военном училище».

– Все понятно, молодой человек? – спросил он, отложив ручку в сторону.

– Ничего не понятно, – Лешка ощутил в груди неприятный холодок.

– Тогда слушайте. Я изначально заподозрил, что у Вас имеют место некоторые нарушения ритма сердца, то есть оно иногда как бы внепланово сокращается, такие сокращения называются экстрасистолы. Вот они на кардиограмме, видите? Обследование только подтвердило мои подозрения.

– Ничего не понимаю, – снова сказал, обращаясь к врачу, Алексей, – я ведь никогда не жаловался на сердце, спортом занимаюсь, у меня второй разряд по легкой атлетике. Я бегаю. И медики за мной, как и за всеми, кто у нас тренируется, наблюдают. А Вы говорите...

– Я не говорю, что Вы – больной человек. Очень хорошо, что Вы ведете активный образ жизни. Более того, Вы и в армии можете служить практически без ограничений, кроме, разумеется, десанта или

морской пехоты. Но вот в военном училище согласно приказу Министра обороны Вы обучаться не можете.

– А в сухопутном?

– Ни в каком. Получите свои документы и возвращайтесь в военкомат, который Вас сюда направил.

Это была катастрофа. Как Лешка вышел со сборного пункта и доплелся до дома, он не помнил. Зайдя в квартиру, он повалился на кровать и уткнулся лицом в подушку. На глаза навернулись слезы. Все, на что он так надеялся и о чем так мечтал, все это рухнуло. Как ему казалось – безвозвратно. На следующий день он не пошел в школу, и мать, немало встревоженная его состоянием, пошла в военкомат, где переговорила с тем самым капитаном Анохиным, а вернувшись домой, передала сыну, что тот ждет его завтра после уроков.

Разумеется, военкоматовский капитан был тоже огорчен таким оборотом событий: по сути дела, выбывал железный кандидат в курсанты, которому вполне по силам поступить, а с выполнением плана набора в военные училища и так было непросто. Но встретил он Алексея внешне спокойно:

– Ну что, первый блин комом? Говорил ведь тебе, что в летные училища очень серьезная комиссия.

– Говорили. А что толку теперь с этого, если мне нигде учиться нельзя?

– Толк есть всегда. Сдаваться и вешать нос – последнее дело. Что, если тебе попробовать поступить в сухопутное училище? Там медкомиссии не особо строгие, может и проскочишь. Я и сам в толк не возьму: как это ты – спортсмен, бегун, и вдруг с больным сердцем.

– Да здоровый я! Никогда не жаловался ни на что, а уж, тем более, на сердце. Сам врач сказал, что я здоров. Вот только в училище почему-то нельзя.

– Ладно, прорвемся. Так как насчет сухопутного училища? Давай оформим тебя в артиллерийское в соседней области. Там у меня много друзей, помогут. Без экзаменов протолкнут.

– Так оно же среднее, а я в высшее хочу.

– Ну, так давай тогда в общевоинское, они высшие. Или в танковое.

– В пехоту никакого желания нет. А вот в танковое можно. Только в командное. Они ведь высшие?

– Конечно. У меня вот наряд в Дальнегорское и Холмоградское высшие танковые командные училища. Какое выбираешь?

– Давайте в Холмоградское, оно к дому поближе.

– Ну, вот и хорошо. Пиши заявление на имя военкома, вот образец. Другие документы у тебя готовы. Остается только медицинская карта. Я ее переоформлю, подпишу у всех врачей, у которых к тебе претензий нет, и с терапевтом переговорю, а ты к нему подойдешь послезавтра, только сначала ко мне зайди за картой. И не расстраивайся раньше времени. А сейчас иди домой и делай уроки. Чтоб в училище сдать экзамены, нужны знания.

Через два дня Лешка опять стоял перед злосчастным терапевтом, который снова его прослушал и долго молчал, протирая стекла своих очков, затем пододвинул к себе медкарту и сделал заветную запись: «Годеи к обучению в военном училище».

– Что я Вам скажу, молодой человек, – прервал затянувшееся молчание врач, – учиться в военном училище Вы можете. Сейчас я еще раз послушал Ваше сердце, перебоев не зафиксировал. Возможно, они при следующем разе появятся, а может, и нет. У Вас еще юношеский организм, не устоявшийся. Возможно, это связано с излишним волнением. Может – с неровным дыханием. Мне Ваш капитан сказал, что Вы очень хотите стать офицером, и я не хотел бы быть Вашей единственной помехой. Во всяком случае, желаю Вам удачи.

Ошеломленный Лешка вышел со сборного пункта как в тумане, даже забыв поблагодарить доктора. Внутри у него все пело: «Свершилось! Свершилось! Свершилось!» Он зашел в военкомат, сдал медкарту капитану Анохину, который пожелал ему успешно сдать выпускные экзамены и сказал, что теперь все в порядке, документы он скоро отправит в училище, а ему нужно ждать оттуда вызова. Долгожданное письмо из Холмограда пришло через полтора месяца, когда Алексей уже заканчивал сдавать экзамены.

Так, ворочаясь с боку на бок и, перебирая в памяти события последних месяцев, он не заметил, как заснул.

3.

– Леха, Леха, подъем! Да просыпайся же, наконец, подъезжаем, – кто-то сильно тряса Алексея за плечо.

Тот с трудом приподнял голову, все еще туго соображая, где он находится и что с ним происходит, посмотрел вниз и увидел рядом с собой Пашкину голову.

– Ну что, очухался наконец? – произнесла голова. – Давай поднимайся, до Холмограда осталось всего ничего, а мне еще двоих разбудить надо.

Пашка исчез в полутьме вагона, а Алексей изо всех сил потянулся, потом спрыгнул вниз, надел туфли, после чего присел в проходе на чемодан. Голова прямо-таки раскалывалась, страшно хотелось спать. По счастью, проводница еще не закрыла туалеты, поэтому Лешка умылся и немного постоял в тамбуре. Стало полегче. Поезд уже гроыхал на подъездных стрелках, с обеих сторон проплывали городские многоэтажки. В вагоне началось шевеление готовящихся к выходу пассажиров. Алексей вернулся на свое место, забрал чемодан и снова вышел в тамбур, тем более, что поезд уже явственно замедлял ход.

После духоты вагона на перроне было довольно свежо, периодически подувал прохладный ветерок, поэтому Лешка сразу надел пиджак. Только-только начинало светать, а пока платформу и все пространство вокруг заливали ярким светом вокзальные светильники.

– Так, ребята, до училища ехать около часа, – начал объяснять Зубов. – Раньше девяти часов нам там делать нечего. Трамваи, которые туда следуют, начинают ходить в шесть. Сейчас – 4.40. Предлагаю найти в вокзале место, передремать часов до восьми, потом умыться, перекусить и – в училище. В конце концов, можно и опоздать на часок, нас все равно точно к девяти никто не ждет. Согласны?

– А что еще делать? – пожививаясь, ответил за всех Андрей Задорин, – Пошли в вокзал. Холодно.

Найти сидячее место в зале ожидания вокзала ночью – дело изначально непростое даже для одного человека, а уж для группы... В итоге, побродив по вокзалу, компания нашла свободный угол, где можно было сложить свои вещи, и устроилась прямо на полу. Ребята дружно решили: черт с ними, с удобствами, не стоит больше терять времени.

В половине девятого, умывшись в вокзальном туалете, приведя себя в порядок и позавтракав, группа абитуриентов под предводительством Павла Зубова уже следовала на трамвае к конечной цели своего пути. Алексей с любопытством рассматривал сквозь вагонное стекло незнакомый город. Все окружающее выглядело совсем не так, как у них в Тригорске: залитые солнцем широкие улицы, дома из белого камня, много зелени, особенно его поразили высокие пирамидальные тополя, которых ранее он никогда не видел. Наконец Пашка дал команду на выход из транспорта.

Осмотрелись. Первое, что бросилось в глаза, – ажурный металлический забор на противоположной стороне улицы, ухидивший вправо и влево от небольшого аккуратного домика, двери которого то и дело впускали или выпускали людей в военной форме. Периодически рядом с домиком открывались такие же ажурные, как и забор, ворота, из которых выезжали автомобили с людьми в погонах за рулем. И, наконец, главный признак того, что они приехали куда надо – на постаменте рядом с воротами возвышался красавец танк Т-34, легендарная машина, лучший танк прошедшей войны.

– Пошли на КПП, там и узнаем, что делать дальше, – сказал Зубов.

Возле входных дверей контрольно-пропускного пункта стоял солдат, на черных погонах которого красовались эмблемы в виде танков и по одной поперечной ефрейторской лычке. Он лениво помахивал красным флажком в правой руке и, завидев подходящую группу, сразу перегородил им вход:

– Кто такие? Куда?

– Группа кандидатов для поступления в училище из Тригорской области, – отчеканил Пашка, – вот документы. Нам нужно пройти и разместиться.

– А кто вам сказал, что вам нужно разместиться именно здесь?

– Как кто? Я в прошлом году здесь сдавал экзамены, – Зубов начал злиться, – давай пропускай, нам некогда с тобой лясы точить, надо готовиться.

– Ну, во-первых, в этом году все поступающие сдают экзамены в учебном центре, в лагере, а во-вторых, можете возвращаться по домам, все равно не поступите, – ефрейтор явно изображал из себя зна-

чительную личность, словно бы от него зависело поступление того или иного кандидата.

– Это почему мы не поступим? – раздалось сразу несколько удивленных голосов.

– Да потому что много вас тут приезжает, олухов гражданских, а принимать надо тех, кто уже службу прочувствовал. Вот такие и поступают. Да еще кадетов пригнали две сотни без экзаменов. А на вас места не осталось. Может, кто из сельских и поступит, а городским – нет, не светит. Вот сельский меня сейчас яблочком угостит или еще чем, – он неожиданно повернулся к Ванюшке Воронову.

Тот сразу полез расстегивать свой рюкзак, но на его руку тут же легла сверху еще одна рука, Пашкина: не надо. Все то время, что они стояли возле КПП, он смотрел на солдата, ехидно улыбался, но в разговор не вступал. Сейчас, видимо, решил вмешаться:

– Вот что, ефрейтор, кончай нам сказки рассказывать. Не тебе решать – поступим мы или нет. Тебя поставили здесь на ворота машины выпускать – вот и занимайся этим.

Как раз в этот момент из-за ворот просигналила машина, и служивый опрометью кинулся открывать створки, потом, когда военный газик выехал, закрыл их, кому-то позвонил и только после этого, вытирая пот со лба, подошел к ребятам.

– Ну что, видели мы, какой ты начальник. Давай, докладывай дежурному о нашем прибытии, – очень серьезно сказал Пашка, – а то мы сами доложим, да заодно и расскажем, как ты службу несешь.

– Не надо, пацаны, – ефрейтор начальства явно побаивался, – я же пошутил. А на экзамены вам в самом деле надо ехать в лагерь, под Улановку.

– А как туда добраться? Расскажи, раз ты такой умный, что нас сразу домой отправляешь, – Пашка решил его дожать окончательно.

– Можно и автобусом, и поездом. Это километров семьдесят отсюда. А как объяснить... Подождите минутку.

В этот момент из дверей КПП вышел рослый крепкий курсант, желто-черные погоны которого пересекали по три узенькие лычки. Ефрейтор бросился к нему:

– Послушайте, товарищ сержант, Вы не в лагерь?

– Туда, а что?

– Вы не покажете пацанам дорогу, а то они поступать приехали, а в этом году экзамены сдают там?

– А чего показывать, поехали вместе, и делу конец. Берите вещи, ребята, нам на автовокзал.

По пути сержант, парень общительный и добродушный, рассказал им много интересного. В частности, они узнали, что курсанты сейчас в каникулярных отпусках до конца августа, поэтому всю службу в нарядах несут солдаты батальона обеспечения, но только на время каникул. А он сам – не курсант из тех, что учатся четыре года, а слушатель ускоренных десятимесячных курсов, по окончании которых им всем присваивают звание «младший лейтенант», а не «лейтенант», как выпускникам училища, и направляют в войска на командирские

должности. Дипломов об образовании им не выдают, но они могут их получить в последующем, после сдачи экзаменов экстерном за среднее военное училище.

За разговорами незаметно пролетели два часа пути, когда сержант дал знак приготовиться к выходу. Автобус затормозил на остановке, все приехавшие вышли и замерли в растерянности. Справа и слева от дороги тянулся лес. Казалось, в этом диком месте не может находиться никто вообще, тем более – учебный центр танкового училища.

– Пошли, ребята, – сержант показал рукой на тропинку, виднеющуюся среди деревьев, – сейчас в лес зайдем и там разделимся: мне нужно идти левее в парк боевых машин, а вам – прямо по этой тропинке, никуда не сворачивая, в палаточный городок.

Поблагодарив своего провожатого, парни пошли в указанном направлении. Вскоре росший с обеих сторон лес стал редеть, и, пройдя еще немного, они оказались на открытой площадке перед большим деревянным строением. Присмотревшись, ребята увидели, что большая часть этого сооружения – без стен и представляет собой огромную веранду, заставленную многочисленными пустыми столами и деревянными скамейками с обеих сторон каждого из столов. Подошли ближе, и тут Пахомов, потянув носом, радостно воскликнул:

– Братцы, жратвой пахнет. Не иначе, столовка!

– Ну и нюх у тебя, Витюха, – удивился Пашка, – а ведь и вправду столовая, вон над дверью написано на щите. Но нас пока никто кормить не будет. Надо сначала продаттестаты сдать, чтоб на довольствие поставили. Будем искать, где тут документы принимают.

В столовой, куда они зашли на разведку, четверо парней чистили картошку, и, очевидно, эта работа доставляла им удовольствие, поскольку один анекдот сменял другой под общий хохот, а гора очищенного овоща непрерывно росла. На Пашкин вопрос, где можно сдать документы, один из работавших объяснил, что приемная комиссия находится в другом доме, рядом, и пожелал вновь прибывшим поскорее оформиться и заступить в наряд по кухне, им на смену.

Обойдя, как подсказали нарядчики, столовую, приехавшие вошли в открытые двери аккуратного кирпичного домика с вывеской над входной дверью «Приемная комиссия» и оказались в большой комнате, посередине которой стояли в ряд несколько столов с табличками «Регистратор» на каждом из них. За столами располагались такие же, как они, ребята, что-то сосредоточенно считавшие и писавшие. Справа от входа в углу за еще одним столом, надпись над которым гласила, что здесь работает ответственный секретарь приемной комиссии, с деловым видом восседал военный в звании сержанта. К нему и направился Зубов, на ходу доставая документы.

– Товарищ сержант, команда кандидатов для поступления в училище из Тригорской области прибыла для сдачи экзаменов, – четко, по-военному доложил он, разве что только не приложил руку к головному борю за неимением последнего.

– Так, все понятно, – посмотрев документы, изрек сержант. – Ветров, какая там у нас следующая группа формируется?

– Тридцать третья, – ответил худощавый парнишка с короткой стрижкой, к которому обратился сержант.

– Хорошо, включай туда всю эту десятку, а пять человек для закрытия списка потом доберем, – дал указание сержант и, выйдя из-за стола, обратился к вновь прибывшим:

– Значит так, товарищи кандидаты. Первое, к сведению, – прибывающие для поступления в училище гражданские лица на период сдачи экзаменов распределяются по учебным группам. Вы зачислены в группу номер тридцать три, командир, – он посмотрел в какой-то список, – сержант Чернов. К нему вашу команду проводят и покажут расположение группы.

– Второе, – продолжил сержант, – на довольствие вас поставят с завтрашнего дня согласно продовольственного аттестата. Сегодня ужином вас накормят, а вот с обедом будет у вас, – он развел руки в стороны, – пролет, поскольку до него осталось меньше часа, а о вашем прибытии никто нас заранее не уведомлял.

– Ничего, сами покормимся, у нас еще из дома продукты остались, – ответил за всех Пашка.

– Ну, вот и хорошо. На все остальные вопросы вам ответит ваш командир группы. А сейчас... Ветров! – снова обратился сержант к уже знакомому им парню. – Отведи их в расположение тридцать третьей группы.

– Есть, товарищ сержант! – парень вышел из-за стола. – Пошли, ребята.

От широкой заасфальтированной площадки перед столовой в разные стороны расходились несколько аллей, которые покрыты асфальтом не были, но, чистые и ровные, с аккуратно посыпанными свежим песочком обочинами, лишний раз подчеркивали, что являются одним из элементов четкой военной системы. По одной из таких аллей и направлялись приехавшие из Тригорска.

По пути провожатый рассказал, что зовут его Владимир, или попросту Вовка, в этом году он окончил школу и приехал сюда неделю назад, попал в группу номер пятнадцать. В составе этой группы он уже сдал устные экзамены: математику и физику, каждый – на четверку, теперь вот впереди письменные: математика и сочинение, их будут сдавать позже, вот в этой летней столовой. Почему она называется «летняя»? Есть еще и зимняя для находящихся здесь постоянно солдат батальона обеспечения и курсантов, что приезжают сюда осенью и зимой на занятия. Есть также и большая казарма, но сейчас она пуста, а все приехавшие кандидаты живут в палатках. Они, помимо подготовки к экзаменам, несут службу в нарядах по кухне и по своему расположению, а его за хороший почерк определили оформлять документы в приемную комиссию.

Кроме того, Владимир сообщил, что военнослужащие, которые поступают в училище в этом году, экзамены уже сдали и предварительно зачислены в число курсантов, сейчас кое-кто из них командует группами прибывших сдавать экзамены кандидатов из числа гражданских ребят, другие работают на кафедрах или на других объектах. Впро-

чем, находящиеся здесь сержанты и рядовые – это еще не все поступившие военные. Те, кто служат в войсках за границей, экзамены сдавали там, в училище прислали только списки сдавших, он эти списки видел, а сами поступившие приедут к началу занятий, то есть к 1 сентября, как и кадеты.

– Вот и считайте, сколько из нас могут принять, – резюмировал рассказчик, – если кадетов приедет человек сто, да вояк уже зачислено около восьмидесяти, а всего на курс надо набрать триста шестьдесят штыков: три роты по сто двадцать. Нас же уже тридцать три группы по тридцать человек, да еще подъезжают. Ладно, не вешайте нос раньше времени. Из наших первых групп часть несостоявшихся курсантов уже поехала домой. Все меньше конкурентов будет.

– А чего поехали? – дрогнувшим голосом спросил Ваня Воронов.

– Двоек нахватили на первых двух экзаменах, кто ж их будет дальше здесь держать. Надо же хоть что-то головой соображать, училище-то высшее, инженеров готовит.

– А что у нас за командир группы, знаешь его? – Пашка решил сменить тему разговора.

– Чернов – хороший парень. Особо не выпендривается, но дистанцию держит, на голову себе сесть не дает. Человек простой, с ним всегда по душам можно поговорить, не то, что с моим теперешним шефом, которого вы только что видели. Вот уж кому-то достанется командир.

– Чем же он так тебе насолил?

– Узнаете, если в его подчинении окажетесь, – уклонился от ответа Владимир. – Все, пришли. Вот это и есть палаточный городок, пошли искать вашу группу.

Лес, стеной стоявший по обеим сторонам аллеи, закончился, и они вышли на обширное открытое пространство, заполненное уходящими вправо и влево рядами палаток, при этом брезентовые стены многих из них были наполовину свернуты от краев к центру и закреплены за центровые опорные столбы, что позволяло видеть внутри каждой из них квадратную выемку в земле глубиной около метра, обшитую изнутри досками. Половину внутреннего объема палаток занимали деревянные нары с заправленными постелями, перед нарами на земляном полу лежали деревянные же решетки. Дополняли внутреннее убранство большие канцелярские столы, которые, впрочем, были не во всех палатках, и деревянные табуреты. Прибывших удивила пустота внутри.

– А пацаны сейчас экзамены сдают в классах, – упредил возможные вопросы Ветров. – Или готовятся группами в лесу. Здесь только дневальные остались, за порядком следят, чтоб никто чужой не лазил.

Они свернули влево и прошли мимо нескольких палаток с опущенными, закрепленными на земле пологам.

– Эти – пустые, – отметил провожатый, – для тех, кто еще приедет.

Наконец они подошли к первой в этой линии палатке с поднятым верхом, в которой сидели и лежали несколько таких же, как они ребята, что-то читавших или писавших, а за столом просматривал ка-

кую-то книжку крепкий чернявый парень, судя по погонам на его гимнастерке – сержант.

– Принимайте пополнение, товарищ сержант, – обратился к нему Ветров. – Прибыли сдавать экзамены и зачислены в Вашу группу.

– Ну что ж, спасибо, Володя, можешь быть свободен. А вы, ребята, – сержант окинул их взглядом, – занимайте вот эту соседнюю палатку, я сейчас к вам зайду.

В палатке, куда один за другим спустились прибывшие тригорцы, на десяти деревянных лежаках находились свернутые рулоном матрацы и подушки без наволочек, а также стояли выдавшие виды стол и табурет. Они не успели еще покидать на топчаны свои сумки с чемоданами, как брезентовый полог, прикрывавший вход, был резко откинут, и в палатку вошел их командир.

– Ну как, осмотрелись? – сержант присел на табурет, достал из полевой сумки какую-то тетрадь и раскрыл ее. – Теперь давайте знакомиться. Я – сержант Чернов Виктор Михайлович, командир группы номер тридцать три. Сейчас занесу ваши данные в общий список группы, после чего поговорим о наших делах.

Записав подробные сведения о своих вновь прибывших подчиненных, сержант убрал тетрадь в полевую сумку, еще раз оглядел их и широко улыбнулся:

– Что притихли? Устали с дороги? Ничего, сейчас сделаете первоочередную работу, потом отдохнете. Чтобы знали, кто у вас командир, скажу немного о себе. Я в армии почти два года, сначала год обучался в учебной части по специальности «командир танка», затем служил на этой должности в линейном танковом полку вплоть до сдачи экзаменов в училище. Теперь что вам нужно будет сделать прежде всего. Первое – сейчас сходите вместе со мной к кладовщику, получите у него постельные принадлежности, каждый на себя, потом возвратитесь сюда и заправите свои постели. Да-да, вот эти, на лежаках. Не смотрите, что матрацы и подушки бывшие в употреблении, спать на них вполне можно, да и у всего лагеря такие. Второе – после этого поднимете стенки палаток и закрепите их так, как ваши соседи. Если что непонятно – обратитесь ко мне, подскажу, как это сделать.

– А для чего их поднимать? – спросил кто-то из ребят.

– Для того, чтобы проветривать и просушивать постели. Но это, понятное дело, когда, как сейчас, тепло и сухо. А в дождливую погоду палатки, наоборот, опускают и закрепляют к земле. Еще вопросы?

– Где бы нам вещи сложить? – поинтересовался Задорин.

– Здесь и складывайте. Хотите – вон в свободном углу на решетку. Хотите – под лежаки. Пол здесь хоть и земляной, но не сырой. К тому же, можете в лесу лапника наломать да настелить под свои сумки. Вообще, вопросов у вас будет еще много, поэтому если что покажется непонятным – спрашивайте. И последнее на данный момент. Каждая учебная группа состоит из трех отделений по десять человек каждое. Вас ровно десятеро, разбивать вашу команду нет смысла, поэтому будете и дальше вместе готовиться и сдавать экзамены как полное отде-

ление моей группы. А командиром отделения будет, – сержант сделал паузу и посмотрел на ребят, – будет...

– Товарищ сержант, – набрался смелости Лешка, – у нас еще в Тригорске был назначен старшим вот он, Паша Зубов. Пусть он и остается нашим командиром.

– Остальные не возражают? – Чернов был явно доволен тем, что его избавили от сложного выбора из числа незнакомых парней. – Так, молчание – знак согласия. Кандидат Зубов! Назначаю Вас командиром этого отделения.

– Есть! – Пашка вытянулся в струнку.

– Ну вот и хорошо. Отныне, товарищ Зубов, Вы отвечаете за порядок в отделении, то есть в вашей палатке. Так же через Вас будут доводиться до остальных все мои распоряжения. Надеюсь, Ваши товарищи Вас подводить не будут. Да, обращаю внимание всех, что порядки у нас армейские даже для вас, людей пока что гражданских, но приехавших стать военными. Подъем утром общий для всех, потом зарядка, ну и так далее, распорядок дня на доске документации. Курящие среди вас есть?

– Конечно, как не быть, – ответили несколько голосов.

– Запрещать курить вам никто, ясное дело, не будет, но разрешено курение только в строго определенных, специально оборудованных местах, в курилках. Они устроены за передней линией палаток. Вон, видите, ближняя к вам, эта будет ваша. Больше чтобы нигде и никого из вас я или еще кто-то из начальства с сигаретой не видел, особенно в палатке. Все понятно? Также категорически запрещено употребление спиртного. Смотрите, не шутите с этими делами, иначе наказание будет очень серьезное, вплоть до отправки домой и, между прочим, за свой счет.

– А так не положено, – заявил Андрюха Задорин, – если я не поступлю, меня нужно отправить домой со всеми документами, в том числе и проезд оплатить, мне так в военкомате сказали.

– Это если ты не поступишь, – спокойно ответил ему сержант, – то есть не сдашь экзамены или еще что-то тебе помешает. А по недисциплинированности – сам будешь дорогу оплачивать. Ладно, надеюсь, вы мне никакого ЧП на шею не повесите. А сейчас хватит разговоров, шагом марш за мной на склад.

Получение постельного белья не заняло много времени, и уже через полчаса ребята с веселыми шутками и анекдотами возвращались обратно, нагруженные простынями, одеялами и прочими необходимыми для жизни вещами. Чернов смеялся вместе со всеми и вовсе не стремился держаться от гражданской молодежи на дистанции, однако на подходе к расположению он одернул гимнастерку, перехватил ее ремнем, одним движением рук разогнал за спину складки и дал команду остановиться.

– Значит так, товарищи кандидаты. Сейчас заправите свои постели, если кто не знает, как – зайдите в палатку первого отделения, где и я обитаю, и посмотрите заправку. Потом поднимете стены палатки, о чем я вам говорил раньше. После этого можете пообедать на месте,

так как в столовой, куда сейчас все направляются, – видите, вон по группам строятся, – в столовой сегодня для вас обеда нет, придется обходиться домашними припасами, есть хоть чем, не все, надеюсь, прихорошевали в дороге?

– Есть чем, товарищ сержант, до ужина дотянем, – ответил за всех Зубов.

– Молодцы, предусмотрительный народ, не то, что некоторые ранее прибывшие ваши товарищи. Ну, а насчет ужина я уточню и до вас доведу. Что еще вам нужно знать? Места общего пользования: умывальник находится за нашей линией, нужно пройти мимо трех палаток, затем повернуть на аллею влево, вон туда, – Чернов показал направление. – Туалет – направо, где заканчиваются ряды палаток. Продукты желательно ликвидировать все, чтоб антисанитарию не разводила. После обеда мусор убрать, куда выбросить – я покажу. Даю вам на все два часа, сейчас 14.00, в 16.00, Зубов, докладываешь мне о выполнении, и я скажу, что делать дальше. Ясно?

– Так точно.

– Если раньше справитесь, и будет у вас желание, то за это же время можете ознакомиться с Доской документации, она находится посередине лагеря между первым и вторым рядами палаток. Вон, видите – дневальный под грибком стоит? Доска – возле него. Там и распорядок дня, и расписание экзаменов, и еще много чего. Попозже на построении я вам дам все разъяснения, а пока просто ознакомьтесь. И еще одно. В строю я для вас командир, поэтому обращаться ко мне по служебным делам нужно только по званию: «Товарищ сержант!». Ну, а вне строя, в беседке там, в курилке, в палатке, по личным вопросам – можете обращаться просто: Виктор, Витя или Виктор Михайлович, кому как удобнее, вы еще не военнослужащие, поэтому некоторые вольности возможны. Но, повторяю, только вне строя. Всем понятно? Разойдитесь!

Не ожидавшие такой резкой команды ребята остались стоять на месте, кое-кто сделал пару шагов в сторону. Чернов хотел что-то сказать, но потом махнул рукой: научатся еще, кто поступит, и пошел в свою палатку.

Спустившись к себе, тригорцы первым делом выложили на стол все не съеденные до этого припасы, которые сразу поделили на всех Зубов с Задориным, и начали было обедать, но чего-то не хватало для полноты процесса.

– Не лезет на сухую, – скорчив гримасу, произнес Витька Пахомов, – водички бы хоть какой...

– А что? Питьевая вода в палатке должна быть, – решил Пашка. – Кто пойдет?

– Давай, я схожу, – поднялся Лешка, которому не терпелось подробнее осмотреть лагерь.

– И я, – решительно поднялся Андрей Задорин. – Леха сильно молодой, с ним или разговаривать никто не будет, или пошлют так далеко, что до вечера не дождемся.

– Ну и добро. Сходите на разведку. А вот во что воды набрать – посмотрите на месте. Сами видите, что здесь никакой посуды нет, – напутствовал Пашка.

Сначала разведчики заглянули в соседнюю, командирскую палатку, но там никого не было: все на обеде.

– Пошли у дневального спросим, – предложил Задорин, – все равно никого больше не видно.

Стоявший под небольшим навесом, напоминавшем своей формой гриб, парень, такой же по виду, как и они, но с красной повязкой на рукаве, объяснил им, что вообще-то несколько водопойлок в виде небольших фонтанчиков находятся впереди первой линии палаток, но им этого явно будет мало:

– Идите лучше, пацаны, в столовую. Там у дежурного одолжите на время ведро и наберете воды. А вообще скажите своему командиру, чтоб он получил на вас бачок, тогда в палатке все время будет вода. В нашей группе во всех отделениях такие бачки стоят.

Поблагодарив дневального за совет, ребята уже собирались идти, но Лешка неожиданно потянул Андрея за рукав к находящейся рядом Доске документации.

– Ты чего, – непонимающе спросил тот.

– А ты посмотри сюда, – Лешка указал ему на вывешенное на Доске расписание экзаменов. Минуту раньше он во время разговора непроизвольно глянул на него, и ему сразу бросились в глаза завтрашняя дата и номер их группы.

– Ни хрена себе, – Задорин несколько раз прочитал расписание, касающееся их. – Это что же выходит: нам запланированы вступительные экзамены по устной математике, а пацаны, как и мы с тобой, святым духом ничего не знаем. И когда готовиться?

– Ладно, давай все-таки воды принесем, да и поесть надо, – успокоил его Лешка. – А насчет экзаменов у сержанта спросим.

Они пошли в направлении столовой, и Андрей еще долго бурчал о том, что хорошо таким, как его напарник: знания после школы свежие, хоть сегодня сдавай, а что делать ему и таким, как он, кто уже деньги на жизнь зарабатывал, но поступить в училище и стать военным хочет не меньше.

В столовой Задорин быстро договорился с дежурным старшиной насчет чистого ведра, ему пришлось, правда, оставить в залог свой паспорт. Они набрали воды, и Алексей взялся нести полное ведро. Андрей шел рядом, несколько раз предлагал подменить его, но Лешка упорно отказывался: не такой он слабак, чтобы просить помощи.

– О, наши водоносы пришли, – радостно встретили их в палатке. – Ну, молодцы! А то пить охота – жуть.

Пришедшие аккуратно поставили на стол ведро, к которому сразу потянулись их товарищи с кружками, стаканами, словом – у кого что было.

– Значит так, пацаны, – деловито сказал Андрей. – Ведро перед ужином нужно будет отдать, я за него свой паспорт заложил, поэтому пользуйтесь, пока не опустошите. А ты, Пашка, когда пойдешь на

доклад к командиру, скажи, чтоб нам бачок выдал, вода должна быть в палатке всегда. Но это еще не все. Знаете, что уже завтра мы с вами будем экзамены сдавать? Математику устно. Собственными глазами мы с Лехой расписание видели.

Сообщение произвело если не эффект разорвавшейся бомбы, то что-то на него похожее. Несколько минут стояла мертвая тишина, которая затем прервалась множеством голосов:

– Как же так? Мы ведь только приехали, совсем не готовились. В институтах дают для подготовки самое малое два дня. Хотя бы вопросы пробежать глазами да хоть что-то вспомнить...

– Тихо! – Зубов, как командир, решительно прервал этот базар. – Все выясним. Вот пойду к сержанту, как он говорил в 16.00, и спрошу. И насчет воды тоже. А пока Васильцов с Задориным пусть обедают, вон ваши порции, ребята, остальным же – заканчивать обед, все подождайте, что останется – отходы – соберите в одном месте, потом выбросим, и все – наружу. Пойдем стены палатки поднимать.

Ровно в назначенное время Пашка зашел в палатку, где находился командир их группы:

– Товарищ сержант, отделение тригорских кандидатов Ваше приказание выполнило.

– Хорошо, – Чернов поднялся со своего топчана, обул сапоги, затянулся ремнем. – Сейчас проведем общее построение группы. Павлов!

– Я, – отозвался среднего роста коренастый парень в спортивном трико.

– Командуй своим бойцам построение и передай это мое распоряжение командиру второго отделения. А ты, Зубов, – весело обратился сержант к Пашке, – собирай своих до кучи, вы тоже займете свое место в строю, но после того, как я вам это место определю, каждому. Вопросы есть?

– Есть вопросы у ребят, товарищ сержант. Насчет экзаменов и еще...

– Вот построимся, и на все вопросы отвечу. А пока выполняйте то, что я сейчас приказал.

На площадке перед входом в командирскую палатку, куда Пашка привел своих тригорцев, уже шло построение группы под руководством сержанта Чернова:

– Так, объявляю построение всей группы в полном составе. Павлов, строй свое отделение в затылок друг другу, как я вас вчера поставил. Так, молодцы. Первое отделение – правофланговое. Далее. Гришко! – обратился он к командиру второго отделения. – Становись слева от Павлова, а за тобой – те четыре человека, что приехали вчера. По росту, от большего к меньшему. Для вашего отделения нужно еще пять человек. Таковые имеются, прибыли только что. Вы где, орлы?

Тут только Алексей увидел, что кроме них, сгрудившихся возле Зубова, и тех ребят, что стояли уже в строю, рядом были еще несколько пацанов, с любопытством смотревших на это действо. Чернов подвел «орлов» к строю и указал каждому его место. Затем повернулся к тригорцам:

– А вот и наше славное третье отделение, тригорское. Зубов, иди сюда, становись слева от Гришко как командир. Дальше будем строиться по росту. Кто у нас тут самый заметный? Вот, есть такой гренадер по фамилии, – он посмотрел в тетрадь, – Пахомов. Где он?

– Я, – оглушил стоящих рядом ребят Витька.

– Иди, становись сразу за командиром, – сержант оглядел его. – Ну и длинная же ты жердина. Как тебя только медкомиссия пропустила? В танкисты ведь должны брать с ростом не выше 175 см, а ты, я смотрю, под два метра вымахал.

– Метр, девяносто два, товарищ сержант. Для меня танк по спецзаказу сделают.

– Ну-ну, – кратко прокомментировал Витькину речь Чернов и поставил вслед за ним Лешку Васильцова, а затем в порядке уменьшения роста и всех остальных тригорских кандидатов в курсанты, после чего отошел в сторону, чтобы полюбоваться проделанной им работой.

– Нале-во! – скомандовал он, и ребята неловко повернулись, натываясь друг на друга. Теперь бойцы Пашкиного отделения стояли один возле другого в первой шеренге перед глазами командира.

– Я же говорю – орлы, только не из тех, что летают, не научились пока, – сержант прошелся вдоль строя. – Ладно, все обучаемо. Кто поступит, те станут отменными строевиками раньше, а кто не поступит – позже, когда в армию призовут. Все. Лирика окончена. Запомните свои места в строю: кто за кем стоит и кто возле кого. Этим строем мы будем ходить везде: на прием пищи, на занятия, на экзамены, а также на вечернюю прогулку.

– А что это такое? – спросил из строя кто-то из новеньких.

– Узнаете. Кстати, чтоб больше не спрашивали, ужином накормят всех, в том числе и тех, кто прибыл сегодня, я уточнял. И еще одно. Зубов! Выдели одного человека, сходит со мной за бачком для питьевой воды. Только в твоей палатке его нет. Я хотел этим бачком вас раньше обеспечить, да не вышло. Когда получите его – наполнить, и чтоб в отделении всегда была питьевая вода, как у всех. У кого вопросы?

– Насчет экзаменов что-то непонятно, товарищ сержант, – выразил общую мысль Андрей Задорин.

– А что здесь непонятного? Экзамены сдавать надо, за тем вы сюда и ехали. Или не за этим?

– Мы сюда ехали именно для того, чтобы сдать экзамены и поступить в училище, чтобы стать офицерами. Но надо же как-то и подготовиться к сдаче, а я вот случайно посмотрел расписание и узнал, что устную математику мы сдаем уже завтра. Когда ж готовиться?

– А вы должны были готовиться раньше, – Чернов заложил обе руки за ремень гимнастерки и прошелся вдоль строя. – Раньше, если у Вас такое конкретное желание. Раньше на неделю, на месяц, на год. Все вопросы разобрать, вспомнить школу, кто забыл. А здесь Вы сможете только восстановить в памяти свои знания, да и то навряд ли все. Это, если хотите, мое сугубо личное мнение. А планируются экзамены, чтобы Вы знали, и составляется расписание их сдачи в учебном

отделе училища; здесь, в лагере, есть его представитель майор Щеголев, он находится в том же корпусе, где вас всех регистрировали. Вот к нему можете и обратиться, кто желает. Так и так, скажите, я вот не готов сдавать завтра экзамен, назначьте мне другой день. Может и поможет. Вообще же, что касается математики, то у вас еще будет время что-то вспомнить сегодня до отбоя и завтра с утра. Еще вопросы. Нет? Тогда до построения на ужин можете разойтись по своим отделениям.

– Издевается, сволочь, – Задорин, уже зайдя в палатку, все никак не мог успокоиться. – За оставшееся время даже прочитать все вопросы не успеешь, не то, чтобы что-то запомнить.

– А что от него зависит? Не он же, в самом деле, расписание составлял, – заметил флегмат Вовка Иванов. – Давай хоть что-нибудь прочитаем, вдруг это на сдаче и попадет. А ты что молчишь, Сказочник?

– Что я тебе скажу, когда я свою оценку заранее знаю. Ладно, не дрейфь, пацаны! Подумаешь – пять минут позора, зато потом – вечное блаженство, – Пахомов сладко зевнул, потянулся и хлопнул себя по щеке. – Лишь бы комары спать не мешали, а то что-то их многовато стало.

Действительно, если сразу по прибытию в лагерь возбужденные новыми впечатлениями ребята как-то не обращали внимания на наскоки мелких кровососущих, то ближе к вечеру комары стали напоминать о себе все активнее. Стараясь не принимать их во внимание, тригорцы расположились на своих лежаках и уткнулись в книги, конспекты, таблицы. Лешка тоже открыл перечень экзаменационных билетов и решил в первую очередь проштудировать свои собственные ответы на вопросы школьного математического экзамена. Хотя он математику особо не жаловал, да и давалась она ему временами непросто, но природная усидчивость позволила ему сдать ее в школе на «отлично». Позанимавшись, однако, примерно час, он отложил тетрадь с учебником в сторону: прав Андрюха, за столько времени, что отпущено сегодня для подготовки, весь объем того, что предстоит сдавать, никак не охватить. К тому же давала о себе знать фактически бессонная ночь в поезде. В итоге, в голову ничего не лезло. Ладно, решил Алексей, будь что будет. Окинув взглядом лежавших рядом товарищей, он убедился в схожести их мыслей со своими: почти все они посапывали, закрыв глаза и подложив под голову свои носимые знания. И комары не мешали.

– Тридцать третья, строиться на ужин, – услышав чей-то голос, Лешка подхватился с постели и толкнул сладко спавшего рядом Андрея Хватова: хватит спать, на ужин зовут.

Возле командирской палатки прохаживался сержант Чернов, наблюдавший за тем, как строились его подчиненные. Делали они это быстро и без суеты, занимая в строю места, указанные командиром, который остался доволен их действиями:

– Молодцы, правильно все сделали. Так будем строиться и впредь, пока нас не переформируют. А сейчас следуем в столовую. Ужинать будут все, поэтому – новичков касается – как зайдете в столовую, ждите меня возле входа, я вам укажу ваши места. На прием пищи следуем

строем. В ногу вы ходить, конечно, не умеете, да я и не ставлю сейчас перед вами такой задачи. Это будет отработано позже с теми, кто станет курсантами. А пока вы должны выполнять повороты на месте, начало движения и остановку. Повороты на месте выполняются по команде «Напра-во» или «Нале-во»: по первой части команды вы должны сообразить, в какую сторону поворачиваться, по второй – на счет «раз» повернуться в указанную сторону, на счет «два» – приставить ногу. Понятно? Потренируемся.

Группа несколько раз выполнила повороты направо и налево, сначала получалось неважно, но затем четкость исполнения приемов улучшилась.

– Так, хорошо, – Чернов продолжил обучение. – Движение строевым шагом начинается с левой ноги, то есть первый шаг все должны сделать дружно левой ногой по команде «Шагом марш». Ясно? Чтобы остановиться, подается команда «Стой», после чего делается всего два шага: «раз – два». Понятно? Потренируемся.

– А ужин? – спросил кто-то из строя.

– Насчет ужина не переживайте. До него еще двадцать минут. Нам как раз хватит.

После ужина сержант объявил дальнейший порядок действий на сегодняшний вечер.

– Сейчас возвращаемся к своим палаткам, опускаем их, и начинается ваше личное время. Хотите – отдыхайте, хотите – готовьтесь, короче – делайте, что хотите. До 21.30, когда будет объявлено построение на вечернюю прогулку. Здесь спрашивали, что это такое. Отвечаю. Это когда подразделение, то есть наша группа, ходит строем и поет песню. Но поскольку песню мы с вами еще не разучили, да и устали многие с непривычки, прогулку сегодня проводить не будем, а сразу построимся на вечернюю поверку. Вопросы есть? Нет? Разойдись!

Ровно в назначенное командиром время группа построилась возле палатки первого отделения. Сержант провел переключку кандидатов в курсанты, затем подвел итоги дня:

– На сегодня, товарищи кандидаты, все. Сейчас готовьтесь ко сну. Можете перекурить, помыть ноги: в умывальнике есть ножные ванны, видели, наверно, и – отбой. Чтоб после 22.00 никто нигде не шатался. Утром подъем в 6.00 и физзарядка, поэтому с вечера приготовьте спортивную форму, утром искать не надо будет. Есть такие, у кого нет спортивной формы? Нет? Ну что ж, хорошо. Да, командир третьего отделения Зубов! Покажи мне, где ты будешь спать. Для чего? А я тебя утром персонально разбуду. Для командиров отделений подъем на десять минут раньше, чем для остальных, чтоб своих подчиненных контролировали. Разойдись!

Уставший донельзя Лешка еле дождался долгожданного отбоя. Впрочем, остальные тригорцы выглядели не лучше. Не прошло и пятнадцати минут, как в палатке стихло всякое шевеление. И нипочем ребятам были ни комариный писк, ни дружный храп, ни тревоги будущего.

Закончился первый день их пребывания в училище, такой долгий и такой трудный. Но такой многообещающий...

– Лагерь, подъем! – команда раздалась как будто совсем рядом с палаткой, так что проснулись все, даже те, кто еще пару минут назад задавал крепкого храпака.

– Подъем, пацаны, одевайте спортивку и выходите строиться на зарядку. – Пашка уже был в спортивных штанах и тапках, в руке держал майку в готовности ее надеть; сержант Чернов выполнил свое обещание и разбудил его раньше остальных. – Встаем, встаем, всех касается. Витюха, тебя тоже. А вы, Ивановы, чего ждете? Давайте, Вован, Митяй, вы последние остались, остальные уже в строю.

Лешка, который проснулся сам за несколько минут до общей команды, соскочил с постели, быстро натянул трико, сунул ноги в свои полукеды, схватил футболку и, чтобы не мешать остальным, выскокил наружу.

Лагерь оживал. То тут, то там из палаток выбегали такие же, как они, ребята. Командиры групп строили их и куда-то уводили.

– Командиры отделений, ставьте своих бойцов в строй! – Чернов тоже был одет по-спортивному. – Проверьте наличие. Павлов, твои все?

– Все в строю, – с места доложил командир первого отделения. То же ответили и Гришко с Зубовым.

– Молодцы, – похвалил сержант. – А это что за партизаны? Вчера мне все ответили, что имеют спортивную форму, а сейчас вижу, что не все. Ладно, что поделать, будете выполнять упражнения в том, в чем повседневно ходите. От зарядки отлынивать нельзя.

Действительно, несколько человек из тех, что прибыли последними, стояли в строю в обычных брюках и туфлях, а один – даже в рубашке с длинными рукавами. Алексей мысленно поблагодарил Пашку: какой молодец, что еще перед отъездом предупредил их насчет физзарядки, тригорцы в спортивной форме были все.

– Если не боитесь комаров, разрешаю майки и прочую одежду до пояса снять. Не хотите? Хорошо, тогда за мной шагом марш, – Чернов повел группу по аллее туда, где сквозь неширокую полосу леса просвечивало открытое пространство.

– Бегом марш! Не отставать! – сержант возглавил колонну, затем пропустил подчиненных мимо себя, отметил, что отставших нет, и снова возглавил группу.

Бежать пришлось недолго, минут через десять командир остановил ребят и повернул строй на девяносто градусов лицом к себе, после чего началось выполнение различных гимнастических приемов, всякого рода махов, наклонов туловища, приседаний. Чернов сначала показывал упражнение, потом все вместе с сержантом его выполняли.

Лешке эти упражнения были, в основном, знакомы: когда он занимался легкой атлетикой на стадионе в Тригорске, то часто выполнял подобные в качестве разминки перед основной тренировкой. Поэтому он с удовольствием энергично работал руками, ногами, всеми другими частями тела, словно разгонял по всему своему организму застоявшу-

юся за ночь кровь. Наконец сержант скомандовал закончить выполнение упражнений, и группа легкой трусцой вернулась к своим палаткам.

– Стой, раз – два, – Чернов остановил группу на обычном месте построения возле первого отделения. – Сейчас, товарищи кандидаты, всем заправить, как положено, свои постели и можно заняться утренним туалетом, то есть умыться, почиститься, побриться, словом – привести себя в порядок. Поскольку по прогнозу дождя сегодня не предполагается – поднять палатки. На все на это вам отводится 40 минут.

– Не успеем, товарищ сержант, – высказался кто-то из новичков второго отделения.

– Успеете. Умывальник большой, всем места хватит. А время, отводимое на данное мероприятие, установлено расписанием дня, нарушать который никто не имеет права. Привыкайте. Да, один момент. Кто желает бриться электробритвой – на центральных столбах каждой палатки имеются розетки, они все рабочие, можете пользоваться. Это для тех, кто нуждается в электричестве, а этих розеток почему-то не увидел и задает по данному поводу вопросы. И еще. Когда будете строиться на завтрак, захватите с собой тетради, книги, в общем – все, что нужно для сдачи экзамена. Сюда мы уже не вернемся, а сразу из столовой отправимся в учебный корпус номер три. Вопросы есть? Нет? Разойдись!

– Так, пацаны, давайте сначала быстренько палатку поднимем, а потом уже заправляйте постели и делайте все остальное, – распорядился командир отделения Зубов.

Сказано – выполнено. После того, как палаточный брезент был с четырех сторон свернут и закреплен прочной тесьмой, часть ребят побежала к умывальнику. Лешка же решил сначала побриться, а поскольку бритва у него была механическая, то искать электророзетку необходимости не было. Он выложил на одеяло туалетный набор, достал оттуда небольшое зеркальце, затем извлек из чемодана бритву, завел ее и стал неспешно водить ею по щекам и подбородку. Бриться он начал около года назад, в самом начале учебы в выпускном классе; в принципе – можно было бы с этим и не спешить, но как-то очень уж некрасиво выростали волосы на шее и особенно на подбородке: пучками, причем, местами, довольно длинными. Неприятно, особенно когда на тебя смотрят девочки. А на Алексея смотрели. И он решился. Где-то раздобыл безопасную бритву, вставил в нее лезвие и... К счастью, обошлось без порезов. А вскоре мать подарила ему на день рождения вот эту механическую бритву, которую надо было заводить хвостовичком, как будильник, а также туалетный набор, который лежал сейчас перед ним, где было все, что нужно: и мыльница, и зубная щетка, и зеркальце, и зубная паста. И вот сейчас он выполнял неприятную для многих процедуру охотно и с желанием: хорошо чувствовать себя взрослым.

– Леха, а ты чего умываться не идешь? – услышал он рядом с собой голос Пашки.

– Сейчас, только добрею, а то потом некогда будет.

– Смотри, не опоздай. А знаешь, если ты заканчиваешь, побежали вместе. Будешь у меня со спины кровососов отгонять, а то не дают, гады, удовольствие от умывания получать. А потом я тебя с тыла прикрою.

– Давай. Я уже готов.

Комары действительно мешали, нападая сзади на незащищенную спину и вынуждая постоянно отмахиваться от них, причем результат эти отмашки давали слабый: вместо отлетавших одних в освобожденную зону тут же пикировали другие. Лешка стал интенсивно обмахивать Пашку полотенцем, пока тот выполнял утренние процедуры, потом они поменялись местами.

– Ну не комары, а прямо вампиры какие-то, – высказался Павел, когда они возвращались в палатку. – И откуда их столько? Воду, что ли, чувят? Вчера вроде бы не было их в таком количестве. Ладно, пошли быстрее, там, кажись, уже строиться начинают.

Заскочив в палатку, Лешка ухватил тетрадь, по которой он готовился к школьному экзамену по математике, справочник для поступающих в ВУЗы, Пашка – тоже какие-то конспекты, и они побежали к месту построения своей группы.

– Товарищ сержант, разрешите спросить, – обратился к командиру Андрей Задорин, когда группа построилась.

– Спрашивайте, – разрешил тот.

– Вот мы сейчас все уходим, а как быть с наши вещами? Кто их сторожить будет? Я слышал, что здесь воруют иногда.

– Во-первых, случаи воровства здесь достаточно редкие, хотя отрицать не буду, имеют место. Что поделаешь, народ сюда разный приезжает, кто-то сознательно хочет поступить в училище, а кто-то – просто номер отбыть. Да и от воспитания многое зависит. А во-вторых, чтобы воровства не допустить, назначается внутренний наряд – дежурный и двое дневальных – в каждой группе, они и смотрят, чтоб никто из чужих по палаткам не лазил, а поскольку палатки подняты – хорошо видно все, что в них делается. Да и опускать палатки в случае дождя – это тоже задача наряда. Сегодня наряд от первого отделения, но, так как нарядчики тоже должны сдавать экзамен, я договорился с соседней группой, что их наряд присмотрит за нашими палатками, соседи сегодня ничего не сдают. Удовлетворены ответом?

– Так точно! – подчеркнуто официально ответил Задорин. Чувствовалось, что между ним и Черновым взаимоотношения становятся напряженными. Самолюбивый и знающий себе цену Андрюха с трудом переносил необходимость подчинения сержанту, и тот это наверняка чувствовал.

– Тогда напра-во! В столовую – шагом марш!

Завтракали молча, без обычных шуток и подколов друг друга. Каждый думал о чем-то своем, но Васильцов голову готов был дать на отсечение, что мысли у всех были такие же, как и у него: как сдать этот злосчастный экзамен, первый и такой неожиданный. Черту под трапезой подвел сидевший тут же, за столом первого отделения сержант Чернов:

– Все позавтракали? Группа, встать! Выходи на улицу. Можно минут десять перекурить в отведенном месте, после чего приготовиться к построению.

Курилка находилась метрах в двадцати от входа в столовую, и человек десять направились туда, остальные обступили сержанта.

– Остальные что, не курят? – удивился тот. – Правильно. Я сам этим делом не увлекаюсь и другим не советую. Полезнее для здоровья. Ну как, привыкаете понемногу к армейским порядкам?

– Слушай, Виктор, а откуда здесь столько комаров? – помахивая только что сорванной небольшой веточкой, спросил Димка Иванов. – Вчера как-то не обращал на них внимания, ночью после дороги спал как убитый, а с утра заколебали уже.

– Утром-то они не должны были сильно доставать, я ведь вас специально вывел на зарядку в поле, их там ветром сносит, потому и мало. А вот когда вы вернулись в расположение, в палаточный городок, то да, дают о себе знать. Здесь же лес, а в лесу ветру деревья не дают разгуляться, вот они и осмелели. В дуплах многих старых деревьев, где сыро – их гнезда. Да еще за лесом, вон в той стороне, – Чернов показал рукой предполагаемое направление, – громадное болото, идеальное место для их размножения. За болотом же, чтоб вы знали, полигон танковой дивизии, что в Соколовске стоит, где и я служил после учебки.

– Так тебе эти места знакомы? – удивился другой Иванов, Вовка.

– Конечно, только с другой стороны болота. Там такого густого леса нет, и комаров поменьше. Между прочим, те из вас, кто поступит, тоже там иногда будут заниматься. Здешний, училищный полигон по глубине небольшой, на нем танкистам можно стрелять только из пулемета, а штатным, то есть боевым снарядом из пушки – только там.

– А танки по препятствиям тоже там ездят? – задал вопрос Ванюша Воронов. – Я видел, в кино показывали, как они из воды выходят.

– Вождением танков занимаются на танкодромах, а они у всех отдельные: у дивизии свой, у училища – свой, там и все препятствия находятся, которые надо проходить. Кроме того, совершенно маршей в колонне учат на полевых дорогах вокруг всего учебного центра, в том числе и мимо нашего лагеря. Подальше в поле от того места, где вы сегодня делали зарядку. Увидите еще эти колонны, в дивизии боевая подготовка в разгаре. Кроме того, имеются еще участки, где учат вождению под водой, они называются вододромы.

– А что, и мы водить будем под водой? – вырвалось у Лешки.

– Конечно будете, иначе классность не получите. А офицер должен быть классным специалистом и по вождению, и по стрельбе. Ну, ладно. Время вышло. Пора на экзамен. Группа, строиться!

Учебный корпус номер три, к которому сержант привел свою группу, представлял собой длинный деревянный барак, правда, окультуренный: стены снаружи были окрашены сравнительно недавно в светло-голубой цвет, а отмостка фундамента очищена от травы. Перед зданием располагалась покрытая асфальтом площадка, на которую с разных сторон выходили еще два подобных строения, именовавшиеся как

учебные корпуса номер один и номер два. Чуть в стороне виднелась традиционная лагерная курилка.

– Группа, стой, раз-два! Напра-во! Так, уже лучше получается, – скомандовал Чернов, остановив подчиненных перед третьим корпусом. – Постоите пока. Я сейчас узнаю обстановку.

Оставив группу стоять перед входом, сержант легко взбежал по деревянной лестнице из пяти ступенек и скрылся за входной дверью. Через несколько минут он показался оттуда и довел выясненную им обстановку до ребят:

– Значит, так. Сдаете экзамен в аудитории номер пять. Это – первая дверь от входа направо, на ней табличка с указанием номера. Принимать будет преподаватель из училища Зубочан, у курсантов он ведет курс теоретической механики и начертательной геометрии. Жаль, конечно, что не Седов, преподаватель высшей математики, у того сдать было бы легче, но он будет экзаменовать другую группу в соседнем классе. Кроме этого, еще две группы в этом корпусе сдают физику, так что людей здесь будет много. Пока экзаменаторов нет, поэтому сейчас я вас распущу, но далеко не разбредайтесь и по первой моей команде займите места в пятой комнате. Все ясно? Разойдись!

Строй рассыпался. Часть ребят, в том числе Виктор Пахомов и Андрей Задорин, направилась к курилке, большинство же осталось стоять кучками по несколько человек возле учебного корпуса. Между тем на площадке действительно становилось многолюдно. Вот какой-то незнакомый сержант привел свою группу, потом прибыли еще две. Ребята с любопытством оглядывали пришедших, словно надеялись найти среди них каких-то знакомых, которых, конечно же, не было да и быть не могло: кандидаты в курсанты приезжали сюда почти со всех областей Советского Союза, во всяком случае – его европейской части. Рядом с Алексеем стояли и тоже всматривались в подходивших Павел Зубов, Андрей Хватов и их новый приятель из второго отделения Михаил Забалуев, стройный светловолосый паренек с Волги. За прошедшие неполные сутки было, разумеется, сложно перезнакомиться и подружиться со всеми новыми товарищами даже в пределах своей группы, но с некоторыми Лешка успел установить контакт. Мишка был из их числа. Причем, он, в отличие от тригорцев, добравшихся сюда общей группой с областного сборного пункта, приехал самостоятельно из своего районного военкомата.

– У меня в прошлом году экзамен Седов принимал, – размышлял Пашка, – и не знаешь: лучше или хуже, что сейчас не он. Все же он мужик справедливый, требует, чтобы его предмет не просто знали, а умели думать. Зубрил не любит.

– Поэтому он тебе и трояк поставил, – подколот его Лешка.

– Да нет, я наверно сам плохо подготовился. Он ведь меня не топил, а наоборот, наводящими вопросами давал шанс выплыть. Да и пацаны, которые уже учатся здесь, о нем неплохо отзываются. А вот о Зубочане ничего хорошего никто не мог сказать. Ладно, прорвемся. Главное – в нужный момент мозги напрячь и в ту сторону, куда надо, направить.

В это время вдаль на аллее показались двое незнакомцев, свернувших на площадку, по которой бродили готовившиеся к экзамену кандидаты. Один из двоих, пожилой уже мужчина, был в легком светлом сером пиджаке нараспашку поверх белой рубашки с расстегнутым воротником и в таких же, как пиджак, летних брюках. Гладкие зачесанные назад волосы отливали серебром. Алексею сразу бросилась в глаза приличных размеров орденская планка на пиджаке; видать, дядька побывал на фронте и воевал неплохо. Второй мужчина выглядел помоложе и словно представлял собой черно-белый фотоснимок: черные брови и смоляного цвета волосы резко контрастировали с белой рубашкой, из распахнутого ворота которой выглядывала темно-коричневая от загара шея.

– Смотрите, наши мучители появились, – Павел посерьезнел и как-то внутренне подобрался. – Вон тот, седой в сером костюме, и есть Седов Семен Михайлович, а второй, смуглый, – Зубочан.

– Однако геройский мужик этот Седов, – в раздумье проговорил Миша Забалуев, когда мужчины прошли мимо него. – Смотрите: «Красная звезда», «Отечественная война», 2 медали «За отвагу», «За боевые заслуги», кроме того – за Белград, Вену... На Третьем Украинском воевал наверно.

– А как ты научился награды различать? – Удивился Лешка.

– Интересовался, – уклонился от прямого ответа Мишка, – мне вообще история нравится.

Подошедшие к входу в учебный корпус преподаватели поздоровались со стоявшими там сержантами, о чем-то с ними переговорили, после чего последние дали команду своим подчиненным зайти в отведенные им аудитории. Чернов вошел в класс последним, подождал, пока все рассядутся за столы, хотел что-то сказать, но тут в раскрытой двери показался экзаменатор.

– Группа, встать! Смирно! – сержант повернулся к Зубочану. – Товарищ преподаватель! Группа номер тридцать три кандидатов в курсанты танкового училища прибыла для сдачи экзамена по математике. Докладывает командир группы сержант Чернов.

– Вольно, садитесь, – Зубочан подошел к столу и вытащил из портфеля пачку бумаг. Движения у него были какие-то замедленные, словно прошедшей ночью он не выспался, и самым главным его желанием было: уединиться где-нибудь на несколько часов, чтобы никакие посторонние причины не нарушили его покоя. – Готовы к сдаче?

Ответом было общее молчание.

– Хорошо. Тогда приступим к делу. Порядок сдачи – обычный. Сейчас в классе останутся шесть человек, остальные пусть выйдут и находятся поблизости. Те, кто останутся в классе, по одному подходят ко мне, получают билеты, готовятся и, по мере готовности, отвечают на перечисленные в билетах вопросы. Когда сдавший экзамен выходит из класса после сдачи, – экзаменатор зевнул, – вместо него заходит и получает билет следующий желающий. Отвечает каждый самостоятельно и без посторонней помощи. Если кто-то решит откуда-то списать – будет удален с экзамена с выставлением оценки «два». Все всем

понятно? Тогда, сержант, определяйте первую шестерку сдающих, остальные – на выход.

– Есть! – Чернов вышел на середину класса, привычным движением рук одернул гимнастерку, загнав все складки на ней за спину. – Добровольцы имеются? Поднять руки, кто хочет сдавать в числе первых шести?

Поднялось две или три руки. Лешка подумал – подумал и тоже поднял: в конце концов, чего тянуть, учить что-то – все равно ничего в голову не лезет, только без толку мозги себе перегружать. Он вообще не любил долгое ожидание и в свое время в школе тоже стремился, как сам часто повторял вычитанное где-то выражение, побыстрее отстреляться. Чернов назвал еще две фамилии, после чего дал команду всем остальным покинуть класс.

Васильцов огляделся вокруг себя. Из всех знакомых ребят здесь был только Мишка Забалуев, из тригорских кандидатов в первую партию идти не пожелал никто. Зубочан тем временем разложил на столе экзаменационные билеты, перевернув их так, чтобы сдающие не видели указанные в них вопросы раньше времени.

– Внимание всем, – экзаменатор достал из портфеля список группы, – начиная с левого ряда, подходим ко мне по одному и получаем билеты.

Процесс сдачи начался. Лешка, сидевший первым в среднем ряду, вышел к столу Зубочана третьим по счету.

– Фамилия? – спросил тот, когда Алексей выбрал билет и громко назвал его номер.

– Кандидат Васильцов.

– Хорошо. Идите, готовьтесь.

Лешка сел на свое место и еще раз перечитал вопросы. Первый и второй, из алгебры, он знал хорошо, можно было сразу набрасывать на бумагу ответы на них. Проблема была с четвертым: объемная стереометрия, откуда был этот вопрос, сама по себе давалась ему в школе тяжело, гораздо тяжелее, чем плоскостная планиметрия, представленная в билете номером три, поэтому знал он первую намного хуже, чем вторую. Подумав, он решил побыстрее отработать первые три, а последним вопросом и заняться в последнюю очередь, чтобы все свои мысли сконцентрировать на нем и постараться четко и понятно на него ответить. Поэтому, отключившись от всего происходящего вокруг него, Алексей начал старательно исписывать лежащий перед ним чистый лист бумаги со штампом училища в уголке. Он так увлекся, что не сразу услышал произнесенную кем-то свою фамилию.

– Товарищ Васильцов! – снова услышал он почти у себя над ухом.

– А? – Лешка поднял голову, не понимая: кто отвлек его от такого важного дела, как подготовка ответов на экзаменационные вопросы.

– Вы получили свой билет третьим, а отвечать будете шестым, – возле него стоял Зубочан. – Заканчивайте писанину и выходите показывать свои знания.

– Сейчас, мне еще немного осталось, один вопрос закончить.

– Все. Ваше время вышло. Вы же не хотите, наверно, чтобы я Вам поставил двойку за отказ отвечать?

– За что двойку-то? Я три вопроса полностью расписал, на один только немного времени не хватило.

– Вы отвечать будете? – Зубочан сладко зевнул. – Или как?

– Буду. – Лешке двойку получать не хотелось никоим образом. Он окинул взглядом помещение: действительно, никого из тех, кто составлял вместе с ним первую шестерку, в классе не было, на их местах сидели совсем другие ребята из группы номер тридцать три, в том числе что-то сосредоточенно писали Павел Зубов и Андрей Задорин, да еще корчил рожицы Витюха Пахомов. Васильцов вздохнул и вышел из-за своего стола.

Во время Лешкиных ответов Зубочан не проронил ни слова. Он сидел, развалившись на стуле и опершись локтем правой руки на стол. Кисть же этой руки поддерживала голову, которая, складывалось впечатление, не имея подобной опоры, бессильно упала бы на тот же стол. Глаза экзаменатора были закрыты, казалось, что он хочет спать себе спокойно, а тут какой-то пацан привязался к нему с какой-то математикой. Наконец, когда Алексей закончил отвечать, он открыл глаза, снова зевнул и спросил:

– Это что, все?

– А что еще? Я рассказал все, что требуется по билету. – Лешка начинал злиться: мало того, что эта сонная тварь не дала ему толком подготовиться, так еще и слушала его, судя по всему, в пол-уха, а сейчас требует еще чего-то.

– Вы не полностью раскрыли первый и второй вопросы и совсем не раскрыли четвертый.

– А третий? – Васильцов, хоть и говорил по-прежнему четким, размеренным голосом, разозлился по-настоящему.

– Третий – тоже.

– Что – тоже?

– Также не раскрыли. Итого оценка – три с минусом.

– А это – что? – Лешка, покрасневший от злости, бросил на стол перед Зубочаном три мелко исписанных стандартных листа бумаги. – Здесь все, чему меня учили в школе, в одной из лучших школ города Тригорска, между прочим. И на три вопроса я ответил полно, полнее не бывает, можете сверить по учебнику. А на четвертый Вы мне сами не дали подготовиться как надо. И если Вы мне действительно поставите тройку, то я эти листы отнесу в учебный отдел председателю комиссии.

У Алексея еще с детства была обостренная реакция на несправедливость; сейчас эта несправедливость имела место быть, и его понесло. Он уже не думал о результате экзамена, обида заслонила все. Он собрал разбросанные по столу листы со своими ответами и теперь стоял перед экзаменатором, который, выйдя из своего полусонного состояния, изумленно хлопал глазами: откуда взялся этот парень, явно способный постоять за себя.

– Ладно, материал ты знаешь, вижу, – Зубочан явно шел на попятную. – Четыре тебе. С минусом. Все, свободен.

Лешка повернулся и пошел к выходу. На душе было паскудно. Получалось, что он сам выпросил себе оценку, а не получил ее заслужен-

но и объективно. Его сразу обступили ребята, что-то спрашивали, но он только качал головой, постепенно приходя в себя.

– Ну, сколько? – Забалуев подошел сзади и обнял его. – Мне, гад, тройку поставил, хотя материал я знал и все ему ответил.

– Четверка с минусом, – Алексей все никак не мог успокоиться. – Представляешь – не дал до конца подготовиться и вытащил отвечать. Вообще, мне показалось, что он мои ответы толком и не слушал, а дремал самым бессовестным образом. А когда я закончил, заявил, что ничего ему не раскрыл.

– Вот – вот, и у меня такое же сложилось впечатление. Чего он ночью не спал? Бухал, что ли, а сейчас с похмелью в нас вцепился?

– Да нет, перегаром от него не тянет. Ладно, черт с ним. Математика позади, теперь физика на очереди. – Лешка подумал, что если и с физикой будет такая же нервотрепка, то и чокнуться можно.

Между тем, сдача продолжалась. Из класса выходили сдавшие абитуриенты, заходили новые, которым еще предстояло сдавать. Вот на ступеньках показался с широкой улыбкой на довольном лице Витька Пахомов.

– Никак сдал? – Лешка не мог в это поверить.

– Конечно. А как иначе? Заслуженные два балла мои, – Витюха, похоже, ничуть не переживал за свой результат. – Я же говорил, что математику я и в школе толком не знал, а когда не знаешь, да еще и забываешь – совсем весело. Вытащил я билет и смотрю на него, как баран на новые ворота. Этот цыган меня о чем-то спрашивает, а я лошадиным манером головой киваю сверху вниз: понятно, мол. Ну, отправил он меня готовиться. Сажу за столом, смотрю на билет и думаю: ну чего им всем от меня надо? Сидел – сидел, надоело. Подошел к этому дядьке и говорю: дескать, ничего не знаю, ставьте «два», и я пошел, а то курить охота. Он сначала опешил, сидит, глазами хлопает, а потом у него наконец голос прорезался, и заявляет он, что за смелость и за наглость поставил бы мне тройку, но в училище все-таки надо будет учиться, а у меня в голове полная пустота, поэтому – получай, что заслужил.

– Ты смотри, что творит этот Зубочан, – только и смог выговорить Мишка, от волнения окая по-волжски чуть больше, чем обычно, – у него, похоже, кроме троек и двоек, не существует других оценок.

– Есть еще четверки иногда, – неслышно подошел Пашка Зубов. – Мне вот поставил, да еще человека три, пока я в классе находился, их получили. А так – да, в основном «три» и «два». А ты, Леха, молодец, так его вздрючил, что он, похоже, от испуга стал повыше трояков оценки ставить. Видели бы вы, пацаны, нашего Алексея – божьего человека – во время ответа. Стоит, понимаешь, весь красный, кулаки сжал. Ну, думаю, не миновать мордобоя в святой учебной аудитории.

– Ну да, стоило об него руки марать, – проговорил Лешка. – И потом, он хоть и дрянь, а все-таки наш учитель. Учителей же я всегда уважал. Ох, чувствую, и отыграется он на мне на своих предметах... Если поступлю, конечно.

Наконец из учебного корпуса вышел последний сдававший, обреченно махнул рукой и направился к курилке. Спустя некоторое время на ступеньках показался их экзаменатор. Он подошел к сержанту Чернову, отдал ему какой-то лист бумаги, что-то сказал и быстро-быстро удалился прочь.

– Тридцать третья группа, строиться, – раздалась команда сержанта, и все быстро заняли свои места в строю, понимая, что сейчас тот объявит оценки. – Напра-во!

– Так, товарищи бойцы, объявляю окончательные результаты сдачи устного экзамена по математике, – Чернов называл фамилии ребят по списку и сообщал каждому его оценку. В итоге вышло, что пятерку получил один человек, скромный паренек из Брянской области Миша Белкин, шестеро зачислили себе в актив по четыре балла, в их числе был и Алексей Васильцов с четверкой без минуса. Еще часть ребят получила тройки, а вот одиннадцать человек экзамен не сдали, в том числе и тригорцы: Виктор Пахомов, Сергей Пряхин, Иван Воронов, Дмитрий Иванов. Особенно жаль было Воронова: тихий и скромный Ванюша так растерялся при виде Зубочана, что не ответил ничего, хотя мог бы: все же только что окончил школу, знания в голове еще были свежие.

– Ну что, ребята, – подвел итог всему сказанному сержант Чернов, – результаты не блестящие. Но у вас остается возможность поправить положение. Впереди еще три экзамена, ближайший – физика, сдается устно. Так что можете начинать готовиться уже с этой минуты, у кого, конечно, голова еще способна соображать. А мой совет: сегодня дать мозгам отдых, подготовиться к физике еще успеете. Сейчас все свободны. Через, – он посмотрел на часы, – один час построение на обед у палатки первого отделения. Вопросы есть? Нет? Разойдись!

Сдача второго экзамена согласно расписанию должна была состояться через два дня уже после полноценной подготовки, а не так экспромтом, как сдавалась математика, поэтому к физике группа готовилась основательно, в твердой уверенности, что конфуз сдачи первого предмета не повторится. Также за это время ребята помимо собственно подготовки к экзамену разучили строевую песню, и теперь группа ходила на вечерней прогулке хоть и не совсем в ногу, но песню парни горланили так, что другие группы старались «гулять» подальше от тридцать третьей.

Кроме того, в этот же промежуток времени между экзаменами произошло событие, которого Васильцов серьезно опасался: накануне дня сдачи физики Чернов построил своих подчиненных и объявил, что сегодня они вместо класса следуют в медпункт для прохождения медицинской комиссии, после чего продолжат подготовку. Лешка настоужился: он до сих пор не забыл эпопею с подобной комиссией у себя в Тригорске. Однако все, к счастью, обошлось, все врачи признали его годным к обучению в танковом училище, даже терапевт, которого он откровенно побаивался. Но врач, худенькая средних лет женщина, хоть и прослушала лишний раз его сердце и легкие, вывод сделала определенный: единичный случай аритмии связан с неравномерным

дыханием и на общее состояние не влияет, посему – здоров. Лешка ликовал: взят еще один барьер.

К сожалению, случилась перед физикой в группе и неприятность: утром в день сдачи не смог подняться на зарядку Сергей Муромцев. Павел Зубов как командир отделения доложил об этом сержанту Чернову, но тот лишь махнул рукой, пусть, дескать, отлеживается, после зарядки разберемся. Однако Серега не поднялся и после того, как ребята вернулись с зарядки. Он лежал весь красный и жадно хватал ртом воздух.

– Зубов, давай-ка его срочно в медпункт, похоже – у него сильная простуда, – распорядился сержант, и Павел вместе с Алексеем отвел его, куда было приказано и где того сразу поместили в стационарный лазарет.

– Так, один уже физику сдал, – констатировал Пашка, когда они возвращались обратно в расположение. – Наверяд ли он меньше трех – пяти дней пролежит.

В это утро группу ожидал еще один сюрприз. Перед построением на завтрак к Чернову подошли оба Ивановы.

– Слушай, Витя, я эту физику сдавать не буду, – насупившись, проговорил Митяй. – Раз с математикой обложался, то и здесь будет не лучше. Там я хоть что-то мог сообразить, а физика для меня – вообще темный лес.

– Я тоже не буду, – поддержал однофамильца и земляка Вовка.

– А ты-то чего? – сержант не мог скрыть удивления. – У тебя же по математике тройка.

– Да не хочу и все. И поступать не хочу. Гори оно синим пламенем, это училище.

– Ну, училище не сгорит, даже если ты этого очень сильно захочешь, – спокойно возразил Чернов, – а если вы не хотите сдавать – дело ваше. Но сейчас вас никто отсюда не отпустит. Пока группа будет находиться на экзамене, подмените наряд, чтобы в нашем расположении никто посторонний не лазил, а потом, скорее всего завтра, получите на руки документы и – скатертью дорога. А сейчас становитесь в строй, с довольствия на сегодня вас никто не снимал, поэтому на завтрак, обед и ужин – со всеми вместе в строю. Ну, а завтра на дорогу получите сухой паек. Документы я подготовлю.

Очередной экзамен сдавали в том же третьем учебном корпусе, что и математику, только в другом классе, хотя выглядели классы, как близнецы: одинаковые столы, одинаковые стулья, одинаковые голые стены, даже внутренний размер одинаковый, только номерами и отличались. Командир группы сержант Чернов узнал и довел до своих подчиненных, что физику будет принимать не преподаватель из училища, а специально приглашенный учитель одной из городских школ:

– Их тут несколько человек, присланы ГорОНО по просьбе руководства училища для приема физики и сочинения по русскому языку, поэтому ведите себя скромно и уважительно, тем более, что все они – женщины. Вы поняли, орлы?

– Так точно, – «орлы» поняли.

– А сейчас – в класс, который я вам назвал.

Экзаменатором оказалась шатенка лет сорока, высокая, с громким голосом. Сказала, что зовут ее Тамара Михайловна, и сразу перешла к делу:

– Так, мальчики, я смотрю – все готовы, тогда не будем терять время. Порядок сдачи экзамена – обычный: первые шесть человек – за столы, остальные – на улицу и заходят в класс по мере освобождения мест. Вы ведь так сдавали предыдущий экзамен?

– Так, – ответил кто-то из задних рядов.

– В таком случае для вас – ничего нового. Товарищ командир группы, Вам слово.

Лешка, верный своему принципу идти в числе первых, и тут вошел в первую шестерку. Вопросы в билете были ему знакомы, физику он знал неплохо; хотя отдельные разделы и давались ему трудновато, и брал он их исключительно упорством и усидчивостью, но по счастью этих тем в билете не оказалось. Он сразу стал набрасывать конспект ответа, стараясь писать коротко и самую суть, чтобы за отведенное на подготовку время охватить все вопросы и не повторить ошибки, допущенной при первом экзамене.

Некоторое время в классе стояла тишина. Все старательно что-то писали, словно хотели изложить на бумаге некую научную работу, достойную, самое малое, ленинской премии. Один из абитуриентов попытался что-то спросить у сидевшего сзади него, но Тамара Михайловна моментально пресекла этот беспорядок, пообещав удалить и одного, и другого; в результате – оба успокоились и продолжили писать каждый свое. Наконец экзаменаторша встала из-за стола.

– Ну что, есть желающие отвечать? Кто самый смелый? – Спросила она, пройдясь немного между рядами столов.

Лешка был готов отвечать, но решил не спешить. Он еще раз проверил написанное им – вроде все правильно. Тогда поднял голову, оглядел других ребят, уткнувшихся в свои записи и, решившись, поднял руку:

– Кандидат Васильцов. Я готов отвечать.

– Хорошо. В таком случае прошу к доске, – сказала учительница и, снова заняв свое место за столом, приготовилась слушать.

Отвечал Алексей спокойно и уверенно, рассказал все, что было у него написано и, закончив, стал дожидаться дополнительных вопросов, но таковых не оказалось.

– Молодец, все вопросы раскрыл хорошо, сразу видно, что материал знаешь, – экзаменаторша явно была довольна. – Школу в этом году закончил?

– Да, – подтвердил Лешка, дав ей шанс порадоваться за своих коллег – школьных учителей.

– Оно и видно. Знания свежие, – резюмировала она и вынесла решение. – Ставлю тебе «четыре» с плюсом. Доволен?

Алексей, не без оснований рассчитывавший на высший балл и немного ошарашенный полученной оценкой, пробормотал что-то невнятное, после чего с разрешения экзаменаторши покинул класс.

Ребятам из своей группы, столпившимся возле входа и еще только готовившимся идти сдавать, он показал ладонь с четырьмя оттопыренными пальцами и отошел в сторону, где в группе из нескольких человек стояли Зубов с Забалуевым. Рядом с ними Лешка увидел и Вовку Ветрова, того самого паренька из приемной комиссии, что несколькими днями ранее водил их, только прибывших, по палаточному городку и рассказывал о местных порядках. Владимир подружился с тригорскими парнями, особенно с Алексеем и Андреем Хватовым, что было неудивительно, все-таки они – одноклассники, школу в этом году закончили, соответственно и взгляды их совпадали, и интересы.

– Как успехи, Леха? Какие впечатления? – Пашка собирался уже заходить в класс, и ему не терпелось узнать особенности сдачи из первых рук.

– Ни черта не понимаю, – развел руками Алексей, – плохо отвечаешь – четыре балла, хорошо – то же самое. Что толку, что там минус, а тут плюс. В итоге – все равно плюс с минусом дают ноль и те же четверки. Не могла «пять» поставить с тем же минусом, в конце концов. А еще хвалила за ответы...

– Ничего – ничего, четверка – тоже хорошая оценка. Особенно на фоне массовых тройков и двоек. Хотя и для недавших еще не все потеряно. – Ветров знал, о чем говорил. Он продолжал работать в приемной комиссии, которая после того, как на днях закончился поток приезжающих абитуриентов, в основном занималась отправкой по домам не поступивших по различным причинам кандидатов. – Посмотрите, еще будут кое-кого из тех, что домой отправили, сюда обратно вызывать.

– Почему? – Лешка не мог этого понять.

– А потому, что могут и не набрать нужное количество. Я слышал, что на всякий случай в комиссии составляют списки резерва из ребят, которые живут в самом Холмограде или в соседних областях, чтобы их легко было потом вызвать.

– Так ты же сам говорил, что отправляют домой только двоечников, которые не способны учиться, а теперь они что, уже способными стали?

– Ну, мало ли... – Владимир замаялся. – Мне это неизвестно. Вы лучше скажите, физо уже сдавали?

– А ты что, не видел, как я только что вышел со сдачи, а ребята, – Лешка кивнул на Михаила с Павлом, – сейчас пойдут.

– Да я не про физику спрашиваю, это-то я вижу, а про физо.

– А это что еще такое?

– Физо – так сокращенно называется физическая подготовка, иначе говоря – физкультура. Нужно сдать по гимнастике подъем переворотом и прыжок через коня, а также пробежать кросс один километр. Мы вчера сдавали. Принимал старший лейтенант, командир взвода с нашего будущего курса. Ну, я вам скажу, на вид – лихой казак. Фуражка набекрень поверх чуба, сапоги гармошкой, а на своей «Яве» сидит, словно кавалерист на коне, как в фильмах про гражданскую войну показывали.

– И как ты сдал? – Лешка почувствовал, как у него поползли по коже мурашки. Этого экзамена он не ожидал, да никто ему про физио и не говорил.

– Как получилось, – не очень охотно ответил Вовка, решивший в конце концов, что друзьям надо говорить все как есть. – Переворот на перекладине, ну на турнике в просторечии, кое-как сделал, а вот через коня так и не перепрыгнул. Да и мало кто в нашей группе сдал прыжок. Бегаю же я совсем неважно, в хвосте финишировал, ну и время, соответственно, тоже неважное показал.

Поболтав еще немного о том, о сем, ребята разошлись. Ветров отправился на свое рабочее место в приемную комиссию, Зубов с Забалуевым подошли поближе к учебному корпусу, и Алексей, пожелав им успехов, остался один на один со своими мыслями, мыслями, прямо сказать, невеселыми, навеянными предстоящей проверкой его физической подготовленности. И если за кросс он был спокоен, поскольку бегал хорошо, да и занятия легкой атлетикой чего-то да стоили, то вот с гимнастикой все обстояло не столь радужно. Дело в том, что на школьных уроках физкультуры и он, и его одноклассники в основном играли в баскетбол. Почему так получилось, то ли физруки подобрались все баскетболисты, то ли еще по какой причине, но, кроме этой игры, да еще зимой катания на лыжах, других видов спорта в их школьной программе не было. Школа стабильно брала первые места в баскетбольных турнирах города и области, и все были довольны. Лешка тоже играл вместе с другими школьниками, но не любил этот вид спорта и ни в какие команды не входил. Для себя, для души он бегал на стадионе, и эти тренировки доставляли ему удовольствие, а вот гимнастика для него была – темный лес. Он понятия не имел, что такое – этот подъем переворотом, и как его выполнить, а через коня вообще не прыгал ни разу в жизни. Как сдавать?

Сдавать пришлось уже на следующий день. После завтрака сержант Чернов построил своих подчиненных и объявил, что следующий экзамен, сочинение, они будут сдавать через три дня, все группы вместе в летней столовой. А сегодня через два часа их ждет на спортивном городке старший лейтенант Бессонов для сдачи ими физической подготовки.

– А мне тоже сдавать? – Виктор Пахомов получил на физике, как и предполагал, вторую двойку и на поступление в училище уже не претендовал.

– Конечно, сдавать. Вдруг ты покажешь такие результаты, что все твои неуды разом компенсируются, – подбодрил его сержант. – И все прочим двоечникам советую – не теряйте веры в свои силы до конца. Еще неделя пройдет, сдадите оставшиеся письменные экзамены – вот тогда на мандатной комиссии вам и скажут: зачислен в училище, значит – молодец курсант, иди учись, или – не зачислен, вот тебе документы, поезжай, родной, домой.

– Так у нас еще не все шансы потеряны? – Сережка Пряхин тоже не сдал второй экзамен. – А нам говорили, что, как получаешь вторую двойку, так и собирайся домой.

– Шансы, пусть и минимальные, остаются всегда. Конечно, если сами еще хотите побороться, а не так, как некоторые, в том числе и двое ваших, триггорских. Им, видите ли, расхотелось поступать. Вот таких, как они, здесь не задерживают, а сразу отправляют домой. По остальным же – все решает мандатная комиссия, о которой я уже говорил. Все. Готовьтесь, надевайте спортивную форму, у кого она есть, и по моей команде строиться. Все ясно? Разойдись!

Спортгородок находился рядом с палатками, где-то метрах в пятидесяти от них. Здесь были вкопанные в один ряд в землю пять или шесть деревянных брусьев, с десяток металлических перекладин, в просторечии – турников, еще какие-то лестницы и другие сооружения, а также два обитых кожей гимнастических коня, к которым подводили посыпанные песком дорожки для разбега.

Сюда и привел точно к назначенному времени свою группу сержант Чернов. Здесь их уже ожидал, нетерпеливо прохаживаясь по дорожке возле спортивных снарядов и слегка постукивая сорванной веточкой по голенищу сапога, ранее объявленный ребятам старший лейтенант Бессонов, одетый в полевую форму офицер небольшого роста, но ладно скроенный, поджарый и какой-то легкий на подъем, будто готовый взлететь на своем следующем шаге. Лешка еще подивился, как точно описал его Вовка Ветров: и фуражка на чубе, и сапоги гармошкой...

– Товарищ старший лейтенант! Группа номер тридцать три кандидатов для поступления в училище прибыла для проверки их физической подготовленности, – доложил Чернов после того, как остановил свою команду и повернул ее лицом к проверяющему.

– Опаздываете, сержант, – вместо приветствия заявил тот.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, точно 11.00, как было приказано, – сержант показал на часы.

– Ладно, не будем спорить. Итак, товарищи кандидаты, сейчас вам нужно будет показать ваши физические способности. Вы – будущие танкисты, а броня, как известно, не любит хлипких мышц, поэтому – что? – Бессонов говорил громко, но спокойно, с едва заметным мягким южным выговором, но на последнем слове его голос взлетел вверх, как у певца, берущего нехарактерную для себя высокую ноту. – По поручению приемной комиссии я сейчас проверю, на что вы способны в плане силы, ловкости и быстроты. Сержант, подведите группу к перекладине и перестройте ее в две шеренги!

Когда его распоряжение было выполнено, офицер снял фуражку, положил ее на одну из многочисленных деревянных лавок и снова обратился к абитуриентам:

– Подъем переворотом. Выполняется вами один раз. Показываю, – и он, как был, в сапогах, не снимая портупей, легко и непринужденно подтянулся на перекладине, одновременно поднес к ней ноги и в мгновение ока оказался наверху, выйдя в упор на прямые руки.

Парни как завороченные смотрели на это действие. Бессонов же спрыгнул на землю и распорядился приступить к выполнению упражнения. По его команде сдающие выходили из строя, становились под перекладину, затем в прыжке хватались за нее руками и начинали

выполнять то, что требовалось. У кого-то получалось сделать этот самый подъем переворотом, у большинства – нет. Немало повеселил всех Витька Пахомов. При его росте ему даже не было нужды в прыжке на снаряд, он просто, стоя на земле, взялся за перекладину руками и попытался взлететь на нее, исключительно оттолкнувшись ногами от земли. Однако силы толчка хватило лишь для того, чтобы, стукнувшись об металл лбом, мягко опуститься на свою пятую точку.

– Элемент, который Вы, молодой человек, показали, – это нечто другое, чем то, что я просил исполнить, – старшего лейтенанта, принимавшего физподготовку не у первой уже группы, было трудно удивить физической немощью будущих курсантов. – А подъем переворотом выполняется несколько иначе. Поэтому – что? Правильно, двойка. Следующий.

Следующим был Лешка. Он четко вышел из строя, подошел к перекладине, подпрыгнул и, ухватившись руками за холодный металл, даже подтянулся, но вот что делать дальше – в упор себе не представлял. В итоге, поболтавшись на снаряде, он спрыгнул под него и понуро побрел на свое место в строю. Можно было и не гадать, какая будет оценка.

Вторым снарядом, к которому проверяющий подвел группу, был спортивный конь. Требовалось разбежаться, оттолкнуться ногами от лежащего перед ним мостика, напрыгнуть на коня и, оттолкнувшись еще раз, на этот раз руками от его поверхности, перелететь через всю его длину. Кто-то так и делал, но большая часть садилась на снаряд верхом, тем самым не выполнив упражнения. В числе последних был и окончательно расстроившийся Алексей.

Подведя неутешительные итоги сдачи гимнастики, а положительную оценку по сумме выполнения двух упражнений получили лишь четверо из более чем двадцати абитуриентов, старший лейтенант Бессонов приказал отвести группу к старту кросса на один километр, указав Чернову точное место, куда нужно прибыть. Затем, после прибытия ребят в указанную точку, уточнил дальнейшие действия: сержанту по его отмашке запустить группу на дистанцию, а сам он будет встречать их на финише, после чего сел на мотоцикл и, отмерив по спидометру ровно одну тысячу метров, остановился, обозначив красной «Явой» точку, к которой должны стремиться бегущие.

– Внимание! Марш! – Чернов махнул своей пилоткой, увидев отмашку офицера, и группа рванула вперед, к желанному красному пятну мотоцикла, к финишу.

Лешка не очень любил кроссы, все же он как спринтер бегал на дистанции сто и двести, иногда – четыреста метров, но за класс и за школу, если было необходимо, стартовал и в кроссовых километровых забегах. Так что, для него сейчас не было ничего нового, поэтому, пробившись со старта в головную группу, он не форсировал события, а оглянулся по сторонам. Рядом с ним оказался Мишка Забалуев, подмигнул ему: давай, мол, вместе контролировать темп. Лешка мигнул ему в ответ: согласен. Где-то в середине группы он увидел Пашку Зубова, чуть дальше активно работал локтями и ногами Задорин в компа-

нии с Хватовым и Вороновым, а в конце в числе отстающих выделялся своим ростом Витюха Пахомов, который даже по ходу забега умудрялся рассказывать что-то веселое бежавшему рядом Сереге Пряхину.

– Поднажмем? – Мишку явно не устраивал взятый ими темп.

– Давай, – согласился с ним Алексей; они, ускорившись, вышли вперед и первыми финишировали возле красного мотоцикла, услышав от старлея свое время, показатель на отличную оценку.

– Фу-у, – сделав несколько легких взмахов руками для восстановления дыхания, Лешка остановился рядом с Забалуевым и еще двумя ребятами, также прибежавшими с отличным временем. Четверочки собирались до кучи уже в другом месте на некотором удалении от первых. Еще дальше Бессонов направлял троечников по показанному ими времени и отдельно не уложившихся в положительный норматив.

– Хоть как-то оправдался, – обращаясь к Мишке, сказал Алексей, – а то в гимнастике я – полный ноль. Не знаю, как вообще эти упражнения выполнять.

– Ладно, не переживай, – успокоил его Забалуев, – я тоже такой же.

– Ну, ты хоть коня перепрыгнул.

– И ты научишься. Поступить бы только, а то неудобно домой возвращаться ни с чем. Район-то у нас за речкой, в основном частный сектор, все соседи, друг друга знают. И то, что я уехал в военное училище поступать, ни для кого секретом не было.

Тем временем старший лейтенант Бессонов переписал всех, кто финишировал, подвел итоги сдачи физической подготовки и попрощался до встречи на мандатной комиссии, а бразды правления взял в свои руки сержант Чернов. Он дал команду разойтись и через два часа приготовиться к построению на обед. Но ребята, возбужденные сдачей физо, расходиться не спешили, и между ними завязался разговор.

– Что ж ты, тезка, – обратился сержант к Пахомову, – и в науках не преуспел, и здесь в отстающих? Пожалуй, тебе действительно пора собираться домой. Шансов для поступления у тебя никаких, тут даже у мандатной комиссии будет одно мнение. Да и рост у тебя не танковый. Так стоит ли понапрасну время убивать?

– Да мне тут каждый лишний день – спасение, – Виктор печально вздохнул. – Но ты прав, командир. Ловить мне здесь и в самом деле больше нечего. Когда документы получать?

– Завтра с утра. Жаль мне тебя, хороший ты парень, но высшее военное училище – не для тебя.

– Ну, это еще как сказать, – упрямо возразил Витюха. – Осенью в армию, а там – посмотрим. Может и подам в военное училище. Конечно, в танкисты я по росту не подхожу, сам это уже понял, а вот в пехоту или еще куда – все возможно

– Ну, тогда – успехов. Все, все свободны. Не забудьте: через два часа строимся на обед.

– А что, Леха, – обратился к Алексею Пашка Зубов, – время еще есть до обеда, пошли Серегу Мурому навестим.

Муромцев, попавший несколько дней назад в лазарет, явно обрадовался их визиту:

– Ну, наконец-то, а то я уже заскучал. Ни одной знакомой физиономии, даже не с кем своим горем поделиться.

– Какое же у тебя горе? – Пашка хотел подбодрить парня. – Лежишь тут как белый человек, отдыхаешь от забот и трудов праведных. Ни зарядки тебе, ни с экзаменами нервотрепки...

– Домой меня отправляют, ребята, – Сергей шмыгнув носом, на глазах выступили слезы. – Сказала докторша: еще пару дней полечим и – домой. Поступить уже не получится, физик-то я не сдавал и уже не сдам.

– А сегодня еще и физическую подготовку сдали, – ни с того, ни с сего брякнул Лешка, еще больше расстроив Сергея:

– Ну вот, кто ж меня теперь в училище возьмет?

– И как ты сумел тут заболеть? – Пашке было непонятно: вроде бы здоровый парень ехал, а как приехал, немного побыл – и в лазарет.

– Да пневмония у меня была незадолго до отъезда. Я-то думал, что ее залечил, ну и поехал без всякого опасения. Да и здесь же медкомиссия пропустила без замечаний. Не знаю. Может – ночевки в палатке, зарядка, вот и заболел по новой. Как я этого вызова в училище ждал, если бы вы только знали! А теперь все мои мечты собаке под хвост...

– Ничего, езжай домой, вылечишься, окрепнешь, осенью в армию пойдешь. Глядишь – и поступишь со второго захода, – Павлу очень хотелось успокоить и поддержать явно расстроенного Сережку, но тот был безутешен:

– Мне до армии еще два года, я ведь школу когда закончил? Три месяца назад. Мне семнадцать только в июле стукнуло. И потом, ну приеду я в свою Тарасовку и что там делать буду? Это ведь Прислоновский район, лесной и самый дальний в области, а деревня моя, не село, как у Витюхи Пахомова, а именно деревня захудалая на пятнадцать дворов, где живут одни старики, никакой перспективы не имеет. Даже колхоза нет, была раньше бригада, да и ту давно убрали, когда народ стал разъезжаться. И участок леспромхоза был, тоже разогнали. Ни дороги нормальной, ни телефона, магазина – и того нет, закрыли, продавца найти не могут.

– Как же вы там живете? – Лешка, выросший в большом городе, не мог поверить, что где-то, а тем более в его родной области есть такие медвежьи углы.

– А вот так. Я вообще-то в другой деревне сначала жил, с родителями. А в Тарасовке была бабушка, отцова мать. Умная, толковая, любил я ее очень и часто там бывал. Она мамку мою не очень жаловала за ее привязку к самогонке и батю ругала за то, что он на ней женился. А тот был слабый человек, да и маманю, видать, любил очень. Стал ей компанию составлять за рюмкой, ну и спился. Говорили и с ним, и с ней, и бабка, и соседи, а им все нипочем. Нагонят этой отравы и празднуют, даже скотину не всегда покормят. Потому и кончили страшно: напились оба и улеглись спать, а печка топилась, видать, какой-то уголек с нее выскочил, и пожар... Так и сгорели оба, да еще два мои

братика четырех и шести лет. Я-то старший был из детей, мне уже двенадцать исполнилось, а как раз в ту ночь я у бабушки ночевал, потому и уцелел, – Серега надолго замолчал. Молчали и ребята – что тут скажешь?

– Вот после того я и перебрался в Тарасовку, – словно собравшись с силами, заговорил он снова после долгой паузы, – к бабуле. Помогал ей как мог. А она все требовала, чтобы я учился, мол, способности есть, если выучишься – уедешь отсюда, устроишься в жизни хорошо. Ну, я и старался. В школу ходил за пять километров в соседнюю деревню, летом на велосипеде, зимой на лыжах. Говорили, что в лесах вокруг волки обитают, но я их не встречал, да и не боялся особо, все хотел бабушке доказать, что совсем не пропащий. Учился я прилично, троек в аттестате – всего три, остальные четверки. Кстати, стать военным – это мне опять же бабушка подсказала. И вот на тебе...

– Ладно, не расстраивайся, все еще в твоей жизни образуется. Главное – не вешать нос. – Пашка поднялся со скамейки. – Пора нам, однако. Пошли, Леха, а то на обед опоздаем. А ты, Серый, не забудь перед отъездом зайти к нам попрощаться.

– Обязательно найду.

Обратно шли молча, занятые каждый своими мыслями

– Вот так, Алексей, – прервал затянувшуюся паузу Зубов, впервые назвав Лешку иначе, чем прежде, – Жили рядом с хлопцем, спали друг возле друга, ели за одним столом, в строю одним ходили, а что мы о нем знали? О его судьбе? А ведь это земляк из одной с нами области...

– Времени ж мало было узнать друг друга. Сколько мы вместе находимся? Меньше недели. За это время каждому в душу не залезешь.

– Так-то оно так, но все равно как-то не по себе. Жаль парня, ну да авось у него в дальнейшей жизни все образуется. Хотелось бы в это верить. Как ты считаешь?

Лешка молча пожал плечами. Он смотрел на своего друга и не узнавал его. В обычной жизни весельчак, балагур и безудержный оптимист, сейчас Павел выглядел как-то непривычно серьезным. Впрочем, и у самого Алексея настроение было хуже некуда: мало того, что сам физо провалил, так еще этот Серега окончательно вверх в уныние. Ему, видите ли, домой в деревню неохота возвращаться. А Лешке что, охота обратно в Тригорск? А как же быть тогда с мечтами о новом офицере Васильцове? Он уже видел себя в строю, в новой форме с черными погонами, окантованными по краям желтой полоской, был уверен, что сумеет сдать экзамены и поступить, а тут на тебе – это чертово физо.

– А ты чего пригорюнился, хлопец? – Пашка, уже прежний Пашка, веселый и жизнерадостный, ободряюще смотрел на него. – За физо переживаешь?

– Как ты догадался?

– Да на твоём лице вся мировая скорбь написана. Не журишь, казак, атаманом будешь. Надо экзамены нормально досдать, чтобы на этой самой мандатной комиссии все видели, какая у тебя умная голова, а мышцы еще нарастут, посмотришь. Поэтому – полное спокойствие и больше веры в себя. – Павел хлопнул его по плечу и улыбнулся

так весело и задорно, что Лешка сразу оттаял и улыбнулся в ответ: еще не все потеряно!

5.

Прошла еще, без малого, неделя, наполненная сдачей оставшихся экзаменов и ожиданием чего-то нового, таинственного, не встречавшегося до этого в жизни абитуриентов – мандатная комиссия.

Перед письменными испытаниями группа серьезно уменьшилась в своем составе. Сразу после физо уехал домой весельчак и, как его прозвали в группе, «Сказочник», знаток анекдотов Виктор Пахомов. Компанию ему составил Сергей Пряхин, скромный сельский паренек, так же получивший две двойки на устных экзаменах и не сдавший физо, как гимнастику, так и кросс. Отправились домой еще четверо кандидатов, решивших отказаться от дальнейшей сдачи, в том числе и командир второго отделения Коля Гришко. Наконец, распрощался с ребятами подлечившийся, но глубоко опечаленный Сережка Муромцев. Спать теперь стало просторнее, поскольку, несмотря на уменьшение числа обитателей, палаток все равно осталось три. Строй группы стал более компактным, но все равно – в колонну по три, только в затылок друг другу шагало уже не по десять, а по пять – шесть человек.

Вот с такими изменениями в составе и отправилась группа номер тридцать три сдавать следующий экзамен – писать сочинение по русскому языку. Этого испытания Лешка не боялся. Что-что, а литературу он любил, книги читал запоем еще с детства, а знание законов правописания и неплохая зрительная память позволяли не допускать серьезных ошибок в текстах диктантов и других контрольных заданий по русскому языку. Особенно удавались ему сочинения, которые часто ставила в пример другим любимая учительница Анна Степановна, классный руководитель их 10-го «В», все силы и свободное время отдававшая без остатка своим подопечным. Она, кстати, отговаривала Алексея от военной карьеры, говорила, что там им станут командовать не совсем те, кто будет иметь на это моральное право. По каким критериям оценивала будущих Лешкиных командиров, она не уточняла, да он и слушал ее, что называется, в пол-уха, твердо нацелившийся на исполнение своей мечты.

Итак, прибыв на место сдачи, в свою летнюю столовую, своими размерами позволявшую разместить одновременно всех поступающих, абитуриенты расселись за столами, за которыми завтракали еще час назад, но сейчас тщательно вымытыми и вытертыми насухо, и готовились к сочинению. Спустя несколько минут в зал вошли три женщины, те самые городские учительницы, о которых говорил сержант, и несколько офицеров, один из которых написал на доске три предложенных для сочинения темы, а остальные раздали каждому сдающему по несколько листов бумаги со штампом в уголке каждого листа. Лешка не без удовольствия увидел, что одна из трех тем была ему знакома, более того, домашнее сочинение, которое он по этой теме писал,

в свое время было признано лучшим в школе. Конечно, за время, отведенное на экзамен, он не мог написать столько об отображении в литературе Великой Отечественной войны, сколько у него получилось дома, но, если вспомнить, по крайней мере, хотя бы часть из того, ранее им написанного... И Алексей стал вспоминать, но перед этим честно попросил своих соседей справа и слева Павла Зубова и Андрея Хватова:

– Ребята, очень прошу, не отвлекайте, пожалуйста, пока я хотя бы половину не напишу.

– Ладно, писатель, шуруй, – Пашка свеликодушничал вполголоса. – Обращусь к тебе в самом крайнем случае в конце этого дела. А ты, Андрюха?

– Я тоже мешать не буду, Леша, можешь писать спокойно, – Хватов не переживал за экзамен, с русской литературой у него тоже все было в порядке.

– Ребята, я помогу обязательно, если надо – обращайтесь, только не с самого начала, а немного попозже, – заверил своих друзей Лешка и сосредоточился на сочинении. Писал он, не отвлекаясь, часа два, потом проверил написанное раз, другой, исправил несколько ошибок на знаках препинания, проверил еще раз и отложил ручку в сторону.

– Леха, не сдавай пока, лучше посмотри у меня здесь и здесь, – прошептал Пашка и слегка развернул свои листы в его сторону, в то же время сделав вид, что продолжает писать.

Лешка посмотрел на указанные места, подсказал, что надо исправить, заодно окинул взглядом весь лист, нашел еще пару ошибок, то же самое сделал и по другим Пашкиным листам, которые тот ему подсовывал, после чего оглянулся на Андрея. Хватов тоже показал ему пару мест в своем тексте, в которых сомневался, и после подсказки Алексея благодарно ему подмигнул.

За свое сочинение Васильцов получил отличную оценку.

Так же без проблем был сдан и письменный экзамен по математике, последний для них в череде вступительных испытаний. Ребята также сидели вместе за одним столом, только теперь между Павлом и Алексеем сидел Андрей. На этот раз уже он, раньше них решивший свои задания, аккуратно, словно бы невзначай просмотрел их записи, кое-что шепотом подсказал, и Лешка, еще раз все перепроверив, сдал свою работу в полной уверенности, что и здесь меньше пятерки у него не будет.

Вот такими событиями была наполнена пролетевшая неделя, после которой поступающие в училище кандидаты окончательно стряхнули с себя груз напряжения всех своих сил и способностей. Теперь от них уже не зависело ничего: изменить свои результаты они возможности не имели, оставалось только ожидать дня, который и решит их судьбу. Наконец, спустя несколько дней, перед тем, как распустить группу после зарядки заниматься утренним туалетом, сержант Чернов объявил:

– Так, друзья! Сегодня приводите себя в порядок особенно тщательно, ибо с 10.00 в помещении штаба лагеря начинает работать мандатная комиссия, о которой я вам уже говорил, и которая будет ре-

шать, кто из вас поступит в училище, а кто – увы, нет. Поэтому после завтрака следуем в летний клуб, это, как вы знаете, рядом со штабом, где и будем ожидать своей очереди, учитывая, что наша группа по номеру в числе последних. Так что, не будем терять дорогого времени. Чиститесь, мойтесь и готовьтесь к построению. Вопросы есть? Нет? Разойдись!

После завтрака сержант привел группу в летний клуб, представлявший собой несколько десятков рядов длинных деревянных лавок, вкопанных в землю перед сценой с закрепленным на ней плотным белым экраном. Это место было ребятам хорошо знакомо: за время пребывания в лагере они уже успели здесь посмотреть несколько кинофильмов и даже один концерт, который дал училищный оркестр в честь Дня Военно-Морского Флота. В клубе и на траве вокруг него уже располагались отдельными группками пришедшие сюда раньше такие же, как они, абитуриенты.

– Сейчас я вас здесь оставляю, – Чернов довел до подчиненных порядок их дальнейших действий, – а сам подойду к штабу и буду там находиться. Как только начнет заходить на комиссию тридцать вторая группа, приду за вами.

– А долго ждать? – Пашке не терпелось быстрее определиться.

– Долго. Начали где-то полчаса назад, а впереди нас сами знаете, сколько групп. Так что, наберитесь терпения.

– А кто входит в состав комиссии? – спросил Хватов.

– Ну, если судить по составу той комиссии, что проводили месяц назад для нас, военнослужащих, а другим он вряд ли станет, то председателем мандатной комиссии будет первый заместитель начальника училища, он же начальник учебного отдела полковник Кузнецов. Остальные члены комиссии: еще один заместитель начальника училища, начальник политотдела подполковник Севастьянов, его помощник по комсомолу, да-да, есть такая должность, капитан Кумит, начальник медицинской службы майор Степанов, начальник физподготовки майор Климов, командир батальона, он же начальник нашего курса подполковник Березов, ну и кто-то из строевого отдела в качестве секретаря комиссии. Могут и еще кого-то позвать, но не с решающим голосом, а так, для получения каких-то дополнительных сведений. Думаю, что будет присутствовать, например, старший лейтенант Бессонов, который принимал у вас физо. Да и мало ли кого еще могут позвать...

– Да, много начальников по нашу душу, – угрюмо проворчал Задорин.

– Для Вашего сведения, молодой человек, я Вам еще совсем мало назвал тех, кто, как Вы сказали, «по Вашу душу»; в случае поступления первым, непосредственным для Вас начальником будет командир Вашего отделения, которому Вы обязаны подчиняться беспрекословно, – отвечая персонально Андрею, сержант, тем не менее, обращался ко всей группе. – Далее, по возрастанию подчиненности, ваши начальники: заместитель командира взвода, командир взвода, старшина роты, командир роты, замполит батальона, ну и, наконец, комбат,

которого я уже вам назвал в составе мандатной комиссии. Кроме того, прямые начальники для всех курсантов – начальник училища и пять его заместителей. Вот так, друзья! Что делать, армия – это необходимость строгого вертикального подчинения. На этом она стояла всегда и стоит поныне. Поэтому тот из вас, кто чувствует, что у него будут проблемы с необходимостью подчиняться каким-то командирам и начальникам, пусть десять раз подумает: а так ли необходимо ему выбирать на всю свою жизнь профессию, требующую такого подчинения?

– А если тот человек, которому я обязан подчиняться, этого не заслуживает? – спросил один из ребят.

– Заслуживает или нет – не вам решать, – Чернов говорил очень ровно и спокойно, разъяняя на первый взгляд элементарные, но для людей с гражданки новые, непривычные для них вещи. – На это есть вышестоящие начальники. И если они назначили вам командира, то вы обязаны подчиняться ему во всех вопросах, даже если по какой-то причине его не уважаете. Вот Вы, Задорин, – обратился сержант к Андрею, – я вижу – не любите подчинения кому бы то ни было, всегда ставите на первое место свое «я». Так стоит ли испытывать судьбу? Сдается мне – военная служба не для Вас.

– Ну, это мы еще посмотрим. Может, Вы не станете моим командиром, когда поступлю, и тогда моя служба пойдет совсем по-другому, – упрямо возразил Андрюха.

– Не я, так кто-то другой будет Вами командовать, и Вам все равно придется научиться выполнять приказания своих начальников. Без этого, без умения подчиняться Вы никогда не станете хорошим командиром. Подумайте над этим хорошенько.

Чернов ушел, оставив группу в тягостных раздумьях о своем ближайшем будущем. В воздухе повисло какое-то напряжение. Разговаривали мало. Каждый думал о чем-то своем и не обращал внимания ни на яркое летнее солнце, которое вроде бы должно было способствовать поднятию настроения, ни никак почему-то не способствовало, ни на ерошивший волосы легкий приятный ветерок, ни даже на комаров, к которым, впрочем, уже успели привыкнуть и не обращали на них внимания.

Тревожное ожидание чего-то главного, решающего, поворотного в жизни передалось и Алексею. Казалось, ему-то волноваться особенно нечего. Экзамены сданы успешно: две четверки, одна пятерка, возможно – и еще одна будет. Медицина признала его годным к обучению в училище. Чего волноваться? Проклятое физо не давало покоя. А вдруг этот показатель для членов комиссии окажется решающим? Да нет, это никак не возможно, он должен реализовать свою мечту, нет для него обратной дороги в Тригорск.

Сколько времени продолжалось ожидание вызова на комиссию, Лешка, пожалуй, вряд ли смог бы сказать. Просто внезапно перед ними появился сержант Чернов, который и отдал долгожданное распоряжение:

– Строиться, орлы! В тридцать второй половина пацанов комиссию уже прошла, давайте и мы подтягиваться поближе, – он подождал,

пока его подчиненные заняли свои места в строю, после чего обратился к ним. – Чтобы в дальнейшем не повторяться, проведу вам небольшой инструктаж. Первое. Список группы составлен по алфавиту, от «А» до «Я», так что соответствующим образом ориентируйтесь, кто за кем пойдет. Хотя я возле штаба все равно сделаю перекличку. Второе. Комиссия заседает там, где вы сдавали документы, когда прибыли сюда. Только места за столами, где сидели пацаны техработники, занимают сейчас члены комиссии. Третье. Когда зайдете – необходимо представиться, типа «Кандидат такой-то для прохождения мандатной комиссии прибыл». Ну, и отвечайте спокойно на те вопросы, что вам будут задавать. Не бойтесь, не тряситесь, там сидят такие же люди, как и вы, которые заинтересованы, чтобы к ним поступили учиться те из вас, кто достоин в будущем звания офицера. Всем все понятно? Тогда нале-во! В направлении штаба шагом марш!

Приведя свою группу в назначенное место, сержант уточнил, кто за кем представляется мандатной комиссии, и затем распустил строй, предупредив, чтобы далеко не расходились, а сам направился к входным дверям, возле которых нервно прохаживался младший сержант, командир группы, чьи подчиненные уже заканчивали прохождение этой самой комиссии.

– Ну что, Ваня, сколько у тебя еще осталось? – обратился к нему Чернов.

– Да вот один еще, – указал младший сержант на стоявшего рядом парня.

– И как успехи?

– А шут его знает, как. Только человек пять уверенно сказали, что приняты в училище. Большинство же только плечами пожимают на выходе или головой качают. Какие-то они все словно мешком прибитые.

– Может, это ты их так запугал?

– Скажешь тоже.

– Ладно, пойду я своих собирать. Скоро уже и им начальству представляться.

Действительно, не успел Чернов построить подчиненных, как из штабного домика, понуриив голову, вышел последний представитель предыдущей группы, который вместо ответа на вопрос, зачислен ли, только махнул рукой.

– Так, орлы, теперь наша очередь. Не забыли еще, кто за кем выдвигается? – сержант прошелся вдоль строя. Его ладная стройная фигура, подчеркнута размеренная речь успокоили и привели в чувство даже особо впечатлительных ребят. – Сейчас я доложу председателю комиссии, и поехали... Помните: главное – спокойствие и уверенность в своих силах.

Алексей шел в списке третьим вслед за Михаилом Белкиным, который уже вышел из штабного дома, и его широкая улыбка сама говорила за своего обладателя: принят.

– Ну, Леха, давай, не подведи наш славный Тригорск, – напутствовал его Павел Зубов, – ни пуха тебе, ни пера!

– Иди к черту! – Алексей постучал в дверь, спросил разрешения войти и, получив таковое, вошел и остановился на середине комнаты:

– Товарищи члены комиссии! Кандидат Васильцов для прохождения мандатной комиссии прибыл, – четко доложил он, скользнув взглядом по сидящим за большим, покрытым красной материей столом офицерам, и выделив среди них находившегося в центре группы здорового полковника, пристально уставившегося на него. Видимо, это и был председатель комиссии, так как другие офицеры были в меньших званиях.

– Здравствуйте, товарищ Васильцов! – обратился к нему полковник.

– Здравия желаю! – Алексей сразу успокоился, ушли куда-то мучившие его все утро волнение, неуверенность, переживания. Он взял себя в руки и теперь спокойно, насколько это было возможно, стоял и ждал вопросов.

– Майор Фролов! Доложите, что представляет собой данный кандидат по документам, а также результаты сдачи им экзаменов, – приказал полковник.

Офицер, сидевший за отдельным столом с табличкой «Секретарь мандатной комиссии» выбрал из стопки личных дел кандидатов нужную папку, раскрыл ее и начал докладывать:

– Васильцов Алексей Иванович, 1950 года рождения, март месяц, следовательно – полных семнадцать лет имеется. Родители: отец умер, мать – преподаватель в школе. Сам кандидат окончил среднюю школу в городе Тригорске в июне сего года. Оценки как в таблице за прошлый год, за девятый класс, так и в аттестате об окончании средней школы – положительные, в основном отличные, троек нет. Характеристики в деле как школьная, так и комсомольская – тоже положительные, товарищ активный, был даже секретарем комитета комсомола школы. Исходя из документов личного дела, препятствий для зачисления кандидата Васильцова в училище нет, – майор передал папку с документами председателю комиссии.

– Результаты экзаменов? – снова задал вопрос полковник.

– Результаты экзаменов следующие: математика устно – «хорошо», физика – «хорошо», сочинение – «отлично», математика письменно – «удовлетворительно».

Последние слова майора оказались для Алексея полной неожиданностью: уж чего-чего, а подобной оценки за последний экзамен он никак не ожидал.

– Не может быть, – только и смог он выдать из себя.

– Что – не может быть, – удивленно спросил председатель комиссии.

– Тройки по математике. Я ведь все решил, несколько раз проверил. Это ошибка какая-то. Может, мою работу с чьей-то другой перепутали?

– У нас никто ничего не путает, товарищ кандидат, – строгим голосом резюмировал полковник. – Хотя уровень оценок достаточно высо-

кий, да и в школе учился хорошо, вон аттестат какой. Что ж на медаль не вытянули?

– Так получилось, – на тему своих школьных оценок Лешке распространяться не хотелось.

– А скажите, товарищ Васильцов, откуда у Вас появилось это желание – стать офицером? – спросил сидевший рядом с председателем комиссии подполковник, очевидно это и был начальник политотдела, потому что второй подполковник в составе комиссии, скорее всего – командир батальона, сидел с краю стола.

– У меня отец был офицер, фронтовик, я слово дал, что продолжу его дело.

– Кому Вы дали слово? – не унимался подполковник.

– В первую очередь – себе. Ну и отцу тоже. Хоть и нет его в живых, но я все равно чувствую его рядом и мысленно советуясь с ним: как бы он поступил в той или иной ситуации.

– Это хорошо, что Вы себя с отцом сравниваете, значит – видите цель, к которой надо стремиться, – начальник политотдела был удовлетворен ответом.

– Скажите, Васильцов, помимо секретарства Вы какую еще работу в комсомоле выполняли? – это уже задал свой вопрос капитан, сидевший рядом с подполковником, вероятнее всего, это был его помощник по комсомолу, о котором упоминал сержант Чернов.

– В комсомол я вступил в восьмом классе, вскоре меня избрали в состав школьного комитета ВЛКСМ. И ребята выдвинули меня в секретари. Эту должность я исполнял год, а потом попросил членов комитета меня от нее освободить, чтоб больше времени уделять учебе, все-таки десятый класс начинался. Ребята пошли навстречу, от секретарства освободили, но членом комитета я оставался до конца учебы, отвечал за оборонно-массовую работу.

– И что Вы делали? – не отставал капитан.

– Много чего. С воинской частью в Тригорске, с десантниками, связь поддерживали, много совместных мероприятий проводили. В соседнем областном центре военное училище артиллерийское – к ним в гости ездили не раз. Да мало ли чего было...

– Хорошо. У меня вопросов больше нет, – сообщил капитан.

– Так. У Вас, Алексей Петрович, вопросы еще есть? – обратился полковник к начальнику политотдела.

– Нет. Хороший кандидат. Вполне достоин зачисления в училище.

– Понятно. Как оценивается состояние здоровья товарища Васильцова? – данный вопрос адресовался сидевшему рядом майору, у которого в малиновых петлицах кителя змея обвивала чашу.

– Вопросов по состоянию здоровья кандидата Васильцова нет, – медик пролистал карту медицинского освидетельствования Алексея. – Здоров. Годен к обучению в нашем училище.

– Хорошо. А как товарищ Васильцов подготовлен в физическом отношении? Старший лейтенант Бессонов, доложите! – председатель комиссии повернулся к офицеру, проверявшему у ребят физическую подготовку.

– Слабо, очень слабо, товарищ полковник, – Бессонов посмотрел в список, – подъем переворотом не сделал ни разу, прыжок через коня тоже не выполнил.

«Вот оно, начинается» – успел подумать Алексей.

– Что же Вы, товарищ Васильцов? По всем статьям молодец, а тут так сплеховали? – полковник, видимо, тоже не ожидал такого поворота событий.

– Товарищ полковник! – Лешка постарался взять себя в руки. – Товарищ старший лейтенант, конечно, все правильно доложил. Только он почему-то забыл упомянуть, что при сдаче кросса на один километр я прибежал первым в группе со временем на отличную оценку. Так что не все у меня так уж слабо. К тому же у меня второй взрослый разряд по легкой атлетике в беге на сто метров, а я слышал, что танкисту нужны не только сила, но и скорость, резкость. А что касается гимнастики... Ну не виноват же я, что ее вообще у нас не было на школьной физкультуре. Понимаю, что силу и ловкость нужно развивать, поэтому обещаю, что, если примете в училище, в лепешку расшибусь, но все упражнения освою.

Несколько минут в комнате стояла тишина, конец которой положил председатель комиссии.

– Что скажешь, Павел Павлович? Рискнем поверить товарищу Васильцову? – обратился полковник к сидевшему здесь же за столом коренастому полноватому майору со значком мастера спорта на кителе.

Тот с ответом не спешил, и за столом снова возникла пауза. Лишь потом Лешка узнал, в чем было дело и что стало причиной этой паузы. Оказывается, в этом году, перед тем, как они, гражданские ребята, приехали поступать, их предшественники, выпускной курс, сдавали государственные экзамены, в число которых входила и физическая подготовка. И вот тут-то случился скандал: один из выпускников этого экзамена не сдал, причем – по всем составляющим: ни в гимнастике на положительную оценку не вытянул, ни в кроссе, ни на полосе препятствий со стометровкой. Незадачливому выпускнику офицерское звание никто, естественно, не присвоил, и отправили его дослуживать срочную службу в воинскую часть в звании сержанта, а ряд должностных лиц училища были наказаны. В числе последних был и начальник физической подготовки и спорта училища майор Климов, тот самый Павел Павлович, к которому обращался сейчас председатель комиссии полковник Кузнецов. При этом получил начфиз предупреждение о неполном служебном соответствии занимаемой должности, очень суровое в армии наказание, дальше – только снятие с должности с понижением. Неудивительно, что Климов не спешил с ответом, как бы взвешивая шансы этого незнакомо ему парня на успешное освоение всех элементов программы по физической подготовке.

– Что я скажу, товарищ полковник, – майор наконец прервал молчание. – Хороший парень, земляк к тому же, я ведь закончил в свое время Тригорское суворовское училище. Слышал о таком? – неожиданно обратился он к Алексею.

– Слышал. Только к тому времени, как мы в Тригорск переехали, его уже не было. Расформировали, а то я бы тоже туда поступил. Сейчас на его месте обычная школа-интернат. У меня там много друзей было, вместе на стадионе бегали.

– Так вот, – майор принял решение, – я за то, чтобы принять этого парня в училище. Уверен, будет с него толк. Тем более, Вы ведь знаете, что мне приказано лично вести занятия на их курсе, так что у меня будет возможность уделить товарищу Васильцову повышенное внимание, поэтому, земляк, пощады от меня не жди!

– Согласен, товарищ майор! – Лешка не мог скрыть своей радости.

– Ну что, товарищи члены комиссии, – полковник решил подвести итог, – было высказано одно предложение: зачислить кандидата Васильцова в число курсантов Холмоградского высшего танкового командного училища. Все согласны с таким предложением? Возражения есть?

Возражений не было.

– Товарищ Васильцов! – председатель комиссии поднялся из-за стола. – Мандатная комиссия решила зачислить Вас курсантом нашего училища. Надеемся, что нам не придется жалеть о принятом сегодня решении, Вы и учиться будете хорошо, и офицером в будущем станете достойным. У Вас к нам вопросов нет? Тогда можете быть свободны. Желаю успехов. И пригласите следующего по списку.

– Спасибо, товарищ полковник. Обязательно оправдаю доверие Вас и всех членов комиссии, – Алексей, как смог, четко повернулся кругом и вышел из штаба. Внутри у него все пело от избытка чувств: вот оно – счастье, вот оно – реальное воплощение своей давней мечты. Он – курсант! Он станет офицером! Он добился того, к чему стремился, о чем мечтал многие годы!

На многочисленные вопросы обступивших его ребят он отвечал только счастливой улыбкой, пожимая всем руки. Собственно, его не особо и расспрашивали: решение мандатной комиссии читалось у него на лице, а более детально отвечать на вопросы друзей он был не в состоянии. И его оставили в покое.

Спустя примерно полчаса Алексей, пришедший уже в себя и вновь обретший способность оценивать ситуацию, вернулся к своим товарищам, толпившимся чуть в стороне от входа в штаб. Здесь были как прошедшие уже мандатную комиссию ребята, такие, как Михаил Белкин и его тезка Забалуев, Иван Воронов, так и те, кто еще только готовился перед ней предстать и внимательно слушал тех, кто ее прошел.

– Да ничего там страшного нет, – успокаивал особенно нервничавших Мишка Белкин, – люди как люди. Вопросы задавали несложные, на них любой сможет ответить, если не волноваться и внимательно слушать, что они от тебя хотят. Никто там никого никуда не гонит. Вот я спокойно на все ответил, что спрашивали: и про школу, и про работу, про комсомол, и все решили – «зачислить в курсанты».

– Легко тебе говорить с твоими-то оценками, – проговорил расстроенный Ванюша Воронов. – А я что им мог сказать? Две двойки по уст-

ным экзаменам, да еще одна, как оказалось, по письменной математике. Не скажешь же, что в нашей школе мы не столько учились, сколько колхозу помогали, да и учителя – сельские, в полном смысле. Тут еще старлей, собака, когда докладывал о моем физо, все время подчеркивал, что я в физическом плане – ноль. В общем, сказали: подумают, что со мной делать.

– Да, этот Бессонов – тот еще тип, – вступил в разговор Лешка. – Он и меня пытался топить, причем заявил, что я в гимнастике ничего не сделал, а про кросс, где мы с Мишкой, – он кивнул на Забалуева, – первыми прибежали, промолчал. И зачем ему это надо? Хорошо, что комиссия его не послушала и постановила меня принять.

– Между прочим, – заметил стоящий здесь же сержант Чернов, – у него из всего выпускного курса был лучший взвод. Думаю, что не случайно он, единственный из взводных командиров, сейчас участвует в наборе курсантов. Скорее всего, лучших из вас он отберет в свой взвод.

– А как он узнает, кто из нас лучший, а кто нет? – спросил кто-то из группы.

– Не знаю. Есть наверно у него какие-то критерии. Вот, например, двоечников по физо у него явно не будет.

– Все-таки не хотелось бы попасть под его команду, – заметил вышедший с комиссии Пашка Зубов. – Нутром чувствую, что ничего хорошего от него ждать не стоит.

Так, обсуждая те или иные моменты своего пребывания на мандатной комиссии и оценивая свои будущие перспективы, ребята дождались выхода из штаба последнего кандидата, что совпало по времени с обедом, после которого Чернов построил группу и объявил:

– Ну что, орлы! Поздравляю вас с прохождением мандатной комиссии. Всех, независимо от результатов, потому что для всех вас это первое серьезное испытание в жизни. Где-то часов в семнадцать – восемнадцать на щите возле штаба будут вывешены списки поступивших, и вы сами сможете увидеть, кто из вас зачислен в курсанты, а кто – нет. Сейчас можете следовать в палатки и там отдохнуть, так сказать – прийти в чувство. Учитывая, что сегодня вы пережили немалый стресс, разрешаю добираться в расположение группы самостоятельно, без строя. Следующее построение будет на ужин. Вопросы есть?

Вопросов у обессиленной от нервного напряжения группы не было, и после команды «Разойдись!» все дружной толпой молча направились к палаткам. Разговаривать не хотелось, а хотелось быстрее растянуться на топчанах и отключиться от всего внешнего мира, неспешно перебирая в памяти все произошедшее.

– Подъем, пацаны! Хватит дрыхнуть, а то ночью нечего будет делать, – вошедший в палатку Пашка положил конец общему дрему. – Пять часов уже, кто желает – пошли посмотрим списки, о которых сержант говорил. В качестве разминки перед ужином.

Смотреть списки поступивших пожелали все тригорцы, а Лешка, забежавший по ходу в соседнюю палатку, вытащил из нее еще и Забалуева. Переговариваясь между собой, они подошли к штабу, где рядом с входом увидели вкопанный в землю деревянный щит, к которо-

му кнопками были приколоты большие белые листы с фамилиями будущих курсантов. Составлены и вывешены для обозрения списки были по учебным группам, поэтому для ребят не стало проблемой сразу найти свою, тридцать третью, под номером которой были перечислены двенадцать фамилий. С замиранием сердца Лешка посмотрел на начало списка и сразу увидел вслед за Белкиным и свою фамилию. Сразу отлегло. Хотя члены комиссии и решили зачислить его в училище, но все равно ему было тревожно: а вдруг они по какой-то причине передумали и отменили свое решение? Теперь все окончательно стало ясно, и он испытал огромное облегчение.

– Что, Леха, порядок? – Пашка хлопнул его по плечу. – Я тоже здесь указан. И Андрюха Задорин, и Хватов. И вон Мишка Забалуев тоже здесь. Один Ванюшка Воронин не попал в список, наверно домой поедет.

Иван случившееся воспринял на удивление спокойно, очевидно, что уже после комиссии свыкся с мыслью, что придется ему возвращаться домой.

– Ладно, ребята, поеду в свою деревню сельское хозяйство поднимать. Надо ж кому-то и пахать, и сеять, не всем же командирами быть. Через два года заберут в армию, может и встретимся.

Воронов уехал на следующий день, как и все остальные кандидаты, не прошедшие мандатной комиссии, а еще через день, построив своих подопечных после завтрака, сержант Чернов объявил:

– Все, друзья. На этом существование группы номер тридцать три и, соответственно, мое командование вами заканчиваются. Сейчас следуем на общее построение батальона, где вас заново переформируют, на этот раз по ротам и взводам.

– А Вы как же, товарищ сержант? – Спросил кто-то из ребят.

– Меня тоже определяют в какое-то из подразделений в качестве командира отделения, а может заместителем командира взвода, мне без разницы, в качестве кого учиться, хоть и рядовым курсантом.

– А такое возможно? – Алексей подумал, что ослышался.

– В армии все возможно. Но, скорее всего, назначат каким-нибудь командиром. Может, еще кто-то из вас попадет под мое командование.

– Этого только не хватало, – процедил вполголоса стоявший рядом с Лешкой Андрей Задорин.

– Чего ты на него взъелся, – так же вполголоса ответил ему Пашка Зубов. – Он еще ничего, есть сержанты и похуже, этим только дай дорваться до власти. Вот попадешь к такому – сразу Чернова добрым словом вспомнишь.

В этот момент сержант подал команду начать движение, и поредевшая более чем вдвое от первоначального количества людей группа бодро зашагала на место построения.

Большая заасфальтированная площадка впереди линий палаток, называемая по-армейски строевым плацем, постепенно заполнялась. Подходившие группы поступивших кандидатов располагались на ней с трех сторон, образуя огромную букву «П». Одновременно напротив

них в центре площадки выстроилась группа офицеров во главе с подполковником, в котором Лешка сразу узнал входившего в состав мандатной комиссии командира батальона Березова. Офицеры были в сапогах и в перетянутых ремнями повседневных кителях. Как только все группы заняли места на плацу, комбат и один из офицеров, стоявших с ним рядом, вышли немного вперед, на середину площадки.

– Равняйся! Смирно! – Скомандовал вышедший вместе с комбатом офицер, Лешка разглядел его звание – майор. – Равнение на середину!

Майор приложил руку к козырьку своей фуражки и, не меняя ее положения, четко повернулся, прошел несколько шагов, еще раз повернулся, на этот раз лицом к Березову:

– Товарищ подполковник! Поступившие курсанты батальона по Вашему приказанию построены. Командир пятой роты майор Родионов.

Комбат подошел ближе к строю:

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

Те не совсем слаженно, но дружно, не зря же их накануне тренировали сержанты, ответили:

– Здравия желаем, товарищ полковник, – повысив последнего в звании: и выговорить проще, и человеку приятно. Впрочем, подполковник Березов такой вольностью остался доволен:

– Молодцы. Поздравляю вас с вступлением в ряды курсантов нашего славного Холмоградского высшего танкового командного училища!

Новоиспеченные курсанты ответили на это троекратным «Ура».

– Чтобы вы знали, с кем имеете дело, представляюсь. Я – подполковник Березов Иван Максимович, командир батальона, в составе которого вы будете служить и учиться ближайшие четыре года. У всех у вас по выпуску будет одна специальность – командир взвода средних танков, поэтому никаких факультетов у нас не образуется, а наш второй батальон будет представлять собой курс, для начала – первый. Следовательно – я также и начальник курса. Теперь о том, чем мы с вами будем заниматься дальше. Сейчас все вы будете распределены по ротам: четвертой, пятой и шестой, а внутри каждой роты – по взводам, по четыре в каждой, и представлены вашим командирам. Обращаю внимание, что подразделения, в состав которых вы войдете, в данный момент будут неполными, так как в них пока не войдут бывшие суворовцы, которые придут к началу занятий, а также определенное число курсантов из числа военнослужащих, выполняющих сейчас важные задания по совершенствованию учебно-материальной базы училища. Этим же, то есть работой по подготовке к учебному году будете заниматься и вы оставшиеся две недели до первого сентября. Поэтому завтра с утра командирам бывших учебных групп снять палатки, собрать все казенное имущество и сдать на склад. После этого обедаем и на автомобилях уезжаем в город Холмоград, в наше училище.

– А переодевать нас будут? – раздался чей-то голос из глубины строя.

Комбат покосился в ту сторону, где мог находиться возмутитель спокойствия, и, усмехнувшись, ответил:

– Вообще-то в армии, товарищи курсанты, когда обращаются к начальнику, то сначала представляются, а потом, с его разрешения, задают вопрос. Ну да ничего, научитесь еще азам воинской дисциплины. А на заданный вопрос отвечу так. По приезду в училище вас разместят в казарме нашего батальона, поставят на довольствие и выдадут вам рабочее хлопчатобумажное обмундирование, ну и сапоги, конечно. Потом распределят по объектам работы. Ну а перед первым сентября получите новое обмундирование и все, что необходимо для учебы. Всем все понятно? Еще вопросы есть?

Ответом ему было всеобщее молчание. Тогда комбат отдал распоряжение приступить к формированию подразделений. Первым начал вызывать ребят командир четвертой роты. Уже в годах капитан, ростом чуть выше среднего, вызвал из общего строя человек сорок парней, среди которых практически не было заметно вчерашних школьников, затем представил им их командиров взводов, а также старшину роты, которому и поручил отвести выбранных им курсантов, как он сказал, в указанное место.

– Что-то мало пацанов капитан отобрал, – подумал вслух Пашка Зубов, – да и то взял тех, кому по их виду уже в армию скоро.

– Это так комбат решил, – ответил ему стоявший здесь же Вовка Ветров, который воспользовался тем обстоятельством, что группы прижались плотно друг к другу, и перебрался к своим друзьям в тридцать третью.

– А ты откуда это знаешь? – Пашка в высказанное предположение не поверил. – Ты же в приемной комиссии уже не работаешь. Да и саму комиссию, я слышал, уже разогнали.

– Не работаю, но знаю. Комбат решил четвертую роту укомплектовать по большей части солдатами и кадетами, а гражданские – так, для разнообразия. Нас в основном поделят между пятой и шестой ротами. И еще могу сказать, что в каждом взводе половина курсантов будет учить английский язык, а половина – немецкий.

Зубов хотел ему что-то ответить, но тут к строю новобранцев вышел командир пятой роты майор Родионов, который и докладывал комбату в самом начале построения. Теперь Лешка мог рассмотреть его получше. Выглядел майор старовато, и Алексей даже подумал: не участник ли он Отечественной войны? Впрочем, орденских планок на его кителе было немного, в отличие от того же комбата с внушительной колодкой боевых наград. Все же скуластое, обветренное лицо, резкий хриплый голос говорили за то, что этот ротный прошел большую жизненную школу.

– Внимание всем! Приступаем к формированию пятой роты, – майор оглянулся назад и взял у одного из офицеров папку, откуда достал несколько листов бумаги. – Первый взвод. Командир взвода – капитан Петров.

Из группы офицеров вышел и стал рядом с ротным высокий красавец капитан. Его приятное породистое лицо, густые черные усы как-то сразу располагали к общению с ним. «Вот бы попасть к нему», – подумал Лешка. Но его фамилии, как и фамилий его друзей в зачитан-

ном ротным списке не оказалось, и капитан увел своих новых подчиненных с плаца.

Следующим майор назвал командира второго взвода старшего лейтенанта Новикова. Плотный, выше среднего роста офицер с шапкой густых светло-рыжих волос, в которой не проглядывало ни одного черного или, к примеру, седого волоска, также увел с площадки своих курсантов, и опять никого из тридцать третьей группы среди них не оказалось.

– Третий взвод. Командир взвода – старший лейтенант Бессонов, – объявил ротный, и к нему вышел тот самый старлей, что принимал у них, тогда еще кандидатов, зачет по физической подготовке.

– Все, хлопцы, я пропал, – прошептал Лешка стоявшим рядом Зубову и Ветрову, – если попаду к нему, то он сразу вспомнит, как я его на мандатке осадил.

– Ладно, не нагнетай раньше времени, – попытался успокоить его Пашка, – может обойдется. Хотя, если честно, и мне бы не хотелось под его руку идти.

Тем временем виновник Лешкиных тревог, к неопишуемой радости последнего, закончил набор в свой взвод и покинул место построения, не обратив на Васильцова никакого внимания.

– Четвертый взвод. Командир взвода – старший лейтенант Трунов, пока отсутствует. Временным командиром взвода назначается младший сержант Глуценко, – объявил ротный, и рядом с ним встал бывший командир группы номер тридцать два, тот самый, что жаловался перед мандатной комиссией Чернову на инертность своих кандидатов. – Товарищ младший сержант, принимайте своих подчиненных!

Майор начал зачитывать список взвода, и первым номером в нем был назван командир первого отделения сержант Чернов. В его же отделение попали Алексей Васильцов, Владимир Ветров и Михаил Белкин. Забалуев был назван в составе второго отделения, которым назначался командовать ефрейтор, местный уроженец Михаил Квашнин, а Зубов, Задорин и Хватов вошли в число курсантов третьего отделения сержанта Антона Крючковского. Таким образом, в этом взводе оказались все поступившие ребята из их группы, что не могло не радовать: как-никак, а за прошедшие две недели они привыкли друг к другу, сдружились, и расставаться по причине зачисления в другие подразделения им не хотелось.

Между тем, «временный командир» получил у ротного список курсантов и, окинув подчиненных беглым взглядом, стал во главе взводной колонны, скомандовав:

– Взвод, смирно! За мной шагом марш!

Таким образом, они вышли с плаца, после чего Глуценко указал рукой направление движения взвода, а сам пошел рядом со строем и оказался прямо возле шедшего в середине своего крайнего отделения Алексея. Теперь Лешка мог рассмотреть его более пристально. Был младший сержант высокого роста, пожалуй, повыше, чем он сам при своих метре восьмидесяти сантиметрах, при ходьбе слегка сутулился, из-за чего его руки казались непомерно длинными. «Как его в танкис-

ты взяли при такой длинноте», – успел подумать Васильцов перед тем, как услышал команды «Стой!» и «Напра-во!», в результате которых взвод из колонны по три перестроился в три шеренги.

– Так, товарищи курсанты, слушайте меня внимательно, – новый командир говорил с сильным украинским акцентом, придавая каждому высказанному слову такой вес и значение, как будто от того, что он скажет, зависела судьба если не страны, то этого взвода – точно. – Я, младший сержант Глущенко Иван Васильевич назначен заместителем командира четвертого взвода. Сам командир взвода еще не прибыл из отпуска, ожидается через два дня, а это значит, что до его прибытия командовать вами буду только я, поэтому мои приказы исполнять беспрекословно, как и положено в армии. Все это поняли? Не слышу.

– Так точно, – ребята ответили недружно и не все, но замкомвзвода сделал вид, что ответ его устроил:

– Теперь – порядок наших дальнейших действий, – продолжил Глущенко. – Сейчас следуем на обед, после обеда – свободное время до построения на ужин.

– А что после ужина? – спросил кто-то из строя.

Младший сержант сперва проигнорировал вопрос, но потом все же решил ответить:

– Вопросы можно задавать только в том случае, если это разрешит начальник, к которому вы обращаетесь. Забыли, что недавно говорил командир батальона? А из строя вообще спрашивать не положено. Можно только отвечать, если к кому-то из вас обратится старший по званию. И вы должны к этому привыкнуть. А кто не привыкнет, для того есть меры наказания, предусмотренные дисциплинарным уставом. Понятно?

Взвод, ошарашенный таким четким и ясным ответом, молчал. Замкомвзвода прошелся вдоль строя, явно удовлетворенный реакцией подчиненных на свои слова, и только затем ответил на заданный вопрос:

– После ужина и личного времени будет построение в составе роты на вечернюю поверку. Там вами будет командовать старшина роты.

Глущенко внимательно осмотрел взвод, кое-кому из ребят указал новые места в своих отделениях, в том числе и Алексея передвинул на два человека вперед, так, что теперь тот дышал в затылок своему командиру отделения сержанту Виктору Чернову. После этого, удовлетворенный проделанной работой, приказал всем запомнить свои места и повел взвод на обед, после которого распустил строй, указав время и место следующего построения.

Ребята возвращались к своим палаткам под влиянием новых впечатлений молча, каждый как бы пропускал все увиденное и услышанное сегодня через себя: хочешь – не хочешь, а к новым порядкам придется привыкать, ломать себя, если еще не пропало желание стать офицером.

– Ну, братцы, для полного счастья нам еще командиром хохла не хватало, – в расстроенных чувствах проговорил Задорин, – служивый, видать.

– Они все служивые, говорят же: хохол без лычки – что справка без печати, – ответил Пашка. – А этот, я смотрю, еще и выслуживаться намерен.

– Да ладно, не съест, – успокоил сам себя Андрей, – в крайнем случае, домой вернусь, присягу ведь еще не принимали. Хотя и не хочется этого делать, не для того сюда ехал.

– Товарищ сержант, а как это получается, Вы старше по званию, а Глуценко Вами командовать будет? – Алексей хотел выяснить мнение шедшего чуть сзади Чернова. Тот по крайней мере внешне никак не выказывал своего недовольства свершившимся фактом.

– Командованию виднее, кого на какую должность назначить, – последовал ответ. – Наша главная задача – учиться, а здесь все в одинаковом положении. К тому же, со временем поймете: чем меньше подчиненных, тем лучше.

Спустя некоторое время после ужина младший сержант построил свой взвод и привел его на указанное ему место. Здесь уже собирались остальные три взвода их пятой роты. Всеми командовали сержанты, как и Глуценко, заместители командиров взводов. Они поочередно, предварительно поставив своих подчиненных в положение «Смирно», доложили о прибытии стоявшему в центре площадки невысокого роста рябоватому старшему сержанту. Тот принял их рапорта, после чего, дав команду «Вольно!», обратился к выстроившимся взводам:

– Внимание, товарищи курсанты! Я – старший сержант Рудаков, приказом командования назначен старшиной нашей пятой роты. Мои приказы и распоряжения обязательны для исполнения всеми вами, поэтому никаких пререканий и возмущений чтоб я не слышал, иначе буду наказывать. Сейчас провести вечернюю поверку во взводах, после чего я сделаю несколько объявлений. Заместители командиров взводов, к проведению вечерней поверки приступить!

Младший сержант Глуценко вышел на середину строя взвода, раскрыл папку, в которой был список личного состава взвода и начал:

– Командир первого отделения сержант Чернов!

– Я, – прозвучало рядом с Алексеем.

– Курсант Васильцов!

– Я, – ответил охрипшим от волнения голосом Лешка: еще никогда к нему не обращались по воинскому званию.

– Курсант Ветров!

– Я.

Переключка продолжалась. После ее окончания и докладов старшине о том, что вечерняя поверка произведена, и лиц, незаконно отсутствующих нет, тот обратился к роте:

– Сегодня вы ночуете на своих прежних местах, в палатках групп, хотя все построения, в том числе и на физзарядку, впредь производить только по своим взводам, так, как вы сейчас стоите. Завтра с утра после зарядки и завтрака, собрать все казенное имущество, как-то: палатки, постельные принадлежности и все прочее, и сдать на склад. Отвечают за это командиры бывших учебных групп, они – лица материально ответственные и получали все это добро под расписку. После

чего – обед и выезд в училище. Словом – все, как сказал командир батальона. Надеюсь, что подготовка к отъезду и сам отъезд пройдут организованно. Сейчас заместителям командиров взводов произвести отбой личному составу. Выполнять!

Глуценко отвел взвод в сторону:

– Так, сейчас десять минут на подготовку ко сну и – отбой. Чтоб никто нигде после отбоя не шлялся. Утром строиться на зарядку вот на этом месте, где сейчас стоите. Вопросы есть? Нет? Разойдись!

Лешка молча поплелся к своей палатке. На душе было беспокойно. Как -то не очень вязалось с его представлением об армии увиденное и услышанное сегодня: новые и довольно грубые командиры, резкие и, как ему казалось, подавляющие его личность приказы и распоряжения. Ну, что ж! Он сам эту дорогу выбрал. Скорей бы только учеба началась!

6.

Солнце уже перевалило через свою высшую точку и, словно испытывая влияние на себя невидимых, но очень действенных сил земного притяжения, стало клониться к горизонту, когда длинная вереница грузовиков, кузова которых были заполнены разношерстной массой молодых парней, начала втягиваться в распахнутые настежь узорчатые кованые ворота мимо возвышавшейся на постаменте легендарной «тридцатьчетверки». Проехав затем еще немного по территории училища, колонна автомобилей остановилась возле длинного двухэтажного здания. Последовала команда «К машинам!», и находившиеся на них ребята через задний, более низкий борт начали прыгать на асфальт и сразу отходить в сторону, чтобы не мешать покинуть транспорт другим своим товарищам, да заодно и размять затекшие после более чем двухчасового пути мышцы.

– Пятая рота, ко мне, строиться повзводно! – Послышалась команда старшины роты старшего сержанта Рудакова, и Алексей, как и все ехавшие вместе с ним курсанты одного с ним взвода, поспешил на этот голос.

– Заместителям командиров взводов построить своих подчиненных! – Последовало новое распоряжение старшины.

– Четвертый взвод, строиться! – Подал команду Глуценко, и Алексей занял свое место в строю вслед за своим командиром отделения сержантом Черновым.

После того, как все четыре замкомвзвода доложили старшине о том, что весь личный состав на месте, тот приказал всем оставаться в строю в положении «Вольно», а сам вместе с заместителями командиров зашел в здание. Минут через десять все они вышли обратно, и первый взвод по команде своего сержанта начал по одному входить в распахнутые настежь двери.

– Скоро и мы пойдем, после третьего взвода, – прохаживаясь перед строем, пояснил Глуценко. – Вот это и есть наша казарма, здесь будем

жить. Этаж нашей роты – первый. Места всем взводам старшина уже распределил, поэтому, когда войдем внутрь, я каждому укажу его персональную зону обитания. Потом, опять же повзводно, получим у старшины постельное белье и обмундирование, так что до ужина вы должны заправить свои постели и переодеться. Особенно обращаю внимание на сапоги, чтобы их нормально носить, нужно уметь правильно наворачивать на ноги портянки. Есть такие, кто не умеет этого делать? Поднять руки!

Поднялось с десяток рук. Лешка подумал немного и поднял тоже.

– Так. Командирам отделений обратить на этих гвардейцев особое внимание и научить, а то уже на вечерней прогулке ноги понатирают. Свои гражданские вещи после переодевания сдадите в каптерку, в последующем их отошлют домой, чемоданы, сумки и прочие торбы – туда же. Только перед сдачей заберите в свои тумбочки предметы первой необходимости: бритвы, зубные щетки, мыльницы и так далее.

– А что такое «каптерка»? – спросил кто-то из глубины строя.

Глушченко покосился в ту сторону, откуда прозвучал вопрос, но на этот раз решил не акцентировать внимание на нарушении дисциплины в строю:

– «Каптерка» – это общепринятое неофициальное название комнаты для хранения военного имущества и личных вещей военнослужащих, каковыми и вы являетесь. Должна быть в каждой роте. За порядок в ней отвечает солдат срочной службы, по должности – ротный писарь, неофициально – каптенармус, а по-простому – каптерщик. Все, разговоры прекратили! Одни мы остались вне казармы. Поэтому – начиная с первого отделения, в колонну по одному за мной шагом марш!

Вскоре каждый новичок имел свои законные, указанные лично младшим сержантом Глушченко кровать, тумбочку при ней и табурет. Койки были двухъярусные, железные, с пружинящими сетками, на которых возлежали видавшие виды матрацы и подушки. Лешке досталось место на втором ярусе, аккуратно над командиром своего отделения. Затем началась эпопея с переодеванием. Ребята по одному подходили к каптерке, где царствовал старшина, который, окинув беглым взглядом подошедшего, выбирал из горы комплектов хлопчатобумажного обмундирования, попросту называемого на военном языке «х/б» и состоящего из гимнастерки и заправляемых в сапоги шаровар, подходящий на его взгляд размер и передавал все это добро в руки очередному новобранцу. Следом перемещались в том же направлении остальные атрибуты военной одежды.

– Бери, бери, что дают, не задерживай, – торопил старшина Лешку, когда тот, получив свое, стал примерять штаны.

– А если по размеру не подойдет? – Алексей растерянно смотрел на полученное имущество

– Подойдешь ко мне, обменяю. Или здесь, в роте, или к другим старшинам схожу. Все равно – б/у, то есть бывшее в употреблении, – пояснил Рудаков, глядя в удивленные Лешкины глаза. – Сапоги – какой размер?

– Сорок третий.

– Держи. Вот тебе еще пилотка, два ремня, портянки, вещмешок и постельный комплект. Все. Следующий!

Постояв немного в раздумчивости, Лешка направился к определенному ему месту во взводе. Там уже вовсю кипела работа, и он сам тоже решил не отставать. Первым делом, пока никто не мешал ни снизу, ни сбоку, он застелил чистым бельем постель, потом занялся обмундированием. К счастью, и гимнастерка, и шаровары подошли более – менее нормально, менять их не было необходимости, и Алексей продолжил свое переодевание. Сапоги, в отличие от «х/б», выдавались новые, Лешка их тоже надел. Были они чуть свободноваты, что также допускалось с учетом того, что их необходимо будет носить с портянками.

– Кто не знает, как наматывать портянки – ко мне! – послышался рядом голос Виктора Чернова.

Несколько человек, в том числе и Алексей, сгрудились возле него.

– Смотрите, – сержант снял свой сапог, медленно размотал свою портянку, затем так же медленно намотал ее и надел сапог. – Видели? Имейте в виду, это очень важный момент. Неправильно наматываете портянку – моментом понатираете ноги и будете небоеспособны. Берите по одной портянке, разложите ее на табурете и начнем практическое занятие.

Не сразу, но освоил-таки Лешка эту нехитрую науку, и, надев по всем правилам сапоги, потянулся за ремнем, однако на своем месте его не нашел. Куда он мог деться? Тут же лежал, на койке. Может вниз упал? Алексей нагнулся и увидел внизу, под соседней койкой ремень. «Как он туда попал?» – подумал он и быстро схватил его.

– Эй, ты чего мой ремень забираешь? – услышал он голос примерявшего рядом свое обмундирование Мишки Белкина.

– А с чего ты взял, что он твой?

– Мой. Вот видишь, я на нем свою метку поставил, – Михаил показал на маленький чернильный крестик возле бляхи.

– Не вижу. Это моя метка, – Лешка не собирался так просто уступить, тем более, что он недолюбливал Белкина, так как считал, что этот невысокий скромный паренек из маленького поселка посреди брянских лесов, к тому же закончивший школу еще год назад, не совсем заслуженно получил у Зубочана «пятерку» по математике, в то время, как он сам, признанный в своем классе математик, удостоился всего лишь четырех баллов, да и то с минусом.

– Ребята, ребята, не надо ссориться, – неожиданно встал между ними небольшого роста солдатик с одной узенькой лычкой поперек черного погона. Это было так неожиданно для них, что оба выпустили ремень из рук, и тот с громким стуком упал им под ноги.

– Ты кто такой и откуда взялся? – Мишка первым пришел в себя.

– Николай Синев. Для друзей – просто Коля, – ефрейтор поочередно пожал спорщикам руки. – Буду учиться вместе с вами в четвертом взводе пятой роты, а спать – здесь, в первом отделении.

– Так ты что, тоже курсант?

– Да, я еще месяц назад экзамены сдал. Просто вы были в лагере, а я здесь после зачисления на кафедре тактики работаю. Наша команда учебные пособия готовит.

– Эй, орлы, – послышался голос сержанта Чернова, – кто тут ремень у меня оставил?

– Это я, наверно. Извини, Миша. – Лешка подошел и забрал ремень, благо других претендентов не было. Действительно, вроде бы его, вот и метка, которую он поставил, буква «А». Наверно, когда пошел учиться наматывать портянки, машинально захватил с собой и, увлекшись, не заметил, как оставил.

Он оделся по полной форме, подпоясался ремнем, разогнав за спину складки на гимнастерке, как это делал его командир отделения, надел пилотку и подошел к висевшему в конце коридора большому зеркалу. Оттуда на него смотрел солдат, правда, без погон и в помятой, выдавшей вида гимнастерке, слегка обвисших шароварах, но все-таки это уже был не домашний мальчик в гражданском костюме, и Алексей даже испытал некоторую гордость за себя. Впрочем, далеко не все смогли так же, как он, полностью экипироваться. Кому-то не подошла по размеру гимнастерка или, наоборот, штаны, некоторым – сапоги. Поэтому, когда рота построилась для следования на ужин, представляла она собой уморительное зрелище: кто-то стоял в строю в гимнастерке под ремень и в гражданских брюках, кто-то поверх военных шаровар выпустил вполне цивильную рубашку; особенно впечатляли курсанты в военных штанах и гражданских туфлях. Принявший доклад замкомвзводов старшина с досады только почесал затылок:

– Не рота курсантов, а какая-то банда махновцев. Не хватает только черного флага и черепа с костями. Ладно, после ужина всех дообмундирую. Да, чтоб вопросов не задавали, объясняю: пока будете ходить в этой, рабочей форме, без погон. Погоны прицепите, когда перед началом занятий получите новую форму. А сейчас – на ужин шагом марш!

Ужинали в солдатской столовой за столами по десять человек во вторую смену. Как пояснил старшина, когда они начнут учиться, то будут питаться в столовой для курсантов, это большой зал со входом с другой стороны здания. Там будут столы на четверых человек, а обслуживать их – официантки, которые, как и курсанты, сейчас в отпусках, да и паек их будет отличаться от нынешнего.

Когда ребята стали уже выходить после ужина, их взяли в оборот ужинавшие перед ними, но явно поджидавшие их солдаты батальона обеспечения. Как стая ворон, они кидались на выходявших из столовой курсантов.

– Слушай, друг, у тебя здесь гражданка осталась? – схватил Алексея за рукав рыжий с конопатым лицом младший сержант. – Отдай мне, все равно ведь все у вас отберут, а так – мне поможешь.

– Давай, давай, отберут ведь, – слышалось со всех сторон.

Лешка сначала опешил от такого напора, но потом ему стало жалко отдавать свой новый костюм неизвестно кому, и он вырвал у вымогателя свою руку:

– Отвяжись! Не отберут, а вышлют домой. Нам так пообещали.

Младший сержант хотел что-то возразить, но тут в дверях столовой показался старшина:

– А ну, отошли все от молодых, а то сейчас дежурному по училищу доложу. Заместителям командиров взводов и командирам отделений собрать своих подчиненных и всех поставить в строй!

Впрочем, кое-кому из солдат удалось добиться своего. Так, Андрей Хватов, щеголявший в строю в модных туфлях ввиду отсутствия сапог, сейчас шел в растоптанных кирзачах явно не своего размера.

– Ты что, поменялся? – Лешке было жаль тихого интеллигентного паренька, совершившего явно не равноправный обмен, и, в то же время он был доволен собой, тем, что устоял перед солдатской лавиной.

– Да как-то само собой получилось. Так напали, что я и опомниться не успел, как в сапогах оказался, – Андрей теперь понял, что опростоволосился, в глазах у него появились слезы. – А теперь вот думаю: в чем домой ехать, если придется?

– Ладно, не думай о грустном, – Лешка хлопнул его по плечу. – Мы не затем ехали сюда, чтобы домой возвращаться. А насчет сапог не переживай. Нам ведь яловые положены, вот, смотри, как у меня. Так что, кирзовые солдатские оставишь на память старшине, когда он твой размер найдет.

Вернувшиеся с ужина ребята разошлись по расположению роты. Кое-кто из них, не успевши вовремя экипироваться, стал дожидаться возле каптерки старшину, остальные занимались, кто чем: личное время. Алексей решил пришить к гимнастерке подворотничок, тем более, что этим же занимались многие его товарищи. Он оторвал полоску белой материи, подвернул край (подсмотрел у делавшего то же самое рядом с ним Синева) и стал пришивать.

– Э, нет, так не пойдет, – неслышно подошел и остановился возле него командир отделения Чернов.

– Почему? Я же правильно пришиваю, – не мог понять претензии командира Лешка.

– А ты сам посмотри. Вот, видишь, как опытный воин это делает, – указал сержант на Синева.

Действительно, у Николая на воротнике гимнастерки не было видно ни одного белого стежка, в то время как на Лешкином воротнике четко выделялись два пунктирных следа.

– Понял, в чем дело? – Чернов ободряюще улыбнулся. – Не переживай, не боги горшки обжигают. Давай, распускай свое шитье и делай, как надо. Коля, покажи!

– Ничего сложного, надо, когда иголку с ниткой вытягиваешь, вставлять ее в то же отверстие, только наискосок. Вот, смотри, – Синев сделал пару стежков и передал гимнастерку Алексею. Тот закончил подшивание и удовлетворенно хмыкнул – воротничок выглядел идеально, вот он и еще одну проблему решил.

Утром, услышав сквозь сон команду «Подъем!», Алексей привычно спустил ноги с кровати и, не ощутив под ними опоры, моментально проснулся, вспомнив, что спал-то на втором ярусе. Он спрыгнул вниз и стал быстро одеваться.

– Выходи строиться на зарядку! Форма одежды номер два, – послышалась команда сержанта, дежурного по роте.

– Что такое «форма номер два»? – Спросил Лешка у одевавшегося рядом Белкина.

– Надеваете брюки, сапоги и выходите на улицу без гимнастерки и майки, с голым торсом, – громко, чтобы все слышали, ответил за Мишку сержант Чернов. – Все проснулись, отделение? Тогда быстро на выход!

На площадке возле входа в казарму нетерпеливо прохаживался старшина роты, недовольно морщась при виде выбегающих из дверей ребят, в то время, как основная масса уже стояла в строю:

– Медленно поднимаемся, товарищи курсанты. Подъем должен пройти за сорок пять секунд, а через минуту в казарме никого не должно остаться, кроме наряда. Поэтому, заместители командиров взводов, сегодня в личное время потренировать своих подчиненных, чтобы они укладывались в указанный норматив! А сейчас развести взвода по местам проведения зарядки!

Когда рота возвратилась после завтрака, на площадке перед казармой ее уже ожидали командир роты майор Родионов, три представленных ранее командира взвода, а также незнакомый старший лейтенант. Был офицер среднего, если не сказать – небольшого роста, но стройный, подтянутый, всем своим видом как бы внушающий спокойствие и уверенность.

– Не наш ли это взводный? – Пашка первый выразил возникший у многих вопрос.

Ответа он не получил, так как в это время старшина, который командовал строем при следовании из столовой, скомандовал: «Рота, стой!» и доложил майору о прибытии с завтрака. Тот поздоровался с личным составом и сообщил, чем они дальше будут заниматься:

– Как вам уже объявлял командир батальона, оставшееся до первого сентября время вы будете работать здесь, в училище, выполнять задачи по совершенствованию учебно-материальной базы и подготовке к зиме. Списки рабочих команд по объектам составлены и сейчас старшина роты зачитает, кто и где будет трудиться. Запоминайте, так как после того, как будет дана команда разойтись, вам нужно будет самостоятельно отправиться на указанные места. Старшина, приступайте!

Старший сержант Рудаков начал зачитывать списки команд. Ждать пришлось достаточно долго, так как после того, как старшина называл фамилию, следовало ответить «Я», чтобы было понятно, услышал вызываемый свое место работы или нет. В списках на работу были перечислены все курсанты, в том числе и бывшие военнослужащие, за исключением командиров отделений и замкомвзводов. Лешка оказался в команде, которая должна была заниматься засолкой на зиму огурцов; впрочем, как потом оказалось, и общие заготовки на зиму, а также работа на кухне тоже были для них. Кроме Алексея, сюда попали Михаил Забалуев, Владимир Ветров, Андрей Задорин и еще несколько ребят из четвертого взвода. Павел Зубов, Михаил Белкин и Андрей Хватов вошли в состав бригады, которая вела ремонтные работы в танковом огневом городке, в котором во время занятий

имитировалась стрельба из танков в движении. Не остались без дела и остальные ребята.

Когда распределение было закончено, и старшина дал команду разойтись по местам работы, незнакомый старший лейтенант сделал легкое движение рукой, и Глуценко скомандовал: «Четвертый взвод, оставаться на месте!», затем доложил подошедшему офицеру:

– Товарищ старший лейтенант! Четвертый взвод пятой роты по Вашему приказанию построен. Заместитель командира взвода младший сержант Глуценко.

Старший лейтенант поздоровался с личным составом взвода, услышал ответ и обратился к ребятам:

– Товарищи курсанты! Я, старший лейтенант Трунов Александр Григорьевич, являюсь командиром четвертого взвода, в составе которого вы будете находиться все четыре года, отведенные на учебу в нашем училище. Я сам выпускник этого училища, закончил его шесть лет назад, три года был командиром линейного танкового взвода в Соколовской дивизии, после чего получил назначение сюда командиром взвода курсантов. Произвел уже один выпуск офицеров, причем с неплохими показателями. Думаю, что и вы меня не подведете. Более подробно я познакомлюсь с каждым из вас в личное время сегодня или завтра. Ну, а сейчас выполняйте то, что сказал старшина.

Своих ранее ушедших товарищей ребята из четвертого взвода догнали, когда те уже подходили к овощехранилищу, высоким бетонным горбом выделявшемуся на фоне чахлой серо-зеленой травы. Здесь их уже поджидали два сверхсрочника. Один из двоих, оказавшийся заведующим столовой старшим сержантом Комовым, сразу отсчитал себе пять человек для помощи поварам и уже собрался их уводить, когда из-за склада вышел здоровенный седой полковник. Второй сверхсрочник, присевший было на скамейку чуть в стороне и дожидавшийся ухода заведующего столовой, вскочил, как опеченный, со своего места:

– Смирно! Товарищ полковник! Группа курсантов занимается подготовкой овощного хранилища к зимнему периоду. Докладывает заведующий продовольственным складом старшина Воронько.

Подошедший офицер скомандовал «Вольно!», поздоровался с обоими начальниками, после чего обратился к группе:

– Я – заместитель начальника училища по материальному обеспечению полковник Беридзе, так что работать будете в моем ведомстве, – говорил полковник дружелюбно, с легким грузинским акцентом, но внушительно, паузами подчеркивая значение каждого сказанного им слова. – Старайтесь на совесть, потому что, как сработаете, так и зимовать будете. И еще. На огурцы резко не набрасывайтесь и знайте меру, а то пронесет, – он усмехнулся и сразу спрятал улыбку в густых седых усах. – Ко мне вопросы есть? Нет? Хорошо, не буду мешать. Продолжайте, старшина!

После ухода полковника застоловой Комов сразу увел свою команду, а старшина Воронько, пожилой уже крепыш с прилично выделяющимся обтянутым португеей животом, собрал оставшихся курсантов в кучу:

– Так, хлопцы! Особо вы здесь не переработаетесь, если не будете умничать, а будете слушать меня. Работы здесь не очень много: нужно будет вычистить хранилище, вот этот подвал, – он указал на серый бетон за своей спиной, – далее – помочь мне на складе в перекладке продуктов, ну и засолка огурцов, когда их привезу. Да, для заготовки овощей в колхозах тоже буду вас привлекать. Завтра, к примеру, двое из вас со мной поедут за картошкой. А сегодня, если все понятно, приступаем к работе.

И работа началась. Весь день ребята выносили ведрами и носилками из хранилища оставшееся с прошлого года гнилье и прочий мусор, накопившийся здесь за долгое время. Трудились азартно и сделали достаточно много, но затем, придя с обеда и поработав по инерции еще чуть-чуть, решили сбавить активность. Андрюха Задорин повертел по сторонам головой и, не увидев начальства, сказал:

– Шабаш, пацаны! Нам спешить некуда, все равно до первого сентября нам тут кантоваться, а слишком хорошо работать – не всегда хорошо. Пошли на бетон, полежим, погреемся. Да и перекурить не мешает.

Бетонная крыша овощехранилища за день хорошо прогрелась, и ребята с удовольствием на ней устроились. Кое-кто разделся до пояса и решил позагорать, кто-то закурил, остальные просто присели отдохнуть.

– А интересно, ребята, вот мы вроде как курсанты, и обращаются к нам так, а ходим без погон, как пленные немцы в войну, – ни к кому не обращаясь, вроде как сам себе сказал Миша Забалуев и повернулся к Ветрову, – Вот скажи, Володя, ты все знаешь, почему так?

– Да потому, что мы и курсанты, и не курсанты, – ответил тот.

– Это как же так? – Лешка не смог удержаться от вопроса.

– Вот так! – Ветров сначала попытался отмолчаться, но потом все же решил поделиться мыслями, которые, очевидно, мучили и его самого тоже. – Нас-то курсантами объявили, но приказа о нашем зачислении еще нет, и, думаю, до 1 сентября не будет.

– Почему?

– Ну, наверно, кто-то по какой-то причине не захочет учиться, хотя и поступил, вот таких и можно будет безболезненно отправить домой, без лишних приказов. Нас, скорее всего, и набрали больше, чем надо, с таким вот расчетом.

Наверно, они бы еще долго обсуждали свои перспективы, но тут из дверей склада вышли заведующий складом и полковник Беридзе. Последний заметил отдохавших:

– Это что сидите? Зачем сидите?

Ребят с хранилища как ветром сдуло. Полковник усмехнулся, что-то сказал старшине и пошел по своим делам, а Воронько подошел к своей команде:

– Вы если хотите сачкануть, то делайте так, чтобы вас хотя бы начальство не видело. Ладно. Работаете хорошо, претензий у меня к вам нет. Поставленную задачу вы выполнили, так что на сегодня все, можете быть свободны. Завтра я уезжаю, как уже говорил, за картош-

кой, со мной поедут... – он оценивающе оглядел ребят и указал на Алексея и Мишку Забалуева. Остальным сообщил, что завтра они будут работать на этом же объекте, но задачу им будет ставить и контролировать их заведующий столовой.

После ужина, как и обещал, в расположении роты появился их взводный и начал по одному вызывать своих подчиненных в комнату ротной канцелярии. Одним из первых к Трунову отправился Алексей.

– Товарищ старший лейтенант, курсант Васильцов по Вашему приказанию прибыл!

– Садитесь, товарищ Васильцов.

– Есть! – Лешка присел на стул напротив офицера.

– Так. Я познакомился с Вашими документами. Впечатление Вы производите хорошее. Есть только вопросы к Вашей физической подготовленности. Принимавший у Вас физо старший лейтенант Бессонов сказал, что Вы в этом вопросе – полный ноль.

– А больше он ничего не сказал?

– А что он должен был еще сказать?

– Ну, например, как я ему на мандатной комиссии напомнил, что он не только «двойку» мне поставил за гимнастику, но и «пятерку» за кросс?

– Про это не сказал. А что, Вы кросс на «отлично» пробежали?

– С запасом. Первыми с Забалуевым финишировали из всей группы.

– Ну что же, это хорошо. Тем более, что беговые дисциплины тоже играют важную роль в физической подготовке, это, помимо кросса, еще бег на 100 метров и преодоление полосы препятствий, – офицер сделал какие-то пометки в своем блокноте. – Но в ближайшую зимнюю сессию Вам предстоит сдавать физическую подготовку в спортивном зале, а значит – только гимнастику. Причем, подъем переворотом не один раз, как у вас было при поступлении, а минимум пять, а также подъем силой и поднимание прямых ног к перекладине. Кроме этого – упражнение на брусьях и прыжок через коня. Так что, подумайте еще раз, сможете ли Вы обучаться в училище? Взвесьте все, поразмыслите и, если сомневаетесь, возвращайтесь домой.

– Товарищ старший лейтенант, я не для того ехал сюда поступать, чтобы возвращаться домой. Этому мне делать никак нельзя. Это будет предательством по отношению к моему покойному отцу.

– Ну, смотрите. Легкой жизни я Вам не обещаю. Как и майор Климов, начальник физической подготовки училища. Он лично будет вести наш курс и принимать у вас зачеты.

– Я знаю. Он мне сам об этом говорил на мандатной комиссии.

– Хорошо. Если вопросов ко мне нет, можете идти.

– Есть! – Алексей четко, как учил сержант Чернов, повернулся кругом и пошел к выходу. Он уже не видел, как беседовавший с ним офицер улыбнулся ему вслед и сделал в блокноте еще одну пометку.

Следом за Васильцовым в канцелярии побывали еще несколько человек, когда замкомвзвода дал команду взводу строиться в коридоре напротив своего расположения. «Чего он выслуживается, – подумал

Лешка, – другие-то взвода продолжают заниматься личным временем». Тем не менее команду выполнять надо, и он стал в строй.

– Слышали, что старшина утром приказал? – Глуценко прошелся вдоль строя. – Значит, во исполнение его приказа будем тренировать утренний подъем. Сейчас разойтись по своим отделениям и научиться укладывать перед отбоем свои вещи на табуретах! Командиры отделений покажут. Через пять минут всем стоять на этом месте. Разойдись!

Взвод разбился на отделения. Алексей поспешил к своему сержанту Чернову, который показал, как нужно складывать на табурет свое обмундирование и ставить сапоги, чтобы быстро их надеть, после чего велел идти в строй. Через пять минут, как и было приказано, четвертый взвод в полном составе стоял перед своим командиром.

– Взвод, отбой! – Скомандовал Глуценко.

Все курсанты, за исключением командиров отделений, разделись, сложили, как им показали, обмундирование, поставили сапоги, разобрали свои постели и легли как бы спать. Лешка успел зыркнуть по сторонам: чуть в отдалении строился, видимо с подобной же целью, первый взвод, а вот во втором и в третьем, похоже, приказ старшины выполнять не спешили. Он вздохнул и нырнул под одеяло.

– Взвод, сорок пять секунд, подъем! – услышал он голос замкомввода и, быстро прыгнув с койки, кинулся к своим вещам. Вокруг него так же проворно одевались другие ребята. Накинув гимнастерку, надев пилотку и схватив ремень, чтобы застегнуть его уже в строю, Алексей поспешил на место построения. Там уже стояла примерно половина личного состава, остальные еще тянулись. Одним из последних стал в строй Андрей Задорин. Глуценко посмотрел на часы:

– Полторы минуты. Плохо. Надо, чтобы взвод стоял в строю через сорок пять секунд. Значит, будем тренироваться еще.

– Товарищ младший сержант, а Вы сами покажите, как нужно подниматься за сорок пять секунд, – предложил кто-то в строю, и Лешка сразу узнал этот голос.

– Кто это сказал? – Грозно, с металлом в голосе спросил Глуценко.

– Курсант Забалуев.

– Так, за нарушение дисциплины строя курсанту Забалуеву объявляю три наряда вне очереди на работу. После отбоя – в распоряжение дежурного по роте. Что надо сказать, курсант Забалуев?

– Есть три наряда вне очереди!

– То-то же. Следующий раз будешь думать, когда, что и где спрашивать. В учебке, в учебной части, – пояснил младший сержант, видя непонимающие глаза многих стоящих перед ним, – где я служил, тебя бы не так еще наказали.

– Но мы не в учебке, а в военном училище, – вскинулся Лешка из чувства солидарности: не хотелось оставлять Михаила одного на ночную вахту.

– Это еще что за знаток выискался? – Глуценко никак не ожидал услышать возражений и от неожиданности не сразу пришел в себя. – Кто это сказал?

– Курсант Васильцов.

– Тоже три наряда вне очереди на работу. Есть еще подобные умники? – Взвод молчал. – Взвод, отбой!

Раздеваясь, Мишка пожал Алексею руку, и они разошлись по своим койкам. Выполнить подъем предстояло, скорее всего, еще раза два. Так и случилось. Последний, третий раз в сорок пять секунд уложились все, кроме Задорина. Андрюха одевался подчеркнуто неторопливо, тщательнее обычного, чем довел замкомвзвода до белого каления:

– Что такое? Как фамилия?

– Курсант Задорин.

– От имени старшины роты пять нарядов вне очереди!

– А от имени Министра Обороны сколько нарядов дашь? – Задорин с усмешкой посмотрел на потерявшего от такой дерзости дар речи младшего сержанта. – Да плевать я хотел на твои наряды.

– Завтра же доложу командиру роты о твоём поведении!

– Да хоть командиру батальона. Мне все равно, завтра сам напишу рапорт, чтоб меня отсюда домой отправили. Надоели твои выпендрежи. И прекрати выслуживаться, ребят без толку гонять. А то я тебе попросту сейчас здесь морду набью, и дело с концом.

Посмотрев на ладную, крепкую фигуру Задорина, на его внушительные кулаки, Глущенко решил судьбу не искушать: все-таки присягу еще не принимали, а этому сумасшедшему ничего не стоит подорвать его авторитет среди этих юнцов. Он дал команду разойтись и заниматься личным временем, а сам вышел на улицу, где к нему подошел Виктор Чернов:

– Ну что, получил? Остынь, остынь, на меня прыгать не надо, – сказал он, заметив негодующую реакцию на свои слова со стороны замкомвзвода. – Глупо ведешь себя, Ваня. Откуда такая обозленная реакция? И чего ты добился? Вынудил уйти хорошего парня, из которого, уверен, и офицер бы получился неплохой. Да и нарядами так раскидываться не стоит.

– Меня в учебке за такие вещи по головке не гладили, – упрямо возразил Глущенко.

– Я тоже в учебке был, в той же, что и ты. Да, там было по-другому все: и дисциплина, и порядки. Но ты учти, что эти пацаны – не солдаты, которых по призыву сюда пригнали, они добровольно пришли, чтоб учиться и стать офицерами, заметь – учиться наравне с нами. И нам не раз придется у них помощи просить: знания у них после школы свежее, чем у нас, а программу учебы обещают, как в институте.

– И что мне теперь делать? – в голосе младшего сержанта уже не было металла, и прослушивалась явная растерянность.

– Ну, Задорин, видимо, уже отрезанный ломоть, парень упрямый, норовистый и от своего решения уже не отступит, хотя, повторюсь, жаль. Но тем двоим я, пожалуй, наряды бы отменил. Учить пацанов надо, а не наказывать сходу. Да и командир взвода твоих методов не одобрит, уверен.

– А как мой авторитет? Ведь теперь со мной никто считаться не будет.

– Вот если будешь сначала думать и не станешь принимать поспешных решений, то и авторитет завоюешь не только у пацанов, но и у

меня. Ладно, пойду посмотрю, чем мои орлы сейчас занимаются. Прогулка скоро.

А «орлы» тем временем обступили Андрея Задорина.

– Зачем ты, Андрюха, так? – Пашке Зубову было жаль терять хорошего, надежного друга. – Ничего бы страшного не случилось, подумаешь – пару раз бы потренировались...

– Да, понимаешь, такая злость накатила, когда он начал над нами издеваться. Кому он нужен, этот подъем за сорок пять секунд? Что, учиться лучше будем от этого? Ишь ты, падла, пришел со старшиной из учебки, и давай нам здесь права качать. Не знаю, пацаны, как вы, а мне это надоело. И это не сиюминутный порыв. Я мысль о рапорте уже пару дней, как вынашивал. Не нравятся мне здешние порядки. И то, что нас в качестве дармовой рабочей силы используют, тоже. Хотя бы и для нашего блага. Поэтому я так и порешил, обратного хода уже не будет. Поеду домой, хоть и не хотел этого делать, а там – в армию скоро. Может, в какие толковые войска направят, где такой дурости поменьше будет.

– Ну что, Андрей, говорил я тебе о необходимости подчиняться, а ты все меня во всех грехах винил, – подошел к ребятам Чернов.

– Прости, Витя, ты был прав, а я – нет. Мир? – Андрей протянул сержанту руку.

– Мир, – Чернов пожал протянутую руку и дружески приобнял Задорина. – Когда будут в армию призывать, постарайся попасть в умные войска, в радиотехнические, например, или в связь... Туда, где меньше командования, а больше мысли. Там тебе полегче будет. Ну, а мы уж тут будем воевать.

– Спасибо за совет. Еще раз извини, что не понял тебя тогда.

На вечерней поверке зам. командира взвода младший сержант Глуценко объявил, что отменяет ранее назначенные Забалуеву и Васильцову наряды вне очереди, но предупредил, что требовать дисциплину и порядок впредь будет так же строго, как и прежде. Что касается тренировок «отбой-подъем», то сегодня их больше не будет, но если утром подниматься взвод будет долго и неорганизованно, то он оставляет за собой право с разрешения командира взвода эти тренировки возобновить.

Наутро по сигналу «Подъем!» ребята решили не искушать судьбу и дружно выскочили на улицу к вящему удовольствию Глуценко и старшины роты Рудакова, сразу отправившего подчиненных к месту проведения физзарядки. Казарма опустела. В ней остался только наряд – дежурный по роте сержант со своими дневальными – да сладко потягивавшийся в своей постели Андрей Задорин. Кинувшегося к нему возмущенного таким непорядком дежурного Андрюха послал по известному адресу и показал ему написанный накануне рапорт с просьбой об отчислении из училища.

После завтрака Алексея с Мишкой Забалуевым уже поджидал возле выхода из столовой зав. продовольственным складом старшина Воронько:

– Так, хлопцы, не забыли, что со мной едете? Вон там, возле скла-

да, стоит бортовой ЗИЛ-130, забирайтесь в кузов и ожидайте меня. Я вашу остальную команду отведу к Комову, и поедем.

– А далеко, товарищ старшина? – Не утерпел Лешка.

– Километров пятьдесят, так что набирайтесь терпения.

Возле склада действительно стоял одинокий грузовик, возле кабины которого на подножке невысокий солдатик, по виду уроженец Средней Азии насвистывал какую-то восточную мелодию. На приветствие ребят он не ответил, молча указав им на кузов, куда они и полезли. Едва устроились за кабиной на доске – сидении, как к машине подошел их начальник:

– Ну что, Рагим, сегодня в Нестерово за картошкой. Готов?

– Так точно, товарищ старшина!

– Тогда – вперед.

Ненадолго притормозив возле КПП, грузовик выехал за ворота и сразу повернул налево, проехал немного по широкой, засаженной тополями улице и вскоре оказался за городской чертой. Лешка то и дело крутил головой по сторонам, ему все было интересно, ведь он ехал здесь впервые, из лагеря в училище въезд был с другой стороны.

По ходу движения перед ним во всей своей красе представляла прежде незнакомая лесостепная местность. Он, разумеется, не знал, что за четыре года исходит и изъездит эти окрестности вдоль и поперек, и сейчас просто любовался ими. А любоваться было чем. За рощами по обочинам могучими деревьями виднелись широкие поля, пересекаемые прямыми, как под линейку, лесополосами. На полях кое-где проглядывали участки степного ковыля и каких-то других трав, но в основном эти поля по весне распахали и засеяли, и сейчас труд людей был налицо: волнами перекатывающиеся под ветром зелено-желтые массы пшеницы перемежались с плантациями подсолнечника, чьи золотисто-черные блюдца кланялись всем проходящим и проезжающим. Часто мимо их машины проплывали поля зеленой ботвы, то ли морковной, то ли свекольной, то ли еще какой-то. Встречалось много садов с ветками, ломившимися от тяжести спеющих яблок и груш. Неоднократно они проезжали через населенные пункты, большие степные села, где кирпичные дома чередовались с небольшими хатами – мазанками, при этом и те, и другие были обсажены плодовыми деревьями, везде радовали глаз большие яркие цветники. И почти в каждом населенном пункте находилось по одной, а то и больше братской могиле с обязательным над ней памятником в виде скорбно склоненной фигуры солдата: бои в этих местах во время минувшей войны шли нешуточные, сам Холмоград несколько раз переходил из рук в руки.

Наконец в одном из сел грузовик съехал с дороги и остановился возле красивого одноэтажного дома с украшенными резными деревянными наличниками окнами. Старшина вылез из кабины, махнул находящимся в кузове рукой: сидите, мол, и скрылся во дворе за широкими деревянными воротами.

– Эй, сынки, налетай! – услышали ребята и, обернувшись, увидели проезжающую мимо них телегу, полную больших, красивых красно-желто-белых яблок, очевидно, только что снятых с дерева. Шедший

сбоку от телеги возница, средних лет мужичок остановил лошадь и повернулся к курсантам. – Берите, берите, чего смотрите! Не обеднеет колхоз, если солдатики немного подкрепятся. Набирайте, сколько сможете.

Долго упрашивать их необходимости не было: вид яблоч говорил сам за себя, поэтому и Алексей, и Михаил в момент слетели с машины, набрали в подолы гимнастерок яблоч и, поблагодарив мужика, быстро забрались обратно. Тем временем, из ворот дома вышел старшина:

– К машине, хлопцы! Давайте в дом, там пообедаем и потом поедем на поле. К вашему счастью, там сейчас полеводческая бригада работает, бабы нам быстренько машину нагрузят, и вам упираться не придется.

Накрытый обеденный стол ломился от обилия расставленных на нем блюд, тут были и различные салаты, и несколько видов мяса, а пустые глубокие тарелки подразумевали, что будет еще и горячее первое.

Ребята вымыли под струей из раковины руки, зашли в дом, где поздоровались с хозяйкой всего этого изобилия, веселой румяной женщиной средних лет, приветливо пригласившей всех за стол. Смущенно переглядывавшихся между собой парней подбодрил вошедший следом за ними вместе с водителем старшина:

– Садитесь, садитесь, раз приглашают. Здесь люди хорошие и военных уважают.

Все уже расселись за столом, когда в дверях появился хозяин дома, высокий статный мужик с бутылкой белой полупрозрачной жидкости.

– О, вот это дело, – оживился старшина, – а то, какой обед без хлебной. Этим хлопцам, – он указал на Алексея с Мишкой, – тоже налей, пусть привыкают. Вот только Рагиму нельзя, он за рулем.

– Ничего, товарищ старшина, со временем наверстаю, – с белозубой улыбкой отозвался шофер.

Хозяин налил всем кроме солдата, самогон. Лешка смущенно смотрел то на жидкость в стакане, то на старшину, который понял причину смущения парня:

– Не бойтесь, ребята, здесь вы со мной, и я за вас отвечаю; а я верю, что вы не хлюпки – слюнтяи, а будущие офицеры нашей Советской Армии. И не обижайте хозяев: это – мой брат Андрей, а это – его жена, моя, стало быть, сноха Мария. Обратите внимание – я им позвонил всего два часа назад, что приеду, а они вон какой обед приготовили! Помнят войну. И многие ее здесь помнят, хоть уже больше двадцати лет прошло. Помнят и не хотят, чтобы все, что было тогда, опять повторилось. Потому и любят здесь военных, что все мы – и я, и вы – Армию представляем, которая победила и всякую нечисть отсюда выгнала, а не потому, что мы такие уж красавцы.

– Ну что ты, Павло, хлопцы тоже гарные, – зарделась румянцем Мария.

– Ладно, хватит речи говорить, обед стынет, – Андрей поднял свой стакан. – За нашу родную Красную Армию, чтобы она всегда была крепкой и непобедимой!

Холодный самогон приятно освежил горло и пошел удивительно легко. Закусили. Тем временем Мария принесла чугунок с густым го-

рячим борщом и налила каждому, особое внимание обратив на ребят:

– Ешьте, мальчики, на здоровье, когда еще домашнего поедите...

От обилия потребленной пищи стал давать о себе знать перегруженный желудок, да и потребленный самогон тоже не прошел бесследно.

– Товарищ старшина, можно мы во двор выйдем? – Лешка потянул за рукав Забалуева. – А то с непривычки да от такого изобилия что-то голова немного кружится.

– Ну, пойдите, посидите на лавочке, – разрешил старшина.

Сердечно поблагодарив хозяев за такой прекрасный обед, ребята вышли во двор и присели на широкую деревянную скамейку. Настроение было прекрасное, уж чего-чего, а такого приема они никак не ожидали. Тем более, что свежий воздух и сытная домашняя пища почти полностью нейтрализовали действие алкоголя. Немного погодя из дома вышел водитель, а вскоре – и старшина со своим братом.

– Как, хлопцы, самочувствие? – Воронько усмехнулся в свои густые усы.

– Нормально, товарищ старшина!

– Ну, тогда поехали.

Ехать пришлось недалеко. Меньше, чем через полчаса, машина выехала на поле и остановилась возле огромной горы картофеля, непрерывно пополняемой с подъезжающих сплошным потоком тракторных прицепов. Старшина с братом, оказавшимся главным агрономом колхоза, подошли к бригадиру, сухонькому пожилому мужичку, каким-то невероятным образом поддерживавшим порядок среди этого бруновского движения:

– Привет, Микола! Ударно трудитесь.

– А чего время терять, пока погода стоит?

– Ну, что, отпустишь нашей армии пять тонн картошки?

– Пусть забирает, если надо.

– А загрузишь?

– Ладно, так и быть, выручу. Людей хватает.

Грузили картофель плетеными ивняком корзинами, в основном, женщины, и молодые, и уже в годах, а также двое парней явно допризывного возраста. Глядя на их огрубевшие руки, растрескавшиеся от тяжелой работы пальцы, ребята испытывали мучительную неловкость: им, молодым и здоровым бугаям старшина поручил вести счет высыпаемым в кузов корзинам, а женщины должны были эти корзины таскать и поднимать. Они попытались помочь, но старшина им вмешиваться в процесс погрузки запретил: лучше, дескать, считайте, сколько загрузили. Впрочем, полеводы, привычные к такому тяжелому труду, работали весело и споро, с веселыми шутками, иногда довольно солеными, то и дело подначивая смущенных курсантов. Наконец кузов был почти полон. Старшина спросил у Алексея, а затем у Мишки, сколько они насчитали корзин и, получив одинаковое число, определил количество взятого груза. Получилось около пяти тонн.

– Достаточно. На весах точную цифру узнаем. Спасибо, бригадир! И вам спасибо, девчата! Без вас мы бы долго здесь упирались. – Во-

ронько, а за ним и ребята от души поблагодарили колхозников, и машина, тяжело переваливаясь на ухабах полевой дороги, медленно двинулась в сторону колхозной конторы. Курсанты пошли следом, ехать поверх картошки по такой дороге не хотелось.

Догнали машину возле правления колхоза. За то время, что они за ней шли, водитель загнал ее на огромные грузовые весы, те самые, на которых она уже побывала перед выездом на поле, и теперь старшина подписывал какие-то документы. Закончив оформление, он велел ребятам забраться наверх, распрощался с братом, и ЗИЛ взял курс на Холмоград. Растянувшись на брезенте, который они по совету старшины постелили поверх картошки, парни молча отдыхали. Хотя хмель окончательно выветрился, разговаривать не хотелось, каждый в мыслях держал что-то свое. Неожиданно машина остановилась, Воронько вылез из кабины и повернулся к ним:

– Перекур, хлопцы! Времени у нас еще много, так что, слезайте, разомните кости.

Лешка спрыгнул на землю, через мгновение его примеру последовал Михаил. Старшина достал портсигар, вытащил оттуда папиросу, закурил, потом протянул раскрытую коробку ребятам:

– Курите? – Услышав от обоих отрицательный ответ, одобрително хмыкнул и, убрав портсигар, сделал длинную затяжку. – Это хорошо, что не курите. А я вот с фронта никак отвыкнуть не могу. Что смотрите? Думаете, что я всю свою службу в училище провел да только и знал, что продукты выдавать? Нет, ребята, я с сорок четвертого года на фронте был, на Т-34 воевал стрелком-радистом. – Он снова глубоко затянулся, долго молча курил и, выбросив наконец окуроч, тщательно затоптал его в дорожный песок. – А продовольственным складом стал заведовать уже после, лет пятнадцать назад. Ладно, поехали.

До училища доехали без происшествий, хотя временами машину довольно сильно потряхивало, в эти моменты оба парня хватались за борт, чтобы, упаси бог, не десантироваться на асфальт. Наконец автомобиль въехал на территорию училища и подрулил к овощехранилищу, где их уже поджидали Володя Ветров и еще двое ребят.

– А остальные где? – старшина вылез из кабины и оглядел свое воинство.

– Картошку чистят на кухне, а мы вот заканчивали уборку погреба под новый завоз, – доложил Ветров.

– А под картофель отсек подготовили?

– Так точно, только что закончили.

– Ну что ж, молодцы. Открывайте люк, сейчас ссыпать будем, – распорядился Воронько, спустился внутрь, побыл там минут пять и, показавшись на входных ступеньках, махнул рукой водителю, чтоб ехал под разгрузку. Рагим свое дело знал, не в первый раз, видно, привозил картошку, поэтому сразу подогнал машину задним бортом к люку и открыл борт. Картофель потоком пошел в хранилище.

– Ну, как съездили? – Ветрову не терпелось узнать впечатления.

– Класс! – Лешка показал большой палец. – Особо не натрудились, а об окружающей местности много нового узнали. Да еще домашнего обеда поели. Берите, ребята, яблоки, добрые люди угостили.

– Повезло, – не мог скрыть зависти Вовка. – Завтра я поеду, а вы тут упирайтесь. Романтики мало: бери, чисти, таскай.

– Ну, если старшина возьмет, то поезжай, – великодушно разрешил Алексей, – а мы с Мишкой тут отдохнем.

– Отдохнете тут, как же, – проворчал Вовка и, взяв в руки лопату, полез в кузов ускорять выгрузку. Лешка с Михаилом последовали его примеру, остальные двое ребят, оставшиеся возле машины, лопатами же подбирали рассыпавшиеся по земле клубни и отправляли их в черное чрево хранилища. Трудились все дружно, и скоро ни в машине, ни вокруг нее картошки не было. Довольный таким быстрым окончанием работы старшина поблагодарил их и отпустил в расположение роты.

Казарма гудела как растревоженный улей. То здесь, то там кучковались курсанты, обсуждали, размахивая руками, какие-то вопросы, кто-то что-то писал, склонившись над разложенными на тумбочках листами бумаги.

– Что тут случилось? – Лешка подошел к сидевшему возле своей койки Павлу Зубову. – Что за суматоха?

– А ты что, не знаешь?

– Откуда мне знать, мы с Мишкой целый день путешествовали, только что приехали.

– Закон новый приняли, недавно сообщили. О всеобщей воинской обязанности. Теперь в армию призывать с восемнадцати лет будут, а не с девятнадцати, как сейчас. И служить будут не три года, а два, на флоте тоже меньше на год: три вместо четырех. Вот пацаны и обсуждают: учиться или отпахать два года и на гражданку.

– Что, и ты тоже не останешься?

– Нет, я четко на военную карьеру нацелился.

– И я не уйду!

– Молодец, дай пять! – Пашка протянул руку, которую Алексей пожал. – А то некоторые, в первую очередь вояки, которые по два года уже прослужили, вон рапорта пишут, на дембель собираются. Да и наши кое-кто в их сторону смотрят. Я вот чего-то за Андрюху переживаю, как бы он тоже не слинял.

И в самом деле, Хватов последние дни, особенно после отъезда своего тезки Задорина ходил как в воду опущенный. Что-то его беспокоило и угнетало, но друзьям он ничего не говорил.

– Ты же с ним вместе работаешь, вот и выясни, что его мучает, может, и расколется перед тобой как-нибудь в перерыве, – посоветовал Алексей.

– Перерывов-то у нас кот наплакал, – Павел, давая выход накопившейся злости, сердито двинул ногой соседскую табуретку. – Этот придурок, майор с огневой кафедры не дает и минуты расслабиться. Да еще орет, сволочь, на всех и слов особенно не выбирает. А Андрюшка у нас – натура тонкая, интеллигентная, подобного обра-

щения не приемлет. Ладно, постараюсь с ним поговорить после ужина.

– Скажешь мне, я тоже подойду. Пошли, на ужин строиться зовут.

После ужина все попытки разговорить Андрея Хватова не увенчались успехом. Тот отмалчивался, а под конец разговора поднял на земляков умоляющие глаза и попросил не трогать его хотя бы пару дней, после которых пообещал им все рассказать.

Действительно, через несколько дней, когда Пашка нес службу в наряде по роте, а Алексей в личное время писал матери очередное письмо, к нему подошел Хватов:

– Леша, прости, не помешаю? Можно у тебя спросить совета?

– Ну, давай, – Лешка отложил письмо в сторону.

– Слушай, я решил написать рапорт и вернуться домой. Не для меня эта военная служба.

– Вот тебе и раз! Ну, если ты уже решил, так какой совет от меня хочешь услышать?

– Да так, все-таки... Понимаешь, я ко многому был готов. Хоть у нас в семье и нет военных, но я серьезно готовился стать офицером. Книг уйму об армии перечитал. Физически себя готовил. Думал – на всю жизнь профессию выбрал. А как сюда попал, особенно в последние дни, когда из лагеря приехали... Не то это, не мое. Старшина ротный все время придирается, вот вчера в наряде мне весь вечер лекции читал и в итоге сделал вывод, что я для армии не подхожу.

– Так это он не только тебе говорит, это он и мне проповедовал. Тактика у него такая: напугать посильнее, авось нестойкий элемент дрогнет и сам уйдет, не надо приказ об отчислении писать да причину выдумывать.

– И не он один. Вот и Глущенко тоже все время придирается: то ему постель не так заправлена, то подворотничок подшит не так. Да и командир отделения тоже не подарок.

– Ну это ты зря. Антон Крючковский – сержант справедливый, как и наш Чернов. Лишнего не требует, я-то вижу.

– Все равно, не могу я, Леша, когда на меня голос повышают. Да еще ни за что. На огневом городке майор совсем достал: то траншею под кабель не в ту сторону повел, хотя сам направление показал, то мелкая она, видите ли. И орет, что все мы бездельники и лодыри, да еще матом.

– А на гражданке, думаешь, намного лучше? Там тебе никому подчиняться не придется? И где гарантия, что и там тебя никто из начальников матом не покроет за какое-нибудь упущение?

– Не знаю. Но там все-таки как-то более знакомая обстановка. Я уже прикинул: приеду, подам документы в наш машиностроительный институт. Оценки, что я здесь получил, хорошие, должны взять. Так что, высшее образование я и в Тригорске получу. А с армией покончено раз и навсегда; тем более, я слышал, в институте есть военная кафедра, поэтому и служить в армии мне не придется.

– Ну, смотри. Парень ты самостоятельный, голова на плечах есть. Раз принял такое решение, то переубеждать тебя не имеет смысла.

Только не зарекайся, что с армией покончено, можешь и в гражданке разочароваться. Жизнь-то мы с тобой не особо знаем во всей ее сложности... Что же до меня, то я отсюда не уеду ни при каких обстоятельствах. Кто бы на меня как ни давил. Из принципа.

Прошло еще несколько дней. Хватов уехал. Уехали еще несколько человек, внезапно расхотевших учиться. Алексей со своей бригадой продолжал трудиться на овощехранилище, принял участие в засолке партии огурцов, несколько раз съездил со старшиной Воронько за овощами. И все это время у него из головы не выходили уехавшие домой не захотевшие учиться два Андрея – Задорин и Хватов, а также другие внезапно разочаровавшиеся в военной карьере ребята, которых он успел узнать и с которыми подружился. Не покидала мысль: ну кому это надо, чтобы из-за самодурства и откровенной дури отдельных наделенных властью уходили отнюдь не худшие, а, возможно, и лучшие из числа желавших стать офицерами? Конечно, любой труд почетен, и в гражданской жизни смогут найти себя все, даже те, кто не подходит для военной службы ну хотя бы по состоянию здоровья. Или по определенной жизненной позиции. Это так. Но ведь говорилось в одном фильме, что есть такая профессия – защищать Родину. Не всякий для этого годится, но тот, кто подходит, кто сознательно выбирает определенные трудности и ограничения, кто, возможно, с детства готовится к кочевой цыганской жизни по разным отдаленным военным городкам, кто горит желанием испытать себя на этом поприще... И вот сталкивается такой юнец, не имеющий должного жизненного опыта и ничего за душой, кроме огромного желания, с каким-нибудь идиотом, не способным ни к чему, кроме умения глотку луженую драть, и – конец мечте всей жизни. Кому от этого польза? Делу – точно нет.

7.

Между тем, август месяц подходил к концу, и приближалось то, ради чего они находились здесь, ради чего они напряженно готовились, сдавали экзамены, переживали за их результаты. Приближалось время начала учебы.

В один из последних августовских вечеров Алексей приехал с заготовки овощей несколько позже обычного. В этот день он и Миша Забалуев ездили со старшиной Воронько в отдаленный сельский район за томатами, которые им пришлось еще и грузить, поэтому они задержались и, вполне естественно, на ужин опоздали. Старшина сам привел их в столовую, проследил, чтобы их накормили, и только после этого отпустил.

В казарме к ним сразу бросился Павел Зубов:

– Где вы ходите? Мандатка вовсю идет, скоро нашего взвода очередь.

– Какая мандатка? Была ведь уже, еще в лагере, – растерянно пробормотал Мишка.

– Какая – не знаю, но после ужина наш ротный старшина объявил, что в личное время будет новая мандатная комиссия в канцелярии

роты, – похоже, Пашка знал не намного больше их. – Первый и второй взвода уже там побывали, сейчас – третий, а скоро и наша очередь.

– Вот тебе и фокус, – развел руками Алексей, – я-то думал, что все уже, приняты...

– Сам ни черта не пойму, – Зубов тоже выглядел обескураженным. – Ладно, скоро узнаем, что к чему. Пошли, Глуценко зовет.

Младший сержант собирал ребят в расположении своего взвода. Когда большая их часть подошла, он объявил, что сейчас они подойдут к комнате для канцелярии роты, где со всеми, поступающими в училище с гражданки, будет проведено собеседование.

– А когда мандатная комиссия? – Лешка не мог ничего понять.

– Какая комиссия? – теперь уже ничего не понимал Глуценко.

– Мандатная. Мне передали, что в канцелярии будет проводиться новая мандатная комиссия.

– Кроме собеседования, ничего не будет. Все. Всем – к канцелярии!

Алексей еще не расспросил толком побывавших на собеседовании, как подошла его очередь заходить в таинственную дверь. Войдя в комнату, он под первым впечатлением подумал, что она пуста, только пелена сизого дыма поднималась к потолку, но затем, присмотревшись, увидел в углу у окна извергающего словно вулкан клубы дыма... старшего лейтенанта Бессонова. От неожиданности он не успел даже удивиться:

– Товарищ старший лейтенант! Курсант Васильцов по Вашему приказанию прибыл!

– Васильцов, Васильцов..., – старлей снова пыхнул дымом, затем подошел к столу и отыскивал в списках нужную фамилию. – А, вот, есть. Четвертый взвод?

– Так точно!

– Скажите, Васильцов, Вы по-прежнему хотите учиться в училище?

– Так точно!

– И у Вас не появилось желания отправиться обратно домой?

– Никак нет!

– Ну что ж, – Бессонов сделал отметку в списке, – можете идти.

– Есть! – Алексей четко повернулся кругом и вышел. В чем состоял смысл этого мероприятия, он так и не понял.

Утром старший сержант Рудаков объявил, что вчерашним днем их хозяйственные работы закончились, поэтому после завтрака всем следовать обратно в расположение роты, где они получают новое обмундирование и все принадлежности для учебы.

Эпопея с получением нового х/б обмундирования заняла гораздо больше времени, чем в прошлый раз, ибо требовалась более тщательная его подгонка, поэтому процесс его выдачи затянулся. К тому же старшина выдавал еще полевые сумки с необходимыми канцелярскими принадлежностями и, самое главное, наконец-то – погоны, которые приказал пришить к гимнастеркам. На недоуменные вопросы, что вроде бы их пристегивать надо, ответил коротко: пришивать! Таковы новые указания. Ну что ж, пришивать – так пришивать. И работа

закипела. Вся сложность этого процесса состояла даже не в том, что нужно было шить так, чтобы не было видно следов этого шитья, а в необходимости выдержать направление расположения погона, чтобы он находился ровно посередине плеча, не заваливаясь ни вперед, ни назад. Пришлось прибегнуть к помощи друга: сосед Мишка Белкин определил и точно наметил места для погон, после чего проделать остальное было делом техники. Вскоре из большого зеркала на Алексея смотрел молодой стройный курсант, одетый по всей форме. Но, как оказалось, это было еще не все, что ожидало ребят текущим днем. Приведя роту с обеда, старшина сделал ряд важных объявлений:

– Внимание, товарищи курсанты! Как вы все, наверно, поняли из моего утреннего сообщения, период бардака и хозяйственной вакханалии закончился. Теперь вам предстоит в сжатые сроки, а именно – за оставшиеся до первого сентября два дня привести себя в порядок и стать настоящими курсантами, по крайней мере, внешне. Поэтому первое: до конца сегодняшнего дня все, кто еще не успел, должны получить у меня новое обмундирование, подготовить его, надеть и носить. Старую, рабочую одежду сдать мне, кто еще этого не сделал. Второе. В ближайший час в роту придет фотограф, будет снимать вас для военных билетов. Если кто еще не знает, военный билет – это ваш будущий единственный документ на все четыре года учебы. Кстати, в этой связи. Если есть такие, кто не сдал еще свои паспорта – немедленно мне их сдать. Третье. У всех военнослужащих согласно уставу должна быть короткая аккуратная прическа, поэтому командир роты приказал всех курсантов роты, кто поступил с гражданки, а также заросших товарищей военных постричь налысо. Для этого замкомвзводам получить у меня машинки для стрижки волос. Все мои указания должны быть выполнены сегодня, на вечерней поверке лично проверю. Вопросы есть? Нет? Разойдись!

Из всего сказанного ребят особенно впечатлил третий пункт. Хотя большинство из них знало, что новобранцев в армии, как правило, первый раз стригут подобным образом, ибо кто-то читал об этом в книгах, кому-то рассказывали отслужившие родственники, но для кое-кого проблема расстаться со своими волосами, пусть и временно, представлялась весьма серьезной.

– Блин, у меня и волос-то почти нет, да и те, что есть, растут медленно, – сокрушался Зубов, у которого впереди действительно выглядывали внушительные залысины.

– Не горюй, Пашка, – «успокоил» его Алексей, – за четыре года все равно хоть что-нибудь, да отрастет. Тем более, вдруг твоя лысина после этой стрижки в такой бешеный рост пойдет! Красавцем станешь – хоть куда.

Зубов зло посмотрел на него, но тут же широко улыбнулся, махнул рукой и направился в казарму, долго сердиться он не умел. Лешка поспешил за ним, он дискорфорта из-за стрижки не испытывал: надо – значит надо, есть и посерьезнее проблемы.

Приказы надо выполнять, поэтому работа во взводах стала еще более интенсивной. В результате на вечерней поверке вся рота стояла

со стриженными головами, в новеньких хлопчатобумажных гимнастерках с только что пришитыми желто-черными погонами. Такие же погоны были и на гимнастерке старшины роты, правда, на них поперек еще были пришиты широкие золотистые галуны. Только сейчас до многих дошло, что старшина – такой же курсант и учиться будет наравне с ними. Знаки различия соответственно их званиям появились и на курсантских погонах Глущенко, Чернова и других сержантов их взвода и роты в целом. Впрочем, к вечерней поверке людей в роте прибавилось, появились какие-то незнакомые курсанты, часть из которых носила сержантские звания. Это и были те самые военные, которые сдавали экзамены в войсках за границей, о которых как-то говорил Ветров. Теперь они прибыли и заняли часть свободных коек, в том числе и в четвертом взводе. Держались они обособленно, в разговоры, особенно сержанты, почти не вступали, да старожилы их и не особо донимали расспросами: слишком много чего надо было успеть сделать. Успели выполнить указания старшины почти все, и Рудаков был вполне удовлетворен:

– Молодцы, товарищи курсанты, а кто не успел – ночь большая, на все хватит времени. – кратко подытожил выполненное старшина и обратился к вновь прибывшим, построившимся вместе на левом фланге роты, образуя как бы пятый взвод. – Ну, а вы как, новички, все разместились?

– Так точно, товарищ старшина! На свободных койках, где увидели – там и улеглись, – ответил за всех крепкий белокрысый сержант. – Как Вы и приказали.

– Добро. Переночуете, кто где, а завтра уже перейдете в свои взвода. Имейте в виду, всем к сведению, – Рудаков повернулся к строю, – сегодня должны еще прибыть курсанты из числа бывших суворовцев. Они будут ночевать в отдельной казарме, чтобы нам не мешать, так как могут приезжать и поздно вечером, и ночью, а завтра они также пополнят нашу роту. Поэтому кого в какой взвод определяют – там и располагаться, свободных мест не будет. Вопросы есть?

Ответом было молчание. Тогда старшина перешел к первому взводу и открыл книгу для проведения вечерних поверок. Переключка началась.

Наутро, когда старший сержант Рудаков привел роту с завтрака, ее уже поджидал командир, майор Родионов, со всеми четверыми взводными. В общем-то, в этом ничего необычного не было: офицеры и раньше, с самого первого дня прибытия роты из лагеря утром появлялись в расположении, о чем-то переговаривали со своими сержантами, затем куда-то исчезали и появлялись изредка по вечерам, когда ребята возвращались с работы, проводя с последними всякие индивидуальные беседы. Говорили, что ротный и взводные находятся на каких-то методических сборах, поэтому курсанты уже привыкли к тому, что ими командуют, в основном старшина и заместители командиров взводов. Но на этот раз офицеры уходить не спешили, а майор, приняв доклад старшины о том, что в роте за время его отсутствия происшествий не случилось, увел того вместе со взводными командирами в канцелярию

поколдовать, как он выразился, над списками, а курсантов предупредил, чтобы далеко не расходились и были готовы по первой команде построиться вновь. Ребята, и вместе с ними Алексей, оккупировали курилку. Хотя курили из них далеко не все, но было приятно находиться среди своих и слушать всякого рода истории от бывалых вояк.

– А где кадеты, товарищ младший сержант? – спросил Зубов у стоявшего здесь же зам. командира взвода.

– Не знаю, отсыпаятся наверно. Я у дежурного по кухне интересовался, так тот сказал, что завтрак им отдельно накроют, после нас. Да, новость, друзья: обедать будем в курсантской столовой, открывают ее, уже и официантки собираются. – Глущенко после случая с Задорным все же, видимо, переосмыслил свое служебное рвение и старался по примеру Чернова и других сержантов быть ближе к подчиненным, хотя прежний дух учебки нет-нет, да и прорывался в нем.

Спустя некоторое время вдали показался какой-то строй. По мере приближения все отчетливее стали различимы курсантские погоны на плечах у шедших в строю парней. Это было странное шествие, и, в первую очередь, из-за разношерстности составлявших его курсантов, часть из которых была в парадной форме, то есть в фуражках, мундирах и синих брюках–галифе, часть – в хлопчатобумажном обмундировании, при этом у последних на головах фуражки соседствовали с пилотками. Нескольким человек вообще вышагивали в солдатском «х/б» с защитного цвета матерчатыми погонами. Цветовая гамма погон и фуражек так же была разнообразной, преобладал красный цвет, но было немало и черного. Да и шли в строю курсанты хоть и в ногу, но свободно, с веселыми улыбками и разговорами. Подойдя к казарме пятой роты, колонна остановилась по команде стройного парня в «х/б» и в фуражке с приобмякшими краями и с черным околышем. Из входных дверей выскочил старшина, увидев, очевидно, прибывших из окна канцелярии:

– Я – старшина пятой роты старший сержант Рудаков. Что это за войско? Может кто-нибудь доложить?

– Это – можно, – командовавший строем курсант повернулся к своим товарищам. – Напра-во! Равняйся! Смирно! Товарищ старший сержант! Курсанты пятой роты из числа выпускников суворовских училищ в распоряжение командования роты прибыли. Докладывает курсант Пчельников.

– Вольно! – скомандовал старшина, и курсанты-суворовцы приняли данное положение еще до дублирования команды их товарищем. Это Рудакову не понравилось, как и то, что докладывая, курсант демонстративно указал, что прибыли в распоряжение командования, а не в его распоряжение.

– Да, дисциплинка, – почесал затылок старшина. – Ничего, всех образумим. Начнем с формы. Скажите-ка, товарищ курсант...

– Пчельников, товарищ старшина, – подсказал тот свою фамилию.

– Скажите, товарищ курсант Пчельников, почему у вас в одном строю столько форм одежды: и парадная, и повседневная, и еще бог весть какая?

– Так ведь, товарищ старшина, сколько в Союзе суворовских училищ? Около десятка. И каждое отправляло в той форме, какая у него была: кого в красной форме, кого в черной, – не замедлил ответить Пчельников; было видно – за словом в карман не полезет.

– Кого в парадной форме, кого – в «х/б», – в тон ему ответил Рудаков. – Ладно. Дискуссию устраивать не будем, а будем выполнять приказ старшины. Сейчас, после того, как я проверю вас по списку, возвращаетесь на место вашей ночевки, забираете все свои вещи и несете сюда. Складываете все в бытовой и ленинской комнатах, кому места там не хватает – в коридоре, уж не взыщите. И немедленно приводите в порядок свою повседневную форму. Через, – он посмотрел на часы, – два часа будет общее построение роты, и все должны стоять в строю в «х/б», пилотках и в яловых сапогах! И погоны к гимнастеркам всем пришить черного цвета с танковыми эмблемами. Кому нужно – получить погоны у меня. Кто успеет – можете погладить свое обмундирование, бытовка в вашем распоряжении, утюги также взять у меня. Далее. По мере готовности, но не позже чем до вечерней поверки перешить погоны и сдать мне в каптерку парадную форму, шинели и личные вещи. Всем ясно? А тебе, Пчельников, персональная задача: ищи в свою фуражку нормальной величины пружину вместо той, которую ты укоротил. Или новую фуражку в магазине военторга. В таком виде, как сейчас, я тебе ее носить не разрешу. Ишь ты, окопный поручик первой мировой войны выискался.

Сделав перекличку, старшина распустил строй, а сам со списком вернулся в канцелярию, где шло распределение всех вновь прибывших по взводам. Столпившиеся возле входа курсанты во все глаза разглядывали таинственных кадетов. Ну и что в них особенного? Такие же, как и они, парни. Такие да не такие. Хоть и различались они между собой и ростом, и телосложением, но все как один были какие-то подтянутые, вышколенные, что ли. И у всех на груди, какая бы форма на них ни была, четко выделялся маленький, серебристый, овальной формы значок с профилем Суворова и буквами под ним – СВУ.

Примерно через полчаса казарма напоминала цыганский табор. Вдоль стен и по углам, а так же по всем указанным старшиной комнатам было навалено имущество прибывших новичков, а сами они, подобно челнокам сновавшие взад – вперед по казарме, усиленно выполняли приказ старшины, вооружившись иголками и нитками. Поскольку указанного им места не хватало, гражданские ребята, успев уже перезнакомиться с прибывшими суворовцами, помогли им разместиться и работать возле своих коек. Алексей тоже привел к себе невысокого худенького паренька в солдатской гимнастерке, назвавшегося Владимиром Симаковым. Тот разложил на Лешкиной койке свою парадную форму и, получив у Рудакова пару новеньких погон с эмблемами к ним, сейчас старательно пришивал их к гимнастерке, одновременно ведя неспешную беседу с новым другом.

– А что это за форма на тебе была? – Алексей сначала не мог понять, кто перед ним стоял: курсант или рядовой солдат.

– Да нам «х/б» выдали в самый последний момент, не успел на него погоны нацепить. Ехал-то я в парадке, хотя и там надо перешивать.

– Зачем?

– А ты посмотри. Видишь – погоны посредине черные, а по краям – белые.

– Никогда таких не видел.

– То-то и оно. Инженерный состав. А здесь надо, чтобы по краям желтая полоса шла как для командного состава. Училище ведь командное. Просто в нашем городе помимо суворовского еще есть высшее инженерное училище, зенитно-ракетное, вот нам его погоны и выдали. Так что, после обеда и там надо перешить, и на шинели тоже.

– А ты так сдай, а потом перешьешь

– А вдруг построение в парадной форме объявят? Да и старшина с другими погонями не примет. Ничего, не хватит вечера – ночь впереди. Мне отец эту истину давно в голову вдолбил, он у меня подполковник, заместитель командира полка в Белоруссии, фронтовик. Он меня и в кадетку определил, я особо туда не рвался.

– Мой тоже воевал, эту войну всю прошел да еще с Японией захватил. Умер, правда, уже давно. Поэтому я без кадетки обошелся, хотя, если бы в нашем Тригорске ее не разогнали, может и поступил бы. А ты сколько учился?

– Три года. С девятого по одиннадцатый класс.

– Так это на год больше, чем я, выходит. Я-то десять заканчивал.

– А в суворовских – одиннадцатилетка. Мы ведь кроме тех предметов, что в школе проходят, еще и военные науки изучали. Но мы хоть три года учились, а вместе с нами заканчивали те, кто в кадетке с пятого класса. У них в этом году последний выпуск.

Так за разговором незаметно прошло отпущенное старшиной время. Симаков успел еще прикрепить к гимнастерке снятый с парадного мундира суворовский значок, когда поступила команда строиться. Глуценко и другие замкомвзвода собрали свои подразделения, суворовцы выстроились напротив. Старшина уже хотел начать зачитывать их распределение по взводам, но тут к нему подошел Пчельников и что-то тихо сказал. Рудаков разрешающе кивнул.

– Ребята! – Пчельников обратился к роте. – Мы прибыли из разных суворовских училищ Союза и будем вместе с вами здесь учиться. Мы все надеемся, что подружиться и будем единой семьей, но сейчас у нас к вам одна большая просьба. Не знаем, как здесь у вас, но иногда в коллективах возникает проблема воровства. Так вот, мы все очень просим вас не трогать наши суворовские значки. Они нам очень дороги. Товарищ старшина, разрешите стать в строй?

– Становитесь!

– Есть! – Пчельников приложил руку к пилотке, четко, даже с какой-то гусарской лихостью повернулся кругом и, чеканя шаг, занял место на левом фланге суворовского строя.

– А теперь приступим к комплектованию роты. Начнем с четвертого взвода. Почему – объясню позже. Чью фамилию называю, тот курсант, независимо от места его нахождения сейчас, переходит в строй

этого взвода. Список окончательный, больше изменений не будет. Итак, поехали! – Рудаков вызывал как курсантов роты, так и стоящих напротив них курсантов-кадетов. Курсант, чья фамилия называлась, должен был ответить «Я» и перейти в строй четвертого взвода. Скоро этот взвод увеличился почти вдвое. Слегка обескураженному этим обстоятельством Глущенко старшина объяснил:

– Спокойно, Иван! Сейчас я твой состав скорректирую, а заодно поясню, почему я начал именно с твоего взвода. Внимание, четвертый взвод! – Старшина подошел поближе. – Всем курсантам, чьи фамилии я не назвал, выйти из строя и подойти ко мне!

Когда это его приказание было выполнено, Рудаков подошел к вышедшим:

– Какой иностранный язык изучали до поступления сюда? – спросил он у ближайшего к нему курсанта.

– Английский, товарищ старший сержант, – ответил тот.

– Так. – Рудаков встал между оставшейся частью взвода и теми, кто вышел. – Всего взвода касается. Поднять руки, кто из вас еще изучал английский язык!

Выполнили команду все, кто вышел, и никто из числа оставшихся в строю.

– Хорошо. Опустили руки. А теперь поднимите руки те, кто изучал немецкий язык!

Подняли почти все, кто остался в прежнем строю, в том числе и зам. командира взвода Глущенко, и командиры отделений Чернов с Квашниным. Лешка тоже поднял свою руку, толкнув в бок стоявшего рядом Белкина:

– А ты чего не поднимаешь?

Ответить тот не успел, так как возле них остановился старшина, который задал Мишке этот же вопрос.

– Так я же французский учил, товарищ старшина, – ответил Белкин.

Рудаков удовлетворенно хмыкнул:

– И вот товарищ сержант, – он посмотрел на Крючковского, также не поднявшего руку, – тоже наверно этот язык изучал.

– Так точно, товарищ старшина, – подтвердил тот.

– Ну вот, ты понял, товарищ младший сержант Глущенко, в чем дело? – Рудаков хотел подвести некий итог проделанной работе, но увидел, что замкомвзвод по-прежнему смотрит на него удивленными глазами. – Не понял? Ладно. Всем опустить руки! Командование батальона приняло решение сделать Ваш взвод, товарищ Глущенко, немецко-французским, то есть, половина взвода будет изучать язык немецкий, а вторая половина – французский. Все четыре года. А «англичан» от тебя заберем. Сейчас понял?

– Понять-то понял, товарищ старшина, но тогда у меня людей будет меньше, чем положено. Больше половины забираете.

– Не будет. К тебе перейдут «французы» как из нашей роты, так и из четвертой, и из шестой. После обеда их к тебе откомандируют. Распределишь всех по отделениям и доложишь, сколько бойцов у тебя

станет в строю. Если одного – двух не хватит до тридцати – дополним «немцами» из других взводов. А вам, друзья, – обратился Рудаков к вышедшим из строя четвертого взвода, – определим другие подразделения, какие – укажу чуть позже. Я понимаю, что многие уже сдружились между собой, но ничего поделать не могу – приказ есть приказ. Тем более, что все равно все вы в нашей роте останетесь, недалеко друг от друга будет находиться.

К Лешкиной радости остались во взводе его друзья, как прежние – Zubov, Белкин, Ветров, Коля Синев, Димка Павлов, так и появившиеся новые из числа бывших суворовцев: Володя Симаков, «француз» Коля Пчельников и другие. Кто как, а Алексей этим обстоятельством был доволен.

К вечеру взвод был полностью укомплектован, перемещения курсантов как в строевых списках, так и связанные с их размещением в казарме закончены, и на вечерней поверке старшина с удовлетворением объявил:

– Вот теперь рота выглядит так, как и должна выглядеть. Завтра – последний организационный день. Получите у меня шинели, которые необходимо полностью оборудовать погонами и петлицами и сдать мне в каптерку. Ну и в течение дня всем почиститься, выгладить обмундирование, подшить свежие подворотнички. Словом, чтобы утром послезавтра на торжественном построении в честь начала учебного года выглядели как с иголочки. Заместители командиров взводов, отвечаете за внешний вид своих подчиненных! И найдите время потренировать свои взводы на предмет прохождения строем с отданием воинской чести, чтоб не опозорились, когда будете мимо трибуны с начальством проходить. Тренировка в составе роты будет перед вечерней прогулкой. Я проведу. И еще. Всем прибывшим в роту суворовцам после завтрака под командой, – он посмотрел в сторону четвертого взвода, – этого разгильдяя Пчельникова пройти медицинскую комиссию!

Прошел еще день, и, наконец, солнечным погожим утром первого сентября училище выстроилось на большом строевом плацу всеми своими четырьмя курсами, то есть батальонами. Именинниками, конечно же, были они, молодые, находившиеся на самом старте долгого учебного пути, преисполненные гордости за себя и сиявшие поэтому как медные пятаки, усердно начищенные пастой ГОИ. В новеньких выглаженных х/б гимнастерках и брюках, в надраенных до невероятного блеска сапогах, затянутые ремнями с бляхами, отражавшими яркие лучи осеннего южного солнца, они словно выплескивали из себя всю радость и гордость, которые переполняли их от осознания того, что они совершили. Тем более, что утром накануне командир роты майор Родионов объявил, что состоялся приказ начальника училища, и все они отныне официально являются курсантами Холмоградского высшего танкового командного училища. Все, стоящие сейчас в одном строю. Это и вчерашние гражданские парни, и уже прослужившие в армии кто год, кто два, а кто и три года, и бывшие суворовцы. Последние слегка отличались от своих сверстников с гражданки тем, что под пилотками у них остались короткие аккуратные прически.

Накануне они наотрез отказались выполнять распоряжение старшины стричься налысо, организовались, выбрали делегацию к командиру роты и в ходе переговоров с последним добились разрешения не стричься под ноль, а просто уменьшить длину волос по типу прически «полубокс». Этот вариант тоже не совсем устраивал кадетов, но был компромиссным между требованиями командования и желанием ребят.

– Ладно, учеба начнется, а там посмотрим, у кого какая прическа будет, – выразил их общее мнение Коля Пчельников. Вообще, эти парни с суворовскими значками с первых дней показали такую степень самоуважения и организованности, что остальные курсанты, особенно семнадцатилетние пацаны с гражданки, потянулись к ним. Эти бывшие суворовцы как бы сцементировали весьма разношерстные, особенно на первых порах, курсантские коллективы.

Между тем, на трибуне строевого плаца появились начальник училища со своими заместителями, другие старшие офицеры. Митинг получился непродолжительным. Приняв доклад своего заместителя полковника Кузнецова, знакомого ребятам в качестве председателя мандатной комиссии, о готовности училища к началу нового учебного года, генерал поздравил всех с этим самым началом, на что услышал в ответ троекратное «Ура!»; затем последовали короткие выступления офицера-преподавателя, курсанта старшего курса и начальника политотдела, после чего начальник училища приказал развести всех по местам занятий.

Какие занятия будут у них, Лешка уже знал: накануне в их роте появилось расписание, из которого следовало, что начнется учеба с тактической подготовки, а именно: с двухчасовой вводной лекции, которую прочитает для всего курса начальник училища. Далее следовали: двухчасовая же лекция по истории КПСС для всей роты и по одному часу строевой и физической подготовки, причем последние две дисциплины проводили с каждым взводом их командиры.

Эти же строевая и физическая подготовка значились и в расписании следующего дня, но здесь уже было и кое-что новое: начертательная геометрия, военная администрация и уставы Советской Армии. В конце расписания первого дня значилась самоподготовка, в конце второго – выезд в учебный центр. Алексей слегка напрягся, увидев название предмета, называемого в просторечии «начерталка», и вспомнив свою сдачу математики на вступительных экзаменах, однако затем успокоился, прочитав в графе «преподаватель» фамилию не злосчастного Зубочана, а какой-то Фроловой.

Вообще выглядело вывешенное на ротной Доске документации расписание как-то необычно: на две недели было запланировано большое количество дисциплин, причем ни один последующий день не повторял стопроцентно предыдущий. «Странно как-то, – размышлял Лешка, – в школе все было куда определеннее; по понедельникам, например, одни уроки из недели в неделю, по вторникам – тоже, и так далее до конца недели, а потом новая неделя, и все те же уроки в те же дни. Здесь же никакой системы не наблюдается».

Ясность внес командир взвода, заглянувший к ним на самоподготовку в первый день учебы. Взвод к этому времени уже находился в определенном ему расписанием учебном классе, и, поскольку проведенные сегодня занятия не предполагали выполнения какого-либо домашнего задания, то занимались курсанты кто чем. Одни, например, писали домой письма, другие от нечего делать просто изучали потолок. Кое-кто за своим столом элементарно спал. Алексей, довольно подробно законспектировавший лекцию по истории партии, теперь внимательно перечитывал записанное им и исправлял выявляемые неточности или недописанные обрывки слов и целых абзацев, пока еще свежа в памяти прочитанная тема.

Проводивший самоподготовку Глущенко сидел за учительским столом и следил за порядком, периодически делая замечания слишком разговорчивым подчиненным. Особенно часто на язык замкомвзвода попадал веселый и разбитной Коля Пчельников, у которого никак не получалось заниматься чем-то спокойно и в одиночку. Вот и сейчас он, баламут и заводила, что-то вполголоса рассказывал сидевшим вокруг него за соседними столами ребятам, и они прыскали от смеха.

«Все-таки хорошо, что Колька изучает французский, иначе он к нам мог бы и не попасть, а без него было бы скучно», – подумал Алексей и окинул взглядом всю аудиторию. Вот склонился над тетрадкой Боря Тишков, бывший суворовец из того же училища, что и Пчельников, и тоже «француз», красивый стройный паренек, родители которого жили на юге страны в одной из кавказских республик. Очевидно, им он и писал сейчас письмо, сидя за столом в среднем ряду. Вот за своим столом в ряду возле окна играли в «морской бой» Слава Кривцов и Вася Иванов, уже познавшие армейскую службу. Лешка невольно улыбнулся, вспомнив, как Васька привел в роту группу собранных со всего курса ребят, изучавших французский язык. Тогда он, что называется, на полном серьезе громогласно доложил старшине: «Товарищ старший сержант! Отделение французов в Ваше распоряжение прибыло. Докладывает рядовой Иванов», на что старшина ответил, что сочетание «французы» и «Иванов» – самое то, что надо. Напарник Василия по «морскому бою» Слава Кривцов, такой же высокий и худой, как и Иванов, тоже отслужил в армии больше года, только в радиотехнических войсках, и в отличие от последнего приехал поступать в звании ефрейтора. «Странное дело, – размышлял Алексей, – Славку никто не пытается подкалывать из-за его звания и как-то подшучивать над ним, не то, что над Синевым, хотя Николай и по возрасту старше всех во взводе и служит уже третий год». Вот Лешкин взгляд нашел в ряду третьего отделения Пашку Зубова, единственного, кроме него, тригорца, сумевшего поступить в училище. А вот подмигнул ему из среднего ряда Миша Забалуев. «Хорошие все-таки ребята в нашем взводе, – подумал Алексей, – знакомы по времени всего ничего, но кажется, что мы давно уже как одна семья, к каждому испытываешь какое-то расположение, какое-то доброе чувство мужского братства».

– Взвод, встать! Смирно! – раздался резкий голос Глущенко, когда внезапно открылась дверь, и в класс вошел командир взвода. – Това-

рищ старший лейтенант! Взвод занимается самоподготовкой. Заместитель командира взвода младший сержант Глущенко.

– Вольно! Садись! – Трунов подождал, пока взвод выполнит его приказание, после чего прошелся туда–сюда вдоль стены с коричневой, так похожей на школьную доской и обратился к своему заместителю:

– Ну и чем же конкретно занимается взвод?

– Подводим итоги сегодняшних занятий и готовимся к завтрашнему дню, – немного растерянно доложил Глущенко. – Мне передали, что Вы на самоподготовке дадите кое-какие указания, поэтому я дождался Вас.

– Это хорошо, что Вы, товарищ младший сержант, меня дожидались, но тем не менее отведенное время можно было бы использовать более продуктивно, – командир взвода не скрывал своего недовольства. – Например, стоило бы ознакомить курсантов с уставами Советской армии. Вы их, конечно, будете изучать подробно, но вот показать и кратко рассказать, что они из себя представляют, можно было бы.

– Виноват, товарищ старший лейтенант, не подумал об этом, – зам. командира взвода счел за лучшее не противоречить своему командиру.

– Ну, хорошо, – старший лейтенант занял место за учительским столом, отправив Глущенко на свободное место в первом ряду в компанию к сержанту Чернову. – Сейчас решим несколько организационных вопросов. Первое. Приказом начальника училища младшему сержанту Глущенко присвоено звание «сержант».

– Служу Советскому Союзу! – вытянулся в струнку свежеиспеченный сержант.

– Садитесь, товарищ сержант! Кроме Вас, этим же приказом звание «младший сержант» присвоено командиру отделения курсанту Квашнину.

– Служу Советскому Союзу! – вскочил с места и четко по уставу ответил Михаил, который хотя и командовал отделением, но был рядовым курсантом, как и Синев с Кривцовым, так как их ефрейторские звания не сохранились после зачисления в училище.

– Садитесь! – Трунов подождал, пока Квашнин займет свое место, после чего продолжил:

– Ну вот, все звания во взводе соответствуют занимаемым должностям. Теперь второе. Для того, чтобы вы могли нормально учиться, у вас всегда должны быть на занятиях необходимые учебные пособия и литература. Для обеспечения вас всем, что я назвал, нужно назначить ответственных за это дело курсантов, называемых книгоношами. Это будут два человека, старший книгоноша и его помощник, ответственные за получение несекретных материалов, и, соответственно, двое таких же книгонош, на которых ложится обязанность по обеспечению вас литературой с грифом «секретно» и такими же тетрадами, где только и можно будет делать записи по определенным предметам обучения. Должен сказать, что вы с самого первого дня будете изучать новейший, только недавно принятый на вооружение танк; естественно, что все материалы по нему засекречены, так что и объем работы у

книгонош – секретчиков будет приличный. Есть желающие стать книгоношами?

Желающих не оказалось. Тогда взводный прошелся пару раз между рядами и сам назначил тех, о ком только что говорил. В результате секретными книгоношами стали сидевшие за одним столом Вячеслав Кривцов и Василий Иванов, а несекретными – Владимир Ветров и Михаил Белкин.

– Теперь третье, – опять взял слово командир взвода. – Расписание занятий все видели? Изучили его? – он неожиданно обратился к Васильцову.

– Видеть – то видел, но какое-то оно странное, товарищ старший лейтенант, – поднявшись со своего места, ответил Лешка.

– И что же в нем странного?

– Так ведь на две недели всего. А что потом дальше будет? И почти каждый день новые предметы...

– Не так, как в школе, Вы хотите сказать? Садитесь! – разрешил Трунов. – Конечно не так. В школе у Вас было от силы десятков дисциплин, а здесь будет за сорок, причем половина из них – это те, что изучаются в гражданских ВУЗах. Вы ведь помимо того, что основная ваша специальность военная – командир взвода средних танков – по диплому будете именоваться инженерами по эксплуатации техники. Поэтому и сопроводат будет ваш, и высшая математика, и многое другое, что изучают в институтах. Причем, эти гражданские предметы вы, в основном, будете проходить на первом и втором курсах. Плюс иностранный язык, политические науки. Ну и главные, военные дисциплины: тактика, различные технические предметы. Как видите, учебному отделу училища, а именно он составляет расписания занятий для всех подразделений, приходится поломать голову, чтобы все это учесть. Поэтому и планируются занятия каждый раз на две недели. Имейте в виду, что в расписаниях также и наряды указываются, в которых вас еще не задействуют до принятия военной присяги.

– Так мы в наряды давно уже заступаем, – возразил кто-то с места позади отвернувшегося к доске взводного.

– Товарищ, который это сказал, очевидно, имел в виду наряды по роте, куда вы заступаете в качестве дневальных, а ваши сержанты – дежурными, – старший лейтенант глянул в ту сторону, откуда раздалась реплика. – Это одно. Но есть еще и общие училищные наряды, в первую очередь – караул. К нему вас пока привлекать нельзя до принятия присяги и закрепления за вами личного боевого оружия. Обычно в караул на сутки заступает взвод курсантов. Ну, и еще один взвод задействуется в дополнительных видах нарядов, то есть курсанты этого взвода дежурят на КПП, в техническом парке, на кухне и т.д. Кстати, в отличие от караульной службы, в остальные виды нарядов вы начнете привлекаться уже в ближайшее время, так что следите за расписанием, там это будет указано. Теперь – главное, из-за чего, собственно, я к вам и зашел. Видели, что на завтра в расписании указан выезд в учебный центр?

– Так точно! – нестройно ответили за всех несколько голосов.

– Ну, тогда имейте в виду следующее. Самоподготовки, понятное дело, завтра не будет. Вместо этого после обеда вы должны сложить свои вещи в вещевые мешки, укомплектовать полевые сумки, получить и смотать в скатки свои шинели, после чего ориентировочно в 16.00 следуем на железнодорожный вокзал Холмоград-Запад, оттуда поездом до станции Улановка, а со станции – пешком в учебный центр. Сержант Глущенко! – обратился Трунов к своему заместителю. – Сразу после обеда нужно будет получить у старшины на взвод сухой паек. Вместо ужина. Завтракать будете уже в лагере, в зимней столовой. Да, для сведения. Располагаться будете на своих прежних местах в палаточном городке, где жили, когда сдавали экзамены. Разумеется, в составе взвода, а не учебных групп. Палатки для вас уже установлены.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться! Курсант Пчельников, – поднялся из-за стола Николай.

– Обращайтесь! – разрешил взводный.

– Мы там одни будем? Я имею в виду нашу роту.

– Нет, сейчас туда выезжает весь батальон. И чтоб на эту тему больше не распространяться, скажу, что в течение месяца, может – чуть дольше, основными вашими предметами обучения будут строевая и физическая подготовка, уставы Советской армии, тактическая и огневая подготовка. Последняя дисциплина закончится практическим выполнением начального упражнения из автомата Калашникова АКМ. Эти автоматы будут вашим штатным оружием на все время учебы в училище. После стрельб из них вы будете практически готовы к принятию присяги.

– А когда присяга, товарищ старший лейтенант? – спросил, поднявшись со своего места, Миша Забалуев.

– Где-то поближе к концу октября, пока еще в руководстве училища не решили. Не волнуйтесь, вам об этом сообщат вовремя. И в этой связи мой вам совет: учите текст присяги наизусть. Конечно, когда вы будете ее принимать, она будет у вас перед глазами, но мало ли что может помешать вам прочитать ее четко, что называется – без сучка и задоринки... Излишнее волнение, например. Поэтому лучше всего ее текст просто заучить. Впрочем, до этого вам еще далеко. Так, вопросы есть? Нет? Тогда я вас покидаю, а вы продолжайте заниматься самоподготовкой до времени ее окончания и далее – по распорядку дня. И последнее. Товарищ сержант Глущенко! Вот Вам по одному экземпляру уставов. Изучайте со взводом, и чтобы такой вакханалии, как перед моим приходом, я больше во взводе не видел. Доведите до подчиненных, в первую очередь, обязанности солдата перед построением, в строю, обязанности дневального, то есть то, что их касается прямо сейчас!

– Есть, товарищ старший лейтенант! Взвод, встать! Смирно! – подал команду замкомвзвода, увидев, что офицер направился к выходу.

– Вольно! Занимайтесь! – ответил Трунов уже от дверей.

На следующий день, вернувшись с обеда, курсанты роты получили приказ экипироваться в соответствии с отданными накануне распоряжениями и строиться для следования в учебный центр. Как и остальные ребята, Алексей надел полевую сумку, за спину – вещевой мешок, а через плечо – скатку шинели, с укладкой которой промучился накануне почти все личное время, и занял свое место в строю.

– Выглядим, как чистая пехота, – заметил вполголоса острый на язык Пашка Зубов. – Нам бы еще противогаз, винтовку со штыком и все, вперед на немцев.

– Не накаркай смотри, – предостерег его Белкин. – И так достаточно уже на себя нацепили.

– И чего так рано выходим? – пробурчал рядом с Алексеем Забалуев. – Вроде бы взводный вчера говорил, что двинемся в 16.00, а сейчас и трех еще нет.

– А ты знаешь, сколько до Западного вокзала добираться? – повернулся к нему командир его отделения холмоградец Михаил Квашнин. – Одним трамваем семь остановок до Главного вокзала, затем нужно пересесть на другой маршрут, и – еще с десяток до Запада. Одному-то человеку добираться непросто, а мы такой оравой едем. Так что, все правильно.

– Прекратить разговоры в строю! – сразу разрешил все спорные вопросы сержант Глущенко. – Все узнаете, когда время придет.

В это время из дверей казармы показались командир роты майор Родионов и уже хорошо знакомый всем старший лейтенант Бессонов. Приняв доклад старшины о том, что все его распоряжения выполнены и рота готова к убытию в учебный центр, ротный обратился к подчиненным:

– Внимание, товарищи курсанты! Сейчас следуете под командованием старшего лейтенанта Бессонова на вокзал Холмоград-Запад, отсюда – пригородным поездом до станции Улановка. Обращаю внимание всех на соблюдение дисциплины и порядка при передвижении. Каждый взвод должен ехать в одном трамвае как отсюда, от училища, так и после пересадки на восьмой маршрут в районе Главного вокзала, поэтому всем держаться друг друга. Отвечают за это заместители командиров взводов. Далее. В поезд садиться тоже таким же образом, чтобы один взвод ехал в одном вагоне, и по составу никому не разбредаться! Отправление поезда на Куринск, которым вы едете, в 18 часов 25 минут, на посадку не опаздывайте, а лучше – если у вас будет какой-то запас времени. Остальной порядок действий – по прибытию в Улановку. Сегодня выезжает только наша рота, остальные придут позже. Ко мне вопросы есть, товарищи курсанты? Нет? Тогда – командуйте, товарищ старший лейтенант!

– Есть! – Бессонов пожал протянутую майором Родионовым руку и дал команду начать движение. Рота повзводно, по три человека в ряд, длинной изгибающейся гусеницей двинулась через КПП на ближайшую трамвайную остановку.

На вокзал Холмоград-Запад четвертый взвод прибыл последним, но все еще с более чем получасовым запасом времени до начала посадки в поезд. Удовлетворенный тем, что рота прибыла к месту сбора организовано, старший сопровождающий после того, как замкомвзвода доложили ему о том, что все их подчиненные находятся в строю, обратился к курсантам:

– Слышали, что командир роты сказал по поводу поезда? Поэтому, напоминаю, заместители командиров взводов, под вашу персональную ответственность, ехать каждому взводу в одном вагоне! И чтоб при высадке никого не забыли! Помните, поезд в Улановке стоит две минуты. Сейчас можно разойтись, но далеко не разбредаться, быть всем вместе; при подаче поезда взвода самостоятельно производят посадку, после чего – мне доклад. Я буду находиться в третьем взводе.

Поданный некоторое время спустя пригородный или, как их называли в народе, рабочий поезд до станции Куруинск представлял собой с десяток стареньких деревянных вагончиков, которые Лешка видел только в кино про войну и первые послевоенные годы. Входные железные, местами проржавевшие и густо намазанные вонючей масляной краской двери не закрывались, внутри вагонное пространство было разгорожено деревянными перемычками на крохотные купе. Алексей последовал примеру зашедшего в вагон перед ним Кольки Пчельникова и забросил на верхнюю деревянную же полку скатку шинели, вещмешок и пристроился в уголке возле окна. Рядом тут же устроился Забалуев.

– Что, Леша, вперед по-новому на старое место? – Мишка освободился от амуниции, нашедшей приют на той же полке, что и у Васильцова. – Говорят, часа два с половиной ехать. Можно и дремануть. Плохо только, что Бессонов нас сопровождает. Ох, чую, не к добру это. Как бы какой фокус не выкинул. Что это он без мыла кругом лезет: и физю у всех принимал, и какую-то непонятную мандатку проводил, а сейчас один из всех офицеров с нами едет. Зачем ему это?

Алексей не ответил. Он закрыл глаза и под стук колес незаметно задремал. Сколько он проспал, и что ему при этом снилось, ответить он смог бы вряд ли, так как пробуждение оказалось неожиданным и резким: кто-то бесцеремонно тряс его за плечо.

– Просыпайся, Васильцов, подъезжаем! – Лешка узнал голос своего командира отделения и с трудом открыл глаза; за окном было уже темно, свет в вагоне исходил лишь от тусклого плафона в купе и таких же светлячков в проходе к тамбуру. – Все, пробудился? – снова услышал он голос Чернова. – Надевай свое добро и дуй поближе к выходу. Две минуты всего стоим.

В проход между закутками – купе подтягивались также остальные курсанты и, как только состав, скрежеща тормозами, остановился, горохом сыпанули из вагона. Последними спрыгнули на околорельсовую щелевку сержанты Чернов и Крючковский: им Глущенко поручил проконтролировать, чтобы никто из личного состава взвода не остался в вагоне.

– Все, Ваня, пусто; высадились все, – подбежав к заместителю командира взвода, доложил Чернов. Подоспевший вместе с ним Крючковский подтверждающее кивнул головой.

– Все сюда! Рота, строиться повзводно! Заместители командиров взводов, проверить наличие личного состава и доложить! – услышали все голос Бессонова, распорядившегося на площадке перед небольшим вокзальным зданием, там светило несколько тусклых фонарей, кругом же стояла крошечная темнота.

– Так, все понятно. Четвертый взвод, за мной! – сержант Глущенко повел своих подчиненных на голос офицера.

– Ну что, все на месте? – нетерпеливо обратился он к командирам отделений, когда взвод пристроился на левом фланге роты. – Чернов, твои все в наличии?

– Так точно!

– Хорошо. Квашнин, а у тебя как?

– Все на месте, товарищ сержант.

– Так. Третье отделение?

– Все на месте, проверил, – последовал ответ Антона Крючковского.

– Молодцы. Тогда пройду докладывать. Взвод, равняйся! Смирно! – приказал сержант Глущенко и направился к Бессонову:

– Товарищ старший лейтенант! В четвертом взводе наличие личного состава проверено. Все люди налицо. Отсутствующих нет. Докладывает заместитель командира взвода сержант Глущенко.

– Вольно! – дал команду офицер, приняв рапорт.

– Вольно! – продублировал услышанное сержант и вернулся ко взводу.

– Внимание, товарищи курсанты! – обратился к роте старший лейтенант Бессонов. – Сейчас следуем в лагерь. Сами видите – ночь, кругом темно, поэтому – Что? Из строя никому не выходить, не отставать и по сторонам не разбредаться! Можно расстегнуть на гимнастерках верхние пуговицы и ослабить поясные ремни. И хорошенько закрепите все, что несете на себе, чтобы не растерять по дороге. Все. Нале-во! Шагом марш!

Ротная колонна тронулась в путь. Едва отошли от станции, как со всех сторон курсантов обступила сплошная темнота. Видимо, недавно произошло новолуние, так как луна представляла собой тоненький серп, да и тот периодически скрывался за тучами. Тем не менее, этот слабый лунный свет являлся единственным источником освещения, поскольку наличие каких-то иных источников, как то столбов с фонарями на этой заброшенной дороге с чередованием кусков гравийки и разбитого асфальта, очевидно, не предполагалось.

– Молодец старлей, разрешил верхние пуговицы расстегнуть, а то я бы сам не догадался, – пробурчал шедший рядом с Лешкой Забалуев. – Ты как, Алексей?

– Нормально. Не видно, правда, ни хрена. В любой момент споткнуться можно и грохнуть со всем добром.

– Это так. А сколько еще по этой дряни шуровать, да еще в такой темени, не знаешь? Я ведь первый раз так до лагеря добираюсь. Когда поступать ехал, то автобусом.

Лешка хотел ответить, что он тоже ехал с автовокзала, но не успел. Впереди послышалась команда «Бегом марш!». Он сперва подумал, что ослышался: куда бежать, когда и идти-то толком невозможно. И главное – сколько бежать? Сколько осталось до этого лагеря, будь он неладен? Шагавшего рядом Мишку посещали, наверно, схожие мысли, так как он тоже продолжал идти шагом.

– Была команда «Бегом марш!». Всем выполнять! – это уже совсем рядом с ними подал голос сержант Глущенко. – Командиры отделений, выйти из строя! Остальным догнать третий взвод и больше не отставать!

– Твою мать! – выругался Забалуев. – Не зря у меня были нехорошие предчувствия насчет этого Бессонова. Ладно, Леха, погнали!

– Придется. А где наши командиры? – спросил Лешка и тоже побежал, как это уже сделал его друг, да и весь остальной взвод.

– Сзади бегут. Контролируют, чтоб никто не отстал.

Они быстро догнали убежавший было вперед третий взвод и теперь составляли как бы одну общую группу. Алексей бежал размеренно и спокойно, стараясь не сбивать дыхания. Собственно, бег как таковой никогда не был для него проблемой, но сейчас неприятные ощущения возникли почти сразу же: на плече подпрыгивала шинельная скатка, бедро оттягивала полевая сумка, ремень которой врезался в другое плечо, да еще в спину колотил вещмешок, лямки которого он так и не успел подтянуть. Лешка почувствовал, как по спине стали стекать струйки пота. Он вывалился из строя куда-то вбок и, остановившись, подтянул лямки вещмешка, а заодно и отрегулировал положение сумки. Прюделав это, он вернулся в строй уже в хвосте отделения вслед за пыхтевшим как паровоз, Синевым, однако долго бежать ему на этот раз не пришлось: чуть впереди, практически рядом с ним, кто-то упал и громко выругался. «Пашка Зубов!» – узнал Алексей голос и бросился к упавшему:

– Ты как, земляк? Цел?

– А куда я денусь? Все путем. Оступился только и ногу зашиб. Ямку не заметил, – Павел отвечал короткими фразами, стараясь быстрее восстановить дыхание.

– Стать на ногу можешь? Перелома нет?

– Да стою нормально. Ушиб наверно, иначе так спокойно с тобой не базарил бы. Да еще ладони ободрал, когда об асфальт теранулся. Ничего, пройдет, где наша не пропадала, – это был все тот же оптимист Пашка в своем репертуаре.

Мимо них пробежал с добрый десяток отставших от своих подразделений курсантов, пока не притормозили замыкавшие строй сержанты их взвода. Впрочем, остановился один Глущенко, жестом отослав остальных вперед.

– Ну, что у вас стряслось? – спросил, переводя дыхание, зам. командира взвода.

– Да вот споткнулся в темноте, упал и ногу ушиб, – ответил Павел.

– Идти сможешь?

– Наверно смогу, стоять-то стою нормально. А вот бежать вряд ли выйдет, как дерну ногой – боль адская.

– Ладно, двигайся шагом. Васильцов, оставайся с Зубовым, поможешь, если помощь потребуется! Вообще, я думаю, что бежать нам недолго осталось. Вон впереди «паук», ну – пересечение двух дорог, – пояснил сержант, предупредив возможные вопросы. – Там, скорее всего, остановимся и оттуда пройдем напрямую через танкодром еще где-то километра два до лагеря. Если Бессонов остановки не сделает, все равно кто-то из наших сержантов останется и вас по любому дождет. Все, друзья, догоняйте!

Земляки остались одни на темной безлюдной дороге. Далеко впереди поперек пути их следования мелькали огни проезжавших машин; очевидно, это и был тот самый «паук», о котором говорил сержант Глуценко. Ребята медленно пошли в направлении движущихся огоньков, скорее угадывая покрытие дороги, чем оглядывая его глазами.

– Ну как, Паша, добредем мы с тобой до лагеря? – спросил Лешка только для того, чтобы прервать затянувшуюся паузу и проверить состояние друга.

– А куда мы денемся? Да все нормально, не переживай. Думаю, все-таки перелома нет, в худшем случае отделаюсь растяжением.

– Давай я чего-нибудь понесу. Ну, вещмешок, например, или скатку?

– Ну да, еще чего! Сам ведь тоже навьючился, как верблюд. Нет уж, могу идти – смогу и нести все свое. Хотелось бы только знать, какой мурак нас заставил такую пробежку делать?

– А кто у нас здесь сейчас самый старший? Бессонов, мать его так! – теперь уже и Лешка выругался, что делал крайне редко. – Не пойму, почему такое самодурство с его стороны? Какая польза от этой беготни? Мы сколько бежали, километра три-четыре? Ну, выгадали с полчаса, не больше, думаю. А теперь, с другой стороны: куда бежать – не сказал, какое расстояние и сколько времени – тоже. Да дорога какая, сам видишь, и темно вокруг как у негра в жопе. Это его счастье, что никто по пути не потерялся и, кроме тебя, не травмировался, да ведь и ты мог гораздо серьезнее пострадать.

– Дуракам закон не писан. Я еще как на физо его увидел – сразу понял, что он за гусь, – высказался от души Пашка. – Хорошо хоть, что в его взвод не попали. Наш-то взводный вроде бы еще ничего.

При подходе к «пауку» они догнали свой взвод и дальше до лагеря дошли уже без происшествий, хотя передвигаться через танкодром с его ямами, выбоинами да разбитыми танковыми гусеницами полевыми дорогами было тоже непросто.

Утром возвратившуюся с завтрака роту в расположении уже встречали ее командир майор Родионов и все четверо взводных, а на доске документации было вывешено расписание занятий на ближайшие две недели. И занятия начались. Правда, не для всех.

Пашка Зубов, доковылявший ночью с Лешкиной помощью до лагеря, на зарядку не пошел, а при построении на завтрак хоть и стал в

строй, но с трудом мог опираться на свою довольно сильно распухшую ногу. Увидев хромающего позади всех курсанта и узнав, в чем дело, командир роты приказал ему немедленно из столовой следовать в санчасть, а в сопровождение выделил Алексея Васильцова. В знакомом уже ребятам заведении дежурил фельдшер, который долго ощупывал травмированную конечность, потом заявил, что перелома, по всей видимости, нет, а имеет место ушиб или растяжение, но все-таки для страховки нужно посмотреть рентгеновский снимок, сделать же его можно только в ближайшем военном госпитале, то есть в Соколовске. Посему он, то есть фельдшер, пойдет искать транспорт, Павел пусть ожидает здесь, а сопровождающий может быть свободен. Появился в роте Зубов нескоро, уже после обеда, бледный, но улыбающийся, и на костылях, за что сразу получил от остряка Пчельникова прозвище «Джон Сильвер».

– А здорово, Колян, – ответил на это Пашка, которому тоже палец в рот не клади, – что ты в кадетке, кроме учебников, еще и художественные книги читал, даже «Остров сокровищ» одолел!

Рассмеявшийся Колька хлопнул его по плечу, и на этом их пикировка закончилась. Ребятам же Пашка рассказал, что в госпитале сделали снимок его ноги, затем ее осмотрел хирург и сделал вывод, что перелома нет, а вот ушиб довольно сильный есть, поэтому на поврежденное место нужно наложить тугую повязку, создать для ноги состояние покоя и больше держать ее в приподнятом положении, по крайней мере – первые сутки – двое. Надо бы еще приложить на больное место лед, но где ж его здесь найдешь... Хорошо еще, что в медпункте завалились костыли, которые фельдшер уже по возвращении в лагерь выделил Зубову да еще записал в книге учета больных, что тот нуждается в освобождении от службы на десять суток.

– Вот такие дела, хлопцы, – резюмировал Павел. – Из-за одного придурка столько неприятностей. И для меня ничего хорошего, да и другим лишние хлопоты. Хотя, надеюсь, пару – тройку дней полежу, а потом, если взводный разрешит, хоть на классные занятия буду ходить, а то совсем от вас отстану. Да и скучно одному в палатке торчать.

Тем временем, занятия продолжались. Ежедневно в течение шести часов курсанты занимались тактикой, огневой, строевой, физической подготовкой, изучением уставов Советской армии, в общем, как сказал неизменный руководитель этих занятий, командир их взвода старший лейтенант Трунов, проходили курс молодого бойца. Для Алексея в строевой подготовке многое, можно сказать, все было новым, но если выполнение одиночных строевых приемов для него проблемой не стало, и через пару занятий он уже лихо выполнял повороты на месте и в движении, оттачивал строевой шаг, другие элементы, то с физдо делом обстояло иначе.

Вообще, командир взвода занимался с курсантами физической подготовкой по двум направлениям: преодоление полосы препятствий и гимнастика. При этом обучение на полосе носило скорее ознакомительный характер, так как, по словам офицера, контрольные занятия

здесь будут проводиться с ними только в летнюю сессию, в июле месяце следующего года, да и сдавать они будут относительно несложное первое общее упражнение. Так что бегать по препятствиям они еще научатся. Сейчас же, как подчеркнул взводный, нужно готовиться к сессии зимней, то есть – к сдаче исключительно гимнастики в спортивном зале, что включает в себя на перекладине – три силовых норматива, которые нужно выполнить определенное количество раз, и на брусьях – упражнение, одним из элементов которого является так называемый «уголок», а именно – удержание ног под прямым углом к туловищу в течение не менее трех секунд. Кроме того, необходимо будет выполнить прыжок через коня, правда, в ширину, поперек снаряда. «Слава богу, хоть в этом повезло», – подумал Алексей, этот-то прыжок он в школе выполнял.

В целом же похвастаться Лешке было решительно нечем: ну никак ему не давались эти проклятые силовые, да и в «уголке» ноги никак не хотели замирать в упоре на злосчастные три секунды, а сразу упрямо опускались вниз. Между тем, время шло, а сдвигов в лучшую сторону все не было. Удрученный этим Трунов как-то не сдержался и в сердцах высказал:

– Товарищ Васильцов! Вы хотите учиться в училище?

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

– Ну тогда занимайтесь дополнительно, попросите товарищей, пусть помогут, они, я думаю, не откажутся. И работайте, работайте над собой, сессию Вам сдавать, а не мне. Тем более, что принимать физо будет лично майор Климов.

– Да знаю я все это, товарищ старший лейтенант! И поверьте, делаю, что могу. И пресс накачиваю, и руки укрепляю. И ребята мне помогают. Но не получается пока почему-то.

– Ну-ну, – командир взвода и сам видел, что Алексей старается, и не терял надежды на то, что его подчиненный все же освоит злосчастную гимнастику.

Впрочем, проблемы с гимнастикой были не у одного Лешки. Практически ничего не получалось также у Димки Павлова, коренастого сельского парня, бывшего даже командиром отделения при сдаче экзаменов: и сила вроде бы есть в руках, да никак не мог он ею распорядиться. Слабовато себя чувствовали на снарядах Володя Ветров и даже, что было удивительно, его тезка бывший суворовец Симаков, а также еще трое курсантов четвертого взвода, что оптимизма командиру взвода не добавляло. Поэтому с первых дней пребывания в лагере он назначил всей этой группе усиленные дополнительные занятия под своим личным руководством, объявив перед строем:

– Вот, смотрите на этих «трупов», как я из них гладиаторов буду делать.

Нужно сказать, данное взводным этой группе прозвище приклеилось к ним надолго, и даже спустя годы, уже ближе к выпуску из училища, успешно освоив не только простейшие силовые упражнения, как сейчас на первом курсе, но и более сложные комбинации в связке из четырех – пяти элементов, ребята все еще называли себя в шутку

«гладиаторами» то ли от гордости за свои успехи, то ли как воспоминания о своей былой физической немощи.

Значительное место в ходе этого лагерного выезда занимало изучение уставов Советской армии. Общевоинских, как подчеркнул на первом занятии старший лейтенант Трунов:

– Уставы существуют разные. Есть боевые, такие как «взвод-отделение-танк» или «батальон – рота», в них определяются действия подразделений в различных условиях боя. Их мы касаться не будем, поскольку существует такой предмет, как тактическая подготовка или попросту тактика. Изучать ее вы будете все четыре года и еще сдавать по этому предмету государственный экзамен. В училище есть по этому предмету даже целая кафедра. Ну, а моя задача поскромнее: отработать с вами положения тех уставов, которые определяют повседневную армейскую жизнь и касаются всех военнослужащих. Отсюда и их название – общевоинские. Это: устав внутренней службы, дисциплинарный устав, строевой устав и устав гарнизонной и караульной службы. На последнем я остановлюсь особо. Видите – все три устава, названных мною первыми, в обложках серого цвета, и только последний – в красной. И это – не случайно. Как вы думаете, почему?

Молчание было ему ответом.

– Ну, так вот. Этот устав написан кровью. Если за невыполнение требований других уставов можно получить взыскание, любое: выговор, наряд вне очереди, даже самое строгое – арест с содержанием на гауптвахте, то все эти виды взысканий пережить можно. А вот нарушение устава гарнизонной и караульной службы чревато ранением, увечьем, даже гибелью военнослужащего и, в любом случае, пролитием крови. Вот поэтому он и красного цвета. И хотя все уставы по-своему важны, но требую обратить на изучение именно этого устава самое серьезное внимание, так как обращение с оружием легкомыслия не допускает.

Еще одним из предметов обучения в период этого лагерного выхода была огневая подготовка. Вообще-то эта дисциплина считалась одной из основных в училище, но пока, в первые дни и недели учебы ни пушку, ни какие-то другие виды танкового вооружения и связанных с ним систем и агрегатов первокурсники не касались. Как объяснил командир взвода, сейчас их объект изучения – автомат Калашникова, АКМ. Они должны знать его устройство, теорию и правила стрельбы, отработать нормативы по его разборке и сборке и, как итог, практически выполнить из него начальное упражнение.

Вот таким содержанием была наполнена учеба в лагере для курсантов пятой роты, как и всего батальона – курса. Прошло в самом начале лагерного сбора и одно мероприятие организационного порядка. На одной из первых самоподготовок, едва курсанты взвода расселись в отведенном им классе, а старший лейтенант Трунов по праву командира занял место за учительским столом, к нему подошел зам. командира взвода сержант Глушенко и о чем-то тихо с ним заговорил.

– Ну, что ж, действуйте, – разрешил взводный и уступил свое место сержанту, а сам переместился в последний ряд.

– Внимание, товарищи курсанты! – по привычке обратился Глуценко, однако тут же поправился. – Товарищи комсомольцы! У нас все комсомольцы? Поднимите руки, кто в комсомоле не состоит! Нет таких?

Поднятых рук и в самом деле не оказалось. Да оно было и понятно: кто бы допустил в военное училище несоюзную молодежь? Попытка такого несознательного юнца оказаться в рядах курсантов закончилась бы еще на дальних подступах к училищу, еще в военкомате, особенно если иметь в виду, что среди выпускников средних школ члены ВЛКСМ составляли почти сто процентов.

– Что ж, хорошо. Тогда, – сержант привычным движением расправил под ремнем складки гимнастерки, – проведем комсомольское собрание. Разрешите, товарищи комсомольцы, начать собрание мне как старшему по должности из вашего числа. Возражений нет?

Возражений не было.

– В таком случае, продолжим. В нашем взводе, как видите, тридцать комсомольцев. Все в наличии и на собрании присутствуют. Присутствует также командир взвода коммунист Трунов.

– Я не коммунист, – отозвался с заднего ряда взводный и даже немного покраснел.

– Присутствует на собрании командир взвода старший лейтенант Трунов, – с ходу поправился Глуценко и продолжил. – Наше сегодняшнее собрание – первое и оно организационное. Дело в том, что вчера нас, замкомвзводов, собрал секретарь комитета комсомола батальона лейтенант Пивоваров. Видели его все, наверно.

Лешка вспомнил, что да, пару раз встречал в расположении роты очень высокого и очень худого лейтенанта – танкиста. Так вот это кто, оказывается!

– Лейтенант Пивоваров предложил провести организационные собрания в каждом взводе, на которых избрать комсорга взвода и его заместителя, а также определить два – три человека в состав комсомольского бюро роты. Вот я и предлагаю сейчас избрать комсорга и дальше вести собрание поручить ему. Кто за это предложение, прошу поднять руки! Кто против? Нет? Воздержался? Тоже нет? Предложение принимается единогласно. Теперь прошу выдвигать кандидатуры на должность комсорга взвода.

В классе возникла пауза. Хотя за прошедшие дни совместной учебы все уже как бы изучили друг друга, но все-таки этого времени было явно недостаточно для того, чтобы выдвигать кого-то из своих рядов на выборную должность. Молчание нарушил поднявшийся из-за своего стола сержант Чернов:

– Прошу слова.

– Давай, Виктор! – разрешил Глуценко.

– Я предлагаю избрать комсоргом взвода курсанта Вячеслава Кривцова. Он человек надежный, авторитетом во взводе пользуется. Опять же – в армии не новичок, второй год служит. В общем, мое предложение такое.

– Понятно. У кого еще имеются какие кандидатуры?

Других кандидатур не было, как не было и самоотвода от самого Кривцова, поэтому, когда его кандидатура была поставлена на голосование, он был избран комсоргом единогласно. После чего уже по предложению самого Кривцова его заместителем так же единогласно был избран Володя Ветров, а в состав ротного бюро ВЛКСМ делегированы Николай Пчельников, Павел Зубов и Борис Тишков. Решение по ним должно было принять общеротное комсомольское собрание.

Между тем, занятия в ходе этого лагерного выхода проходили достаточно интенсивно, чему в немалой степени способствовала погода: стояли теплые погожие осенние деньки – все же юг есть юг, это не хмурый и слякотный в такое время года Тригорск. На доске документации появилось новое расписание на следующие две недели, из которого ребята узнали, что скоро им предстоит практическая стрельба из автомата. Ожидали этого события давно, теперь оно наступило. Накануне старший лейтенант Трунов принял у курсантов зачет по устройству автомата АКМ и по выполнению нормативов. Для Алексея, впервые увидевшего автомат только в училище, разборка и сборка оружия давались поначалу нелегко, но многократные дополнительные тренировки сделали свое дело: теперь он выполнял их уверенно и лихо, на отличную оценку, причем с большим временным запасом, что даже было отмечено командиром взвода.

И вот теперь им предстояло стрелять. Самим. Лично. После завтрака сержант Глуценко построил взвод, но повел его на этот раз не в учебный городок, а в другую сторону, на войсковое стрельбище, где курсантов уже ожидали старший лейтенант Трунов и три командира отделений, все трое – с автоматами за плечами. Лешка, когда шел сюда, от волнения даже не заметил, что кроме зам. командира взвода других сержантов в строю нет, как нет и Кривцова с Синевым. Теперь двое последних находились рядом со взводным, при этом на левом рукаве у каждого из них были закреплены повязки, которые указывали, что один является начальником пункта боепитания, а второй – раздатчиком боеприпасов.

Приняв доклад своего заместителя о том, что четвертый взвод прибыл для проведения учебных стрельб, командир взвода обратился к подчиненным:

– Итак, товарищи курсанты, пришло время претворять теорию в практику. Сегодня вам предстоит выполнить начальное упражнение из автомата АКМ, который будет вашим личным оружием на все время учебы здесь, в училище. Условия упражнения: стрельба из положения лежа по грудной мишени с нанесенными на ней кругами тремя одиночными выстрелами с расстояния 100 метров. При этом упражнение считается выполненным, если стреляющий выбьет не менее 18 очков, это оценка «удовлетворительно», На «хорошо» необходимо набрать 21 очко, на «отлично» – 24 очка и более.

– Теперь напоминаю меры безопасности, – продолжил старший лейтенант Трунов. – Стреляют одновременно три человека, больше никого, кроме них и руководителя стрельбы, то есть меня, на огневом рубеже быть не должно. Еще трое находятся на рубеже исходном, это – на

расстоянии в 30 метров позади тех, кто стреляет. Все! Все остальные курсанты должны отойти в тыл стрельбища и пребывать там под командованием сержанта Глущенко в ожидании дальнейших команд. Находиться там и только там, чтобы никого, кто бы болтался без дела и шатался где-то в других местах стрельбища, я не видел! Вам понятно, товарищ сержант?

– Так точно! – пробасил Глущенко.

– Далее. Оружие должно находиться только на огневом рубеже. Отстреляли, разрядили, поставили на предохранитель, положили на брезент – и только тогда можно идти осматривать мишени. Категорически запрещается направлять ствол автомата куда-либо в сторону от мишеней, он должен смотреть только в поле. Никакого баловства с оружием, раз в год, говорят, и кочерга стреляет, а здесь боевой автомат. На огневой позиции выполнять команды только руководителя стрельбы и выполнять их беспрекословно. Сказано «Огонь!» – значит, стреляете, сказано «Прекратить огонь!» – значит, стрельбу прекратить. Как закончите стрелять – отсоединить магазин, спустить курок и доклад: «Товарищ старший лейтенант, курсант, к примеру, Иванов стрельбу окончил, оружие разряжено». Затем по моей команде «Оружие к осмотру!» приложить отсоединенный ранее магазин к автомату, оттянуть назад затворную раму и держать все в таком положении, пока не услышите следующую команду: «Контрольный пуск, автомат – на предохранитель!», только после выполнения которой можно встать, опять же, по моей команде и идти к мишеням. И не забудьте доклад о готовности к стрельбе перед ее началом. Всем все понятно?

– Так точно! – дружно ответил взвод.

– Еще один момент. Изготовку к стрельбе из положения лежа вы уже отработывали, поэтому повторяться не буду. Напомню только о прицеливании. Поскольку стреляете вы на 100 метров, а это – в пределах дальности прямого выстрела, то на прицельной планке устанавливаете движок в положение «П», что означает: прицел постоянный. Мушка, та, что на конце ствола, должна находиться ровно посередине прорези прицела и на одной с этой прорезью высоте, тогда попадание будет точно в цель. По команде «Огонь!» плавно выбираете свободный ход спускового курка и производите выстрел, не дергайте резко, помните золотое правило стрельбы: ровная мушка и плавный спуск. Приклад автомата плотнее прижимайте к плечу, а то из-за отдачи после выстрелов наставите себе синяков. Вот все, что я хотел вам сказать в виде напутствия. Вопросы есть? Нет? Тогда приступаем.

Офицер достал из полевой сумки список взвода, вернее, той его части, что должна была стрелять, поскольку курсанты из числа бывших военнослужащих уже приняли присягу в своих воинских частях и тогда же выполняли то самое упражнение, что предстояло отстрелять их более молодым товарищам. Одновременно сержанты – командиры отделений разложили поверх расстеленных брезентовых покрывал находившиеся у них автоматы, предварительно отсоединив магазины.

– Внимание! – последовала команда от старшего лейтенанта Трунова. – Курсант Белкин!

– Я, – где-то рядом ответил Мишка.

– Курсант Васильцов!

– Я, – Лешка почувствовал, как у него внутри все заледенело. Он успел подумать, что надо как-то взять себя в руки, иначе вряд ли у него что получится.

– Курсант Ветров!

– Я.

– Так. Те, кого я назвал, – распорядился взводный, – на исходный рубеж шагом марш!

Подождав, пока его команда будет выполнена, Трунов назвал фамилии еще троих, указав им занять тот же исходный рубеж, когда первая тройца уйдет стрелять, остальных же приказал сержанту Глуценко отвести подальше в тыл. Затем вернулся к первой тройке и приказал:

– Раздатчик! Выдать смене по три боевых патрона!

– Есть! – Синев вложил каждому стреляющему по пустому магазину в одну руку и по три патрона в другую, после чего отошел за исходную позицию.

– Снарядить магазины! – подал новую команду офицер, и ребята, как их когда – то учили, вставили выданные патроны в магазины.

– На огневой рубеж шагом марш!

– К бою! – послышался голос командира взвода, когда курсанты подошли к брезенту и стали напротив своих мишеней.

Алексей, как и остальные стреляющие, лег на брезент, вставил магазин в автомат, снял последний с предохранителя и передернул затвор.

– Курсант Белкин к стрельбе готов! – услышал он сбоку от себя и, спохватившись, что от волнения забыл доложить о готовности, повторил слова своего соседа. То же вслед за ним доложил и Вовка Ветров.

– Прицел постоянный! По грудной цели, одиночными, три выстрела, огонь!

Лешка проверил прицел, установил переводчик огня на одиночный и, прижав приклад к плечу, стал наводить автомат на цель. Несмотря на все его усилия, успокоиться и унять дрожь в руках ему так и не удалось. Мушка никак не хотела замирать там, где положено, а указательный палец все двигался и двигался, выбирая свободный ход курка, и казалось, что конца-края этому движению не будет. Алексей уже начал терять терпение, чуть резче нажал на спуск, и в этот момент раздался выстрел. Автомат подпрыгнул в руках, а Лешка получил сильный удар в плечо.

– Дергаешь за курок, Васильцов, плавнее спуск! – услышал он голос взводного и, перезарядив автомат, снова прицелился. Опять долго выбирал свободный ход спускового курка, но выстрел снова застал его врасплох. Аналогичным образом закончилась и третья его попытка. Раздосадованный, заранее предчувствуя результат, он тем не менее последовательно проделал все, что положено, и четко доложил:

– Курсант Васильцов стрельбу окончил, оружие разряжено!

На свою мишень Алексей не стал и смотреть: все было ясно и так. Но подошедший командир взвода оглядел ее внимательно и покачал головой:

– Сорвал все три выстрела. Что ж ты, Васильцов? Я ведь тебе на счет спуска напоминал, а ты – ноль внимания.

– Да я старался, товарищ старший лейтенант! Но там такой свободный ход, что выбираешь его, выбираешь, а выстрел все равно неожиданным выходит...

– Ладно, не переживай, научишься, – успокоил его взводный. – Еще раз будешь выполнять упражнение. Когда все отстреляют – двоечники пойдут на второй заход. По своему опыту знаю, что ты не один такой будешь. А пока подойди к начальнику пункта боепитания и возьми у него запасной автомат, скажешь – я приказал. Ложись вон там, в сторонке, и потренируйся, как спускать курок. Только автомат направляй в сторону мишенного поля и на курок жми, когда очередная смена начнет стрелять. И не вздумай подсоединять магазин. Заодно потренируй прицеливание, возможно, что здесь у тебя тоже проблема. Ты куда целился?

– Как учили, в «яблочко».

– Попробуй теперь взять чуть пониже, под «девятку». Мушку ровную держи. И успокойся, не переживай так, а то я смотрю – какой-то ты легко возбудимый, красный весь стоишь, и руки трясутся. Я ведь говорил, что оценка за эту стрельбу никуда не идет, здесь нужно только выполнить упражнение, чтоб присягу принять, и выполнишь ты его в любом случае, не со второго раза, так с десятого! У меня все выполняют. Все. Шагай ко взводу, снайпер!

После того, как взвод закончил стрелять, оказалось, что результат, подобный Лешкиному, показала добрая половина подразделения. Трунов даже почесал затылок: хватит ли патронов, не маловато ли он их получил, чтобы всех научить стрелять? Хотя что-то подобное он предвидел, по опыту зная, какие эмоции испытывают люди, впервые в жизни стреляющие из настоящего боевого оружия настоящими же боевыми патронами. Тем не менее, он обязан научить их стрелять, преодолевать свои страхи и фобии, управлять эмоциями, ибо дальше будет еще сложнее. Он вздохнул и приказал сержанту Глуценко построить взвод, после чего назначил новые смены стреляющих из числа тех, кто не выполнил упражнение.

Алексей снова оказался в первой смене, причем даже один из его предыдущих партнеров не поменялся – Володя Ветров так же, как и он, не набрал нужных 18 очков. Правда, результат у Вовки был не такой безнадежный, как у Васильцова: один выстрел дал ему 8 очков, еще один попал в щит вне мишени, и только третий ушел в «молоко». А третьим участником перестрелки вместо блестяще (29 из 30) отстрелявшего Белкина неожиданно оказался Володя Симков.

– Ты-то почему упражнение не выполнил? Ты же кадет, вас ведь учили стрелять? – вполголоса спросил его Алексей, пока взводный

называл остальные смены. – Это мне простительно, я только здесь автомат увидел и стрелял первый раз в жизни.

– Ну, во-первых, стрельба из автомата – дело непредсказуемое, и результат раз на раз не приходится, особенно если это чужое оружие, и ты не знаешь, ни как он пристрелян, ни какой у него спуск: тугой или мягкий, – рассудительно ответил ему Симаков. – А, во-вторых, я в кадетке никогда не был фанатом стрельбы, не то, что некоторые наши.

В это время старший лейтенант Трунов скомандовал смене занять огневую позицию, и Лешка как-то сразу успокоился и почувствовал себя поувереннее, чем при первой стрельбе. Может быть, ему помогла дополнительная тренировка по приказу взводного, но руки не дрожали, и страха перед выстрелом он уже не испытывал, поэтому хладнокровно удержал мушку на точке прицеливания и, плавно выбрав свободный ход, нажал на курок, поняв при этом каким-то десятым чувством: есть попадание в мишень! Так же спокойно и уверенно сделал он и второй выстрел, а вот с третьим на радостях погорячился, чуть резче, чем надо, спустил курок и сразу понял – сорвал.

Тем не менее, командир взвода остался доволен его результатом, во всяком случае, на этот раз не выказывал своего недовольства, а наоборот похвалил:

– Ну, молодец, я наблюдал за твоей стрельбой. И результат есть, вот, видишь – «девятка», «восьмерка», а вот третья пуля улетела в «молоко». Не поспешил бы – иметь бы тебе отличную оценку, а так – придется еще раз стрелять. Ничего-ничего, не расстраивайся, главное – сделай все три выстрела так, как в этой попытке первые два.

Ободренный такими словами офицера, Алексей в своей третьей стрельбе уже без эмоций уверенно и четко, как будто делал это постоянно, нажал три раза на курок, а когда подошел к мишени – не поверил своим глазам: прямо посередине самого малого кружка, в «десятке», красовалась свежая пробоина. Еще две находились тоже недалеко, в зонах 9 и 8 очков.

– Да ты у нас прямо «Ворошиловский стрелок»! – удивился командир взвода, осматривая мишень и отмечая попадания. – Молодец! 27 из 30 – так даже бывалые бойцы не всегда стреляют. Поздравляю с отличным результатом и желаю с таким же успехом решить и другие проблемы.

– Служу Советскому Союзу! – только и смог ответить донельзя уставший, оглушенный выстрелами, с побаливающим от отдачи приклада плечом, но сверх меры счастливый Лешка.

После того, как все курсанты выполнили начальное упражнение, и были собраны стреляные гильзы от патронов, старший лейтенант Трунов перед строем взвода объявил благодарность всем отстрелявшим на «отлично», в том числе и Белкину с Васильцовым, после чего продолжил:

– Вот теперь, товарищи курсанты, вы уже готовы принимать присягу на верность Родине. Состоится это событие, как мне сказали, двадцать девятого октября, в День рождения комсомола, членами которого, как я знаю, вы все являетесь. И будет все происходить на Цент-

ральной площади города Холмограда. Так что, можете сообщить о названной дате своим родным, день этот воскресный, может быть кто-то из них захочет приехать и посмотреть на месте, как вы становитесь полноправными военными. Хотя до назначенного дня еще более трех недель, но, думаю, эта дата изменена уже не будет. Ну, а мы с вами скоро этот лагерный выход заканчиваем и через несколько дней возвращаемся в город. План на этот лагерный сбор мы выполнили практически полностью, а программу на семестр никто не отменял. Так что, друзья, продолжим учебный процесс уже в городе!

Действительно, вскоре пятая рота в составе всех своих четырех взводов возвратилась в Холмоград. На этот раз никаких чрезвычайных событий вроде печально памятного ночного кросса не произошло, так как переход на станцию совершался днем и командовал им непосредственно майор Родионов, а все командиры взводов следовали со своими подразделениями и самостоятельно, кто во что горазд, действовать не могли. Поэтому к вечеру того же дня все курсанты роты организованно прибыли в свою ставшую уже им родной казарму, в которой за время их отсутствия кто-то установил гимнастическую перекладину. Теперь у ребят появилась возможность для дополнительных тренировок, в первую очередь для тех из них, кто подобно Лешке Васильцову испытывал трудности по части гимнастики.

С началом новой недели в училище, или как еще говорили офицеры, на зимних квартирах, возобновились занятия. Теперь после завтрака подразделения одно за другим строем направлялись в огромный учебный корпус, где уже в дальнейшем рассредоточивались по различным аудиториям в зависимости от предметов обучения, или на большой плац для занятий строевой подготовкой, или же в спортивный городок с полосой препятствий, если в расписании стояла подготовка физическая.

С прибытием из лагеря у первокурсников появились и новые учебные дисциплины. Так, помимо начерталки, которой они уже коснулись в первый день начала учебы, в расписании появились: высшая математика, общая химия, иностранный язык, а также неведомые им раньше военные предметы: оружие массового поражения и защита от него, военная топография, военная администрация. Новыми сторонами открылась перед ними огневая подготовка, где они начали, пока еще в классе на макетах, изучение танкового вооружения, то есть пушки и пулемета. Также новым предметом явилась им тактическая подготовка, названная начальником училища в первой вводной лекции наукой побеждать. Здесь они начали изучение в рамках боевого устава действий танкового взвода, пока еще теоретически, но, как объявил им преподаватель, майор с приличных размеров орденской колодкой на кителе, теория – это только начало, скоро они будут отрабатывать все эти действия практически на реальных танках, пусть и устаревших образцов.

Так в напряженных учебных буднях незаметно подошла и объявленная командиром взвода дата принятия Военной присяги – 29 октября. Накануне этого дня все курсанты первого курса, поступившие

с гражданки, получили парадную форму, и, хотя старшина Рудаков постарался выдать именно те размеры, которые соответствовали бы ростовым данным ребят, но, тем не менее, многим из них форму требовалось доработать, подогнать по фигуре. Был расстроен и Алексей: выданный ему мундир был явно шире него в поясе, и при надетом ремне на нем сразу собирались складки, которых быть бы не должно. Да и синие брюки-галифе тоже не добавляли оптимизма. Лешка даже не смог скрыть своего разочарования полученным обмундированием, впрочем, как и многие его товарищи. В более выигрышном положении оказались кадеты, которые парадную форму получали в своих училищах и успели ее подогнать.

– Чего загрустил, гренадер? – хлопнул Васильцова по плечу подошедший сзади Колька Пчельников

– Да вот думаю, как это все сначала надеть, а потом носить, – ответил Алексей, разложив полученную форму на кровати. – Вот примерил. Все велико, а галифе – так вообще позорище, как пугало огородное выгляжу. Как завтра на присягу в нем выходить – ума не приложу. Стыдно.

– Не переживай, все нормально будет. Скоро шинели наденем, там не будет видно, какие у тебя штаны. А потом постепенно поушиваешь все или здесь, или, в крайнем случае, дома, когда зимой в отпуск поедешь.

– А если завтра в увольнение отпустят, как ротный обещал?

– Ну и что? Сильно ремнем не затягивайся и складки не собирай. Не вешай нос, нет нерешаемых проблем. Все равно все девушки Холмограда будут наши, не завтра – так потом.

Алексей только вздохнул. Принимать присягу предстояло на центральной площади города, у памятника Освободителям Холмограда с его Вечным огнем, а это означало, что внимания им, именинникам и героям дня, будет оказано достаточно много, в том числе, естественно, и со стороны местных девчат, а уж перед ними никак не хотелось представлять в невыгодном свете. К тому же он, как и советовал взводный, написал о предстоящем событии домой, и мать, как и обещала при расставании, вполне могла приехать, хоть и не ближний свет, а значит – могут отпустить в увольнение, которые до принятия присяги были запрещены. Ладно. Прав Николай. Не вешать нос! Прорвемся. А пока надо, не теряя зря времени, пришить погоны, в общем – оборудовать форму.

На следующее утро Алексей проснулся в приподнятом настроении. День обещал быть чудесным. Хотя всю предшествовавшую неделю с утра уже было довольно прохладно, и на зарядку дежурный по роте объявлял: «Форма одежды – номер три!», то есть в гимнастерках без ремней, но потом распогоживалось, и дни стояли теплые, сухие, а уж если и налетал дождик, то небольшой и кратковременный. Одно слово – южная осень. Так и сегодня: через широкие оконные проемы помещения заливали яркие лучи солнца, особенно выделявшегося на прозрачно голубом, без единого облачка небе. Ветра вроде бы тоже не наблюдалось, если и шевелил листьями на здоровенном тополе возле

казармы, то лишь самую малость. Лешка оделся, посмотрел на себя в зеркало: как будто выглядит он нормально, ничего страшного со стороны не наблюдается. Ладно, сойдет на первый раз.

После завтрака, получив на складе автоматы и к каждому из них по одному магазину, курсанты построились перед своей казармой. Здесь уже собрались, все в парадной форме, офицеры их роты. Командир, майор Родионов, принял доклад старшины и поздравил первокурсников с самым важным днем в их жизни, после чего сказал:

– В нашей Советской армии присягу принимают один раз и проносят ее через всю жизнь. Желаю вам быть достойными тех, кто принимал ее раньше и не посрамил чести советского воина!

После такого напутствия командир роты уже более буднично объявил порядок дальнейших действий. Из его слов следовало, что все они, и курсанты, и офицеры следуют в колонне пешим порядком на Центральную площадь. При этом от каждого взвода нужно будет выделить по два курсанта из числа уже принимавших ранее присягу, которым после убийства пешей колонны следует погрузить на выделенный автомобиль по одному столу на взвод, доставить те на место принятия присяги и расставить их там до прибытия основной колонны. После проведения мероприятия все возвращаются обратно, сдают оружие и, кто желает, могут записаться у своих командиров взводов в увольнение.

До центральной площади было километра три, в принципе – недалеко, и пройти в строю рядом с друзьями даже с автоматом на плече – занятие необременительное, наоборот, одно удовольствие, особенно когда на них, ну и на тебя, конечно, с восхищением взирают местные девушки. Справедливости ради стоит уточнить, что в Холмограде было еще одно военное училище, готовившее офицеров для внутренних войск, но что такое какие-то малиновые эмвэдэшники против танкистов Советской армии! Да и в обществе отношение к служителям данного ведомства в силу ряда обстоятельств было не таким однозначным, как к армейцам. Поэтому курсанты-танкисты даже не считали их своими соперниками в борьбе за авторитет среди местных жителей, особенно молодых представительниц прекрасного пола. Вот и сейчас, следуя в строю, Алексей косил взглядом по сторонам, с удовлетворением отмечая, как прохожие, завидев их шествие, останавливаются и приветственно машут руками.

Но вот и площадь. Довольно широкая, на две трети мощеная булыжником. По ее брусчатке, как рассказывали старшие товарищи, два раза в год на Первое мая и на Октябрьскую годовщину маршировали в парадном строю курсанты обоих училищ и воинские части местного гарнизона. Оставшаяся треть представляла собой сквер с асфальтированными дорожками и окаймляющими их аккуратно подстриженными кустами какого-то южного растения. Примерно на границе сквера и брусчатки возвышался памятник воинам Красной армии, освободившим город в далеком 1943 году, с Вечным огнем перед фигурами солдат.

Сейчас же напротив памятника по всей ширине площади ровно, как по линейке, стояли доставленные из училища столы. Прибывшие

первокурсники, перестроившись в две шеренги и переведя автоматы из положения «на ремень» в положение «на грудь», заняли указанные им места лицом к столам и, соответственно, спиной к воинам с Вечным огнем, где уже собирались многочисленные зрители. Дождавшись, когда остальные курсантские батальоны выстроятся напротив своих более молодых товарищей буквой «П», зам. начальника училища скомандовал, как положено, всем присутствующим военным: «Равняйся!», «Смирно», «Равнение – на середину!» и доложил начальнику:

– Товарищ генерал-майор! Холмоградское высшее танковое командное училище для принятия Военной присяги курсантами первого курса построено! Заместитель начальника училища полковник Кузнецов.

– Приступить к принятию Военной присяги! – приказал генерал, поздоровавшись перед этим с каждым батальоном курсантов. Это распоряжение продублировал комбат первого курса подполковник Березов, из строя от каждого взвода вышли по два офицера с красными папками в руках и заняли места позади столов.

Курсантов заранее предупредили, что, дабы не затягивать процесс, каждый взвод будет поделен пополам в алфавитном порядке фамилий, так что Алексей уже прикинул, что будет он вторым по счету, только вот у кого: у своего командира взвода или у незнакомого капитана со старшего курса? Следовало ждать, кто из них вызовет находящегося в списке перед ним Белкина.

– Курсант Белкин! – назвал фамилию старший лейтенант Трунов.

– Я! – ответил стоявший рядом с Алексеем Мишка, и у Васильцова в голове промелькнула мысль: «Так, значит, следующим иду к взводному я».

– Выйти из строя для принятия Военной присяги!

– Есть! – Михаил направился читать текст присяги, а Лешка вдруг почувствовал, как у него задрожали руки, стало жарко, а по телу поползли мурашки. «Этого еще не хватало! А ну, возьми себя в руки! – приказал он себе. – Ты же не барышня-истеричка, а будущий офицер!». Самовнушение вроде бы подействовало, и он понемногу стал успокаиваться. Тем временем Белкин расписался в прилагаемом к тексту присяги списке и уже возвращался в строй. «Так, спокойно!» – еще раз скомандовал себе Алексей и тут же услышал:

– Курсант Васильцов!

– Я!

– Выйти из строя для принятия Военной присяги!

– Есть! – Лешка четким строевым шагом, поддерживая одной рукой автомат, а другой делая полную отмашку назад, подошел к столу и остановился напротив своего командира:

– Товарищ старший лейтенант! Курсант Васильцов для принятия Военной присяги прибыл!

Трунов молча протянул ему раскрытую папку с текстом присяги. Алексей взял ее в правую руку, четко повернулся кругом, став лицом к строю, при этом его немного качнуло, но только немного, самую малость, и громким, срывающимся от волнения голосом начал читать:

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, перед лицом своих товарищей принимаю Присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну и беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Голос его окреп и звучал теперь четко и размеренно, но почему-то начали слезиться глаза, и буквы стали как бы расплываться, но пока все еще было видно, и он продолжил:

– Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своей Социалистической Родине и Советскому правительству. Я всегда готов по приказу Советского правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом. Если же я нарушу эту мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Окончание текста присяги Алексей произносил уже по памяти, так как букв не различал, при этом поблагодарив в душе того же Трунова за его совет выучить текст наизусть. Он снова повернулся лицом к столу, положил папку, поморгал немного глазами, чтобы восстановить нормальное зрение, затем взял протянутую офицером авторучку и расписался в списке напротив своей фамилии.

– Поздравляю Вас, товарищ Васильцов, с принятием Военной присяги! – эту дежурную фразу командира взвода Алексей воспринял как наивысшую благодарность на свете. Он повернулся кругом, и, положив обе руки на автомат, от души ответил:

– Служу Советскому Союзу!

– Стать в строй!

– Есть! – Лешка с чувством глубокого удовлетворения от сделанного четким шагом занял свое место в строю и ослабил ногу по стойке «Вольно!». Огромное напряжение, давившее на него все время, как-то схлынуло, и он уже спокойно поглядывал по сторонам, окидывая взглядом площадь и рассматривая столпившихся у памятника зрителей.

Тем временем, процесс принятия присяги подошел к концу. Начальник училища поздравил первокурсников с таким важным событием в их жизни, как клятва на верность Родине, и объявил перерыв на полчаса, после чего приказал следовать в училище и дальше действовать по планам командиров подразделений. Вскоре от командира роты последовала желанная команда «Разойдись!». Строй сразу нарушился, курсанты стали собираться группами, обмениваясь впечатлениями. Кто-то втихую закурил. Группа ребят, доставившая на площадь столы, начала загружать их обратно на машину.

– Леша, пошли к памятнику, сфотографируемся всем взводом, – позвал Мишка Забалуев. – Какой все-таки молодец Кривцов, не зря

его комсоргом избрали! Ты представляешь, он организовал фотоаппарат и каждого, кто принимал присягу, сфоткал. Обещал всем фотографии на память.

– Вот здорово! – обрадовался Лешка. – А когда он успел? Я что-то не видел, чтобы меня кто-то снимал. Хотя, если честно, то я от волнения вообще ничего, кроме текста присяги, не видел.

– Да и я тоже не видел, но Слава заверил, что всех запечатлел. Ну, пошли, видишь – ребята собираются.

Они сфотографировались сначала всем взводом, затем пошло фотографирование по группам, так сказать, по интересам. Лешка щелкнул с земляком Павлом Zubовым, затем успел еще запечатлеться в компании с Мишей Забалуевым и Володей Ветровым, когда прозвучала команда строиться и следовать в училище, где по словам комбата их уже ждал праздничный обед.

Шагая в строю рядом со своими товарищами, Алексей все еще не мог никак отойти от пережитого им торжественного события, от нового появившегося в нем чувства сопричастности с единым сообществом людей, которое называется «защитники Отечества». Он все радовался и радовался тому, что преодолел все существующие на данный момент препятствия и сначала стал курсантом настоящего командного военного училища, а теперь вот поклялся защищать Родину, как когда-то клялся его отец, и ему хотелось, чтобы эту его радость разделяли все родные ему люди. Поэтому его немного огорчило, конечно, что никого из родственников не было сегодня на площади, особенно когда он увидел, как обнимался с какими-то девушками младший сержант Мишка Квашнин, принимали поздравления другие курсанты, в основном, из числа местных. Но, во-первых, он знал, что мать не приедет, так как накануне получил от нее письмо, где она его поздравила, но сообщила, что присутствовать на присяге не сможет, поскольку ехать далеко, и на несколько часов просто нет смысла. Вот скоро уже наступит очередная Октябрьская годовщина, там намечается несколько выходных дней, тогда она и постарается его навестить. А, во-вторых, не он ли сам выбрал это училище подальше от дома, чтобы почувствовать самостоятельность и не соблазняться всякими посторонними проблемами, могущими помешать исполнению его мечты?

«Так что, выше голову, курсант Васильцов! – мысленно подвел Лешка черту своим размышлениям. – Все, что ни происходит – только к лучшему. Не расслабляться, и – вперед, только вперед! Учиться-то еще ого-го сколько...».

A decorative rectangular frame with a black border. The frame is centered on the page and contains the text 'Часть вторая'. The frame is embellished with elegant, black, calligraphic flourishes that extend from the corners and sides, creating a sense of movement and artistry.

*Часть
вторая*

За окном стремительно темнело, и уже было не разобрать, какие осадки выпадают из низких черных туч: то ли дождь, то ли снег, то ли и то, и другое вместе. А что непогодь стоит на улице, теперь можно было определить, только вслушиваясь в порывы ветра, швыряющего в оконные стекла падающие с небес снежно-дождевые заряды.

Прислушиваясь к шуму за окном, Алексей думал, что вот уже почти середина декабря, близится Новый год, но погода здешняя совсем не похожа на привычную для этого времени и характерную для наступившей, по крайней мере, по календарю, зимы. «У нас в Тригорске, небось, снегу уже навалило, – мысленно размышлял он, – улицы позаметало, детвора на лыжах всю гоняет да в хоккее во дворе режется, как и я когда-то, а здесь какую-то хлябь целыми днями с неба гонит, опять по лужам маршрутировать придется».

Он посмотрел на часы: до окончания самоподготовки еще часа полтора, даже чуть больше. «Ну что ж, хорошо, что есть еще запас времени, – подумал Алексей, – может, этот снего-дождь поутихнет, а то и совсем прекратится». Как-то не очень улыбалось идти в столовую в таких погодных условиях, да ведь поужинать-то надо. И хотя при выходе из учебного корпуса он, как и все, наденет шинель, которая влагу не пропускает, но лицо-то этой шинелью не закроешь...

Заниматься особого желания не было, тем более, что к завтрашнему дню он как будто подготовился. «Ладно, проверим», – решил Лешка и еще раз уточнил расписание на завтра. Так, один час – иностранный язык. Письменное задание по переводу текста выполнено, новые слова в импровизированный словарь выписаны, следовательно – Тамара Николаевна, милостивая особа лет тридцати пяти – сорока, врасплох его не застанет. Далее – химия, два часа, лекция, читать будет доцент Ольга Петровна, пожилая строгая дама, но к ее лекции готовиться не надо, просто нужно постараться не забыть при выходе на занятия рабочую тетрадь для того, чтобы эту лекцию законспектировать. Что там еще на завтра? Ага, один час физической подготовки, проводит командир взвода. Ну, здесь в качестве подготовки надо всего лишь захватить с собой спортивную форму, поскольку занятие будет проводиться в спортзале. А, вот оно, то, чему нужно уделить особое внимание – тактическая подготовка, то есть – тактика, два часа. Мало того, что предмет серьезный, один из основных для курсантов командного танкового училища, так еще нужно исправить глупую «двойку», полученную им пару недель назад. Тем более что завтрашнее занятие – зачетное, и оценки по его итогам в любом случае окажутся в журнале учета успеваемости.

Эту нелепую «пару» Лешка умудрился схлопотать на одном из первых занятий по тактике, когда после лекции на тему «Танк на марше» им предстояла практическая отработка действий экипажей на реальных танках. Разумеется, не на тех новейших и абсолютно секретных, которые они изучали с самого первого дня учебы как основной танк, и даже марку которых, не говоря уже об устройстве их узлов и агрегатов,

категорически запрещалось упоминать где-либо в разговорах и открытой печати, а именовать требовалось – «объект 198». Все указанные танки были сведены в танковый батальон обеспечения, обычно называвшийся сокращенно – «ТБО», при этом половина их находилась непосредственно в училище, а другая половина – в учебном центре, который ребята уже успели основательно изучить, и где им предстояло научиться эти танки водить и стрелять из них. Для занятий же по тактике в составе того самого ТБО имелись танки устаревших типов, такие как Т-54, Т-55 и даже один образец военной поры, знаменитый Т-34. Все они находились недалеко от училища на так называемом учебном поле, занимавшем обширную территорию сразу за городской чертой Холмограда. Здесь курсанты отрабатывали темы тактической подготовки. Когда же занятий не было, эти танки оставались тут же в полевом парке, и их охранял специальный курсантский караул, в отличие от основного, училищного, именовавшийся «караул № 2», начальником которого назначался сержант из числа курсантов, обычно заместитель командира взвода.

Вот на это учебное поле и прибыл взвод старшего лейтенанта Трунова. Впервые оказавшись здесь, курсанты с любопытством оглядывали незнакомые овраги и перелески. Впрочем, любоваться местными красотами им довелось недолго. От выстроившихся вдоль дороги танков к ним уже направлялся невысокий коренастый майор, проводивший у них несколько дней назад по отрабатываемой сегодня теме классное занятие.

– Строиться, взвод! – скомандовал Трунов, и, когда офицер подошел поближе, последовала новая команда, – Взвод, равняйся! Смирно! Товарищ майор! Четвертый взвод пятой роты на занятия по тактической подготовке прибыл. Докладывает командир взвода старший лейтенант Трунов.

Поздоровавшись с курсантами, майор по фамилии Руденко достал из полевой сумки блокнот и провел беглый опрос нескольких из них по положениям боевого устава «взвод – отделение – танк» касательно действий на марше, выставил в свой блокнот оценки, затем объявил дальнейший порядок:

– Внимание всем, товарищи курсанты! – лицо майора внезапно изменила сильная гримаса, Алексей уже видел ее на прошлом занятии и знал, что это последствия давней, еще фронтовой контузии офицера. – Вон, видите, стоят танки? Сейчас вам предстоит занять места членов экипажей этих танков: командиров танков, наводчиков орудий и заряжающих, короче – всех, за исключением механиков-водителей, которые штатно служат на этой технике. Командир взвода!

– Я, – отозвался старший лейтенант Трунов.

– Разбейте взвод на три смены и распределите должности внутри каждого экипажа, – гримаса снова прошла по лицу майора, заставив того на пару секунд замолчать, – после этого первая смена следует к танкам, получает приказ на совершение марша и по моей команде занимает места внутри машин. Экипажи входят между собой во внутреннюю связь, а командиры устанавливают связь со мной. Все дальнейшие указания будете получать от меня по радио. Вопросы есть?

Вопросов не было.

– Отлично. Тогда, командир взвода, отвезете вторую смену вот в это место, – майор указал точку на карте, – дождетесь там меня и после замены экипажей первую смену возвратите сюда.

– Есть! – ответил взводный.

– Третья смена под командой заместителя командира взвода ожидает меня здесь. Понятно, товарищ сержант?

– Так точно! – сержанту Глущенко было все понятно.

Алексей Васильцов попал в состав третьей смены, где должен был занять место наводчика во втором танке. К его изумлению и радости (как хотелось хоть немного сравнить себя с танкистами минувшей войны!) этим вторым танком оказалась как раз «тридцатьчетверка». До сих пор Лешка видел легенду танковых войск только снаружи, на постаментах в честь героев войны, теперь же предстояло оказаться внутри этой легенды, от чего он испытывал дополнительное волнение.

Когда подошла их очередь, он выслушал боевой приказ на совершение марша из пункта такого-то в пункт такой-то и, по команде преподавателя, занял указанное ему место наводчика. Механик-водитель запустил двигатель, колонна из трех машин тронулась. Лешку сразу стало швырять из стороны в сторону, как щепку под венником, всякие попытки хоть за что-то ухватиться успехом не увенчались. К тому же в прицел поднятой максимально вверх пушки (а как иначе – на марше только так положено) не было видно ничего, кроме ясного неба, других же щелей для наблюдения за внешним миром на его месте просто не имелось. «Как они в такой коробке воевали?» – мелькнула в голове шальная мысль, и сразу куда-то ушло восхищение легендарным танком. В конце концов, он как-то приспособился: вцепился обеими руками в рукоятки прицела и прижался своим шлемофоном к его массивному налобнику. Стало полегче, уже не так трепало, но, тем не менее, несколько раз он довольно чувствительно ударился обо что-то головой, не помог даже надежный друг – шлемофон. И когда танк наконец остановился, и послышалась долгожданная команда «К машине!», он испытал неимоверную радость.

После того, как экипажи высадились из танков, и те, шумно фырча движками и нещадно чадя, двинулись на места своей стоянки, к построившемуся в три шеренги взводу подошел майор Руденко. Приняв рапорт командира, преподаватель обратился к курсантам:

– Ну как, товарищи танкисты, ощущение от марша в колонне? Поднять руки, кто первый раз проехал в танке?

Подняли руки почти все, Алексей, конечно, тоже. Он все еще отошел от тряски и грохота, преследовавших его и после того, как покинул танк и ступил на прочную землю, поэтому соображал, что происходит вокруг, с большим трудом и только глупо улыбался. К несчастью для него, он оказался в первой шеренге строя, прямо перед глазами начальства, и майор, очевидно, принял его улыбку на свой счет. Он нахмурился:

– Так, подведем итоги и закрепим ваши знания по отработанной теме. Вот Вы, товарищ курсант, – Руденко показал на Алексея, – доло-

жите скорости движения на марше различных колонн: танковых, автомобильных, пеших, как того требует боевой устав!

Лешка не сразу сообразил, что, во-первых, майор обращается к нему, а, во-вторых, что-то у него еще и спрашивает. В голове по-прежнему шумело и решительно ничего не закрепилось из того, что он накануне так старательно заучивал. Он стоял, улыбался и молчал.

– Ну, я жду ответа, – напомнил преподаватель, и лицо его исказила уже знакомая гримаса

– Курсант Васильцов. Не знаю, товарищ майор. После такой поездки, как в этом танке, все, что знал, из головы вытрясло.

– Плохо. Такие вещи надо знать. А что касается танка Т-34, то его хаять не надо, он много жизней в войну спас, Ваш покорный слуга сам тому свидетель. Оценка – «гусак», – резюмировал майор и поставил в свой блокнот жирную «двойку».

– Ничего, завтра пересдашь, пока он еще не выставил оценки в журнал, – успокоил Алексея командир его отделения сержант Чернов. – Я сам тоже терялся после первых заездов, хотя у нас в учебке танки были поновее и шли помягче. «Тридцатьчетверка» – это ж сугубо танк военного времени, без всяких амортизаторов и прочих современных изысков. Танк для одного боя: пан или пропал.

Однако завтра пересдать по какой-то причине не получилось, а послезавтра майор Руденко выставил оценки в журнал, и Лешка сразу ощутил последствия случившегося: в ближайшие выходные взводный вычеркнул его из списков на увольнение в город, написав напротив его фамилии «имеет неудовлетворительную оценку». По правде сказать, особо он в город не рвался, поскольку ни родных, ни хороших знакомых у него в Холмограде не имелось, но все же было не по себе: неприятно, когда твои друзья с радостным видом прихорашиваются и ждут команды старшины на осмотр увольняемых, а ты вынужден сидеть в казарме, как привязанный.словно изгой какой... И потом, просто выйти за ворота, сменить обстановку, сходить, к примеру, в кино на какую-нибудь свежую картину – тоже добавляет положительных эмоций. Был у него даже адрес, куда можно было бы зайти в случае необходимости, мать оставила, когда приезжала. Оказалось, что в Холмограде живет какая-то ее школьная подруга, с которой она, правда, давно не виделась. Лешка там пока не бывал, все только собирался, а тут вдруг это неувольнение... Нет, надо еще раз повторить весь материал по теме, зачет завтра надо сдать обязательно, вторая «двойка» – это уже будет слишком. «Ладно, сейчас на что-либо надо отвлечься, а ближе к концу самоподготовки, где-то за полчаса, займемся снова тактикой», – подумал Алексей, поднял голову и увидел, как к сидящему за учительским столом сержанту Глуценко подошел Коля Пчельников и что-то тихо тому сказал.

– Ну, хорошо, иди, только на ужин не опаздывай! – разрешил зам. командира взвода.

– Есть, не опаздывать! – Колька вытянулся во фронт и затем обратился к Борису Тишкову, старательно повторявшему какие-то только что записанные французские слова. – Тихий, захвати мою сумку!

– А ты куда? – оторвался тот от тетради.

– На репетицию.

Во взводе все, и Лешка в том числе, знали, что Пчельников, или по-кадетски «Пчела», отправился репетировать в составе вокально-инструментального ансамбля, созданного недавно по инициативе секретаря комитета комсомола батальона лейтенанта Пивоварова, которого Алексей неоднократно встречал в расположении роты. Вообще, Сергей Пивоваров производил странное впечатление. Высокого роста, худой, какой-то нескладный, он никак не походил на типичного танкиста, который представлялся Лешке, да и не только ему таким коренастым крепышом с играющими бугорками бицепсов руками. Но, тем не менее, ребята об этом знали, он успешно закончил это же училище в году их поступления, закончил с золотой медалью, и фамилия его была выбита золотом на Доске почета в вестибюле учебного корпуса. Все это говорило о том, что и государственный экзамен по физической подготовке, в том числе сложные гимнастические упражнения он сдал на «отлично», и управлял танком, и стрелял из него уверенно. Да и учиться все три года он должен был на одни «пятерки», иначе ограничился бы в лучшем случае красным дипломом, а медаль пролетела бы мимо него. В целом же это был хороший парень, совершенно лишенный какой бы то ни было начальственной фанаберии. Его часто можно было видеть среди курсантов рассказывавшим в курилке анекдоты или какие-то байки из своего или не только своего опыта. Его политруба не была назойливой, он воспитывал своих более младших товарищей как бы исподволь, без нравоучений, поэтому они не без основания считали его своим в доску и охотно делились с ним своими проблемами. Справедливости ради стоит отметить, что при всем при этом прямого панибратства он не допускал и определенную дистанцию в отношениях с курсантами выдерживал.

Именно Пивоваров и предложил на первом же заседании комитета ВЛКСМ батальона подумать о возможности организации на курсе эстрадного коллектива по типу стремительно набиравших в последнее время популярность ВИА. Пчельников, избранный к этому времени не только членом комсомольского бюро роты, но и вошедший в состав батальонного комитета, горячо поддержал идею секретаря. Также «за» были и другие активисты. Теперь дело оставалось за главным: закупить инструменты и найти музыкантов. В комитете сели, все посчитали и кинули клич: каждому скинуться по 15 рублей. Эту идею поддержали все, во всяком разе прямых отказов не было ни одного, хотя сумма для курсантов представлялась весьма солидной: денежное довольствие рядового курсанта составляло 7 рублей 50 копеек. Тем не менее, нужную сумму собрали быстро: кто-то принес или привез деньги из дома, большинству, как, к слову, и Алексею их выслали почтовыми переводами родные. Одним словом – решили вопрос, и уже через месяц в комнате комитета комсомола курса красовались три электрогитары различного вида и назначения, ударная и клавишная установки. Вот это все добро и стали осваивать курсанты, участники вокально-инструментального ансамбля, решившие назвать его «Эпицентр». Нашлись

и солисты, вполне способные вместе с музыкантами исполнять наиболее популярные песни, звучащие повсюду в стране. Так, оказалось, что прекрасным баритоном обладает командир первого взвода капитан Петров, который, к тому же, занимался в хоровой студии гарнизонного Дома офицеров. Превосходно исполнял популярные песни и сержант из их же роты тенор Николай Куликов. Чуть позже в коллективе появилась солистка, студентка факультета иностранных языков местного университета Таня Ключкова, жившая по соседству с училищем. Обладавшая сильным и красивым голосом девушка исполняла песни известных зарубежных певцов и певиц, таких, как болгарка Лили Иванова, югославка Радмила Караклаич, бельгиец Сальваторе Адамо и других. Так сформировался коллектив, который сейчас готовился к своему первому выступлению и посему ежедневно репетировал в выделенной ему комнате в клубе училища. Туда и направлялся сейчас готовившийся выйти на сцену в качестве конферансье неутомимый и неугомонный Пчельников.

Алексей проводил взглядом закрывшего за собой дверь Кольку и, наконец, определился с тем, чем заняться в самое ближайшее время. Он подошел к Глущенко:

– Товарищ сержант! Разрешите пойти на нормативы!

– А ты на завтра что, все уже подготовил?

– Все. В конце занятия повторю еще раз тактику, а пока надо как-то отвлечься, а то уже ничего в голову не лезет.

– Ну, иди. Только не шумите там сильно, не мешайте другим заниматься. А то вон Хачиняна аж тут, возле дверей, слышно.

Лешка пообещал сильно не шуметь и направился в противоположный конец аудитории, где вокруг расстеленного на полу брезента собралось несколько курсантов. Дело в том, что класс, который сегодня волей расписания был им отведен для самоподготовки, относился к кафедре огневой подготовки. Он был достаточно больших размеров, особенно в длину. За рядами учебных столов возвышался макет изучаемого ими танка в натуральную величину со всеми необходимыми разрезами, наглядно показывавшими местоположение и устройство танкового вооружения: пушки калибром 115 миллиметров и спаренного с ней пулемета ПКТ, что расшифровывалось как пулемет Калашникова танковый, а также приспособлений для прицеливания и управления стрельбой. Отдельные элементы вооружения были изображены на многочисленных плакатах, развешанных на стенах классной комнаты, а также выложены на стеллажах под этими плакатами. Вообще, надо сказать, наглядности преподавания в училище уделялось серьезное внимание, поскольку подобным образом выглядели многие классы, как-то по изучению двигателя танка, различных его узлов и агрегатов, электрооборудования, автоматики и прочих систем.

В данном же случае здесь, в классе танкового вооружения, за большим макетом оставалось еще немного свободного места, где планировалось отрабатывать нормативы по огневой подготовке, которые должны проверяться при сдаче текущих экзаменов по данному предмету во время очередных сессий, ближайшая из которых была уже близко,

где-то в середине января. Нормативы предполагались следующие: разборка и сборка пулемета ПКТ, разборка и сборка клина затвора пушки. И если с пулеметом, не сильно отличавшемся от знаменитого автомата того же автора, проблем особых не было, почти все стали сразу укладываться в положительную, а многие – и в отличную оценку, то со вторым объектом сдачи у большинства курсантов, в том числе и у Алексея проблемы возникли. Клин затвора, этот массивный весом за 50 килограмм кусок железа, служивший для закрывания пушки после того, как в ее зарядную камору попадал снаряд с пороховым зарядом, а также собственно для производства выстрела, необходимо было разобрать и собрать, разумеется, на время. И вот тут-то, в начале разборки (или в конце сборки), предстояло отжать массивную и очень тугую пружину, для чего требовалась немалая сила. А вот силы этой у многих ребят, в том числе и у Алексея, как раз и не хватало. Поэтому он, как и другие курсанты взвода, не упускал лишней возможности потренировать злосчастный норматив.

Он подошел к «нормативщикам». Здесь под руководством сержанта Чернова уже занимались его друзья: Павел Зубов, Михаил Белкин, другие ребята. Сейчас все помогали советами Ветрову, тщетно пытавшемуся специальным торцевым ключом провернуть крышку, которая и удерживала злосчастную пружину. Со всех сторон доносились подсказки, что и как надо делать, только Чернов стоял молча и едва заметно ухмылялся. А горячился больше других Юрик Хачинян. Он размахивал руками и так азартно советовал бедному Вовке, уже не знавшему, кого слушать, что несколько раз получал замечания от сержанта Глущенко.

– Ара, да ты сильнее жми, две руки на ключ нажми! – горячился Юрик.

– Легко тебе говорить, сам попробуй и покажи, как надо, – огрызнулся Ветров.

– И покажу, ты мне место уступи.

– Подождешь, я еще не устал. Надо же доконать эту чертову железяку.

Алексей вспомнил, как Хачинян появился у них во взводе на первом общем построении, тогда же, когда командовать ими был назначен Глущенко. На вставшего в строй к ним смуглого, коренастого, среднего роста парня с длинными мускулистыми руками поначалу особого внимания не обратили; хотя несколько удивило его не совсем обычное имя – в паспорте, который он показал, значилось «Юрик Вартанович Хачинян» – но особого ажиотажа это не вызвало. Ну, армянин, ну и что здесь такого? Во взводе, кроме русских, есть и украинцы, и белорусы, пусть и армянин будет, все ведь советские ребята, и служить будут в одной Советской армии, и присягу принимать, опять-таки, общую для всех. Тем более, что оказался он, для удобства общения переименованный из Юрика в Юру, открытым, веселым парнем, охотно вступал в разговоры, говорил по-русски чисто, правда, с легким акцентом и иногда путал падежи существительных с прилагательными, особенно когда волновался, что наталкивало на мысль: при успешной сдаче фи-

зики и математики с русским-то языком проблемы у него наверняка были. Пожалели, видимо, экзаменаторы парня, а может установка такая была: больше готовить национальных кадров из союзных республик.

Будучи армянином по национальности, родился и вырос Хачинян в Грузии, в крупном промышленном городе, известном на весь Советский Союз своим автомобильным заводом, а также богатыми футбольными традициями. Поэтому, по его словам, он вовсе не собирался становиться кадровым военным, надеясь ограничиться только срочной службой. Он окончил школу и пошел работать на автозавод, одновременно играя в футбол за юношеский состав команды мастеров, выступавшей в первенстве СССР.

– И вот понимаешь, Леша-джан, – разоткровенничался он как-то с Алексеем, – живу себе спокойно, никого не трогаю, готовлюсь к армии, а тут мне кто-то газету подсунил, я прочитал этот чертов газета, и душа взыграл. Подумал: а почему я не могу стать офицером, армяне хорошо всегда служат. Вот этот газета, я его сохранил.

Он достал... такую же точно газету, по которой и Лешка собирал документы, чтобы представить их в свое время в военкомат, когда капитан Анохин еще отчитывал его за то, что он поздно пришел. Развеселившись и с трудом сдерживая смех, он объяснил тогда ничего не понимавшему Юрику, что не только у того, но и у него самого курсантская жизнь началась именно с этой газеты.

Алексей невольно улыбнулся пришедшему на память случаю, связанному с Юриком вскоре после формирования взвода. Тогда они убрали территорию возле столовой, и тот, нашедши осколок красного кирпича, предложил ближайшему к нему Павлу Зубову попробовать морковки. Пашка чуть было не сунул этот осколок в рот, да вовремя опомнился и выразительно посмотрел на Хачиняна.

– Армянский шутка, дорогой, – Юрик расплылся в широкой белоснежной улыбке, выставив напоказ все свои тридцать два зуба.

– Эй, Юра! – не оценил юмор армянина Пашка, – ты смотри, не очень расходишь, а то будет тебе русская шутка – в лоб получишь, и делу конец.

– Не обижайся, Паша-джан, – Юрика было трудно смутить, – я же не со зла.

Лешка подошел к ребятам в тот момент, когда Володя Ветров обреченно махнул рукой и поднялся с пола, клин затвора ему и на этот раз не покорился.

– Ну что, Ветров, – щелкнул секундомером Чернов, – время твое вышло, норматив не выполнен. Руки у тебя слабые, надо мышцы подкачать. К тому же, ты не используешь силу инерции своего тела в момент нажатия на ключ. Так. Кто следующий желает себя испытать?

– Товарищ сержант! Разрешите мне сейчас выполнить норматив, а то еще надо будет тактику повторить, – обратился Алексей к своему командиру отделения.

– Остальные – не против? – уточнил тот у окруживших их курсантов. Все молчали, очевидно неудача Ветрова многим охладила пыл.

Одно дело – подсказывать со стороны, другое – делать самому. Даже горячий Хачинян, и тот уже не рвался взяться за ключ.

– Ну что ж, давай, Васильцов, – разрешил сержант. – Ты ведь уже разобрал клин раньше?

– Да. И собирал. Только не на время.

– О, да ты уже опытный воин. Давай теперь на время. Готов?

– Так точно!

– Хорошо. Подготовься. Положи клин, ключ как тебе удобно. И не забудь использовать силу инерции. Слышал, что я Ветрову говорил?

– Слышал.

– Тогда – к выполнению норматива приступить! Время пошло, – сержант нажал на кнопку секундомера.

Лешка кинулся к клину, схватил ключ, вставил его в проточки на крышке и сгоряча надавил на него одной рукой. Ничего не вышло. Чертова крышка оставалась на месте, упорно не желая проворачиваться и освобождать пружину. «Блин! Как же я его прошлый раз разобрал? Ладно. Надо пустить в дело обе руки», – пронеслось у него в голове. Он надавил на ключ двумя руками, резким толчком навалился на него всей массой своего тела. И – добился желаемого, почувствовал под руками некое движение. Крышка как бы нехотя продавилась вниз, и этого было достаточно, чтобы повернуть ее на 90 градусов. Алексей отпустил ключ, крышка вместе с пружиной оказалась над зеркальной поверхностью клина. Ура! Закончить разборку, то есть достать все детали ударного механизма, было делом техники и нескольких секунд. Лешка вскочил на ноги.

– Курсант Васильцов выполнение норматива закончил! – доложил он сержанту.

– Молодец! – Чернов остановил секундомер и показал всем результат. – Время – на оценку «хорошо». Если бы не замешкался вначале, было бы «отлично». Но и так неплохо. С таким показателем можно и на экзамен выходить. Собирать будешь?

– Конечно, – ответил весьма довольный собой Лешка и, воодушевившись своим достижением, выполнил еще и сборку клина. Здесь тоже все прошло нормально, хотя в начале отработки норматива он немного перепутал порядок действий, но все же и в данном случае в хорошую оценку уложился. После чего отправился снова заниматься тактикой, ибо поставленную им самому себе задачу исправить «неуд» надо было выполнять.

2.

Прошло почти две недели. Благополучно, хоть и не без сложностей был сдан зачет по тактической подготовке, доставившей Алексею столько неприятностей. При этом ответил Лешка на письменные вопросы выданного ему билета на «отлично», но вредный майор Руденко решил погонять его еще и устно, чтобы, как он выразился, понять, насколько обучаемый усвоил пройденный материал, а на

самом деле – «завалить» его еще раз. Правда, здесь преподавателя ждало разочарование: отвечал курсант четко и уверенно, и пришлось-таки ставить ему вполне заслуженную им «пятерку».

Теперь путь к городскому увольнению был открыт. Вот только пришлось отложить удовольствие от выхода во внешний мир как минимум на неделю, так как в ближайшую субботу их взвод должен был заступать в суточный караул. Это был не первый караул для ребят, в подобном наряде им уже приходилось дежурить в ноябре месяце, практически сразу после принятия ими военной присяги. Поэтому Алексей знал, что после обеда они обязаны два часа поспать, затем пройти в специальном классе устный инструктаж, получить оружие, далее – пройти еще один инструктаж, на этот раз – в караульном городке. После этого весь личный состав караула во главе с его начальником, командиром их взвода старшим лейтенантом Труновым должен был следовать на развод, проводимый на строевом плацу училища, где к нему присоединялись: караул № 2, наряды по КПП, по техническому парку, по учебному корпусу, а также суточные наряды от каждой курсантской роты в составе одного дежурного (сержанта) и троих дневальных. Все это воинство принимал на разводе в свое подчинение дежурный по училищу из числа командиров подразделений или офицеров штаба. Исключение делалось только для наряда по кухне, эти служивые на развод не выходили, а сразу следовали в это же самое время в распоряжение дежурного по кухне. Все наряды планировались заблаговременно учебным отделом училища и указывались в расписаниях занятий, поэтому ребятам было о них известно заранее. Как и Алексей, многие курсанты уже побывали в различных видах нарядов и имели представление: где нести службу лучше, а где не особо хотелось. Впрочем, зам. командира взвода сержант Глуценко очередность назначения в разные наряды соблюдал строго, чтобы никому не было обидно, и такого положения, чтоб кто-то по благу заступал, к примеру, только на кухню, в их взводе не было. Как, к слову, и в других взводах пятой роты.

Но караульная служба все-таки отличалась от всех других видов нарядов своей строгостью и необходимостью точного выполнения требований устава гарнизонной и караульной служб. Не зря взводный еще на начальной стадии их учебы выделил этот устав особо, подчеркнув красный цвет его обложки. Теперь же, когда курсанты стали практически нести службу в карауле, Трунов постоянно требовал от них безукоризненного знания и пунктуального выполнения статей устава.

– Несоблюдение устава, хотя бы самое небольшое отступление от него, – не раз подчеркивал он, – чреват трагедией: чьим-то увечьем или даже смертью.

Вот и сейчас, когда отдохнувшие курсанты расселись за столами в специальном классе, офицер решил снова напомнить им основные положения караульного устава:

– Курсант Белкин!

– Я! – поднялся из-за стола Мишка.

– Доложите, в чем согласно уставу заключается неприкосновенность часового?

– Есть! Часовой есть лицо неприкосновенное. Его неприкосновенность заключается, во-первых, в особой охране законом его прав и личного достоинства. Во-вторых, в подчинении его строго определенным лицам: начальнику караула, помощнику начальника караула и своему разводящему. В-третьих – в обязанности всех лиц беспрекословно выполнять все требования часового, определяемые его службой. И, в-четвертых, в предоставлении ему права применять оружие в случаях, предусмотренных настоящим уставом.

– Так. Хорошо. Садитесь! Теперь, курсант Зубов, доложите нам обязанности часового!

– Есть! Часовой обязан: бдительно охранять и стойко оборонять свой пост. Нести службу бодро, ничем не отвлекаясь, не выпуская из рук и не передавая никому оружия, включая и лиц, которым он подчинен. Продвигаясь по указанному маршруту, внимательно осматривать ограждение поста и подступы к нему, обращая особое внимание на состояние и исправность средств сигнализации. Не оставлять поста, пока не будет сменен или снят, даже если его жизни будет угрожать опасность, – Павел продолжил называть последующие пункты обязанностей, закончив последним: – Услышав лай караульной собаки, немедленно сообщить об этом в караульное помещение установленным сигналом. Курсант Зубов ответ закончил!

– Молодец, Зубов, все четко и полно ответил, – похвалил командир взвода Пашку и усмехнулся. – Самое интересное, что почему-то из всех перечисленных им сейчас пунктов обязанностей часового лучше всего запоминается именно последний. Сами в этом убедитесь со временем. Но сейчас я хотел бы остановиться вот на чем. Курсант Васильцов!

– Я! – подскочил сидевший за первым столом прямо перед офицером Лешка. Вопрос застал его врасплох: во-первых, он, не привыкший спать днем, долго не мог заснуть, а, во-вторых, когда по команде дневального проснулся, никак не мог отойти от возникшей из-за недосыпа головной боли. Голова еще и сейчас побаливала, и это не давало возможности полностью сосредоточиться на восприятии происходящего вокруг.

– Ответьте на вопрос: кто Вы сейчас, то есть, в каком качестве Вы сейчас здесь присутствуете: в качестве часового или караульного?

– Ну, так как я назначен в состав караула, то сейчас я – караульный, а часовым стану, когда заступлю на охрану поста.

– Ответ правильный. А задал я этот вопрос неспроста. Вы должны ясно представлять себе отличие обычного караульного, у которого оружие находится в пирамиде караульного помещения, от караульного, находящегося на посту, который называется «часовой». Все, что доложили курсанты Белкин и Зубов, относится исключительно к действиям часового, так как только он во время несения службы выполняет боевую задачу и имеет при этом заряженное и готовое к немедленному применению оружие. А к этому оружию всегда проявляет интерес всякий преступный элемент. И иногда делает попытки им завладеть. Поэтому – бдительность, бдительность и еще раз бдительность! Когда вы – часовой на посту, к вам не имеет права приближаться никто: ни зна-

комый, ни родственник, ни даже отец-мать или жена-невеста. Только те лица, о которых говорили Белкин с Зубовым, да и то в порядке, как сказано в уставе. Всем понятно?

Понятно было всем.

– Кстати, – продолжил Трунов, – а когда часовой согласно уставу имеет право применять оружие без предупреждения? Курсант Павловский, доложите!

– Есть! – из-за стола поднялся Толя Павловский, круглолицый, слегка полноватый паренек родом из Донбасса. – Часовой имеет право применять оружие без предупреждения в случае явного нападения на него или на охраняемый им объект.

– Хорошо, доложили Вы правильно. А как Вы думаете, что означает словосочетание «явное нападение»?

– Ну, это, наверно, если я следую по посту, а на меня кто-то неожиданно нападает и хочет забрать автомат. Или стреляет в мою сторону.

– И что Вы делаете?

– Отбиваюсь прикладом и стреляю в того, кто напал. А если со стороны стреляют – падаю за какое-нибудь укрытие и тоже стреляю. В ответ. И постараюсь, если это возможно, сообщить в караульное помещение.

– А что такое «явное нападение на охраняемый объект»?

– Это – если я иду и вижу, что кто-то незаконно вскрыл двери объекта и оттуда что-то выносит или грузит в машину.

– И Ваши действия в этом случае?

– Сообщаю в караульное помещение и постараюсь задержать нарушителей до прибытия подкрепления.

– А как оружие примените?

– Крикну «Всем лежать!», – невозмутимо заметил Толя, чем вызвал оживление в классе, и нисколько не смутившись, закончил, – затем делаю выстрел вверх. Если не подействует – стреляю по нарушителям.

– Ну, в общем, все правильно. Молодец. Так и действуйте в подобных случаях. Садитесь!

– А вот теперь такая вводная, – продолжил после небольшой паузы командир взвода. – Курсант Симаков!

– Я! – Володя встал из-за стола и приготовился отвечать.

– Вот Вы несете службу на посту. В каком положении у Вас автомат?

– По указанию начальника караула или в положении «на ремень», или, в ночное время, с изготовкой для стрельбы стоя.

– Допустим. Вот Вы несете службу ночью на посту, часов у Вас нет, но Вы чувствуете, что скоро уже смена. И вот Вы видите, что к посту приближается группа людей. Кто – различить не можете, темно, но идут как положено, в колонну по одному. Ваши действия?

– Окликаю из-за укрытия: «Стой! Кто идет?»

– Хорошо. Один из них отвечает: «Разводящий со сменой», но голос Вы узнать не можете. А они все идут, причем – все вместе.

– Подаю команду: «Разводящий, ко мне! Остальные – на месте!»

– А они продолжают двигаться. Все, как ни в чем ни бывало.

– Кричу: «Стой! Стрелять буду!» и, если не останются, снимаю автомат с предохранителя, передергиваю затвор и досылаю патрон в патронник.

– А если и это не подействует?

– Тогда делаю предупредительный выстрел вверх, командуя всем: «Ложись!» и, если поблизости телефон, сообщаю об этом в караульное помещение. На самый крайний случай, если и эта моя команда не будет выполнена, а люди находятся уже близко, и возникает угроза мне или объекту – стреляю на поражение.

– Все правильно, Симаков. Одно небольшое замечание, скажем так, ремарка на полях. Начинайте свои действия, которые Вы так красиво расписали, как можно раньше, не подпуская идущих близко к себе. А для этого Вы должны хорошо просматривать подходы к территории поста. И второе. Вы должны всех видеть, а вот Вас видеть не должны. Это я к вопросу выбора Вами маршрута движения по посту. А так – молодец! Садитесь!

– Есть! – довольный Вовка занял свое место за столом.

– Так. Еще одна вводная. Курсант Ветров!

– Я!

– Начальная ситуация такая же, как и у Симакова. Только по Вашей команде «Разводящий, ко мне!» и так далее, все остановились, выполнили ее, а один из них, который назвался разводящим, идет, как и положено, к Вам, но Вы не уверены, Ваш ли это разводящий, и по голосу его не узнаете.

– Командую: «Разводящий, осветить лицо!»

– Хорошо. Осветил. Но Вы видите, что это не тот разводящий, который выставил Вас на пост, а другой, из состава караула, но не Вашего сектора.

– Тогда кладу всех на землю и сообщаю в караульное помещение.

– Каким образом?

– По телефону или выстрелом вверх, если аппарат далеко.

– Ну, а если Вы всю эту катавасию затеяли, а Ваш разводящий элементарно заболел и попросил своего друга, разводящего другого сектора, заодно поменять и Вас?

– Так это ж не положено по уставу, – Вовка немного растерялся. – В этом случае, как я понимаю, мне как-то сообщат об этом. Или провести смену должен лично начальник караула или его помощник, так как в отсутствие своего разводящего я как часовой подчиняюсь только им.

– Сообщать Вам никто ничего не будет, – поправил Ветрова командир взвода. – А вот дальше Вы все изложили верно. В случае физической невозможности Вашего разводящего провести смену, сделать это должен буду я или мой помощник, в данном случае, если такое случится сегодня, – сержант Глуценко. И больше никто. Ну, а если ни я, ни Глуценко не сможем Вас сменить, Вам нужно будет продолжать нести службу на посту, пока Вас не сменят те, кому положено. Хотя, конечно, то, что я сейчас рассказал, скорее из области фантастики, но полностью исключить такой вариант нельзя. Понятно?

– Так точно!

– Садитесь!

– Есть!

Трунов отработал с подчиненными еще несколько вводных, стараясь как-то их запутать, заставить думать, чтобы они не механически повторяли то, что записано в уставе, а стремились приложить уставные положения к реальным ситуациям. Впрочем, услышанным он остался доволен, о чем и сказал, подводя итог занятию:

– Ну что я могу вам сказать, товарищи курсанты? К несению караульной службы вы готовы. Я и в прошлый раз, когда вы впервые заступали в караул, был в вас уверен и, конечно, остался доволен, что тогда вы меня не подвели. И сейчас вы показали хорошее знание устава, надеюсь, что на практике будете действовать так же уверенно. Хочу в заключение отметить вот что. Пока вы еще, не в обиду будет вам сказано, молодые, имею в виду – по срокам армейской службы, для большинства из вас многое здесь – внове, и служба по охране объектов с боевым оружием – тоже. Поэтому вы стараетесь, уставные положения знаете, что называется, назубок, и, как действовать в конкретных случаях, тоже представляете. Это хорошо. Но затем, где-то через полгода-год наступает определенное привыкание к тому, что сейчас требует от вас особого внимания и отдачи. Кое-кто из вас может посчитать, что он уже опытный воин, и ему море по колено, можно где-то от устава и отступить. Вот это-то и есть самое страшное. Отсюда и истоки всех неприятностей и даже трагедий, связанных караульной службой. Поэтому какими бы опытными вы ни были, отступить от уставных требований нельзя. Ни в коем случае! Вопросы есть?

Вопросов не было. Командир взвода посмотрел на часы:

– Так. Хорошо. Теоретический инструктаж окончен. Где мой помощник сержант Глущенко?

– Я здесь, товарищ старший лейтенант, – поднялся тот со своего места.

– Сейчас личному составу караула получить оружие, 15 минут перекурить и построить всех на караульном городке! Будем изучать Табель постам и особенности охраны и обороны каждого конкретного объекта. И проверьте внешний вид всех караульных, особенно первого поста, чтобы на разводе не было замечаний. Выполняйте!

– Есть! Взвод, встать! На выход шагом марш! – скомандовал Глущенко.

Ровно за 10 минут до установленного времени развода суточного наряда старший лейтенант Трунов вывел свой караул на строевой плац. Тотчас же левее к ним стал пристраиваться остальной наряд, а на правом фланге появились со своими трубами и барабанами музыканты училищного оркестра. Исполнение этими, как их в шутку называли, «трубадурами» определенных мелодий являлось составной частью ритуала развода заступающего наряда. Впрочем, иногда оркестр заменялся одним барабанщиком с аналогичной задачей, но сегодня оркестр вышел на плац в полном составе.

Алексей посмотрел по сторонам. Так, справа от него, сразу за оркестром стоял начальник караула, вернее там находилось место для него,

а сам Трунов неторопливо прохаживался вдоль строя своих подчиненных. Еще левее, ближе к Лешке встал помощник начальника караула сержант Глущенко, и сразу возле него в затылок друг другу – Слава Кривцов, Вася Иванов и Коля Пчельников. Эти трое были, как и весь караул, в шинелях, с автоматами «на ремень», но в отличие от других караульных, стоявших в строю в своей обычной форме, то есть в шапках и яловых сапогах, на них были фуражки и сапоги хромовые, а под их шинелями проглядывались парадные мундиры и синие брюки. Они, эти ребята, назначены нести службу на посту № 1, у Боевых знамен училища и танковой бригады, на базе которой это училище было сформировано в далеком 1944 году, а значит – должны быть одеты в парадную форму и иметь безукоризненный внешний вид. Значимости данному посту придавало также и то обстоятельство, что курсанты, которым доверялась охрана знамен, назначались приказом начальника училища, а смену часовых на нем должен был осуществлять только помощник начальника караула, ну или лично начальник.

Далее справа налево выстроился остальной караул, назначенный для охраны складов и других жизненно важных объектов. Так, возле Славки Кривцова в первой шеренге стоял и о чем-то с ним переговаривался разводящий первого сектора сержант Виктор Чернов, левее которого встали его подчиненные, караульные постов № 2 и № 3. Затем следовал второй сектор под командованием разводящего сержанта Антона Крючковского, и в этом секторе во вторую смену поста № 4 по охране склада горюче-смазочных материалов был назначен курсант Алексей Васильцов, стоявший сейчас позади первой смены своего поста – Володи Симакова, а ему самому дышал в затылок караульный третьей смены Павел Зубов. Далее шли остальные два поста этого сектора, а за ними – третий разводящий младший сержант Михаил Квашнин, возглавлявший два оставшихся поста караула № 1 – седьмой и восьмой. Таким образом, в состав караула требовалось вместе с разводящими 28 человек, то есть практически весь курсантский взвод, ну, а если оставались незадействованными несколько человек, то и им старшина роты находил, чем заняться, Например, сформировать из не попавших в караул внутренний наряд по роте.

Тем временем, начальник караула вышел на середину плаца, посмотрел на часы и скомандовал:

– Караулы и внутренний наряд, равняйся! Смирно! Дежурным по училищу заступает майор Родионов. Вольно!

Да, на этот раз совпало, что главным начальником караула, да и не только его, а и всего суточного наряда на ближайшие сутки будет командир их же роты, так совпадало далеко не всегда и имело как свои плюсы, так и минусы. К плюсам можно было отнести то, что майор не будет выносить на внешнюю, что называется, орбиту выявленные им нарушения в несении службы своими курсантами, а постарается все решить в рамках своей роты, если, разумеется, эти нарушения не будут столь вопиющими, что скрыть их будет невозможно. А минусом было то, что ротный, зная подчиненных, со свойственной ему педантичностью будет выявлять больше недостатков, чем это мог бы сделать дру-

гой дежурный. «Ладно, ничего страшного, – подумал Лешка, – если все выполнять пунктуально, то ни один Родионов не придерется».

Трунов еще раз посмотрел на часы, стрелки которых уже приближались к 18.00, и тут увидел, как на краю плаца показался заступающий дежурный.

– Караулы и внутренний наряд, равняйся! Смирно! Равнение на-лево! – старший лейтенант резко повернулся в сторону майора, одновременно с приставлением ноги приложил правую руку к головному убору, другую руку прижал к туловищу и четким строевым шагом пошел тому навстречу. Оркестр заиграл «Встречный марш». Родионов также приложил руку к шапке и перешел на строевой шаг. Не доходя до дежурного двух-трех шагов, Трунов остановился:

– Товарищ майор! Караулы и внутренний наряд Холмоградского высшего танкового командного училища на развод построены! Докладывает начальник караула №1 старший лейтенант Трунов!

Закончив доклад, офицер сделал шаг в сторону, противоположную строю, повернулся к дежурному, пропустил его мимо себя и затем, не опуская руку от головного убора, сопроводил майора в центр плаца, где они и остановились. Оркестр по знаку дирижера прекратил играть.

– Вольно! – скомандовал майор Родионов.

– Вольно! – продублировал его команду старший лейтенант Трунов и вернулся на свое место на правом фланге караула.

– Первая шеренга, два шага вперед, вторая – шаг вперед, шагом марш! – последовала новая команда дежурного по училищу, и стройные ряды наряда двинулись выполнять отданное распоряжение.

Началась проверка внешнего вида суточного наряда и знания им своих обязанностей. Начал Родионов, как и положено, с караула. Обходя в сопровождении старшего лейтенанта Трунова караульных, он останавливался возле каждого из них, мельком окидывал их взглядом и задавал вопросы по знанию устава или особенностей несения службы на конкретном посту. Передвигаясь от курсанта к курсанту, майор подошел и к Алексею.

– Караульный четвертого поста второй смены курсант Васильцов! – представился тот, приняв положение «Смирно».

– Хорошо, курсант Васильцов, – оглядев его с ног до головы, резюмировал майор. – А доложите мне особые обязанности по охране и обороне Вашего поста! Как об этом в Табеле постами сказано.

– Есть! – во время занятия на караульном городке Алексей хорошо усвоил то, что было написано касательно его места службы в Табеле постами, основном документе, где излагалась подробная характеристика всех постов и особенности охраны каждого из них. – Пост № 4, трехсменный, круглосуточный. Под охраной и обороной состоит склад ГСМ училища: проволочное ограждение, двое въездных ворот, закрытых на навесные замки и опечатанных печатью № 8, три хранилища, шесть дверей, трое ворот, опечатанных печатью № 10, шесть заправочных колонок, опечатанных печатью...

– Достаточно, – прервал Васильцова дежурный. – Молодец, знаешь, что охранять.

Майор с начальником караула пошли дальше, а Алексей получил возможность передохнуть. Странно, что дежурный ничего не спросил у него из устава, наверно он эти вопросы задавал раньше всем караульным подряд, и ему уже надоело спрашивать одно и то же. Хотя нет, вот он остановился возле Хачиняна и спрашивает того о порядке применения оружия. Ладно, как бы то ни было, а к нему на разводе майор больше не подойдет.

Проверив готовность караулов, дежурный направился к остальным должностным лицам наряда. Наконец, где-то через полчаса после начала развода, майор Родионов закончил обход и вышел на середину плаца:

– Первая и вторая шеренги, кругом! На свои места шагом марш! – а когда это распоряжение было выполнено, принял стойку «смирно» и, приложив правую руку к головному убору, скомандовал: – Оркестр, играй «Развод!»

Музыканты, сменившие за время обхода дежурным наряда свое место на плацу, заиграли указанную мелодию, после исполнения которой майор приказал:

– Начальники караулов, ко мне!

Из строя вышли и направились к нему старший лейтенант Трунов и начальник караула № 2, сержант из третьего взвода их роты: от этого взвода был назначен весь остальной наряд по училищу. Начкары доложили дежурному о прибытии, после чего тот передал каждому из них записки с паролями для смены караулов.

– Не первый раз уже смотрю на это действие, – проговорил вполголоса стоявший рядом с Лешкой Боря Тишков, – и, если честно, никак не пойму его смысла. Наши взводные и без пароля отлично знают друг друга, и кто кого когда меняет, тоже. Разве что для второго караула пароль, возможно, имеет какое-то значение...

– Разговорчики! Положено по уставу – вот и выполняют то, что записано, – обернулся к ним их разводящий Антон Крючковский. – Сами слышали, что командир взвода говорил.

«Так-то оно так, – подумал Алексей, – но стоит ли так уж пунктуально устав выполнять? В самом деле, абсурд какой-то получается». Однако дальше обдумывать эту тему было некогда, ибо начальники караулов вернулись в строй, и дежурный по училищу подал новую команду, последнюю на данном разводе:

– Караулы и внутренний наряд, равняйся! Смирно! По местам несения службы, шагом, марш!

Оркестр заиграл марш, и весь наряд, пройдя мимо Родионова, покинул плац. Разошлись по своим ротам дежурные и дневальные, отправились на вверенные им объекты наряды по КПП, парку, учебному корпусу, на КПП же проследовал караул № 2, отсюда дежурный автомобиль должен будет доставить его на учебное поле. Ну, а первый караул его начальник привел на площадку перед караульным помещением и, остановив, перестроил в три шеренги. Напротив них уже построился караул от второго среднего курса, который им предстояло сменить, во главе с капитаном, своим начальником.

– Караул, равняйся! Смирно! – скомандовал Трунов и, подойдя к начальнику сменяемого караула, доложил: – Товарищ капитан! Новый караул прибыл на смену!

– Товарищ старший лейтенант! Старый караул к смене готов! – ответил капитан и пожал Трунову руку. Очевидно было, что оба офицера действительно хорошо знали один другого и, понятное дело, обошлись без пароля.

– Так, Толя, твои все вещи вынесли из караулки? – спросил Трунов у капитана.

– Да, Саша, все наше – под навесом: и оружие, и другое имущество. Давай, меняй скорее.

– Успеешь. До 19.00, когда мне посты выставлять, время еще есть, – осадил его пыл старший лейтенант. – Моим лишнее переставивать нет никакого резона. Глуценко! Зайти в караульное помещение, принять его, оружие всем караульным, за исключением первой смены, поставить в пирамиду! Первой смене и разводящим – 15 минут передохнуть и подготовиться к построению для следования на посты!

Алексей вошел в караульное помещение, поставил свой автомат в пирамиду и огляделся. Вроде бы с предыдущего караула ничего не изменилось, вот и комната для отдыхающей смены, где ему, караульному второй смены, через два часа заступающему на охрану поста, надлежит отдыхать, как записано в уставе, «спать лежа, не снимая снаряжения и не раздеваясь». Разрешалось только ослабить ремень, на котором болтались брезентовый подсумок с двумя полностью снаряженными магазинами и штык-нож, и расстегнуть две верхние пуговицы на воротнике гимнастерки. Но, во-первых, какой может быть сон в семь вечера? А, во-вторых, до заступления на пост надо будет еще и поесть, часов в 20 кто-то из бодрствующей смены отправится в столовую за ужином.

Лешка прошелся по комнатам, затем вышел на площадку перед входом и присоединился к стоящим там Зубову, Хачиняну и еще нескольким курсантам. Слева от них уже выстроилась первая смена нового караула, и, присоединив по контролю начальника караула к автоматам по магазину и закрепив штык-ножи, готовилась вместе с разводящими к выходу на посты. С ними же направлялись разводящие старого караула, чтобы снять своих часовых. Оставшиеся во дворе курсанты сменяемого караула, отрядив двоих для охраны своего оружия и вещей, бесцельно бродили по площадке, изредка переругиваясь с новыми караульными, якобы не желавшими их менять.

Надо сказать, отношения между первокурсниками из второго батальона и курсантами второго среднего курса, составлявшими четвертый батальон, не были особо дружескими. Дело в том, что годом раньше, когда училище было объявлено высшим, в него был проведен двойной набор: в первый батальон, произведший накануне выпуск офицеров, было набрано три роты по 120 человек каждая, которые должны были обучаться по программе высшего училища четыре года, и, чтобы не было перерыва в выпусках, а может и из-за острой нехватки в войсках офицеров, но тем не менее набрали еще и четвертый батальон, то

есть таких же три роты. Эти должны были заниматься по прежней программе среднего училища и выпускиться через три года. И вот теперь, спустя год, на обычном, что называется, бытовом уровне общения их так и называли: первый батальон – второй высший курс, а четвертый батальон – второй средний курс. Причем, при прошлогоднем комплектовании, случайно или нет, но получилось так, что все прибывшие выпускники суворовских училищ были без экзаменов зачислены на высший курс, к ним добавились лучшие по результатам испытаний гражданские ребята и совсем немного военнослужащих. Основная же масса поступавших служивых была принята на средний курс, где компанию им составили абитуриенты с гражданки, не попавшие в первый батальон.

Сложно ответить на вопрос, отчего между этими двумя батальонами одного набора возникла определенная неприязнь, но, тем не менее, она возникла, и курсанты, в них входившие, откровенно недолюбливали друг друга. Так, ребята с высшего курса презрительно называли своих визави «одноклеточными», те же, в свою очередь, определили своим противникам прозвище «головастики», такое вот биологическое окружение. До прямых стычек между курсами дело, правда, не доходило, но напряжение в их взаимоотношениях чувствовалось. Курсантам же первого курса, поступившим в текущем году, ближе были, разумеется, второкурсники с высшего набора, у которых всегда можно было получить помощь и поддержку в усвоении учебных предметов, поскольку они учились по одним и тем же программам обучения. Да и большое кадетское представительство на обоих высших курсах тоже способствовало укреплению отношений между ними в пик второго среднего.

Алексей, конечно, знал о специфике взаимоотношений с четвертым батальоном, но поразмышлять об их природе и обменяться мнениями с товарищами не успел. На крыльцо караульного помещения вышел сержант Глуценко:

– Это что такое? Ну-ка, всем караульным от пятой роты зайти в помещение и построиться в коридоре!

Внутри караулки их уже ожидал старший лейтенант Трунов:

– Внимание, товарищи курсанты! В карауле не должно быть места хаосу и расхлябанности, а должно быть место дисциплине и порядку, говорил вам об этом раньше, повторяю и сейчас. Поэтому всему составу караула находиться здесь и не болтаться по площадке, пока не уйдет прежний караул! Далее. Отдыхающей смене отправиться в свою комнату и находиться там, пока вас не вызовут на посты! Ну, или пока не позовут на прием пищи; вижу, что вы готовы об этом спросить, Забалуев. Отвечаю: перед отправкой на посты ужином вас накормят.

– Я не только об этом, товарищ старший лейтенант. Рано еще спать, сон не идет, – Мишка, как и Алексей, тоже был назначен во вторую смену и должен был сейчас отдыхать.

– Как называется комната, возле дверей которой Вы сейчас стоите? – спросил начальник караула у Забалуева.

– Комната бодрствующей смены, – недоумевая, ответил Михаил.

– Вот то-то же. Поэтому и находиться в ней должна только третья,

бодрствующая смена. Кстати, Глущенко, выставьте из ее состава караульного у входа! Отдыхающей смены чтобы я нигде, кроме соответствующей комнаты, не видел. Все. Разойдись!

Делать нечего, Лешка поплелся в комнату отдыхающей смены и прилег на топчан. Спать все равно не хотелось. Он прислушался к тихому разговору Василия Иванова с Хачиняном.

– Да я в летное училище хотел поступить, – рассказывал Васька, время от времени вертя шеей: жесткий воротник парадного мундира сдавливал ее, не помогали даже не только два расстегнутых крючка, но и все четыре пуговицы на самом мундире. – В нашем городке был аэродром, на котором курсанты летали, а само училище находилось в областном центре, в Крутоярске. И до того мне захотелось в небо, что просто не вмоготу. К тому же знакомые пацаны, что курсантами стали, как начнут рассказывать, насколько красиво сверху земля выглядит, и все такое... Ну, я школу закончил и подал документы в это училище. Областная медкомиссия срезала, нашли там эскулапы какие-то отклонения в здоровье. В военкомате, правда, предлагали поступать в какое-то сухопутное, но я отказался наотрез: только в небо! Поехал в Крутоярск, там у меня тетка жила, она мне помогла устроиться на работу в училище, лаборантом на кафедру. Ну, я работаю, стараюсь, преподав обхаживаю: вдруг пригодится, когда поступлю. Год там трудился, надеялся уже, что все, я – летчик. Куда там! На этот раз ВЛК срезала.

– Кто такой этот вээлка? – спросил Юрик.

– Врачебно-летная комиссия. Придрались к тому, что ноги у меня кривые, тяжело, мол, перегрузки буду переносить. Ну и еще что-то нашли. В общем, зарубили. Понятное дело, расстроился я сильно, из училища уволился, уехал домой, а тут – и в армию пора. И надо ж такому случиться – попадаю в авиацию, связь на аэродроме обеспечивать. А у меня уже и нет такой тяги, как прежде, что к самолетам, что к авиации вообще. Как-то перегорело все. Но интерес к технике не пропал, нет. Увидел, как вблизи аэродрома танки проходили, учения у них там были, что ли, и подумал: если уж и поступать куда, то только в танкисты. Ну вот, прошел без малого год моей службы, прихожу к начальнику штаба моего батальона с рапортом, хочу, мол, в военное училище, а у него разнарядка: отобрать двух кандидатов, правда, в авиационно-технические училища. Долго меня уговаривал, но я уперся рогом: только в танковое. Крепя сердце, согласился мой НШ, все-таки, какой ни есть, а кандидат. Ну, а экзамены я сдал легко, к нашему брату, воякам, в приемных комиссиях не шибко придираются.

Рассказ вполголоса убаюкивал, и Алексей, не заметил, как задремал. Разбудил его щелчок выключателя, и возникшая в ярком свете дверного проема фигура сержанта Глущенко, резким голосом выкрикнувшего:

– Караул, в ружье!

Что делать по этой команде, Васильцов знал, прошлый караул не прошел для него даром. Поэтому, пулей выскочив из комнаты отдыха-

ющей смены, он выхватил из пирамиды свой автомат и, на ходу подтягивая ремень, занял место среди построившихся в коридоре караульных.

– Молодцы, быстро справились, – Трунов остановил секундомер. – Но скажу вам прямо, если, допустим, подать такую команду среди ночи, то реакция будет не такая блестящая. Опытom доказано. Ладно. Курсант Павловский, Ваши дальнейшие действия?

– Убываю с Вами, товарищ старший лейтенант, на помощь часовому в составе резервной группы № 1, – Толя находился в третьей, бодрствующей смене.

– Правильно. А Вы, курсант Хачинян, что должны делать по боевому расчету?

– Остаюсь в караульном помещении и занимаю оборона в комнате, где прием пицца, – доложил Юрий свое место по боевому расчету, потом добавил, – в резервной группе № 2 под командой сержант Глуценко.

– Ну что ж, хорошо. Имейте только в виду, что возможен такой вариант, что на пост следовать не придется, а будем обороняться здесь всем караулом. Тогда все действуют по моей команде. Сейчас – отбой тревоге. Бодрствующей смене возвратить оружие в пирамиду и находиться в своей комнате. Отдыхавшей смене – 20 минут на ужин и приготовления к следованию на посты! Разойдись!

В комнату для приема пицци царствовал Павел Зубов. Он с еще одним караульным из бодрствующей смены обходил столы и большим черпаком выкладывал из походного термоса на тарелки, где уже темнели куски жареной рыбы, картофельное пюре.

– Налетай, пацаны! – весело пригласил он ребят к трапезе. – Картошка с рыбой – на столах, хлеб, масло и сахар – там же, чайник с чаем найдете на плите, туда же его нужно и поставить потом, чтоб не остывал.

– Мало чаю-то, – недовольно пробурчал Иванов.

– Вон термос стоит, – показал рукой Пашка. – там тоже чай. Кому мало – долейте оттуда в чайник и опять-таки поставьте чайник на плиту. И вообще, хлопцы, особо не наглейте, мы еще не ели, и первой смене, когда с постов придет, тоже поужинать надо.

Вообще-то Зубов говорил это скорее для остротки, наглеть никто и не думал, тем более что обильные порции вполне позволяли обойтись без добавки.

Поужинав, смена начала готовиться к следованию на посты. Лешка надел шинель, подпоясал ее ремнем со всей находящейся на нем амуницией, взял из пирамиды свой автомат и вышел из караулки. Его напарники по смене уже выстраивались в шеренгу на краю площадки перед станком для зарядания оружия, представлявшем собой деревянную рамку, наклоненную под углом в 45 градусов к горизонтали, на ближней и дальней от курсантов сторонах которой имелись вырезы, в них и укладывался автомат перед тем как к нему следовало присоединить снаряженный магазин и штык-нож.

Алексей поежился: все-таки холод и сырость на улице довольно резко контрастировали с теплом и уютom караульного помещения, которое

он вынужден покинуть на целые два часа. Порыв ветра окончательно привел его в чувство, и он поспешил занять свое место в строю. На площадку вышел начальник караула.

– Смена, слева по одному, заряжай! – последовала его команда, которую первым выполнил сержант Глущенко, за ним – его подопечный Василий Иванов, которого пом. начальника караула должен был вести на пост № 1 для смены Славы Кривцова, далее по порядку секторов и постов следовали остальные разводящие с караульными. Вот проделал эту нехитрую операцию сержант Крючковский, стало быть, следующий – он, курсант Алексей Васильцов.

Лешка шагнул вперед, положил автомат в вырезы зарядного станка, прищелкнул к нему магазин и штык-нож и, взяв оружие «на ремень», сделал шаг назад. Все, он к несению службы на посту готов! Наконец процесс заряжания был закончен, и старший лейтенант Трунов отправил смену на посты.

Алексей шел сразу за Антоном Крючковским, который, кроме своего автомата на правом плече, нес еще в левой руке небольшой застекленный фанерный ящик с контрольными оттисками всех печатей своего сектора, чтобы в случае необходимости сравнить их с реальными печатями на постах, и фонарик, которым сержант периодически подсвечивал дорогу. Четвертый пост, где предстояло нести службу Васильцову, был первым по счету в этом секторе, и разводящий повел смену именно туда. Идти предстояло недалеко, так как склад ГСМ находился сразу за ограждающим территорию училища забором. Они пересекли технический парк, миновали калитку контрольно-технического пункта и по узкой заасфальтированной дорожке направились к воротам склада: впереди, как положено, разводящий, за ним – Алексей, вслед за которым деловито сопел Боря Тишков, а замыкал шествие мурлыкавший себе под нос какую-то армянскую мелодию Хачинян. Впрочем, услышать Юрика было практически невозможно: порывы ветра и шум раскачиваемых им деревьев заглушали все иные звуки.

Крючковский открыл калитку, и все зашли на территорию поста.

– Стой, кто идет? – откуда-то сбоку раздался знакомый голос Володи Симакова.

– Разводящий со сменой, – последовал ответ сержанта.

– Разводящий, ко мне! Остальные – на месте! – скомандовал часовой.

– Смена, стой! – обернувшись к шагавшим за ним курсантам, приказал Крючковский, а сам направился к появившемуся из-за угла ближайшего строения Симакову. Вот он поравнялся с часовым, о чем-то того спросил и, получив ответ, дал команду подойти к нему.

Ребята, как остановились в колонне, так гуськом и подошли к сержанту, стоявшему рядом с уже успевшим перевести автомат в положение «на ремень» Вовкой.

– Курсант Тишков, взять пост под наблюдение! – приказал разводящий.

– Есть! – Борис переместил автомат в положение для стрельбы стоя и отошел в сторону: все правильно, все по уставу, пока часовые занимают

ся приемом-передачей поста, а значит, отвлекаются от выполнения своих обязанностей, охранять пост должен кто-то сторонний. Кто-кто, а педантичный по натуре сержант Крючковский выполнял требования устава неукоснительно.

– Курсант Васильцов, на пост шагом марш! – скомандовал разводящий. Немного непонятная команда: они ведь и так уже на посту, но опять-таки подана по уставу. Ладно, будем выполнять.

Алексей, придерживая правой рукой ремень автомата и делая отмахку левой рукой, почти строевым шагом подошел к Симакову и, поравнявшись с ним, остановился.

– Часовой, сдать пост! – приказал сержант.

Владимир повернул в Лешкину сторону голову и четким голосом перечислил все, что находится под охраной и обороной на трехсменном круглосуточном посту № 4.

– Караульный, принять пост! – последовала новая команда разводящего, и оба часовых в его сопровождении направились осматривать замки с печатями. Все было на месте, оттиски печатей на дверях четкие, впрочем, иначе и быть не могло: два часа назад во время смены караулов Крючковский, при явном неудовольствии старого разводящего, тем не менее все внимательно осмотрел, сравнивая каждый слепок с образцами своего застекленного ящика. По всему по этому осмотру много времени не занял, и скоро все трое вернулись на то же место, где прохаживался с автоматом наизготовку Тишков и нетерпеливо переминался с ноги на ногу Хачинян. Часовые стали друг возле друга напротив разводящего.

– Ну что, Васильцов, вопросы есть? – спросил сержант.

– Никак нет, товарищ сержант, все понятно, – ответил Лешка.

– Хорошо. В таком случае доложить о сдаче и приеме поста!

– Товарищ сержант! Курсант Симаков пост сдал!

– Товарищ сержант! Курсант Васильцов пост принял!

– Курсант Симаков, с поста шагом марш!

– Есть! – ответил Вовка и сделал несколько шагов от Алексея к разводящему.

– Курсант Тишков, закончить наблюдение за постом! – приказал сержант и затем дал Лешке последние наставления. – Ну, все, Васильцов, неси службу как положено по уставу. Надеюсь, не замерзнешь, погода еще не та. А вот если дождь пойдет или снег мокрый, наденешь поверх шинели плащ. Где он, Симаков?

– Слева под постовым грибом, вон, на гвозде болтается, – показал Володя.

– Вот, имей в виду. И не повтори ошибку Симакова, он вроде бы все правильно сделал, а вот когда я к нему шел, не потребовал, чтоб я лицо осветил.

– Так я Вас по голосу узнал, товарищ сержант, – обиженно отозвался Вовка.

– Голос может и похожим оказаться. Ладно, делайте выводы, ребята. Все должно соответствовать уставу, тогда ни один проверяющий к вам не придерется. Кстати, Васильцов, в твою смену может и проверка

на пост пожаловать. Все. Тишков, Хачинян, Симаков, за мной в колонну марш!

Крючковский направился к выходу, за ним потянулись остальные караульные. Алексей огляделся по сторонам. Теперь он здесь остался совершенно один. Да и то, откуда кому тут взяться, здешние окрестности – совсем не место для прогулок: с трех сторон густой, запущенный лес, а с четвертой – задворки училища. Только деревья трещат и стонут при очередных сильных порывах ветра. Ни души вокруг. На первый взгляд, жутковато. Но страшно Лешке не было. Во-первых, для него это был не первый караул, хоть и нес он раньше службу на другом объекте. Во-вторых, весь периметр склада хорошо освещен, а ограждение из колючей проволоки везде целое, дыр и разрывов нигде нет, об этом ему Вовка Симаков сказал, да он и сам видел, следовательно – никто к нему незаметно подобраться не сможет. Да и не верилось ему, что кто-то захочет напасть на него и отобрать автомат. Кому этот его автомат нужен, кругом мирная, спокойная жизнь, никто нигде не воюет, по крайней мере в Советском Союзе, да и вокруг него тоже. Вот насчет проверки Антон верно предупредил: в его смену с 21.00 до 23.00 запросто может наведаться в караул дежурный по училищу, или, что еще более вероятно, – проверяющий из числа преподавателей или штабников с предписанием за подписью полковника Кузнецова. Этим офицерам домой охота, к семьям, а тут – ничего не поделаешь – надо караул проверить по разнарядке начальника училища. Вот они и стараются выполнить задание либо вечером, но раньше 21 часа нельзя, либо утром до 8 часов. По крайней мере, запись в постовой ведомости, основном документе караула, где расписан его состав по постам и сменам, а последняя страница отведена для отметок о проверке несения, сделать этим временем. А коли так – надо предпринять меры, чтобы не оказаться застигнутым врасплох.

Алексей сделал круг по территории склада, подобрал маршрут движения, чтобы самому максимально оставаться в тени, а вот ограждение поста, подходы к нему, особенно ворота и калитку возле них просматривать как можно дальше, и продолжил обход. «Хорошо хоть, что с неба ничего не падает», – подумал он. И то верно, дождь или снег мало того, что мешали бы наблюдению, так и явно не улучшали бы настроения. Но, к Лешкиному удовлетворению, осадков не было, хотя днем казалось, что морозящий с утра мелкий противный дождик – это надолго. Однако ближе к вечеру он прекратился, подморозило, и сейчас, вышагивая по похрустывавшему под его сапогами слабому ледку оставшихся на бетонных дорожках луж, Алексей размышлял, что с погодой ему все-таки повезло. Если бы еще не такая промозглая сырость да резкий ветер...

Он вышел на свет и глянул на часы. Так, предчувствие его не обмануло: без четверти одиннадцать, скоро смена. И действительно, не успел он сделать по территории поста круг, укороченный, чтобы все время держать под наблюдением входную калитку, как увидел силуэты людей, вышедших через КТП техпарка и явно направляющихся в его сторону. Смена? Идут, как и положено, друг за другом в колонну по одному. Так, сколько их? Один, два, три, четыре, а – вот оно, пять! Все ясно, один из

шествующих сюда – проверяющий. Ну что ж, встретим! Алексей зашел в тень заправочной колонки, дождался, пока гости преодолеют калитку, и, в полном соответствии с уставом, окликнул:

– Стой! Кто идет?

– Разводящий со сменой, – ответил первый из идущих голосом сержанта Крючковского.

– Разводящий, ко мне! Остальные – на месте! – на глазах у проверяющего надо было действовать строго по уставу, что Васильцов и делал.

Те, кто шли за сержантом, остановились. Но что это? От колонны отделился не один человек, которым, по идее, должен был бы быть разводящий, а двое.

– Разводящий, ко мне! Остальным оставаться на месте! – скомандовал Лешка, стараясь придать голосу как можно больше металла, и добавил неожиданно для себя. – Иначе стреляю.

Он уже собирался передернуть затвор автомата, когда человек, двигавшийся за разводящим, остановился, поэтому Алексей ограничился только приказом одиноко идущему осветить свое лицо, что было тут же исполнено. Поскольку расстояние между ними было уже минимальным, он хорошо разглядел лицо Антона Крючковского и вышел из-за своего укрытия.

– Молодец! – скупой похвалил Васильцова сержант и, обернувшись к остальным, разрешил продолжить движение.

Первым к ним подошел проверяющий, в котором Лешка сразу узнал майора Щеголева из учебного отдела, того самого, что находился в лагере во время их поступления и руководил процедурой набора. Вьедливый, однако, дядька, принципиальный, значит – он все правильно в его присутствии отработал.

Тем временем разводящий дал команду одному из курсантов взять под наблюдение пост и разрешил Васильцову отвечать на вопросы майора. Тот оценивающе оглядел часового, успевшего уже взять автомат «на ремень», и спросил, что он охраняет. Алексей перечислил все объекты согласно Табелю постам. На это проверяющий ничего не сказал, было непонятно, удовлетворен он ответом или нет, постоял еще немного с безразличным видом и вдруг, повернувшись к Васильцову, резким голосом бросил:

– Нападение на часового! Со стороны леса, вон оттуда, – он показал рукой направление. – Один выстрел, второй, третий, пули вокруг свистят...

Не успел он договорить, как Лешка, сорвав с плеча автомат, упал плашмя на бетон, два раза перекатился в сторону ближайшего окопа, спрыгнул туда и передернул затвор. Оставалась надежда, что стрелять ему не придется, очень уж не хотелось драить после этого автомат.

– Стоп! Отставить! – майор, видимо, тоже не хотел доводить дело до стрельбы: поди потом отписывайся за израсходованные боеприпасы. – Отбой вводной!

Алексей поднялся, отряхнул, насколько это было возможно, шинель и, снова повесив автомат на плечо, застыл в ожидании новых вводных.

– Хорошо. А где еще можно укрыться при обстреле? – спросил майор.

– Есть еще два окопа, там и там, – указал Лешка, – а вообще можно использовать углы хранилищ, колонки, смотря с какой стороны будет нападение. Конечно, наиболее надежное место отражения – окопы, поэтому надо постараться добраться до них, если ситуация позволит.

– А как Вы сообщите в караульное помещение о нападении? – не отставал от него проверяющий.

– Телефон находится вон там, под грибком, связь проверена, работает, – пояснил Алексей и добавил. – Но в данном случае, как было сейчас, до него далеко, и я думаю, что в караульном помещении раньше услышат мои выстрелы.

Выслушав с непроницаемым лицом Васильцова, майор повернулся к Крючковскому:

– Послушайте, сержант, у Вас все часовые – такие умники?

– Так точно, товарищ майор! Все знают, как нужно действовать.

– Ну, в таком случае не буду Вам мешать. Проводите смену здесь, на других постах, а я пойду, – и он уже в одиночку направился к выходу с территории поста.

– У тебя патрон в патроннике? – спросил сержант, когда проверяющий уже скрылся за ограждением поста.

– Так точно! – ответил Алексей.

– Ладно. Отсоедини магазин! – скомандовал Крючковский.

Лешка снял с плеча автомат, отстегнул магазин и убрал его в подсумок. Сержант поднес свою шапку к окошку для выбрасывания гильз из автомата и приказал:

– Ну-ка, передерни затвор!

Алексей выполнил команду, и в сержантский головной убор выпал патрон, досланный им в патронник недавно при выполнении вводной проверяющего.

– Спуск! – скомандовал разводящий. – Поставить на предохранитель! Теперь вставь этот патрон назад в магазин и присоедини магазин к автомату. Все. Молодец. Можно проводить смену. Курсант Зубов! На пост шагом марш!

Когда, поменяв остальные посты, сержант Крючковский привел смену в караулку, первое, что бросилось Лешке в глаза, был вывешенный на Доске документации Боевой листок с броским заголовком «Несите службу так, как курсант Васильцов!». Оказывается, пока разводящий сменял часовых на остальных постах, проверяющий снова появился в караульном помещении и в постовой ведомости сделал запись о том, что караул хорошо подготовлен, несет службу бдительно, особенно хорошо действовал на посту курсант Васильцов. Разумеется, Лешка испытал чувство гордости за себя и, одновременно, чувство благодарности к ребятам: прошло-то времени всего ничего, а Кривцов с Синевым уже и Боевой листок про него выпустили.

На землю его опустил начальник караула, который, похвалив перед строем его и некоторых других курсантов, в то же время отметил, что служба для их караула не закончилась, а очень даже еще продол-

жается, и расслабляться нельзя: нести службу предстоит больше половины суток:

– Благодарю вас, товарищи курсанты, за добросовестную службу в карауле и надеюсь, что вы так же будете исполнять свои обязанности до конца смены. Поэтому сейчас всем разойтись по своим сменам: кому бодрствовать, а кому – отдыхать. Всем все понятно? Тогда – по местам!

Алексей прошел в комнату бодрствующей смены, присел к столу и раскрыл устав гарнизонной и караульной служб. Не то, чтобы он собирался его изучать, все-таки все, что касается непосредственно службы на постах, он знал, не случайно же он уверенно отбил все атаки проверяющего. Просто надо чем-то заняться, пока сержант Глущенко не выставил его на пост у входа в караулку, сюда часовой сроком на полчаса назначается из числа бодрствующих караульных. Ладно, почитаем, что касается гарнизонной службы, придется ведь и в патруле службу нести, и на гауптвахте дежурить.

Предстояло еще провести не одну смену на посту, смениться, почистить оружие прежде, чем сдать его в ротную оружейную комнату. Сколько еще таких караулов и подобных смен ждет их до окончания учебы... А до конца офицерской службы...

3.

Между тем приближался Новый год, первый Новый год, который Алексею предстояло встречать вне дома. Правда, по этому поводу он не очень переживал, поскольку уже, что называется, прижился в коллективе, у него появилось много друзей, на помощь которых он всегда мог рассчитывать и, в свою очередь, сам готов был оказать любую посильную помощь любому курсанту своего, да и не только своего взвода. Ведь помогали же ему и советами, и практическими примерами научиться выполнять упражнения на установленной в казарме перекладине ребята со всей роты. Да и в училищном спортзале тоже. Так что скучать и печалиться он точно не будет, друзья не дадут. Вот в наряд бы не задвинули куда-нибудь, как-то не очень хотелось нести службу, когда другие празднуют, а такое могло случиться очень даже просто. Не зря ведь взводный старший лейтенант Трунов как-то еще накануне Октябрьской годовщины сказал своим подчиненным: «Праздники – это не для вас, праздники – для пролетариев». В караул-то, конечно, их, салажат, никто не назначит, здесь нужны более опытные и надежные кадры, а вот по всем остальным видам нарядов – запросто. Помимо этого может начальство объявить взвод дежурным подразделением, основная задача которого – начистить 1 – 2 ванны картофеля для всего училища, ну или разгрузить какой-нибудь срочный груз, а может назначить дежурным взводом по оповещению. В этом случае курсантам, по два человека на маршрут, в случае сигнала тревоги необходимо будет проехать на автомобилях по установленным маршрутам города Холмограда и оповестить об этом офицеров и сверхсрочников. Что поступит такой сигнал в праздничные дни – маловероятно, но в увольнение все равно не пустят, вот и сиди в

казарме, как на привязи. Да и в наряд по роте можно угодить, обыкновенный наряд, по очереди.

Впрочем, до праздника оставалась еще без малого неделя, а пока можно было наконец сходить в увольнение, впервые свободно и, что самое главное, законно выйти за ворота училища в нормальную повседневную жизнь, от которой он сам добровольно отказался. Тем более что теперь уже не стыдно было показаться в каком-либо обществе гражданских людей: за прошедший месяц Алексей подогнал под себя и привел в нормальный вид свою парадную форму. О том, что это нужно сделать, говорили все, даже отдельные командиры, поэтому курсанты занялись данной проблемой, не откладывая ее решения в долгий ящик. Кое-кто взял в руки иголку с ниткой и ушивал галифе с мундиром самостоятельно в свободное время, но большинство, как и Васильцов, решили доверить данный процесс профессионалам. Командование, конечно, на словах боролось с ушиванием этой формы, весьма негативным на их взгляд явлением, ротный неоднократно проводил строевые смотры, на которых слишком уж обтянутых выводил из строя, грозил всяческими карами, но безрезультатно. Собственно, в других ротах первого курса ситуация складывалась аналогично.

Ну, а курсантам четвертого взвода выход подсказал вездесущий Колька Пчельников, сообщивший ребятам, что в училище есть мастерская по ремонту одежды, и девушки, которые там работают, за небольшую плату согласны в этом деле помочь, втихаря, естественно. Лешка в тот же вечер выдурил у каптера свою парадку, занес в мастерскую и через неделю (благо, что за это время она не понадобилась) забрал ее в лучшем виде: не слишком обтянуто, не так, словно лосины времен Павла Первого, как кое у кого из тех, кто подгонял форму сам, что Алексею категорически не нравилось, но и не болталось ничего, приятно посмотреть!

При составлении накануне выходных дней списков увольняемых Алексей попросил сержанта Чернова записать его на воскресенье: одновременно на два дня нельзя, а выбирать субботу, когда увольнение производится после обеда, да и то далеко не сразу, и остается провести в городе всего несколько часов, не хотелось. Тем более, что у Лешки был некий свой план, который он собирался в конце концов реализовать. Хотя в воскресном увольнении имелся один минус: ушедший в город «пролетал» обед, а то и ужин, но Алексей решил – не беда, поем в какой-нибудь городской столовой.

Поскольку в воскресенье обязательная утренняя зарядка не проводилась, Васильцов по команде «Подъем!» не спеша встал, выполнил все, что положено утром, а после завтрака, получив в каптерке свою парадную форму, снова проверил ее готовность. Вроде бы все нормально. «Ладно, брюки, так и быть, еще раз поглажу», – решил он, благо что в бытовой комнате есть и утюги, и столов для глажки предостаточно.

Ровно в 10.00 раздалась долгожданная команда «Увольняемым строиться!», и вот уже перед дежурным вытянулись две длинные шеренги покидающих расположение роты курсантов в отливающих зер-

кальным блеском хромовых сапогах и в тщательно подогнанных, отглаженных шинелях, подпоясанных кожаными ремнями с ярко сверкающими на солнце бляхами.

К строю вышел старшина с Книгой увольняемых, в которую накануне он перенес фамилии убывающих в город с тех самых списков, что составляли командиры отделений, проверяли и корректировали заместители командиров, а затем – и командиры взводов. Дежурный сержант доложил Рудакову, что увольняемые в городской отпуск построены.

– Так. Первая шеренга, шаг вперед, шагом марш! Кру-гом! – начался осмотр внешнего вида. Старшина не спеша оглядел подчиненных спереди, иногда делая кое-какие замечания, затем стал обходить строй сзади. «Вроде бы и придраться не к чему, – подумал Лешка, – все старательно готовились, но, тем не менее, кто знает, что у Рудакова на уме?».

– Для старшины чистишь сапоги, Забалуев, – услышал Алексей рядом с собой.

– Это как «для старшины», товарищ старшина? – спросил, повернувшись кругом, Михаил.

– А вот так, курсант Забалуев! Спереди надраил так, что хоть вместо зеркала в них смотрись, а сзади – забыл, на каблуках грязь, и голенища не блестят. Устранить, если хочешь в город!

– Есть, товарищ старшина! – что еще оставалось отвечать Мишке.

Рудаков обошел весь строй, затем, поставив на место первую шеренгу, обратился к курсантам:

– Молодцы, не стыдно вас теперь и в город выпускать. Но те недостатки, что я указал, устранить! На все это вам – десять минут. И строиться на улице, отведу вас к дежурному по училищу.

Резиденция дежурного находилась в том же домике, что и КПП, только вход в него осуществлялся с противоположной от проходной стороны. Кроме собственно дежурного по училищу там же размещался и нес службу оперативный дежурный, назначаемый в основном из числа преподавателей в погонах. В обязанности последнего входило безотлучное нахождение на связи со штабом военного округа, получение и незамедлительное доведение до начальства принимаемых сверху сигналов и команд. Поэтому в отличие от училищного дежурного, челноком сновавшего по территории: то в расположения рот, то в технический парк, то в караул, то еще куда-либо, оперативный не имел права покидать свое место даже для приема пищи, еду ему доставлял из офицерской столовой наряд по КПП. Только ночью ему разрешался четырехчасовой отдых, во время которого его подменял помощник дежурного по училищу из числа курсантов, как правило, в сержантском звании.

Приведя увольняемых на площадку перед дежурной частью, старшина Рудаков, скомандовал им «Смирно!» и скрылся за дверью служебного помещения, вскоре выйдя оттуда вместе с офицером, на рукаве шинели которого красовалась ярко красная повязка с надписью, указывающей на его нынешнее служебное положение. Дежурный от-

чаянно зевал, ибо сейчас он должен был отдыхать лежа, то есть спать, поскольку ему в отличие от того же оперативного делать это разрешалось должностной инструкцией только днем, с 10.00 до 14.00. Разрешаться-то разрешалось, но, вот, поди ж ты! То одна причина мешала отдыху, то другая, то эти вот увольняемые, которых положено было проинструктировать о правилах поведения, проверить их внешний вид и отпустить (или не отпустить) в город. И ведь эта рота не последняя на сегодня, еще будут... Дежурный мельком глянул на строй замерших при его виде первокурсников, еще раз широко зевнул и сказал, обращаясь к Рудакову:

– Отпускай ты их, старшина! Выдай им увольнительные, и пусть идут с богом.

– А комендант не будет их смотреть? – засомневался тот.

– А что я, искать его буду, что ли? Болтается где-то, мне при этом о своем местонахождении не докладывает, хотя, пока все увольняемые не уйдут, его место по идее здесь. Давай, давай, отпускай ребят, самому ж наверно тоже хочется в город?

– Так точно, сегодня и я отпущен до вечера.

– Ну вот, а ты еще хочешь коменданта накликаешь. Все, отведи их в сторону, выдай увольнительные, и чтоб через пять минут я здесь никого из вас не видел.

– Есть! – с облегчением рявкнул Рудаков и быстро-быстро стал выдавать увольнительные записки, в душе моля бога, чтобы в самом деле не появился комендант.

Комендант училища капитан Цыбулько в действительности был командиром курсантского взвода, причем – на их же курсе, только в шестой роте, однако назначенный несколько лет назад нештатным комендантом, столь ревностно исполнял свои новые обязанности, что все только диву давались. Неизвестно, как у него на все хватало времени: и взводом командовать, и занятия с курсантами проводить, и одновременно, находясь в засаде, отлавливать самовольщиков и прочих нарушителей дисциплины, проверять чемоданы и сумки возвращающихся из города курсантов и т.д. и т.п. Он же, причем по собственной инициативе взял на себя обязанности проверять перед выходом в город увольняемых, при этом ему ничего не стоило придрататься к какому-нибудь пустяку вроде маленького пятнышка грязи на каблуке сапога и лишить на этом основании курсанта столь ожидаемого последним городским увольнением.

Списки нарушителей еженедельно, как правило, после выходного дня докладывались начальнику училища. При этом не жалел капитан Цыбулько и своих непосредственных подчиненных, не раз и не два указывая в списках, к изумлению генерала, фамилии курсантов своего взвода. Коменданта презирали офицеры, особенно командиры подразделений, имевшие из-за его бурной деятельности немалые неприятности, а курсанты откровенно ненавидели. С чьей-то легкой руки капитана Павла Ивановича Цыбулько стали в училище называть просто «Паша», и это имя-кличка пристало к нему намертво. Более других отводили душу выпускники, многие из которых

немало настрадались от его служебного рвения, но ближе к выпуску уже мало чего боялись. Лешка неоднократно наблюдал, как из проходящего мимо коменданта взвода кто-то вполголоса призывал: «Паше – общественное порицание!», и весь строй тоже вполголоса, не разжимая губ, но вполне отчетливо мычал: «У-у, сука!». Цыбулько сразу в таких случаях вскидывался, но, поди ж ты, разбери, кто этот перл выдал, взвода же идут друг за другом, а не пойман – не вор. Ни Васильцов, ни другие ребята в упор не понимали такого служебного рвения коменданта. Более остальных сведущие во внутриармейских делах кадеты считали, что тем самым Паша старается любой ценой задержаться в Холмограде, ибо его нынешняя должность взводного для него – предел, ротным его, исходя из его умственных способностей, никто не назначит, не говоря уж о возможной преподавательской работе. Уезжать же на выдвижение в какую-нибудь глухомань, в просторечии называемую «дырой», а танковые части их военного округа в большинстве своем как раз в таких «дырах» и стояли, он явно не хотел. Другие, говоря о Паше, просто покручивали пальцем у виска. Впрочем, так или иначе, но сегодня увольняемым повезло: никто к ним не придирался, поэтому вскоре все они, получив увольнительные записки, оказались за воротами училища и группками направились к трамвайной остановке.

– Ну что, пацаны, кто куда? – поинтересовался Пашка Зубов. – Я бы для начала прошвырнулся в кино да посмотрел парочку фильмов, а то, чувствую, от жизни начал отставать. Кто со мной?

– Пожалуй, составлю тебе компанию, если не возражаешь, – отозвался Миша Забалуев.

– Я тоже с вами, – присоединился к ним тезка последнего Белкин.

– И я бы к вам пристроился, но только на один фильм, к обеду мне надо вернуться в училище, – Боря Тишков заступал с воскресенья на понедельник в наряд по роте, и его сержант Глуценко отпустил только до 15.00. Борис был единственным из состава будущего наряда, кто уходил в город: второй дневальный Юрий Хачинян и дежурный сержант Антон Крючковский были в увольнении в субботу, а третий дневальный, Толик Павловский, вообще не стал записываться в город. Он сказал, что ему это не интересно, и, уединившись в своем углу в казарме, что-то сосредоточенно мастерил.

– А ты, Леха, что, в кино сходить не хочешь? – поинтересовался Зубов у идущего рядом Алексея.

– Нет, мне в одно место надо съездить, – ответил тот и обратился к находящемуся здесь же Квашнину, – товарищ сержант, а как мне на Крутогорскую улицу добраться?

– Хм... До Крутогорья далековато. Нужно вот этим нашим трамваем доехать до Главного вокзала, а потом еще около часа добираться автобусом тридцать четвертого маршрута. А чего ты так далеко едешь, можно и поближе найти развлечения?

– Да там какая-то мамина подруга живет с дочкой. Мне мама еще когда приезжала, оставила их адрес, да все никак не удавалось туда добраться.

– Так-так, с этого места поподробнее, пожалуйста, – подал голос Василий Иванов. – Дочка-то большая?

– Не знаю, – простодушно ответил Лешка. – Я ведь у них ни разу еще не был. Слышал от матери, что она в каком-то институте учится, но где и как – понятия не имею.

– Вот, учитесь, хлопцы, у молодежи, – не отставал Васька. – Мы не знаем, где подругу найти для культурного времяпровождения, а тут – на тебе, в первое же увольнение – и уже в гости к девахе. Ты там смотри, не теряйся, надо народонаселение увеличивать, а то от Китая отстаем.

– Да ты что, я ее и в глаза-то еще ни разу не видел, – покраснев, заявил Алексей.

– Для этого дела, юноша, глаза как раз имеют вспомогательное значение, – в свою очередь невозмутимо парировал Иванов. – Здесь другие органы важны.

Раздался такой взрыв смеха, что на их группу стали оборачиваться прохожие, а бедный Лешка сконфузился окончательно.

– Ну, бросьте, пацаны, видите – парень молодой еще, ни разу не целованный, а вы его сразу в оборот берете, – взял земляка под защиту Зубов. – А ты, Леха, не робей. Помни, что ты представляешь здесь наш славный город Тригорск и его окрестности, поэтому не опозорь мою лысую голову.

Так, дружески подкалывая один другого, ребята доехали до вокзала, где Квашнин указал Алексею остановку нужного ему автобуса, предупредив на прощанье:

– Переедешь по мосту речку и тогда готовься к выходу. Лучше спроси у кого-нибудь, где нужный тебе дом находится: улица Крутогорская достаточно длинная. Ну и смотри, из увольнения не опаздывай. Лучше будет, если выедешь оттуда с запасом по времени: вечером, да еще в воскресенье автобусы паршиво ходят, а пешком – далеко. И вообще, будь поаккуратнее, Крутогорье – известный бандитский район.

– Постараюсь, товарищ сержант. Неприятности в мои планы не входят, – ответил Лешка и, распрощавшись с друзьями, направился к остановке, куда как раз подходил нужный ему автобус.

Забравшись в огромный «Икарус» и удобно расположившись на мягком кожаном сидении, Алексей подумал, а зачем он в самом деле едет к фактически незнакомым людям? Вообще-то он немного покривил душой, когда сказал ребятам, что в глаза не видел ни подругу матери, ни ее дочку. Видел, хотя и очень-очень давно, они его наверняка не помнят, отсюда и получится та самая неловкость, которая ему наперед очень не нравилась. «Ладно, – подумал он, – надо уважить мамину просьбу, пока какой-нибудь новый майор Руденко не помешал, а потом видно будет. В конце концов, один визит никого ни к чему не обязывает».

Мама... Он снова, как уже бывало не раз, вспомнил ее приезд сюда, в Холмоград. Она приехала, как и обещала, на октябрьские праздники, а именно – 6 ноября. В училище этот день, преддверие великого праздника, по традиции посвящался наведению праздничного лоска, поэто-

му курсантам, отзанимавшимся до обеда согласно расписанию занятий, вторую половину дня было предписано заниматься уборкой расположений своих рот и закрепленной за ними территории. Последнее впрямую касалось и Алексея, поскольку взвод, в состав которого он входил, получил как раз такое задание, что означало – убирать опавшую листву. Поскольку деревьев на закрепленном за ротой участке было приличное количество, то потрудиться ребятам предстояло тоже вполне прилично. Впрочем, особо никто не усердствовал и не спешил выполнять поставленную командованием задачу. Все равно пойти сегодня в увольнение никому из состава взвода не грозило, ибо начальство объявило их четвертый взвод пятой роты дежурным подразделением по оповещению, следовательно – до 20.00 никаких увольнений, ну а после указанного времени что в городе делать? Тем более что рано утром 7 ноября все должны были прибыть на центральную площадь для участия в военном параде. Все, даже первокурсники, которые, правда, к прохождению в пешем строю ввиду их недостаточной строевой выучки не привлекались, но, тем не менее, тоже были задействованы. Дело в том, что поскольку парад проводился в честь 50-летия Октябрьской революции, то командование гарнизона решило вывести на площадь, помимо пеших колонн, еще и военную технику частей, данный гарнизон составляющих. В случае танкового училища это были, конечно, танки, за которыми по площади должны были проехать штатные грузовики ГАЗ-66 со снятыми тентами, в кузовах которых предписывалось находиться курсантам первого курса в парадной форме, с автоматами, взятыми в положение «на грудь», и, самое странное, в пехотных касках. Кого они при этом изображали, так и осталось загадкой, но что было вполне определено, так это то, что увольнение в город для всех курсантов состоится только после окончания парада и возвращения в училище. Считай – после обеда. Совокупность всех вышперечисленных факторов и определяла настроение ребят и темп их работы.

Лешка тоже неспешно сгребал в кучи сброшенные деревьями листья, чтобы затем вместе со своим напарником, орудовавшим рядом с ним граблями Мишей Забалуевым перетащить их в указанное начальством место. Внезапно ему почудилось, будто кто-то громко выкрикивает его фамилию. Он остановился, прислушался, – нет, не почудилось, его действительно искали.

– Васильцов! Четвертый взвод, где курсант Васильцов? – появившийся на территории дневальный по роте зачем-то искал именно его.

– Я здесь! Чего кричишь? Что случилось? – привыкшему уже к неспешной работе на свежем воздухе Алексею очень не хотелось получать какое-нибудь новое задание.

– Бросай все и дуй на КПП! Там к тебе мать приехала, ждет, – сообщив эту неожиданную новость, дневальный с важным видом удалился, а Лешка растерялся. При других обстоятельствах он бы сразу рванул на КПП, но сейчас... Бросить ребят, которые должны будут теперь работать за него? Как-то не по-товарищески получается.

– Ну чего встал как столб? Беги! Если бы мне такую весть сообщили,

я бы уже здесь не торчал, – первым подсказал ему, что делать, земляк Зубов.

– В самом деле, Леша, чего ты ждешь? Справимся мы тут без тебя, не переживай, – поддержал Павла Лешкин напарник Забалуев.

– Действительно, Васильцов, давай сходи, повидайся с матерью, это – дело святое. А сержанту Глуценко я доложу, что это я тебя отпустил как старший на этом объекте, так что не волнуйся за свое отсутствие, – решил вопрос командир отделения Чернов.

– Да я, товарищ сержант, туда и назад, – наконец решился Лешка.

– Можешь сильно не спешить, на ужин только не опаздывай. И подойди к командиру взвода насчет завтрашнего увольнения. Я-то тебя и так на завтра запишу, но по увольнению на сутки – это уже решает только он, а ты ведь наверняка захочешь с матерью подольше побыть? Вот сейчас и поговори с ней не торопясь, узнай, где она остановилась, а все остальные вопросы будем решать вечером, – посоветовал сержант. Как ему был благодарен Алексей в эту минуту! Он моментально собрался, заскочил в казарму, чтобы помыть руки и привести себя в порядок, и вскоре уже, прибежав на КПП, открывал дверь в комнату посетитель.

В комнате мать находилась одна, это он увидел еще через застекленную дверь. Она сидела, опираясь на большую дорожную сумку, такая маленькая, грустная, одинокая, что у Лешки на сердце заскребли кошки. Как же мог ее покинуть он, кого она называла единственным мужчиной в семье, своей надеждой и опорой! Какой он все-таки эгоист! Вот решил стать таким, как отец, и уехал, бросил ее с малолетним Сережкой. Кстати, а где он? Что-то здесь его не видно.

На скрип двери мать подняла голову, слабая улыбка скользнула по ее лицу. Алексею даже показалось, что она смахнула с глаз слезинку. Он кинулся к ней и крепко обнял ее.

– Здравствуй, мама! – только и смог он выговорить, остальные слова комом застряли у него в горле.

– Здравствуй, сынок! Здравствуй, Алешенька! – мать поцеловала его в щеку раз, другой, третий. – Наконец я тебя увидела. Господи, как ты в этой форме на отца своего похож! Вот бы он порадовался...

На глазах у нее выступили слезы.

– Не плачь, мамуля, все хорошо. Видишь, я жив, здоров, все в порядке. У меня много друзей, мы вообще здесь как одна семья. Учеба у меня тоже проходит нормально. Зимой на каникулы приеду – еще поведемся.

– Да я о тебе и так уже много чего знаю. Пока тебя там, в казарме, искали, я с твоим командиром поговорила.

– С каким командиром?

– Со старшим лейтенантом, – как жена военного, в воинских званиях мать разбиралась, – фамилия у него Брунов или Рунов, не запомнила точно, а вот звать его Александр Григорьевич.

– Верно! Трунов его фамилия. Ну, ты, мама, даешь! Как это ты успела с ним пересечься еще до того, как меня нашли?

– Случайно. Зашла сюда, на проходную, а навстречу – трое офице-

ров. Я спросила, не у них, конечно, а у дежурного с повязкой: как мне найти курсанта Васильцова с первого курса? А офицеры, видимо, слышали, остановились, один из них подошел ко мне и спрашивает: «Вы, наверное, из Тригорска?». Я отвечаю: «Да». А он – еще вопрос: «А сына Вашего не Алексей зовут?». Я и это подтвердила. Тогда он попрощался с остальными офицерами, мы с ним зашли вот в эту комнату и поговорили. Хороший такой, душевный человек. Вот бы и ты таким командиром стал!

– Ну и что он обо мне рассказал?

– Много чего. Что ты стараешься, уже многие военные науки освоил, а по гражданским предметам вообще в отличниках ходишь. Вот по физкультуре ты пока еще отстаешь, но скоро наверстаешь, у тебя к этому и желание, и стремление есть, да и получается уже что-то. Он тебе гантели свои подарил, чтобы ты мускулы укреплял. В общем, он подчеркнул, что в тебя верит, и мне беспокоиться не о чем. А потом куда-то позвонил, после чего сказал мне, что тебя сейчас разыщут и пришлют сюда, а сам вежливо так попрощался со мной и ушел.

У Лешки потеплело на душе. Молодец все-таки взводный, нашел возможность и время, чтобы поговорить с матерью своего подчиненного, всего лишь одного из тридцати. А ведь наверняка домой спешил, в свое семейное общежитие, где молоденькая жена и сынишка-грудничок помощи ждут. Алексей, когда с ним за теми же гантелями ходил, видел, в каких условиях живет его командир: все – в одной комнате, и плита электрическая, и умывальник, и пеленки поперек комнаты развешаны, сушатся, а туалет – вообще в конце общего коридора. Вот так! Служит офицер в Холмограде уже три года, а своей отдельной квартиры так до сих пор и не получил. Мотай на ус, курсант Васильцов! Ладно, не будем загадывать, как и что будет впереди, Сейчас рядом мама, мамочка, единственный родной человек, кроме брата, конечно, сейчас внимание нужно уделять ей и только ей.

– Послушай, мама, а где Серый, что-то я его не вижу?

– А он дома остался. Бабушка как раз приехала, ну и отговорила брать его сюда. Дескать, чего тащить мальчика неизвестно куда да еще в первый раз. Сказала, что присмотрит за ним, пока я здесь буду находиться.

Бабушка приезжала к ним довольно часто, чтобы, как она говорила, поддержать единственную дочку, которой с двумя сорванцами приходится нелегко, хотя не очень легко было и ей в ее возрасте ездить в Тригорск. Ведь жили родители матери довольно далеко, в небольшом городе Покровске на востоке Украины. Так уж сложилось исторически, что древний Покровск (местные краеведы утверждали, что он постарше самой Москвы будет) хоть и был административно украинским, и села вокруг населяли в основном украинцы, но сам городок оставался с преимущественно русским населением. Впрочем, кто этому обстоятельству придавал какое-то значение? Жили русские и украинцы бок о бок друг с другом, работали вместе, дружили, женились, не спрашивая, какой национальности будет вторая половина...

Сюда, в Покровск мать постоянно приезжала с детьми на все лето, благо, что отпуск у нее был учительский и позволял им находиться здесь долгое время. Неудивительно, что и друзей у Лешки появилось немало, как русских, так и украинских ребят. Вместе они играли в казаков-разбойников, вместе лазили по соседским садам, причем совсем не потому, что так уж хотелось им, к примеру, яблок или слив, а просто из озорства. Вместе же бегали по утрам купаться в огибающей город замечательной речке Стиге, а затем, переплыв на ее противоположный берег, долго лежали, зарывшись в траву заливаемого по весне луга, и, глядя на медленно проплывавшие над ними облака, мечтали, мечтали... В прошлый раз (не хотелось думать, что в последний) Лешка был там всего полгода назад, сразу после школьного выпускного и перед тем, как ехать сдавать экзамены сюда, в Холмоград. Совсем недавно все это было, а кажется, что прошла уже целая вечность.

– А где ты остановилась? – спросил Алексей, так как пауза в их разговоре несколько затянулась. Мать назвала адрес гостиницы и рассказала, как туда добраться. Они еще немного поговорили. Лешка сообщил, что завтра в увольнение отпустят не раньше обеда, при этом он постарается решить вопрос с увольнением на сутки, до вечера восьмого числа, но какой бы результат не был, к ней он обязательно приедет.

– Вот и хорошо, – обрадовано сказала мать. – Я и собиралась уехать домой восьмого.

– Я постараюсь, – повторил сын и поднялся. – Прости, мамуля, мне пора идти. Служба!

– Понимаю. Отец твой тоже был обязательный человек. Ну, хорошо, жду тебя завтра после обеда в гостинице. Да, и вот, возьми, – она протянула Лешке увесистый пакет. – Это пирожки. Мы с бабушкой напекли, чтоб ты своих друзей угостил. Пусть домашнего покусуют.

После ужина, воспользовавшись тем, что старший лейтенант Трунов, как и остальные взводные, все еще находился в казарме, Алексей обратился к нему с просьбой разрешить увольнение на сутки в связи с приездом матери. Тот без лишних расспросов дал «добро», что было вполне объяснимо: о том, что приехала мать Васильцова, он узнал раньше самого курсанта и всего несколько часов назад сам с ней разговаривал. Поэтому на следующий день сразу после возвращения с парада и праздничного обеда Алексей получил разрешение на увольнение в городской отпуск до 21.00 часа следующего дня. Вскоре он уже открывал двери гостиничного номера.

Это были незабываемые сутки. Благодаря хорошей погоде, а на улице стояла настоящая золотая южная осень, они с матерью долго гуляли по городу, изучая одновременно его достопримечательности, поскольку никому из них прежде бывать в Холмограде не доводилось. Мать с удовольствием и одновременно с гордостью смотрела, как ее сын, поддерживая ее под руку, другой рукой молодцевато отдавал воинскую честь встречным офицерам. И говорили, говорили, говорили... И на улице, и в номере. Мать рассказывала ему об изменениях в Тригорске за то время, что он находится здесь, сообщала новости о его одноклассниках: кто куда поступил или не поступил, кто чем занима-

ется в данный момент. Вспомнили они и Покровск, и вот тут мать неожиданно спросила:

– Алеша, а ты помнишь наших соседей Шитовых? Ну, что через два дома от нас на нашей же улице жили?

Алексей хорошо помнил только хозяйку дома Александру Николаевну. Спокойная рассудительная старушка пользовалась у соседей, да и, пожалуй, во всей округе большим уважением, так как долгое время работала детским врачом. Причем была хорошим врачом, дело свое знала и никогда никому не отказывала в помощи и совете, даже сейчас, будучи давно уже на пенсии. Жила она одиноко, куда делся ее муж, Лешка не знал, да и не интересовался этим. А, стоп! У нее еще дочка была, мамина ровесница и вроде бы даже одноклассница. Кажется, ее звали Люба, Любовь ..., как же ее по отчеству? Забыл. А у этой Любви, в свою очередь, тоже имелась дочка, Ирка, года на три старше Алексея. Девочка была красивая, хотя, может, это ему лишь казалось, цену себе знала и дружила только со старшими ребятами, а на него, мелюзгу, внимания не обращала. Потом они обе куда-то уехали, и, приезжая как всегда летом в Покровск, Алексей их больше не встречал, да и особо не переживал по этому поводу: сдалась ему эта вертлявая девчонка! Друзей и так хватало.

– Ну, помню, – немного неуверенно ответил Лешка. – Александру Николаевну помню, а остальных, кто там еще был, очень смутно.

– Там еще жила ее дочь Любаша, Любовь Ивановна, – назидательным тоном напомнила ему мать. – Между прочим, мы с ней вместе учились и школу вместе закончили. После этого я поступила в институт в том городе, где отца твоего встретила, а она в Покровске осталась, пошла работать, дочку Иришку родила, потом они уехали. Неужели совсем их не помнишь?

– Так, немного. А какое это имеет значение? Почему ты спросила?

– Дело в том, что и Любаша, и Иришка живут здесь, в Холмограде. Бабушка как узнала, что ты поступил, сразу со всей нашей улицей поделилась этой вестью, ну Александра Николаевна ей и рассказала про своих. Да еще и их адрес сообщила. А бабушка передала его мне. Вот он, – с этими словами мать достала из сумочки и передала Алексею небольшой листочек с какой-то записью. – Ты бы съездил к ним, сынок! Все же как-никак, а свои люди, покровские.

– Хорошо, мама, съезжу, – пообещал тот скорее из вежливости, чем из искреннего желания навестить земляков.

И вот теперь он ехал по указанному в бумажке адресу. Впрочем, пора готовиться к выходу. Квашнин говорил, что Крутогорье начинается за мостом, а автобус уже въезжал на него.

Выйдя на остановке, Лешка огляделся по сторонам: типичный спальный район, бесчисленные ряды стандартных панельных пятиэтажек. Не понравилось ему это место, в Тригорске у них квартира находилась тоже в подобной панельке, но как-то не было такого впечатления серости и унылости, как здесь. Он вздохнул, снова заглянул в бумажку и пошел искать указанный там дом. Пару раз уточнив у встречных им местных направление движения, Алексей уже скоро нажимал кнопку

звонка нужной ему квартиры. Дверь открыла невысокая полноватая женщина в кухонном фартуке поверх домашнего халата:

– Простите, Вы к кому? – нет, ничего знакомого Лешка в ее облике решительно не видел.

– Наверно, к Вам. Вы ведь Любовь Ивановна?

– Да, – растерянно ответила женщина незнакомому военному. – А Вы-то кто?

– А я – сын Анны Николаевны Васильцовой. Вы с ней учились вместе в Покровске.

– Не было у нас такой!

– Ах, да! Вы, наверно, не знаете ее под новой фамилией после того, как она вышла замуж. В Покровске она была Серегиной.

– Так Вы – сынок Анечки Серегиной! Такой большой и уже – военный! – она не скрывала своего удивления и растерянности, словно видела перед собой инопланетянина, а не сына своей давней подруги.

– Так точно! Курсант Холмоградского высшего танкового училища Алексей Васильцов! – официально, с некоторым даже вызовом представился он.

– Ну, надо же! А ведь еще совсем недавно был такой маленький мальчик!

Лешка хотел было ей напомнить, что таким маленьким мальчиком она могла его видеть лет десять назад, даже больше, но не стал: все равно не поймет.

Женщина все еще суетилась в дверях, однако пройти в квартиру не позволяла. Алексею это надоело, и он решился:

– А можно мне в квартиру зайти, или мы так и будем на площадке разговаривать?

– Да-да, конечно, конечно, – засуетилась снова хозяйка. – Пожалуйста, проходите! Ира, Ирина, смотри, кто к нам пришел!

Одна из двух выходящих в коридор дверей открылась, и из нее неспешно, словно бы нехотя, выглянула девушка:

– Что случилось, мама? Чего ты кричишь?

– Иринка, ты помнишь наших покровских соседей Серегиных? Ну, бабушка рядом с нами жила, через два дома? А вместе с ее дочкой Анечкой я в школе училась, в одном классе. Она потом уехала, но летом всегда приезжала в Покровск отдыхать со своими детьми. Вот ее старший сын сейчас к нам пришел!

– А-а, так это Алешка, – безразличным голосом, в котором сквозило явное разочарование гостем, протянула девушка, но в коридор вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Алексей смотрел на нее во все глаза и пытался, но никак не мог определить хоть какие-то знакомые черты. Совершенно неизвестная деваха, совсем не та, что когда-то в детстве ему так нравилась. Хотя фигура что надо: и рост неплохой, пожалуй, совсем чуть-чуть ниже его самого, и груди с бедрами, обтянутые коротким, выше колен, цветастым халатиком, тоже на уровне, но что-то в ее облике мешало воспринимать ее так же восхищенно, как раньше. Какая-то она была бесцветная, словно замороженная. Эту бесцветность подчеркивали и блед-

ное потухшее лицо, и длинные белые, явно крашенные волосы. «Даже не поздоровалась, – подумал Лешка, – культура, конечно, высший класс!». Внутри него возникло и стало нарастать раздражение, он уже решил повернуться и уйти.

– Ну, что ж, проходи, раз пришел, – наконец соизволила произнести Ирина и сделала приглашающий жест в комнату, из которой только что появилась.

Алексей снял сапоги и, поскольку домашних тапочек ему никто не предложил, оставшись в одних носках, которые он надевал в парадные хромачи вместо портянок, прошел вслед за девушкой.

В комнате за стоящим посередине столом играли в карты трое парней, а напротив них, в уголке стоявшего вдоль стены дивана рядом со столиком, на котором возвышалась радиоманитола с крутящимися дисками, издававшая какие-то мелодии на иностранном, не понятном Алексею языке, сидела в задумчивости черноволосая смуглая девушка.

– А, курсант! – поднял голову один из картежников. – «Жизнь прошла мимо».

– Прошу познакомиться, мой покровский земляк Алешка, – с явным пренебрежением в голосе объявила Ирина.

– Меня зовут Алексей, – поправил ее Лешка, – и я надеюсь, что моя жизнь мимо не прошла и не пройдет. А вот у присутствующих здесь – еще неизвестно как будет.

– Никита, – не вставая из-за стола, приветственно поднял руку и махнул ею один из парней, сидевший за столом в рубашке без пиджака, висевшего на спинке его стула, но в сдвинутом набок галстук. Надо сказать, что, поскольку в комнате было довольно тепло, даже жарко, то и остальные картежники выглядели так же, как назвавшийся Никитой, разве что один из них подпирал шею классическим галстуком, а другой – «бабочкой».

– Вольдемар, – представился тот, что был в «бабочке».

– Юрий, – отозвался третий, объявивший Алексею, что его жизнь прошла мимо.

– Лариса, – услышал Лешка с дивана голос задумчивой девушки.

– Садись с нами в преферанс, – предложил Никита.

– Я в такие азартные игры не играю, – ответил Алексей и подошел к дивану, чтобы присесть на противоположный от девушки край.

– Что, мама не велит? – насмешливо процедил Вольдемар. – Или начальство?

– В данном случае я – сам себе начальство, а мама у меня далеко и в мою жизнь не вмешивается, – подчеркнуто спокойно ответил Лешка, хотя возникшее ранее у него раздражение при виде занимавшего середину стола широкого блюда с топорщившимися на нем мятыми пяти- и десятирублевками только усилилось. Вызывали неприязнь и трое игравших за столом оболтусов, по-хозяйски распоряжавшихся явно не заработанными своим собственным трудом деньгами.

– Ну, как знаешь, – подвел черту дебатам Юрий, и троица продолжила свое занятие. Ирина тоже подошла к ним и стала за стулом Вольдемара.

– Ирка, отойди, не люблю, когда у меня за спиной кто-то торчит, – сердито потребовал тот. – Садись вот рядом или, еще лучше, ко мне на колени.

– А что, и сяду. Только не к тебе, а, допустим, к Никите.

– Можешь и к Никите. Я сегодня добрый, все разрешаю.

На Лешку никто больше внимания не обращал, и он присел на диван. Снова появилось желание повернуться и уйти. «Ладно, побуду еще немного, чтоб было что маме рассказать», – подумал он и от нечего делать обратил внимание на соседку по дивану. Та продолжала все так же сидеть на некотором удалении от него, слушая музыку и отрешенно глядя перед собой. Не красавица, оценил Алексей, да и одета просто, хотя и со вкусом: темный свитер под горло, плотно облегающий ее изящный бюст, и длинная черная плиссированная юбка. Что-то выделяло ее из этого сборища находящихся в комнате пижонов. Некоторое время он молча поглядывал на нее, а потом, набравшись смелости, вполголоса обратился к ней:

– Что же Вы отделяетесь от компании таких славных молодых людей?

– А они мне – не компания, – так же вполголоса ответила девушка, почувствовав иронию в словах курсанта. – Это – мажоры. Я не из их круга.

– А находитесь здесь вместе с ними.

– Ну, иногда так попадает. Я с Ирой училась вместе, в одном классе, да и живем по соседству, дружим, вот и захожу по старой памяти музыку послушать. У нее пластинки классные, достает у фарцовщиков, в наших магазинах таких не купить. Песни на английском, французском, других языках. Я слова не всегда понимаю, но мелодии мне нравятся. Поэтому и прихожу сюда.

Алексей молчал, не зная, что еще спросить, а Лариса после небольшой паузы продолжила:

– Они все студенты с иныза и после окончания университета четко нацелены на заграничную карьеру, вот Ирка и надеется ухватить свой шанс уехать за бугор. Она за Вовкой бегаёт, ну, за Вольдемаром, он хочет, чтоб его так называли, – пояснила девушка, видя Лешкино недоумение, – а тот, если приходит сюда, то всегда не один, а с друзьями.

– А Вы тоже в университете на инызе учитесь?

– Нет, что Вы! Чтобы поступить туда, нужно немалые деньги заплатить. В нашей семье таких нет. Не то, что у этих юношей. Видите, вон Никита сидит, у него папа руководит всей торговлей в городе. Вовкин отец в горькоме партии не последний человек, да и у Юрки родители тоже богатые и влиятельные. Куда мне до них...

– Так, а где Вы в таком случае учитесь?

– Нигде. Я после восьми классов поступила в медицинское училище и после его окончания работаю в военном госпитале. Как, удовлетворила Ваше любопытство?

Что на это ответить, Лешка так и не нашелся, хотя девушка ему положительно нравилась. Чем-то она привлекала, возможно, тем, что, как и он, выглядела неким инородным телом в этой группе городских

лоботрясов. Между тем, обстановка в комнате не менялась, по-прежнему преферансисты вели за столом свои жаркие баталии, громко спорили, не обращая на других присутствующих никакого внимания, да Ирина периодически меняла на проигрывателе одни пластинки с иностранными песнями на другие. Алексею это в конце концов надоело, и он решительно поднялся с дивана:

– На этом разрешите откланяться. Время мое вышло. Извините, служба! – он четко повернулся и направился к двери.

– Гуд бай! – прокричал ему вслед кто-то из парней и что-то еще добавил под общий смех, в котором особо выделялся звонкий Иркин голос. Лешка вскипел и только большим усилием воли сдержал себя, подчеркнуто неторопливо закрыв за собой дверь.

– Что, Алеша, уже уходишь? – с кухни все в том же фартуке показалась Любовь Ивановна.

– Да, пора на службу, – надевая сапоги, ответил Алексей. – Спасибо за прием и за внимание.

– Ты бы покушал чего-нибудь или хотя бы чаю попил, – не отставала хозяйка.

– Нет-нет, спасибо, совсем нет времени, – Лешке не терпелось поскорее выйти отсюда на свежий воздух.

– Ну, ты заходи еще, когда будешь в наших краях, – проговорила на прощанье Любовь Ивановна.

– Постараюсь, – уже в дверях отозвался он, твердо зная, что больше сюда точно не придет.

Он вышел на лестничную площадку, спустился на один пролет вниз и остановился, чтобы передохнуть, а также переварить и осмыслить все то, что он сейчас видел и слышал. Было до крайности неприятное ощущение некой своей неполноценности на фоне этих блестящих хлыщей, словно бы олицетворявших собой хозяев жизни, а также того, как его появление восприняла девушка, которая когда-то ему так нравилась. «Может, они правы, и жизнь, в самом деле, пройдет мимо меня?» – мелькнуло у него в голове. «Да нет же! – следующая мысль разрешила все его сомнения. – Я Родину защищать буду, как отец. А эти...»

Где-то за его спиной наверху захлопнулась дверь. Он обернулся. По ступенькам спускалась загадочная Лариса. Лешка отвернулся: эта тоже такая же, коль сидела среди тех стилиг и молча слушала их речи.

– Ну, что, Алеша, не проводишь меня? – внезапно обратилась она к нему. И этот абсолютно неожиданный переход на «ты», и какая-то особая сердечность в ее голосе сразу растопили в его сердце возникший было холодок по отношению к ней.

– Почему же, можно и проводить. Времени до конца увольнения еще много, – ответил он.

Они вышли из подъезда. Чуть поотстав, Алексей окинул девушку взглядом. Так, фигурка ничего, одета хоть и довольно скромно, но со вкусом: темно-серое приталенное зимнее пальто с меховым воротником, под который уходили концы покрывавшего голову широкого шерстяного шарфа; черные полусапожки на высоком каблуке плотно об-

легали стройные ножки, причем каблук делал девушку значительно выше, вполне сопоставимо с его собственным ростом.

Некоторое время они шли молча.

– А Вы далеко живете? – прервал, наконец, паузу Лешка только для того, чтобы не молчать дольше.

– Во-первых, я предлагаю перейти на «ты». А, во-вторых, живу я в соседнем подъезде, но поскольку ты сам сказал, что располагаешь временем, можно и прогуляться. Погода позволяет, и потом мне кажется, что тебе нужно просто с кем-то поговорить, поделиться мыслями, которые тебя отчего-то мучают.

– Ну, на «ты», так на «ты», – согласился застигнутый врасплох Алексей (и как она угадала, что именно это ему сейчас и нужно больше всего на свете?). – А скажи, ты действительно в военном госпитале работаешь? Или просто так сказала?

– Ты что, не веришь? – рассмеялась девушка. – Видно, не вызываю у тебя доверия. Действительно работаю там медсестрой, да еще в хирургическом отделении. Даже частенько подменяю операционную сестру. Так что, если сломаешь что-нибудь или, к примеру, аппендицит схватит, как раз в мои руки и попадешь.

– Не дай бог! – вырвалось у Лешки.

– Что «не дай бог»? Заболеть боишься или ко мне попасть? – Лариса говорила уже серьезно, но в глазах ее так и бегали чертики.

– Заболеть, наверно. От учебы отставать не хочется, наверстывать сложно. А попасть в твои руки я бы не отказался, ты, я смотрю, успокаивать умеешь, – действительно, постепенно ему становилось как-то спокойнее, легче на душе. Наверно, этому и в самом деле способствовал разговор с этой милой, приветливой девушкой.

– Я хочу, Алеша, чтобы ты понял, что далеко не все девушки такие, как моя бывшая одноклассница. Есть, конечно, и подобные ей, как, к слову, и такие пижоны, что в карты родительские деньги просаживают, но их – меньшинство. А больше тех, кто труд ценит вообще, и труд военных в частности, – Лариса говорила уже совершенно серьезно, видно было, что ей тоже хочется высказать какие-то свои сокровенные мысли.

И она сумела расположить его к себе. Лешка растаял. Он откровенно рассказывал малознакомой, по сути, девушке о себе, о своем твердом еще со школы желании стать офицером, о своих товарищах, о своих чувствах и возникающих порой сомнениях. Она, в свою очередь, рассказывала ему о себе. Так они гуляли довольно долго, пока он не посмотрел на часы:

– Знаешь, Лариса, мне пора. Отсюда до училища далековато, а мне никак не хочется опаздывать из первого же увольнения.

– Ну, что ж, счастливого пути!

– Когда мы теперь увидимся?

– А стоит ли? – она спросила столь резко и неожиданно, что Лешка даже растерялся:

– Ну, не знаю... Ты хорошая девушка, с тобой очень легко общаться. А почему ты так спросила?

– Видишь ли, Алеша, – Лариса пристально посмотрела на него, – ты славный мальчик и мне симпатичен, но очень молодой. Не обижайся, пожалуйста, я не хотела тебя как-то оскорбить. Тебе сколько лет? Семнадцать? А я почти на четыре года старше, женщины же начинают стареть раньше, чем мужчины. И потом, ты фактически только начинаешь жить, я же в этой жизни уже кое-что видела. Это я все к тому, что наши отношения могут зайти далеко, и мне в дальнейшем не хотелось бы тебя разочаровывать. Я, конечно, понимаю, что сейчас тебе скучно, одиноко, но ты еще встретишь свою девушку. К тому же, я собираюсь выйти замуж. Мне уже сделал предложение один лейтенант из авиационного городка, он у нас с переломом лежал, ну и влюбился. Я ему пока еще не ответила, но, скорее всего, соглашусь. Так что, давай прощаться.

– Ну, мы друзьями-то хоть останемся? – обескураженный Лешка не знал, что и сказать.

– Друзьями – можно. Если тебе понадобится моя помощь – ты знаешь уже, где я работаю, там и найдешь. Но адрес, где я живу, не спрашивай, телефон – тоже, все равно не скажу. Так будет лучше нам обоим. Насчет того, что ты мне рассказал о себе – не беспокойся, я никому ничего не передам, можешь мне поверить, я слово держать умею. Ну, все, прощай, Алеша! Желаю, чтобы в твоей жизни появилась достойная тебя девушка, только не такая старая, как я.

– Прощай! – Лешка как-то сгорбился, машинально сунул руки в карманы шинели (хорошо, что в Крутогорье хоть не было военных патрулей) и пошел к автобусной остановке.

Устроившись на заднем сидении «Икаруса», Алексей с горечью думал о том, что сегодня – не его день. Надо же, пойти в первое настоящее увольнение и получить две такие оплеухи! Сначала разочароваться в своей землячке, которую, чего уж скрывать от самого себя, он прежде по малолетству боготворил. А потом получить отказ от славной девушки, которой он открыл свою душу, а взамен услышал, что она собирается замуж, но не за него. Хотя в последнем случае она и пообещала никому о нем ничего не рассказывать и согласилась на дружбу, но это вовсе не то, на что он в итоге рассчитывал: все-таки Лариса ему понравилась. Ладно, может, она и права: встретит он еще свою любовь. Без малого, еще четыре холмоградских года впереди.

Занятый своими мыслями Васильцов опомнился только, когда увидел, что автобус подходит уже к Главному железнодорожному вокзалу. Так. На вокзале постоянно обитает патруль, попадаться которому на глаза в Лешкины планы не входило. Поэтому, высадившись на конечной остановке, он смешался с толпой и поспешил в центр города, где надеялся найти какую-нибудь столовую, чтобы хоть немного перекусить. Поскольку обед в училище он пролетел, а в гостях есть не захотел, да никто и не испытывал особого желания его накормить, кишки давно уже играли марш. Однако заходить в людные кафе он поостерегся и, слупив на ходу пару купленных с лотка пирожков, поехал в училище. Дольше гулять по городу не было никакого желания, хотя еще в запасе и оставалось больше четырех часов. Да и поужинать в своей родной сто-

ловой имелась острая потребность. Лишь бы ребята не донимали расспросами, особенно те, кто знал о том, куда он направлялся. Отвечать на эти расспросы он сегодня был явно не в состоянии.

4.

Всю следующую неделю Алексей приходил в себя после своего первого и не совсем успешного выхода в город и, в конце концов, успокоился. Ничего, решил он, будет и на нашей улице праздник! Пока же главное – учеба, тут не до девушек. Новый год на носу, а там, через две или три недели, сессия. Вот на нее и нужно обратить внимание, направить все силы. А девушки, как в известной песне поется, – потом. В увольнение же можно просто сходить погулять в городе, кино посмотреть. Вон Толик Павловский совсем не переживает по поводу отсутствия женского пола. Надо и себя так же настроить, тем более, что как-то быстро и незаметно подошел Новый год.

Предшествовавшая празднику неделя была довольно хлопотной: проводились многочисленные семинары, сдавались различные зачеты, верные признаки приближающейся сессии, кроме того, еще сутки отнял караул. Поэтому, однажды придя с занятий, Алексей с некоторым удивлением обнаружил: сегодня ведь – последний день уходящего года, а он, свинья, даже не поздравил никого из родных!

После обеда по уже установленной начальством традиции требовалось навести в казарме праздничный марафет, поэтому курсанты с большим энтузиазмом взялись за уборку порученных объектов. Энтузиазм этот, впрочем, имел вполне конкретную причину: в новогоднюю ночь командование училища решило не ограничивать без особых на то причин увольнение в город. Узнав об этом, большинство ребят, не без основания, рассчитывало встретить праздник дома. На подобный вариант в первую очередь надеялись те из них, у кого родители проживали в Холмограде или в ближайших к городу сельских районах. Многие из них, к тому же, пригласили в гости на Новый год своих друзей и приятелей, этих тоже разрешалось увольнять до вечера 1 января. Так что, не стоит удивляться тому, что работа на всех объектах уборки кипела.

Впрочем, так ударно трудились не все, Лешка – в том числе. Нет, он не сачковал, разве что сбегал в училищное почтовое отделение и дал две поздравительные телеграммы: матери и бабушке, после чего продолжил работать и работал не хуже других: зачем ребят подводить, тем более что многие из них были его друзьями. Но и особого рвения не проявлял. Зачем? Ему новогоднее увольнение не светило, да он его и не хотел. Более того, сам подошел к замкомвзводу и попросил назначить его на праздник в наряд по роте, который от их взвода должен был заступать на дежурство с первого на второе января. Глущенко удивленно посмотрел на него, но спрашивать ничего не стал и просьбу удовлетворил. Теперь Алексею предстояло в компании с Павловским, Zubовым и заступающим дежурным сержантом Крючковским с обеда первого числа готовиться к службе и в установленное расписанием время выйти на развод наря-

да. «Ладно, и на этом спасибо, – подумал он, – хоть не все сутки по казарме слоняться».

Тем временем хозяйственные работы в казарме уже подходили к своему завершению, и численность курсантов стала неуклонно уменьшаться. После ужина, получив у старшины увольнительные записки, ребята группами и поодиночке начали покидать расположение роты, причем многие не захотели даже ужинать. Отправились в город и приглашенные в гости Лешкины напарники по наряду Пашка Зубов и Антон Крючковский, уволенные, правда, не до вечерней поверки, как все, а только до обеда. Побродив по опустевшей казарме и пожелав удачи Толе Павловскому, традиционно не ушедшему в город и сосредоточенно мастерившему в своем углу какой-то прибор, Лешка зашел в имевшуюся в каждой роте, в том числе, конечно, и у них, ленинскую комнату, где проводились обычно общественно-политические мероприятия. У него была с собой книга, но читать не было настроения, поэтому он обратил свое внимание на телевизор. «Посмотрю новогодние программы, «Голубой огонек», – решил он, – а потом – спать! Надо ж перед нарядом отдохнуть. Авось в честь праздника вечерней поверки не будет, а если и будет – ничего страшного: поднимут – постою и все равно спать!».

Алексей долго сидел, уставившись в экран, и вспоминал, как он смотрел все эти концерты дома, с матерью, братом, бабушкой, когда та приезжала. На душе впервые стало как-то сиротливо и тоскливо. Рядом с ним в помещение входили и выходили из него какие-то курсанты, знакомые и не очень, Лешке ни до кого не было дела. Неожиданно в ленкоманату заглянул старшина Рудаков, который теперь был старшиной не только по должности, но и по воинскому званию, присвоенному ему недавно:

– А, Васильцов! Чего один скучаешь? Ну-ка, пошли со мной!

Он привел Алексея в комнату для хранения имущества роты и личных вещей курсантов, в просторечии называвшуюся «каптерка». Лешка скользнул взглядом по сторонам: справа и слева вдоль стен на вешалках, как бы нанизанных на одну длинную трубу, была повзводно развешана парадная форма его однокашников; впрочем, сегодня этой самой парадки на своих местах находилось немного: в связи с массовым увольнением в город ее место занимало повседневное курсантское «х/б». Под каждым комплектом одежды стояли сапоги, опять-таки, в данный момент по большей части повседневные яловые, а над одеждой ожидали лучших времен, а точнее – летнего периода, фуражки и пилотки курсантов. Еще выше на стеллажах располагались чемоданы и сумки с личными вещами ребят, в основном иногородних, таких, как он сам. Где-то здесь и его чемодан, с которым он сюда приехал. Много их тут, сразу и не увидишь... Так, а где солдат – каптерщик?

– Товарищ старшина, а где наш Степан? – поинтересовался Лешка, услышав за спиной шаги Рудакова.

– Отправил в ТБО, пусть Новый год с друзьями встретит. Что ему одному у нас здесь путаться, – ответил старшина. – Да ты не робей, проходи вон к столу и садись. Сейчас дам тебе работу.

Алексей прошел к стоявшему возле окна с задернутыми занавесками столу и присел на один из трех расставленных подле него стульев. Старшина тем временем достал из тумбочки литровую банку маринованных огурцов, кусок докторской колбасы, пару банок рыбных консервов, буханку хлеба и с десяток порций сливочного масла на небольшой мелкой тарелке. Лешка с изумлением взирал на все эти приготовления.

– Чего смотришь? – усмехнулся Рудаков. – Хлеб и масло – из столовой, там после ужина такого добра на столах хватало, многие пацаны как получили увольнительные, так и чесанули в город, и на ужин не остались. Не пропадать же добру, а нам пригодится. Ну, а остальное – из магазина. Да не тушуйся ты, возьми лучше колбасу нарежь, а я банки пооткрываю.

Когда вся подготовительная работа была проделана, старшина плотно закрыл входную дверь, достал из тумбочки два стакана и бутылку водки, из которой заполнил каждый примерно на треть, после чего обратился к Алексею:

– Ну, присаживайся!

– Товарищ старшина, я не пью! – Лешка скромно умолчал о своей поездке за картошкой со старшиной Воронько.

– А я что, пью? – парировал Рудаков словами одного из героев известного кинофильма. – Это так, для создания праздничного настроения. Ты такой печальный сидел перед телевизором, что я решил тебя немного взбодрить. И вообще, сейчас мы с тобой за одним столом, поэтому козыряние отменяется. Тебя ведь Алексей зовут?

– Так точно!

– А я – Николай, Коля, если хочешь. Так можешь в данный момент меня и называть. А «товарищ старшина» я для тебя стану, когда будешь в строю стоять, а я – тобой командовать. Уяснил?

– Да.

– Ну, тогда давай. За новогоднее настроение!

Они чокнулись стаканами, и Рудаков залпом опрокинул в себя содержимое своего, после чего захрустел огурцом. Лешка хотел повторить его действие, но так быстро, как у старшины, у него не получилось. То ли от волнения, то ли от плохого настроения, но водка колом стала у него в горле, он закашлялся, на глазах выступили слезы. Но свою долю он, тем не менее, допил.

– Молодец! – похвалил старшина. – Бери огурец, первое дело для закуса.

– Товарищ старшина... – начал было Лешка.

– Алексей, мы же договорились за столом не козырять, – прервал его начавшуюся речь Рудаков.

– Виноват. Коля, а Вы не боитесь, что сюда сейчас кто-нибудь зайдет?

– А я никого и ничего не боюсь. И тебе не советую. И потом, если ты никому об этом не расскажешь, то никто и не узнает. В казарме сейчас людей мало. Ну, а ты ж меня не заложешь? – старшина, продолжая уничтожать огурец, испытующе взглянул на парня.

– Николай, как Вы можете так думать? – от возмущения Лешка даже вскочил на ноги. – Никогда в жизни доносчиком не был!

– Верю, верю, сядь, не кипятись! Я к тебе давно присматриваюсь и, если бы сомневался, то сюда бы не пригласил. Вот ты мне скажи: ты в училище зачем поступил?

– Чтобы офицером стать.

– А что ты знаешь об офицерской службе, да и об армии вообще?

– Я лично – не много. Но у меня офицером был отец, он две войны прошел, да и после войны служил еще десять лет и на Дальнем Востоке, и на Западе, так что и мне пришлось в военных городках пожить. Это к тому, что некоторое представление об армии я имею. И пусть отец давно умер, но для меня он – всегда пример, и я тоже хочу таким стать! – Алексей начал понемногу заводиться, старшина это уловил:

– Потихе, парень, я не хотел тебя обидеть. Я почему это спросил? Чтобы потом у тебя разочарование не наступило от выбранного в жизни пути. Быть офицером, я имею в виду, быть настоящим офицером, – штука непростая. Я все-таки уже третий год служу, всяких повидал, даже таких, что и на пушечный выстрел нельзя к солдатам подпускать. Но больше, тем не менее, на моей памяти офицеров, действительно этому слову соответствующих, у которых всю жизнь надо учиться. А чем должен отличаться настоящий офицер?

– Чем?

– Первое. Настоящий офицер должен быть специалистом в своем деле, чтобы смог ответить на любой, даже самый каверзный вопрос своих подчиненных. Только тогда они будут тебя уважать. А для этого надо учиться, и не только здесь, в училище, но и потом, в войсках, в том числе и у них же. Не кичиться своим званием, положением, а не стесняться обращаться к ним за советом, спрашивать их мнение, словом – быть ближе к ним. В этом плане нам всем повезло: танковые войска, сама их специфика, как то: общее оружие, общие задачи способствуют тому, что офицеры становятся ближе к своим подчиненным, чем, скажем, в той же пехоте.

– Второе, – продолжил старшина. – Настоящий офицер должен пользоваться у солдат полным доверием, быть для них, что называется, и папой, и мамой. Обязательно выслушать, постараться помочь, а если не сможет помочь, то хотя бы успокоить человека, ободрить его. Третье. Настоящий офицер может и выпить немного в свободное от службы время, но только немного и в меру, так как в любое время и в любой ситуации должен быть способен исполнять свои служебные обязанности.

Наверно, старшина еще долго рассказывал бы о том, каким должен быть настоящий офицер, но тут в дверь постучали. Рудаков хоть и сказал, что никого не боится, но бутылку все же со стола убрал и направился открыть дверь. Вошел Глущенко.

– Васильцов, а ты что здесь делаешь? – с немалым удивлением спросил он своего подчиненного.

– Тихо, Ваня, это я его привел, – своим подчеркнуто спокойным тоном с небольшим металлом в голосе старшина дал понять, что даль-

нейшие вопросы к курсанту неуместны. – Ну что, много своих подчиненных нашел в расположении?

– Ты знаешь, почти никого нет. Хотя и уволилось много, но хотя бы третья часть должна была бы в казарме остаться. А я прошелся по взводу: человек пять всего, да еще этот гренадер, – он кивнул на Алексея. – Да и в других взводах примерно такая же картина. Ума не приложу, куда остальные подевались.

– Как куда? В самоволку, за забором девок обхаживают. Да ты не переживай, народ у нас ответственный, к отбою все самовольщики будут здесь, они о времени вечерней поверки знают.

– А что, будем ее проводить?

– Да нет, наверно. Все-таки Новый год – не каждый день. Объявим отбой, а потом по койкам пересчитаем, и, если кого не найдем, то тогда пусть не обижаются. Ты из сержантов один во взводе остался?

– Да. Меня вообще-то Мишка Квашнин пригласил к себе, как и остальных сержантов, но взводный не отпустил. Вы что, говорит, совсем без управления хотите взвод оставить? Ну, я и решил не ходить в город, мне приключений не надо, дома невеста ждет. Женюсь, наверно, этим летом.

– Меня тоже ждет. И планы такие же, поэтому и я тоже никуда не пошел. Облегчил Владимиру Федоровичу задачу, так бы ему кого-нибудь из офицеров пришлось бы оставлять для контроля, а тут – целый старшина на месте. Доверяет. Ладно, садись к столу, встретим Новый год. Да не косись ты на своего курсанта, он парень толковый и все правильно понимает.

Глуценко подсел к столу. Старшина снова налил в стаканы грамм по сто водки, выпили за наступающий Новый год и за удачу в нем, закусили, продолжая неторопливый разговор. Скверное настроение, которое овладело было Алексеем, когда он сидел в ленкомнате, куда-то улетучилось. Ему стало легко на душе и приятно находиться в компании своих товарищей – курсантов, хоть более старших и по возрасту, и по служебному положению, но сейчас таких близких и родных. «Вот оно, курсантское братство!» – подумалось ему.

– А чего ты, Алексей, такой смурной сегодня перед телевизором сидел? – неожиданно обратился к нему Рудаков. – Дом вспомнил? Понимаю. Сам первое время в армии тоже скучал по прежней жизни.

– И это тоже, но не только, – Лешке захотелось поделиться своими проблемами с теми, кого он поначалу не понимал и побаивался, но на проверку оказавшимися славными ребятами, хорошими, надежными товарищами, способными и посочувствовать, и понять, и помочь при необходимости. – Я в прошлое воскресенье в увольнение сходил к старым знакомым, думал, что если и не обрадуются, то хотя бы примут как своего, а оказалось – я для них чужой. Потом девушку встретил, очень хорошую, всю душу ей выложил, она меня поняла, но сказала, что выходит замуж, ну и чтоб я, значит, о ней больше не думал.

– А девушка действительно хорошая? – спросил Глуценко.

– Очень. Чуткая, внимательная, в нашем гарнизонном госпитале работает медсестрой. Правда, старше меня на четыре года, но по ней не скажешь.

Рудаков с Глущенко переглянулись.

– Ну, вот что я тебе скажу, парень, – старшина положил руку ему на плечо. – Твои переживания мне знакомы, у самого нечто подобное было. Это если не у всех, то у многих точно случается. Вот и Иван может то же самое сказать. Верно, сержант?

– Да, – подтвердил Глущенко. – Была у меня дивчина, даже как бы невеста. Думал: ну, все, приду из армии – женюсь. А она хвостом вильнула, и в город. Знать, говорит, тебя, деревенщину, больше не хочу. Переживал поначалу сильно, оттого и в училище решил поступать, чтоб домой не возвращаться. А потом поехал в отпуск, что командир дал перед тем, как мне на экзамены сюда направляться, встретил свою Марусю. Славная девушка, полгода уже переписываемся, а летом женюсь на ней.

– Вот, видишь, – подытожил Рудаков. – И у меня примерно так же дело обстоит. Так ведь нам уже по двадцать два года. Ну, или около этого. Нам уже пора о семьях думать. А у тебя еще все впереди. Поэтому и не надо вешать нос при первой неудаче.

– Да я тоже так думаю, – подтвердил Лешка, настроение у которого заметно улучшилось, глаза у него заблестели, щеки покраснелись. Сержанты заметили эту перемену.

– Ну, вот и славно, – старшина посмотрел на часы, потом на Васильцова. – До Нового года времени осталось совсем немного, можно сказать, что мы его здесь уже встретили. Так что, Алексей, сходи, малость охладись на улице и – отдыхай. Можешь посидеть в ленкомнате, там всех нас с Новым годом будут поздравлять, а можешь сразу ложиться спать. Поверки не будет, а отбой – в половине первого. Ну, а мы с твоим замкомвзводом еще немного посидим, вспомним учебку, наш родной дом, а потом пойдем вас по койкам проверять.

– Спасибо вам, товарищ старшина и товарищ сержант! – Лешка поднялся из-за стола. – Вы мне так подняли настроение, что теперь все мои проблемы кажутся настолько мелкими, что и думать о них не хочется. Еще раз спасибо за все!

Он пожал протянутые ему руки и вышел из каптерки. В коридоре казармы происходило самое настоящее броуновское движение, все сновали мимо дневального туда-сюда: кто – в спальное помещение, а кто – наоборот, из него на улицу, поэтому на Алексея никто внимания не обратил. Он, как ему и советовали, зашел в ленинскую комнату, послушал поздравление руководителя страны, после чего немного постоял на улице возле входа и отправился спать, тем более что дежурный по роте уже дал команду «Рота – отбой!». Потягиваясь на своей кровати, Васильцов еще раз перебрал в памяти все события этого вечера и, счастливый и умиротворенный, спокойно заснул.

Следующий день, первое января, ничем не отличался от любого другого выходного дня: подъем на один час позже, без физзарядки, после утреннего туалета и заправки коек построение на завтрак. Все – как обычно. Разве что курсантов в строю, который старшина привел в столовую, было меньше обычного: уволенные на сутки должны были появиться в роте только к вечерней поверке. Ни Глущенко, ни тем более

Рудаков не напоминали Алексею о событиях прошедшей ночи, что было вполне естественно: служба есть служба, а субординацию в армии еще никто не отменял. После завтрака Лешка немного посмотрел праздничные телепередачи, почитал книгу, потренировался на перекладине, а пообедав, забрался на свою кровать и, накрывшись с головой шинелью, начал таким образом готовиться к наряду, поскольку первая стадия такой подготовки предполагала отдых в виде сна. Ну, а перед тем, как влезть на свой второй ярус, попросил дежурного и дневальных из наряда, который они должны были сменить, разбудить его за час до развода.

Проснулся Васильцов, когда за окном уже стемнело. Он не сразу вспомнил, почему спал, а, вспомнив, прыгнул вниз, поправил заправку кровати, на которой только что лежал, умылся холодной водой, чтоб поскорее прийти в чувство, затем полностью оделся, подпоясался ремнем и отправился к своим напарникам по наряду, готовившимся к службе здесь же, в расположении взвода, чуть дальше от него.

– Здорово, гвардеец! Как, готов к несению службы? – спросил увидевший его первым Антон Крючковский.

– Так точно, товарищ сержант! Как пионер, всегда готов!

– Ну и хорошо. Будьте все пока здесь, я сейчас получу на вас штык-ножи, и через полчаса двинем на развод, – сержант направился в оружейную комнату, а Алексея сади ухватил за локоть Пашка Зубов:

– Привет, земляк! Ты что, так всю праздничную ночь здесь и провел?

– Да. Как-то не хотелось на свою задницу приключений искать. Так, телевизор посмотрел, да и спать отправился, – ответил Лешка. В самом деле, не рассказывать же, что было с ним на самом деле. Хоть и земляк, и друг, но лучше, чтобы об этом знало поменьше тех, кого оно непосредственно не касается. – А ты где был? Ты как-то слинял незаметно. Я и опомниться не успел, а тебя уже нет в роте.

– Свет, Леха, не без добрых людей, – самодовольно заявил Пашка.

– С дружками своими время провел, со второго высшего.

– Откуда ты их откопал?

– Ну, ты же знаешь, я рассказывал, что в прошлом году поступал, но меня бортанули. А кое-кто из моих дружков, с которыми сдавал экзамены, поступил. В частности, Петька Мальков и Женька Куров. Учатся в восьмой роте. Вот Петька меня и пригласил к себе Новый год встречать, у него в Холмограде тетка живет.

– И тебя отпустили?

– А почему – нет? Адрес только записал Глущенко – и вперед! Я ведь курсант примерный, в нарушениях дисциплины не замечен. Вот так-то! Учись, молодой, пока дядя Паша жив.

– Тоже мне дядя объявился! Скажи просто, что подвезло. Будь у меня подобное желание, и я бы нашел, где отпраздновать.

– Ара, а ты что, так никуда и не сходил? – раздался рядом громкий гортанный голос. Это подошедший сюда Хачинян все пытался подколоть Толика Павловского, ожидавшего, как и Лешка с Павлом, сержанта Крючковского, ушедшего получать штык-ножи, единственное вооружение внутреннего наряда.

– А куда и зачем? – невозмутимо ответил тот. – Мне и здесь неплохо было. А что до города, то там никого у меня нет, да и не тянет туда.

– Вах! – воскликнул Юрик. – Что ты за человек? Совсем город тебе не нужен? Совсем девушка тебе не нужен? А я вот вчера такой красавица встретил! Глаза – во! Как маслины! А фигура? Груды – как две горные вершины! А бедра...

– И где ты такое чудовище нашел? – в словах Толика, прервавшего бурный водопад эмоций Хачиняна, не прозвучало никакого интереса. – Небось, возле КПП отиралась?

– Зачем КПП? Что я, совсем больной, чтоб на глазах у начальства появляться? Нет, я через КПП № 2 вышел, а там шли несколько красавиц, я с ними познакомился, а одна меня сразила в самое сердце! Часа три с ней в парке на лавочке просидел. Теперь вот, когда в увольнение пойду, к ней пойду!

– Ну, раз здесь задействовано КПП № 2, тогда все понятно, – Павловский только рукой махнул.

Лешка знал уже, что звучным сочетанием «КПП № 2» курсанты прозвали дыру в деревянном заборе, ограждающем территорию с тыльной стороны в то время, как лицевая, парадная сторона училища отделялась от оживленной городской улицы кирпичной стеной с ажурной металлической решеткой между столбиками. Через эту дыру и приладились курсанты бегать в самоволку или, как называл данное мероприятие остряк Колька Пчельников, «в самоувольнение». Дырку постоянно заколачивали досками, возле нее все время отирался внутриучилищный патруль, да и неутомимый комендант Паша также не обижал это место своим невниманием, но, как процитировал слова великого русского поэта тот же Пчельников, «сюда не зарастет народная тропа». Несмотря ни на что! Пикантности этому «КПП» придавал тот факт, что сразу за ним раскинулся большой, заросший огромными старыми деревьями и кустарником, хоть и слегка окультуренный парк, официально называемый «Луна-парк», но местные остряки именовали его не иначе, как «Парк живых и мертвых», исходя из того, что много раньше на этом месте находилось городское кладбище. Вот на скамейках этого парка и проходили свидания тех, кого по каким-либо причинам начальство не пускало в официальное увольнение.

– Ай, Толик-джан, почему так думаешь? – не унимался Юрик. – Такой красавица не может быть плохой девушка.

– Не знаю, плохая твоя красавица или хорошая, но вот осторожность в этом деле не помешает, – заметил подошедший к их группе Иванов. – Иначе можно заполучить при неаккуратном общении с ними большую неприятность.

– Какой неприятность, слушай? – большие темные глаза Хачиняна выражали полное непонимание.

– Неприятность в виде тришпера, слышал о таком? Или еще в виде какой-нибудь гадости поопаснее, – Васька говорил вполне серьезно, без обычных своих подначек, и эта серьезность подействовала на Юрика убедительнее самих слов.

– Как же так? – произнес он в полной растерянности. – А такой девушка... Такие слова говорил... В гости приглашал, даже адрес вот написал...

– Адрес-то, небось, – общага какая-нибудь? – не отставал Иванов. – Возможно, работают на каком-то предприятии, вот и получили жилье от работы.

– Да нет, они в университете учатся, а по этому адресу домик снимают и живут там все трое.

– М-да, так и есть, частный сектор, – задумчиво протянул Василий, прочитав указанный в записке адрес. – Ох, не знаю, парень, какие они студентки, может и действительно так, но я как-то настороженно отношусь к молодым особам женского пола, которые крутятся возле проходных на военных объектах. Я на такую аудиторию насмотрелся, когда работал в летном училище, и, думаю, здесь ситуация похожая. Ты сколько раз был в наряде по КПП?

– Два раза был.

– Я – столько же. С тобой, кстати, вместе. И в отличие от тебя приметил нескольких девах, которые регулярно по вечерам там крутились. Я уже не говорю про тех, кто торчит возле второго КПП. Может, и хорошие девушки, а может – и нет. Вспомни, что майор-медик на лекции говорил.

Лешка тоже вспомнил, что на лекции по одному из разделов устава внутренней службы, посвященному личной гигиене военнослужащих, которую читал начальник медицинской службы училища майор Степанов, речь заходила об опасности случайных половых связей и их последствиях.

– Поэтому, – продолжал Иванов, – не советую тебе знакомиться с теми лицами женского пола, что сами приходят к училищу. Цели у них известные, поверь мне.

– А где тогда знакомиться, слушай! – совсем растерялся Юрик.

– Ну, мало ли где... На совместных вечерах, в гостях у друзей, во время культпоходов, в общем – где угодно, только подальше от того места, где ты сейчас находишься. И потом, неужели у тебя, такого красавца, в твоей Грузии не осталось надежной подруги?

Окончания разговора Лешка не услышал, поскольку дежуривший по роте сержант приказал им получить штык-ножи и приготовиться к следованию на развод.

Вечером, когда Алексей занял свое место очередного дневального у тумбочки с ротной документацией, а все остальные курсанты готовились строиться на вечернюю поверку, неожиданно распахнулась входная дверь, и в расположение роты вошел ее командир.

– Рота, смирно! Дежурный – на выход! – как положено по уставу подал команду Васильцов.

– Вольно, вольно! – приложив руку к головному убору, scomандовал ротный, но Алексей не спешил дублировать для всех его распоряжение, поскольку к тому уже четким строевым шагом подходил Антон Крючковский:

– Товарищ майор! За время моего дежурства в роте происшествий не случилось. Личный состав занимается согласно распорядку дня. Дежурный по роте сержант Крючковский!

– Вольно! – снова дал команду майор Родионов, и на этот раз и дежурный по роте, и дневальный объявили ее всем.

Из каптерки вышел старшина. Ротный поздоровался с ним, и они оба скрылись за дверью канцелярии роты. Через некоторое время Рудаков с довольным видом вышел оттуда и дал команду строиться на вечернюю поверку. Пока старшина производил переключку личного состава, майор не спеша прохаживался в коридоре и подошел к строю лишь тогда, когда Рудаков после окончания переключки скомандовал: «Рота, равняйся! Смирно!» и, строевым шагом подойдя к командиру, доложил:

– Товарищ майор! В пятой роте вечерняя поверка произведена. Весь личный состав налицо. Незаконно отсутствующих нет. Докладывает старшина роты старшина Рудаков!

Алексей, стоя в коридоре у тумбочки, наблюдал, как Родионов, дав команду «Вольно!», неспешно прошелся вдоль строя. Было видно: ротный доволен тем, что празднование Нового года обошлось без происшествий и нарушений дисциплины, это он и отметил, обратившись к курсантам:

– Молодцы, что все на месте и неприятностей нам, командирам, не доставили, – после чего майор сказал то, чего от него никто не ожидал, – а вот кто не выпил сегодня сто грамм, тот – дурак.

– Учтем, товарищ майор, – тотчас же раздался голос из опешившего строя. Лешка готов был голову отдать на отсечение, что голос этот принадлежал Кольке Пчельникову.

– Учтите, учтите, – ничуть не смутившись, с улыбкой ответил ротный. – И еще учтите: бьют не за то, что нарушают, а за то, что попадают при нарушении. Все. Старшина, проводите отбой! Завтра – обычный учебный день.

Долго еще после ухода майора Алексей вспоминал реплику командира роты насчет ста грамм и не мог дать ей объяснения, особенно в свете события месячной давности. Тогда при посещении бани, а это была обычная городская баня, несколько ребят прошли из воинского зала в общий мужской и взяли себе по кружке пива. Узнавший об этом Родионов вывел их перед строем роты и, хотя никого из них не наказал, ограничившись строгим предупреждением, тем не менее, прочитал им солидную лекцию, из которой следовало, что пить им надо еще молоко, а пиво – рановато. В конце концов, Лешка решил, что майор прав: на Новый год выпить не грех, но нужно знать меру и не попадаться.

А со второго января продолжились занятия, в основном – контрольные, тем самым напоминая о все более стремительном приближении зимней сессии первого курса. В этот же день, второго числа, старший лейтенант Трунов перед строем взвода сообщил, что сессия будет проходить с 15-го по 28-е января, а каникулы начнутся соответственно с 29-го января.

– При этом хочу вам сообщить, что на полный срок, две недели, поедут только те из вас, кто сдаст сессию на «хорошо» и «отлично», – уточнил взводный. – Тем, кто получит тройки, каникулы могут быть сокращены, ну, а двоечникам о поездке домой можно будет забыть.

– Как же так, товарищ старший лейтенант? – растерянно спросил кто-то из строя. – Вы ведь раньше говорили, что все поедут. Каникулы же!

– Вот именно, что каникулы, – спокойно ответил Трунов. – Каникулы при части или, в нашем случае, при училище. При этом ваше оружие на хранение в склад не сдается, а значит – надо оставить наряд, чтобы его охранять. Вот летние каникулы называются «каникулярный отпуск с выездом на родину» и по продолжительности составляют один месяц. Тогда оружие сдают на склад, и по домам разъезжаются на полный срок все, кто получит положительные оценки. Да-да, все, в том числе и троечники. Кстати, чтобы больше не спрашивали, если кто-то получит «двойку» в летнюю сессию, то ему будет предоставлена возможность пересдать свой «неуд» неограниченное число раз, но, максимум, в течение двух недель. Если же и тогда «пара» не будет исправлена, то на оставшуюся половину отпуска его все равно отпустят домой. Правда, в этом случае по возвращении из отпуска этот курсант будет считаться условно переведенным на старший курс и продолжит получать свое денежное содержание в прежней сумме до пересдачи. Впрочем, вам об этом пока думать не стоит, ваша задача в данный момент – сдать ближайшую сессию, зимнюю.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться! – подал голос Миша Забалуев. – А если мы все сдадим сессию, и двоечников не будет? Кто тогда останется охранять оружие?

– Ну, в этом случае в роте будет сформировано несколько нарядов из числа троечников, которым, как я уже говорил, каникулы будут сокращены. Еще вопросы есть? Разойдись!

Нельзя сказать, что сообщение взводного о предстоящей сессии и о зимних каникулах привело Алексея в восторг. Он как-то инстинктивно почувствовал грядущую нервозность и возможные неприятности. Сама по себе сессия сложностей не сулила: итоговый экзамен на нее выносился только один – по начертательной геометрии, курс которой заканчивался этим первым семестром, и полученная на экзамене оценка выставлялась в диплом. К тому же, имея в Журнале учета успеваемости по начерталке только «пятерки», Лешка не без основания рассчитывал получить итоговую оценку без непосредственной сдачи экзамена, что называется «автоматом». Такая система практиковалась в училище для поощрения отличников учебы по отдельным неосновным предметам.

Остальные экзамены по выносимым на сессию дисциплинам были контрольными, то есть их изучение продолжалось и в дальнейшем. И если высшая математика, общая химия, история КПСС, оружие массового поражения, огневая и строевая подготовка, уставы Советской армии тревоги не вызывали, то с физической подготовкой дело обстояло не так хорошо. Разумеется, за прошедшие без малого полгода Алек-

сей в физическом отношении прибавил сильно. Для него уже не составляло труда сдать на перекладине с положительной оценкой подъем переворотом и подъем силой, причем последний он мог выполнить по количеству раз даже на «отлично». Некоторую тревогу вызывало третье силовое упражнение на этом снаряде – поднимание к перекладине прямых ног. Мало того, что количество раз в этом случае для положительной оценки было больше, чем у того же подъема переворотом, так еще и требовалось к перекладине подносить носки ног, а Лешка при выполнении этого упражнения инстинктивно подтягивался на руках и касался железного прута щиколотками. Как на это исполнение посмотрит майор Климов, который и будет принимать у них экзамен? Да и с упражнением на брусьях были проблемы: если связку из четырех элементов Алексей выполнял четко и уверенно, то пятый элемент, удержание ног в упоре под прямым углом, пресловутый «уголок» никак не получался, не держались ноги в упоре положенные три секунды. И хотя последние недели перед сессией Васильцов каждый день навещался в спортзал, не слезал в вечернее личное время с перекладины в казарме, с его ладоней не сходили мозоли, временами даже кровавые, а с подмышек – потертости от брусьев, но тревога за результат экзамена по физике не проходила.

Перед самой сессией неожиданно задурил командир второго отделения младший сержант Михаил Квашнин. Началось все с того, что однажды утром он встал в строй без своих сержантских лычек на погонах, а после завтрака не пошел на занятия и остался в казарме. Недоумевающему Ивану Глуценко Мишка сообщил, что учиться больше не хочет и уже написал рапорт с просьбой об его, Квашнина, отчислении из училища. Наличие рапорта подтвердил и старший лейтенант Трунов, объявивший перед строем взвода о снятии Михаила с должности командира отделения и о назначении на его место курсанта этого же отделения Андрея Березюка. Назначение, прямо сказать, выглядело довольно неожиданным, поскольку Березюк ничем особенным во взводе не выделялся. Обыкновенный старательный курсант средних способностей, поступивший в училище после двух лет службы в армии в звании рядового. Исполнительный, даже временами слишком, он, тем не менее, всегда старался держаться в тени, был, как говорится, себе на уме и не особо стремился к дружбе с другими курсантами. Непонятно, чем руководствовался в своем решении командир взвода, по Лешкиному мнению более подходящим было бы назначение на место Квашнина комсорга взвода Славы Кривцова или Василия Иванова, были также толковые и авторитетные ребята из числа суворовцев. «Ладно, – в конце концов подвел черту своим сомнениям Алексей, – взводный так решил, значит, ему виднее».

Квашнина же после ужина обступили те, с кем он еще совсем недавно ходил на занятия. К этому времени Мишка успел даже погону на гимнастерке сменить и теперь выделялся среди желто-черных курсантских своими защитными солдатскими.

– Миша, что за цирк ты устроил? – спросил, недоумевая, сержант Виктор Чернов. – Зачем этот рапорт, да еще перед самой сессией? Бо-

ишься не сдать? Так ты это зря, она вполне тебе по силам, двоек ведь текущих у тебя нет? И почему ты уже переоделся? Приказа о твоём отчислении, насколько мне известно, ещё нет, да и неясно, будет ли он вообще?

– Да надоело мне все это, ребята, – Квашнин, похоже, не видел в своём решении ничего необычного. – Я ведь уже второй год служу. Как-нибудь добыю оставшиеся месяцы в ТБО и – на гражданку, по специальности работать. У меня все-таки энергетический техникум за плечами.

– Ничего не понимаю, – Чернов действительно никак не мог осмыслить логику своего товарища. – Если ты так уж не хотел оставаться служить в армии, то что тебе помешало написать такой рапорт ещё осенью, когда новый закон вышел? Ни людям бы голову не морочил, ни себе. Сам же видел, сколько тогда вояк ушло. А ты мало того, что остался, так ещё командовать отделением согласился. Не понимаю.

– А что тут понимать? – Квашнину как раз было все понятно. – Я поступать-то не собирался, хотел просто отдохнуть немного от службы, когда узнал, что тем, кто собирается поступать в военные училища, дается свободное время для подготовки. А уж когда предложили выбрать училище, сразу написал рапорт, чтоб направили сюда, в Холмоградское танковое, хоть и служил в радиотехнических войсках. Надеялся дома подольше пожить, тем более, что все нормально пошло: экзамены – чистая формальность, потом работал на кафедре, схемы делал, вот где моя гражданская специальность пригодилась. Да и домой в увольнение постоянно ходил. Понравилась мне такая служба, потому и не ушел, когда, как ты говоришь, новый закон вышел. А вот дальше пошло хуже. Учеба мне тяжело дается, сказывается то, что давно со школой расстался, да еще не только за себя отвечать приходится, а и за других отдуваться. Так что, Витя, «се ля ви», как говорят французы.

– Ну, это ты зря, – вступил в разговор Слава Кривцов. – Я тоже школу не вчера закончил, но мне учеба проблем не доставляет, если серьезно к ней относиться. Что не знаю – у ребят спрашиваю, всегда помогают, никто еще ни разу не отказал. Неужели тебе никто никогда не помог? Если это так, то сам виноват, нос не задирай, и никто тебе в помощи не откажет.

– Ладно, ребята, я решение принял, и менять его не стану, – уперся Михаил. – А погоны сразу сменил, чтоб одним махом все оборвать. Я уже и со старшиной договорился, что Степана он отправит назад в ТБО, а я дослужу оставшиеся месяцы здесь, каптерщиком.

Алексей, не вступая в разговор, слушал его со смешанным чувством. Ему, поставившему себе цель – стать офицером, мотивы Мишкиного решения так же были непонятны. Да и сам он оставался для Лешки загадкой. Сначала, еще до зачисления их курсантами, он появился во взводе в звании ефрейтора и показал себя веселым, общительным парнем, душой компании. Затем, став командиром отделения и младшим сержантом, как-то отдалился от всех, задрал нос, стал покрикивать по делу, а часто – и не по делу, на рядовых курсантов, особенно – своего

отделения. Да и вообще сильно изменился, стал какой-то дерганый, нервный...

На следующий день Квашнин действительно перебрался в каптерку и на занятия в составе взвода больше не ходил. Преподаватели ставили в Журнале напротив его фамилии отметку «Н» без указания причины неявки, в курсанты стали привыкать к его отсутствию во взводном строю.

Тем временем началась сессия. Как Алексей и предполагал, по чертательной геометрии, а также по химии он получил отличные оценки «автоматом». Не составили ему проблем экзамены по истории партии, другим выносимым на сессию предметам. Уверенно сдал он и зачет по строевой подготовке, хотя в последнем случае принимавший его командир батальона с высшего курса нашел некие изъяны в выполнении им приемов одиночной подготовки и поставил четыре балла.

Сложнее пришлось с высшей математикой. Здесь экзамены принимал сам Семен Михайлович Седов, начальник кафедры, который требовал не только безукоризненного знания теоретического материала, но и уверенного применения этого знания в решении всякого рода задач, уравнений и прочих математических головоломок, одним словом – заставлял думать, работать мозгами. Многим пришлось нелегко. Михаилу Забалуеву, например, он после долгого «допроса» поставил «неуд», правда, не в Журнал, а в свою записную книжку, а на следующий день вызвал того с самоподготовки, дал решить несколько примеров из пройденного материала, после чего выставил в Журнале оценку «пять». На недоуменный Мишкин вопрос о причинах такого к нему внимания Седов ответил, что ему просто было интересно узнать истинные знания курсанта по своему предмету. Впрочем, Алексей при сдаче проблем не испытывал, так как экзаменатор, выслушав его ответы на указанные в билете вопросы и проверив выполнение практических заданий, не стал задавать ему дополнительных вопросов, а сразу выставил итоговые пять баллов.

Итак, первая в Лешкиной жизни экзаменационная сессия подходила к концу, и он, казалось бы, мог быть доволен ее итогами: как-никак, а из семи сданных экзаменов и зачетов он имел шесть «пятерок» и одну «четверку», но ни радости, ни удовлетворения не испытывал. Оставалось последнее, самое трудное испытание – физическая подготовка.

И вот день сдачи физо настал. Утром, заняв свое место в строю для следования на завтрак, Лешка глянул по привычке по сторонам и не поверил своим глазам: в составе второго отделения стоял... Михаил Квашнин. Правда, не впереди отделения, место командира которого теперь занимал младший сержант Березюк (звание было ему присвоено одновременно с назначением на должность), а в середине строя. И погоны на его гимнастерке были не солдатские, в которых он щеголял после своего демарша больше недели, а курсантские, правда, без прежних сержантских лычек. Лешка протер глаза, глянул еще раз назад, туда, где в двух человеках от него находился Квашнин, нет, не галлюцинация, это действительно был Мишка. Алексей, слегка подтолкнув лок-

тем стоявшего рядом с ним курсанта этого отделения Забалуева, вполголоса спросил:

– Слушай, а что, твой тезка опять стал курсантом? Он же, помнится, всем объявил, что не хочет учиться, и его решение окончательное.

– Вчера он был на беседе у начальника училища, а когда вернулся, – заменил погоны и перебрался спать в отделение, – так же тихо ответил Михаил, но его слова услышал командир отделения Березюк:

– Прекратить разговоры в строю, Забалуев! А то накажу!

Мишка замолчал, а Алексей даже покраснел от возмущения: какого хрена этот свежее испеченный командир выказывает свое рвение, есть куда более заслуженные сержанты, тот же Чернов, например, что шел сейчас впереди Лешки, ничего не сказал, а этому больше всех надо! Однако смолчал. Субординация!

После завтрака прошло два часа, занятых лекцией по истории КПСС уже в счет нового семестра, и взвод прибыл в спортивный зал училища, где его поджидал ни кто иной, как майор Климов. Курсанты заменили сапоги на спортивные тапочки и по указанию майора построились в одну шеренгу по отделениям перед перекладной. Климов принял доклад старшего лейтенанта Трунова, получил у того список личного состава взвода, после чего обратился к строю:

– Ну, что, орлы, готовы к сдаче?

Ответом ему было гробовое молчание.

– Так, значит – готовы. Молчание, как известно, – знак согласия. Что ж, начинаем. Первое упражнение – подъем переворотом. Согласно Сборника нормативов по физической подготовке выполняется в военной или в спортивной форме, при этом в спортивной форме, как вы сейчас будете сдавать, нужно выполнить его на «отлично» – 7 раз, на «хорошо» – 6 раз, на «удовлетворительно» – 5 раз. Вызываемые мною личности подходят к снаряду и выполняют упражнение, а я считаю количество раз. Поехали! – он заглянул в список. – Сержант Глущенко!

– Я! – ответил стоявший крайним справа зам. командира взвода.

– К снаряду!

– Есть! – Иван четко вышел из строя, подошел к перекладине, слегка присев, напрыгнул на нее и пошел крутить перевороты. Делал он это легко, без напряжения, с каким-то даже изяществом, и, выполнив семь раз, спрыгнул со снаряда:

– Товарищ майор! Сержант Глущенко выполнение упражнения закончил!

– Молодец. Заслуженные пять баллов, – похвалил Климов, сделал отметку в списке и резюмировал, – вот так, как командир, должны выполнять норматив все!

Лешка в списке шел четвертым, и после Белкина, получившего оценку «хорошо», услышал от майора:

– Курсант Васильцов!

– Я! – ответил он охрипшим от волнения голосом.

– Ну, что, земляк, покажи, чему ты научился. Только спокойно, не нервничай, никто тебя здесь не съест. К снаряду!

– Есть! – отчеканил Лешка и сразу успокоился: делал он эти подъемы, научился, и сколько надо – сделает!

Вот он повис на перекладине и начал поднимать к ней ноги, одновременно подтягиваясь на руках. И вот он уже в упоре над ней на прямых руках, поднявши голову и оттянув носки тапочек. Есть первый подъем! Так. Теперь плавно опуститься вниз, ни в коем случае не раскачиваться, иначе на погашение этих раскачек дополнительно уйдут силы, и снова – ноги к перекладине, на руках подтянуться. Есть второй подъем! Третий! Четвертый! Он успел увидеть удивленные глаза взводного. Пятый подъем! Алексей почувствовал, что его руки начинают деревенеть. Эх, перенапрягся, зажался сильно! Но надо выполнить хотя бы на «четверку»! И он вытянул шестой раз, после чего даже не спрыгнул, а сорвался с перекладины, сумев, тем не менее, не упасть, а приземлиться на ноги по всем правилам и доложил:

– Товарищ майор! Курсант Васильцов упражнение выполнил! – руки и ноги у него дрожали, но чувство гордости за себя не уходило.

– Молодец, земляк! – майор не скрывал своего удовлетворения. – Не зря я в тебя верил. Заслуженная «четверка!» Давай и остальные упражнения сдавай так же. Стать в строй!

– Есть!

Следующее упражнение на перекладине – подъем силой рук – Алексей выполнил пять раз, что соответствовало отличной оценке. А вот с третьим силовым видом и в самом деле получился облом. То ли Лешка уже подустал, то ли переволновался, заранее предчувствуя проблемы с этим упражнением, но поднимание прямых ног к перекладине у него решительно не пошло с самого начала. Еле-еле он прикоснулся семь раз к железному пруту, что соответствовало «тройке», к тому же даже не носками ног, а щиколотками, причем страховавший его под снарядом Чернов дважды притормаживал его раскачивание, иначе он не сделал бы и этого. Майор Климов, до этого дважды хваливший его, на этот раз с досадой отметил:

– А вот здесь ты, земляк, не доработал! Я уж думал, что ты у меня отличником будешь, но пока, видно, не судьба. Хотя и без того у тебя большой прогресс по сравнению с тем, как ты выглядел при поступлении. Ладно. За старание и за труд зачту тебе третий вид, но не выше трех баллов. Так что, за перекладину тебе итоговая оценка – «четверка».

«И на том спасибо, – подумал Лешка, – я и на это не надеялся».

Взвод перешел на брусья. Алексей, как и в предыдущем случае, вышел к снаряду четвертым по счету. Положить руки на брусья, мах туловищем вперед, назад, снова вперед, в крайнем переднем положении сложиться в «коробочку», сильным толчком ног вперед и вверх выйти в упор на прямые руки, а ноги – в стороны, на обе жерди. Так, пока все хорошо, четко, даже носки оттянуты! Теперь самое сложное: свести ноги вместе на весу внутри жердей и удержать их под прямым углом к туловищу не менее трех секунд. Лешка застыл в упоре. Начало зафиксировано. Климов посмотрел на него и сказал:

«Раз!». Васильцову показалось, что прошла добрая минута, когда майор, наконец, объявил: «Два!». Держать ноги было невероятно трудно, Лешка уже не чувствовал ни пресса, ни ног, знал только одно: любой ценой, любыми силами удержать ноги на этом уровне, не дать им опуститься ниже уровня брусьев, иначе потом их уже не поднять, а ведь надо еще и соскок сделать. Наконец он услышал: «Три!», из последних сил перенес ноги на одну жердь, затем, как в тумане, оттолкнулся от нее, перелетел, едва не зацепившись ногами, через другую жердь и встал ногами на мат. Климов с довольным видом объявил оценку – «тройка». Не бог весть, конечно, какое достижение, но главное – то, что он, Алексей, вообще выполнил упражнение! Как потом оказалось, сделали это далеко не все курсанты, и срезались они, в основном, на «уголке», ибо считал секунды майор весьма своеобразно: без секундомера, на глаз, по своим ощущениям, поэтому многие держали угол вместо трех и пять, и шесть, и даже большее число секунд.

Последнее упражнение, прыжок через коня в ширину, сложностей не представляло, через снаряд нужно было просто перелететь, хотя и оценку выше «тройки» такой перелет не обещал. Эту оценку Алексей и получил.

Хотя по сумме трех снарядов у него и выходила общая «тройка», а, значит, стала возможна задержка при отъезде на каникулы, о чем говорил взводный, Лешка был доволен. Как-никак, а оценка заслуженная, он все-таки выполнил все упражнения! Скажи ему кто-нибудь об этом в начале учебы – ни за что не поверил бы. А так – даже майор Климов после того, как распустил строй, подошел к нему, обнял его за плечи, еще раз сказал, что он молодец и, если будет работать дальше так же интенсивно, – быть ему отличником по физо уже к концу этого учебного года. Доволен был и командир взвода, хотя вида не показывал. Он только объявил общие оценки. Как оказалось, хотя это было видно и по ходу сдачи, не сдали экзамен пять человек, в том числе из Лешкиных друзей Дима Павлов, Володя Ветров и тезка последнего Симаков. Впрочем, сочувствовать им или выражать какие-то другие эмоции, у Алексея не было никаких сил, настолько он устал и был морально опущен.

На вечерней поверке старшина объявил, что послезавтра начинаются каникулы, поэтому завтра после обеда всем отъезжающим будут выданы отпускные билеты. И верно, когда рота вернулась из столовой, ее уже встречали майор Родионов и все четыре командира взвода. Приняв доклад старшины, ротный обратился к подчиненным с короткой речью:

– Товарищи курсанты! Поздравляю вас со сдачей вашей первой в стенах училища сессии и с убытием на каникулы! Надеюсь, что когда вы отдохнете, разумеется, без происшествий, и вернетесь сюда, то отдохнувшие, с новыми силами возьметесь за учебу и следующую сессию сдадите еще лучше. Все. Командиры взводов, действуйте!

Отведя свой взвод в сторону, старший лейтенант Трунов рассказал о том, что будет дальше. Из его слов следовало, что все, сдавшие сессию

на «хорошо» и «отлично», а также все четверо сержантов могут идти получать отпускные документы и готовиться к отъезду. Те, кто сессию не сдал, а из четвертого взвода кроме двоечников по физо это был также вообще не сдававший экзаменов Квашнин, должны были заступать завтра в наряд по роте с дежурным – сержантом со второго взвода, а пока свободны, в пределах училища, конечно. Вообще-то сессию не сдали в роте двое сержантов, вот они и должны были сменять друг друга через сутки с различными сочетаниями дневальных, коих набралось аж девять человек. Когда отъезжающие и остающиеся покинули строй, командир взвода обратился к последней восьмерке стоящих перед ним курсантов:

– Ну, что, господа троечники! Ваша судьба – в ваших руках. Сейчас поставлю вам задачу, от выполнения которой будет зависеть ваше убытие по домам. Чем быстрее сделаете, тем быстрее уедете.

Задача была указана конкретная: перетереть побеленный мелом потолок в спальном помещении казармы, на котором за время их жительства образовался внушительный слой пыли. Попавший в эту группу Мишка Забалувев, задрав вверх голову, тихо присвистнул: высота потолка была внушительной, а площадь казалась неизмеримо большой.

– Ничего, пацаны, придумаем что-нибудь, – успокоил всех не теряющий оптимизма Пчельников, – голь на выдумки хитра! А пока надо сил набраться. Скоро ужин, а уже после него будем мозговать.

Лешка подошел к группе ребят, которые окружили Мишку Квашнина, что-то с жаром рассказывавшего им:

– ...Вот, значит, захожу я к генералу, докладываю ему: так, мол, и так, рядовой Квашнин по Вашему приказанию прибыл. А он мне сразу: «Почему – рядовой? Я приказа о Вашем отчислении не подписывал, так что, пока Вы – курсант Квашнин! Слушаю мотивы Вашего решения». Ну, я ему: то да се, тяжело учиться, школьных знаний не хватает, так как давно школу закончил, да и ошибся, наверно, я с выбором профессии. А он мне сразу в лоб: я, дескать, Вас, товарищ курсант, насквозь вижу; Вы дуриком здесь, возле дома полгода провели и еще собираетесь оставшееся до увольнения в запас время в тех же тепличных условиях прожить. Так вот, говорит, на это не рассчитывайте, если я подпишу приказ о Вашем отчислении, то не в нашем ТВО будете дослуживать, а отправлю я Вас в самый отдаленный гарнизон нашего военного округа. И служить, говорит, Вы будете не оставшиеся месяцы, а полный срок – два года с момента прибытия туда, поскольку отчисленным по неупеваемости и по недисциплинированности срок прежней службы не засчитывается. Подумайте, говорит, и ответ мне дайте к исходу сегодняшнего дня через Вашего командира роты. Ну, тут я, хлопцы, признаюсь: струхнул всерьез. Может, пугает, а может, и в самом деле какую-нибудь лажу придумает. Как-то не грела перспектива еще два года лямку тянуть. Короче, доложил я нашему майору, что беру свои слова и рапорт назад и готов учиться дальше. Вот такие дела.

– А как же ты сессию теперь будешь сдавать? – спросил кто-то из обступивших его курсантов.

– После каникул. В процессе, как говорится, учебы. Буду к преподавам подходить и индивидуально сдавать. Тем более, что физю я успел вместе с вами сдать, а начерталку завтра закрою. С нашей красавицей я уже на этот счет договорился.

– Но на каникулы тебя все равно не отпустят?

– А на что они мне? Вы думаете, я тут все две недели буду в казарме околачиваться? Как бы ни так! Я живу не очень далеко и всегда, если нужно, прибегу. Да и не рассчитываю, что кто-то будет меня искать.

После ужина, пожелав удачи Павлу Зубову и другим убывающим на вокзал ребятам, штрафная команда собралась в казарме, чтобы обмозговать свои дальнейшие действия. Инициативу взял в свои руки Коля Пчельников:

– Значит так, парни! Предлагаю матрасы с одеялами и подушками с кроватей снимать и сложить в коридоре, только надо будет запомнить, в каком порядке и откуда их снимали, чтобы так же потом вернуть на свои места. Задача облегчается тем, что большая часть роты уехала, и свои постельные принадлежности пацаны сдали. После этого все койки сдвинуть в одну часть казармы и вплотную друг к другу, тем самым мы освободим половину площади от той, что нам поручено перетереть. Вот эту половину предлагаю сегодня обработать. Завтра с утра аналогично поступить с оставшейся территорией, а к вечеру вымоем пол и – свободны!

– Высоко, блин, как туда забраться-то? – засомневался Забалуев.

– Давай поставим на вторую кровать еще одну, проверим, может – и хватит высоты, – не сдавался Николай.

Сделали. Лешка и Коля Синев забрались наверх и, усевшись на кроватную сетку, попробовали несколько раз махнуть по потолку побелочной кистью. Здорово! Не надо даже руку напрягать, вполне хватает высоты, чтобы с небольшим замахом достать до верха.

– Ну, вот и хорошо. Давайте так: двое со мной – на одну половину, еще трое – на другую, и идем навстречу друг другу к центру. А еще двое останутся внизу, будут чистую воду подавать, а грязную – выливать. Возражений нет? Так. Теперь – инструменты. Кистями нас снабдить успели, а все остальное добывать придется самим. Посему – пошли в каптерку. Надо ее прошерстить и найти там, самое малое, – четыре ведра и каких-нибудь тазиков или мисок штук шесть, на каждого высотника. Все. Вперед, времени на раскачку больше нет!

В каптерке нашлось то, что было нужно, и снова появившийся там после Квашнина каптенармус Степан под честное слово Пчельникова выдал ребятам все, что они попросили. И работа закипела. Тем более, что появилась музыка, это курсант их взвода Петя Ярмоленко, из местных, несколькими днями ранее принес из дому магнитофон и несколько катушек с записями, которые ребята слушали в личное время. Теперь же он, уходя на каникулы, не стал забирать его, а оставил на попечение Володе Симакову, который и стал ответственным за музыку.

– А я еду, а я еду за туманом, за мечтами и за запахом тайги, – доносились из динамика слова популярной песни, и в такт звучащей мелодии совершались движения рук под потолком. Работа шла по-ударному, найдявшись внизу то и дело приходилось бегать за чистой водой, сами каркасы коек и пол были заляпаны мокрой побелкой, но темп работы не сбавлялся.

– Ну-ну, – только и сказал заглянувший в казарму старший лейтенант Трунов. – Давайте, старайтесь, если завтра к вечеру сделаете работу – сразу выдам отпускные.

– Сделаем, товарищ старший лейтенант! И так стараемся, – ответил за всех Забалуев.

Часам к двенадцати ночи половина потолка казармы была уже обработана. Ребята тщательно вымыли пол, передвинули на чистое место койки.

– Все, пока хватит на сегодня, отбой! – деловито отметил Пчельников. – Завтра к обеду закончим.

И верно. Работу по перетирке потолка закончили как раз перед самым обедом, а после возвращения из столовой вымыли, на этот раз во всей казарме, пол, окончательно расставили по местам и заправили все койки и с чистой совестью стали ожидать Трунова. Но просто ждать было невмоготу.

– Слушай, Леша, ты ведь знаешь, где взводный живет? – не выдержал Пчельников. – Давай мотнемся к нему, поторопим.

– Да я особо не спешу, у меня все равно все поезда в мою сторону – ночью, – ответил Алексей: идти в самоволку было как-то боязно. – Да и как через КПП пройти без увольнительной?

– А мы – через второе. А потом – дворами. Тебе-то хорошо, а у меня, если до девяти не успею на вокзал, перспектива сутки еще здесь кантоваться.

– Ладно, пошли, – скрепя сердце, согласился Лешка.

Все, однако, обошлось, и оба курсанта без неожиданностей добрались до квартиры своего командира. Открыв дверь на звонок и увидев своих подчиненных, Трунов, тем не менее, ничуть не удивился:

– Что, орлы, домой хотите?

– Так точно, товарищ старший лейтенант! – тут же ответил Колька. – На поезд опаздываю. Если можно, выдайте, пожалуйста, отпускные. Мы всю работу выполнили.

– Хорошо, хорошо, не суетись, Пчельников! Сейчас пойду в расположение и разберусь с вами. А вы, мой вам совет, подождите меня здесь, я вас сам в училище сопровожу, а то, если вас комендант Паша заловит, то в отпуск вообще не поедете. Удивительно, как вас по дороге сюда никто не заметил.

Спустя полчаса командир взвода, прибывший вместе с ребятами в казарму, осмотрел их работу и, довольный качеством выполнения, выдал всей группе отпускные билеты. Под завистливыми взглядами оставшихся, которым получение данных документов не грозило, Пчельников и его команда покинули расположение роты.

Да здравствуют каникулы!

Как же все-таки быстро летит время! Особенно, когда каждый твой шаг регламентирован четким распорядком дня: подъем, зарядка, завтрак, занятия, обед, опять занятия или самоподготовка, ужин, личное время, отбой. Назавтра – опять: подъем, зарядка, и так далее до отбоя. Послезавтра – снова то же самое. И так – почти все полугодие до начала очередной сессии. Впрочем, и во время сессии распорядок дня выполняется неукоснительно, отличие одного дня от другого замечаешь только при взгляде на расписание занятий: вместо обычных лекций, семинаров, практических занятий – экзамены, зачеты да подготовка к ним. Некоторое разнообразие в этот устоявшийся ритм вносят этим же расписанием предусмотренные наряды: по училищу или по гарнизону. И, опять-таки, сутки, проведенные в наряде, убыстряют время еще сильнее. Все так, однако молодым ребятам, стремящимся быстрее надеть офицерские погоны, и такой жизненный темп казался медленным.

Наверно, дни для них пролетали бы еще быстрее, если бы курсанты почаще выезжали для практических занятий в учебный центр. Но программой их учебы подобные выезды на полигон по большей части планировались на третий – четвертый курсы, первые же два года предполагали, в основном, изучение общеобразовательных дисциплин, полное освоение предметов, которые проходят в гражданских ВУЗах, чтобы во второй половине учебы на них уже не отвлекаться. Конечно, военные, политические дисциплины тоже занимали определенное место в учебном процессе курсантов, но место это было достаточно мало и отводилось в большинстве случаев под теоретические классные занятия, а о практике в данном случае говорить не приходилось. Вождение танков, например, должно было начаться только на третьем курсе, автомобильная подготовка, по итогам которой планировалось получение курсантами водительских прав, – тоже. Тактикой занимались на учебном поле неподалеку от училища. Стрельба из танковой пушки штатным снарядом, так называемая «штатная» стрельба, так же должна была начаться на третьем курсе, а пока обучаемые стреляли только из спаренного, соединенного с пушкой пулемета, при этом положенные по условиям выполнения упражнений выстрелы из пушки заменялись одиночным пулеметным огнем на сокращенных дальностях до целей. Подобные стрельбы проводились чаще всего в огневом городке училища со специальных качалок, имитирующих в трех плоскостях колебания танка при его движении по всем неровностям земной поверхности.

Тем не менее, время все-таки несло вперед достаточно стремительно, вовлекая курсантов в свой бешеный темп. Казалось, еще совсем недавно, как будто вчера, в свою первую сессию они сдавали начерталку, химию, математику, простейшие силовые упражнения по физической подготовке, а оказалось, что прошел уже год, и вот они, второкурсники, снова готовятся к сессии, уже третьей в их жизни!

Остались позади зимние каникулы, летняя сессия первого курса, каникулярный августовский отпуск, который Алексей провел в Покровс-

ке, куда как обычно на лето приехали мать с братом. Снова друзья, прекрасная речка Стига, рыбалка, причем частенько с ночевкой в шалаше у костра. Мать поначалу переживала по поводу его нередких ночных отлучек, но потом успокоилась: ребят, с которыми дружил ее сын, она знала, и те внушали ей доверие. С девушками же Лешка отношений не поддерживал, хотя отдельные из них были бы, наверно, и не прочь более тесно подружиться с высоким красивым курсантом, тем более, что данная категория парней в их небольшом городке представляла большую редкость, но для Алексея они не существовали. Разумеется, в их компании была представлена пара – тройка девушек, но, во-первых, они являлись подругами его друзей, а отбивать их у тех, кого знаешь с самого малолетства – последнее дело, а, во-вторых, эти девчата были, что называется, свои в доску и отношение к ним было такое же, как к пацанам. Единственное, что беспокоило мать, и она поделилась своей тревогой с сыном, было: есть ли у них во взводе или в роте женатые курсанты, и дружит ли он с ними. На что Лешка сказал ей, что в их взводе пока еще никто не женился, в роте же, возможно, и есть женатые, но ему лично этот вопрос глубоко безразличен, а дружит он со всеми. Неизвестно, поверила ему мать или нет, но больше на эту тему с ним разговора не завела.

И вот начался второй курс. В ходе летней сессии курсанты, сдав итоговые экзамены, попрощались с историей КПСС, вместо которой им предстояло изучать марксистско-ленинскую философию, с общей химией, которую сменила физика, опять-таки общая. Добавились такие предметы, о которых ребята были слышаны от своих друзей – студентов: теоретическая механика, сопротивление материалов (знаменитый «сопромат»), а также технология металлов, термодинамика, электротехника, гидравлика и еще целый ряд новых гражданских дисциплин. При этом по одной из них, называемой «Детали машины», им предстояло весной сдавать курсовой проект. Продолжилось изучение иностранного языка, его, в военном, разумеется, аспекте предстояло штудировать все четыре года учебы. Ну, и никто не снимал с них обязанности изучать специальные, военные дисциплины, начатые еще на первом курсе. Да, трудновато будет, вздыхали курсанты. Не случайно, видно, кто-то из острословов так и назвал второй курс – «Приказано выжить». Впрочем, успокаивали себя ребята, не одни они такие. У их друзей – коллег из нынешнего третьего высшего курса учебная программа была такая же. Ничего, выжили.

«И мы выживем!» – подумал про себя Лешка, отодвинув в сторону тетрадь по высшей математике. Самоподготовке шел уже второй час, и дифференциалы, интегралы, равенства, функции, тождества – все смешалось у него в голове. Надо немного передохнуть, отвлечься на что-либо, а потом продолжить. Хотя экзамен по математике еще не завтра, а через день, и время на подготовку отведено, но его, этого времени, явно недостаточно, чтобы отработать весь перечень вопросов, а завтра – не такие предметы, к которым нужно готовиться в классе: лекции да практические занятия. Поэтому он и решил сегодня часть самоподготовки уделить подготовке к предстоящему экзамене

ну. К «вышмату», как сокращенно именовали этот предмет ребята, следовало подойти особо тщательно. Во-первых, этим экзаменом открывается зимняя сессия второго курса, и хотелось его уверенной сдачей создать себе настроение на всю остальную сессию. Во-вторых, предстоящий экзамен по данной дисциплине – итоговый, и полученная на нем оценка идет в диплом. И, в-третьих, принимать его снова будет лично Семен Михайлович Седов, а это требует от него, курсанта Васильцова, дополнительных усилий. И дело даже не в том, что Седов оценивает знания объективно и ни за что не поставит экзаменуемому не заслуженную им оценку, – к этому курсанты за полтора года уже привыкли, и никто на него не обижался, даже если получал в итоге не то, на что рассчитывал. Наоборот, его глубоко уважали и даже любили как фронтовика и знающего свое дело человека, тем более, что держался он с курсантами очень просто. На Алексея, тем не менее, повышенную ответственность накладывал тот факт, что Седов дал ему рекомендацию в партию, и по этой причине очень не хотелось перед ним краснеть.

Да, в декабре прошлого года он, курсант Васильцов, был принят кандидатом в члены партии. Над этим своим шагом Алексей начал задумываться еще в конце первого курса, когда однажды во время самоподготовки зашла речь о перспективах службы. Тогда присутствовавший в классе Трунов, которому к тому времени одновременно с командиром второго взвода было присвоено очередное воинское звание, заметил, что для того, чтобы иметь в дальнейшем хоть какую-то перспективу в службе, нужно вступать в партию.

– Так Вы же, товарищ капитан, сами в партии не состоите, – заметил Пчельников.

– Раньше не состоял, а теперь вот с нынешнего февраля состою, Кандидатом. Год пройдет – напишу заявление о приеме в члены партии.

– А разве обязательно в партию вступать? Мы – все комсомольцы и ее политику и так поддерживаем, – с некоторым недоумением спросил Миша Белкин.

– Так-то оно так. Комсомол, конечно, помощник и резерв партии, и все такое... Но поверьте моему слову: не будучи членом КПСС, вы в войсках и роты под свое командование не получите. Это я на заметку говорю тем из вас, кто собирается строить в армии свою карьеру. Так сказать, для размышления.

Слова командира взвода врезались Алексею в память и стали причиной его долгих душевных колебаний. Нет, он не был по натуре прагматиком и не думал о связи своей возможной партийности с будущей служебной перспективой. Просто еще со школьной поры ему очень нравилась история, особенно – военная. Он запоем читал книги о различных событиях прошлого страны, о русских и советских полководцах и выигранных ими сражениях, и ему очень хотелось воспитывать своих будущих подчиненных в патриотическом духе, для чего он и подумывал после нескольких лет командирской службы перейти на политработу. Разумеется, прослужив он перед училищем хоть немного в войсках и имея хоть какой-то жизненный опыт, он бы потом серьезно поду-

мал: стоит ли так поступать, но в настоящей ситуации желание стать со временем политработником – воспитателем занимало его все больше. А как это сделать, не будучи членом партии?

Ускорило его намерение стать коммунистом начало второго курса, когда они приступили к изучению философии – науки, очень сложной для восприятия, особенно в первой своей части, называемой «диалектический материализм» или сокращенно – «диамат». Вначале курсанты, и Алексей в том числе, побаивались незнакомого предмета, но после первых же лекций и семинаров все стало просто и понятно, и они уже свободно оперировали законами диалектики и прочими понятиями данной далеко не простой науки. И заслуга в этом принадлежала преподавателю философии майору Горбунову, ставшему, можно сказать, кумиром для многих курсантов, в том числе и для Васильцова. Отличное знание майором своего предмета и, самое главное, умение изложить это знание в понятной для обучаемых форме подкупали. Вызывал уважение и сам преподаватель, молодой, стройный и подтянутый офицер, сильно отличавшийся от других политработников училища из политотдела и кафедры марксизма-ленинизма, многие из которых обладали весьма объемным брюхом, на котором еле-еле сходилась ремень портупей, и двойным – тройным подбородком. Укреплял авторитет майора Горбунова также и тот факт, что сам он закончил в свое время тоже командное танковое училище, пусть и в другом городе, после окончания которого командовал и взводом, и ротой, и уже после этого получил направление в военно-политическую академию ввиду, как он сам говорил, склонности к преподавательской работе. «Вот бы и мне так!» – не раз думал Алексей. Однако Горбунов не мог дать ему рекомендацию в партию, так как знал рекомендуемого меньше года, поэтому вторую рекомендацию Алексей получил от командира роты майора Родионова.

В итоге в конце минувшего года Алексей, получивший, как того требовал устав партии, третью рекомендацию от комсомольской организации роты, был принят кандидатом в члены КПСС. На первых порах, пребывая в эйфории от этого события, он считал, что, принадлежа к самому передовому отряду советского общества, теперь сможет, выступая на партсобраниях по тревожащим его проблемам, влиять на их устранение, и хотя в дальнейшем действительность немного поколебала его уверенность в значимости собственной персоны, тем не менее на общем его настрое эти некоторые неприятные моменты не сказались. При этом его партийность стала также одной из причин, требовавших успешно сдать сессию: коммунист не может быть среди отстающих и доверие товарищей, принявших его в свои ряды, должен оправдать.

«М – да, – подумал Лешка, – и как же это сделать?». Были у него основания если уж не бояться приближающейся сессии, то, по крайней мере, опасаться за результаты по некоторым дисциплинам. Так, помимо высшей математики с непредсказуемым Седовым определенную тревогу снова вызывала физическая подготовка. И хотя в данный момент Алексей в сравнении с собой годичной давности значительно прибавил и в силе, и в ловкости, но ведь и требования к курсантам

заметно изменились. Сейчас, к примеру, на перекладине согласно учебной программе предстояло сдавать не примитивные силовые упражнения на количество раз, а темповые комбинации из четырех-пяти элементов, как и на брусьях, а у Лешки по закону подлости хоть один из этих элементов, да не получался сразу. Вот и приходилось его отрабатывать до кровавых мозолей на ладонях и стертых подмышек. К тому же он хорошо помнил, как это чертово физо чуть не подставило ему подножку полгода назад, во время сдачи летней сессии в конце первого курса.

Тогда он, уверенно сдавши все экзамены и зачеты, в том числе на «отлично» итоговые по истории КПСС и общей химии, едва не погорел на физической подготовке. И какие, казалось бы, могли быть у него проблемы? Трехкилометровый кросс он пробежал на отличную оценку, аналогичные результаты показал на полосе препятствий и на любимой стометровке, а вот гимнастика... Если на перекладине комбинация элементов у него затруднений не вызывала, то с брусьями дело обстояло иначе: контрольное упражнение, элементы которого он в общем-то выполнял нормально, предстояло заканчивать соскоком через концы жердей с разведением ног в стороны. И вот здесь была главная проблема: каждый раз перед соскоком в голове Алексея срабатывал какой-то предохранительный механизм, он никак не мог оторвать от жердей руки и закончить это упражнение. Кроме того, камнем преткновения для него оставался гимнастический конь, на этот раз перепрыгнуть его надо было не в ширину, как зимой, а во всю его длину. Здесь тоже что-то щелкало у Лешки в голове, когда он после прыжка ногами на мостик не мог оттолкнуться от коня руками, а просто садился на того, и никакая сила не могла заставить его перелететь через снаряд. Нельзя сказать, что никто не пытался ему помочь, с ним отдельно занимался и командир взвода, и сами ребята какие только не предлагали вспомогательные упражнения для преодоления им своего комплекса, но ничего не получалось. Итог был вполне закономерный: «двойка» по физподготовке и отсрочка отпуска до ее исправления.

Поэтому, когда подавляющее большинство курсантов взвода с радостным, приподнятым настроением готовилось к отъезду, Алексей лежал на койке, закрыв глаза, на которых временами проступали слезы, и думал, какой он несчастный, и что ему делать. Перспектив исправить «двойку» он не видел.

– Ну, что ты лежишь, словно бревно? – подошел к нему и потрепал его волосы Пашка Зубов.

– А что делать? – отвернувшись от него, пробормотал Лешка. – Езжай себе домой, а меня оставь в покое!

– Э – э, земляк, так дело не пойдет, – не отставал Павел. – Поезд у меня еще не скоро, так что, поднимайся, и пошли на спортгородок, потренируемся еще раз. Все равно ведь сдавать придется. Пошли, пошли, шевелись!

– Ну, пошли, – безразличным голосом ответил Алексей, и они вышли из казармы. По ходу к ним присоединились Володя Симаков, на удивление всем сдавший в отличие от предыдущей сессии в этот раз физо на

«четверку», и комсорг взвода Слава Кривцов. Поезда у ребят отправлялись поздно, и они, как и Пашка, не спешили покидать училище.

Всю дорогу до спортивного городка они усиленно вдальблывали Лешке в голову, что ничего здесь страшного нет, бояться не надо, ничего с ним не случится, просто нужно оттолкнуться руками, и его по инерции вынесет, куда надо. «Ладно», – подумал Алексей и безо всякого энтузиазма подошел к брусьям. Кривцов встал на страховку: обязательное условие при работе на снарядах. Лешка выполнил все элементы, дошел до соскока, зажмурился и... оказался на земле, да еще в положении после приземления стойке. Как это случилось – он так и не понял.

– Ну, вот, а говорил – ничего не выйдет, – похлопал его по плечу Славка. – Давай еще раз!

– Да это случайно получилось, не выйдет у меня ничего!

– Давай–давай, – не отставал Кривцов, поддержанный другими ребятами.

Лешка снова подошел к снаряду и выполнил все упражнение, включая соскок, причем на этот раз более осознанно. В это время позади них раздался треск мотоцикла, и к ним выкатился на своем знаменитом К-750 с коляской собственной персоной майор Климов. Про этот военного образца мотоцикл среди курсантов ходили легенды, говорили, что на нем начфиз запросто мог бы участвовать в мотокроссах, рассказывали также, как майор гонялся на нем напропалую по кустам за курсантами, которые во время кроссовых забегов пытались срезать дистанцию.

– Что, земляк, тренируешься? – удивился Климов. – Давай, двойку надо исправлять. Не к лицу тебе такой показатель.

– А у него уже получается, товарищ майор! – доложил Зубов. – Можете хоть сейчас принимать.

– Ну, что ж, давай, Васильцов! Готов? – майор достал свою записную книжку.

– Готов, готов! Иди, Леха, пока получается, – подтолкнул Алексея Пашка.

– Готов, товарищ майор! – подтвердил воодушевленный Лешка и пошел к снаряду. Упражнение было выполнено хоть и без особого блеска, но полностью.

– А ну-ка, давай еще раз! – потребовал начфиз. И на этот раз Алексей справился..

– Теперь третий раз, для закрепления! – не отставал майор, и Лешка, уже почувствовавший уверенность в своих действиях, выполнил упражнение еще раз.

– Молодец! – Климов поставил ему за брусья «четверку» и снова глянул в свой блокнот. – Так. По чему у тебя еще «двойка»? А, конь. Ну, пошли!

Алексей хотел было сказать, что он ни разу эту «кобылу» не прерывал, но, натолкнувшись на укоризненные взгляды ребят, молча направился на место начала разбега, откуда еще раз бросил взгляд на объект его неприятностей, на торце которого какой-то шутник мелом написал крупными буквами «Отпуск на той стороне», имея в виду сто-

рону, противоположную разбегу. Как Лешка перепрыгнул через коня один раз, а потом, по требованию майора, еще дважды, он, пожалуй, вряд ли объяснил бы, но дело было сделано к восторгу поддерживавших его болельщиков.

– Вот это да! И чего раньше было так не сдать? – Климов изучил все оценки Алексея. – Э, да у тебя в итоге «четверка» выходит! Хотя я тебе за гимнастику выше трех баллов поставить не могу, но другие показатели это сделать позволяют. У тебя по остальным предметам «хвостов» нет? Ну что ж, тогда желаю счастливого отпуска! Я сейчас сообщу обо всем твоему командиру роты.

И Лешка, донельзя уставший от нервного напряжения, но довольный, получив долгожданный отпускной билет, этой же ночью уехал в Покровск. Теперь, вспоминая о данных событиях, Алексей дал себе слово, что подобного он не повторит, лишняя нервоотрепка ему без надобности. Хотя сейчас и предстояло сдавать одну лишь гимнастику в спортзале, но положенные упражнения, пусть они и новые, он все выполняет, и коня прыгает, правда, отдельные элементы сдаваемых комбинаций еще шлифовать и шлифовать, чтобы получить оценку выше «тройки» и снять все вопросы насчет каникул.

Рядом завозился его сосед по столу Забалуев, видимо, ему тоже надоело покорять мир математических формул и значений.

– Что, Миха, все интегралы взял и производные вывел? – вполголо-са поинтересовался у него Алексей.

– Да надоел уже этот вышмат, скорей бы его сдать и забыть, – так же тихо ответил тот. – Повторял, повторял, а, кажется – ничего не знаю. В спортзал бы сходить, размяться...

– А ты спортивку взял?

– Нет, как-то из виду выпустил, – признался Мишка.

– Вот и я тоже сплеховал, – Алексей подумал, что теперь надо прихватывать с собой спортивную форму на каждую самоподготовку, пока не состоится сдача экзамена по физо. – В «х/б» может и разрешат позаниматься, но вот без тапочек – никак, поэтому от математики нам, дружище, сегодня не уйти. Ладно, лишь бы на пользу.

– Да уж, – со вздохом отозвался Забалуев и, как и Лешка, придвинув тетрадь с записями, углубился в нее.

Вопреки опасениям, экзамен по высшей математике не стал для Алексея проблемой. То ли Седов был настроен миролюбиво, то ли он к концу изучения курса уже знал, на что способен каждый из обучавшихся у него курсантов, но в этот день он не стремился как-то завалить кого-либо из экзаменуемых. Даже к Мише Забалуеву, которого он в конце первого семестра заставил сдавать экзамен на протяжении двух дней, да и по окончании семестра второго прошедшим летом тоже изрядно «погонял», сейчас у экзаменатора претензий не было. Хотя Мишкины ответы по всем пунктам он выслушал внимательно, кое-что уточнил, но отличную оценку поставил. У Васильцова сдача прошла еще легче.

– Ну, что, крестник, готов отвечать по всем изученным разделам? – улыбнулся Седов, когда Лешка доложил, что прибыл для сдачи экзамена.

– Так точно, Семен Михайлович! – четко ответил курсант, хотя кошки на сердце обеспокоенно заскребли: а вдруг Седов спросит нечто такое, чего он, Васильцов, недоучил? Но все прошло нормально, и, хотя вопросов задавалось много, и были они из различных разделов математики, но на все их экзаменатор получил исчерпывающие ответы и остался доволен.

– Не зря я тебя рекомендовал! – в устах Седова это был высший знак похвалы. – Давай и по другим предметам отвечай так же, мне услышать о тебе хорошие отзывы будет очень приятно.

«Мне тоже – о себе», – подумал Лешка. Тщеславием он не страдал, но кому же не будет приятно, когда тебя хвалят.

Все же несколько человек из числа курсантов взвода высшую математику не сдали. И если в случае с Колей Синевым, у которого с этим предметом были проблемы на протяжении всей учебы, ничего удивительного не было, то «двойка» Бориса Тишкова выглядел более чем странно. Умный и толковый парень, окончивший перед поступлением сюда одно из лучших в Союзе суворовских училищ, в течение всего первого курса показывал по всем предметам уверенные знания, даже «тройка» была для него редкой оценкой, а тут – на тебе! Лешка вспомнил, что еще во время подготовки Боря не очень-то напрягался и в то время, как другие усиленно штудировали вышмат, он писал письма или втихаря читал книгу. Еще более удивительной была его реакция на итог сдачи: полное спокойствие и никаких следов переживания за результат. «Что с Борькой происходит?» – не мог понять Алексей. Ответ на свой вопрос он смог получить спустя примерно неделю, после того, как, сдавши еще несколько экзаменов и зачетов, за которые Борис также получил «неуды», их взвод заступил в наряд по училищу. Тишков оказался вместе с Васильцовым на кухне, и вот тут Лешка решил не упускать момент и поговорить с Борей по душам, тем более, что он давно хотел подружиться с ним, что называется, поближе, более тесно, ибо до сих пор отношения между парнями были ровные, товарищеские, но о крепкой дружбе между ними говорить было нельзя.

– Слушай, Боря, что за ерунда? – спросил Лешка, бросив очищенную картофелину в большую кастрюлю, куда они должны были начистить вручную несколько килограмм картофеля для курсантов, состоящих на диетическом питании. – Ты же неплохо соображаешь, чего же ты не отвечаешь на элементарные вопросы, да еще по всем предметам? Зачем тебе эти «двойки»?

– А я просто не хочу сдавать сессию, пусть отчисляют из училища, – огорошил его Борис. – Не нравится мне служба, а казарма – так просто угнетает. Вот я и решил нарочно сессию завалить.

– Да ты что! – Лешка прямо подскочил от изумления. – Ты не хочешь стать офицером? А для чего ж ты тогда в суворовское поступал? А потом – сюда?

– Мало того, что я с ходу поступил в суворовское училище, так меня там еще сразу же поставили на должность заместителя командира взвода и звание присвоили «старший вице-сержант», – Борис с улыбкой наслаждался произведенным на своего напарника эффектом.

Алексей и в самом деле вытаращил глаза и открыл рот, не зная, что сказать: слишком не вязалось то, что говорил сейчас Борька с тем, что он делал на протяжении последних дней.

– Ничего не понимаю, – обрел Лешка наконец дар речи. – Тогда ты вроде бы хотел стать военным, иначе бы в СВУ не поступил, даже начальником там был, а сейчас вдруг: служба не нравится, казарма угнетает... И потом, ты же сам говорил, что отец у тебя офицер и что ты по его стопам идешь. Как же получилось, что сейчас вдруг передумал?

– А вот так и получилось, – после небольшой паузы отозвался Борис. – Отец мой действительно офицер, подполковник, начальник первого отдела городского военкомата, то есть заместитель военкома. Кстати, он против был, чтобы я шел в суворовское училище, даже маму легче было уговорить, чем его, хотя в конце концов и он согласился, только помогать мне в этом деле отказался наотрез. Так что все свое поступление я пробивал сам. Прямо скажу – попотеть и поволноваться пришлось.

– Как-то странно у тебя получается, – в растерянности произнес Алексей. – Сам постарался поступить в суворовское училище, три года проучился, закончил, отец – кадровый офицер... Ты что, действительно хочешь уйти с военной службы на гражданку?

– Да, хочу! У меня с детства была мечта стать автомехаником. А военным мне расхотелось быть уже после первых четырех месяцев пребывания в суворовском. Я тебе уже говорил – почему.

– Так чего же ты не ушел из училища раньше, а проучился там до конца?

– Я пытался уйти из СВУ через полгода после того, как поступил, но меня долго уговаривали не делать этого и, в конце концов, уговорили. Пообещали, что направят после окончания в лучшее военное училище. Вот я и остался. Исключительно ради того, чтобы диплом получить, а там уже определиться.

– Но ты же, если не хотел становиться кадровым военным, мог бы попросту закончить дома десять классов и поступить в институт, – все еще недоумевал Лешка.

– Да? А ты не забыл, где мои родители живут и где я сам учился?

– Ну, ты говорил, что в Закавказье, в одной из республик Союза...

– То-то и оно, что в Закавказье. Я тебе о тамошней жизни мог бы много чего рассказать. Люди там, понятно, разные, по большей части, конечно, хорошие, но все-таки присутствовала у многих из них какая-то неприязнь к другим национальностям, кроме своей. Местные считали, что на их языке должны разговаривать все, кто там проживает. Может быть, и правильно считали, но мы-то – русские, и не добровольно к ним жить переехали, а отца направили в порядке воинской дисциплины. Конечно, на бытовом уровне родители могли говорить с соседями и другими жителями на их языке, как и я с местными пацанами, но дома-то с родителями я общался на русском. А приходишь в школу, в русскую, заметь, а там все учителя – местные: и по русскому языку, и по литературе, и по математике с физикой, ну и так далее...

Половину урока, а то и больше, объясняют на своем языке, и, естественно, я многого не понимал. Вот тогда мне и стало ясно, что в институт на автомеханика с такой подготовкой мне никогда не поступить.

Борис замолчал и сосредоточился на работе, закинув в кастрюлю еще несколько очищенных картофелин. Молчал и Лешка, для которого все рассказанное другом было совершенно неожиданным.

– Ну, вот тут-то, – после небольшой паузы продолжил свое повествование Тишков, – мне и попалась на глаза газета «Красная звезда» с заметкой, в которой говорилось, что такое-то Суворовское военное училище принимает для обучения выпускников восьмых классов. Тогда у меня созрел план: в Суворовском получить серьезные знания и после такой подготовки поступить в институт.

– Н-да, – только и нашел, что сказать, Алексей.

– В данном случае мое желание и мой «идеальный» план – это еще не все, – продолжил Борис. – Надо было еще в само суворовское поступить. За подготовку я взялся серьезно. Перед домом под инжирным деревом вкопал стол со скамейкой, обложился учебниками и два месяца день за днем перелопачивал русский, математику и иностранный язык, французский. Друзья приходили, звали погулять, искупаться, но я стойко и упорно продолжал готовиться. Как видишь – не зря. К тому же надо было еще медицинскую комиссию пройти, а здесь, как я понял, внимательно изучив приказ министра обороны о медицинских требованиях к абитуриентам, у меня могла возникнуть проблема с зубами. К счастью, стоматолога я прошел, не стал он ко мне придирааться. Да еще потребовалось допуск в КГБ оформить... Вот такие дела, Леша.

– И ты после всех этих испытаний решил все бросить собаке под хвост? – Алексей все никак не мог успокоиться, ему казалось, что принимая свое решение, Борис совершает серьезную ошибку. – Подумай хорошо, стоит ли? Вспомни, как год назад Мишка Квашнин тоже пытался уйти, и ему это не удалось.

– Стоит! – Тишков был непреклонен. – Я решение обдумал, принял, и менять его не собираюсь!

– Ну, смотри! Если все же перерешишь, – Алексей протянул товарищу руку, – на мою помощь и поддержку всегда можешь рассчитывать.

– Спасибо, Леша! Но пусть все будет, как будет.

Ночью после наряда Лешка долго не мог уснуть, не выходил из головы откровенный разговор с Тишковым. Удастся ли его убедить не делать опрометчивого шага? Алексей, что называется, нутром чувствовал: Борька и по своей натуре, и по воспитанию – военная косточка, будет же жалеть, если его намерения ему удастся реализовать, а поправить что-либо будет уже поздно. И потом, даже после окончания военного училища можно, наверно, построить свою дальнейшую карьеру так, как этого хочет твоя душа? С этими мыслями Лешка в конце концов и заснул.

– Батальон, на месте, шагом, марш! – послышалась команда начальника курса подполковника Березова. – Раз, раз, раз, два, три... Не сбивать ногу! Слушать барабанщика!

– Первая шеренга, прямо! Равнение – на-право! – скомандовал офицер из четвертой роты, ответственный за подготовку этой парадной шеренги от своего подразделения. Перемещаясь рядом с марширующими курсантами, он по ходу движения делал им замечания и вносил коррективы. – Четче поворот головы! Видеть грудь четвертого человека! Раз, раз, раз, два, три! Выше ногу! Середина заваливается, подтянитесь чуть вперед!

Алексей вместе с другими курсантами пятой роты, шагая на месте, ждал такой же команды на движение вперед для своей второй шеренги, за подготовку которой к параду отвечал командир первого взвода этой роты капитан Петров.

Да, училище усиленно готовилось к параду в честь Первого мая, дня международной солидарности трудящихся. Лешка, правда, не понимал, зачем нужно для солидарности трудящихся всего мира показывать свою военную выправку и военную мощь, но вопросов по этому поводу не задавал: приказ есть приказ, надо маршировать – будем, тем более – не впервой, за его плечами уже были два полноценных пеших парада на центральной площади Холмограда в Первомай и Октябрьскую годовщину. Вот во исполнение плана подготовки к параду, начиная с конца марта, почти уже месяц каждое утро, за исключением воскресного, начиналось для курсантов первого, второго и третьего высшего курсов одинаково: подъем, утренний туалет и, вместо физзарядки, 50 минут строевой тренировки. Прежний распорядок, включающий в себя зарядку, остался в силе только для курсантов третьего среднего курса: выпускников к параду было решено не привлекать и дать им возможность спокойно готовиться к государственным экзаменам. Тем более, что от училища на площадь выводилось три курсантских подразделения из четырех, и представляло каждое из них, называемое в просторечии «коробками», 10 шеренг по 20 человек. Вот такой был парадный расчет.

– Вторая шеренга, прямо! Равнение – на-право! – услышал Алексей команду ответственного офицера и вместе с другими ребятами начал движение. Капитан Петров следовал сбоку шеренги рядом с правофланговым, коим являлся высокий и стройный Вячеслав Кривцов, единственный в строю, кто, печатая шаг строго по начерченной масляной краской белой линии, мог держать голову прямо, глядя перед собой. Все же остальные 19 человек из шеренги должны были согласно поданной команде повернуть голову в указанную сторону. При всем при этом идти следовало полным строевым шагом, то есть оттягивать носок и напрягать ногу, чтобы она при движении была прямой, а не сгибаемой в колене.

Лешка шагал примерно в середине шеренги, держа автомат в положении «на грудь» и касаясь своим правым локтем Миши Забалуева, а левым – Володи Ветрова. Да, так уж получилось, что рядом с ним были

его друзья из одного с ним взвода, хотя отбор в их шеренгу, как, впрочем, и в остальные, назначенные от пятой роты, происходил из общего строя роты: по приказу ее командира вся рота была выстроена в одну шеренгу, курсант возле курсанта. После этого трое командиров взводов отобрали в три шеренги по 20 человек примерно одного роста. Собственно, так же поступили и в остальных ротах, ну, а последнюю, десятую шеренгу уже формировали всем курсом из тех, кто остался. Впрочем, вошли в парадный расчет далеко не все курсанты батальона, а где-то две его трети, остальным светило большее количество нарядов, «за себя и за того парня», и замена выбывающих из парадной «коробки» по различным причинам.

Пройдя примерно метров триста, выдерживая при этом равнение, шеренга курсантов по команде капитана Петрова остановилась. Офицер провел краткий разбор их действий, отметил недостатки, и – снова: «Равнение – на-право! Шагом марш!», только уже по противоположной стороне плаца. И так должны были шлифовать свои строевые навыки все 30 шеренг участников парада до тех пор, пока не услышат команду «Закончить тренировку!». Следуя после этого в казарму, чтобы, как и все, поставить свой автомат в пирамиду в оружейной комнате, Алексей думал о том, что хорошо все же, что они вооружены именно таким оружием, а не карабинами, как их коллеги из училища МВД. Эти курсанты, шагая в парадном строю торжественным маршем, должны были держать данное оружие с примкнутыми штыками в положении «на руку», поэтому от них требовалось не только собственно равнение их строя, но и выравнивание в их руках карабинов. Со стороны, конечно, все смотрелось красиво, но насколько же это было сложно! К тому же для тех из них, кто приотстанет в шеренге, имелась возможность напороться на штык идущего сзади товарища.

Восстановив в памяти парадный марш эвдешников с карабинами, Алексей в своих мыслях вернулся на год назад, в май прошлого 1968 года, и в памяти высветились наиболее яркие моменты этого первого в его жизни и так запомнившегося ему действия.

Лешка вспомнил, как поразило его этот парад. Яркое южное солнце, легкий теплый ветерок, нарядные зрители, расположившиеся на центральной трибуне и вокруг нее – все это создавало неповторимо торжественное, приподнятое настроение. «Погода не такая, как в холодном, туманном ноябре, – подумал он тогда, – одно удовольствие в такой день промаршировать перед восхищенными взглядами гражданских людей, в первую очередь, женского пола». Хотя, как он потом убедился, на октябрьском параде шагать было легче: не было необходимости сильно выпрямлять ногу, идти-то надо было в шинелях, а под ними не видно: прямая нога или чуть согнутая в колене. И уж совсем его поразило и восхитило, когда после речи с трибуны руководителя области по команде «К торжественному маршу!» на всей площади одновременно из огромного строя стоявших в парадной форме военнослужащих четко вышли офицеры, которым было положено шагать впереди парадных «коробок». Это выглядело великолепно! Не зря искушенные в парадных делах кадеты именно этот момент выделяли всегда особо. Про-

шли же курсанты танкового училища перед зрителями на трибунах, разумеется, как всегда, то есть снова лучше всех в гарнизоне. В ноябре того же года, уже на втором курсе, – тоже. И вот теперь подготовка к новому, уже третьему по счету параду...

Сдав оружие, Лешка прошел в расположение роты, достал из своей прикроватной тумбочки укомплектованную нескретными тетрадами полевую сумку и вышел на улицу. Сегодня в расписании стояли только классные занятия: иностранный язык, техническая термодинамика, по которой через два дня предстояло сдавать итоговый экзамен, а также теоретическая механика. Курс последней дисциплины тоже заканчивался в данном семестре, только сдача ее была намечена попозже, месяца через два, в канун летней сессии. Подумав о предстоящем, Алексей вздохнул: «теоремех» ему не давался. То ли преподавательница объясняла материал так, что ему в положениях этой сугубо теоретической науки совершенно ничего не было понятно, то ли мозги его были направлены, что называется, не в ту сторону, но он инстинктивно чувствовал, что со сдачей теоретической механики у него могут возникнуть проблемы.

«И кому нужна эта «дубовая» наука? – с раздражением подумал Лешка, – в моей практической работе в войсках командиром танкового взвода – так уж точно не нужна! А вот, изволь, изучай такую ерунду, да еще сдавай по ней экзамен только лишь потому, что этого требует учебная программа. Ладно, не стоит себя раньше времени накручивать. Может быть, удастся как-нибудь за «четверку» ухватиться».

В принципе, четыре балла по теоретической механике его вполне устраивали, поскольку, чтобы получить диплом с отличием, достаточно было по неосновным предметам «троек» не иметь вообще, а «четверок» иметь не более 25 процентов, то есть, не больше девяти. Разумеется, все пять государственных экзаменов при этом должны быть сданы только на «отлично», в том числе и физическая подготовка. Последнее обстоятельство, конечно, представляло определенную проблему, хотя уже в прошедшую зимнюю сессию второго курса Алексей к вящему удовольствию майора Климова сдал зачет по гимнастике на твердую «четверку». Вот этот красный диплом, отличавшийся цветом от обычного темно-синего, и был Лешкиной целью. На медаль он не претендовал, а получить диплом с отличием было вполне реально, поскольку из всех окончательно сданных им на данный момент предметов у него пока была всего одна «четверка», которую ему по неизвестной причине полгода назад поставил по курсу двигателей преподаватель – майор с кафедры материальной части. По неизвестной – потому что сам предмет Васильцов знал хорошо и на вопросы билета, как ему казалось, ответил полно и правильно, но, вот, поди ж ты... Впрочем, он по данному поводу особо не расстраивался: все-таки первая «четверка», можно безбоязненно еще восемь заполнить.

В ожидании команды на построение Алексей посмотрел по сторонам и, увидев в курилке Вовку Ветрова, подошел к нему. Тот, присев на скамейку, не курил, а сосредоточенно читал какое-то письмо, слегка шевеля губами.

– Что это ты так внимательно читаешь? – Лешка присел рядом. – Неужели сегодня уже почта была? Рано вроде бы еще...

– Да я это письмо вчера получил, – ответил, не отрываясь от чтения, Ветров. – От Валерки. Вот, перечитываю. Интересные вещи пишет.

– А – а, ну не буду мешать, – Алексей оставил друга в покое: видно, брат сообщал тому что-то, и в самом деле заслуживающее внимания, коль Вовка так увлекся письмом.

О том, что у Володи Ветрова в этом же училище обучается его старший брат Валерий, ребята узнали совершенно случайно в конце первого курса, поскольку сам Вовка на эту тему предпочитал не распространяться. Ну, а то, что в их роту к Владимиру иногда приходил курсант выпускного курса – так это никого особо не интересовало: у многих здесь на старших курсах находились всякого рода друзья, земляки и прочие знакомые, особенно у бывших суворовцев. Лишь когда весной к ним прислали группу выпускников для проведения методических занятий по строевой, кажется, подготовке, и один из них представился: курсант Ветров, тогда все и узнали Вовкину тайну.

Валерий успешно сдал государственные экзамены, ему было присвоено звание «лейтенант», и он, получив назначение на должность командира танкового взвода в одну из частей западного военного округа, убыл домой в отпуск. Вскоре, сдав летнюю сессию, следом за ним последовал на каникулы и Володя. Когда же в последних числах августа курсанты снова собрались в училище для продолжения учебы, Алексея удивил и поразил какой-то растерянно-встревоженный Вовкин вид. Как тот рассказал ребятам, Валерия отозвали в назначенную ему воинскую часть, не дав отгулять и половины отпуска. Брат уехал и как в воду канул: ни ответа, что называется, ни привета, и где он сейчас – никто из родных не знает. Лешка же сразу сообразил, где может находиться Ветров – старший.

– В Чехословакии твой Валерка, – сказал он тогда Владимиру. – А что не пишет – не имеет, наверно, пока возможности. Не переживай, скоро ответится.

– А что он там делает? – не мог понять Вовка.

– Ты что, газет не читаешь, телевизор не смотришь? Слышал, 21 августа было заявление руководства СССР о вводе войск в Чехословакию? Причем, не только наших, а всего Варшавского договора. Для защиты завоеваний социализма и предотвращения вторжения туда войск США и ФРГ. Так-то, парень!

– Вот это да! – развел руками Владимир. – А я как-то мимо ушей все пропустил, время в основном на речке проводил с друзьями. И что же теперь будет?

– Валера, думаю, скоро сообщит что-нибудь, если он действительно там. А что он там – вероятность 99 процентов. Сам посудите: если из Германии да из Польши туда войска двинули, то тем, что на нашей территории возле границы находятся, сам бог велел ее перейти. Вероятнее всего – стоят они где-то лагерем и не могут о себе ничего сообщить, поскольку работа почты еще не налажена. Прошло-то времени

всего – ничего. Так что, не переживай, скоро получишь от брата послание. Тем более, что войны там как будто нет, по крайней мере, о боевых действиях ничего не сообщается.

– И что, он там надолго оказался, как ты думаешь?

– Не знаю, – Алексей и в самом деле ничего определенного не мог сказать, хотя в отличие от того же Вовки текущими событиями интересовался более предметно. – Может, и выведут кого, но часть военных, конечно, останется. Недавно сообщили, что образована новая группа войск, которая называется Центральная. Это помимо тех групп, что в Германии, Польше и в Венгрии. Глядишь – еще сами с тобой служить туда попадем.

Лешка оказалась прав: где-то глубокой осенью Володя получил долгожданное письмо с обратным адресом – полевая почта номер такой-то, в котором брат сообщал ему, что у него все хорошо, просто раньше он не имел возможности написать. Из его письма следовало, что их дивизия вошла в состав новой группы войск, находится в западной части Чехословакии и имеет задачу прикрывать границу этой страны с Германией и Австрией. Валерий сообщал также, что пока они располагаются в палатках, но уже строят в отведенных им местах дислокации жилые городки, куда в самое ближайшее время они и переселятся, в то время как большая часть наших введенных в ЧССР войск, например из ГДР, уже отправляется обратно. По его словам, там, где он находится, все тихо и спокойно, боевых действий не происходит, местное население относится к ним хорошо, так как люди постарше еще помнят, как Советская армия освободила их страну от фашистов, ну, а с молодежью приходится работать, разъяснять цель проведенной операции. В общем, Ветров – старший явно хотел этим письмом успокоить своего брата, к которому был очень привязан. Вовка заметно повеселел, и Алексей был рад за него.

В то же время кое-какие моменты этого послания его насторожили: не может быть, чтобы все было так уж легко и хорошо. Он помнил, хотя и был еще ничего не соображавшим в жизни мальцом, как взрослые почти шепотом говорили друг другу, что в Венгрии идет настоящая война между Советской Армией и местными солдатами, что туда введено дополнительно много наших войск, что мы несем там большие потери и много уже гробов прибыло оттуда в Советский Союз. Конечно, многого он не понимал, но разговоры эти запомнил. И сейчас его не покидало какое-то тревожное чувство.

Конечно, думал Васильцов, чехи и словаки – это не мадьяры, у которых к русским давние счеты за участие в подавлении их революции 1848 года, а свои братья – славяне, но кому ж понравится, когда в твой дом врываются вооруженные люди с не совсем понятными целями... Алексей хотел получить какую-нибудь информацию, что называется, из первых рук, но сейчас решил Вовку не трогать: сам расскажет, что ему Валерий сообщает, а может, удастся и лично с лейтенантом пообщаться, если тот приедет навестить брата. Вот тогда он и выяснит все, что его интересует, пока же следует выполнить команду дежурного и строиться для следования на завтрак.

Настоящая сенсация ждала в тот день курсантов после обеда. Когда ребята пришли из столовой и, в основной своей массе, устроились на послеобеденный отдых, так называемые «министерские полчаса», растянувшись на своих кроватях, в расположение роты ворвался весь взъерошенный Пчельников.

– Братва, что я вам сейчас скажу! Такая новость! – громогласно прямо с порога провозгласил Колька.

– Тебя что, Пчела, твоя родственница укусила? – проворчал задремавший, было, Толя Павловский. – Чего орешь? И чего ты влетел сюда, как будто за тобой стая собак гонится? Дремал бы себе спокойно, как все нормальные люди, а то лазишь где-то, а потом вскакиваешь с какими-то новостями, как опеченный.

– Сейчас и ты вскочишь, – с таинственным видом ответил ему Пчельников и обратился к находящимся поблизости курсантам. – Подгребайте сюда, пацаны, я вам такое сообщу, что ахнете!

Когда все, кто был в роте, окружили Кольку, он выпалил:

– Парада на первое мая не будет!

– Как, не будет? – раздалось сразу несколько удивленных голосов. – Сегодня же утром тренировались!

– А вот так, не будет – и все! – стоял на своем Пчельников. – Вот только что встретил Жорку Сидорова с третьего высшего, он кадет с прошлого года выпуска нашего училища, а сейчас дневальный по учебному корпусу и ходит с книгой телефонограмм, знакомит комбатов с этим распоряжением.

– Что-то не верится, – почесал затылок Миша Белкин. – А когда, в таком случае, будет парад? Его что, на девятое мая перенесли?

– Насчет девятого не знаю, про это в телефонограмме ничего не сказано. А веришь или нет – твое дело. Жди, пока тебе официально объявят, – обиженный недоверием Колька покинул помещение.

Подтверждение его слов ребята услышали на вечерней поверке, когда старшина Рудаков, повторив то, что они уже узнали от Пчельникова, уточнил, что бардак с выполнением распорядка дня на этом заканчивается, и завтра с утра все должно быть, как прежде, до начала строевых тренировок, то есть: подъем, физическая зарядка, ну и так далее.

– А когда теперь парад будет, товарищ старшина? – спросил кто-то из строя третьего взвода. – На День Победы?

– Насчет Дня Победы никаких указаний не было, – Рудаков покосился на задавшего вопрос, но решил все же ответить нарушителю дисциплины строя. – По сравнению с прошлыми годами ничего нового не планируется, мне, по крайней мере, об этом не известно. Поэтому исходим из того, что военный парад будет теперь проходить только седьмого ноября, в честь годовщины Октябрьской революции. Да, чтоб лишних вопросов не задавали, имейте в виду, что, хотя парада первого мая не будет, но демонстрации трудящихся все равно состоится. Поэтому участие ваше в мероприятиях этого дня на Центральной площади все равно остается в силе. Будете стоять в оцеплении в районе шествия до окончания демонстрации. Соответственно – и увольнение в город состоится после вашего возвращения с площади в училище. Всем понятно? Вопросы есть? Нет? Разойдись!

Забравшись после команды «Отбой!» на свою койку, Лешка долго ворочался, не в силах заснуть, и анализировал сегодняшние новости. С одной стороны, хорошо, что на Первомай парада не будет, он сам не раз задавал себе риторический вопрос: а какое отношение имеет демонстрация военной мощи страны к митингам и шествиям гражданского люда под лозунгом «Мир! Труд! Май!»? Какая-то получается неувязка: провозглашают наши вожди одно, а фактически демонстрируют нечто иное. И потом, все-таки от утренней зарядки курсантам больше пользы: совершенствование навыков физической подготовки, выносимой, между прочим, на госэкзамен, и повышение, помимо этого, жизненного тонуса с утра и на целый день, важнее однообразной муштры по бесконечным тренировкам равнения в шеренгах. Так что, поскольку такие тренировки будут отныне проводиться один раз в год вместо двух – это плюс. Но, с другой стороны, обидно за День Победы.

Лешка как сын фронтовика гордился и своим отцом, и этим праздником, и все время с тех пор, как начал соображать, искренне недоумевал: почему в этот день не проводится никаких торжеств? Даже нерабочим этот день объявили сравнительно недавно, в 1965 году, а до этого – соберутся, звеня орденами и медалями, фронтовики, выпьют «фронтовые» граммы за тех, кого нет, повспоминают о бывлых боях и походах, и – по домам. А остальным гражданам, не воевавшим, как будто и дела до Великой Победы нет. Да и руководству страны, по видимому, тоже, хотя кое-кто из его состава даже воевал и не понаслышке знает, что это были за годы, с сорок первого по сорок пятый. Вот и сейчас. Ну, конечно, на первое мая военный парад не нужен, но вот на девятое его обязательно надо было бы проводить! В память о наших победах, в память о тех людях, которые их одержали, во многих случаях – даже ценой собственных жизней, и как напоминание тем за рубежом, кто забыл, что такие победы имели место. Надо!

Между тем, время продолжало свой стремительный бег, неуклонно приближая окончание второго курса. И хотя до летней июльской сессии еще оставалось какое-то время, тем не менее, изучение общеобразовательных, гражданских дисциплин постепенно подходило к концу. Курсанты сдавали зачеты и экзамены, оценки за которые в основной своей массе уже шли в диплом. Закончилось изучение и предмета под названием «Детали машин», по окончании которого им предстояло выполнить курсовой проект. Дело это было для ребят новым и совершенно незнакомым, поэтому на заключительном занятии сразу после майских праздников они незамедлительно взяли в оборот преподавателя этой дисциплины Петра Сергеевича Давыдовского. Вопросов к нему было много, можно сказать – все, связанное с этим проектом, представлялось ребятам сплошным вопросом.

– Товарищ преподаватель! Объясните нам, пожалуйста, что это за штука такая – курсовой проект, и что мы должны при этом делать? – задавая вопрос от своего имени, сержант Антон Крючковский выразил мысль, мучившую всех курсантов, во всяком случае, подавляющую их часть.

Давыдовский, худой стройный мужчина лет сорока в темно-сером пиджаке, надетом поверх черной под горло водолазки, ответил ребятам, что согласно учебной программе они должны закончить изучение данного предмета, который он им преподает, проектированием редуктора, то есть – механизма, передающего и преобразующего крутящий момент.

– А что представляет из себя это самое проектирование? Вы получите, каждый индивидуально, задание, где будет указано, какой тип редуктора – цилиндрический, конический или червячный, а может, и комбинированный, – вам необходимо рассчитать, а затем и начертить на больших листах ватманской бумаги.

– Еще и чертить? – вырвалось у Павла Зубова. Не обладая хорошей графикой, тот не любил черчения с давних школьных времен.

– Да. А как Вы думали? – Давыдовский прошелся вдоль классной доски. – Вы ведь в будущем – инженеры, и диплом соответствующий получите. Вот и докажите этой своей работой, что реально претендуете на инженерное звание. Короче говоря, вы, товарищи курсанты, должны будете примерно в течение месяца после получения задания проделать необходимые расчеты, свести их в пояснительную записку к проекту, вычертить свой редуктор на трех листах ватмана и к указанному в расписании сроку представить чертежи и записку в комиссию для защиты проекта. Вам все понятно?

Или всем было понятно, или, скорее всего, – совсем наоборот, но в аудитории повисла угрюмая тишина. Преподаватель усмехнулся:

– Да не переживайте вы так! Не вы первые, точно так же в прошлом году курсанты делали проекты, и все успешно защитились. В общем, не боги горшки обжигают. Ну, хорошо. Если, как я вижу, вопросов у вас нет, переводим наш разговор в практическую плоскость. Зам. командира взвода!

– Я! – поднялся из-за стола Глущенко.

– Сейчас я Вам выдам общий перечень типов редукторов, которые необходимо спроектировать, их ровно столько, сколько человек в Вашем взводе. Распределите их среди курсантов и завтра представьте мне на кафедру список личного состава взвода с указанием, какой курсант какой редуктор будет разрабатывать. Все распределение проектов – на Ваше усмотрение: хоть приказным порядком, хоть жребий бросайте, мне все равно. Действуйте, товарищ сержант! Жду Вас завтра со списком, взамен получите и раздадите каждому его задание на проектирование с индивидуальными параметрами редукторов. Все, друзья! Желаю успехов! – этими словами Давыдовский вручил Глущенко лист бумаги и покинул класс.

Почти сразу прозвучал звонок на перерыв, так что, сержант успел только объявить, что до обеда действуем по расписанию, а к этому вопросу вернемся на самоподготовке. Это и было сделано, когда курсанты заняли свои места в отведенном им классе. Глущенко перечислил общее количество проектов по каждому типу редукторов, после чего спросил: как будем распределять?

– Предлагаю решить жребием, – поднялся со своего места Слава Кривцов. – Так никому обидно не будет.

– Ну, что ж, – резюмировал замкомвзвод. – Никто не против?

Разумеется, противников самого демократичного способа распределения во взводе не нашлось, поэтому Глуценко с Кривцовым и призванным им в помощь Пчельниковым провели подготовительную работу, и вскоре Колька пошел по рядам с пилоткой, полной свернутых в трубочки листочков бумаги, на каждом из которых был указан тип редуктора. Вот он поравнялся со столом, за которым сидели Алексей и Мишка Забалуев:

– Давайте, орлы, тяните на счастье!

– Да уж счастье! – недовольно буркнул Михаил и сунул руку в пилотку. Следом за ним подобную операцию проделал и Лешка. Пчельников пошел дальше, а друзья развернули извлеченные ими бумажки.

– Что у тебя? – спросил Забалуев, ознакомившись с содержанием своего листочка. – У меня – коническо-цилиндрический.

– А у меня – цилиндрический прямозубый соосный, – прочитал в своей записке Алексей. – Слушай, а что это такое – «соосный»?

– Не знаю. Спроси у препода.

– Придется. Ладно, хорошо хоть, что не косозубый или коничка.

Как потом выяснил Алексей, слово «соосный» означало, что входной и выходной валы данного редуктора должны располагаться в одной опоре, хотя и будут отличаться один от другого диаметрами и, соответственно, применяемыми подшипниками, отдельное же крепление нужно лишь для промежуточного вала. «Повезло, – подумал Лешка, – компоновать будет легче». Компоновать, то есть собирать составляющие части механизма в единое целое, и в самом деле ему представлялось проще, чем тому же Забалуеву или Пашке Зубову, которому выпал червячно-цилиндрический редуктор. Хотя и в Лешкином задании был свой «скелет в шкафу»: нужно было придумать, как разместить в корпусе механизма ту самую дополнительную опору, в которой должны были быть закреплены подшипники соосных валов. Проект не обещал Алексею каких-либо проблем, но все же Васильцов решил не откладывать работу над ним в долгий ящик, а по мере возможности начать проектирование без промедления.

«Черт его знает, как там в дальнейшем ситуация сложится, – думал он, – все-таки и наряды никто не отменял, да и другие предметы предстоит сдавать. А еще ведь и чертить надо будет».

С той поры все время самоподготовки Лешка делил на три части: подготовка к текущим зачетам и занятиям следующего дня, тренировка в выполнении гимнастических упражнений в спортивном зале и работа над проектом. К последней задаче он подошел серьезно и ответственно, и, спустя примерно неделю, все необходимые расчеты были им закончены. Еще несколько дней ушло на оформление пояснительной записки, и – все! Можно приступать к вычерчиванию проекта. Надо сказать, что для выполнения чертежных работ в училище имелся большой кабинет с установленными на столах чертежными комбайнами. Этот кабинет мог однократно вместить человек шестьдесят, то есть два взвода, однако всего взводов на курсе было двенадцать, поэтому, дабы избежать столпотворения, на кафедре был установлен график: по од-

ному часу на роту, ну, а там уж – кому повезет занять место у комбайна. Алексея, правда, данное обстоятельство не особо напрягало. В-первых, очень многие его однокашники еще не закончили расчеты, а кое-кто, как, например, беспашашный Пчельников, даже их и не начинали. Во-вторых, от общеучилищных нарядов курсантов никто не освобождал, и частенько выходило, что два взвода заступали на дежурство, и все отведенное время на двух самоподготовках доставалось оставшейся половине роты. Черти – не хочу! Вот этим Лешка решил и заняться: пусть и имеется у него в запасе еще пара недель, но лучше все сделать без спешки и спокойно подойти к указанному преподавателем сроку.

– Так, ребята, я – в чертежный кабинет, – объявил после обеда Алексей. – Кто со мной? Ты, Паша, как? Готов?

– Да ни хрена я еще не готов! – Зубов даже сплюнул от досады. – У меня же «червяк», а на него, проклятого, тепловой расчет надо делать, по объему – как целый отдельный проект. Пока его не посчитаю, какое уж тут черчение...

Не готов был составить Лешке компанию и Миша Забалуев, который все никак не мог скомпоновать по заданным параметрам в один корпус коническую и цилиндрическую передачи. В результате Алексей отправился к лаборантке чертежного кабинета в компании Коли Синева, Бориса Тишкова, Володи Симакова и еще нескольких курсантов взвода, а также сержантов Чернова и Крючковского. Получив в лаборантской листы ватмана, Васильцов закрепил их на доске и приступил к работе. Вообще-то в школе он черчение не любил: графика у него была та еще, но обстоятельства требовали постараться и выполнить задание, и он начал медленно наносить линии, с завистью глядя, как ловко это выходит у работавшего рядом Синева.

– Ну, ты и молодец, Микола! – не удержался Лешка, посмотрев на его чертеж. – Только начал, а уже контур проекции просматривается.

– Так я ж художник, у меня рука на рисунках набита, поэтому и не дрожит, когда надо, – ответил Николай, не отрываясь от доски. – Не переживай, и ты научишься ровные линии чертить. Ничего здесь сложного нет. Это не с физической или сопроматом разбираться. Вот где у меня сплошная проблема.

– Так чего же ты молчишь? Давай вместе, как проект сдадим, разбираться. Согласен?

– Согласен.

– Тогда все, решено! Вот тебе моя рука. Не забудь только.

– Как я могу забыть? Это ж в моих интересах, – Синева пожал протянутую Лешкой руку и продолжил работу.

Алексею чертить не хотелось. Он оторвался от своего ватмана и посмотрел по сторонам: все занято делом. Вот сосредоточенно двигает линейку сержант Антон Крючковский. Чуть дальше о чем-то задумался, покусывая карандаш, Вовка Симаков, у него такой же сложный проект, как и у Забалуева, но он уже все просчитал и сейчас переносит свои расчеты на бумагу. Чем-то недоволен и хмурится Лешкин командир отделения Виктор Чернов, ага, понятно: не устраивает его, как

заточен карандаш, вот он взял перочинный ножик, будет, наверно, поправлять грифель. А рядом с ним сосредоточенно работает чертежными инструментами Борис Тишков.

Борька... Замечательный парень и надежный друг. А ведь чуть было не ушел из училища. Тогда, зимой, он так и не сдал сессию и, естественно, остался в училище, когда почти все курсанты, в том числе и Лешка, поехали на каникулы. Перед отъездом Алексей еще раз поговорил с ним, тот подтвердил свое решение, правда – не столь уверенно, как раньше. И вот по возвращении из дому, войдя в казарму, Лешка с радостью увидел своего друга в курсантской форме, да еще с повязкой на рукаве «Дежурный по роте».

– Борька!!! – обнял он Тишкова. – А я уже думал, что больше тебя не увижу.

– А-а, – махнул тот рукой. – Передумал я. Вы все уехали, а меня же не отпустили, вот и остались мы с Синевым тут куковать, да еще несколько человек с других взводов. Болтались по расположению, никому не нужные. Тоска! Потом Микола математику пересдал, и его тоже отпустили на оставшуюся часть каникул. А мне ротный сказал, что если я не хочу учиться, то меня, так и быть, из училища отчислят и отправят служить в войска на полные два года, но только в том случае, если я завалю еще и следующую сессию. Вот на этом меня и поймали. Показалось мне, что снова полгода ждать – это очень долго, ну я и сдался. Зато вошел к майору в доверие, видишь – дежурю по роте. Пятые сутки, между прочим.

– Боря, какой ты молодец, что решил учиться дальше! – Лешка хотел поддержать и подбодрить парня. – Я, между прочим, был уверен, что ты, в конце концов, именно так и поступишь.

– Да ладно, чего уж там! – смутился Борис. – Сам дал слабинку, самому и выпутываться надо. Дал я себе после всего этого слово, что окончу училище, а потом видно будет. Для начала пропущенную сессию надо сдать. Поможешь?

– О чем речь? Мог бы и не спрашивать!

После этого разговора Борис со всей серьезностью взялся за дальнейшую учебу. За короткое время он ликвидировал все имевшиеся «хвосты», да и сейчас в числе первых рассчитал свое курсовое задание и приступил к вычерчиванию проекта.

Окинув своим взором кабинет и склонившихся над чертежами ребята, Алексей вздохнул: хочешь – не хочешь, а надо и самому, наконец, начать выполнять чертежную часть проекта, никто за него его прямозубый соосный редуктор на бумагу не перенесет.

Две недели спустя Васильцов и еще несколько курсантов были уже готовы защищать свои проекты. Хотя у них в запасе до назначенного срока еще оставалось несколько дней, они, договорившись о досрочной защите, на следующий день во время самоподготовки представили свое творчество комиссии, созданной на кафедре деталей машин под председательством старшего преподавателя этой кафедры Давыдовского П.С. Будучи по алфавиту первым в этой группе, Алексей изрядно волновался, пока закреплял на демонстраци-

онной доске чертежи, а затем кратко излагал содержание пояснительной записки, но все прошло нормально. Хотя члены комиссии слушали его внимательно, а потом еще какое-то время пристально изучали вычерченное им на ватмане, но выполненную им работу оценили на «отлично», с чем его и поздравил сам Давыдовский. Впрочем, с такой же оценкой защитили свои проекты все, представлявшие их в этот день, в том числе и Чернов с Крючковским, и Симаков с Синевым, и Тишков, за которого Лешка переживал особенно, но Борис показал себя молодцом и с непростым заданием справился на «Ура!».

Теперь можно было вздохнуть посвободнее и сосредоточиться на других дисциплинах, часть из которых предстояло сдавать уже в июне, еще до начала летней сессии, а июнь-то – вот он, всего несколько дней до него осталось...

«Да-а, трудновато будет некоторым нашим, кто затянул начало работы с проектом, – думал Лешка. – Хотя им и времени будет выделяться побольше, и в наряды, по крайней мере, в наряды по роте их будут назначать поменьше, да и помогать им, конечно, будут те, кто уже сдал, и он, Алексей, тоже поможет, но чертить-то все равно придется самим. А последнее обстоятельство требует времени, ибо черчение суety не терпит. Да и при наплыве массы курсантов в чертежном кабинете может элементарно не хватить мест».

Тем не менее, отрабатывать курсовое проектирование было необходимо, поэтому все чаще однокашники Алексея после ужина собирали все необходимое и, предварительно договорившись с лаборанткой и получив у нее ключи от кабинета, уходили туда домучивать свои проекты. Зачастую эта работа затягивалась глубоко за полночь, утром ребята с трудом просыпались и выбегали на зарядку с покрасневшими от недосыпа глазами, но распорядок дня требовалось выполнять неукоснительно, а скидок на ночные бдения начальство не предоставляло. Лешка несколько раз наведывался по вечерам к чертежникам, чтобы помочь кое-кому из друзей, и наблюдал весьма колоритную картину: распахнутые настежь из-за сумасшедшей духоты окна, в ярком свете плафонов поднимающиеся под потолок сизые струйки дыма (кое-кто из тружеников покурировал, не сходя с рабочего места), и склонившиеся над чертежными досками фигуры в расстегнутых гимнастерках с закатанными выше локтей рукавами. А то – и вовсе без гимнастерок.

«Ох, не к добру эти ночные вахты, – размышлял Алексей, возвращаясь в казарму после одного из таких визитов в учебный корпус. – Хоть ребята во многом и не виноваты, что затянули с курсовыми: все же кому-то очень сложные задания достались, да и навыков в черчении, графики многим не достаает, но все-таки надо было пораньше начать шевелиться. Тогда не накладывались бы проблемы, связанные с проектом, на другие дисциплины, да и в наряды, графики которых оставались по-прежнему в силе, заступали бы, как положено отдохнувшими, а не так, как сейчас. Как бы это черчение кое-кому боком не вышло».

Лешкины опасения, к сожалению, оправдались, и достаточно скоро. Через несколько дней их взвод заступал в наряд по училищу. Не в основной караул, правда, а по разным объектам, в том числе и на учебное поле в караул № 2. Для ребят этот караул новостью не был, многие из них, в том числе и Алексей, в этом наряде уже бывали, да и не по одному разу. И сложностей предстоящее дежурство не представляло: на посту находится один часовой, его задача ночью – охранять стоящие в ряд старые учебные танки. Днем же, когда дежурный по парку боевых машин этот самый парк вскрывает, так вообще благодать: влезает на постовую вышку и наблюдаешь оттуда, чтобы никто на целостность военной техники не покушался. Словом – не наряд, а лафа. При одном условии: если накануне хорошо отдохнул, выпался и находишься, что называется, в полном здравии. А вот этого-то здравия многим ночным чертежникам и не доставало.

Начальником предстоящего караула был назначен сержант Иван Глущенко, караульными, кроме Алексея, – Миша Белкин и Володя Ветров. Помимо них туда же, на учебное поле отправлялись дневальные по полевому парку Володя Симаков и Юрий Хачинян с дежурным – сверхсрочником из батальона обеспечения. Все бы ничего, но накануне караула Глущенко, Белкин и Хачинян допозна работали в чертежном кабинете. Особенно уставшим выглядел сержант, которому черчение не давалось. Глядя на его воспаленные, красные глаза, Виктор Чернов предложил:

– Ваня, что-то у тебя вид сильно усталый. Давай я вместо тебя начальником караула заступлю. Какая разница: ты сержант, и я сержант. А взводного уговорим.

– Спасибо, Витя, но лучше уж я сам отдежурю. Не впервой. Да и ребята надежные, не должны подвести.

– Ну, смотри! Если все же надумаешь – мое предложение остается в силе.

Сначала все шло, как положено: приняли караульное помещение – небольшой деревянный домик, разделенный фанерными перегородками на комнаты-клетушки, – затем Ветров, первая смена, заступил на охрану поста, а остальные поставили свои автоматы в пирамиду, поужинали, после чего Белкин ушел отдыхать: его смена на посту была следующей, а Лешка с сержантом остались бодрствовать. Глущенко несколько раз глубоко зевнул, было заметно, что он отчаянно борется со сном, потом прошелся по комнате бодрствующей смены, вышел на улицу и, возвратившись в караулку, заметил:

– Слушай, Васильцов, открой-ка окно, жарница – дышать нечем!

– Да я бы его давно уже открыл, – ответил Алексей. – Но, товарищ сержант, решетки-то на окне нет, вдруг кто непрошенный залезет?

– А мы с тобой для чего? Нам спать не положено, в случае чего – встретим, как надо.

Лешка распахнул окно. В помещение ворвался свежий воздух, дышать стало полегче, но у Алексея в душе шевельнулось какое-то тре-

возное чувство: уж больно низко над землей находилось это окно, Забраться через него в караульное помещение не составляло никаких проблем. А здесь-то в пирамиде – три автомата... Внезапно под окном появился Хачинян и, увидев Лешку, страдальческим голосом попросил:

– Слушай, ара, будь хороший человек, пусти в караулку, спать хоч – сил нет, а лечь негде.

– Ну, ты что, Юра, первый раз, что ли, здесь находишься? В караульном помещении никого, кроме караульных, быть не должно. А чего ты на своем КТП не можешь устроиться?

– Да где там устроиться? Комната маленький, один топчан, на нем дежурный храпит. Вова за столом сидит, его очередь бодрствовать, а мне и место нет.

Что правда – то правда: места для отдыха на КТП второму дневальному действительно не было, и все нарядчики ночью мучились точно так же. В хорошую погоду, когда тепло и нет дождя, можно было пристроиться на улице, но, опять-таки, не на земле же спать! Лешка не понимал, почему требовалось назначать в этот наряд двух дневальных. Раз нет места отдыха – хватило бы, наверно, и одного.

– Что у тебя случилось, Хачинян? – подойдя к окошку, спросил Глуценко.

– Товарищ сержант, пустите поспать, нигде для меня место нет. Часа четыре сплю, потом от Вас ухожу, меняю Симакова. А то на КТП место нет совсем.

– Ладно, что с тобой поделаешь, располагайся, – после некоторого раздумья разрешил начальник караула. – Только имей в виду – стану будить очередную смену на пост, включу свет, и ты сразу проснешься.

– Спасибо, товарищ сержант! – от радости, что наконец-то нашел место для отдыха, Юрик аж подпрыгнул. – Сейчас напарник предупредить надо, и потом приду. А насчет того, что Вы мне спать не дадите, не беспокойтесь: если я засну, то меня и из пушка не разбудишь. Долго толкать придется.

Вскоре Глуценко произвел смену часовых, выставив на пост Белкина, Лешка ушел в комнату отдыхающей смены составлять компанию Хачиняну, а его место за столом занял Володя Ветров. Все – как надо.

Наконец настала и его, Алексея, очередь переходить из караульных в часовые. Приняв пост, он посмотрел вслед уходящим Глуценко и Белкину, перевел автомат в положение для стрельбы стоя и начал неспешно обходить стоящие на чуть приподнятых над землей лежнях танки. На душе было легко и спокойно. Во-первых, он столкнул с плеч долой курсовой проект, довольно большой по объему кусок работы, а значит – теперь можно спокойно готовиться к экзаменам по другим предметам. Во-вторых, перед караулом он хорошо отдохнул, и на сон его совсем не тянуло. Ну, и, в-третьих, настроение поднимала чудесная летняя ночь.

Алексей сделал несколько кругов вдоль ограждения поста: проволока везде целая, порывов нигде не видно, да и освещен периметр парка хорошо, причем не только изнутри, но и снаружи, следовательно – незаметно подкрасться и перелезть через проволоку

не получится. Васильцову вдруг пришла в голову мысль: не гоже вот так вот маячить все время на свету, и речь даже не о возможном нападении какого-нибудь злоумышленника. Просто по его ощущениям вот-вот должен был появиться проверяющий, а он, часовой, тут – как на ладони. Лешка посмотрел на часы: первый час ночи, еще немного – и смена. И тут, как бы подтверждая его мысли о возможной скорой проверке, в той стороне, где находилось караульное помещение, послышался все нарастающий звук автомобильного мотора. Затем он услышал, как машина остановилась и хлопнула дверца кабины.

«Все понятно, – сообразил Алексей. – Проверка! Ну, что ж, не первый день замужем. Встретим, как положено!».

Он зашел в тень одного из ближайших к калитке танков и стал ждать. Однако время шло, а никто на посту не появлялся.

«Странно, – подумал Лешка. – Где же проверка?».

Внезапно за ограждением, рядом с калиткой, словно из-под земли выросли три фигуры. Ярко освещенные сильными лампами прожекторов, они казались поднятыми для поражения при стрельбе ростовыми мишенями. Каких-то несколько мгновений Алексей соображал: что же это может быть. Вдруг до него дошло: а ведь это наверняка проверяющий пытался увидеть его на посту и, не увидев, вполне мог решить, что часового на месте нет. Он рванулся из-за своего укрытия, но загадочные фигуры уже удалялись, постепенно уменьшаясь в размерах. Тогда он снова посмотрел на часы: находится на посту ему еще оставалось минут двадцать.

«Со сменой наверно объявится», – пришла Лешке в голову мысль. В том, что в караул приехала проверка, он уже не сомневался.

Идущих гуськом людей он увидел издали и сразу занял свое прежнее место в тени, отбрасываемой массивным Т-55. Все дальнейшее было, как говорится, делом техники: едва группа вошла в калитку, Алексей окликнул идущих, затем, после получения ответа, приказал подойти одному начальнику караула, остальным же – оставаться на месте, а поскольку движение продолжили двое, пригрозил: «Стрелять буду!». Один сразу остановился, а второй, в котором Лешка узнал Глущенко, продолжил движение в его сторону. Васильцов для профформы еще заставил начкара осветить свое лицо и, взяв автомат «на ремень», вышел из-за укрытия.

Алексею бросилось в глаза измученное, какое-то посеревшее лицо сержанта.

– Ну, слава богу, что хоть у тебя все в порядке, – проговорил тот, подойдя к часовому. – А то там, в караульном помещении, все спали. Можно продолжать движение!

Последняя фраза адресовалась сопровождавшим его лицам, вынужденным остановиться по Лешкиному приказу.

– Проверяющий? – быстро спросил Алексей.

– Да. Дежурный по училищу, – так же быстро ответил Глущенко.

О дежурном по училищу капитане Сергачеве, командире взвода курсантов с третьего высшего курса, Васильцов слышал как о требова-

тельным, но справедливым офицере. К тому же он знал о дружбе капитана со своим командиром взвода, тоже капитаном, Труновым.

«Ну, опасаться неприятностей нечего», – подумал Лешка и успокоился.

Тем временем проверяющий и новый часовой Ветров подошли к ним вплотную. Володя принял пост под наблюдение, а Алексей получил возможность отвечать на вопросы капитана.

– Фамилия? – первым делом поинтересовался капитан.

– Курсант Васильцов! – доложил Лешка, приняв положение «Смирно!».

– Вы все время находились на посту?

– Так точно! А как может быть иначе? Я же часовой!

– Хм... А я Вас на посту не видел.

– Зато я Вас видел, товарищ капитан, как Вы к забору подошли. А то, что Вы меня не видели – так все правильно. Какой бы я был часовым, если бы меня было видно издали и свободно можно было бы снять.

– А что же Вы не стреляли, если видели меня возле ограждения? Кстати – одного?

– Никак нет, с Вами еще кто-то был, два человека. А стрелять я не имел права, поскольку на территорию поста Вы не зашли. Зашли бы – будьте уверены, стрелял бы. Только сначала, как положено, в воздух. И то, если бы я Вас окликнул, а Вы моих требований остановиться не выполнили.

Капитан испытующе поглядел на Алексея, хотел еще что-то сказать, но раздумал. Он повернулся к Глуценко:

– Хорошо, сержант. Проводите смену, а разговор продолжим после Вашего возвращения! – с этими словами проверяющий повернулся и пошел к выходу.

Смена часовых много времени не заняла, и спустя несколько минут Алексей шагал позади Глуценко в караульное помещение. Сержант явно был чем-то расстроен, шел медленно, еще больше, чем обычно, сутулился. «Что же у них случилось там, в караулке?» – этот вопрос не давал Лешке покоя всю дорогу.

Подойдя к караульному помещению, Алексей разрядил автомат и, войдя в комнату бодрствующей смены и поставив оружие в пирамиду, огляделся. Проверяющий сидел за столом и сосредоточенно смотрел на разложенную перед ним постовую ведомость. Скорее всего, думал наверно: какую запись ему в ней оставить. Напротив него – бледный, весь покрытый мелким бисером пота Мишка Белкин. Возле стола навывтяжку стоял Глуценко. Лешка обратил внимание, что появившийся в дверях караулки Володя Симаков отчаянно делал сержанту какие-то знаки, но тот не обращал на дневального по парку никакого внимания. Немая сцена продолжалась несколько минут. Наконец, капитан заметил Симакова и выгнал его из помещения, после чего склонился над ведомостью и сделал в ней какую-то запись, потом поднялся из-за стола, вышел на улицу, и вскоре все услышали звук отъезжающей машины.

Алексей подошел к Глуценко и прочитал вместе с ним оставленную дежурным в постовой ведомости запись, которая гласила, что караул он, капитан Сергачев, проверил, часовой на посту курсант Васильцов службу нес бдительно, а караульный бодрствующей смены курсант Белкин спал в неположенное время, и – все! Ну и что? Ничего страшного. Налицо, конечно, нарушение, но не такое серьезное, чтобы создавать проблемы своему другу Трунову. Сержант вздохнул с облегчением. В это время в помещение вошел Симаков:

– Ну, что? Уехал? Товарищ сержант, посмотрите на свой автомат в пирамиде!

Глуценко открыл дверцу пирамиды, взял в руки автомат:

– Ну и что?

– А разберите его!

Все еще недоумевая, сержант снял ствольную коробку, вытянул возвратную пружину, достал затворную раму и тут стал медленно бледнеть:

– А где затвор?

– Его проверяющий в кармане увез в училище, – пояснил Симаков.

– Вот так-то!

– Чего ж ты мне не сказал?

– А как я при нем скажу? Я какие только знаки тебе не делал, чтоб обратил внимание на пирамиду. Пока капитан меня на улицу не выгнал. А ты – ноль внимания!

Алексея прошиб пот: вот это – действительно ЧП. Даже если этот Сергачев и не доложит никому, но затвор-то он все равно должен будет отдать своему другу Трунову! Лешка вышел на крыльцо. К нему подошел, оставив Глуценко в полной прострации, Вовка Симаков. Он-то и рассказал Алексею, как было дело.

К полуночи сон все-таки одолел Ивана Глуценко. Вот когда, наверно, сержант пожалел, что, понадеявшись на извечное русское «авось, пронесет!», отказался от предложения Чернова заменить его в карауле. Мало того, что он, Глуценко, накануне чертил до двух часов ночи и, как следствие, толком не выспался, так еще дала о себе знать ночная духота. Она и доконала его окончательно. В общем, едва стрелка на часах перевалила за двенадцать, сержант ушел в комнату отдыхающей смены, строго-настрого наказав караульному бодрствующей смены Белкину разбудить его без пяти минут час или немедленно – в случае появления проверяющего. Мишка ответил: «Есть!» и, оставшись один, тоже начал дремать, только, правда, за столом, опустив вмиг потяжелевшую голову на его поверхность. Не учел начальник караула, а может от усталости просто забыл, что Белкин пришел из чертежного кабинета одновременно с ним. Словом, продержался Михаил недолго и, минут десять спустя, тоже отправился в комнату отдыха, где уже спали Ветров с Хачиняном, а также во всю храпел моментально «отрубившийся» Глуценко. При этом сонный Мишка уже настолько ничего не соображал, что даже не подумал затворить окно, так и оставшееся открытым.

Приехавший на дежурной машине капитан Сергачев первым делом направился на пост, по дороге прихватив с собой сидевшего на лавочке

возле дверей КТП дневального по парку Симакова. Постояв немного перед ограждением (идти в охраняемый парк дежурный все же не рискнул) и не узрев на посту часового, капитан, Вовка и шофер дежурного автомобиля, тот самый, чью третью фигуру увидел из своего укрытия Лешка, направились к караульному помещению. Здесь капитана тоже ожидал сюрприз – залитая ярким светом и при этом совершенно безлюдная комната. Подергав за ручку дверь, закрытую изнутри на засов, дежурный показал водителю на открытое окно, и тот, забравшись через него вовнутрь, впустил всех в помещение. Осмотревшись, капитан сперва достал из кармана автомат Глущенко, вынул из него затвор, занявший место в кармане офицера, после чего собрал автомат, поставил его на место и закрыл пирамиду. При этом дверца ее отчаянно закрипела, однако ни этот скрип, ни звяканье деталей автомата, ни шум, который сознательно пытался поднять Симаков, так и не разбудили спящих.

– Ну, вот, – сказал тогда капитан. – Теперь режь их! Вот что. Давай-ка, дневальный, поднимай их в ружье!

Симаков щелкнул в комнате отдыхающей смены выключателем и страшным голосом прокричал: «Караул, в ружье!». Первым под зоркие очи проверяющего выскочил Ветров и сразу кинулся к пирамиде. За ним то же самое проделали и Глущенко с Белкиным. Сержант хотел было что-то доложить офицеру, но тот его опередил:

– Молодцы, хорошо службу несете! Да вас тут голыми руками взять – нечего делать! А еще боевое оружие вам доверили...

Караульные стояли молча, опустив головы. Что они могли возразить, когда дежурный был совершенно прав: факт преступной беспечности был налицо. Капитан уже собирался продолжить свою речь, но тут из комнаты отдыха вышел, потягиваясь, Хачинян. Юрик, раздетый до пояса, в одной руке держал гимнастерку, в другой – ремень со штык-ножом. Сергачев аж рот открыл от удивления:

– А-а... а это кто такой? Почему у Вас, сержант, караульные в нарушение устава раздеваются при отдыхе?

– Это не караульный, товарищ капитан, это дневальный по парку, ему можно, – обрел, наконец, дар речи Глущенко.

– Хорошо. Тогда Вам, товарищ начальник караула, второй вопрос: а почему у Вас в караульном помещении находятся посторонние лица?

– Он не посторонний, товарищ капитан! – в сержанте заговорил заместитель командира взвода. – Это курсант моего взвода, и я обязан позаботиться об его отдыхе. Тем более, что накануне он всю ночь работал. Я же не виноват, что наряду по парку не определено место, где бы дневальные в свободное от службы время могли отдохнуть.

Дежурный махнул рукой:

– Ладно, сержант. Я смотрю, скоро смена часовых. Проводите ее, а я пойду вместе с вами и покажу, что делается у вас на посту. То, что я здесь увидел – это еще цветочки...

Что было дальше – Лешка уже знал. Он вместе с Симаковым вернулся в караульное помещение. Там все еще стояла мертвая тишина, но Глущенко, кажется, уже пришел в себя и взял ситуацию под контроль:

– Ну, вот что, парни! Не раскисать! Нам еще здесь больше, чем половину суток, нести службу, давайте хоть нового ничего за это время не учудим. Поэтому – все по своим местам! Белкин, спать! Тебе следующим идти на пост. Васильцов, а мы с тобой тут перекантуемся. Только не спать!

– Да я спать не хочу, товарищ сержант! Все в порядке, – успокоил Лешка.

– Я тоже не хочу, – отозвался Белкин. – Какой тут сон...

– А тебя никто не спрашивает, – повернулся в его сторону Глущенко. – Положено отдыхать перед сменой, а не после нее, герой! Блин, ну, я все могу понять, самого сморило, но до такой степени отупеть, что даже окно не закрыть... Ладно. Снимет меня командир с должности – его право, я особо не переживаю, поделом. Похожу простым курсантом, за себя одного всегда проще отвечать, чем за вас, обормотов.

– Да не переживайте, товарищ сержант, может еще обойдется, – Алексею было искренне жаль своего замкомвзвода. Все-таки за прошедшие без малого два года учебы он сильно изменился. Глущенко уже не был таким записным служакой, как вначале. Возможно, сыграло свою роль то, что ему приходилось частенько обращаться к своим подчиненным за помощью при изучении различных предметов, в первую очередь – общеобразовательных, в которых он был не силен, в отличие от большинства рядовых курсантов, вчерашних школьников. При этом никто ему помочь не отказывался, в том числе и те из ребят, кого он в своем служебном рвении по первоначально сильно допекал. Может, были и какие-то иные причины для его сближения с подчиненными, но факт оставался фактом: из грозного командира сержант постепенно становился для ребят просто старшим товарищем: опытным, знающим, всегда готовым прийти на выручку. Впрочем, эта тенденция была характерна не только для их взвода – на всем курсе происходило определенное сглаживание отношений между курсантами и их непосредственными командирами. Теперь к последним обращались официально по званию в основном только по служебным вопросам или в строю, а так, в простом обиходе, – чаще на «ты» и по именам: Ваня, Витя, Антон...

– Вряд ли обойдется, – почесал затылок сержант. – Так-то дежурный в ведомости большой крамолы не написал, но вот затвор... Черт с ним, что случилось – то случилось. Да, Хачинян, иди, досыпай, если хочешь. В компанию к Белкину.

– Нет, товарищ сержант, не хочу! Капитан весь сон перебил.

– Ну, хорошо. Решайте с Симаковым, и, кто из вас будет отдыхать, пусть идет сюда, в караульное помещение.

– А можно? – осторожно поинтересовался Юрик.

– Семь бед – один ответ, – махнул рукой Глущенко.

Отстояв оставшуюся часть караульных суток, курсанты с тревогой ждали утра следующего дня. Врачные предчувствия их не обманули. В такой ярости своего командира взвода, достаточно выдержанного и тактичного офицера, они еще не видели. Нет, он не метал грома и молнии, не кричал на них громоподобным басом, не обзывал их последни-

ми словами. Вовсе нет. Но встретил он пришедших с завтрака подчиненных с таким видом, что все поняли: быть грозе!

С бледным лицом, на котором время от времени играли желваки, Трунов приказал Глущенко отвести взвод в сторону и затем тихим, но четким и сухим, каким-то металлическим голосом приказал выйти из строя личному составу, несшему службу накануне в карауле № 2. Все четверо выполнили приказ и теперь стояли перед своими товарищами, повернувшись к строю лицом.

– Вот, посмотрите на них! – продолжил капитан все тем же подчеркнuto спокойным голосом, от которого по коже пробежали мурашки. – Им доверили охрану объекта, боевое оружие, а они его чуть было не проспали! Ладно, сейчас для подробного разбора нет времени, пора на занятия. Вечером поговорим! А Вам, Кривцов, я бы порекомендовал сегодня провести по этому вопросу комсомольское собрание.

– Подумаем, – ответил комсорг.

– Подумайте, я предлагаю – во время самоподготовки. И последнее. За грубейшее нарушение устава во время несения караульной службы объявляю курсанту Белкину от имени командира роты трое суток ареста с содержанием на гауптвахте! Что надо ответить, курсант Белкин?

– Есть трое суток ареста! – дрожащим голосом ответил Мишка.

– За неудовлетворительную организацию службы в карауле № 2 сержант Глущенко отстраняется от должности заместителя командира взвода!

– Есть! – прозвучал глухой, но спокойный голос Глущенко.

– Заместителем командира взвода назначается сержант Чернов!

– Есть! – последовал ответ Виктора Чернова.

– Командиром отделения вместо сержанта Чернова назначается курсант Иванов с присвоением ему звания «младший сержант»!

– Есть! – растерянно ответил Васька, подобного он явно не ожидал.

– Да, Глущенко, – обратился капитан к своему бывшему заместителю, доставая из кармана злополучный затвор – Возьмите свой трофей, вставьте на место, когда придете в казарму. Все! Сержант Чернов, ведите взвод на занятия!

После обеда, едва началась самоподготовка, в класс вошел командир взвода.

– Встать! Смирно! – скомандовал сидевший за учительским столом Чернов, уступая свое место командиру.

– Вольно! Садитесь! – распорядился в ответ офицер, присаживаясь на стул, на котором за мгновение до этого восседал сержант, и обратился к Кривцову. – Ну, что, комсорг, когда собрание будете проводить?

– Хоть сейчас, товарищ капитан, если разрешите, – ответил тот.

– Разрешаю, – Трунов поднялся из-за стола, за который он только только присел, и прошел в конец класса, где занял позицию в последнем ряду, по соседству с Николаем Пчельниковым.

Тем временем Слава Кривцов, устроившись за председательским столом, обратился к ребятам:

– Так, товарищи комсомольцы! На учете в нашей организации состоят 27 членов ВЛКСМ. Налицо присутствуют – 23, четверо готовят

ся к наряду в расположении роты. Кроме того, здесь присутствуют коммунист капитан Трунов и три кандидата в члены КПСС из числа курсантов взвода. Какие у кого предложения?

– Открыть собрание! Начнем! Давай, Слава, вперед! – раздались голоса.

– Хорошо. Других мнений нет? Тогда голосовать не будем, и начнем работу. На повестке дня у нас – один пункт: ЧП в карауле с участием наших комсомольцев. Других пунктов и прочих добавлений нет? Голосуем: кто за предложенную повестку из одного пункта? Все? Против – нет? Кто воздержался? Тоже нет? Ну, тогда поехали. Регламент устанавливать не будем, но, прошу вас, ребята, говорить по существу и отпущенным вам временем не злоупотреблять. Возражений нет? Хорошо. Итак, с чего начнем?

– Надо бы, чтобы кто-нибудь нас подробно обо всем проинформировал, тогда и понятно будет, что решать, и кто в какой степени виноват, – высказал свое мнение Миша Забалуев.

– Резонно, – согласился Кривцов и обратился к Трунову: – Как, товарищ капитан, доведете до комсомольцев информацию о случившемся?

– Что тут доводить? Вы уже все прекрасно знаете, – поднялся из-за стола командир взвода. – Ну что ж, если хотите... Позавчера в караул № 2 по охране танков на учебном поле заступили ваши товарищи Белкин, Васильцов, Ветров и, в качестве начальника караула, – бывший зам. командира взвода сержант Глущенко. Грубо нарушив требования устава, в половине первого ночи все свободные от службы на посту караульные плюс еще одно лицо, не относящееся к караулу и находившееся в караульном помещении незаконно, ушли спать в комнату отдыхающей смены, бросив на произвол судьбы и службу, и боевое оружие, которое могло стать легкой добычей преступников. А случаев нападения на караулы с целью хищения оружия на моей памяти очень много, я вам об этом всякий раз при инструктаже караула напоминаю. В этом же конкретном случае даже взламывать замки или на часового нападать не надо было: залазь через открытое окно и бери все, что хочешь, а этих разгильдяев можно было голыми руками задушить, без лишнего шума. Кстати, товарищ Чернов, для Вашего сведения: я принял решение больше этот состав караула на учебное поле не назначать, ни в каком сочетании. Тамшний воздух на них дурно влияет. У меня все!

– Понятно, – поднялся со своего места комсорг. – Наверно, есть необходимость заслушать самих виновников событий. Комсомолец Белкин!

– Что тут говорить? – бледный Мишка встал из-за стола. – Все правильно. Я виноват, что заснул и позволил посторонним лицам попасть в караульное помещение. Но я не специально это сделал, не потому, что наплеватьски к службе отнесся. Просто накануне я до трех ночи чертил курсовой проект и толком не отдохнул. Думал, что выдержу, а получилось вон что...

– Все ясно, садись, Миша, – продолжил вести собрание Кривцов. – Комсомолец Глущенко, у Вас есть что добавить к сказанному?

– Да нет. Белкин все сказал, мне добавить нечего, да и не буду оправдываться. Виноват, за что и получил. Переоценил свои возможности. Мне предлагали поменяться нарядами, но я не захотел кого-то подставлять, тем более – половина взвода еще не закончила свои курсовые работы. У меня все!

– Так, кто еще желает высказаться? – ведущий собрание окинул взглядом класс. – Давайте, ребята, высказывайтесь, как из состава караула, так и все остальные. Ваших же товарищей обсуждаем.

– Слава, дай мне слово! – вышел из-за стола Алексей. – Я как раз из состава того злосчастного караула.

– Давай, Леша! – разрешил Кривцов. – Слово имеет кандидат в члены КПСС Васильцов.

– Спасибо. Но, если можно, я хотел бы сначала задать два вопроса коммунисту Трунову.

– Как, товарищ капитан? – обратился Славка к командиру взвода.

– Пусть задает, – разрешил тот.

– Спасибо, – Лешка повернулся к капитану. – Скажите, товарищ капитан, Вы знали состав караула перед тем, как он заступил на службу?

– Ну, хотя распределением нарядов занимался сержант Глущенко, но я знал, кто будет нести службу в этом карауле. А что тут необычного, что должно отличать его от других нарядов?

– Необычно то, что из 30 курсантов взвода в этот конкретный караул требовалось назначить 4 человека. Это – вместе с начальником караула. У нас во взводе не защитили курсовые проекты и, соответственно, занимались ночным черчением порядка человек пятнадцати. Так неужели нельзя было отобрать в состав караула курсантов, уже сдавших курсовые? Тех же, кто их еще не сдал, назначить в другие, не такие ответственные наряды? Это ведь не основной караул, в который весь взвод заступает. Думается мне, что перед заступлением в тот, первый караул, Вы вряд ли разрешили бы кому-либо работать ночью вместо того, чтобы выспаться и вообще нормально отдохнуть.

Трунов промолчал.

– И второй вопрос, товарищ капитан. Когда на учебном поле будут созданы условия для нормальной службы дневальным по парку? Ведь что получается: дежурному положено отдыхать ночью, так как днем, после вскрытия парка, у него начинается работа, и для этих целей на КТП имеется топчан. Все правильно. Но двум дневальным тоже положено отдыхать ночью, по одному, соблюдая очередность. Так куда этому одному дневальному деваться? В дежурке для него места нет, там, кроме топчана со спящим дежурным хватает места только для стола с телефоном, за которым сидит бодрствующий дневальный. В парк нельзя, там – часовой, в караулку тоже не положено. В результате получается: пустил его на свой страх и риск начальник караула – попал в нарушители.

В классе воцарилось молчание.

– И еще хотелось бы сказать кое о чем. Разрешаешь, Слава?

– Давай, – ответил Кривцов. – Договаривались ведь, что, если говорить по существу, то регламент не устанавливается.

– А я – по существу. Вот Вы, товарищ капитан, сказали, что нас, четверых. Вы больше во второй караул ставить не будете, не доверяете, стало быть. А в чем причина такого недоверия лично ко мне? Или к Ветрову? И как это Ваше недоверие совместить с тем фактом, что приказом по училищу с начала текущего учебного года я назначен для несения службы на посту № 1? Выходит, охранять два боевых знамени мне доверяют, а старые танки на учебном поле – нет? Да и вообще, – голос у Лешки от обиды зазвенел, как натянутая струна. – Может, нам с Ветровым вообще нельзя в карауле службу нести, при том, что за все два года учебы ни одного замечания ни у него, ни у меня не было?.

Алексей перевел дыхание и продолжил:

– Ваня, – повернулся он в сторону Глущенко, – извини уж за такое к тебе обращение, но мы в одинаковом служебном статусе, поэтому я могу так тебя называть. Так вот, Ваня, я тебя всегда уважал и сейчас, несмотря ни на что, продолжаю уважать, но должен тебе прямо сказать: твоей вины в данном происшествии больше. Ты формировал наряд и не должен был ставить Мишку в караул, хватало, кем его заменить. Да и тебе самому нужно было здраво оценить свое состояние и согласиться на замену, как тебе предлагали. В общем, ребята, я считаю так: да, Глущенко и Белкин виноваты, но они – не злостные нарушители и виноваты только в том, что переоценили свои возможности, не учли, что силы человека имеют свой предел. А потому – по служебной линии они свое уже получили, соответственно проступку или нет – это уже другой вопрос, а вот как комсомольцев я предлагаю их не наказывать, а ограничиться обсуждением. Мне думается, парни все поняли и сделают правильные выводы.

Васильцов закончил выступление и уже собирался сесть на свое место, как вдруг почувствовал, что кто-то пристально на него смотрит. Он оглянулся по сторонам и натолкнулся на пронизывающе-острый взгляд командира взвода. «Похоже, нажил я себе врага», – успел он подумать, но жалеть уже было нечего, дело сделано, да и по справедливости-то он был прав.

– Кто еще желает высказаться? – продолжил вести собрание Кривцов.

– Я. Разрешите, товарищ комсорг? – поднялся с места Забалуев и, получив одобрительный кивок головой от ведущего, продолжил. – Правильно все Алексей сказал. Не надо было Белкина назначать в караул, даже если он сам от этого назначения не отказался. Я вот тоже одновременно с ним полночи чертил свой курсовой и вполне мог бы оказаться в такой же ситуации, хорошо, что меня Глущенко на кухню определил. И то, уже к полуночи капитально на сон потянуло. Так что, я считаю, надо эти ночные черчения прекратить. Ни к чему хорошему это не приводит, особенно перед заступлением в караул. И еще. Надо, товарищ коммунист Трунов, как-то решить вопрос со службой дневальных по парку на учебном поле, о чем и Васильцов говорил. Или пусть оборудуют место для отдыха дневальному на КТП, или надо раз-

решить ему отдыхать вместе с караулом. В целом же я считаю, что оба, безусловно, виноваты, но только в том, что переоценили свои силы и поддерживаю предложение Васильцова ребят по комсомольской линии не наказывать, а ограничиться этим вот разговором. Они свое уже получили и, думаю, выводы для себя сделали.

Следующим попросил слова Павел Зубов:

– Я вот тоже еще свой курсовой не сдал, но не потому, что затянул эту работу по причине личного разгильдяйства и неорганизованности. Просто расчеты очень много времени заняли, как и у тех, о ком сегодня говорим. Поэтому и приходится по ночам упущенное наверстывать, сроков сдачи ведь никто не изменял, а днем нужно по другим предметам заниматься. Вот если бы, товарищ капитан, удалось с кафедрой договориться, и хотя бы еще недели две нам дали, тогда не пришлось бы так спешно трудиться в ущерб и здоровью, и службе. А что до ребят, то я тоже считаю, что усугублять их состояние еще и комсомольским взысканием не стоит. Достаточно того, что поговорили и высказали им все, что об этом думаем. Они – парни хорошие и больше подобного не допустят, я уверен в этом.

Выступили еще несколько комсомольцев, осуждавших, каждый по своему, Белкина с Глуценко, но так же, как и Алексей, предлагавших ограничиться осуждением допущенного ими нарушения. Когда поток выступавших иссяк, Кривцов подвел итоги обсуждения:

– Ну, что, ребята, от всех, кто выступил, было внесено одно предложение: проступок комсомольцев Белкина и Глуценко осудить, но наказание им не выносить, ограничиться обсуждением. Других предложений, как я понимаю, нет? Тогда голосуем! Да, кандидаты партии тоже могут голосовать, это там, у себя, – Славка широко улыбнулся, – вы еще права решающего голоса не имеете, а у нас – пожалуйста, тем более, что из наших доблестных рядов вы вышли совсем недавно. Итак, кто за озвученное мною предложение? Так, понятно. Кто против? Никого? Кто воздержался? Также нет? Что ж, принимается единогласно. Теперь я хочу сказать пару слов нашим «героям», – заявил Кривцов, обращаясь к Глуценко и Белкину. – В общем, ребята, вы все слышали, и, думаю, все понимаете. Понимаете, в первую очередь, что взвод вам верит и считает, что случившееся с вами – это несчастный случай, которых больше не случится. И – всех касается – не держите свои проблемы в себе, неужели кто-то еще не понял за два прошедших года, что все мы – одна семья, и проблема одного из нас – это проблема всего взвода.

– Спасибо, Слава! Спасибо, ребята! – голос Белкина прервался от волнения. – Ни одного замечания в мой адрес по службе в карауле вы больше не услышите. Обещаю!

– Я тоже хочу всем сказать спасибо за науку, – это уже взял слово Глуценко. – Я, если честно, много чего нехорошего кое для кого из ребят сделал, в чем сейчас раскаиваюсь. Поэтому думал: ну, сейчас мне все припомнят, все мои грехи, а вы вот так... Еще раз спасибо, для меня случившееся – настоящий урок на будущее. А что меня с должности сняли – так это даже к лучшему, больше времени на учебу останется. Туговато мне она дается.

– Ну, все, собрание объявляется закрытым, – Кривцов встал из-за учительского стола и перешел на свое привычное место в ряду третьего отделения, а из глубины класса вышел и сел за стол командир взвода.

– На этом, товарищи комсомольцы и иже с ними, – с улыбкой обратился он к подчиненным, – демократия закончилась и начинается военная служба, то есть – согласно распорядку дня – самоподготовка. Однако, перед тем, как вас покинуть, я хотел бы ответить на некоторые ваши вопросы. Прежде всего, по поводу усталости. Конечно, перед заступлением в караул № 1 я, как его начальник, не допустил бы накануне него никаких ночных бдений, но по караулу № 2 я понадеялся на сержанта Глущенко, он-то лучше меня знает ваше состояние. Тем не менее, проконтролировать этот вопрос, поскольку связан он с применением боевого оружия, я был обязан, упустил его, моя вина. Удели я в общей текучке дел больше внимания второму караулу – ни Белкин, ни сам Глущенко в его состав бы не попали. Признаю свое упущение и всем вам рекомендую сделать из данного факта для себя выводы на будущую вашу офицерскую службу. Что же касается сроков сдачи курсовых проектов теми из вас, кто этого еще не сделал, – я поговорю с Давыдовским, может и накинёт вам неделю, другую, но что это непременно произойдет – не ручаюсь, поэтому продолжайте эту работу, постарайтесь ее максимально ускорить, но впредь ночью работать запрещаю, максимум – до 24.00. Не будете успевать – вместе пойдем на кафедру виниться. Ну, а насчет отдыха дневальных по парку на учебном поле я уже вопрос поднимал на служебном совещании. Заместитель начальника училища по технической части полковник Муравьев пообещал этот вопрос решить. Пока не решил, значит, придется ему снова об этом напомнить. Но вот в караульном помещении дневальным отдыхать нельзя. Не я это придумал, это в уставе записано, следовательно – уставные требования надо не обсуждать, а выполнять. И последнее. Курсант Белкин!

– Я! – Мишка вскочил со своего места и вытянулся по стойке «Смирно!».

– Объявленное Вам утром наказание в виде трех суток ареста я отменяю. Но поскольку взыскания Вы все равно заслуживаете, то за грубые нарушения при несении службы в карауле объявляю Вам о лишении Вас городского увольнения на четыре недели!

– Есть – неувольнение на четыре недели! – Белкин не скрывал своей радости: все-таки не гауптвахта!

– Вот, посидите месяц в казарме, за это время и проект свой закончите, и устав выучите, по крайней мере, ту его часть, что касается несения караульной службы. Все! – Трунов поднялся из-за стола. – Сержант Чернов! Продолжайте самоподготовку!

Едва за офицером закрылась дверь, все кинулись поздравлять Мишку Белкина: легко отделался. Тот тоже был доволен:

– Ух, гора с плеч! А неувольнение – черт с ним, все равно в городе не к кому ходить. Вот если бы была возможность поохотиться, а он мне идти на охоту запретил – тогда да, трагедия, а то, что он мне объявил – так, мелочь...

После ужина, едва рота вернулась в расположение, Алексея разыскал Пашка Зубов:

– Леха, дуй в канцелярию! Там взводный пришел и приказал тебя к нему вызвать.

«Вот оно, начинается!» – подумал Лешка. Настроение у него сразу испортилось, ничего хорошего от этого вызова он не ждал: в лучшем случае капитан начнет ему читать мораль, а в худшем... Об этом не хотелось даже думать. Тем не менее, Алексей спокойно (куда денешься!) постучал в дверь канцелярии роты и, получив разрешение, вошел:

– Товарищ капитан, курсант Васильцов по Вашему приказанию прибыл!

– Садись, Васильцов! – стоявший возле окна командир взвода подождал, пока Алексей присядет на стул у большого канцелярского стола, и сам устроился напротив.

– Вот, решил с тобой поговорить по душам, – начал офицер. – Дабы предостеречь тебя от возможных ошибок в будущем. Сегодня ты на собрании довольно резко и не совсем тактично высказался в мой адрес, а ведь я – твой командир, и тебе при обращении в мой адрес необходимо соблюдать определенную субординацию. Твое счастье, что я – человек незлопамятный, иначе у меня есть много возможностей, чтобы надолго испортить тебе настроение.

– Товарищ, капитан, я прошу меня не пугать! – Алексей встал из-за стола.

– Садись, садись, я не собираюсь тебя пугать. Я только попытался тебе напомнить, что ты находишься в армии, а здесь у любого начальника гораздо больше возможностей навредить подчиненному, нежели наоборот. А сколько у тебя в твоей дальнейшей службе будет начальников, и какие они будут – одному богу известно. Поэтому ты должен понять, что перечить начальству – это все равно, что плевать против ветра: все твое в любом случае вернется к тебе, но с определенными для тебя неприятностями. Так что, когда у тебя есть желание что-то кому-то сказать или доказать, всегда нужно думать о возможных последствиях. Как шахматисту просчитывать ситуацию на два – три хода вперед. Играешь в шахматы?

– Так, немного. Но, товарищ капитан, пусть, может, и излишне эмоционально я выступил, но ведь по существу-то я прав?

– В чем? В том, что Белкин, не отдохнувши, попал в караул и потому заснул? Так это – прямое упущение сержанта Глуценко, за это, в первую очередь, он и снят с должности.

– Про Глуценко, товарищ капитан, речь не идет, он наказан справедливо, я про это и на собрании говорил. Хотя сейчас вот понимаю, то он – тоже жертва обстоятельств: хотел сделать, как лучше, и поступил благородно, отказался от замены и на себя все взвалил. Да и Белкин тоже ни за чьей спиной не прятался.

– Их благородство могло боком вылезти всем, причем, не только им и нам с тобой, но и более высокому начальству, если бы преступники реально похитили оружие, да еще из него кого-то убили. Тогда бы никто не спрашивал: чертили Глуценко с Белкиным или рисовали, а по-

шли бы они, как миленькие, под суд военного трибунала. И потом, неужели ты думаешь, что я не понимаю ситуации и не разрешил бы им поменяться местами службы с теми, кто накануне имел возможность отдохнуть?

– Не знаю, товарищ капитан, не знаю, – Лешка немного растерялся: командир взвода своими спокойными ответами не оставлял от его аргументов камня на камне. – Но меня задело не то, что Вы наказали Белкина с Глущенко, а то, что Вы объявили недоверие всему караулу. К нам-то с Ветровым претензий нет, почему же Вы запретили нас с ним туда назначать?

– Чего в запале не скажешь? – Трунов сначала замялся, но потом решил все же рассказать подчиненному то, чего тот еще не знал. – Ну, во-первых, это был не приказ, а так, выступление для публики, будете вы заступать во все наряды, когда ваша очередь подойдет, в том числе и в караул № 2, как и заступали. А во-вторых, приоткрою тебе небольшую тайну, надеюсь, что ты умеешь держать язык за зубами, а до поры до времени то, что я тебе сейчас скажу, оглашать не стоит. Так вот, командованием принято решение назначить приказом по училищу некоторое количество рядовых курсантов для несения службы в нарядах на сержантских должностях: дежурными по ротам, разводящими в караулах, ну и так далее. От нашего взвода тоже отобрано несколько человек, в том числе, и курсант Васильцов. Как видишь, ни о каком недоверии и речи нет. Что ты мне на это ответишь?

– Ничего, товарищ капитан. Спасибо за доверие, – Лешка своей растерянности уже не скрывал. – Я, когда Вы меня вызвали, совсем другое развитие событий предполагал.

– Да знаю я, что ты предполагал, – легкая усмешка тронула губы Трунова. – Небось думал, что я тебе разнос учиню за то, что ты меня на собрании покритиковал? Напрасно так думал. Настоящий офицер должен быть выше подобных мелочных обид на своих подчиненных. Учти это! Конечно, иной раз тяжело бывает сдерживаться. Думаешь: ну я ему сейчас так дам! Даже кулаки сжимаются. Но потом посчитаешь в уме до тысячи (кстати – хорошее средство для нейтрализации подобных приступов бешенства) и начинаешь уже спокойно обдумывать: какие аргументы привести человеку, чтобы он убедился в своих заблуждениях. Вот так-то, курсант Васильцов! Ладно, иди, если вопросов ко мне нет. Надеюсь, не напрасно я у тебя часть личного времени отнял, авось будешь чаще думать головой, она ведь человеку для этого дана.

– Есть думать головой, товарищ капитан! Спасибо за науку, – последнюю фразу Алексей произнес, уже взявшись за дверную ручку. – Разрешите идти?

Офицер устало махнул рукой, и Лешка покинул канцелярию. Он вышел на улицу, приблизился к курилке, но там находились курсанты, а ему хотелось побыть одному, наедине со своими мыслями. Поэтому он обошел здание казармы и присел на скамейку у полосы препятствий. Мысли теснились у него в голове, надо было хоть как-то привести их в порядок.

Да... Ну, взводный, ну, человек! Чего ему стоило наорать на подчиненного, а потом, придравшись к какой-нибудь мелочи, еще и наказать и с «чистой» совестью отправиться домой. Но он не пошел туда, к семье, которая его, конечно, ждет, а предпочел зайти в казарму, найти там интересующего его курсанта и долго, терпеливо разъяснять ему его ошибки и заблуждения! Алексей вспомнил, как Трунов опекал его, когда он был отстающим по физо, какие дополнительные упражнения ему подбирал, как тренировал его отдельно от всех, опять-таки не считаясь со своим временем. Как он учил его стрелять из автомата перед присягой, когда Лешка и автомат-то этот впервые взял в руки (нормативы с учебным оружием – не в счет), и добился-таки отличного результата. Да и еще много чего хорошего он сделал для него и для других ребят при том, что в требовательности и принципиальности ему не откажешь. А как он к его матери отнесся в первый ее приезд сюда, в училище: поговорил по душам, успокоил ее волнение, да и вопрос с Лешкиным увольнением в город решил сразу и без проволочек. Права мамаша, надо брать с него пример и стремиться быть похожим на него.

Алексей, конечно, уважал и командира роты майора Родионова, и комбата подполковника Березова, хотя с последним он пересекался не особо часто, но, на его взгляд, капитан Трунов по популярности среди курсантов был вне конкуренции. С ним не могли сравниться даже другие командиры взводов их роты, особенно старший лейтенант Бессонов, который, несмотря на все свое стремление выслужиться, пока так и не получил заветную четвертую звездочку на погоны, видимо были у командования к нему какие-то претензии. Однако, наряду с теплотой и уважением к своему командиру, Лешкину голову внезапно посетили и связанные с офицером тревожные мысли. Недавно вездесущий Колька Пчельников принес сногшибательную новость: оказывается, после Нового года ожидается изменение штатной структуры училища. Дескать, теперь больше не будет командиров взводов в их привычном служебном статусе, а вместо них вводятся так называемые курсовые офицеры, каждый из которых должен будет отвечать за два взвода. Следовательно, в их роте, как и во всех других, вместо четверых взводных будут два курсовых. Но и это еще не все. По словам Николая, все нынешние командиры взводов с Нового года выводятся за штат и будут направлены для службы в войска, откуда придут на должности курсовых новые офицеры. Жаль, если придется распрощаться с капитаном Труновым. Неизвестно еще, каким будет у них этот самый курсовой офицер, возможно – хуже, но скорее всего никак не лучше нынешнего командира взвода. Да.. По неволе почешешь затылок.

«Ладно, – решил Лешка, – до предполагаемого нововведения еще больше, чем полгода, еще сессию за второй курс надо сдать, тем более, что и Колькина новость может оказаться обыкновенным трепом. Поживем – увидим. Пока же надо пойти подшить к гимнастерке подворотничок, да и вообще подготовиться к завтрашнему дню».

Резкий паровозный гудок, сигнал к отправлению состава, взорвал вокзальную тишину, поезд медленно стронулся с места и стал понемногу набирать ход. Холмоград-Запад остался позади, а впереди – ставшая уже родной за два прошедших года станция Улановка.

Лешка, закинув на полку свои вещи, устроился в углу старого деревянного купе, прислонился головой к холодной стенке и закрыл глаза. Два с лишним часа времени есть на то, чтобы обдумать все, что было, и привести в порядок свои мысли. Сколько раз они высаживались на этой станции из старых скрипучих вагонов и маршировали отсюда в лагерь! И это при том, что прежние их выезды носили кратковременный характер, в основном – не больше недели, основная же учеба проходила в городе, или, как еще официально указывалось в расписании, «на зимних квартирах».

Впрочем, теперь, с началом третьего года учебы, пребывание курсантов в лагере предполагалось более частым и продолжительным. Все-таки, как и было запланировано учебной программой, почти все гражданские дисциплины они сдали в прошедшую летнюю сессию, остался только сопромат, итоговый экзамен по которому ждал их в феврале будущего года. Условно гражданским предметом можно было считать политическую экономию, пришедшую на смену философии и рассчитанную на весь третий курс: хоть и относилась она к кафедре политических наук, но вел занятия преподаватель в штатском. Ну, и иностранные языки по-прежнему являлись зоной ответственности гражданских педагогов. А вот к преподавателям всех оставшихся дисциплин уже надо было обращаться по воинскому званию, ибо были они в военной форме и носили на плечах погоны.

Вот они и будут главными наставниками курсантов пятой роты в предстоящем первом в наступившем семестре и таком продолжительном, месяца на полтора, полевом выходе: преподаватель огневой подготовки майор Слесарчук, преподаватель вождения танков подполковник Шорохов, преподаватель тактики майор Черкасов... Все они, как и оставшиеся в училище преподаватели по устройству узлов и агрегатов танков и эксплуатации техники, были знакомы ребятам, проводили уже с ними занятия по своим предметам, хотя и в небольших объемах. Пожалуй, особняком в этом ряду стоял майор Черкасов, сменивший уволенного не так давно в запас майора Руденко, доставившего в свое время Лешке немало неприятностей.

Подумав о своих злоключениях в начале первого курса, Алексей поморщился: воспоминания о том, как его не пускали в увольнение из-за тактики, были ему неприятны. Слава богу, сейчас уже третий курс, преподаватель вроде бы ничего, да и не одной тактикой они будут заниматься. В этом выезде его, как и других его однокашников, ждет то, к чему они так стремились и чего так ждали: стрельба из танковой пушки боевым штатным снарядом и практическое вождение танков. Вот после выполнения этих упражнений они смогут называть себя настоящими танкистами! Скорей бы...

Поезд продолжал стучать колесами по стыкам рельсов, а Алексей – вспоминать, что еще интересного и запоминающегося произошло в последние месяцы.

В памяти выкристаллизовались события, связанные с минувшей летней сессией, которая запомнилась ему не только сдачей итоговых экзаменов по гражданским наукам, но и первой его «пятеркой» по физической подготовке. Четыре балла он уже получал прошлым летом, а также на зимней сессии в январе месяце текущего года. Последняя «четверка» была для него даже более ценной, чем предыдущая, ибо получил он ее за выполнение одних только гимнастических упражнений. Правда, была в этой бочке успеха и небольшая ложка дегтя – прыжок через коня. Лешка выполнял его довольно коряво, потому и не получал за него оценки выше «тройки», но выполнял! Главное для него было – просто перелететь через эту «кобылу», а дальше его выручали чисто и уверенно выполненные упражнения на перекладине и параллельных брусьях. Не сказать, что ему и эти снаряды давались легко, приходилось долго и упорно отрабатывать отдельные элементы, но мучения эти дали результат в виде двух отличных оценок, которые в итоге и вывели тогда, зимой, ему общую «четверку», позволившую без задержки уехать на каникулы. Ну, а летом к такой же оценке за гимнастику добавились еще три пятерки за беговые составляющие, и – вот она, такая желанная и такая трудовая «пятерка»!

– Молодец, Васильцов! – отметил его успехи и преподаватель этой дисциплины майор Климов, выставляя в журнал оценки за сданный предмет. – Не зря я, земляк, в тебя верил. Помнишь, говорил тебе, что будешь ты еще отличником по физической подготовке? Видишь, свершилось! Давай и дальше держай!

– Есть держать, товарищ майор! – ответил довольный Алексей.

Вообще, надо сказать, майор Климов в последнее время уже не так придирался к качеству выполнения курсантами элементов физической подготовки. Возможно, это было связано с тем, что, как они узнали, по программе высшего военного училища физподготовки на государственных выпускных экзаменах больше не будет, а введен вместо нее предмет по названию «Эксплуатация автобронетанковой техники», который и предстоит сдавать в следующем году первым выпускникам высшего курса. Трудно сказать, был ли начфиз доволен этой новостью, внешне каких-либо переживаний он не проявлял, по крайней мере, как и прежде, продолжал носиться на своем мотоцикле по кустам за пытавшимися схитрить во время кросса ребятами. Говорили, правда, что он жаловался кому-то из офицеров, что, дескать, не ценит высшее командование значение его предмета, но было ли так на самом деле, кто знает... Для Алексея, как и для других курсантов, эти изменения ровным счетом ничего не значили: физическая подготовка все так же входила в число учебных дисциплин, а значит – экзамен по ней все равно сдавать придется. Пусть и не государственный, но оценка-то, один черт, идет в диплом. И потом, если выполнение упражнений в гимнастике еще можно оценивать, исходя из того, нравится это тебе или нет, то в том же, например, кроссе есть четкие временные нормати-

вы, и за сколько пробежал – такую оценку и получишь. Так что, итоговый результат в твоём дипломе зависит все-таки не столько от экзаменатора, сколько от тебя самого.

Так, чем еще отметилась в памяти начало третьего курса? Пожалуй, введением новой военной формы одежды. Впервые об этом Алексей услышал, когда он и еще несколько курсантов сидели в вокзальном скверике, ожидая своих поездов, чтобы уехать в летний отпуск. Павел Зубов в поисках приятной музыки крутил ручку настройки своей маленькой транзисторной «Спидолы», привезенной на прошлых каникулах из дому, а остальные, расположившись рядом на скамейках, неспешно разговаривали, наслаждаясь, по их словам, воздухом свободы. В этот момент и поймал Пашка волну, на которой среди новостей прошел и указ о новой форме.

– Вот тебе и раз! – удивленно воскликнул Миша Белкин. – Это какая ж теперь форма будет?

– А чего гадать? – удовлетворил его любопытство находившийся здесь же Слава Кривцов. – Через месяц приедем и увидим.

И – увидели... Когда после окончания отпуска Алексей вошел в казарму, первым, что сразу бросилось в глаза, был плакат на ротной доске документации с фотографиями военных в новой форме. При этом, «х/б» оставалось, только совершенно менялся вид гимнастерки: теперь она застегивалась во всю свою длину, а не так, как было раньше – на несколько пуговиц до половины, да и воротничок был уже не как стойка, а отложной, похожий на такие, какие он видел на довоенных фотографиях. Здесь же было фото курсанта в полушерстяном обмундировании, по покрою очень похожем на уже упомянутое хлопчатобумажное. Кроме того, на плакате был снимок парня в парадно – выходной форме, причем стоял он в мундире нового покроя, в защитного цвета брюках навыпуск и в ботинках вместо сапог. Вот это да!

Впрочем, на вечерней поверке старшина Рудаков несколько поумерил восторг курсантов. С его слов они уяснили, что «п/ш» они примерно через месяц получат, и оно на зимний период станет их повседневной одеждой вместо «х/б», а вот о новой парадной форме придется забыть: поскольку им до выпуска осталось меньше двух лет, то выдавать им ее признано нецелесообразным. Посему ее они не получают, а велено им донашивать старую. Нельзя сказать, что последняя новость была воспринята курсантами с восторгом: все-таки старая парадка была тяжелой и неудобной, летом в ней было очень жарко, да и повырастали многие из нее, раздались в плечах. Но ничего не поделаешь, приказ есть приказ.

– Ладно, пацаны, не дрейфить! – резюмировал вечный оптимист Пчельников. – попробуем уговорить начальство, как похолодает, чтоб разрешили увольняться в город в «п/ш». Какая им разница, под шинелью все равно не видно, какие на нас штаны, а сапоги наденем с парадки, хромачи.

И действительно, делегаты от комитета комсомола батальона, подержанные секретарем комитета лейтенантом Пивоваровым, несколько раз обращались к командиру батальона, заместителям начальника

училища и добились своего. Им было обещано, что после получения полусерстяного обмундирования увольняться в городской отпуск можно будет и в нем тоже.

Вторая новость для ребят состояла в том, что, пока они отдыхали, командование училища решило перевести занимавшую одно с ними помещение шестую роту в другую казарму, освободившуюся после ликвидации курсов по подготовке младших лейтенантов, а весь этаж отдать их роте, пятой, что предполагало размещение коек в один ярус. «Наконец-то!» – таково было общее мнение если не всех, то подавляющего большинства курсантов. Хотя теперь площадь их расположения увеличилась вдвое, что представляло определенные сложности в наведении четкого уставного порядка, в первую очередь – суточному наряду по роте, но плюсов в этом изменении было больше. Все-таки появится больше воздушного пространства, не будет такой скученности людей, как прежде, и жилье их станет более похожим не на казарму, а на общежитие, которое им обещали при переходе на третий курс, но так и не организовали ввиду отсутствия помещений. При этом, пообещали, правда, что данное общежитие вскоре начнут строить, но ребята понимали, что появится оно тогда, когда их самих в училище уже не будет.

Но главный сюрприз ожидал многих курсантов четвертого взвода и, прежде всего, тригорцев в первый день сентября. В этот день после завтрака рота в полном составе ожидала, выйдя из столовой, команды на построение для следования на традиционный митинг в честь начала нового учебного года. Ребята кучковались небольшими группками и обменивались впечатлениями о том, кто и как провел отпуск: все-таки многие из них приехали поздно вечером, или даже ночью, и поговорить друг с другом просто не успели. Лешка с Павлом Zubовым и еще несколькими парнями не были исключением и тоже, собравшись в кружок, предавались дружескому трепу. Внезапно Алексей почувствовал на своем плече чью-то крепкую руку, и в следующее мгновение кто-то, подошедший сзади, обнял их с Пашкой и сильно прижал друг к другу. Васильцов обернулся и от неожиданности опешил: перед ним стоял Андрей Задорин из их бывшей тригорской команды, успешно сдавший экзамены и вместе с ним поступивший в училище, но потом не захотевший учиться из-за конфликта с тогдашним замкомвзводом Глущенко. Лешка ущипнул себя за ухо, закрыл глаза, тут же открыл их снова: нет, не померещилось, это был именно Андрей, только еще больше возмужавший, раздавшийся в плечах, в хлопчатобумажной повседневной форме и с курсантскими погонами, посередине которых по всей их длине тянулся широкий золотистый галун.

– Андрюха!!! – первым опомнился Zubов и кинулся уже по-настоящему обнимать улыбающегося Задорина. – Ты как здесь оказался? Что делаешь? Ты смотри, старшина! Во успел выслужиться! Ты же раньше начальство не признавал!

Следом за Пашкой Алексей тоже заключил Задорина в свои достаточно крепкие (уже!) объятия. Ему было радостно от того, что Андрей тоже здесь, в училище, пусть и не с ними, в каком-то другом подразде-

лении, но главное – здесь! Лешка все прошедшее время жалел, что тот по недоразумению, как он считал, их тогда покинул. И вот он снова курсант, да еще командир, и стоит сейчас возле него! Их обступили другие ребята, ранее знавшие и помнившие Задорина, подошел и обнял Андрея сержант Виктор Чернов, несколько смущенно приблизился и Иван Глущенко, после снятия с должности демонстративно носивший погоны рядового курсанта. Все засыпали Задорина бесконечным потоком вопросов: что, как, откуда он и так далее.

– Все расскажу, ребята, только попозже. Вечерком к вам подойду, а то уже командуют строиться. Я ведь – старшина одиннадцатой роты на первом курсе. Не переживайте, я теперь никуда от вас не денусь, обязательно приду. И не один, – загадочно сообщил он под конец и, поправив пилотку, направился к месту построения своей роты.

Андрей действительно появился в их роте после ужина, когда согласно распорядку дня началось у курсантов личное время. Он заглянул в спальное помещение, увидел Алексея с Пашкой и подошел к ним:

– А вот и я. Пошли, хлопцы, на улицу, там воздух свежее и еще один сюрприз вас ждет.

Выйдя из казармы, земляки направились к курилке, где спиной к подходившей группе сидел какой-то курсант. Услышав шаги, тот обернулся, резко вскочил на ноги и бросился к ним:

– Ребята!!!

– Серега, ты?!! – одновременно вскрикнули Зубов с Васильцовым и с двух сторон заключили парня в крепкие дружеские объятия. Да, это был он, Сергей Муромцев, тоже из их тригорской группы, страстно хотевший два года назад поступить в училище, но заболевший во время сдачи вступительных экзаменов и откомандированный домой. Его хлопали по плечам, словно желая убедиться, что это действительно он, а рядом стоял и, довольный произведенным эффектом, улыбался старшина Андрей.

– Ну, ты и змей! – обернулся к нему Пашка. – Чего сразу утром не сказал? Пстой, может у тебя еще какой подобный сюрприз имеется?

– Нет, хлопцы, больше не имеется, – ответил Задорин. – А вам что, мало? Пошли в курилку, поговорим, пока ее никто не занял. А где мой тезка Хватов? Что-то я его не углядел в вашем строю.

– Сдулся твой тезка. Тоже написал рапорт об отчислении за тобой следом по причине нежелания учиться. Сказал, что он гражданский человек. Проще говоря, старшина роты вместе с твоим «другом» Глущенко попржижали его по части дисциплины, вот он и не выдержал, – пояснил Павел. – Может, это и к лучшему. Какой бы из него командир получился, если его погладили против шерсти, а он – в истерику. Командир зубастый должен быть, себя в обиду не давать и за подчиненных стоять горой. Ладно, бог с ним. Ты про себя давай рассказывай, где был все эти два года, что делал и как вообще здесь оказался, да еще и старшиной.

– А что рассказывать? – Андрей закурил, следом за ним то же самое сделал и Муромцев; Алексей с Павлом переглянулись: оба они не курили, хотя табачный дым переносили нормально. – Вернулся я в свою деревню,

а там – уборочная в разгаре. Мужиков как всегда нехватка, а уж механизаторов – тем более. На меня смотрели как, наверно, на Иисуса, когда тот в Иерусалим входил. Сразу мне комбайн: зерновые-то переставают уже, а у меня все-таки права и какой-никакой опыт по части уборки. Словом, впрягся я: зерновые, картошка, овощные – как один день два месяца пролетело, а тут – повестка из военкомата на призывную комиссию. Сам председатель колхоза ездил к военкому, умолял дать мне отсрочку от призыва хоть на полгода, но тот уперся и – ни в какую: дескать, надо закон выполнять, он новый, проверяют сильно, а законных оснований, чтоб меня оставить, нет. Так я и пошел служить. Вообще-то это и к лучшему. Всегда гораздо приятнее идти служить со своим годом призыва. А я и так в нашей призывной команде считался самым старым, поскольку всем остальным, кроме меня, по восемнадцать лет, а мне уже девятнадцать стукнуло. Направили меня, как тракториста, в танковые войска, в Белоруссию, в учебку, где готовили командиров танков. После ее окончания, через полгода, оставили там командиром отделения, потом зам. командира взвода назначили. И знаете, ребята, стала мне нравится служба своей четкостью, организованностью, порядком, наконец. Не то, что на гражданке, особенно в нашем колхозе.

– А подчиняться-то начальству ты не любил, – поддел его Пашка.

– Ну, не то, чтобы не любил, а самолюбие мое задевала эта необходимость кому-то подчиняться, – спокойно ответил Задорин. – А вот когда послужил, да еще в учебке, то понял, что подчиняться старшему начальнику действительно необходимо, иначе порядка не будет, а будет именно колхоз. Короче, прослужил я в общей сложности полтора года и написал рапорт: хочу, значит, служить Родине офицером и потому прошу направить меня для сдачи экзаменов в военное училище, желательно – в танковое. Очень хотел в Холмоград. На счастье, в штабе была разрядка в это училище, меня и откомандировали сюда. Ну, экзамены, сами знаете, для вояк – чистая формальность, вот я и поступил. Потом назначили командиром группы, как был у нас Витюха Чернов, покомандовал салажатами, а когда сформировали роту, определили ее старшиной, как самого опытного из всех сержантов. Вот тогда, при формировании, и Серега ко мне попал. По благу. Шучу, конечно. Случайно пересеклись, но спуску ему не даю. Как земляку.

– Да вы, ребята, его не слушайте, Андрей – классный командир, справедливый, – вступил в разговор Сергей. – Требовательный, правда. Ну, а как можно иначе? Армия все-таки.

– Ну, а ты как сюда попал? – переключил на него внимание Павел.

– По желанию. По своему желанию. Вы же помните, как я не хотел уезжать, но что я мог поделать, раз заболел...

– погоди, ты говорил, что у тебя пневмония, а сам куришь, – недоуменно заметил Лешка.

– Да ничего, я уже привык. Втянулся, что называется, и бросить не могу. Вроде на здоровье не сказывается, я ведь комиссию медицинскую серьезно проходил и когда в армию забирали, и уже в армии, когда в училище подал документы, и по приезду сюда.

– Так ты и в армии послужить успел? – удивился Пашка.

– Успел. Правда, поменьше, чем Андрюха, виноват, товарищ старшина, – поправился Сергей, но Задорин только махнул рукой. – Я ведь, как вернулся обратно, дома долго не задержался, что в нашей захудалой деревеньке делать? С бабулей посоветовался, ну, и наладила она меня в город. Там у нее какая-то давняя подруга жила или родственница дальняя, такая дальняя, что я даже и не знал про ее существование, ну, да не суть важно. Короче говоря, стал я у этой тети Маруси жить, а работать пошел на радиозавод. Вот там год и протрудился. Стал регулировщиком радиоаппаратуры. И курить, кстати, начал тоже там. За компанию с другими работягами. Ну, а потом – повестка в армию. В отличие от Андрюхи мне не повезло: хотел в танкисты, а попал в автомобильный батальон.

– А как ты там оказался? Там же шофера нужны, с правами? – недоумевал Зубов.

– Нужны, да. Но не только шофера, как оказалось. Сижу я, значит, на дивизионной пересылке, жду, когда придет кто-нибудь за мной, вдруг заходит в нашу казарму майор, начальник пересыльного пункта, в руках у него учетная карточка, и называет он мою фамилию. Ну, я выхожу вместе с ним, он отдает карточку старлею с автомобильными эмблемами и говорит: забирай, мол, его с собой, он по гражданской специальности регулировщик, вот пусть у тебя на кухне и регулирует. Мне потом старлей объяснил, что им из части нужно одного новобранца отправить на учебу в школу поваров, а шоферов с правами переподготавливать на другие специальности категорически запрещено. Вот он и попросил майора дать ему обычного солдата без военной подготовки, каким я и оказался. А через пять месяцев – я уже военный повар, служба в качестве которого меня несколько не прельщала, я все-таки надеялся сюда, в наше училище поступить, к вам. Ну, и написал об этом рапорт. Видели бы вы, что тут началось! Не хотели отпускать ни в какую. Зачем мы, мол, тебя как специалиста готовили. Ну, а я им: я же не просил меня на повара обучать, говорил, что в танковое училище поступать буду. Я действительно тому старлею из штаба об этом говорил, и майору, заместителю командира по тылу, своему прямому начальнику. Не захотели слушать. А я не захотел уступать. Никакого времени на подготовку мне, конечно, не давали. Возле плиты, в основном, готовился, в перерывах между закладками продуктов в котел. Но – поступил! Хотя и говорил здесь Андрей, что экзамены – это формальность, однако что-то все-таки надо было знать, да и соображать тоже. Так что, сдавал я их серьезно, по-настоящему.

– Да в этом никто не сомневается. Ты и когда с нами поступал, серьезно готовился, мы-то об этом знаем, – подчеркнул Алексей.

– А у нас изменения в командном составе, заметили? – Пашка решил разнообразить беседу.

– Да уж обратили внимание, – Задорин загасил свой окурок и выбросил его в мусорную урну. – Витя Чернов теперь вами командует, верно? А куда делся мой «друг» Глущенко? И Мишка Квашнин, смотрю, рядовым ходит...

– Глущенко взводный недавно с должности снял, – пояснил Павел. – Был он начальником караула на учебном поле, и заснули ночью в караулке все, в том числе и он, а тут – проверяющий. Ну, и – результат. Ты знаешь, Андрюха, жаль парня. Он уже совсем не такой стал, каким был вначале. И к пацанам хорошо относился, и в наряд пошел, чтобы никого не подводить. А Мишка – другая статья. Он учиться не захотел и собирался училище бросить. Даже с солдатскими погонами ходил. Но потом генерал провел с ним беседу и убедил его продолжить учебу. Вот такие дела, пацаны.

Они еще немного посидели, поговорили, вспомнили общих друзей, с которыми сдавали экзамены, потом Задорин глянул на часы и поднялся:

– Все, ребята, нам пора. Надо еще к завтрашнему дню подготовиться. Да и вам тоже стоило бы этим заняться. А то завтра на утреннем осмотре старшина взгреет. Он, как я помню, служивый у вас. Ну, пока! Курсант Муромцев, за мной шагом марш!

– Вот, видите, что значит иметь земляка в командирах, – шутливо посетовал Серега, пожимая друзьям на прощанье руки. – Ну, мы ж еще встретимся, я надеюсь?

– Встретимся, встретимся, куда они от нас, – успокоил Муромцева Андрей. – Два года им еще нас терпеть, пока не дадут им по две звезды на каждое плечо и не отправят в войска. Впрочем, может кого-то из вас еще и нами командовать оставят. Вот тогда держитесь!

– Ха, размечтался! – успокоил его Зубов. – Мы в войска пойдем, карьеру строить. Верно, Леха?

– Верно, – подтвердил Алексей. – Дело даже не в карьере, я к этому спокойно отношусь. Просто надо все-таки в настоящих войсках послужить, а потом уже с карьерой определяться.

Теперь, вспоминая этот разговор с друзьями, Васильцов мысленно с удовлетворением отметил: если поставишь себе цель и будешь к ней стремиться, то ее вполне можно достичь, и Андрей с Серегой это доказали. Где-то они сейчас? Тоже, наверно, в лагере, готовятся к присяге, как в свое время и он, Лешка, и Павел, и другие его товарищи, нынешние третьекурсники.

Прошла недели две с небольшим. За это время с курсантами пятой роты был проведен целый ряд занятий по различным предметам, но первоочередное внимание при этом уделялось огневой подготовке, что и было понятно: в скором времени предстояла штатная стрельба. В преддверии этого события в ходе контрольных занятий ребята освежили свои знания по устройству танковой пушки и пулемета со всеми их частями и механизмами, прицельных приспособлений, повторили правила стрельбы и меры безопасности. Наконец, проведя последнее подготовительное мероприятие, преподаватель майор Слесарчук объявил личному составу взвода:

– Все, товарищи курсанты, отныне будем совмещать теорию с практикой. Завтра вам предстоит стрелять из всего штатного вооружения, что установлено на танке. В расписании, если вы обратили внимание, стоит выполнение первого упражнения учебных стрельб, которое на-

зывается «Стрельба с места по появляющимся и движущимся целям». Это упражнение, как и последующее второе, предусматривающее стрельбу с коротких остановок танка, не является основным для современных танкистов и носит скорее ознакомительный характер. Вот во время Великой Отечественной войны, когда на тогдашних танках не было ни стабилизаторов, ни каких-то еще приспособлений, тогда так и стреляли: либо с места, либо с коротких, до 10 секунд, остановок танков. Теперь же на современных танках, в том числе и на том, который вы изучаете, установлены очень надежные стабилизаторы, позволяющие стрелять с ходу. Вот стрельбу с ходу, а это – третье упражнение стрельб, считающееся в боевых войсках основным, мы с вами и будем выполнять в дальнейшем, но немного позже. Сначала завтра постреляете с места, а в следующий приезд в лагерь, примерно через месяц-два, с коротких остановок. И с этими двумя упражнениями – все! Дальше, до самого выпуска стреляем только с ходу, как на танко-стрелковых тренировках в училище, так и непосредственно из танков здесь, в учебном центре. Всем понятно?

– Так точно! – раздалось несколько голосов.

– Хорошо, – заключил майор. – Тогда пара слов непосредственно о завтрашнем дне. Сейчас я трачу время и что-либо спрашивать у вас не буду, в ходе контрольных занятий вы показали, что к выполнению стрельбы готовы. Отдельные же моменты, на что необходимо обратить особое внимание, вспомним завтра непосредственно перед началом. Заместитель командира взвода!

– Я! – последовал ответ сержанта Виктора Чернова.

– Завтра к 8.30 Вы должны привести взвод на участок № 2 штатной директрисы. Обращаю Ваше внимание на то, что полигон у нас общий с танковой дивизией, где во всю идет боевая подготовка и где на других участках проводятся стрельбы, аналогичные нашим. Поэтому опоздание с прибытием взвода повлечет за собой задержку начала стрельбы по всей директрисе, что недопустимо. Исходя из всего, мною сказанного, все организационные вопросы по завтрашнему дню Вы должны решить сегодня. Я имею в виду: рассчитать время на движение к указанному мною месту и, исходя из этого, определиться со временем подъема курсантов и временем завтрака, который заказать заранее. Если Вам все понятно и вопросов нет – до встречи на полигоне! – майор в знак прощания приложил руку к козырьку фуражки и затем, повернувшись, направился прочь.

– Разойдись! Десять минут на перекур! – скомандовал Чернов, и взвод моментально распался на группки ребят. Некурящие Лешка Васильцов, Павел Зубов, Миша Забалуев и еще несколько человек подошли к сержанту.

– Ну, что, молодцы, постреляем завтра на моем родном полигоне? – обратился тот к обступившим его подчиненным.

– Постреляем, куда денемся, – ответил за всех Пашка. – Витя, а что это такое – «директриса» и где она находится?

– Директриса – это часть полигона, – начал объяснять сержант. – Всего их здесь три: для учебных стрельб штатным вооружением, для

учений с боевой стрельбой, ну, и для стрельб из пулемета. Последняя – чисто наша училищная, небольшая, здесь стреляют на сокращенных дистанциях и только из пулемета, а выстрелы из пушки имитируют одиночными из пулемета. Да что я рассказываю, стреляли ведь уже тут.

– Было дело, – согласился Мишка.

– Ну, вот, – продолжал рассказывать Чернов. – В свою очередь, директриса для штатной стрельбы состоит из четырех участков, на каждом из них на вышке находится руководитель стрельбы, подчиняется он старшему руководителю, который обитает на центральной вышке и руководит всей директрисой. На втором участке стреляем завтра мы, а еще на трех – танкисты Соколовской дивизии, в которой я служил, так что, этот полигон мне давно знаком. Вот теперь придется поломать голову, как выполнить утренние мероприятия и сюда не опоздать...

Тем не менее, прибыл взвод на указанное майором Слесарчуком место вовремя, даже имея десятиминутный резерв по времени. Преподаватель в ожидании их прибытия нетерпеливо прохаживался под вышкой. Здесь же находился уже и командир взвода капитан Трунов. Приняв доклад замкомвзвода, Слесарчук сразу приступил к делу:

– Так, товарищи курсанты! Пока есть еще немного времени, уточним отдельные моменты. Курсант... – майор заглянул в список личного состава взвода, – Хачинян!

– Я! – отозвался из строя Юрик.

– Назовите условия выполнения упражнения, в частности – по каким целям будете стрелять!

– Есть! – Хачинян начал перечислять. – Из пушка по цели № 1, которая обозначает танк. Из пулемет – по целям № 2 (пулемет) и № 3 (БТР в движении). Курсант Хачинян ответ закончил!

– Хорошо, – одобрительно заключил преподаватель и снова заглянул в список. – Курсант Симаков!

– Я! – ответил Володя.

– Ответьте, какие боеприпасы выделяются на выполнение упражнения?

– Есть! – Симаков начал перечислять. – Для стрельбы из пушки – 3 снаряда, для поражения пулеметных целей – 35 патронов в ленте. Курсант Симаков ответ закончил!

– Понятно. Курсант Павловский! Доложите, какие оценки выставляются за выполнение этого упражнения!

– Есть! – обстоятельный по натуре Толик начал неспешно отвечать. – На оценку «отлично» надо поразить все цели, при этом цель № 1 – не менее чем двумя снарядами. На оценку «хорошо» – поразить все цели или поразить две цели, но при этом первую цель не менее чем двумя снарядами. Ну, а на «удовлетворительно» – поразить две цели, причем обязательно цель № 1. Курсант Павловский ответ закончил!

– Молодец, ответил полно и правильно, как и предыдущие товарищи, – майор сделал пометки в своем блокноте, закрыл его и усмехнулся. – Разумеется, те из вас, кто еще из пушки не стрелял, а таких, я уверен, большинство, узнают и прочувствуют на себе много

новых ощущений. Но бояться не надо. Работать нужно спокойно и все время держать в голове меры безопасности, на некоторых из них я хотел бы остановиться особо. Первое. Очень аккуратно загружайте в танки артиллерийские выстрелы, то есть, то, чем вы будете стрелять из пушек. Один артвыстрел – это, напоминаю, снаряд плюс заряд пороха к нему. Находятся они в деревянных ящиках на исходных позициях, возле танков. Вам нужно будет эти ящики распаковать и по три комплекта боеприпасов разместить в танках. Время на загрузку не лимитировано, поэтому не спешите. Боже упаси случайно ударить по чему-либо взрывателем снаряда или капсулом – детонатором заряда! Второе. После загрузки артвыстрелов обязательно установить на свои места ограждения пушек. Третье. Когда вы уложите, куда надо, артвыстрелы, нужно вставить в пулеметы снаряженные патронами ленты, покинуть танки и выстроиться в 10 шагах позади них. Перед танками ни в коем случае не ходить! Всем понятно?

– Так точно! – дружным хором ответил взвод.

– Тогда пойдем дальше. Командир взвода! Перестройте взвод так, чтобы я видел готовые к стрельбе экипажи, как мы с Вами накануне говорили!

– Есть! – капитан Трунов достал из полевой сумки список взвода. – Слушайте внимательно! Объявляю о распределении вас, товарищи курсанты, по экипажам, так, как вы будете стрелять. Первый, чью фамилию я называю – командир танка, второй – наводчик орудия. Потом в следующем заезде меняетесь местами. Итак, приступаем.

Распределение шло по списку взвода в порядке отделений, поэтому курсант Васильцов оказался наводчиком у командира танка младшего сержанта Иванова, так, как они и стояли один за другим в книге вечерней поверки. Достаточно быстро закончив формирование экипажей, командир взвода доложил об этом преподавателю, тот приказал перестроить взвод по экипажам и, после выполнения этого распоряжения, командовал:

– Взвод, кру-гом!

Подождя, пока курсанты выполняют команду и повернутся лицом в поле, майор вышел перед строем и посмотрел на часы:

– Так, товарищи курсанты! Времени до начала стрельбы осталось не так много, поэтому с инструктажем будем заканчивать. Танки вы видите, все три стоят перед вами на исходном рубеже, каждый – на своей дорожке, механики-водители – штатные, находятся возле танков. Потом познакомьтесь. Они будут помогать вам в загрузке боеприпасов, так как эта работа выполняется всем экипажем. Ребята они опытные и дело свое знают, не первый раз в составе стреляющих экипажей, можете мне верить. Оружие так же все выверено и пристреляно, сам этим занимался. Поэтому ваша задача – наводить в цель и попадать.

– Сейчас, – продолжил Слесарчук, – командирам первых трех стреляющих экипажей получить у начальника пункта боепитания по снаряженной пулеметной ленте, после чего по команде руководителя стрельбы эти экипажи следуют к танкам и по общему сигналу приступают к загрузке боеприпасов. Считаю необходимым повторить порядок загруз-

ки, дабы освежить его в вашей памяти. Поскольку у наших танков заряжающих нет, в танке укладывает снаряды и заряды командир экипажа, а подает их ему, стоя на танке возле башни, стреляющий, то есть наводчик орудия. В свою очередь наводчику подает артвыстрелы с грунта механик-водитель. Командир также вставляет в пулемет ленту с патронами. После того, как все положенные на заезд боеприпасы будут загружены, экипажи покидают танки и выстраиваются, как я уже говорил, позади машин в ожидании команды «К бою!». Что делать дальше – вы знаете. Обращаю особое внимание на положение ствола пушки, он должен быть направлен только вперед, контролируйте его положение по указателю поворотного механизма башни. И последнее. Если по какой-то причине вы не успели произвести выстрел из пушки, при этом мишень уже упала, а снаряд остался в казеннике вашей пушки, его нужно обязательно выстрелить. Для этого находите какой-нибудь песчаный бугор позади мишеней и разряжаете орудие туда. Не вздумайте, как иногда советуют, выстреливать боеприпас, подняв пушку на максимальный угол возвышения. Она бьет на 15 километров, можете послать снаряд через весь полигон и попасть в находящееся за ним село. Такие случаи здесь бывали. Вопросы есть? Нет? Стреляющим экипажам остаться на месте, получить пулеметные ленты с патронами и следовать к танкам! Остальных, зам. командира взвода, отвести на площадку для корректировки ведения огня и находиться всем там! Все, выполняйте!

– Внимание, экипажи! – командовал капитан Трунов, на рукаве гимнастерки которого выделялась повязка с надписью «Руководитель стрельбы». – К машинам!

Все три стреляющих в этом заезде экипажа трусцой направились к указанным им танкам. Алексей с Василием Ивановым, экипаж № 1, подбежали к крайнему справа, где их уже поджидал механик-водитель, небольшого роста белобрысый паренек, представившийся при знакомстве на украинский манер – Петро.

– Как машина? – поинтересовался, указывая на танк, Васька.

– Зверь! – успокоил его Петро. – Меньше, чем на «пятерку», никто с нее не стреляет.

Больше поговорить им не удалось, ибо прозвучал сигнал горниста, означавший команду на загрузку боеприпасов. Курсанты вскочили на танк, после чего Иванов прыгнул в свой люк, вставил в пулемет ленту с патронами и приготовился принимать более серьезные боеприпасы, а Лешка встал возле открытого командирского люка. Петро вытащил из деревянного ящика первый снаряд, который затем, пройдя сначала через руки Алексея, потом – Василия, оказался на своем месте в лотке кольцевого конвейера танка. Потом тот же путь проделал и заряд, после чего Иванов вручную закрыл и убрал в конвейер лоток с полным комплектом артвыстрела, а взамен поднял и раскрыл новый, пустой лоток. Когда все три положенных для выполнения упражнения боеприпаса оказались там, где они и должны быть, Василий установил на свое место ограждение пушки и, командовав «К машине!», первым спрыгнул на землю. Экипаж выстроился, как положено, позади танка в ожидании команды «К бою!».

– Леша, не забудь, что стреляешь учебными снарядами, иначе говоря, «болванками», но считаются они как кумулятивные, поэтому при зарядании пушки жми на пульте загрузки именно эту кнопку, – напомнил Васька. – И на пульте управления огнем кнопки «пушка» и «пулемет» не перепутай.

– И еще глазами к окуляру прицела при выстреле не прижимайся, а то будешь ходить с черными «фонарями» под глазами, это примета всех новичков, кто первый раз стреляет, – добавил механик-водитель. – Лучше жмись к прицелу налобником шлемофона, при откате пушки он хорошо удар смягчает.

– Ладно, ладно, все понял, – ответил Лешка, которого от напряжения начала бить нервная дрожь.

В это время с центральной вышки раздался новый, продублированный на всех четырех участках сигнал горна «По-пади, по-пади», означающий команду «К бою!», и над вышкой вместо белого поднялся красный флаг. Экипаж опроретью бросился к танку. Лешка, вскочив в свой люк наводчика, одной рукой сразу начал опускать вниз ствол пушки (первое правило наводчика), одновременно второй рукой закрывая на защелку крышку люка. Получилось. «Хорошо, не зря тренировался» – мелькнуло у него в голове. Но больше отвлекаться на посторонние мысли времени не было, ибо в этот момент Петро завел двигатель, и стало возможным провести первую операцию по включению стабилизатора, что Алексей и сделал, щелкнув соответствующим тумблером. Так, теперь надо подождать примерно две минуты, чтобы набрали положенные обороты гиromоторы, основа стабилизатора, действующие по принципу детской юлы: чем сильнее раскрутишь – тем устойчивее стоит. И нужно, пока позволяет время, подключить шлемофон к ТПУ, танковому переговорному устройству, внутренней связи между членами экипажа. Есть, сделано! Лешка подождал еще немного. Кажется, пора! Он быстро выполнил две оставшиеся операции по включению стабилизатора. Все, устройство включено. Он опробовал действие пульта управления огнем, чуть-чуть крутанув его вправо – влево, вверх – вниз: все нормально, слышится наводчика! В это время в наушниках шлемофона послышался голос командира танка Иванова:

– Ну, как у тебя дела, Алексей? Готов?

– Готов. Можешь докладывать, – ответил Лешка.

Очевидно, в это же время по настроенной на внешнюю связь радиостанции о готовности экипажа к ведению огня запросила и вышка, потому что Алексей сквозь шум работающего двигателя услышал, как его командир доложил:

– Вышка, я – Первый, к бою готов, прием!

Затем, после небольшой паузы, связанной, видимо, с приемом руководителем стрельбы докладов от второго и третьего экипажей, последовала новая команда, потому что Иванов передал по ТПУ:

– Петро, вперед на рубеж открытия огня! Понеслишь, хлопцы!

Танк дернулся с места, проехал метров 20 – 25 и остановился аккумулятор между двумя красными тумбами, обозначавшими указанный рубеж. Тотчас же раздался в наушниках Васькин голос:

– Леша, первые цели поднялись. Видишь? Доверни пушку чуть левее!

– Вижу, Вася, спасибо!

– Тогда правая цель твоя. Ставь прицел на ближний рубеж и заряжай! Не забудь, что нажимать надо на кумулятивную кнопку.

Лешка и сам знал, что надо делать, а совет Иванова имел, скорее всего, ободряющее назначение, поэтому он без колебаний нажал соответствующую кнопку на пульте загрузки боеприпасов. Конвейер загудел, моментально нашел необходимый снаряд, и вот уже лоток с требуемым боеприпасом подан на линию заряжания, раскрылся, и вылетевшая из своего «гнезда» массивная железная цепь с таким же массивным резиновым набалдашником с силой загнала снаряд с зарядом в зарядную камору пушки, немедленно запечатанную клином затвора.

– Кумулятивным, готово! – доложил Лешка командиру.

– Огонь! – услышал он в ответ.

Теперь спокойно! Пульт управления – вещь чувствительная, дернешь чуть больше, чем надо, и прицельный угольник уйдет с цели. Поди потом, лови эту цель снова еще раз! Алексей установил прицел на отметку, соответствующую ближнему варианту расположения целей из двух, имевшихся на этом участке, навел угольник в центр цели и нажал на пульт кнопку стрельбы из пушки. Бу-бух! За ограждением что-то сверкнуло, загрохотало, всю башню заволокло едким сизым дымом. Лешка услышал, как опять заработал кольцевой конвейер. Так и есть: раскрытый ранее лоток принял вылетевший из пушки металлический поддон от сгоревшего заряда и убрался с ним на свое место в конвейере. Хорошо! Все в порядке, техника не подвела! Сам же он слегка отклонился от окуляра прицела, избежав благодаря этому удара по глазам, и уперся в его корпус налобником своего шлемофона, наблюдая за результатом выстрела. Ему показалось, что яркая красная точка трассера, вмонтированного в хвостовую часть улетевшего снаряда, прошла через только что обстрелянную им мишень и исчезла за ней.

– Есть попадание! – первым по ТПУ подтвердил его предположение механик-водитель.

– Есть цель! – это уже включился во внутреннюю связь командир танка Иванов. – Давай еще один выстрел таким же манером! Заряжай!

– Есть заряжать! – ответил Лешка. – Только включи вентилятор, дышать нечем.

– Уже включил и вытяжной, и нагнетатель, – в подтверждение Васкиных слов в башне что-то загудело. – Сейчас легче будет. А ты давай стреляй, время уходит. Огонь!

Лешка снова нажал на кнопку выбранного типа выстрела, а когда боеприпас оказался в пушке – проверил точку прицеливания и, убедившись, что прицельная марка смотрит куда надо, опять надавил кнопку электроцепи пушки на пульте управления.

– Есть попадание вторым снарядом! – прозвучавший в наушниках обрадованный голос Иванова, казалось, заполнил все внутреннее пространство в башне. – Ай да Леха! Все, больше пушку не заряжать! Сейчас вторые цели поднимутся.

– Вот, поднялись вторые цели, – буквально через пару секунд Алексей снова услышал Васькин голос. – Видишь?

– Пока нет.

– Поверни пушку чуть вправо! Видишь кусты, целую их группу? Вот перед ними – мишени, твоя правая. Это дальний вариант, 700 метров.

– Вижу!

– Все, молодец, переставляй прицел и давай пристрелочную очередь.

Уверенный голос командира, как будто всю жизнь только и занимался управлением огнем из танка, привел Лешку в чувство и не дал разыгаться возникшей было растерянности от того, что он не сразу увидел цель. Алексей подвел прицельный угольник к центру мишени и нажал на пульте управления кнопку пулемета. Прозвучала короткая очередь. Мишень не падала, продолжая стоять, как ни в чем не бывало. Лешка даже не видел, куда пошла выпущенная им очередь, хотя каждый четвертый в ней патрон был с хорошо заметной трассирующей пулей.

– Спокойно, Леша, перелет, – это командир корректировал его стрельбу. – Возьми чуть ниже, на одно деление ниже и повтори!

– Есть! – Лешка выполнил распоряжение и сам увидел в прицел пылевые фонтанчики перед мишенью и прошитую трассирующей пулей цель. Мишень упала.

– Порядок, молодец! – продолжал руководить огнем Василий. – Смотри, «бегунки» пошли! Справа налево, движение косое, Наводи на последнюю мишень по ходу! Огонь!

Лешка переставил прицел и навел угольник на указанную ему мишень. Так, движение косое, не фланговое, значит – упреждение на ход цели надо брать в половинном размере. И точку прицеливания корректировать. Ладно, где наша не пропадала! Он нажал на кнопку стрельбы, снова услышал татаканье пулемета и увидел, как вырвавшиеся из него трассы идут к цели. Вроде бы даже и попадают. Вот последняя мишень, его мишень, упала, рядом с ней упала еще одна, средняя, а пулемет словно захлебнувшись, умолк.

– Все, курсант Васильцов, ленту расстрелял полностью, – подвел итог стрельбы Иванов. – Все цели поражены. Оценка – пять баллов. Пушку – максимально вверх! Произвести контрольные спуски!

Алексей поднял ствол пушки со спаренным с ним пулеметом на предельный угол возвышения и поочередно нажал на кнопки стрельбы одного и другого вида оружия. Раздалось два сухих щелчка.

– Товарищ командир, контрольные спуски произвел, – сообщил Лешка Иванову.

– Вышка, я – Первый, стрельбу окончил, оружие разряжено! Прием! – доложил командир танка руководителю стрельбы, а затем, получив, видимо, какие-то указания от капитана Трунова, снова переключился на внутреннюю связь. – Петро, давай помалу на исходный рубеж задним ходом! Леша, посмотри, чтобы пушка глядела все время в поле!

Танк дернулся назад. Иванов, развернув свою круговую командирскую башенку, подправлял движение. Впрочем, особой корректуры

здесь не требовалось: Петро был механик опытный, да и знал он полигон, как свои пять пальцев. Наконец, они поравнялись с белыми тумбами исходного рубежа, проехали еще немного, потом Петро уже без помощи командира подал машину вперед так, чтобы подкрылки над гусеницами оказались ровно между тумбами. Тем временем Лешка выключил стабилизатор, выполнив в обратном порядке те же операции, что и при включении, только теперь без пауз, после чего механик-водитель заглушил двигатель. В наступившей тишине все отчетливо услышали сигнал горниста – «Отбой».

– Экипаж, к машине! – скомандовал Иванов, они с Лешкой вдвоем покинули башню и спрыгнули на землю. Василий глянул на вышку: над ней снова развеялся белый флаг, а находившийся на втором ярусе наблюдатель флажками передавал экипажам сигнал «Сбор начальников», подразумевавший общий сбор.

– Что, Петро, ты здесь остаешься? – риторически спросил Васька: ответ был ясен и так. – Ну, а мы с ворошиловским стрелком Алексеем – к начальству. За мной бегом марш, курсант Васильцов!

Они направились к вышке. Несмотря на то, что прошла уже добрая половина сентября, было нестерпимо жарко, из-под шлемофона выбивались струйки пота. Хорошо хоть, что после духоты танковой башни дышалось более-менее легко и свободно, да и на душе становилось радостно от осознания честно и качественно выполненной работы.

Экипажи построились перед вышкой, а на ее верхний ярус вышли руководитель стрельбы капитан Трунов и преподаватель майор Слесарчук. Поглядев на Иванова, Лешка так же, как и его командир, приподнял свой шлемофон, чтобы лучше было слышно, что говорят вокруг.

– Командирам танков доложить о результатах выполнения упражнения! – приказал командир взвода.

– Товарищ капитан! Экипаж № 1 выполнял первое упражнение учебных стрельб из танка, – начал, как положено, командир правофлангового танка. – Наблюдал: цель № 1 поражена двумя снарядами, цели № 2 и № 3 также поражены. Оценка наводчику – «отлично». Замечаний по работе техники не имеется. Израсходованы боеприпасы: к пушке – 2 артиллерийских выстрела, патроны к пулемету – полностью. Командир танка младший сержант Иванов.

– Один артвыстрел остался в боеукладке? – уточнил преподаватель.

– Так точно, в конвейере, – подтвердил Василий.

– Хорошо, молодцы, – похвалил их экипаж майор. – Следующий экипаж?

Командир второго танка Павловский также доложил, что в их экипаже с техникой все было в порядке, а вторую цель наводчик курсант Синев не поразил, так как не успел ее обнаружить, поскольку долго стрелял по цели № 1 и попал в нее все три раза. Что ж, четыре балла – тоже неплохо.

А вот командир третьего танка, отстрелявшего на «отлично», курсант Ветров, доложив о выполнении упражнения, неожиданно добавил:

– Имел место отказ техники. Не сработали кнопки электроспусков на пульте.

– Что, обе кнопки? – не поверил Слесарчук.

– Так точно, обе, – подтвердил Володя.

– А как же вы так отстрелялись успешно, на «отлично»?

– Из пушки – с применением механического спуска, – пояснил стрелявший Миша Белкин. – Нажимал на педаль, когда угольник был на цели. А из пулемета командир стрелял. Я наводил на цель, а он по моей команде на гашетку давил. Мы же – экипаж!

– Ну, что я могу сказать, командир взвода! – майор только развел руками и повернулся к Трунову. – Ребят надо поощрить. Во-первых, не растерялись, Во-вторых, даже в таких, прямо скажем, нестандартных условиях смогли выполнить упражнение на «отлично». А чтобы в следующем заезде такой проблемы не возникло, позволю разобраться в ситуации нашего арттехника. Тихонов! – позвал кого-то Слесарчук, перегнувшись через перила.

От группы беседовавших в тени огромного разлапистого дуба танкистов отделился военный, по виду – сверхсрочник, погоны которого скрывал надетый поверх формы комбинезон.

– Товарищ майор! Старший сержант Тихонов по Вашему приказанию прибыл! – доложил тот, подбежав к вышке с небольшим чемоданчиком.

– Сбегай, Коля, разберись, в чем там дело! – распорядился майор. – Если что-то серьезное, отгони этот танк на резервную площадку, а тот, что сейчас находится на ней, отправь на дорожку!

– Есть! – сверхсрочник побежал к левому танку, заскочил в люк наводчика, что-то там проделал, потом спрыгнул на землю и поговорил о чем-то с механиком-водителем, после чего направился к вышке, а танк, выпуская клубы черного дыма, медленно сдвинулся с места и, развернувшись, направился в обход вышки на резервную площадку. В свою очередь, танк, находившийся на ней ранее, взревев двигателем, занял место для стрельбы на исходном рубеже левой дорожки.

– Там надо хорошо посмотреть, товарищ майор! – доложил подбежавший к вышке запыхавшийся старший сержант. – Электроцепи не срабатывают, а проверить, в чем дело, я смогу только тогда, когда стрельба начнется и в поле людей никого не будет. Мало ли что...

– Все правильно сделал, – одобрил действия техника майор. – Ну, иди, разбирайся! Потом доложишь.

Отправив специалиста к неисправному танку, майор передал слово руководителю стрельбы, который, уточнив ряд деталей, приказал членам экипажей поменяться местами и следовать к своим танкам. Лешка, получив у начальника пункта боепитания сержанта Крючковского ленту с патронами, кинулся догонять ушедшего вперед Иванова, которому теперь предстояло стрелять, а ему, курсанту Васильцову, – руководить его стрельбой. Следовало приложить максимум сил, знаний и умения, чтобы Васька отстрелялся не хуже его, Алексея. Правильно сказал Мишка Белкин: они – экипаж! «Мы с Ивановым – тоже экипаж, – подумал на ходу Лешка. – Вон как Василий помогал мне заез-

дом раньше, сейчас мой черед». В новом заезде они так же выполнили упражнение на «пятерку», и Алексей мог бы поставить этот результат себе в заслугу: все-таки он руководил огнем и пару раз серьезно помог Иванову найти цель, за что тот поблагодарил его по связи, а когда они покинули танк – крепко пожал ему руку. Мог бы, но не стал: стрелял ведь не только младший сержант Иванов, хотя сейчас именно он непосредственно нажимал на кнопки электроцепей, и не только курсант Васильцов заездом раньше. В обоих случаях оценку «отлично» заслужил их экипаж!

Прибыв после команды «Отбой» к вышке и передав свои шлемофоны следующему экипажу, ребята присоединились к остальным курсантам взвода, находившимся позади и сбоку от вышки и под руководством сержанта Чернова занимавшимся наблюдением за полем и корректировкой ведения огня. Впрочем, с прибытием отстрелявших экипажей занятие на этой учебной точке плавно перешло в обмен впечатлениями от стрельбы.

– Ну, как, как? Что видели? Что испытывали? А «фонарей» себе под глаз не наставили? – летели со всех сторон вопросы, на которые прибывшие с трудом успевали отвечать. Находившийся здесь же Чернов только молча, снисходительно улыбался, глядя на эту суету: он-то знал, что испытывают танкисты, впервые стрелявшие из мощной пушки, поскольку оказался единственным со всего взвода огневиком, то есть танкистом стреляющим. В подразделении были, разумеется, еще несколько человек, поступивших в училище из танковых частей, тот же сержант Антон Крючковский, например, но все они были механики-водители и из танкового вооружения не стреляли.

Лешка, так же находясь в эйфории от всего случившегося, несмотря на то, что у него с непривычки кружилась голова, и он после загазованной башни никак не мог надышаться свежим воздухом, вздохнул рассказывая, как ворочал башней в поисках целей, как нажимал на спуски, представляя себе вместо мишеней настоящих врагов. Он чувствовал себя счастливейшим человеком на свете: он – танкист, и не только по своей военной форме с закрепленными на ней эмблемами в виде танков, не только благодаря надетому поверх формы черному танковому комбинезону, а реально, на самом деле!

Между тем, стрельба подошла к концу. Вот уже последние из отстрелявших экипажей их взвода прибыли к вышке и доложили о выполнении упражнения, а танки, свернулись в колонну и, пыхтя дымными выхлопами, направились в парк боевых машин. Над вышкой был окончательно поднят белый флаг, а к ребятам подошли спустившиеся с нее майор Слесарчук и их командир взвода.

– Ну, что, поздравляю вас, товарищи курсанты, с огненным крещением! – обратился к ним преподаватель. – Вот теперь вы – настоящие танкисты! Можно считать, что вы сегодня таковыми и родились. Результаты свои вы знаете. Если говорить коротко и в общем, то – молодцы. Ни одной «двойки» и даже ни одной «тройки» не настреляли. Но все это – только начало, как я вам раньше и говорил. На следующей неделе

вы будете выполнять это же упражнение ночью. И хотя ночная стрельба имеет свою некоторую, скажем так, специфику, но также ничего особо сложного не представляет. Думаю, что и с ней вы справитесь не хуже, чем сегодня. Далее, товарищ командир взвода, по распоряжку дня у вас, по-моему, обед, а после обеда приведете взвод в парк для обслуживания техники, на которой сегодня работали. Все, товарищи курсанты. Если вопросов ко мне нет, приятного аппетита!

Обещанная майором ночная штатная стрельба значилась в расписании через четыре дня. За это время курсанты наряду с занятиями по другим предметам провели дополнительную тренировку по работе с танковым вооружением и даже практически выполнили в ночное время уже на своей директрисе данное упражнение, правда, с имитацией пушечных выстрелов по первой цели одиночными из пулемета на уменьшенной дистанции. Ребята, считавшие себя уже опытными танкистами, увидев эту стрельбу в расписании, сначала недоумевали:

– Зачем нам еще одна пулеметная стрельба? Почему сразу из пушки нельзя? Стреляли ведь уже.

Конец подобным разговорам положил сержант Виктор Чернов:

– Скажите спасибо, что вам дают возможность еще раз потренироваться и закрепить свои скромные навыки. Я вот и то не откажусь лишний раз с прицелом да со стабилизатором пообщаться, поскольку хоть и стрелял уже довольно много, но со старых Т-55, которые на вооружении в нашем полку были, да и сейчас еще остаются. А в них совсем не такие прицелы и прочие системы. Скажу вам честно: когда прошлый раз штатную стреляли, даже я иногда в тупик становился. Слишком уж не похож новый танк на то, с чем я до этого имел дело.

Наконец подошел указанный в расписании день стрельбы, и в назначенное время курсанты выстроились под знакомой уже им вышкой. На верхний ее ярус вышел майор Слесарчук. Приняв доклад командира взвода, он поздоровался с ребятами, после чего спросил:

– Как, гвардейцы, готовы к ночной стрельбе?

– Так точно! – дружным хором ответили «гвардейцы».

– Ну и молодцы! – преподаватель немного прошелся по балкону. – Тогда приступаем. Ничего сложного в предстоящей стрельбе нет. Сам процесс вам знаком. Танки, с которых вы сегодня будете выполнять упражнение, – те же, что и в прошлый раз, как и их механики-водители. Ящики с артвыстрелами так же сложены на исходном рубеже, возле каждого танка. Пулеметные ленты командиры танков получают у начальника пункта боепитания. Видите – все, как в прошлую дневную стрельбу.

– Теперь непосредственно о самом выполнении упражнения, – продолжил майор. – Напомню вам кое-что. Цели, по которым вам предстоит вести огонь, находятся на тех же рубежах, что и в прошлый раз, но теперь они будут подсвечиваться, каждая – индивидуальным прожектором, ибо иначе ночью вы их не увидите. Ночные прицелы и прочие подобные приборы включать не будем, оставим их для последующих стрельб. Всем понятно?

– Так точно! – ответили курсанты, на этот раз не совсем дружно.

– И еще пара моментов, на которые я бы хотел обратить ваше внимание особо. Первое. На башне каждого танка имеется так называемый «габарит», то есть небольшой фонарь. Знаете, да, о таком? Так вот, командир первого стреляющего экипажа должен его включить и больше не трогать. Светящийся габарит – показатель того, что экипаж находится в танке. В дальнейшем выключение его и включение снова обеспечивает механик-водитель, который после того, как все члены экипажа покинут танк, выключает кнопку «масса», а потом, когда они снова займут свои места внутри, опять ее включает. Механики об этом знают. И не вздумайте хитрить: выключить габарит и оставаться в танке. Имейте в виду, что все пространство вокруг вышки, в том числе и исходный рубеж, хорошо освещены, поэтому ваше отсутствие позади танков перед командой «К бою!» будет сразу видно. Дело в данном случае вовсе не в том, что я, скажем, такой зловредный, и мне доставляет удовольствие вас гонять в танк и обратно. Просто ночью ветер, как правило, дует слабее, чем днем, поэтому пыль после обстрела мишеней оседает дольше, а пока она не осядет – ничего не видно, и значит – стрелять нельзя. Надо ожидать команды на возобновление стрельбы более продолжительное время. И если экипаж находится в танке, у него возникает желание вздремнуть: ночью-то организм больше расположен ко сну, чем днем. Так что, имейте то, что я сейчас сказал, в виду и выполняйте строго. И второе. Очень важный момент – оружие должно смотреть только в поле. А поскольку ночью мало что видно – направление ствола пушки контролировать по приборам, в первую очередь – по указателю поворота башни. Командиры экипажей – это под вашу ответственность! Впрочем, вы это все знаете, поэтому по общей команде начнем. Действуйте, товарищ капитан! – обратился преподаватель к командиру взвода.

Список взвода был составлен точно так же, как и на предыдущей, дневной стрельбе, поэтому Иванов с Васильцовым опять были назначены в один экипаж, после получения недолгих указаний от капитана Трунова через несколько минут снова оказались у правого танка и, как старые знакомые, поздоровались с механиком-водителем по имени Петро. Загрузили боеприпасы. Вскоре прозвучал сигнал «К бою!». На крыше вышки вместо белого фонаря загорелся красный, причем, все освещение вокруг быстро погасили: излишняя предосторожность, гарантия от того, чтобы экипаж в темноте не потерял ориентировку и не обстрелял саму вышку. Танк выдвинулся на обозначенный красными же фонарями рубеж открытия огня. Стрельба началась.

На этот раз Лешка волновался гораздо меньше, все операции выполнил, как учили, разве что немного понервничал, когда далеко не сразу разглядел белую светящуюся точку своей мишени. Показал верное направление и уточнил местоположение цели все тот же командир танка Вася Иванов. Тем не менее, Алексей первый выстрел, было видно по траектории трассера, промазал, вторым вроде как попал, а третий сделать просто не успел, поскольку огоньки подсветки этих мишеней погасли, а Иванов сообщил ему о появлении вторых целей. Разозлившись на себя за допущенный промах, Лешка всю свою досаду вы-

ложил на пулеметные цели, быстро и уверенно расправившись с ними. И хотя в этот раз ему светила лишь «четверка», которую он реально и получил, но он все равно был доволен: все же, несмотря на неудачное начало, не растерялся, не сплеховал, сумел выполнить упражнение и, тем самым, подтвердил свой обретенный ранее на дневной стрельбе статус настоящего танкиста.

9.

Несколько дней Алексей находился в приподнятом настроении. Масса новых впечатлений, полученных им на стрельбах, требовала выхода. Необходимо было свои эмоции выплеснуть наружу, поделиться с каким-нибудь близким человеком радостью от свершившегося, ибо он теперь от студента в погонах перешел в совершенно новое качество повелителя танковой брони. Только где его взять, такого близкого? Во взводе, да и в роте у него много хороших друзей, но большинство их сами сейчас испытывают те же чувства, тоже стремятся высказаться о своих впечатлениях хоть перед кем. Написать матери? Долго ждать ответа, да и вряд ли поймет. Как уже убедился Лешка, побывавши не раз дома на каникулах, его военные успехи мать мало интересуют, разве что, возможно из вежливости, пару раз о чем-то переспросит и все. Серега? Мал еще братец, тоже на понимание рассчитывать не стоит, ему все равно: из танка стрелять или из рогатки. Анжелика? Вот тут есть о чем подумать. Вроде бы хорошая девушка, надежная, и разговаривают они порой друг с другом как будто откровенно, но вот поймет ли – тоже вопрос. Все-таки Алексей как-то подспудно чувствовал, что разные они с ней, и он не относится к людям ее круга.

Познакомился он с ней в начале марта месяца аккуратно перед женским праздником, будучи курсантом второго курса, на одной из встреч КВН. До этого после истории с Ларисой на первом году учебы Лешка довольно долго сторонился женского общества. Нет, он не был таким уж букой, мог и поздороваться с девушкой, и пошутить между делом, но любые намеки на продолжение контакта обрывал резко и грубо, иногда даже не считая нужным придумывать для этого какой-либо повод. Перед глазами у него довольно долго стояла Лариса, и вспоминалась нанесенная ею душевная травма. Хотя умом он понимал, что поступила девушка благородно, не стала морочить ему напрасно голову. Да и потом, сколько ей лет тогда было? На четыре года старше его, значит – около двадцати двух, давно замуж пора, вот и не стала отказывать какому-то сделавшему ей предложение лейтенанту. Не такая уж красавица, чтоб до старости ждать принца. Все так. Но легче ему от понимания ситуации не было, и кошки на душе по-прежнему скребли. Пока не повстречал Анжелику.

КВН, Клуб Веселых и Находчивых. Эта игра была очень популярна среди молодежи шестидесятых годов. Передачи КВН постоянно транслировало телевидение, да и помимо него в остроумии и выдумке активнее соревновались друг с другом предприятия, учебные заведения, и,

разумеется, их училище тоже не осталось в стороне. Тем более, имея такой резерв, как великолепный ВИА «Эпицентр», неизменный участник всех вечеров, слава о котором вышла далеко за пределы училища. Вот на одном из таких вечеров–соревнований и пересеклись их пути.

На этот раз в клубе училища встретились команды их курса и одного из факультетов университета. Лешка, не попавший в основной состав участников, тем не менее, получил ответственное задание: капитан их команды Коля Пчельников (кто ж еще мог быть в этом статусе?) попросил его руководить болельщиками. Находясь в первом ряду курсантской половины зала, Алексей дирижировал ребятами, по его сигналу они поднимали многочисленные заранее заготовленные плакаты, скандировали речевки, словом – как могли, поддерживали своих соревнующихся на сцене товарищей. Поднимаясь в очередной раз, чтобы сделать соответствующую отмашку сидевшим позади него курсантам, Лешка невольно обратил внимание на сидевшую через проход на «студенческой» половине группу девушек. Эта небольшая, но довольно шумная компания неистово болела за их противников. Дождавшись небольшого перерыва, связанного с подготовкой к очередному конкурсу, Алексей подсел к девушкам, благо, что рядом с одной из них, симпатичной девахой с длинными белыми распущенными волосами, было свободное место.

– Девушки, вы так шумно болеете, что заглушаете даже моих товарищей, – предъявил он претензию. – Может, вы будете выражать свои чувства не так буйно?

– А что же Ваши товарищи такие слабоголые? – услышал он ответ своей соседки и, видимо в знак солидарности с ней, – дружный мелодичный смех ее подруг.

– Мои товарищи могут рывкнуть так, что кое-кому мало не покажется, – высказался в свою очередь Лешка, обозлившись на прозвучавшую в словах девушки скрытую издевку. – Просто они, как рыцари, не включают все свои децибелы из уважения к гостям, это во-первых, и как знак внимания к лицам женского пола – это во-вторых. Ну, а выводы делайте сами.

Алексей вернулся на свое место и продолжил прерванную работу, не обращая больше на эту девчачью команду никакого внимания. Затем мероприятие закончилось, зал постепенно опустел. Лешка организовал сбор использованных его командой плакатов и других предметов поддержки и в числе последних покинул помещение. Выйдя из клуба, он неожиданно увидел в свете начавших зажигаться фонарей давешнюю блондинку, не сей раз – одну. Она стояла, одетая в легкое осеннее пальто, и явно кого-то ожидала, а когда он вышел из дверей, кинулась к нему:

– Ой, извините, пожалуйста, можно мне Вас кое о чем попросить?

– Просите, чего уж там, – несколько раздраженно ответил он, явно не понимая, что ей от него нужно.

– Вы понимаете, мои подружки куда-то подевались, а мне одной идти страшно, поздно ведь уже. Не могли бы Вы меня проводить, ну, хотя бы до трамвая? – девушка умоляюще заглянула ему в глаза.

Алексей посмотрел на часы. До вечерней проверки оставалось еще достаточно времени, но уже быстро темнело, и он решился:

– Ладно, до трамвая провожу, а дальше без увольнительной нельзя. Дисциплина! – и, соблюдая все меры предосторожности, повел ее к «КПП № 2», ибо без разрешающего документа выйти за ворота легально возможности у него не было.

– Как Вас зовут-то? – спросил он, не зная, как ему вести себя дальше с этой совершенно незнакомой ему девушкой.

– Анжелика, – ответила та.

– Ну и имя у Вас! – вырвалось у Лешки.

– Родители так назвали. Мама, правда, зовет меня короче – Анжела. А мне нравится, когда ко мне обращаются еще короче – Лика, так меня все мои друзья зовут.

– А я – Алексей. Давайте руку, а то еще потеряетесь, и – вперед!

– Куда Вы меня ведете? Там же темно! – в ее голосе прозвучал ужас, когда Лешка подвел ее к дыре в заборе.

– Я пообещал довести Вас до трамвая, вот и доведу. Просто выйти законным способом за территорию училища мне нельзя. Да не трясись ты так! – неожиданно перешел он на «ты». – Я больше тебя рискую, если нас тут патруль прихватит или Паша.

– Я не трясусь, мне просто холодно, – захныкала она. И то верно. Одета она была довольно легко, и если днем было относительно тепло, то к вечеру заметно похолодало. Неожиданно девушка спросила, проявив вполне естественное женское любопытство. – А кто этот Паша?

– Комендант, – огрызнулся Лешка, и по его тону она поняла, что сейчас ему лучше пока лишних вопросов не задавать.

Он огляделся по сторонам: вроде все спокойно, да и стемнело уже прилично, раздвинул доски забора, быстро пролез в образовавшуюся дыру и протянул навстречу девушке обе руки:

– Ну, давай, смелее!

– Я... я не могу, мне страшно, – дрожащим голосом отозвалась Анжелика.

Волна ярости захлестнула Алексея: он тут жутко рискует, того и гляди – попадется, а она еще выпендривается! Недолго думая, он обхватил ее обеими руками под мышки, на долю секунды почувствовал сквозь тонкую ткань пальто упругую мягкость маленьких девичьих грудей. На мгновение его кинуло в жар, но только на мгновение, ибо в следующую секунду он резким рывком выдернул девушку на внешнюю сторону забора.

– Ой! – только и успела вскрикнуть Анжелика, так как тут же услышала грозный шепот своего сопровождающего. – Тихо!!! Ни звука больше!

Лешка прислушался. Внутри огороженной территории, в училище, все вроде бы спокойно. Хорошо хоть это. Он быстро вернул доски на место. Так. Теперь надо как можно быстрее преодолеть «Парк живых и мертвых», особенно его центральную, освещенную часть, так как там запросто можно нарваться на гарнизонный патруль, который имеет нехорошую привычку захаживать туда, особенно в выходные дни, а сегодня

ня как раз суббота. И если при встрече с патрулем училищным еще как-то можно отбрехаться, если, конечно, это не будет лично Паша, то с гарнизонным шутки плохи. За самоволку можно запросто загудеть в комендатуру, а уж там оформят суток пять ареста за милую душу.

– Ну, давай руку! – скомандовал девушке Алексей. – Сваливаем отсюда. Быстро!

Она покорно протянула ему руку в тонкой шерстяной перчатке, и он буквально потащил ее по парку, стараясь выбирать наименее освещенные аллеи.

Они благополучно преодолели центр парка и, оказавшись на темной боковой аллее, Лешка, наконец, остановился. Рядом замерла и Анжелика. Она тяжело дышала, но молчала и руку его не отпускала.

– Все, кажется, нормально проскочили, – подвел предварительные итоги Алексей. – Сейчас немного передохнем и пойдем к трамваю. Теперь уже не так быстро.

– А ты... мне... ничего плохого не сделаешь? – испуганным, дрожащим голосом спросила девушка и сильно напрягла свою руку.

– Да ты что? – Лешка опешил от такого ее предположения. Он-то сразу понял, что она имела в виду, но каким-либо образом обидеть это замерзшее, дрожащее от страха существо – об этом у него не возникало даже мысли. – Как ты вообще могла об этом подумать? Я тут рисковую всем на свете, чтобы тебе помочь, а ты вот так...

– Ну, не обижайся, пожалуйста, я и сама уже вижу, что глупость сморозила. Извини, – тихо произнесла Анжелика.

– Ладно, проехали. Пошли, нам уже недолго осталось.

Дальше, до трамвайной остановки, они шли молча. Девушка украдкой поглядывала на курсанта, но тот не обращал на нее никакого внимания.

Вот и остановка. Трамвая пока не было. Алексей огляделся. Все спокойно. Повезло. Но под фонарем лучше не маячить. Он отошел немного в сторону, куда не так сильно падал свет. Еще помолчали. Неожиданно девушка полезла в свою сумочку, достала оттуда небольшой блокнотик, вырвала из него листик и, что-то написав на нем, протянула Лешке:

– На, возьми, это мой домашний телефон. На всякий случай.

Алексей взял листок и вспомнил, что у него в нагрудном кармане тоже есть записная книжка. Он тоже вырвал оттуда чистую страничку и написал на ней: «город Холмоград, ХВТКУ – «И», Васильцов Алексей», потом, подумав, добавил в скобках: «2-й курс, 5-я рота» и протянул Анжелике:

– Поскольку у меня нет ни дома, ни, соответственно, домашнего телефона, найти меня можно только с помощью почты. Здесь мой адрес, по которому возможно прислать мне письмо. Только то, что в скобках, на конверте писать не надо, это для того, чтобы меня найти в училище, скажем, для личного общения. Возьми. Тоже – на всякий случай.

Девушка рассмеялась и положила записку в сумочку. Кажется, она уже успокоилась. Тем временем к остановке подошел трамвай. Но преж-

де, чем войти в него, Анжелика неожиданно повернулась к Лешке и, быстро чмокнув его в щеку, заскочила в вагонные двери, тут же за ней закрывшиеся. Растерявшийся Алексей только и увидел ее силуэт, мелькнувший в глубине вагона.

Он постоял некоторое время, потер щеку. Ну и девка! Ладно. Надо еще обратно добираться, а то время уже понемногу поджигает. Назад он возвращался бегом, при этом, решил не лезть в дырку, а попросту перемахнуть через забор: меньше шансов на нежелательную встречу. К построению роты он успел вовремя. Полученную же записку Алексей машинально сунул в обложку военного билета. Разумеется, звонить по указанному в ней номеру он не собирался, да и вообще решил с этой «куклой», как он окрестил девушку, больше дел не иметь.

С того памятного вечера прошел месяц с небольшим. Текучка дел захлестнула Васильцова. Семинары, зачеты, итоговые экзамены по гражданским наукам, наряды – все это не оставляло времени на то, чтобы думать о чем-то постороннем. Алексей уже почти забыл о своей неожиданной знакомой, как вдруг однажды, придя с обеда, увидел на тумбочке адресованное ему письмо. На конверте незнакомым очень красивым, явно женским почерком были четко указаны его фамилия и имя, а вместо обратного адреса стояло: г. Холмоград, до востребования. Лешка нетерпеливо вскрыл письмо. В конверт была вложена небольшая записка следующего содержания: «Здравствуйте, Алексей! Что же Вы не связываетесь со мной? Мне бы хотелось с Вами пообщаться, так как Вы мне показались интересным человеком. Предлагаю встретиться в ближайшую субботу в 14 часов возле Вечного огня на Центральной площади. Если время или место Вам не подходит, то, пожалуйста, позвоните. Лика. Мой телефон...», – и дальше шли цифры номера, уже знакомые Алексею, написанные на бумажке, которую он, сам не зная почему, хранил в военном билете. Ну, что ж, на встречу надо идти, отказаться было бы невежливо.

Вопрос только: когда идти? Ясно, что указанные девушкой дата встречи и время ему не подходят: раньше 16.00 никто его в субботу в город не отпустит. Лучше всего перенести встречу на воскресенье: время подходит, место он знает, присягу там принимал, в наряды на выходные он тоже не заступает ни по училищу, ни по роте, так что вроде препятствий для randevу нет. «Хм, отправлено письмо, судя по штемпелю, во вторник, сегодня среда. Быстро, однако, дошло, – размышлял Алексей. – Ладно, надо пойти позвонить ей, предложить перенести встречу на воскресенье».

Неподалеку от их казармы как раз находилась будка с телефоном-автоматом, с которого курсанты при помощи монеты в 2 копейки звонили в город. Впрочем, многие обходились вообще без монет, тем не менее, связь с городом работала и в этом случае. Лешка набрал искомый номер. На другом конце провода сразу сняли трубку:

– Алло! – он узнал голос девушки.

– Здравствуйте, Анжелика! Это – Алексей Васильцов, курсант танкового училища. Я получил Ваше письмо..., – договорить он не успел, так как девушка его перебила:

– А, Наташа, привет! Что случилось, почему ты звонишь?

– Это я, Алексей! – повторил в трубку немного растерявшийся парень: уж спутать его голос с какой-то Наташей было никак не возможно.

– Да-да, я поняла, Натали! Что ты мне хочешь сообщить нового?

– Я хочу сообщить, что предложенное Вами время встречи меня не устраивает, меня просто так рано не отпустят. Предлагаю встретиться на том же месте так же в 14.00, но только в воскресенье, – проговорил в трубку Алексей: ладно, Наташа так Наташа, при встрече он спросит у Анжелики, что это за фокусы.

– Хорошо, я согласна. Ну, пока, подружка! Извини, очень занята, долго говорить не могу, – в трубке раздались короткие гудки. Лешка вышел из будки, почесал затылок: «Что-то много тайн накручивается. Ну, ничего, разберемся, – решил он. – Лишь бы Чернов в увольнении не отказал».

К месту свидания Алексей прибыл минут на десять раньше и теперь, отойдя в сторонку, из-за высокого разлапистого каштана наблюдал за площадкой возле памятника. Назначившей ему randevu девушки еще не было, пока там прохаживались другие представители молодежи обоих полов: это было излюбленное место для свиданий в городе. Постояв за своим укрытием какое-то время, он взглянул на часы – прошло уже полчаса. «Непорядок», – подумал Лешка и тут увидел Анжелику. Девушка быстро подошла, почти подбежала к Вечному огню и теперь озиралась по сторонам, очевидно – искала его. Алексей узнал ее сразу, хотя одета она была не так, как при их прошлой встрече: поверх модной розовой водолазки под горло и длинной черной облегающей юбки чуть ниже колен был надет нараспашку легкий красный плащ «болонья», а на ногах – туфли-лодочки на высоченных каблуках. И прическа была другая: прежде распущенные длинные белые с легкой желтизной волосы на этот раз она собрала на затылке в хвост, отчего ее немного удлиненное лицо показалось Лешке еще более похудевшим. «Ничего себе, – подумал он. – И так длинная, а еще на «шпильки» встала, точно будет выше меня. Ладно, пора объявляться». Он вышел из-за дерева и сзади подошел к девушке:

– Здравствуйте, Анжелика! «Наташа» прибыла точно в назначенное Вами время.

Девушка мигом обернулась, и на лице ее заиграла милая, приятная улыбка:

– Здравствуйте, Алеша! Не обижайтесь за «Наташу». Просто, когда я с Вами разговаривала, рядом находилась мама, а она за мной следит, как заправский сыщик. Вообще-то я Вам дам номер телефона настоящей Наташи, это моя близкая подруга. Лучше будет поддерживать связь через нее, а на мой домашний телефон звонить так, в пожарном порядке, в случае крайней необходимости.

– А Вы уверены, Анжелика, что нам есть смысл поддерживать связь?

– Я считаю, что есть. Очень хочется, чтобы у меня был надежный друг, особенно среди военных. До сих пор такого у меня не было, и вот сейчас мне кажется, что Вы – именно такой: надежный, верный, и на

Вас вполне можно положиться. И вообще, давайте перейдем на «ты», в прошлый раз, – она снова улыбнулась, – у Вас это неплохо выходило.

– Ну, можно, я согласен, – Лешка покраснел, вспомнив, как он ее провожал до трамвая, и какие выражения употреблял в ее адрес, как про себя, так и вслух.

– И еще одна просьба, Алеша. Называй меня, пожалуйста, как и все мои друзья, просто «Лика». Мне так больше нравится.

– Хорошо. А чем тебе «Анжелика» не угодила? Красивое имя. Вот и фильм сейчас идет в кинотеатре: «Анжелика – маркиза ангелов»...

– А мне не нравится! Не нравится – и все! – она даже ногой притопнула.

– Ладно, Лика – так Лика. Я располагаю временем до 21.00. Какова наша программа, что желает барышня?

– Барышня желает прогуляться в компании надежного кавалера. Не будет возражать и против культпохода в кино.

Она взяла его под руку, и он сразу сообразил, что ей надо перейти на другую, левую от него сторону, чтобы освободить его правую руку для отдания воинской чести. О чем и сказал Лике.

– Ну, вот и первая особенность дружбы с военными, – пробормотала она, но сторону поменяла.

Они не спеша пошли по аллее прилегающего к площади парка, тихо разговаривая друг с другом. Говорила, правда, в основном Анжелика, рассказывая об учебе в университете, о своих пристрастиях в литературе, музыке, причем в последнем случае особо выделяла песни Высоцкого, от которых была в безудержном восторге. Алексей тоже слышал многие из них, бобину с их записью как-то принес в казарму Петя Ярмоленко, хозяин магнитофона, на котором и прокручивали эти пленки. По правде сказать, Лешка не совсем их понимал, слишком смелыми они ему казались, местами даже – антисоветскими. Истинный их смысл он понял много лет спустя. Сейчас же, наученный печальным опытом общения на первом курсе с Ларисой, особо о себе не распространялся. Он слушал девушку, в чем-то соглашался с ней, в чем-то возражал, а сам все старался получить ее рассмотреть, поскольку при их первой встрече было не до того. Анжелика ему все больше нравилась: умная, веселая, за словом в карман не лезет, к тому же откровенно рассказывает ему о том, что ее заботит. И красивая. Лицо хоть и худощавое, но ухоженное, легкий слой косметики делал его весьма привлекательным. Умело подведенные брови, слегка подкрашенные ресницы, яркая губная помада дополняли картину. Одета тоже со вкусом, он это сразу оценил, как только увидел ее сегодня. Алексей почувствовал, что начинает в нее влюбляться. «Этого еще не хватало!» – промелькнуло у него в голове.

Анжелика (Лешка решил, что будет называть ее так, а Ликой, как ей хочется, – только при непосредственном общении с ней) тем временем оживленно делилась с ним впечатлениями об активной студенческой жизни, о своих друзьях и подругах, о том, какие они умные и как успешно учатся.

– Умники-то твои встречу в КВН все равно нам проиграли, – ненароком поддел девушку Алексей, которому надоело ее восхищение своими однокурсниками.

– Так это не мои умники, – рассмеялась Анжелика. – Вы соревновались со студентами филологического факультета, а я учусь на инязе. Второй курс!

Опять иняз! Лешка мгновенно вспомнил свой визит к землячке Ирке, троих оболтусов с этого факультета, без зазрения совести просаживавших в преферанс не заработанные своим трудом деньги. Вспомнил и Ларису, которую все прошедшее время старался вычеркнуть из памяти, но никак не мог. Все эти воспоминания сразу же отразились на его настроении, и Анжелика тут же почувствовала это.

– А что это мы вдруг стали такие серьезные? – девушка заглянула ему в глаза и, кажется, пронзила этим взглядом его всего насквозь. Алексей поспешил взять себя в руки:

– Да так, ничего. А как ты вообще оказалась у нас на КВН, да еще не со своими студентами?

– Девчонки уговорили, подруги. Их четверо было, и две из них – филологи. Кстати, рядом со мной сидела рыженькая такая, так это та самая Наташка, с которой я тебя познакомлю, и ей можешь все для меня передавать. Ну, вот они и говорят: давай, мол, да давай пойдем к курсантам, поддержим наших. Я долго отказывалась, считала вас неумными солдафонами, да еще маломерками, танкисты ведь маленькие должны быть.

– Ничего себе маломерки! – Алексей возмутился: была задета честь родного училища. – Ты нашего Славу Кривцова не видела, или Ваську Иванова, да и вообще у нас в роте и в целом на курсе высоких парней хватает! А видела бы ты наш прошлогодний набор! Вот где амбалы! Сейчас, чтоб ты знала, танкисту совсем не обязательно быть маленьким, техника позволяет воевать в танке при любом росте.

– Согласна, согласна, успокойся! – девушка снова взяла его под руку, на сей раз под левую, как надо (видно, что усвоила урок), после чего смерила его взглядом. – Уже вижу, что ошибалась тогда. И что неумные – тоже ошибалась, сразу винюся, тем более, что вы нас победили.

– То-то же! В таком случае, прощаю, – довольным тоном сообщил Алексей. – А что ж твои подруги: сами убежали, а тебя в итоге бросили?

– Не знаю. Наверно, надеялись, что найдется в училище такой вот рыцарь, который не бросит в опасности бедную незащитную девушку, – и она доверчиво прижалась к нему, от чего его снова бросило в жар, совсем почти как тогда, у «КПП №2».

– Да ладно, чего уж там, «рыцарь», – смутился Лешка. – Знала бы ты, сколько мне нервов это стоило...

– А знаешь, чего мне это приключение стоило? Мне мама таких чертей ввалила, когда я объявилась дома, что мало не показалось. До сих пор каждый мой шаг контролирует: где я да с кем.

– А у тебя что, нет права на личную жизнь? Ты же самостоятельный человек, в целом университете учишься, да еще, как говоришь, уже на втором курсе.

– Право-то есть, – вздохнула Анжелика, – но мама все равно считает, что она лучше знает, с кем мне дружить, куда ходить, когда домой возвращаться. И еще, – девушка как-то замялась, видно было, что говорить об этом ей неприятно, – мама военных не любит.

– Странно, конечно, что не любит, но ты смотри, как она тебя держит! – не удержался от удивления Лешка. – Прямо домострой какой-то!

– Домострой, – грустно согласилась с ним Анжелика. – А мама – глава семьи, главный домостроевец.

– А что, отца у тебя нет, что ли?

– Есть, но глава семьи – все равно мама. Папа у меня, как мама говорит, немного не от мира сего. Он профессор, биолог, и его ничего на свете, кроме микробов с бациллами, не интересует. Я, вообще-то, мало знаю о том, чем он точно занимается. Как-то пыталась расспросить, интересно же, а он только ответил, что все, чем он занимается – это государственная тайна, я и отстала.

– А мать – тоже профессор? – допытывался Алексей.

– Нет, – засмеялась девушка. – Два профессора в одной семье – это много. У мамы тоже высшее образование, но она работает в горкоме партии, заведует отделом. Наверно потому и характер у нее такой властный. Привыкла руководить. И дома, поэтому, вся власть у нее, тем более, что папа сам на такую ситуацию согласился.

– А моя мама – учительница в школе. У нее тоже достаточно жесткий характер, но так уж сильно она меня не притесняла, больше доверяла. Да я на нее и не в обиде, если даже что-то в ее требовательности мне не нравилось, иначе как бы она одна с нами, двумя сорванцами, справилась, со мной и с братом? Отец-то мой давно уже умер, а был офицер, фронтовик, две войны прошел, причем – на передовой, – с гордостью произнес Алексей. – А после Победы еще служил и на Дальнем Востоке, и на западе. Я в память о нем и решил стать офицером. И стану!

– А у меня перспектива после универа – идти в школу языки преподавать, – уныло посетовала на судьбу Анжелика. – Но я не хочу прозябать таким образом, да еще за копейки. В крайнем случае, пойду переводчиком куда-нибудь в Интурист, мама поможет. А вообще – за границу бы уехать...

– Ну, здесь я тебе не помощник. Хотя наши войска за границей тоже есть, но чтобы там служить – я об этом и не мечтаю. Куда пошлют – туда и поеду, Родину защищать везде надо, – подчеркнул Алексей и надолго замолчал.

На душе у него заскребли кошки. «Это значит, моя мама, которая пользуется в школе всеобщим уважением и любовью, прозябает за копейки? – думал он. – А что ты, красавица, вообще видела на свете, кроме шикарной, наверняка, квартиры в престижном доме, обеспеченной тебе руководящими родителями, и намеченного ими же твоего жизненного пути? Что ты вообще понимаешь в жизни, чтобы высказывать такие суждения?»

Эти его мысли не находили ответа. Анжелика тоже молчала, и они

продолжили медленно идти по улице друг возле друга и думать каждый о своем. Внезапно девушка встала, как вкопанная:

– Ой, а вот и наш дом! Я здесь живу.

Через улицу, напротив того места на тротуаре, где они остановились, Васильцов увидел в глубине территории за ажурным чугунным забором огромный жилой дом подъездов на шесть или восемь, на сколько точно – разглядеть было трудно, мешали густые кроны растущих прямо за забором деревьев. Издали дом казался очень высоким, хотя насчитал Лешка всего четыре этажа. С улицы к дому вела широкая асфальтированная дорога, перекрываемая на уровне забора такими же ажурными, как и забор, воротами, то и дело открывавшимися и впускавшими или выпускавшими легковые автомобили, в основном «Волги» черного цвета. Рядом с воротами возле такой же чугунной калитки неторопливо прохаживался милиционер, а за его спиной виднелся край постовой будки.

– А что здесь у вас милиция делает? – удивился Алексей.

– Как что? – удивилась его спутница. – Нас охраняет. В этом доме все руководство города и области живет. И мама как заводделом горкома тоже получила здесь квартиру. Небольшую, правда, всего 65 квадратных, но все-таки три комнаты!

– И сколько же вас там обитает? – Лешке квартира небольшой не показалась, во всяком случае в сравнении с их тригорской, где они жили втроем в 28-метровой хрущевке – двушке.

– Мама с папой и я. Ну, еще Ирина Генриховна часто приходит и, бывает, ночевать остается. Это наша домработница и, по совместительству, гувернантка. Она немка, обрусевшая, правда. Старенькая уже. Она, в основном, меня к инязу и готовила по языкам. Знает хорошо французский и английский, а немецкий для нее вообще родной. Ну, ладно. Мне пора. Жаль, в кино не сходили. Давай в следующий раз, хорошо?

– Давай. Только «следующий раз» будет нескоро. Следующее воскресенье я буду в наряде службу нести, а потом в лагерь едем. В общем, только примерно через месяц, наверно, смогу вырваться в увольнение.

– Ничего страшного, я все равно буду ждать. Вот, возьми, – она написала в уже знакомом Алексею блокнотике несколько цифр, затем вырвала листок и протянула его своему сопровождающему. – Это телефон Наташки, о ней я тебе уже говорила. Позвони ей, когда сможешь, а она передаст мне. Ну, все! Пока!

Девушка махнула ему на прощанье ручкой и, пройдя мимо отходящего ей постового, исчезла за калиткой.

Алексей огляделся по сторонам. «Не хило живут, – подумал он, – центр города, охрана, домработница, гувернантка...». Не тогда ли у него впервые в голове мелькнула мысль: а не расстаться ли с девицей прямо сейчас и никогда никому не звонить, ни ей, ни ее подругам? Както вдруг неуютно почувствовал он себя рядом с ней. Хотя девушка вроде бы хорошая. «Ладно, – решил он, – погуляем еще, отставку дать ей всегда успею».

И они продолжили встречаться, тем более, что Анжелика и не думала прекращать с ним общение и всегда с нетерпением ожидала новых

встреч. Они вместе ходили в кино, в театры, любили посещать встречи КВН, да и танцевальные вечера в училище с участием любимого «Эпицентра» ей нравились. Но... Все-таки ему казалось, что рано или поздно, но придется с ней расстаться. Вряд ли в их отношениях есть хоть какое-то будущее, думал Алексей, вспоминая и анализируя их несчастные свидания. Впрочем, проживем – увидим. А рассказать ей о своих впечатлениях от боевой стрельбы и от предстоящего вождения танков все же, наверно, стоит. «Вот тут и посмотрим, так ли интересна ей военная тема», – решил, наконец, он.

Прошло несколько дней, и теперь курсанты готовились к первому в своей жизни практическому вождению танков. Первому, ибо даже те из них, кто ранее служил в армии механиками-водителями, водили более старые боевые машины, к примеру, Т-55, Т-62 и им подобные, процесс вождения которых существенно отличался от управления изучаемыми ими новыми машинами. К тому же все они серьезно побаивались преподавателя этой дисциплины подполковника Шорохова.

В отличие от стройного, подтянутого, сравнительно молодого, совсем недавно получившего майорское звание Слесарчука, офицера спокойного, выдержанного, культурного, крайне редко даже повышавшего голос на подчиненных, преподаватель вождения являл собой картинку, прямо противоположную. Фронтовик, пожилой уже, здоровенный мужичина ростом под метр девяносто и широкими плечами, Шорохов слыл в училище отчаянным матерщинником. Алексей и сам пару раз, когда нес службу дневальным по парку боевых машин, слышал, как подполковник крыл матом кого-то за какие-то упущения. Тем не менее, старшие курсанты рассказывали своим более молодым товарищам, что подполковник-то, в сущности, – добряк, а его грозный вид и привычки объясняли его боевым прошлым, четырьмя годами, проведенными им на передовой, зачастую в самом пекле. Как анекдот, пересказывали историю, случившуюся на занятии по подводному вождению танков. Тогда, руководя действиями курсантов, переправлявших свои машины по дну специально оборудованного водоема, а по уставу при подобной переправе ее руководитель поддерживает связь непосредственно с ведущим танк механиком-водителем, Шорохов несколько раз корректировал действия одного из них: «Первый, правее! Первый, правее!». Однако находившийся за рычагами управления курсант, не совсем верно сориентировавшийся свой танк еще на берегу, перед входом в воду, продолжал смещаться в сторону, постепенно сходя с обозначенного ограничителями брода. В сердцах подполковник громовым голосом рявкнул прямо по радиостанции: «Первый, правее, е... твою мать!». Услышав подобное послание, обучаемый, видимо, совсем растерялся и заглушил двигатель. Преподаватель увидел переставшие выделяться на поверхности воды буруны и резюмировал все по той же внешней связи: «Ну, и х... с тобой, так там и сиди, не буду тебя вытаскивать!», после чего тут же организовал эвакуацию застрявшего танка по всем правилам военной науки.

И вот сейчас, перед началом первого практического занятия по вождению, грозный подполковник, приняв доклад сержанта Чернова о го-

товности взвода к занятию, стоял перед строем курсантов и придирчиво оглядывал их из-под густых косматых бровей.

– О – о, вижу знакомые лица, – пробасил Шорохов и вдруг широко улыбнулся. – Кто со мной на вододроме раков варил?

Впрочем, ответа он дожидаться не стал, а Лешка сразу вспомнил, как они, отделение курсантов под командованием младшего сержанта Василия Иванова, недели три назад работали на названном подполковником объекте, представлявшем собой искусственное озеро, образованное на месте протекавшей по территории учебного центра небольшой речушки. Речку эту перекрыли плотиной с подвижным затвором, позволяющим регулировать уровень воды в озере и поддерживать глубину его примерно 3 – 3,5 метра, как указано в требованиях по оборудованию мест для обучения подводному вождению танков. Поскольку подобные занятия планировались и проводились летом, то сейчас, в преддверии зимы, воду из озера выпустили, обнажив дно с проходящей через него бетонной дорожкой длиной около 100 метров и шириной метров 10 – 15. Присланным сюда курсантам была поставлена задача обслужить подвижные части затвора и законсервировать его до весны, ну, и подправить бетонку в местах, где имелись какие-либо повреждения.

Прибыв к объекту, ребята огляделись. Преподавателя на месте еще не было, как и инструментов, которыми, как им было сказано, их обеспечить на месте.

– Ну, что ж, подождем. Располагайтесь, пацаны! – дал команду Иванов, и все расселись на берегу бывшего озера. Просто сидеть и ждать было скучно, и Белкин обратился к сержанту:

– Вася, можно походить, получше осмотреться на местности?

– Валяй, только недалеко, – разрешил Иванов, и Мишка, прихватив за компанию Ветрова, отправился вдоль речного русла.

Немного погодя, появился и подполковник Шорохов:

– Что сидим? Почему не работаем?

– Вас ожидаем, товарищ подполковник, – доложил командир отделения. – Да и инструмента нет, сказали, что здесь, у Вас получим.

– А чего ж в лагере вам не выдали? – проворчал Шорохов. – Вот деятели, лишь бы быстрее людей вытолкнуть, а обеспечивает инструментом пусть товарищ подполковник. А где он его возьмет – никого не интересует. Ладно, пошли, выдам, только смотрите не поломайте.

Он открыл дверь небольшой технической будки, где хранились лопаты и другие инструменты, выдал курсантам все необходимое, закрыл будку и тут заметил подходивших сюда же Белкина с Ветровым, которые что-то несли в подолах гимнастерок.

– А это что за воины? – грозным голосом спросил подполковник и повернулся к Иванову. – Ваши люди, товарищ младший сержант?

– Так точно! – ответил Василий. – Пока отдыхали, отправил их на осмотр местности. Но сейчас они тоже будут работать вместе со всеми.

– Понятно, что будут, – пообещал офицер. – А что это вы, друзья, принесли?

– Раки, товарищ подполковник, – покраснев, тихо ответил Белкин. – Голыми руками поймали. Что значит – вода чистая.

– Ну, и что вы с ними будете делать? – задал Шорохов новый вопрос.

– Не знаю, – еще тише сообщил Мишка, а стоявший рядом с ним Ветров молча опустил голову, ожидая грозы.

– Эх вы, молодежь! «Не знаю», – усмехнувшись, передразнил Белкина офицер. – Если уж наловили раков, значит, надо их, как минимум, отварить. Сырыми, я надеюсь, вы их есть не думаете? Ладно, сержант, пошли, покажу фронт работы, а потом мы с этим юношей, – он казал на Белкина, – займемся вашей добычей.

И когда ребята, ударно поработав и выполнив все, что им было поручено, снова собрались у будки, то увидели горевший на земле костер и над ним – котелок с кипящей водой, из которой выглядывали длинные усы пойманных раков.

– Подходите, ребята, мы тут с товарищем подполковником вам доп-паек сообразили, – тоном заправского официанта пригласил их Михаил.

Ели деликатес тут же, не отходя от костра. Обгрызая под негромкий разговор нежное мясо, курсанты, в основном, слушали преподавателя, а тот рассказывал им всякие истории из своей жизни, обильно используя при этом выражения, не совсем цензурные:

– ...Ну, вот так я и прошел почти всю войну в разведке, и все на передке, отлучался в тыл только два раза, когда по ранению попадал то в медсанбат, то в госпиталь. Подлечат – и назад, к немцам в гости ходить, е... их мать. Потом война закончилась, повезло, уцелел, ну, и думаю – что дальше-то делать? А мне всего чуть за 20 лет, сержант, в полку на хорошем счету, опять же, наградами не обойден: разведчиков старались не обижать. В общем, предлагают мне идти в военное училище, стране, мол, нужны офицеры, повыбило их много в боях, с кем новую армию строить? Я подумал, подумал и согласился. А что делать? Деревню мою фрицы сожгли, родителей и вообще всю семью убили, жениться не успел, словом – один как перст. Ну, и стал училище выбирать. От пехотного отказался сразу: в войну столько наползался, что и сейчас снится. Поехал в летное. Там посмотрел: самолеты новые, какие-то не такие, как видел в войну, показалось, что очень все сложно, в итоге – написал рапорт с тем, чтоб перевели в артиллерийское. Приехал туда, а там еще похлеще: надо какие-то расчеты делать, формулы выводить, куда мне, деревенскому парню, с моими семью классами. Попросил направить в танковое. И вот приезжаю я в это е...ное бронекопытное училище, тоже не понравилось: грязь кругом, технику надо обслуживать, это тебе не фронтовой ППШ, а серьезные машины, словом – стал мыриться отсюда тоже уйти. Только вот, думаю, куда, где я еще не был? Ну, рапорт написал, уже не помню, в какое училище, жду решения. А меня начальник вызывает и говорит: ты, сынок, х...ней не занимайся, а иди и учись! Вон ты сколько уже училищ поменял. Все, на этом – точка! Не будешь учиться – пойдешь под трибунал. Вот так я и стал танкистом, о чем, если честно, нисколько не жалею. Танк – это сила! Так что, молодежь, пра-

вильно сделали, что сюда пошли. Замените таких, как я, когда нас на пенсию выпрут.

Подполковник, побряхтывая, поднялся с земли, отряхнулся и, поблагодарив курсантов за работу, разрешил им следовать в лагерь. Возвращались ребята молча, под впечатлением от всего услышанного.

– А вы обратили внимание, пацаны, как он нам все рассказывал? – прервал затянувшуюся было паузу Зубов. – Кроем матом, почему зря, а глаза смеются. Правильно говорили мои знакомые с высшего курса, он у них тоже вождение ведет, – добряк.

– Посмотрим, что ты скажешь, когда этот добряк тебе «двойков» понаставит, – остудил его пыл Коля Синев.

– Ну, и что? Если заслужу – не жалко, исправлю, всего и делов. А вообще сдаётся мне, что зря придирается и требовать чего-то лишнего он не будет. Фронтвики – они такие, – со знанием дела подчеркнул Павел.

«Да, фронтвики – они действительно такие», – подумал тогда Лешка, вспомнив своего отца.

Впрочем, воспоминания воспоминаниями, а надо возвращаться в сегодняшний день, тем более что подполковник, окинув взглядом стоящих перед ним курсантов, обратился к ним:

– Внимание, молодые люди! Вы находитесь на исходном рубеже танкодрома. Сегодня приступаем к практическому вождению танков, выполняем упражнение № 1, которое называется – «Основы вождения». Это вы знаете, так ведь?

Ответом ему было общее молчание.

– Вижу, знаете, – не смутился Шорохов. – А посему хочу вам кое-что напомнить. Кто из вас уже водил танк? Поднять руки!

Подняли три человека, в том числе сержант Антон Крючковский, стоявший в первом, ближнем к преподавателю ряду курсантов.

– Так, хорошо, опустить руки! Вот сержант сейчас нам все, что нас интересует, и расскажет. Выйти из строя, товарищ сержант!

– Сержант Крючковский! – представился Антон. Он сделал три шага вперед и повернулся к строю лицом.

– Продолжим, – преподаватель подошел и встал с ним рядом. – Итак, Вы, товарищ сержант, – механик-водитель?

– Старший механик-инструктор, товарищ подполковник!

– Очень хорошо! Какой танк водили?

– Т – 55.

– Понятно. В таком случае, расскажите нам в общих чертах порядок действий механика-водителя при подготовке к запуску двигателя!

– Есть! – Антон кашлянул и начал докладывать. – Первое – это надо занять свое место в танке и подогнать под себя сидение. Второе – проверить, чтобы была выключена передача, и ручка кулисы стояла в нейтральном положении. И рычаги поворота чтоб в исходном положении находились. Третье – проверить, чтобы кран подачи топлива был открыт и направлен на нужную группу баков. Ну, а потом установить на зубчатом секторе фиксатор минимальных оборотов двигателя примерно на одну четверть сектора и запустить двигатель. Сержант Крючковский ответ закончил!

– Хорошо, товарищ сержант! Ответ принят. Еще к Вам вопрос: как будете запускать двигатель? Порядок Ваших действий.

– Сначала нажимаю кнопку маслозакачивающего насоса МЗН, затем, через 1 – 2 секунды, запускаю в работу двигатель кнопкой подачи сжатого воздуха.

– Даже так? А если двигатель не заведется?

– Тогда после повторного нажатия МЗН запускаю двигатель стартером.

– Вот! – подполковник, казалось, ждал такого ответа. – Сразу видно, что сержант водил танк Т-55. Такой порядок запуска двигателя характерен для всех ранее выпущенных танков, кроме нашего. А вот на нашем танке основной способ запустить двигатель – стартером, запомните это! А уже дублирует стартер сжатый воздух. Все об этом вспомнили?

Шорохов возвратил на место Антона Крючковского, еще немного прошелся вдоль строя и снова обратился к курсантам:

– Согласно Курса вождения танков, условия сегодняшнего упражнения не предусматривают преодоления вами каких-либо препятствий. Это вы будете делать позднее. Сегодня ваша задача – занять место механика-водителя в одной из этих машин, вон они стоят, ждут вас, – подполковник показал в сторону вышки на исходном рубеже танкодрома, где на четырех дорожках на одном уровне стояли 4 танка. – Далее: произвести запуск двигателя, тронуться с места, сделать круг по танкодрому, потренироваться в переключении передач и, вернувшись на исходную позицию, закончить упражнение. Все ваши действия будет контролировать механик-инструктор, место которого на башне танка. Все команды он будет отдавать вам по ТПУ. Все! Теорию вы знаете, поэтому не будем отнимать время у практики. Товарищ командир взвода! Назначьте первую четверку обучаемых, которым принять танки и приготовиться к движению! Остальным – находиться в классе под вышкой! Распределите людей так, чтобы, по мере возвращения танков на исходную, очередной курсант был наготове и без задержки менял прибывшего!

– Есть! – капитан Трунов взял у сержанта Чернова список взвода и зачитал его. На этот раз, в отличие от стрельбы, списком была установлена общая очередность по алфавиту, без разбивки по отделениям и экипажам. Впрочем, Лешка все равно оказался в верхней части списка четвертым по счету и сразу отправился к указанному ему танку.

Поздоровавшись с сидевшим на башне в люке с откинутой крышкой инструктором и договорившись с ним о порядке связи, Алексей впрыгнул в люк механика-водителя. Все его тело колотила мелкая дрожь: как-никак, а этот танк был первой в его жизни машиной, которой ему предстояло управлять. «Надо взять себя в руки, а то так и до беды недалеко», – подумал он и огляделся. Ну, все вроде устроено так, как на тренажере, несколько тренировок на котором он прошел наравне с другими курсантами. Пора действовать! Он подогнал под себя высоту сидения, поскольку вести танк предстояло «по-походному», то есть, держа голову поверх люка, в отличие от положения «по-боевому», когда механик полностью находится внутри танка и ведет маши-

ну, наблюдая дорогу только через смотровые щели – триплексы. Затем проверил: надежно ли застопорена крышка его люка, чтобы при движении не получить ею по голове, после чего проделал все, о чем говорил перед началом занятия Антон Крючковский: нейтральное положение кулисы переключения передач, рычаги, топливный кран, зафиксировал на зубчатом секторе минимальные обороты двигателя. Что еще? Вроде бы, все проверил. Тогда Алексей подключился к радиостанции, установил ручку на внешнюю связь и доложил на вышку о готовности к движению, после чего стал ждать команды. Вот уже завелся и ушел на трассу один танк, второй, третий. Сейчас будет его очередь. Он ждал команды, но все равно она прозвучала для него неожиданно:

– Четвертый, я – Вышка! Мотор! Ветер! – что означало: заводи, вперед!

– Вышка, я – Четвертый! Вас понял, выполняю! – доложил Алексей и сразу перевел переговорное устройство на внутреннюю связь. Отныне и до конца выполнения упражнения он будет вести все переговоры только с механиком-инструктором и исключительно по ТПУ.

Васильцов быстро выполнил все, что положено, и нажал на кнопку стартера. Танк задрожал, выбросил клуб черного дыма и зарокотал тяжелым басом с некоторой примесью свиста работающей на выходе газовой турбины.

– Ну, что, – услышал Алексей в шлемофоне голос инструктора. – Готов?

– Да, – ответил курсант. – Все в порядке.

– Тогда – первая передача, и вперед!

– Есть! – Лешка включил передачу, плавно отпустил сцепление, одновременно добавив соответствующей педалью подачу топлива.

Танк неспешно стронулся с места и медленно выполз из-за полосатых красно-белых столбиков, ограждавших исходную площадку.

– Вторая передача! – услышал Алексей новую команду и, чуть прибавив обороты, перевел кулису в гнездо с цифрой 2. Танк пошел быстрее. И так, постепенно ведя свою грозную машину по трассе танкодрома в обход препятствий, иногда подправляя направление движения рычагами поворотов и переключая по команде инструктора передачи, Лешка дошел до шестой, после чего услышал голос в наушниках шлемофона:

– Все, молодец! Седьмую передачу включать не будем, она – для дорог с твердым покрытием. Давай – на пятую!

– Понял! – Алексей переключился, как было приказано, благо, что труда это не составляло: гидравлическая коробка переключения передач, настоящее чудо в сравнении со старыми механическими, имеющая семь скоростей вперед и одну заднего хода, позволяла включать необходимую передачу без особых усилий, буквально двумя пальцами. Без проблем. Ну, разве что при переходе с высшей на более низшую требовалось чуть скинуть обороты. Как здорово!

Лешка в упоении несся по трассе, принимая лицом встречные потоки осеннего воздуха. Душа хотела петь, и он с трудом сдерживал эмоции, ведь это вообще было первое в его жизни механическое устрой-

ство, которым он управлял, которое во всем его слушалось. Вот так надо двигать и по жизни: вперед и только вперед! И он добьется всего, чего хотел, на то он и сын фронтовика!

10.

Порывы легкого весеннего ветерка приятно освежали лицо одиноко сидящего на деревянной садовой скамейке курсанта, обдавая его теплом и какой-то своеобразной негой. Алексей Васильцов, а это был он, несколькими минутами ранее вышел из находящегося здесь же, в парке, кинотеатра и теперь после просмотра фильма решил присесть в этом укромном уголке на дальней аллее. Хотелось осмыслить и отложить в памяти увиденное в кинозале, да и заодно просто посидеть и побалдеть, ни о чем не думая. Просто отдохнуть, полностью отдавшись власти чудесного воскресного вечера.

Алексей устроился поудобнее, прислонившись своей спиной к спинке скамейки и возложив ногу на ногу. Красота! Почему бы не вспомнить то, что было в последние месяцы и не помечтать о том, что еще будет? Благо – никто не мешает, а до окончания срока его нынешнего городского увольнения остается еще достаточно много времени. Васильцов вообще любил этот парк, называвшийся почему-то Комсомольским: уютно как-то было ему здесь, хоть и находится парк в центре города, да и размеры его не особо впечатляют. То ли дело – центральный городской парк имени Горького. Хотя великий пролетарский писатель, «буревестник революции», никогда в Холмограде не был и, соответственно, к этому парку никакого отношения не имел, но все-таки назвали главный парк города его именем, почему – загадка истории. Лешке, однако, этот парк не нравился: шумный какой-то, массы людей вечно снуют перед носом, да и патрули там часто пасутся. Некомфорт, в общем.

Под новым порывом ветра над его головой затрепетали нежные листочки растущей рядом со скамейкой огромной березы. «Эк, вымахала, – подумал Алексей, – вот ведь растет себе, ни забот, ни проблем, только знает себе: то распускает листья, то скидывает, а в остальном в ее жизни – полная свобода!». В его голове промелькнула мысль, что и он тоже в какой-то степени свободен, хоть и не вообще в жизни, но уж в личных делах – точно!

С Анжеликой Лешка расстался с месяц назад, намного раньше, чем ожидалось. И хотя внутренне к разрыву с ней он был готов, чувствовал, что никаких дальнейших перспектив эта их дружба не имеет, что девушка не способна стать настоящей женой офицера, но она ему нравилась, и он все тянул и тянул с решительным разговором. Тем более что ее интерес к курсантскому житию – бытию хотя и чисто обывательский, из любопытства, но все же пробудился и был неподдельным. Он это видел хотя бы по ее реакции на его рассказ о первых в его жизни штатной стрельбе и вождении танков. Как горели ее глаза, когда он, что называется, в стихах и в красках передавал ей свои впечатления об этих собы-

тиях, на тот момент главных в его жизни! И все-таки... Хороша Маша, да не наша!

Начало разрыву положила случайная встреча с ее родителями. «Когда это случилось? – прикинул мысленно курсант. – Кажется, в марте, да, точно, в середине марта!». Алексей четко помнил, что было тогда воскресенье, они сходили в кино, потом еще погуляли, и он проводил ее до дома, вернее – до ворот с постовым милиционером, где они стали прощаться. К вечеру похолодало, и Лешка решил погреть ее застывшие руки в тоненьких перчаточках. Он накрыл их сверху и снизу своими широкими ладонями, подышал на них, с удовлетворением почувствовав, как они стали отогреваться. Анжелика тихо стояла рядом, и было видно, что ей приятна такая забота ее парня. Внезапно возле них пронеслась и резко затормозила какая-то большая черная машина.

– Ой! – вскрикнула девушка, и на ее лице отразился явный испуг. – Родители...

Первым желанием Алексея было – немедленно исчезнуть. Он не хотел встречаться с этими «хозяевами жизни», поэтому и дома у своей подруги не был ни разу, хотя она его приглашала и даже обещала провести через охрану. Но сейчас, взглянув на ее растерянный, потрясенный вид, пришел в свойственное ему иногда состояние мгновенной холодной ярости и решил: ни за что не уйдет! Что он, преступник какой, что ли, чтобы убегать? Он только крепче сжал своими перчатками руки девушки и повернулся лицом к подъехавшим.

Из машины, а это была «Волга» ГАЗ-24, выскочил какой-то молодой человек и, обжевав вокруг автомобиля, открыл переднюю правую дверцу. Из нее неспешно выступила высокая дородная женщина в черном кожаном плаще с меховым воротником, оглядела курсанта с ног до головы, скорчила гримасу и презрительно усмехнулась. Эту усмешку вкупе с гримасой Алексей запомнил надолго. Тем временем шофер открыл вторую дверь, заднюю справа, и на тротуар ступил, слегка опираясь на трость, высокий худой мужчина в шляпе и помятом, очевидно, в результате долгого сидения в машине пальто. «Отец, наверное», – подумал Лешка. Мужчина скользнул по нему безразличным взглядом, но все же приподнял в знак приветствия свой головной убор. Женщина взяла его под руку и, что-то яростно ему доказывая и отчаянно жестикулируя, увела его в калитку мимо откозырявшего им милиционера.

– Ну, теперь будет мне, – потерянным голосом произнесла Анжелика.

– Что будет-то? И за что? За то, что со мной дружишь? – никак не мог взять в толк Алексей. – Это что, для твоей матери преступление, что ты общаешься с курсантом?

– Ты мамы не знаешь, Алеша, – с грустью проговорила девушка. – Ладно, придется идти домой, хотя погулять еще хотелось...

– Так давай погуляем. Время пока детское, да и я еще спокойно могу на пару часов составить тебе компанию. А то в следующее воскресенье буду в наряде, а потом на три недели едем в лагерь.

– Да нет уж, какое теперь гуляние... Пока, мой добрый рыцарь! По-

звони Наташке, когда будешь свободен и сможешь прийти! – она махнула ему на прощанье ручкой в тонкой шерстяной перчатке и исчезла за забором.

Следующая их встреча действительно состоялась через месяц, даже через месяц с небольшим. Алексей, как и говорил девушке, отстоял сутки с субботы на воскресенье в карауле, через два дня после которого вся рота выехала в учебный центр, где курсанты снова стреляли, водили, решали всякого рода тактические задачи, словом – учились военному делу настоящим образом, как завещал незабвенный товарищ Ленин. Загруженному наравне со своими однокашниками до предела напряженным расписанием занятий Алексею некогда было думать о чем-то ином, не связанном с учебой, поэтому об Анжелике с ее проблемами он почти не вспоминал. Однако, когда он вернулся из лагеря, она напомнила о себе сама: первое, что он увидел, как зашел в казарму, было лежавшее на тумбочке у дневального письмо от девушки. В короткой по обыкновению записке та сообщала, что ее мать хочет с ним увидеться, и просила позвонить уже не Наташке, а ей прямо на домашний телефон, чтобы договориться: когда и где они смогут встретиться с тем, чтобы потом он поговорил с ее матерью.

Честно говоря, у Алексея не было желания встречаться и уж, тем более, разговаривать с этой женщиной, сразу вспомнилась ее презрительная гримаса в его адрес, но Анжелика попросила, значит – ничего не поделаешь – на встречу придется идти. Видимо, его подруга сама находится под прессингом своей властолюбивой мамы и другого выхода, кроме как свести их вместе для какого-то разговора, у нее нет. Впрочем, для какого разговора – Алексей догадывался. Ладно, за себя он постоять сможет, только вот девушку жалко.

Прошло несколько дней, и вот поближе к выходному Лешка, заручившись согласием сержанта Чернова на его воскресное увольнение, позвонил Анжелике и сообщил, что он согласен на встречу с ее матерью, для чего попросил девушку, как обычно, прийти к 14.00 на их место к Вечному огню. После небольшой паузы та, очевидно посоветовавшись с матерью, согласилась.

Когда Алексей в оговоренное время появился на Центральной площади, Анжелика уже ждала его. Он сразу обратил внимание на усталый, измученный вид девушки, на черные круги вокруг глаз, резко контрастировавшие с бледностью лица. Увидев его, она не бросилась с радостным визгом навстречу, как бывало в последнее время, а тихо подошла и поздоровалась.

– Ну, что, Лика, как дела? – как дела, он уже понял, но своим вопросом хотел хоть как-то подбодрить девушку. – Ты, случаем, не заболела? Что-то вид у тебя не ахти...

– Ох, знал бы ты, Алеша, что я о себе услышала после того, как нас с тобой родители засекли вместе, – Анжелика захлопала носом и, уткнувшись лицом в его шинель, разревелась. Лешка в растерянности гладил ее по белым распущенным волосам и не знал, что сказать. Наконец девушка успокоилась и посмотрела ему в глаза:

– Знаешь, у нас дома такая буря была в тот день. Что я о себе только не услышала: и что я проститутка, продажная девка, якшаюсь со всеми подряд, и что я наверняка уже забеременела и принесу ей в подоле ребенка неизвестно от кого, в общем, много чего, о чем и рассказывать стыдно... Но на этом мама не успокоилась, она целое следствие провела, еще и Наташку взяла в оборот, и та призналась, что мы с тобой встречаемся регулярно и с ее помощью. В общем, Алеша, мама запретила нам с тобой видиться. Потому и велела вызвать тебя для разговора.

– Да как она смеет такие вещи о тебе говорить? – Алексей мгновенно вскипел. – Какая беременность? Мы с тобой только за руки держались, когда гуляли! Как пионеры! Что за дура?

– Успокойся, Алеша, она же моя мама и за меня отвечает, вот и беспокоится, – тихо ответила Анжелика. – И я ее понимаю.

– Но ведь ты же совершеннолетняя, самостоятельная девушка, – все никак не мог успокоиться Лешка. – Неужели тебе не обидно, что тобой так помыкают? Ладно, пошли на встречу. Только позвони ей из автомата, чтоб вышла к воротам, идти к вам домой у меня нет никакого желания.

– Запомни, маму зовут Элеонора Николаевна, – наставительным тоном сказала ему Анжелика, когда, позвонив домой из ближайшего телефона-автомата, сообщила ему, что мама будет их ожидать, как он просил.

– Она что, иностранка? Что за имена у русских людей: Элеонора, Анжелика? – раздраженно поинтересовался Лешка.

– Ну, она по паспорту Елена Николаевна, просто «Элеонора» – звучит солиднее, вот она и хочет, чтобы ее все так называли. Так что, смотри, не оконфузья!

– Поглядим, – буркнул Алексей, и они надолго замолчали.

Ликину мамашу Лешка увидел издали. Женщина в накиннутом поверх черного делового костюма черном же длинном кожаном плаще, похожем на тот, в котором она была, когда засекла их на прошлом свидании (правда, на сей раз на плаще не было мехового воротника), нетерпеливо расхаживала по тротуару возле стоявшего навытяжку у калитки постового милиционера. Увидев издали приближающуюся парочку, она сразу поспешила навстречу идущим.

– Молодой человек, я требую, чтобы Вы оставили в покое мою дочь! – с ходу выпалила женщина, даже не дойдя до них.

Настроение у Лешки испортилось еще сильнее, но он быстро взял себя в руки: спокойствие, только спокойствие! Пусть эта ведьма сразу увидит, что не на того напала, кем бы она ни была!

– Первое, – начал он подчеркнуто спокойным, ледяным тоном. – Культурные и вежливые люди обычно при встрече здороваются. Здравствуйте, Елена Николаевна!

– Меня зовут Элеонора Николаевна! – взвизгнула дама, и лицо ее стало покрываться красными пятнами.

– Второе, Елена Николаевна, – проигнорировал ее выпад Лешка. – Меня зовут Алексей Иванович. Учитывая мой юный возраст, разрешаю обращаться ко мне просто по имени.

Получив неожиданный отпор, женщина, не привыкшая к тому, чтобы кто-то осмеливался ей перечить, молча глотала воздух подобно выброшенной на берег рыбе.

– И третье, – голос Алексея, все такой же ледяной, еще больше посуровел. – Что касается Вашей дочери. Давайте не будем решать касающиеся ее вопросы за нее. Пусть сама определится: нужно ей дружить со мной или нет. Если «нет» – я сегодня же прекращу все встречи с ней, и больше ни она, ни, тем более, Вы обо мне не услышите. Если же «да» – то, не взыщите, от Вашей дочери я не отстану! Теперь слушаю Вас.

– Да как ты смеешь, сопляк, со мной так разговаривать? Да еще мне здесь условия ставить! – дама, наконец, обрела дар речи. – Да ты знаешь, кто я?

– Я знаю, кто Вы и где работаете, но сейчас, уж извините, вижу перед собой обыкновенную базарную бабу, к тому же – не совсем воспитанную. Хоть бы дочери своей постеснялись, если уж меня, незнакомого человека, годящегося Вам в сыновья, не стесняетесь, – Лешка бросил взгляд на замершую чуть в стороне Анжелику и увидел ее расширенные в ужасе глаза: так с ее начальственной мамашей еще никто не разговаривал, по крайней мере, в ее присутствии.

– Да я тебя..., да я тебя в порошок сотру, я с тебя живо твои эполеты сдеру, ты меня на всю жизнь запомнишь, – уже не кричала, а громко шипела женщина.

– Ничего Вы мне не сделаете, – все тем же спокойным, даже скорее уставшим голосом парировал Алексей. – В меня государство почти три года вкладывало большие средства, и теперь не допустит, чтобы по навету какой-то вздорной бабы, еще раз извините, эти средства были потрачены впустую. Наоборот, кое-где могут еще и спросить: а по – государственному ли мыслит зав. отделом Холмоградского горкома партии, если предлагает отчислить из училища курсанта, к которому у командования нет претензий, а средства на его обучение затрачены огромные?

– Хорошо, молодой человек..., – каким-то остывшим голосом начала женщина, но Лешка перебил ее:

– Меня зовут Алексей.

– Хорошо, Алексей, – повторила она. – Не будем ссориться. Но Вы и меня поймите: Анжела – моя единственная дочь, и я заинтересована в том, чтобы ее жизнь сложилась успешно. Она учится в престижном ВУЗе на хорошую специальность, после окончания учебы имеет прекрасные перспективы в трудоустройстве. Тем более, у них в группе учится хороший мальчик, сын нашего секретаря горкома, очень достойная для Анжелы партия. А что ей можете дать Вы? Одни проблемы?

– Вы, Элеонора Николаевна, конечно, правы, – Лешка решил больше не злить эту бабу, тем более, что она, кажется, пошла на попятную. – Я могу дать Вашей дочери, если она вдруг решится стать моей женой, одни только проблемы и лишние трудности, которых в нарисованном Вами сценарии, разумеется, не будет. Но решать должна, я это подчеркиваю, она и только она. И еще одна просьба: прекратите позорить свою дочь, она не проститутка, а славная, очень хорошая девушка, и

ничего в том плане, как Вы имели в виду, у нас с ней не было. Мы только дружили. А сейчас я попрошу дать мне 10 минут, чтобы поговорить с Ликой тет-а-тет. 10 минут, и больше ни на одну минуту я ее не задержу. Обещаю.

– Хорошо, – после некоторого раздумья согласилась мамаша, в голосе которой снова появился металл. – Анжела! Ровно через 10 минут – домой!

Она резко развернулась и через миг исчезла за калиткой, только плащ мелькнул в ажурной решетке. Алексей повернулся к Анжелике и увидел, что в глазах девушки блестят слезы.

– Алеша, – едва слышным, подавленным голосом произнесла она. – Алеша, ну как ты мог так разговаривать с моей мамой! Она же – мама!

– Нормально разговаривал. Ты сама теперь убедилась, что, если осадить ее, поставить на место, то она и мыслит здраво, и без повышения голоса может обходиться. Ну, извини, если я ее чем-то обидел, хотя я, честно, такого что-то не помню. А если ненароком ее и обижал, то сразу же извинялся. Она мне больше гадостей наговорила.

– Все равно, Алеша, ты не прав! А вот мама права: ничего хорошего нас в будущем не ждет. Дружить мы с тобой всю жизнь не будем; возможно, кому-то из нас, или тебе, или даже мне захочется стать ближе в отношениях, создать семью, и вот тут-то может наступить разочарование. Стать женой военного я не готова, и вряд ли буду готова. Лучше уж быть женой гражданского человека, того же Вольдемара Горохова, это мама про него тебе сейчас говорила.

«Вольдемар! Ну – ну», – Лешка сразу вспомнил этого хлыща-преферансиста, виденного им в гостях у своей землячки Ирки Шитовой на Крутогорской улице.

– Ну, что ж! Вот ты и решила, – подвел итоги Алексей. – Но я на тебя не в обиде, я ведь и матери твоей сказал, что решать тебе. Будем прощаться. Одна просьба: верни мне, пожалуйста, мои конспекты по истории КПСС, что я у тебя оставлял. Ты как-то говорила, что историю уже сдала, а мне еще госэкзамены предстоят, так что эти конспекты будут нужны.

– Сейчас вынесу, – все тем же тихим голосом пообещала Анжелика и скрылась из его глаз за широкой спиной милиционера.

Лешка в ожидании девушки прошелся туда – сюда по тротуару. Несмотря на свою кажущуюся правоту, на душе было противно. Может, и не стоило гонять свою, теперь уже бывшую подругу лишней раз домой, оставить ей, так и быть, эти чертовы конспекты, пусть выбрасывает. Да нет уж! Он очень старательно конспектировал на первом курсе лекции и, особенно, первоисточники марксизма-ленинизма. Да и госыто все равно сдавать! Размышляя так, он не услышал, как к нему сзади с двумя толстыми обцими тетрадями подошла Анжелика:

– Вот, возьми. Спасибо тебе за них, они мне очень помогли. Все, прощай, Алеша! Мне хорошо было рядом с тобой, но все хорошее когда-то заканчивается. Счастья тебе!

– И тебе тоже! Прощай, Лика! – он поцеловал ее прямо в заплаканные глаза, она не противилась.

– Пусть в твоей жизни все будет хорошо! Прощай! – повторил он еще раз и, повернувшись кругом, четким строевым шагом пошел прочь. Больше он ее не видел.

Где-то недалеко, совсем рядом, Алексей услышал чьи-то голоса и как будто очнулся, возвратившись из пусть и недалекого, но все-таки прошлого в сегодняшней день. Он огляделся по сторонам – вокруг никого. «Послышалось», – решил он и посмотрел на часы: все нормально, время до конца увольнения еще есть, а по такой чудесной погоде в казарму можно и не спешить. Лешка поднялся со скамейки, сделал несколько шагов по аллее взад – вперед, чтобы размять слегка затекшие ноги, затем, снова присев на свое прежнее место, вернулся мыслями к Анжелике и вообще решил поразмышлять о своих отношениях с девушками. Как ни странно, но, общаясь с Ликой больше года, он, тем не менее, не особо жалел о расставании с ней. Вот о Ларисе, хотя и прошло уже довольно много времени с того дня, как они виделись в первый и, как оказалось, в последний раз, он помнил до сих пор, и эти воспоминания воспринимались им довольно болезненно. А Анжелика... Ну была и была, расстались – и расстались, что тут такого? Сама же призналась, что не собирается становиться женой военного. На ум невольно пришли где-то вычитанные им строки из стихотворения Омара Хайяма: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало!». Пусть так в его дальнейшей жизни и будет! А его бывшая подруга пусть будет счастлива в своей будущей гражданской жизни хотя бы с тем же Вольдемаром, Лешке она безразлична. Что было – то сплыло!

По правде говоря, он больше опасался возможных пакостей со стороны ее матери, особенно после их бурного диалога, но та, похоже, так же решила о нем забыть, как и он о ней, тем более, что своей цели она достигла: ее дочь осталась при ней. Ну, что ж... Хотя руководящая дама теоретически могла, конечно, устроить ему какую-нибудь подлянку, но только мелкую, ибо главное, чем она угрожала, то есть «содрать с него эполеты», было ей явно не по силам. Вообще, для отчисления из училища требовалось совершить что-то из ряда вон выходящее: какой-либо очень серьезный проступок или даже преступление. Алексей вспомнил, как пытались уйти Квашнин с Тишковым, ничего ведь у них не вышло. В самом крайнем случае, если так уж не желаешь учиться или очень часто нарушаешь дисциплину, то приказом начальника училища переведут такого разгильдяя в батальон обеспечения. Там прослужит он один год, а затем, как взявшегося за ум, восстановят его в рядах курсантов, только не на своем курсе, который уйдет за это время на тот же год вперед, а на более младший. Ну и что? Все равно в зачет выслуги лет для пенсии идет вся служба, в любом качестве: хоть курсантом, хоть солдатом. Главное – все это время вообще носить погоны. Так что в своих угрозах мадам явно зависила свои возможности. Впрочем, черт с ней!

Алексей заставил себя больше об Анжелике не вспоминать. Другая проблема вышла на первый план, причем возникла она раньше его расставания с девушкой, еще в самом начале года. Лешка даже мыс-

ленно выругался, помянув недобрым словом Кольку Пчельникова: накаркал все-таки!

Это случилось недели через три после новогодних праздников. Курсанты занимались подготовкой к завтрашним занятиям, когда к ним в класс самоподготовки зашел их командир взвода. Собственно, в том, что он проверял, где находятся подчиненные и что делают, ничего необычного не было. Необычным стало то, что на этот раз после поданной команды «Смирно!» капитан жестом остановил готовившегося ему доложить замкомвзвода, скомандовал «Вольно! Садитесь!» и таким же легким движением руки отправил Чернова от учительского стола на свое место в ряды курсантов. Потом пару раз прошелся вдоль классной доски и лишь тогда обратился к личному составу:

– Ну, что, гренадеры, пришло время нам с вами распрощаться!

– Как распрощаться? Почему? – раздалось сразу несколько голосов.

– Потому, что мы с вами – люди военные и служим там, где нам приказывает вышестоящее командование, – Трунов еще немного прошелся возле доски, а затем, подойдя к окну, повернулся лицом ко взводу и лишь после этого, облокотившись на подоконник, ответил удивленным таким поворотом событий подчиненным:

– Вы наверно слышали уже, что училище переходит на новую штатную структуру и что вместо нас, командиров взводов, будут вами руководить курсовые офицеры, по одному на два взвода? Слышали ведь, не так ли? Об этом уже давно ходят разговоры.

– Так точно, слышали, – ответил за всех Пчельников. – Но это же просто слухи.

– Вот теперь эти, как Вы говорите, слухи стали реальностью. Одним словом, командую я вами еще где-то с неделю, то есть до конца января месяца, после чего сдаю должность, рассчитываюсь по всем видам довольствия, получаю документы и убываю на новое место службы. Вот так!

Шокированные полученной новостью, а также тем, насколько просто и обыденно сообщил им об этом их командир, к которому они успели привыкнуть и даже полюбить которого за его простоту и человечность, курсанты некоторое время молчали.

– А куда Вы убываете, знаете уже? – нарушил, наконец, молчание Павел Зубов.

– Знаю. На должность командира линейной танковой роты в Толстый лес.

Многие из курсантов при этих словах своего взводного ахнули, а кое-кто даже присвистнул: поселок Толстый лес, в котором был расквартирован танковый полк другой, не Соколовской дивизии, находился на севере их военного округа, далеко от Холмограда, в другой области, среди лесов и болот, и считался среди танкистов заведомой «дырой». Единственным плюсом для службы там являлось то обстоятельство, что сразу за поселком начинался крупный окружной полигон, следовательно – заниматься боевой подготовкой, то есть стрельбой, вождением, а также проводить различные тактические учения

можно было, что называется, не отходя от дома. Зато минусов было предостаточно: это и глухомань, и оторванность от многих благ цивилизации, и проблемы с трудоустройством жен, да и много чего еще...

– А почему Вы согласились отправиться туда? Разве не было других мест, более приличных? – не мог понять деловитый Толя Павловский.

– Были. Возможно. Но, во-первых, запомните: в кадрах предлагают один раз, ну, от силы – два. И если ты будешь перебирать места службы, раз за разом отказываться, то можешь прослыть привередливым офицером, и тебе перестанут предлагать, тогда о служебном росте, проще говоря – о карьере – можешь забыть. А для чего тогда вообще служить, если не думать о перспективе своего служебного роста?

– Вообще-то мы, товарищ капитан, считали, что служить – это значит: Родину защищать, когда потребуется, – не согласился со своим командиром Володя Ветров.

– Все правильно, Ветров, кто ж спорит, – Трунов еще прошелся возле классной доски. – Все Вы верно сказали. Но защищать страну можно в разном качестве. Можно всю жизнь взводным прослужить, ни к чему не стремясь, что называется – валиком, и в 40 лет уйти из армии. По закону. А можно – расти дальше, набираться опыта, командовать ротой, батальоном, полком, ну и так далее. Лично я считаю, что если офицер думает о защите Родины как о своем долге перед ней, то он должен понимать, что этот долг он гораздо успешнее будет выполнять на более высокой должности, приобретя необходимый опыт и усовершенствовав свои знания. Так вот!

– Теперь, во-вторых, – продолжил капитан. – В Толстом лесе я смогу, наконец, получить квартиру. Пусть и служебную, но свою, отдельную, каковой я до настоящего времени так не имею, хотя прослужил офицером уже семь с лишним лет.

– Почему же Вам ее до сих пор не дали? – недоумевая, спросил Забалуев.

– Так получилось. Когда после училища начал службу в Соколовской дивизии – был еще холостяком, потому вопрос насчет квартиры не стоял, жил я тогда в офицерском общежитии. Потом женился, пришлось с женой снимать квартиру, поскольку в Соколовске у военных с жильем всегда были проблемы. Дальше – Холмоград. Здесь я тоже, как Вы знаете, жил в офицерском общежитии, правда, на сей раз, в семейном. Уже и сын родился, а вот очередь на квартиру так и не подошла. Поэтому, помимо получения необходимой войсковой практики, я еще и свой жилищный вопрос решаю. Да и потом, Толстый лес – это ж не навечно. Перемещения по службе у военных и, соответственно, переезды – дело обыденное. Сами в этом убедитесь.

– А что жена Ваша, как она отреагировала на переезд? – поинтересовался Вася Иванов.

– Аня у меня – жена военная. Знала, за кого замуж выходила. Нормально, спокойно отреагировала. Тем более, что для нее это – не первый переезд, какой – никакой опыт уже есть. Да и пацану моему там будет лучше, все-таки вокруг лес, свежий воздух, ну и все прочее.

В классе воцарилось молчание.

– И вот что еще я хотел бы сказать вам, ребята, – после некоторого раздумья совсем не по-уставному произнес офицер. – Уже сейчас думайте о своих перспективах, о карьере. Постарайтесь свою службу проходить в линейных, боевых воинских частях. Избегайте, насколько возможно, назначения во всякие там учебные части, школы сержантов или военные училища. Ну, а если уж попали туда, приказ есть приказ, то при первой же возможности бегите оттуда в реальные войска. С должности командира учебного или курсантского взвода в академии не принимают, а значит – и шанса у вас пройти в генералы не будет.

– А мы в генералы не особо стремимся, все равно не все из нас ими станут, – высказал свое мнение серьезный и немногословный Дима Павлов, учившийся без блеска, но зарекомендовавший себя железным хорошистом. – Лучше уж честно выполнять свои обязанности на той должности, куда назначат.

– Все верно, не спорю, – согласился с ним Трунов. – Но, понимаете, Павлов, жизнь – штука очень сложная, и она гораздо преподносит иногда сюрпризы. При определенном стечении обстоятельств и Вы можете стать генералом. Если закончите академию и получите по ее окончании высшее военное образование. Конечно, не факт, что после академии Вы непременно получите генеральское звание, но без нее – не получите совершенно точно. А в академию, к примеру, в нашу, бронетанковую принимают офицеров, проходящих службу в войсках на должностях командира батальона или его заместителя, то есть начальника штаба батальона, поскольку других строевых замов у комбата нет.

– Так ведь раньше, кажется, с должностей командиров рот принимали, – с недоумением высказался Пчельников.

– Это раньше было. А сейчас, когда танковые училища стали высшими, с должности ротного уже не поступишь. Раньше, по курсу среднего училища, вся тактическая подготовка заканчивалась на уровне командира роты, вы же на четвертом курсе будете отрабатывать батальонные темы, с которых прежде начиналась учеба по тактике в академии. Кстати, поэтому и срок обучения в ней сокращен на год.

– Так Вы поэтому и уходите в войска, чтоб в академию поступить? – решил уточнить Лешка.

– Да нет, Васильцов, не поэтому. Для академии я уже старый, по возрасту не прохожу. Но в войсках я все же буду иметь хоть какую-то возможность роста, особенно учитывая огромный некомплект офицеров в нашем резервном округе. Здесь же больше мне не светит ничего. Я давно уже жалею, что в свое время согласился на назначение из войска сюда, потому и не стал сейчас отказываться. И с вами, – обратился командир взвода уже ко всем, – этот длинный разговор я завел потому, чтобы вы, когда вам придет время выбирать места службы, сделали этот выбор обдуманно и осознанно. Хотя бы на первых порах. Все! Сержант Чернов! Продолжайте самоподготовку и вообще, действуйте согласно распорядку дня! Сидите, не надо поднимать людей!

Трунов неспешно подошел к двери и покинул класс, оставив своих подчиненных размышлять над сказанными им словами. Правда, как вскоре узнали ребята, так, как их капитан, думали не все взводные.

Например, один из командиров взводов с их курса, чтобы остаться в городе, согласился перейти на должность начальника вещевого службы училища, «считать портянки», как издевательски отзывались о нем не любившие его курсанты. Еще два или три офицера были переведены на преподавательские должности на кафедры материальной части и огневой подготовки. Лучшее всех пристроился комендант Паша: начальство оценило служебное рвение капитана Цыбулько и назначило его помощником коменданта гарнизона. «Ну, держись, пацаны! – сразу оценили ситуацию курсанты практически всех курсов. – Теперь Паша нас своим вниманием не обделит!». Впрочем, из пятой роты все взводные офицеры, вызывая чувство гордости за них у их подчиненных, уходили в войска: и капитан Петров (как теперь без своего ведущего солиста будет обходиться ВИА «Эпицентр»?), и капитан Новиков, и успевший все же получить капитанское звание Бессонов, и, конечно, любимец ребят капитан Трунов.

Через неделю бывший командир тепло попрощался с подчиненными и, пригласив их «в гости» на полигон, возле которого собирался служить, убыл к своему месту службы.

Новый командир третьего и четвертого взводов, или, точнее – курсовой офицер, появился в подразделении примерно через месяц. При чем, пришел он не из войска, как ожидалось, а из собственного, училищного батальона обеспечения, из ТБО. Был он в звании лейтенанта, фамилию носил – Ковбасюк, имя и отчество – Богдан Васильевич, из чего ребята сразу определили: украинец, причем из западных областей, что тот сразу и подтвердил при знакомстве с личным составом. Национальность и происхождение авторитета среди курсантов новому командиру не добавили. «Западонец», «бандера», как окрестили своего курсового подчиненные, и сам чувствовал отделявшую его от них пропасть, но как-то наладить отношения с курсантами, быть ближе к ним, стать для них не просто командиром, а старшим товарищем – для всего этого у Ковбасюка не было, очевидно, ни умения, ни желания. Вероятно, поэтому ребята, особенно первое время, с тоской вспоминали своего капитана Трунова.

– Да-а... Это не наш «Саня – взводный», – с горечью и досадой проговорил как-то вскоре после прихода курсового на должность Миша Забалуев, когда тот не смог или, скорее, не захотел вникнуть в его ситуацию и не отпустил на встречу с отцом, оказавшемся проездом в Холмограде. Тогда в отчаянии Мишка обратился к командиру роты, и Родионов парня отпустил, а лейтенанту сделал внушение и посоветовал быть ближе к людям.

– Ничего, переживем как-нибудь оставшиеся полтора года, – утешил Забалуева Слава Кривцов. – Хорошо, что хоть Владимир Федорович еще остался, он тоже душа – человек, не хуже Трунова. Прорвемся!

Да, командир роты майор Родионов оставался на своей должности, хотя по прогнозу того же Пчельникова должен был уйти преподавателем на кафедру тактики, но что-то там не срослось, и он остался командовать пятой ротой на радость ее курсантов. К нему тоже, как в свое время к Трунову, можно было обратиться по самым разным лич-

ным вопросам, поговорить с ним по душам, и он, как мог, входил в положение подчиненных и старался их просьбы решать. «Ну почему, – подумал Алексей, – Родионов думает и вникает в ситуации ста двадцати человек, а Ковбасюк не способен этого делать, при том, что у него в подчинении людей вдвое меньше?». Так и не найдя ответа на этот вопрос, Лешка поднялся со скамейки. Пора в училище. Хотя время еще позволяет погулять, но лучше не рисковать и вернуться в свой «родной дом» заблаговременно. Не хватало еще огрести неприятностей от нового командира, который как раз сегодня назначен ответственным по контролю за явкой курсантов из городского увольнения.

Тем временем учеба продолжалась. Шла уже вторая половина мая, и через несколько дней был запланирован очередной выезд в учебный центр, где на этот раз в числе других занятий предстояло завершить весьма важный предмет обучения – автомобильную подготовку: сдать экзамены и получить права на управление автомобилем. До этого всю осень, зиму и весну курсанты изучали устройство основных армейских автомобилей ГАЗ-66 и ЗИЛ-131, правила дорожного движения, а сразу после Нового года начали самостоятельно водить машины сначала на автодроме, а потом и выезжать на улицы Холмограда.

Давалась автомобильная наука Алексею непросто, особенно на первых порах. И если в теоретических вопросах он трудностей не испытывал, то практические поездки за рулем долго оставались для него проблемой. Не получалось у него решительно ничего: ни управлять машиной с помощью руля, ни переключать передачи. Все эти операции так контрастировали с управлением танками, от вождения которых Лешка получал истинное удовольствие. Усугубляло ситуацию еще и то обстоятельство, что для практических поездок курсантам предоставлялись старенькие добитые ГАЗ-51 и ГАЗ-52, сами по себе крайне неудобные, так они еще очень часто глохли и ломались. В конце концов, Алексей укротил свой непослушный автомобиль и перестал получать замечания у шоферов-инструкторов. И вот уже скоро сдача...

По прибытии в лагерь курсантов встретили уже находившиеся там преподаватели кафедры автомобильной подготовки. Один из них, майор Глазов, проводивший ранее в училище занятия как раз с четвертым взводом, сразу разъяснил ребятам порядок сдачи своего предмета:

– В первую очередь будете сдавать теоретический экзамен по устройству и эксплуатации автомобилей, причем за основу берется ГАЗ-66. Вы ведь именно его по большей части изучали, не так ли?

– Так точно! – ответили ему сразу несколько человек.

– Вот видите, – с удовлетворением отметил преподаватель. – Значит, мы верно определили объект приложения ваших знаний и привезли из училища плакаты и отдельные макеты узлов и агрегатов именно этого автомобиля. Принимать экзамен будут офицеры автомобильной кафедры, время и место сдачи узнаете из расписания.

– А время на подготовку будет выделено? – поинтересовался Толя Павловский.

– Для подготовки к сдаче данного экзамена вам накануне будет выделен целый день, и, помимо этого, в вашем распоряжении все самоподготовки, – покосившись на задавшего вопрос курсанта, ответил майор. – Теперь второй момент. После экзамена по устройству вам предстоит сдача Правил дорожного движения. Сдавать будете по карточкам, а принимать Правила сюда приедут сотрудники ГАИ из Соколовска. Напоминаю, что сдавшим считается тот, кто допустит не более двух ошибок при десяти вопросах. Но это – «сдал» или «не сдал» – для милиционеров, а для нас эти ваши показатели будут переведены во вполне реальные оценки: ответил верно на все вопросы – пять баллов, допустил одну ошибку – «четверка», две ошибки – «тройк», ну, а больше двух – сами понимаете... Причем, те из вас, кто не сдаст, для передачи поедут уже в Соколовск. Понятно?

Видимо, всем все было понятно – строй сохранял молчание.

– И, наконец, третья составляющая – практическое вождение, – продолжал преподаватель. – Этот экзамен на нашем автодроме и окрестных дорогах принимать будут инструкторы Соколовского спортивно-технического клуба ДОСААФ, причем на тех же автомобилях, на которых вы и учились водить. Так что, не переживайте, инструкторы – наши люди, поэтому вождение сдадите все. Ну, кроме тех, кто совсем уж бестолковый и абсолютно не способен управлять машиной. Учитывая, что положенное количество часов вы наездили все, и замечаний к вам со стороны ваших инструкторов почти не было, с практической стороны сдачи вождения автомобилей проблем у вас быть не должно.

– Лишь бы только машины не глохли поминутно, – пробурчал себе под нос Мишка Белкин.

– Да передачи бы нормально переключались, без зубовного скрежета, – так же вполголоса поддержал его стоявший рядом Володя Симков.

И вот наступил первый день сдачи экзамена по автомобильной подготовке. Проверка знания курсантами устройства и правил эксплуатации армейских автомобилей проблемой для большинства ребят не стала, видно, что хорошо поработали преподаватели автомобильной кафедры: очень многие ребята получили отличные оценки и только единицы – «четверки» и «тройки». Не сдавших не было вообще. Назавтра, как объявил майор Глазов, должны приехать гаишники принимать Правила, посему надо еще раз потренироваться в решении карточек и подготовить списки с приложением военных билетов, то есть документов, которые ввиду отсутствия паспортов подтверждали бы личности военнослужащих.

Здесь-то и произошел небольшой казус. Дело в том, что у одного из курсантов их взвода, Васи Курнева, в графе «Основная гражданская специальность» стояло «шофер». Василий, невысокого роста худощавый белообрый паренек, известный во взводе шутник и хохмач, поступил в училище, отслужив в армии без малого два года, причем – водителем. Однако в конце службы, незадолго до сдачи им вступительных экзаменов в училище, за какие-то прегрешения пра-

ва у него отобрали. Васька их розыском не занимался, даже не знал, в каком ГАИ они находятся, и рассчитывал сдать сейчас вместе со всеми. Однако ему сказали, что поскольку он уже по документам шофер, то повторная выдача новых прав ему не положена. Обескураженный таким поворотом дел Курнев впал в полное расстройство, поскольку его великолепный план по восстановлению своей специальности грозил провалом. Выручил незадачливого коллегу находчивый Зубов:

– Ну-ка, покажи свой военный билет, – обратился он к опечаленному Ваське.

– На! – нехотя достал тот свой главный документ.

– Не бойсь! Сейчас придумаем что-нибудь, – Зубов ушел в бытовую комнату и примерно через полчаса показался оттуда сияющий и довольный. – На вот, смотри!

Оказывается, за то время, что Васькин военный билет был у Павла в руках, тот умело поработал резинкой, лезвием и еще чем-то, и сейчас в документе у Курнева стояла в соответствующей графе новая специальность – «токарь». Конечно, если очень внимательно присмотреться, подчистку обнаружить было все же можно, но расчет делался на то, что в ворохе документов особо пристально их никто разглядывать не будет. Забегая вперед, стоит сказать, что так и получилось. А самого владельца военного билета Пашка успокоил:

– Видишь, все в норме. Для пущей уверенности можешь это место еще пару раз грязными пальцами помазать. Все равно через год мы эти документы сдадим. Другими будем свои личности удостоверить.

Со сдачей Правил дорожного движения проблем у ребят тоже не возникло. Подавляющее их большинство, в числе которого оказался и Лешка Васильцов, не сделали в ответах вообще ни одной ошибки, двое или трое ответили неверно на один вопрос, еще столько же ошиблись два раза. Преподаватель был доволен: ответственно подошли курсанты, не зря усиленно штудировали Правила и упорно тренировались на учебных карточках. Правда, четверо Правила все-таки не сдали, и, после консультации с гайшниками, им был объявлен новый срок сдачи – через неделю в отделении ГАИ города Соколовска.

Оставалось практическое вождение, которого Алексей немного побаивался: черт его знает, какая машина попадет, и каких от нее ждать сюрпризов. Но – надо, значит – надо! Лешка влез в кабину указанного ему ГАЗ-51. Уже сидевший там экзаменатор, степенный полноватый дядька лет сорока, переписал с военного билета в свою записную книжку его фамилию и скомандовал:

– Ну, что? Заводи и поехали!

Лешка, как учили, подогнал сидение, поправил зеркало заднего вида и повернул ключ в замке зажигания. Инструктор на это ничего не сказал. Молчал он и все то время, пока Алексей преодолевал элементы автодрома, только делал у себя какие-то пометки. Это немного раздражало, но Лешка постарался взять себя в руки и спокойно выполнять то, чему его научили. Вот позади тоннель, змейка, парковка, заезд на эстакаду... Внезапно экзаменатор подал голос:

– Все, здесь достаточно, Поехали в город!

От неожиданности Алексей остановился и чуть было не заглушил двигатель, но затем опомнился и, крутанув баранку, направил своего чадящего «старичка» к выезду с площадки автодрома.

– Чего на первой передаче пилишь? Давай вторую и так далее! Что, не учили?

– Учили, просто здесь места мало, чтоб «газон» как следует разогнать, – ответил Лешка.

— Ну-ну, будешь так на своей машине ездить – враз без штанов останешься, все деньги на бензин уйдут, – пробурчал экзаменатор и опять надолго замолчал, лишь изредка давая короткие команды: в каком направлении ехать, куда и где поворачивать. Впрочем, долго кататься Алексею не пришлось: выехав на трассу, он, соблюдая все попутные дорожные знаки, прокатил по ней с километр, затем, по указанию проверяющего, свернул влево, в деревню, проехал до ее центра, где возле почтового отделения развернулся и получил новую команду – следовать обратно на автодром! Когда он прибыл на площадку, с которой стартовал, и заглушил двигатель, проверяющий молча сделал отметку в списке напротив его фамилии «сдал», пожал руку и, как бы подводя итог, заключил:

– Молодец, хорошо ехал, аккуратно. А вот на первой передаче старайся кататься поменьше, она, в основном, только для трогания с места. А ездить на ней – только зря бензин палить. Да и на мотор лишняя нагрузка. Уяснил?

Лешка уяснил и, поблагодарив за совет, уступил место за баранкой Юрику Хачиняну, который должен был сдавать вождение следом за ним.

Вечером того же дня всем сдавшим выдали удостоверения на право управления автомобилем. Вчитываясь в записанные в корочках слова «шофер-профессионал, 3-й класс», Алексей был, конечно, доволен, но особой радости как-то не испытывал. Не очень у него лежала душа управлять колесной машиной. Вот танк – это да! Ладно, есть права – и хорошо, авось пригодятся. Может, в самом деле, когда-нибудь будет у него и свой, личный автомобиль...

Прозанимавшись в учебном центре почти до конца мая, четвертый взвод, как и весь курс, вернулся в город. По учебному плану на третий год обучения с 1 июня у них должна была начаться войсковая стажировка. Таким мудреным словом на военном языке называлась рассчитанная на месяц практика, то есть исполнение в течение указанного времени в реальных воинских частях обязанностей на тех должностях, на которые они будут назначены по окончании училища – командиры танковых взводов.

11.

«Рота, отбой!». Хотя в расположении пятой роты находился всего лишь один их четвертый взвод, но надо держать общую марку! Подав данную команду, дежурный по роте курсант Васильцов проверил поря-

док в подразделении после отбоя, потом отправил отдыхать обоих своих дневальных, Белкина и Симакова, с тем, чтобы поднять одного из них через четыре часа себе на смену, а сам присел на стул возле тумбочки дневального и надолго задумался.

Да – а... Воистину, не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. А жизнь военная полна сюрпризов, в чем Лешка убедился лишний раз. Не прошло и недели с тех пор, как все курсанты их батальона вернулись из лагеря и стали готовиться к выезду на стажировку, после возвращения с которой им предстояло сдать летнюю сессию и, что называется, с чистой совестью убыть в очередной каникулярный отпуск, последний в их курсантской жизни. Поэтому в казарме царило приподнятое настроение, связанное со скорым окончанием поднадоевшей уже учебы. К тому же стажировка знаменовала собой некоторую смену обстановки, возможность проверить себя в новом качестве в настоящей воинской части, наконец – радовал просто переезд, хотя и временный, но на новое, совершенно незнакомое место. Знающие ребята говорили, что рассылать их будут по многим частям своего военного округа, возможно – и за его пределы.

И вот за два дня до предполагаемого выезда на общем построении роты ее командир майор Родионов объявил о распределении подчиненных по местам их стажировки. Из его слов следовало, что первый и второй взводы убывают в воинские части, расквартированные в двух соседних областях, а третий и четвертый будут проходить практику в Соколовской дивизии. Причем, третий взвод должен будет прибыть в Соколовск к 1 июня, а четвертый – туда же, но к 1 июля. Лешке показалось, что он ослышался, но лицо стоящего рядом Ветрова тоже выражало полное недоумение. Как же так? Неудивительно, что после того, как прозвучала команда «Разойдись!», ребята окружили ротного.

– Товарищ майор, а почему такое распределение? – первым задал животрепещущий вопрос Миша Забалуев. – Мы рассчитывали в новых гарнизонах побывать, изучить места нашей возможной будущей службы. Многие ведь, наверно, в округе останутся. А тут...

– Ничего, Забалуев, успеешь изучить новые гарнизоны, ибо служить тебе еще, как медному котелку, – усмехнулся майор. – А если серьезно, то знайте, что Соколовскую дивизию перевооружают на новые танки, которые вы изучаете, вот ее командир и обратился к командованию округа, чтобы к нему прислали на стажировку именно курсантов нашего училища. Для помощи в освоении новой техники. Вы ведь крупные спецы по этому танку, с первого курса его изучаете, да еще и инженеры. Гордиться должны, что вам такое доверие оказывают, а вы еще недовольны.

– Разрешите вопрос, товарищ майор! – обратился к командиру роты Боря Тишков. – А когда же мы сессию будем сдавать, если в июле окажемся на стажировке?

– Вот сейчас и будете сдавать, – ответил Родионов, чем еще больше удивил и смутил ребят. – Ваша сессия начнется с 1 июня, весь порядок сдачи: дни консультаций, зачетов, экзаменов – все увидите в расписании. А поскольку со всего курса на данный момент вы только одни

задействованы в сдаче сессии, то все преподаватели будут только возле вас и крутиться: сдачи, пересдачи для тех, кто своими оценками не доволен, и так далее... Видите, сколько у вас плюсов против тех, кто в июле будет сдаваться? Ну, и в наряды ходите как по училищу, так и по гарнизону. Да, чтобы с вопросом нарядов закончить. Где сержант Чернов?

– Здесь, товарищ майор! – зам. командира взвода протиснулся ближе к ротному.

– Так вот, Чернов! С 1-го июня весь внутренний наряд по роте – от твоего взвода! Поэтому за оставшиеся время спланируй все вопросы, чтоб 31 мая на развод вышел твой наряд. И так – до конца месяца.

– Людей же не хватит, товарищ майор! – взмолился сержант. – У меня ж всего три командира отделений, что, они через день будут заступать? А когда же они к экзаменам будут готовиться и, тем более, их сдавать?

– У тебя, кроме сержантов, есть еще трое рядовых курсантов, допущенных к несению службы дежурными по роте. Вот и ставь их наравне с командирами отделений! Тем более, у меня был разговор с полковником Кузнецовым, и он разрешил конкретно вашему взводу иметь в смене не трех, а двух дневальных. Пусть делят ночь на троих, а на сдачу экзаменов будут ходить по очереди, чтоб у тумбочки один человек находился все время безотлучно. Оружие-то охранять надо, вы ведь его не сдаете? Кстати, автоматы, товарищ Чернов, закрепленные за Вашим взводом, в течение месяца сдать на склад! Остальные взвода делают это по возвращении.

– А как же четвертая и шестая роты будут охранять свое оружие? – спросил кто-то. – Они ж все уезжают...

– Они свое оружие уже сдали, – ответил майор. – А их казармы просто закроют на ключ и опечатают. Патруль будет охранять. Больше вопросов нет? Тогда – все! Приятного отдыха!

Родионов ушел, оставив курсантов в полной растерянности. Им было все ясно – и не ясно ничего. Когда сдавать? Как готовиться, находясь в наряде? Вопросы, вопросы...

На следующий день ротный уточнил отдельные моменты из сказанного им накануне. Оказалось, что караул № 1, основной, четвертому взводу не грозит: все-таки какая-то умная голова в руководстве сообразила, что на одновременное заступление в караул и в два внутренних наряда курсантов одного взвода точно не хватит. Поэтому на их долю остается служба на остальных объектах и злосчастный второй караул, да и то лишь в первой половине месяца, чтобы затем они смогли обслужить и сдать на склад свои автоматы. Второе сообщение если и не обрадовало ребят, то, во всяком случае, их настроение не испортило: с третьим взводом в Соколовск убывал и их командир лейтенант Ковбасюк, который с курсантами взвода четвертого, еще помнившими своего капитана Трунова, общего языка так пока и не нашел. Впрочем, как и с другим своим подопечным взводом.

– Хоть одна хорошая новость, – так прокомментировал слова командира роты Пашка Зубов. – Пусть этот западенец в Соколовске ке-

рует, а нас здесь и Витя Чернов устраивает. Тем более, что и Владимир Федорович остается с нами. Только так, пацаны, давайте договоримся не подсирать сержанту и друг другу помогать, насколько можно. Тогда и сессию сдадим, и вообще все будет тип-топ.

И вот половина месяца позади. Сдан итоговый экзамен по политэкономии, зачеты по военной педагогике, психологии, иностранному языку. Свое веское слово по итогам третьего года обучения сказал и майор Климов. Впрочем, физической подготовки Лешка уже не боялся, «пятерка» по этому предмету давно уже стала для него привычной оценкой. «Пока все идет нормально, – подумал Алексей, поднимаясь со стула. – Надо идти поднимать Мишку, начинается его время. А самому пойти отдохнуть, днем, помимо наряда, еще оружие сдавать на склад».

Ох, уж это оружие! При одной только мысли о том, что его надо обслуживать, у Алексея обычно сразу портилось настроение, да и не у него одного. Штатные АКМ курсантам выдали сразу после принятия ими Военной присяги, причем, не всем, а лишь половине личного состава роты, как, собственно, было и в других ротах, и на других курсах. Лешка, к сожалению для него, попал в число тех самых «счастливиц», за кем автоматы были закреплены и стали неотделимой частью их бытия. И все бы еще ничего, по крайней мере, не было бы обидно, если бы он пользовался своим оружием один, самолично. Так нет же! Его штатным автоматом пользовались все, кому не лень, все четыре взвода: и в караул с ним заступали, и на полевые занятия по тактической подготовке забирали, где из него стреляли холостыми патронами, обозначая действия противника... При этом, те, кто с ним занимался, иной раз при постановке его обратно в пирамиду в оружейной комнате, бывало, не удосуживались даже смазать оружие, не говоря уже о том, чтобы его хорошо вычистить. А спрашивали за его состояние, причем, довольно строго, с тех курсантов, за которыми эти автоматы числились, и не дай бог, если при проверке выявится, что автомат АКМ, номер такой-то, закрепленный за курсантом таким-то – грязный, не смазан ружейным маслом, со следами нагара или, боже упаси, ржавчины! Самое малое наказание в этом случае – нарядов пять вне очереди! Был, правда, у владельцев оружия один плюс в сравнении со своими «безоружными» товарищами: последних чаще привлекали на всякие хозяйственные работы и уборку территории, хотя Алексей иногда в сердцах думал, что много бы отдал за возможность драить умывальник, а не затвор с поршнем.

Особенно доставалось хозяевам АКМов, когда надо было готовить оружие для сдачи его на склад перед отъездом в летний каникулярный отпуск. Тут вредный зав. складом беспощадно возвращал обратно автоматы при малейшем намеке на то, что какая-то единица из всей сдаваемой партии не обслужена или не смазана. Поэтому, чтобы избавиться от оружия, требовались и усердие, и смекалка. Лешка на всю жизнь запомнил эпизод, когда он в первый раз чистил свой автомат. Было это вскоре после закрепления за ним оружия. Вернувшись с учебного поля, где в ходе занятий по тактике им пришлось немного пострелять из сво-

их автоматов, они получили приказание: прежде, чем ставить оружие в пирамиду, вычистить его и смазать! Васильцов разложил на столе детали разобранного им автомата, тщательно, как ему казалось, почистил их ветошью, смазал, после чего обратился к командиру отделения:

– Товарищ сержант! Я закончил. Разрешите сдать в оружейку?

– Не спеши! – Чернов подошел к нему, держа в руке выброшенный кем-то использованный подворотничок. – Хорошо вычистил? Проверил?

– Так точно!

– Ну-ну, – сержант вытащил из пенала одно из принадлежностей для чистки автомата, так называемую выколотку, обернул ее краем белой материи с подворотничка. – Сейчас посмотрим.

Он оглядел лежащие в ряд детали автомата, взял в руки ствол со ствольной коробкой, удовлетворенно кивнул, затем сунул выколотку в крошечное отверстие в стволе, по которому пороховые газы попадали из ствола в газовую камеру, и крутанул ее там пару раз.

– Ну, вот, видишь результат своей работы? – Чернов продемонстрировал ничего не понимающему, растерянному Лешке клочок материи, черный от нагара. – Лучше чистить надо! Вот когда цвет этого лоскута после того, как ты им пошурюешь там, где я сейчас прошелся, останется по-прежнему белым, тогда и считай, что твоя задача выполнена. Все, работай!

Сержант ушел, а Алексей, стиснув зубы, продолжил чистку проклятой дырки. Но, как он ни старался, клочки белого материала после проверки им качества своей работы никак не хотели подтверждать факт очищения этого газового отверстия. Когда Лешка уже совсем отчаялся, к нему тихо подкрался Володя Симаков и жестом предложил следовать за ним. Они вышли на улицу и завернули за угол казармы, где рядом с полосой препятствий валялись обломки кирпичей, оставшиеся, очевидно, после ремонта элементов этой полосы.

– Вот, смотри! – Симаков подобрал два мелких обломка и несколько раз теранул их один об другой, от чего на землю просыпалась струйка красноватой пыли. – Натри немного такой вот пыли на тряпку и протри несколько раз через отверстие в газовой трубке, а то иначе еще долго будешь мучиться и все равно не вычистишь. Проверенное средство, меня еще в кадетке этому научили. Только гляди, чтоб никто не видел, это делать категорически запрещено. И после чистки, когда убедишься, что следов кирпича в стволе не осталось, хорошенько смажь и весь автомат, и особенно это место. Да, кирпич бери только красный, белый силикатный не подходит.

Поблагодарив друга за ценный совет, Лешка закончил чистку быстро и качественно, так, что и сержанту Чернову придраться было не к чему. Урок же, преподанный ему Вовкой, он запомнил надолго и не раз применял, особенно, когда происходила сдача оружия на склад. «Вот и пригодня, – подумал Алексей, – без этой операции, видимо, не обойтись».

После завтрака Васильцов как дежурный по роте выдал всем курсантам взвода, за кем было закреплено оружие, их АКМы, затем, оста-

вив за себя «безоружного» Мишу Белкина, прямо в оружейной комнате разобрал свой автомат (имел право, как-никак сам дежурный!) и начал его чистить.

В это момент открылась входная дверь, и в расположение роты зашел высокий здоровяк в курсантских погонах с тремя золотистыми лычками:

– Привет, четвертый взвод! Как жизнь? Я гляжу – наверно оружие хотите сдать?

– Пытаемся, – Лешка отложил в сторону затвор, который только что чистил, вытер руки и вышел из оружейки, закрыв за собой двери и навесив согласно инструкции на них замок. – Здоров, Саня!

Это действительно был Саша Черенков по прозвищу «Амбал», сержант их роты из третьего взвода, находившегося в данный момент на стажировке в Соколовске. Сашка, бывший кадет, окончивший то же суворовское училище, что и Боря Тишков, слыл веселым, дружелюбным и добродушным парнем, что несколько не вязалось с его фигурой и внешностью. Здоровенный детина с широкими, в бугристых мускулах, плечами и с длинными сильными руками, он производил на незнающих его людей устрашающее впечатление, будучи, к тому же, еще и боксером-перворазрядником в полутяжелом весе. Из-за своего солидного вида Черенков и звание сержантское получил, не будучи ни командиром отделения, ни, тем более, заместителем командира взвода. Алексей, как и все в роте, знал эту историю, произошедшую в феврале текущего 1970 года.

Суть ее состояла в том, что приближалось 100-летие со дня рождения Ленина. То тут, то там в стране возникали всевозможные починны, направленные на достойную встречу юбилея великого вождя и учителя. Каждый руководитель старался, как мог, чтобы еще более старший начальник оценил и запомнил на будущее проявленные им усердие и инициативу. Не захотело остаться в стороне и командование Холмоградского танкового училища. В его недрах и созрел такой почин: перед отъездом на зимние каникулы курсантам задержаться на один день в Холмограде и отработать этот день, разумеется, бесплатно, на одном из предприятий города. Провести своего рода коммунистический субботник. Городские власти эту идею, разумеется, поддержали и предложили для данного мероприятия местный промышленный гигант – моторный завод, где было больше всего проблем с рабсилой.

Нельзя сказать, что озвученная командованием инициатива вызвала у курсантов бурный восторг. При всей своей идейной убежденности коммунисты и комсомольцы вовсе не горели желанием терять целый день и так непродолжительных каникул, поэтому в их головах стали возникать мысли: как бы и лицо сохранить, и в училище не задержаться. Вот тут-то и родилась в недрах комитета комсомола их батальона, видимо, не без подсказки умницы секретаря комитета Сергея Пивоварова идея: провести этот субботник на родине «великого почина», в Москве, в железнодорожном депо Москва-Сортировочная, где, говорят, сам Владимир Ильич бревна носил. Прощупали почву среди кур-

сантов: москвичей и выходцев с прилегающих к столице территорий набралось около сотни. Написали письмо в депо, оттуда ответили согласием принять курсантов на субботник. И тогда группа инициаторов направилась к начальнику училища. Докладывал генералу, как самый представительный из всей группы, Саша. Как потом он сам рассказывал, в конце доклада он, как положено, закончил: «Курсант Черенков!», на что генерал тут же поправил его: «Сержант Черенков!». Возражать начальнику училища, понятное дело, никто не осмелился, и с тех пор Сашка так и учился в звании сержанта. Вообще же это его неожиданное повышение звания никак не изменило: он, как был, так и остался компанейским парнем и надежным другом.

– Ну, рассказывай, как там, в Соколовске? – спросил Алексей, пожав крепкую руку Черенкова. – Как стаж проходит? Интересно же!

К ним подошли и обступили их другие курсанты, которых интересовало то же самое. Саша поздоровался со всеми и, не спеша, стал удовлетворять любопытство своих будущих сменщиков:

– Ну, с чего начать? В Соколовске, как вы знаете, стоят штаб танковой дивизии и два танковых полка, 85-й и 91-й, а еще один танковый полк, 86-й, находится в Улановке, это километров десять от города, прямо возле полигона, за полигоном же, как вы опять-таки знаете, – наш учебный центр...

– Это мы знаем, – прервал его Миша Забалуев. – Ты лучше расскажи: куда вас конкретно направили, что вы делаете, где живете, а то – полки, полки...

– Так я дальше и хотел к этим вопросам подойти, а ты перебиваешь. Вы, ребята, слушайте и не встревайте, а то я нить разговора потеряю и какую-нибудь деталь упущу, важную для вас на будущее, – ответил Черенков. – Ладно, поехали дальше. В общем, взвод распределили по отделениям по всем трем полкам. Наше первое отделение было направлено в 85-й полк, это почти в центре Соколовска, ближе к железнодорожному мосту. Ну и назначили на свободные должности командиров взводов. Вот и командуем уже почти две недели.

– А куда тех офицеров дели, чьи места вы сейчас занимаете? – не удержался от вопроса Толя Павловский.

– Кое-кто в отпусках, кого-то куда-то переместили, а в основном эти должности вакантные. Вообще, чтоб вы знали, некомплект офицеров в дивизии огромный. Взводами командуют либо сержанты – замкомвзвода, либо офицеры из бывших студентов, которых призывают на два года, а то и младшие лейтенанты, ставшие офицерами по окончании 9-месячных курсов. Помните, такие в нашем училище были? Кадровых выпускников училищ на взводных должностях практически нет, даже те из них, кто прибыл в прошлом году, уже ротами командуют. Такая же картина и среди заместителей командиров рот по технической части.

– А чего ж так? – Лешка не мог поверить услышанному. – В Союзе шесть командных танковых училищ, да еще два училища готовят зампотехов. Куда все эти офицеры деваются?

– Не знаю, – пожал плечами Сашка. – Армия резервная, наверно

поэтому и текучка большая. На замену много офицеров уезжает: кто за границу в группы войск, кто – в отдаленку, на Сахалин там, в Забайкалье... В академии поступают. Впрочем, скоро учения, поэтому, думаю, все незанятые должности закроют.

– А что за учения, Саша-джан? Вы будете участвовать? Или нам, может, оставите? – загорелись глаза у Юрика Хачиняна.

– Дивизионные, на новых танках. И начнутся уже на днях, так что участвовать будем мы, а вам достанется почетная обязанность эти танки обслужить и поставить на хранение, – не удержался Саша от соблазна подколоть своих коллег.

И это действительно ему удалось: на лицах многих ребят проступило отчетливо выраженное разочарование.

– Ну, вот, как всегда, кому пироги да пышки, а кому – синяки и шишки, – выразил общее мнение Пашка Зубов. – И чего вы, третий взвод, такие везучие?

– Ничего, вам тоже повезло. Помимо обслуживания новых танков после учений, вам еще достанется организовать на них боевую подготовку, как то: стрельбы, вождение, так как те командиры, что служат в дивизии, о них понятия не имеют. Их же только получили, даже в боксы не загоняли, так и стоят под открытым небом. Проволокой только колючей их временный парк на полигоне обнесли да караул организовали, а убирать их под крышу планируют уже после учений. Там же, в боксах, все еще старые Т-55 находятся, их после прибытия с учений новых машин оттуда выгонят и переместят в тот самый полевой парк, о котором я уже говорил, где будут готовить к передаче на базу хранения. Судя по разговорам – в Белоруссию.

– А кто их будет готовить? Опять мы? – спросил кто-то.

– Вряд ли. Этим, скорее всего, будет заниматься дивизионный рембат, ремонтники уже готовят для себя место под лагерь возле полевого парка. Ну, и наверно подключат тех бойцов, в основном бывших заряжающих, которые на новых танках стали лишними и уже выведены в полках за штат.

– А скажи, Саня, как дивизия на учения пойдет, если они технику только получили и на ней совсем не занимались? Кто танки-то поведет? – с этим вопросом к группе ребят подошел серьезный и основательный Слава Кривцов.

– Ну, в отношении «кто поведет» они кое-что сделали: дали механикам-водителям пару раз проехать, сначала просто по кругу, а затем уже – и по препятствиям. Вроде бы все механики справились. А вот насчет огневигов, то тут действительно дело швах: ни командиры танков, ни наводчики в ведении огня из танков не тренировались. Учения-то планируются без боевой стрельбы, одна тактика. Вот вы потом и станете этих бойцов учить, если будет кого.

– Это как, «если будет кого»? – не понял Забалуев.

– А вот так! Людей в полках меньше стало, а караулы, наряды остались те же. К тому же, могут и на «пятьдесятпятки» кого-нибудь дополнительно перекинуть, чтоб быстрее от них избавиться. В конце концов, солдатики наши вполне могут элементарно дать деру.

– Что, что? – Лешка подумал, что ослышался. Не может такого быть!

– То самое. Месяца два назад один доблестный боец из нашего полка дезертировал. Из караула ушел, подлец, с поста, с автоматом и двумя полными магазинами. Две недели, как говорят, искали всем полком, да и милиция по всей округе на ушах стояла. Задержали, в конце концов, сейчас под следствием на гарнизонной гауптвахте отдыхает, суда дожидается.

– И что за «он»? – поинтересовался Кривцов.

– Так, чурка какой-то. Судя по фамилии – из Средней Азии. Как рассказывали офицеры, все на дедовщину ссылался, издеваются, мол. Вообще, дисциплинка в полку, да и других частях та еще, сами увидите.

– Ладно, хватит о грустном. Сами-то вы как устроились? – решил сменить тему разговора Зубов. – Где спите, едите, есть ли свободное время?

– Ну, когда приехали, нас хотели в казарме поселить вместе с солдатами. Мы, понятное дело, возмутились и обратились к командиру полка, дескать, чем мы будем отличаться от солдат, и какое будет у них к нам уважение, если будем спать вместе с ними. Командир пошел нам навстречу, и нам оборудовали отдельную комнату в той же казарме, но с отдельным входом. Кормимся, правда, вместе с бойцами, но здесь ничего страшного нет, столовая там неплохая, и повара толковые. Свободного времени очень мало, но в выходной, если не в наряде, можно на речку сбегать, да и вечером в кино сходить. Кстати, нас хотели было отцы-командиры выпускать в город по увольнительным, но потом сами поняли, что это абсурд: мы на офицерских должностях, командиры взводов, в гарнизонных патрулях начальниками ходим, а тут – увольнительные... В общем, отбились, свободно по Соколовску перемещаемся. Ладно, ребята, меня тут Ковбасюк за документами прислал, да еще кое-какие вещи пацаны просили захватить. Поэтому надо бежать. Что я вам не расказал – сами скоро увидите.

Черенков попроцался со всеми, кто был рядом с ним, и быстро покинул казарму, оставив курсантов четвертого взвода в недоуменных и тягостных раздумьях. Не так многие из них представляли себе службу в боевых частях.

– Ничего, парни, скоро сами поглядим, что да как, – решил успокоить всех Павел Зубов. – Сашка мог и приукрасить в чем-то. А если все в действительности так, как он говорил, – что ж, будем наводить порядок в танковых войсках!

На это оптимистичное заявление никто ему ничего не ответил.

Прошло еще две недели. Ребята сдали остававшиеся экзамены и зачеты, и теперь только стажировка отделяла их от долгожданного отпуска. Но вот поступила команда собираться и готовиться к выезду в Соколовск. Наконец-то! Вскоре они уже были на месте назначения.

Прибывших курсантов четвертого взвода встретили на строевом плацу 85-го танкового полка лейтенант Ковбасюк и представители штаба дивизии. Здесь же уже находились почти все стажеры из третьего взвода. Не было лишь ребят, проходивших практику в танковом полку, находящемся в Улановке. Приняв доклад сержанта Чернова, курсовой офицер обратился к подчиненным:

– Внимание, товарищи курсанты! Не будем терять драгоценное время. Сейчас вас распределят по местам вашей стажировки. Мудрить не будем и, по согласованию с командованием дивизии, решаем так: первое отделение остается здесь, в этом полку. Командир отделения, Вам понятно?

– Так точно! – ответил младший сержант Василий Иванов.

– Второе отделение прямо сейчас убывает в 91-й танковый полк, вы будете стажироваться там. В распоряжение части вас сопровождают, это недалеко, отсюда – не больше километра. Командуйте, командир отделения!

– Есть! – младший сержант Андрей Березюк вышел из строя и повернулся к своим подчиненным – Взять вещи и за мной на выход шагом марш!

Ковбасюк подал рукой знак, и от группы курсантов – третьевзводников отделились два человека, которые, подойдя к группе Березюка, поздоровались с ним и пошли дальше уже вместе с его отделением в направлении КПП.

– Третьему отделению пока оставаться на месте! Сейчас подойдет машина 86-го полка, привезет ваших товарищей из третьего взвода. На ней вы и поедете к месту вашей стажировки. Понятно, товарищ сержант Крючковский?

– Так точно! – отчеканил Антон.

– С Вами отправится также зам. командира взвода сержант Чернов. Он будет руководить вашей практикой на месте.

– Есть, товарищ лейтенант, отправиться в Улановку! – ответил Виктор и вполголоса обратился к стоявшему с ним рядом Иванову. – Повезло. В родной полк еду!

– Вопросы есть, товарищи курсанты? Нет? Тогда что, товарищ капитан? – обратился Ковбасюк к стоящему рядом с ним незнакомому офицеру. – Те, кто остается в Вашем полку, могут следовать в свое расположение?

– Да, пусть оставят там свои вещи и подходят к штабу полка, – ответил тот. – Там им будут конкретно указаны подразделения, где они будут проходить практику.

– Все понятно, – курсовой поглядел на аллею рядом с плацем, где находились уже отработавшие стажировку курсанты третьего взвода. – Кто желает сопроводить на место проживания вновь прибывших товарищей, пока еще нет машины с Улановки?

– Я! – поднялся со скамейки Саша Черенков и, получив одобрительный кивок лейтенанта, махнул рукой в направлении казарм. – За мной, ребята!

– Здесь недалеко, – сразу предупредил Сашка возможные вопросы.
– Да, забыл сказать: кто из вас, пацаны, попадет во вторую роту, особо ротного не донимайте. Он и так в полном расстройстве, чувствует, что снимут его скоро с должности. Жалко, хороший мужик. Толковый.

– А за что? – спросил кто-то.

– Помните, я рассказывал, как тут солдат из караула сбежал с оружием? Так это именно из второй роты. А сейчас следствие идет, выясняются разные нехорошие дела с караульной службой в полку. А кто отвечает за подготовку караула к несению им службы? Командир роты.

– А как вообще начальство здесь? – спросил Иванов.

– Тебя полковое или батальонное интересует?

– Ну, и то, и другое.

– Командир полка подполковник Фролов ничего мужик. Требовательный, но подчиненных уважает. По крайней мере, не третирует их, как иногда бывает: «я – начальник, ты – дурак». Нет, здесь с его стороны ничего подобного нет. Грубоват, правда, даже иногда рассвирепеть может, но и его надо понять: навалилось на него сейчас столько всякого. Тут тебе и новую технику надо на хранение ставить, и старую обслужить и передать, и боевую подготовку организовать, и повседневную службу нести. Людей же – с гулькин нос. Даже солдат не хватает, я уж не говорю об офицерах. А тут его со всех сторон начальство долбит. Поневоле рассвирепеешь. Начальник штаба полка – бестолочь, полный ноль. Уж не ведаю, кто его и за какие заслуги выдвинул, или протолкнул – не знаю, как правильнее сказать. Но он не в состоянии ни одного вопроса решить. Замполит? Ну, как и все замполиты: ты политику партии правильно понимай да конспекты на политзанятия с бойцами пиши и ему предъявляй, когда придет проверять, а на все остальное ему глубоко наплевать, на ту же дедовщину старается не обращать внимания. Ждет перевода в отдаленку, по замене. Вот зампотех – тот служивый, из кожи вон лезет, чтоб дальше продвинуться по службе. Вы с ним часто будете соприкасаться, пока танки не поставите в боксы. Хотя сейчас он большую часть времени проводит в лагере, где «пятдесятпятики» готовят, но и сюда заглядывать успевают. С замом по тылу я не контактировал, ничего не могу сказать. Ну, и зам по строю, или, как их сейчас называют, первый заместитель командира... Ничего, мужик толковый, но он все время проводит на полигоне, назначен начальником лагерного сбора, и будет там находиться, пока все старье не сдадут.

– А батальонное начальство? – поинтересовался Лешка.

– Насчет второго и третьего батальонов ничего не скажу, мало их знаю, я-то в первом стажировался. А вот кто из вас в первый попадет... Комбат подполковник Гришин по прозвищу «Гренадер» – хороший мужик, хоть и дубоват немного, но ничего, с ним и поговорить можно, и любой вопрос, где он в силах, может решить. Давно уже служит, опыт у него огромный, так что держитесь за него, всегда подкажет и поможет. Ротный первой роты – вакантная должность, временно ротой командует командир взвода – студент – двухгодичник. Про командира второй роты я вам уже говорил. Ну, а третьего ротного я еще в глаза не видел, он в свое время окончил курсы, а сейчас уже месяц в

нашем училище сдает экстерном экзамены, чтоб получить диплом об окончании среднего училища, на днях, вроде бы, уже должен появиться. Все, ребята, пришли, – с этими словами Черенков открыл дверь в пристройку к большой трехэтажной казарме. – Ну, вот здесь мы и жили. А штаб – вон он, напротив казармы, чуть левее. Недалеко. Видите?

Действительно, до штаба было рукой подать, поэтому вскоре, простившись с Черенковым и оставив свои вещи в отведенном им для ночлега помещении, курсанты под командованием младшего сержанта Иванова прибыли туда. Там возле входа их уже нетерпеливо поджидал давешний капитан, который при их приближении сразу же убежал внутрь здания, откуда через короткое время вышел вместе с офицером в звании майора. Последний, представившись начальником штаба полка, принял доклад Иванова о прибытии курсантов ХВТКУ к месту проведения войсковой стажировки, поздоровался с ними, после чего сразу, что называется, с места в карьер приступил к действию: взял у капитана список личного состава отделения и объявил:

– Так, товарищи курсанты! Распределяемся по подразделениям. Первый батальон. Первая рота – младший сержант Иванов, курсант Белкин. Не удивляйтесь, там два взвода без командиров. Вторая рота – курсант Васильцов. Третья рота – курсант Ветров. Второй батальон. Четвертая рота...

Начальник штаба продолжал называть места для стажировки других курсантов, но Алексей его уже не слушал, мысленно полностью сосредоточившись на указанном ему подразделении: вторая рота, вторая рота... Между тем, майор закончил распределение, спросил, нет ли вопросов, и под конец сообщил нечто такое, что сразу огорошило ребят и привело их в полное недоумение:

– И еще, товарищи курсанты! В нашем полку проводятся сборы со студентами Холмоградского университета. Эти студенты обучаются на военной кафедре, по окончании учебы они уже у себя в университете сдают экзамены и получают офицерские звания по запасу. К занятиям с ними вас никто привлекать не будет, на это у них есть свои преподаватели. Однако для несения караульной службы их задействовать нам разрешили, учитывая ситуацию в полку с личным составом, поэтому вам предстоит, помимо всего прочего, до окончания их сборов, то есть примерно еще две недели, заступать с ними в наряды в качестве начальников караулов, начиная с завтрашнего дня.

Лешка сначала не поверил в реальность того, что он услышал. Безусловно, он знал, что ему как стажеру командира взвода придется быть и начальником караула, и дежурным по парку, и начальником патруля, только дежурным по полку – вряд ли, тут должны нести службу офицеры, находящиеся на более высоких должностях. Однако во все мысленно перечисленные им наряды он будет заступать со своими, пусть и временно, но подчиненными ему солдатами, которых он будет знать и за которых – отвечать. Но какие-то студенты? Люди для него совершенно посторонние и совсем ему не знакомые... Что у них в голове? Как они будут обходиться с боевым оружием? И вообще: стреляли ли они когда-нибудь из него? Да и принимали ли присягу? Он глянул на сто-

ящих рядом товарищей и понял, что их занимают примерно такие же мысли.

– Разрешите вопрос, товарищ майор? – обратился к офицеру младший сержант Иванов.

– Задавайте! – разрешил тот.

– Как мы можем заступать в наряд с боевым оружием, имея в подчинении людей, которых совершенно не знаем и за которых юридически никакой ответственности не несем? Это же верное ЧП намечается...

– Никакого ЧП не намечается, – майор начал раздражаться, это было заметно. – Сборы идут уже два месяца, и наши офицеры этими студентами командовали и с ними в нарядах несли службу, и ваши предыдущие товарищи тоже, и – ничего же не случилось!

– До поры до времени. Если отступить от устава, то все может быть, – процедил Лешка вполголоса, но начальник штаба, тем не менее, услышал.

– Это что там за уставник такой выискался? – с грозным видом уставился он на Алексея.

– Курсант Васильцов! – отчеканил Лешка, поднял голову и в упор поглядел на майора, стараясь сохранять спокойствие, хотя внутри у него все похолодело: надо же, только приехал и уже влип в неприятность с заместителем командира полка! Об этом, конечно, сразу узнает Ковбасюк, доложит ротному и так далее... Но отступать нельзя!

Тем временем, майор, кажется, взял себя в руки и, уже с любопытством оглядев курсанта с ног до головы, задал вопрос:

– Ну, раз Вы так хорошо знаете устав, ответьте: в чем Вы в данном случае видите его нарушение?

– Я, товарищ майор, не могу сказать, что так уж хорошо знаю устав, хотя два раза в год, каждый семестр, сдаю по нему зачеты, причем с хорошими и отличными оценками. Но я знаю одно: караул надо готовить, людей туда подбирать заранее, изучать их, чтобы четко представлять себе, чего от них можно ожидать. А не так, что только приехали, еще толком не осмотрелись, в должности не вступили, и тут – заступать начальником караула, да еще не со своими подчиненными, а с совершенно неизвестными людьми.

– А со своими, значит, подчиненными Вы заступать в караул готовы? – съязвил майор.

– Познакомлюсь и – буду готов! Хотя не понимаю причин такой спешки.

Майор хотел что-то возразить, но тут открылась входная дверь, и из штаба с озабоченным видом вышел высокий поджарый подполковник с танковыми эмблемами в петлицах кителя. Он направился было к ожидавшему его поодаль «газику», но, увидев строй курсантов и своего начальника штаба, направился к ним. Майор скомандовал «Смирно!» и доложил командиру полка (а это был именно он), что заканчивает прием и распределение по подразделениям прибывших на стажировку курсантов.

Подполковник поздоровался со стажерами, услышал их ответ, после чего дал команду «Вольно!» и спросил, есть ли у кого к нему вопросы.

– Есть вопрос, товарищ подполковник! – обратился к командиру как старший среди курсантов по воинскому званию Василий Иванов. – Младший сержант Иванов! Вот сейчас нам товарищ майор сообщил, что, помимо непосредственного исполнения обязанностей командиров взводов, для чего нас, собственно, и направили, мы еще должны будем нести службу в качестве начальников караулов с какими-то студентами. Я пока не понимаю, как это будет выглядеть. Нас и в училище учили, да и в войсках я все-таки полтора года прослужил, и везде было так, что начальник заступал в караул со своими штатными подчиненными, а те – со своим штатным оружием. А что представляют из себя эти студенты, да и вообще: имеют ли они право нести службу с оружием – непонятно.

Подполковник почесал подбородок, затем, видимо, собираясь с мыслями, прошелся несколько раз вдоль строя, при этом Алексей отметил про себя: насколько усталый вид был у командира полка, после чего обратился к курсантам:

– Эх, молодежь, молодежь... Все-то они учили, все-то они знают... А вот побудете хотя бы месяц в настоящей воинской части со всеми ее заботами и проблемами, поваритесь в нашей повседневной каше, тогда, я уверен, представление о военной службе у вас изменится, даже у тех, кто уже успел послужить в войсках. Все-таки все воинские части хоть чем-то, да отличаются друг от друга, абсолютно одинаковых частей нет, хотя проблемы у многих из них одни и те же. О студентах. Из автоматов они стреляли, Военную присягу приняли, так что заступать в караул имеют все законные основания. Это ответ на Ваш вопрос, товарищ младший сержант! – подполковник смотрел на Иванова, но обращался ко всем стоящим в строю курсантам. – Ситуация в полку сложилась достаточно непростая. Мы должны в сжатые сроки обслужить и поставить на кратковременное хранение поступившую к нам новую технику, обслужить и передать в другой военный округ технику старую. При этом имеем текущий комплект личного состава даже в боевых подразделениях. При этом же все наши подразделения обеспечения и обслуживания – сокращенного состава, в каждом не более 50% бойцов, а зачастую – и того меньше. И при этом с нас никто не снимает обязанностей по несению караульной службы, охране и обороне объектов нашей части. А в караул одновременно должны заступать больше двадцати человек, практически – танковая рота в ее нынешнем штатном составе. Это еще хорошо, что мой заместитель подполковник Холмогоров, в данный момент начальник лагерного сбора, сам организовал охрану техники в полевом парке, хоть туда людей из полка выделять не надо. Так что, не от хорошей жизни мне командующий войсками нашего военного округа разрешил задействовать студентов во время их сборов для несения караульной службы. А почему именно вас определили в качестве начкаров? Да просто для того, чтобы меньше отвлекать штатных командиров взводов от изучения новых танков в ходе их обслуживания и последующей эксплуатации. Вы-то скоро уедете, а им на этих танках служить.

– И вообще, – после небольшой паузы продолжил командир, – вы на студентов не грешите. Это развитые, грамотные ребята, от них, по

крайней мере, неприятностей ждать не приходится, а вот от солдат-срочников, которых вы, казалось бы, хорошо изучили и знаете, – вполне можно. Ладно, на этом политбеседу закончим. Будете нести службу начальниками караулов в течение всего времени стажировки, в том числе и со студентами! Это – приказ! Всем ясно?

– Так точно! – дружно ответил строй.

– Ну, вот и хорошо, что всем все ясно, – подполковник заторопился уезжать. – Вопросы по размещению есть?

– Никак нет! – ответил за всех Иванов.

– Все остальные вопросы – к начальнику штаба. Я надеюсь, что майор Черноволов по мере поступления их решит.

– Так точно! – быстро ответил начальник штаба.

– Ну, а вам, товарищи курсанты, завтра к 8.30 всем прибыть на развод в составах своих подразделений! Все! Будьте здоровы! – командир полка приложил руку к козырьку фуражки, повернулся и быстрым шагом направился к поджидавшему его автомобилю.

Начальник штаба подождал, пока машина с подполковником скроется за поворотом, после чего снова обратился к все еще стоящим в строю курсантам:

– Ну, что, все слышали, что сказал командир насчет караульной службы? Больше нет желания дальше будировать этот вопрос?

– Никак нет, товарищ майор, все понятно, – ответил Иванов.

– Хорошо, закрыли тему, – с удовлетворением отметил начальник штаба. – Теперь последнее. На довольствие вас поставили согласно ваших продаттестатов по нормам солдатского пайка, уж извините, но в воинских частях курсантских норм не положено, с завтрашнего дня. Однако ужином сегодня вас накормят, указание об этом я уже дал. Так что, подходите в столовую к 19.00, поужинаете за отдельным столом, ну, а начиная с завтрашнего дня, будете принимать пищу со своими подразделениями. И самое последнее. Завтра вы должны на утреннем разводе стоять в общем строю полка вместе со своими подчиненными. Мой вам совет: пока есть время, пройдите по батальонам, познакомьтесь с их командирами и командирами рот, обговорите все свои действия хотя бы на первое время. Да, чуть не упустил один момент. На построение полка вам нужно будет прибыть в рабочей танковой форме. Комбинезоны у вас есть?

– Так точно, все в порядке! Получили новые перед отъездом сюда, – успокоил майора младший сержант Иванов.

– Вот это хорошо! – майор был доволен: хотя бы один вопрос был решен без его участия. – Их и надавайте. Если что нужно будет вам еще из так называемой мелочевки, ну, утюг, скажем, бачок для питьевой воды или что-нибудь подобное – сразу обращайтесь ко мне, я до 20.00 здесь, в штабе. Все! Вопросов ко мне нет? Тогда все свободны!

Майор Черноволов, подобно своему командиру, приложил руку к козырьку фуражки и, развернувшись, скрылся в штабе, а ребята обступили Иванова.

– Ну, что, Вася, нам дальше делать, какие планы? – спросил Коля Синев.

– Что делать? – Иванов почесал затылок. – Майор-то прав, надо и в самом деле по казармам пройтись, с комбатами и ротными познакомиться. Давайте так! Сейчас, я смотрю, у них обед, вон бойцы строем к столовой маршируют, следовательно – господа офицеры все по домам, и мы их сейчас не найдем. Поэтому предлагаю пойти в свое расположение и порубать сухпай, что нам выдали на дорогу. Можно в магазин сходить докупить кое-чего, если кому-то имеющейся у нас пищи будет мало. Часов в пять пойдем по своим батальонам, а пока отдохнем и подготовим к завтрашнему дню свою форму. Надо разложить комбинезоны и «х/б» под них. Сменку все взяли?

– Все! – ответил дружный хор голосов, а Алексей в душе поблагодарил сержанта Виктора Чернова за предусмотрительность. Это была его идея: получить в ротной каптерке, помимо черных рабочих комбинезонов, еще и по одному комплекту старого хлопчатобумажного обмундирования, ранее сданного ими и хранившегося в роте в ожидании списания:

– Вы, орлы, подумайте вот над чем, – сказал как-то он ребятам. – «Х/б» мы недавно получили, оно еще новое, ни разу не стирание и смотрится отлично. Даже на люди в нем не стыдно выйти. Но если надевать поверх него комбезы и лазить в нем по танкам, то очень скоро появятся на нем и грязь, и масло, да мало ли что еще, войска-то наши – технические. А поспею придется форму стирать, выводить пятна, после чего она будет выгладеть уже совсем не так, как сейчас. Поэтому предлагаю, пока мы в роте остались одни, пойти в каптерку и подобрать себе еще по одной гимнастерке и штанам из того обмундирования, что мы сдали, но его еще не успели списать. Из 120 комплектов отобрать 30 можно, там есть вполне сносные вещи. Отберите, подгоните, перешейте погоны, если надо – постирайте, и будете в нем работать. А новое «х/б» будет вам для службы в нарядах, да и в город выходить в нем будет нормально.

«Орлы» оценили мудрость предложения своего зам. командира взвода и, разумеется, получив разрешение командира роты, сменку подобрали себе все. Теперь они могли щеголять по полку в новенькой, хорошо подогнанной, выглаженной форме. В ней они и вышли из своего общежития, направившись по своим батальонам. Иванов, Белкин и Васильцов с Ветровым подошли к казарме первого батальона, возле входа в расположение которого стоял огромного роста, широкоплечий подполковник и что-то яростно доказывал двоим вытянувшимся перед ним в струнку солдатам со штык-ножами на поясе, очевидно – дневальным. «Действительно гренадер!» – подумал Лешка, вспомнив рассказ Саши Черенкова.

Иванов тоже узнал комбата-1, поэтому, подойдя к тому четким строевым шагом и приложив руку к пилотке, доложил:

– Товарищ подполковник! Курсанты Холмоградского высшего танкового командного училища, назначенные для прохождения войсковой стажировки во вверенном Вам батальоне, прибыли в Ваше распоряжение! Старший группы младший сержант Иванов!

Офицер всей своей огромной фигурой повернулся в их сторону:

– Ждем, ждем вас, товарищи курсанты! – густым, немного осипшим басом проговорил он, после чего пожал каждому из курсантов руку. – Вы уже знаете, в каких подразделениях будете проходить практику?

– Так точно! – подтвердил Иванов. – Начальник штаба полка определил. Я и курсант Белкин, – показал он рукой на Мишку, – назначены в первую роту, курсанты Васильцов и Ветров, соответственно, во вторую и в третью.

– Хорошо, – комбат немного задумался, затем, очевидно, принял нужное решение. – Сейчас вам делать здесь нечего, поскольку весь личный состав батальона находится в парке, люди работают на своей технике. Давайте поступим следующим образом: в 19.00 я провожу в батальоне совещание с командирами рот, вот к этому времени вы и подходите в канцелярию батальона. Это здесь, в этой казарме, возле которой мы с вами стоим. Познакомьтесь со своими непосредственными начальниками, ну, а личному составу батальона я вас представлю утром, перед разводом. Все понятно? Вопросов нет? Тогда – до скорой встречи!

Вечером, ровно без пяти минут семь, вся четверка была уже возле дверей канцелярии. Иванов постучал в дверь, затем открыл ее:

– Товарищ подполковник, разрешите войти?

Царивший за дверью гомон моментально стих, а сидевший за передним столом комбат широким жестом пригласил их войти внутрь комнаты:

– Молодцы, прибыли точно! Знакомьтесь, товарищи офицеры, это – курсанты – стажеры из Холмограда, наши командиры взводов на ближайший месяц. Прибыли на смену тем, с которыми вы работали весь прошедший июнь. Так что, прошу, как говорится, это новое пополнение любить и жаловать!

Комбат по очереди представил присутствующим всех стажеров с указанием подразделений, которыми те будут командовать, затем начал знакомить прибывших с находившимися в комнате офицерами:

– Заместитель командира батальона по политической части майор Сурмачев! – сидевший рядом с комбатом офицер в полевой форме, широкоплечий, с приятным породистым лицом и седыми висками кивнул головой, не поднимаясь с места.

– Заместитель командира батальона по технической части капитан Стриж! – невысокий офицер в черном комбинезоне, скрывавшем его погоны, вскочил с места и встал во весь рост. Худощавый, подвижный, он словно оправдывал свою фамилию.

– Исполняющий обязанности командира первой роты лейтенант Пашков! – при этих словах неторопливо поднялся сидевший в углу возле окна офицер в таком же, как у зампотеха, комбинезоне, только расстегнутом, из-под которого выглядывала хлопчатобумажная гимнастерка с четко выделяющимся на ее фоне темно-синим ромбиком, знаком об окончании гражданского технического ВУЗа.

– Командир второй роты старший лейтенант Теплов! – продолжал подполковник знакомить стажеров с их командирами. Лешка внимательно вгляделся в своего будущего непосредственного начальника, который в конце стажировки должен будет написать отзыв о прохож-

дении практики и дать характеристику ему, курсанту Васильцову. Первое впечатление – ничего, вроде бы, дядька, взгляд внимательный, спокойный. Что ж, посмотрим, что будет дальше.

– Исполняющий обязанности командира третьей роты... – закончить комбат не успел, в дверь постучали, и чей-то густой бас спросил в приоткрывшийся проем:

– Товарищ подполковник, разрешите присутствовать?

– О – о, как ты вовремя! Конечно, разрешаю! Знакомьтесь, товарищи курсанты – командир третьей роты лейтенант Завирюха! – комбат обнял офицера и с чувством пожал ему руку. – Как, Павел Иванович, все сдал, готов к службе?

– Так точно, товарищ подполковник! Как говорится, анализы сдал, экзамены сдал, диплом получил. Готов немедленно приступить к исполнению своих служебных обязанностей!

– Вот и славно, лейтенант! Обрадовал старика. Вот тебе за это помощник на целый месяц – стажер командира взвода курсант Ветров! – комбат указал на Володю. – Присаживайся, а то я уже твоего ВРИО начал ребятам представлять.

Пока неожиданно появившийся ротный-3 садился на свободный стул, Алексей оглядел его. На вид лейтенанту было явно за тридцать, цыганского вида, высокий, с длинными сильными руками. Темные волосы с выделявшимися на их фоне глубокими залысинами вкуче с обветренным, морщинистым лицом ясно говорили о том, что служит офицер достаточно давно. Не зря же командир батальона обратился к нему по имени и отчеству!

Между тем, представив присутствующих друг другу, подполковник продолжил:

– Ну, вот, товарищи ротные, это – те специалисты, которые помогут вам изучить новые танки. Используйте их на всю катушку, чтобы они за отведенное на практику время помогли вам по максимуму. Только особенно губы не раскатывайте, так как одновременно с работой в парке или на полигоне наши стажеры будут заступать в наряды как вместе с вами, так и в качестве начальников караулов со студентами. К примеру, завтра уйдет в такой наряд курсант Белкин, – Миша встал, но комбат жестом рукой велел ему садиться, – послезавтра – курсант Васильцов, ну и так далее. При планировании своей работы учитывайте данное обстоятельство. Ну, а сейчас... Пожалуй, больше задерживать ребят не будем, пусть отдохнут с дороги, изучат распорядок дня, поужинают, а завтра к 8.20 всем прибыть сюда, в батальон! Форма одежды – в комбинезонах! Все ясно, товарищи курсанты? Вопросы есть?

– Так точно, все ясно! Вопросов нет! – дружно ответили все четверо.

– Тогда вы свободны! А мы с вашими командирами обсудим наши текущие вопросы и решим, какие задания вам определить. Можете идти!

– Есть! – стажеры один за другим вышли из канцелярии.

Утро следующего дня началось с пробуждения от топота множества ног за окном. Лешка оторвал голову от подушки: все ребята еще нежились в постелях, кто-то уже шевелился, а кто-то все еще мерно посапывал.

– А ну – подъем, гренадеры! – Иванов уже сидел на постели, откинувши одеяло. – А то на завтрак опоздаем. Есть желающие бежать на зарядку?

– Еще чего! – пробурчал Толя Павловский. – Здесь все-таки не училище, мы – сами себе командиры.

– Ну, тогда каждый действует самостоятельно, – разрешил сержант. – Без пятнадцати восемь дружно выходим в столовую, время до этого срока используем индивидуально!

– Леша, пошли хоть немного пробежимся, – предложил Алексею Ветров.

– Давай! – ребята надели спортивные костюмы и вместе с присоединившимися к ним Синевым и Белкиным выбежали из своего расположения. Пробежавшись минут пятнадцать и помахав на спортгородке руками, курсанты вернулись обратно: надо было еще привести в надлежащий вид свое место ночлега, провести утренний туалет и, самое главное, не опоздать на завтрак и, тем более, на построение батальона.

Когда стажеры точно к назначенному им времени подошли к казарме, то увидели, что сержанты уже выстраивают свои взвода и роты, а неподалеку от места построения – стоящих тесной кучкой командиров, к которым и направились.

– Здравия желаем, товарищи офицеры! – поприветствовал их Иванов и приложил руку к пилотке; то же самое сделали и остальные курсанты. Все присутствующие повернулись к ним и стали с веселыми шутками пожимать им руки. Лешку поразило, насколько сердечно встретили их появление здесь старшие по рангу товарищи, он с гордостью ощутил и свою принадлежность к славной касте советских офицеров.

Но вот из казармы показался командир батальона. Все кучковавшиеся отдельно от строя офицеры бросились к своим подразделениям, стажеры последовали за ними. На середину строя вышел командир Лешкиной роты:

– Батальон, равняйся! Смирно! – затем офицер повернулся к комбату. – Товарищ подполковник! Первый батальон на развод построен! Командир второй роты старший лейтенант Теплов!

– Здравствуйте, товарищи танкисты! – обратился к стоящим в строю подполковник Гришин.

– Здравия желаем, товарищ подполковник! – был дружный ответ строя.

– Вольно! – скомандовал комбат. – Я смотрю, командиры рот уже поставили стажеров в строй. Ну, что ж, тогда сами и представите их бойцам. А сейчас не будем терять времени. Батальон, равняйся! Смирно! К месту развода полка шагом марш!

С уже знакомого курсантам полкового плаца все подразделения полка, в том числе, разумеется, и вторая танковая рота, прибыли в парк боевых машин. В распахнутые настежь ворота КТП солдаты входили одной большой колонной, а уж затем ротами расходились в разные стороны к бесчисленным, заполонившим все бетонированные площадки и дорожки пришедшим с учений новым танкам.

– Рота, стой! – командовал старший лейтенант Теплов возле очередной группы танков, затем, повернув бойцов лицом к машинам так, что из строя в колонну по три образовался новый строй в три шеренги, обратился к подчиненным. – В первую очередь, товарищи солдаты и сержанты, представляю вам временно исполняющего обязанности командира третьего взвода курсанта-стажера Холмоградского танкового училища Васильцова Алексея Ивановича!

По сигналу рукой командира роты Лешка вышел из строя.

– Все увидели? Ну, в процессе дальнейшей совместной службы познакомитесь поближе. А пока обращаю внимание на то, что все приказы и распоряжения нового командира взвода должны исполняться согласно уставу своевременно и беспрекословно, как и командиров, носящих офицерские погоны. И предупреждаю: никакого панибратства, все обращения к стажеру – строго по уставу: товарищ курсант! Помните, что это ваш командир! Всем понятно? Вопросов нет, значит – всем. Становитесь в строй, товарищ курсант!

– Есть! – Алексей возвратился на свое место.

– Теперь то, что касается всех, – продолжил ротный. – Командир полка поставил задачу до конца этой недели закончить обслуживание техники и убрать все танки боевой группы в боксы. Исходя из этого, и будем действовать. Сейчас первому и второму взводам разойтись по своим машинам и заняться доочисткой ходовой части! Затем займетесь боевым отделением.

– Так мы же уже помыли ходовую, товарищ командир, – напомнил Теплов стоявший на правом фланге высокий худой младший лейтенант, командир первого взвода. – Что там с ней еще возиться?

– Знаю об этом, Дремов, не хуже Вас, – подчеркнуто спокойно, но все же с некоторым раздражением ответил командир роты. – Но Вы, наверно, забыли, что мыли мы танки из шлангов водой под сильным напором. И хотя основную грязь мы смыли, но в разных укромных местах она могла остаться. Поэтому организуйте работу так, чтобы и гусеницы, и поддерживающие ролики, и катки с амортизаторами были вычищены безукоризненно, и к ходовой части нам больше обращаться не пришлось. Чтобы осталось только покрыть гудроном чистые гусеницы, загнать танки в боксы и под руководством зампотеха законсервировать двигатели.

– Разрешите вопрос, товарищ старший лейтенант? – обратился лейтенант, командир второго взвода. – Вы мне обещали прислать человека вместо Нурматова.

– Я помню об этом, Фомичев, получите, – ротный посмотрел на часы. – Все! Первый и второй взвода – по машинам и приступить к работе! Третьему пока остаться на месте! Всех касается: когда будет команда на обед – быстро снять комбинезоны и на выход! Охрана танков – от второго взвода. Выполняйте!

– Есть! – оба взводных повели подчиненных к своим танкам.

– Теперь третий взвод, – Теплов повернулся к Алексею. – У Вас будут обслуживаться не три, а два танка. Почему – сейчас объясню. Один танк из Вашего взвода отнесен к учебно-боевой группе. Надеюсь, Вы понимаете, что это означает?

– Так точно! – из курса эксплуатации и хранения, который они штудировали весь третий год учебы, Лешка знал, что есть танки боевой группы, обычно стоящие в боксах на кратковременном хранении и выводимые один или два раза в год на большие учения, и учебно-боевой группы, часто именуемые просто «учебные». На последних, составляющих, как правило, до 10 процентов от общего числа машин в полку, и должны проводиться все занятия по боевой подготовке, как то: стрельбы, вождение, ротные тактические учения, занятия по форсированию водных преград и так далее.

– Так вот! Все учебно-боевые танки полка, в том числе и Ваш, сейчас находятся вон в том углу парка под навесом, – командир роты указал рукой в сторону предполагаемого навеса. – Когда выберете время, можете пройти туда и взглянуть на него. Но не сейчас! В данный момент все силы должны быть брошены на обслуживание боевых танков. Поэтому бойцами с учебного танка усильте остальные свои экипажи, а одного из «учебников», лучше – наводчика орудия, передайте в распоряжение командира второго взвода лейтенанта Фомичева. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, все понятно! – ответил Алексей, хотя и царапнула мысль о том, что он должен пусть и временно, но отдать своего подчиненного другому командиру. Наверно, он и у себя нашел бы ему применение. Но, подумав, Лешка решил, что ротный все же прав, он отвечает не за три машины, а за все десять, и ему виднее, как лучше использовать подчиненный личный состав.

Алексей подошел ко взводу. Солдаты собрались возле первого танка и что-то оживленно обсуждали.

– Что случилось, ребята? – Васильцов решил на первых порах не особо официализничать. – О чем спор?

– Да вот, товарищ курсант, не знаем, что делать, как нам все остающиеся элементы ходовой части обслужить, – ответил за всех бойцов среднего роста коренастый танкист. Алексей уже знал, что это – сержант Демченко, зам. командира взвода, его заместитель.

– А до сих пор как Вы танки обслуживали? Не первый же месяц служите, и в учениях наверняка раньше тоже участвовали, – Лешка уже понял: проверяют его подчиненные, знают ведь, скорее всего, что делать.

– Так ведь раньше-то были «пятьдесятпятки», – продолжал упорствовать сержант. – Там было милое дело: выбил палец, раскатал гусеницу и вся ходовая перед тобой, чисти – не хочу! А здесь совсем другое соединение траков...

«Да, здесь звенья гусеницы, траки, соединяются в единую цепь совсем по-другому, – мысленно согласился с сержантом Лешка. – Ну-ка, вспоминай курсант Васильцов, чему тебя учили все прошедшее время!»

– Да, на этих танках соединительный палец не выбьешь, – согласился с подчиненным Алексей. – А срезать головки крепежных болтов для того, чтобы рассоединить гусеницу, нет смысла: и долго, и на место их обратно потом не поставишь, нужны новые, а их наверняка нет.

Поэтому предлагаю: максимально ослабить натяжение гусеницы, приподнять ее как можно выше, подставить под нее подпорки и чистить все, до чего в обычном положении трудно добраться. Потом снова натянуть ее как положено.

– Здорово. Мы вообще-то тоже так думали сделать, но не решались Вам предложить, – находчивость сержанта импонировала Лешке.

– Ну, если так думали, то так и делайте! Все, Демченко! Наводчика с третьего танка отправить во второй взвод, а командира и механика-водителя распределите между нашими оставшимися экипажами, кого куда – Вам виднее. Выполняйте!

– Есть! – с каким-то внутренним удовольствием ответил сержант, быстро построил взвод и отдал соответствующие распоряжения.

Алексей еще немного постоял возле своих танков, убедился, что подчиненные поняли его правильно и делают все, как надо. А чем теперь заняться ему самому? Возни с ходовой частью бойцам хватит надолго, если не на весь день, то до обеда – точно, и мешать им не стоит. Пролететь по башням обеих машин, посмотреть, что делается в их боевых отделениях? Но, наверно, не стоит соваться, как говорится, поперед батьки в пекло, инициатива часто бывает наказуема. Сходить посмотреть свой третий танк? А если вдруг ротному что-то от него понадобится, и он хватится курсанта Васильцова, а того не окажется на месте?

Так и не решив, что же ему делать, Лешка продолжал смотреть на работу своих подчиненных, готовый в любую минуту вмешаться и поправить, если что-то будет делаться не так. Но пока этого не требовалось, и он просто наблюдал за поистине броуновским движением снующих туда-сюда грозных боевых машин, перемещения которых, казалось, не поддавались никакой логике. «Не придавили бы кого-нибудь в такой-то кутерьме», – подумал он и в этот момент услышал, что вроде бы кто-то его зовет.

– Эй, курсач, давай к нам! – услышал он снова, на этот раз более отчетливо и поднял голову. Неподдалеку от него, прямо посередине узенькой пешеходной дорожки, ведущей к окантованной несколькими чахлыми деревьями курилке, стояли командиры взводов из их роты, Дремов и Фомичев, а также еще двое незнакомых Лешке офицеров. Все четверо курили, искоса поглядывая на копошащихся неподалеку солдат. При этом, Дремов еще что-то рассказывал своим слушателям.

Алексей сначала обиделся было на это иронично-пренебрежительное «курсач», но потом подумал, что, во-первых, так его самого и его однокашников называют часто и не только здесь, а, во-вторых, эти же офицеры встретили их, стажеров, тепло и сердечно, потому и обижаться на них не следует. Он взглянул еще раз на своих подчиненных: работают споро, все в порядке, его вмешательства не требуется. Хорошо. Можно и поболтать с коллегами. Он подошел к офицерам и поздоровался с незнакомцами, один из которых, среднего роста лейтенант с гражданским ромбиком на полушерстяной гимнастерке, оказался замполтехом их роты Суровым, а второй, высокий красавец в комбинезоне – бывшим взводным из первой роты лейтенантом Холодковым, который несколько ме-

сяцев назад был выдвинут командовать девятой ротой. Все они слушали анекдоты в изложении Дремова, а Лешка тем временем присматривался к рассказчику, вернее, к его значку «ВУ», хорошо заметному на гимнастерке, заправленной в расстегнутый до пояса комбинезон. «Странно, – подумал Алексей, – закончил нормальное среднее училище, а звание – «младший лейтенант», хотя по выпуску должен был бы быть, как минимум, лейтенантом. Может, как Завирюха, после курсов сдал экзамены экстерном за курс училища?». Впрочем, вставши рядом с офицером, Лешка сразу уловил возможную причину несоответствия звания и образования Дремова: от него исходил сильный и стойкий запах спиртового перегара, а лицо имело сильно помятый вид.

– Да-а, – протянул младший лейтенант. – Переборщил я малость вчера. Скорей бы обед, да «боржомчика» хватануть, а то все нутро наизнанку выворачивает. А скоро опять праздник: именины у соседа.

– Пропадешь ты так, Саша, – задумчиво произнес Фомичев. – Все-то у тебя праздники. Тут никакого здоровья не хватит. И уволиться не успеешь.

– Успею, – убежденно подчеркнул Дремов. – Чем чаще буду попадаться, тем быстрее в народное хозяйство уйду.

– Что, господа офицеры, все задачи выполнены, танки обслужены, можно и внимания не обращать на работу подчиненных? – проходивший с озабоченным видом ротный приостановился возле их группы.

– Да все в порядке, шеф! Бойцы свое дело знают, все выполняют как надо, – попытался оправдаться Дремов.

– Во-первых, Вы, товарищ младший лейтенант, находитесь на службе, поэтому попрошу обращаться ко мне, как предписано уставом, по воинскому званию!

– Есть обращаться к Вам, товарищ старший лейтенант, по воинскому званию! – рявкнул Дремов и ернически вытянулся во фронт.

– Во-вторых, товарищ младший лейтенант, – не обращая внимания на выпад своего взводного, продолжил Теплов, – Вы отвечаете не только за полноту и качество обслуживания танков своего взвода, за что я с Вас еще спрошу, но и за соблюдение Вашими подчиненными мер безопасности при работе на технике. И если, не приведи Господь, кто-нибудь из них погибнет или получит травму, то вместо увольнения в запас, к чему Вы так стремитесь, пойдете под трибунал, и будет Вам тогда небо в клеточку на несколько лет. А чтобы ничего подобного не случилось, Ваше место – рядом с Вашими солдатами. Все! Выполняйте!

На это Дремов ничего не ответил, только повернулся и медленно, вразвалочку направился к своим танкам.

– Вас, лейтенант Фомичев, это тоже касается, – командир роты перевел взгляд на командира второго взвода.

– Разрешите идти ко взводу? – поднес тот руку к козырьку фуражки.

– Идите! И не забудьте оставить солдата для охраны танков на время обеда, указания об этом я Вам уже давал на утреннем разводе.

– Разрешите и мне идти, товарищ старший лейтенант? – Алексей также решил, что сейчас лучше находиться рядом с бойцами своего взвода.

– Нет, Васильцов, Вы пока останетесь здесь, Вы мне нужны. Я посмотрел: работу Вы организовали толково, ну, а с ее выполнением Ваш заместитель справится не хуже Вас, – распорядился командир роты и поздоровался со все еще стоявшими рядом с ними двумя другими офицерами.

– Ты мне, Толя, подчиненных не разлагай, – укоризненно сказал ротный лейтенанту Холодкову. – У себя, небось, дисциплину и порядок требуешь, а у других – неважно?

– Да я, Михаил Павлович, всего-то на минуту тормознул, свои ведь все ребята. Ладно, ладно, не ругайтесь, убегаю.

– Ну, а у тебя, Андрей, как дела, как дела, когда регламент закончите? – обратился Теплов к своему заместителю по технической части. Алексей понял, что речь зашла об обслуживании старых танков Т-55. – Ох, как мне тебя сейчас не хватает...

– Да еще пару недель повозиться придется, – лейтенант почесал затылок. – Объем работы приличный, а людей мало. Дали бы еще хоть пару человек, товарищ старший лейтенант...

– Да где ж я их тебе возьму, Андрей Сергеевич? Видишь, что тут делается? К концу недели техника должна стоять в боксах, хоть разорвись! Да, кстати, не забудь договориться с зампотехом батальона, чтоб по первому моему слову отпустил тебя провести консервацию движков на новых машинах. И аппарат для консервации подготовь!

– Все сделаю, товарищ старший лейтенант, не беспокойтесь, – ответ лейтенанта Сурова прозвучал спокойно и уверенно. – А сейчас разрешите идти? Я вообще-то за ветошью прибыл, но склад оказался на замке, вот я и ждал, а сейчас, гляжу, вроде как открылся.

– Иди, Андрей, иди, дорогой! Вся надежда на тебя, быстрей бы сдать эти чертовы «гробы», мать их! – ротный в сердцах выругался и только теперь обратил внимание на Алексея. – Ну, что, курсант, пошли, все-таки покажу тебе твой третий танк сейчас, а то будет ли время в дальнейшем и когда будет – не знаю. Ты в караул когда заступаешь?

– Завтра, товарищ старший лейтенант.

– Ну вот, а сегодня и завтра до обеда придется плотно поработать, и будет нам с тобой не до учебного танка. И вообще, когда мы не в строю, а вот, как сейчас, один на один, можешь называть меня просто – Михаил Павлович.

– Есть! А как я сейчас свой взвод оставлю? Даже на короткое время, и то рискованно, Вы правильно сказали.

– Ничего, у тебя сержант надежный, все сделает, как надо. Побольше бы таких!

Они подошли к танкам Лешкиного взвода. Теплов придиричливо оценил сделанное, выдал несколько замечаний, похвалил Демченко за четкую работу и напомнил ему, чтобы, когда поведет солдат из парка на обед, обязательно оставил для охраны танков роты одного из солдат со второго взвода, потому как получивший данное распоряжение командир взвода лейтенант Фомичев легко может о нем забыть.

– А зачем охрана, Михаил Павлович? – спросил Алексей, когда они уже отошли на некоторое расстояние от своих боевых танков и направились к танкам учебным.

– Воровство процветает, Алексей. Только оставь без надзора – мигом растащат все: и запчасти, и инструмент, да и с самих танков могут много чего посягать. Вечером-то по окончании работы все люки танков закрывают и печатают, да и покидают парк все одновременно, равно как и приходят утром сюда прямо с развода. А вот в обед, сам видишь, все разложено, разобрано, бери – не хочу!

– Да кому оно все это нужно? – не мог понять Лешка.

– Мало ли кому... К примеру, солдат-разгильдяй потерял ключ какой-либо или еще какой-то инструмент или запчасть. Обращается к командиру: дескать, что делать, а тот ему: чего ты ко мне обращаешься, где я тебе возьму, пойд и укради у соседа. И пошла цепная реакция... Кроме того, много чего из комплекта танков пользуется уважением среди местного населения, зимние шлемофоны, например. Солдатик загонит его за десятку, деньги пропьет, а потом к командиру: украли, мол. Не зря же многие дефицитные мелочи с танков второй роты у меня дома лежат, даже в каптерке оставить их не могу. И так не только у нас, эта картина – по всем воинским частям Советской армии. По крайней мере, по тем, где я служил или просто бывал. Вот так-то, курсант!

Некоторое время они шли молча, потом Лешка все же решился задать так интересующий его вопрос:

– Михаил Павлович, а почему Дремов – младший лейтенант? Я видел, значок у него как после окончания обычного среднего училища, а оттуда лейтенантами выходят.

– А понизили его в воинском звании по решению суда офицерской чести за систематическое пьянство и по этой причине – невыходы на службу. Не хочет служить, на гражданку стремится. Не понимает, дурачок, что уйти отсюда можно только по 61-й статье Положения о прохождении офицерской службы, то есть за поступки, дискредитирующие звание офицера. Ну, или комиссоваться по состоянию здоровья. Но второй вариант у него заведомо не проходит: здоров как бык. Вот он и решил пойти по первому варианту. Вот только не думает, что может не только снять погоны, но и срок получить, есть в уголовном кодексе такая статья. Достаточно мне только докладную военному прокурору написать. Конечно, с первого раза мало что выйдет, прокуроры тоже не особо работать хотят, а вот с третьего-четвертого – все может быть.

– Так Вы бы с ним поговорили об этом, объяснили, чем он рискует.

– Говорил, и не раз. Не доходит. Вот и приходится командовать этой ротой, словно на пороховой бочке сидеть: поди предугадай, какой фортель кто в очередной раз выкинет. Хуже всего то, что я не могу ни на кого из офицеров роты опереться. Только лейтенант Суров, замполтех, которого ты сейчас видел, более-менее надежен, хоть и двухгодичник. А вот из командиров... Одна надежда: может хоть на тот взвод, которым ты сейчас командуешь, придет толковый выпускник этого года. Не я, так другой ротный меньше будет мучиться.

– А командир второго взвода? – спросил Лешка, не обратив внимания на последнюю ремарку старшего лейтенанта.

– Фомичев первое время старался служить, но потом попал под влияние Дремова и сейчас выполняет свои обязанности так же, как и его друг. Плюс ко всему памятью страдает: получит приказание, каблуками щелкнет, скажет «Есть!», но совсем не факт, что его выполнит. Потому и приходится дублировать через сержантов. А спросишь у него: почему не выполнил – сделает ангельское лицо и скажет: «Забыл, товарищ старший лейтенант!». Святая простота! Тоже не хочет служить, но ему проще: на два года призван, закончится срок – и уйдет. Кстати, он тогда и был начальником караула, когда Нурматов дезертировал.

– А как это случилось? – не удержался от неприятного вопроса Алексей.

– Как случилось, так и случилось, – не сразу, но все же ответил Теплов. Видно было, что вспоминать о произошедшем ему не хочется, но все-таки он начал рассказывать. – Я тогда как раз вместе с ними дежурным по полку заступил. Сначала все было нормально, я даже караул успел проверить, а потом ночью звонит Фомичев: «Что делать, товарищ старший лейтенант, часового на посту нет!» Как, нет? А так: пришло время этому Нурматову идти на пост, он, как положено, вооружился и ушел с разводящим и остальной сменой. А разводящий, сержант довольно бестолковый, да и как командир – слабенький, вывел смену за территорию караульного городка и распустил: идите, мол, меняйтесь. Это первое нарушение, за что впоследствии и зацепился следователь – не инструктировали, дескать, караульных ни начальник караула, ни дежурный на разводе. Ну, с Фомичева что взять – двухгодичник, а вот я – кадровый, на мне можно свою непримиримость к нарушителям устава показать.

Старший лейтенант некоторое время шел молча, потом продолжил:

– В общем, все сменившиеся часовые прибыли в караулку, новые – взяли посты под охрану, видимо, в это время Нурматов с поста и дернул. Смену эту, заступившую, должен был проверять начальник караула и, разумеется, не проверял, хотя запись в постовой ведомости о проверке сделал. А когда через два часа новая смена пришла на посты, на одном из них часового и не обнаружила. Я вынужден был доложить командиру полка и оперативному дежурному дивизии. Вот тогда и начался переполох, даже вспоминать об этом не хочется, – он снова надолго замолчал.

– А дальше что было, Михаил Павлович? – после паузы спросил Алексей.

– Дальше? Бегал он почти две недели. В основном шастал по дачам, чаще всего – необитаемым. Влезет туда, наберет продуктов – и снова на ночлег в лесополосы или в степные балки. Хотя пару раз и на хозяев попадал, тут уж ему все беспрекословно отдавали: против вооруженного бандита не попрешь! Люди и сообщили в милицию об его последнем визите, после чего его и повязали.

– Так на что же он рассчитывал?

– Я, честно сказать, так и не понял. Скорее всего, решил он уйти неожиданно даже для самого себя, плана у него никакого не было.

Шансов пробраться домой у него тоже не было: менты по нашей заявке оперативно перекрыли все дороги, а мы почти полным составом полка прочесали всю округу по квадратам. Слава богу, что он оружие ни разу не решился применить, иначе с нами сейчас совсем бы по-другому разговаривали.

– И где он сейчас?

– Здесь, в Соколовске, на гауптвахте. Еще следствие идет. Как только задержали, сразу группа поддержки с его родины объявилась, одних адвокатов – три человека. Все дружно бьют на то, что дедовщина проклятая у нас процветает, унижали его, вот он и не выдержал. Только все это – туфта. Служить не захотел, вот и дал деру.

– Почему Вы так думаете?

– Ну, сам посуди: если бы над ним так уж сильно издевались, что просто немоготу, неужели у него не возникло бы желания поквитаться со своими обидчиками, а потом уже уйти? А у него не возникло, хотя 60 патронов вполне достаточно, чтобы перестрелять весь караул во главе с начальником. И потом, он же не молодой солдат, второй период служил, из учебки прибыл, где его на наводчика орудия готовили. Да и порусски хорошо понимал и говорил. Ладно, черт с ним, что теперь бестолку воду в ступе толочь! – Теплов с ожесточением махнул рукой. – Вся карьера мне испортил, подлец. Я ведь после окончания Казанского танкового училища пять лет в Германии прослужил, в Чехословакию в 1968 году входил, медаль «За боевые заслуги» за эту операцию имею. Там я и роту под свое командование впервые получил, хотя в тех условиях это было очень непросто. А потом по прямой замене сюда прибыл, два года прослужил, и – на тебе! Сейчас вот жду суда над Нурматовым, после чего, скорее всего, распрощаюсь с командованием ротой.

– А может, обойдется?

– Вряд ли. Готовил караул, подбирал туда людей я. Опять же, дежурным по части, то есть прямым начальником над караулом тоже был я. Куда ни кинь – всюду клин. И потом, я ведь тебе уже говорил, что Фомичев – офицер-любитель, осенью на дембель пойдет, что толку его наказывать, а начальникам надо кого-то непременно и сурово наказать, иначе накажут их, а так – может и пронесет. Да я и сам свою вину признаю: замотался со всеми этими старыми – новыми танками, подготовка к учениям много времени и сил отняла, вот и выпустил из-под контроля ситуацию в роте. А старшина роты слабак оказался, не смог надлежащую дисциплину обеспечить, да и вообще ситуацией в роте не владел. И сержанты в роте – не лучше. Один твой зам Демченко молодец! Но осенью уходит! Я уже с ним не раз беседовал, предлагал на сверхсрочную остаться, перспективы всякие рисовал – отказался наотрез. Я, говорит, товарищ старший лейтенант, – потомственный хлебоборок, и дед мой, и отец, да и все наши предки покоен веков на Кубани хлеб растили, и я тоже должен на земле работать, семейной традиции изменять не имею права. Вот и весь разговор. Другие же сержанты и близко своим должностям не соответствуют. Ладно, пришли уже, вот твой танк, в первом ряду второй слева. Посмотри, запомни, и пошли назад. Работы много.

Возвратившись обратно во взвод, Алексей с удовлетворением отметил, что подчиненные выполняют поставленную задачу дружно, с огоньком, и его отсутствие ни на темпах, ни на качестве работы не сказывается. Демченко разделил взвод пополам и, более того, устроил между этими импровизированными экипажами соревнования. Отрадно было и то, что работали все: и молодые танкисты, только пришедшие из учебки, и те, кто уже через два-три месяца будет собираться домой. Увидев возле одного из танков своего заместителя, Васильцов подошел к нему. Тот подошел, вытирая на ходу ветошью руки.

– Молодец, сержант! – похвалил его Алексей. – Хорошо организовал работу.

– Рад стараться, товарищ курсант! – вытянувшись в струнку, отчеканил Демченко, в глазах которого при этом запрыгали насмешливые чертики.

– Не кричи, у меня нормальный слух! – Лешка было вспыхнул, но быстро взял себя в руки. – Давай для начала договоримся: если мы не в строю, а вот, как сейчас, один на один, и никого из бойцов рядом нет, то обращайся ко мне на «ты» и по имени. Меня Алексей зовут, ты, я знаю, – Иван. Субординацию надо соблюдать, только если подчиненные будут рядом. Тут уж ничего не поделаешь, я – хоть и временный, но все-таки командир. Договорились?

– Договорились! – Демченко пожал Лешкину протянутую руку.

– Ну, а теперь рассказывай! – потребовал Алексей.

– Да что тут рассказывать? Мы решили не дробиться по одному, а двумя командами выдраить правые стороны у обеих машин, а потом, после обеда, оставшиеся левые. Так оно и видно наглядно, какой экипаж как работает, и по два раза к одному и тому же участку обращаться не надо.

– Толково, – одобрительно заметил Лешка. – А как общее состояние ходовой, течи, подтекания есть где-нибудь? С амортизаторов, например?

– Нет, все в порядке. Техника ж новая. Вот уже два дня танки на этом месте стоят – ни масла, ни какой другой жидкости на бетонке не видно. Сам посмотри.

Алексей со своим заместителем подошли к первому танку. Действительно, вся ходовая часть вычищена, никаких следов грязи не просматривается. Трое танкистов заканчивали протирать боковину корпуса танка.

– Что ж, хорошо, – отметил Васильцов. – А с ветошью как, хватает?

– Нормально, – успокоил его сержант. – Запотех подкинул. Он для тех, что в лагере, получал, ну, и нам выделил.

– Ладно, Ваня, пусть бойцы продолжают работать, а мы с тобой давай по башням пролезем, – предложил Лешка. – Думаю, что следующими объектами атаки будут боевые отделения танков. Да и в отделении механика-водителя на обеих машинах надо глянуть.

Они по очереди осмотрели изнутри оба танка, и Алексей получил представление о том, что там делается. Пришлось признать, что грязи

хватает, и поработать придется, а крайне сжатое внутреннее свободное пространство задачу только усложняет.

– На учениях стреляли? – спросил Алексей своего зама.

– Из пушек – нет, – ответил тот, – а вот из пулеметов холостыми пришлось. Мы пулеметы после стрельбы залили ружейным маслом, и все. Надо бы почистить толком.

– Значит, необходимо будет, не откладывая, обслужить вооружение, – задумчиво отметил Лешка, и сержант согласился с ним.

Когда они, обмениваясь впечатлениями и соображениями по организации дальнейшей работы, спрыгнули на землю со второго танка, возле них остановился проходивший мимо командир роты:

– Что, отцы-командиры, работа идет? Товарищ курсант, доложите о текущей ситуации во взводе!

– Есть! – Алексей переглянулся с Демченко. – Личный состав взвода занимается обслуживанием танков боевой группы. Сегодня закончим работу с ходовой частью, останется только прогудронировать гусеницы, но это, как я понимаю, будет сделано по Вашей команде перед самой постановкой машин в боксы. Завтра с утра, думаю, есть смысл почистить и смазать пушки и пулеметы, а потом заняться наведением порядка в боевом и моторно-трансмиссионном отделениях.

– Что ж, в целом – согласен, – одобрил план старший лейтенант Теплов, – а частности уточним завтра утром. Какая помощь вам нужна?

– Ну, ветоши у нас хватит, – Лешка глянул на сержанта, тот утвердительно качнул головой. – А вот что еще надо... Наверно, с учетом планируемой на завтра работы с вооружением стоило бы заказать раствор для чистки стволов РЧС, да и пушечной смазки у нас тоже нет. Ну, и ружейного масла маловато.

– Хорошо, – Теплов сделал какие-то пометки в своем блокноте. – Постараюсь помочь. Главное, запомните, – в пятницу танки должны стоять в боксах на своих местах с законсервированными двигателями, а аккумуляторы сняты и сданы на хранение и подзарядку! Сегодня – вторник, вот и судите сами, сколько у нас осталось дней на обслуживание этих танков.

– Товарищ старший лейтенант! – Алексей решил уточнить еще один, на его взгляд, важный момент, – Надо бы как-то стабилизаторы проверить, а включать их возможно только тогда, когда работает двигатель. Может, когда будем танки перегонять в боксы, попутно и это дело решим?

– Толковое предложение, – ротный благодарно посмотрел на своего командира взвода. – Я, если честно, выпустил этот вопрос из внимания. Доложу комбату, думаю, что он против не будет. Но в любом случае, если к моменту постановки машин в боксы никаких распоряжений по этому поводу не получите, напомните мне!

Вечером собравшиеся в своем общежитии стажеры делились впечатлениями о первом дне службы в новом качестве. У всех этот день получился примерно одинаковым, поэтому об обслуживании техники почти не говорили, а обмен мнениями в основном свелся к обсуждению состояния дел и обстановки в полку.

– Да – а, не как в песне, нет порядка в танковых войсках, – вошедший в комнату с полотенцем на шее Толик Павловский тяжело плюхнулся на кровать. – Не поверите, пацаны, намотался сегодня, как никогда раньше в училище. Ротный то в одно место пошлет, то в другое. Ноги до сих пор гудят.

– А ты что, один взводный в роте? – уточнил Вася Иванов.

– Да нет, есть еще два командира взвода, двухгодичники, но ротный на них не особо надеется. Один-то еще ничего, а второй откровенно на все забил, ждет не дождется окончания срока. Обнаглед! Даже перед строем своего взвода первым делом спрашивает у подчиненных: «А ну, бойцы, сколько мне осталось до дембеля?». И те отвечают – сколько. А что, у вас не так? – обратился Анатолий к тем, кто был в комнате.

– Ну, в нашей роте один взводный тоже на два года призван и тоже не особо рвение в службе проявляет, но до такого, как Толька говорит, пока не дошло, – поделился своим наблюдением Алексей.

– Вообще, в полку какое-то засилье этих студентов, кадровых офицеров на взводах почти не видно, – с недоумением проговорил Володя Ветров. – И куда они деваются? Каждый год же выпуски из училищ в войска идут.

– Карьеру делают, – высказал мнение Иванов. – Вот в первой роте, где я сейчас стажировюсь, – две вакантные должности взводных. А знаете, как они образовались? Одну занимал лейтенант, выпускник нашего училища прошлого года, так он с зимы уже в Улановке ротой командует, а весной еще один, лейтенант Холодков, был назначен командиром девятой роты, ну, этот хоть в нашей части остался. И ротного уже три месяца нет. Вот так-то! Вообще, парни, скажу я вам, нам еще повезло, что мы практику проходим в полку, где хоть в танковых ротах полный комплект бойцов, не иначе как это связано с перевооружением. А ведь в нашем военном округе полно частей сокращенного состава, их еще по-другому кадрированными называют, где в лучшем случае полностью укомплектовано только по одной роте в батальоне, а бывает – и вообще по одной в полку. А техники – как на весь штатный состав! И стоят эти танки, впрочем – и не только танки, а солдаты, да и офицеры тоже, ходят вокруг них и пыль сдувают в ожидании тех, кто эти коробки в бой поведет.

– А кто поведет-то? – не понял Лешка, да и не только он.

– Запасники. Их еще в народе «партизанами» называют. Возьмите наш полк. Танковые роты, как вы видели, худо-бедно, но все укомплектованы солдатами срочной службы, а вот в других подразделениях в наличии одна техника. Видели под навесом пушки? – Алексей обратил внимание, когда проходил мимо, на стоящие под широким деревянным навесом соединенные между собой тонким металлическим тросом орудия.

– Вот эта артиллерийская батарея, в составе которой в полку сейчас имеется только ее командир, – продолжил Иванов, – и ждет своих «партизан», когда их военкомат призовет на сборы, чтоб эту технику обслужить да свои подзабытые навыки вспомнить. И такая ситуация не только у пушкарей, есть и еще в полку подобные подразделения.

В комнате на некоторое время воцарилось молчание.

– Да, не хватало еще через год получить назначение сюда... – задумчиво протянул Павловский, которому в части явно не понравилось, и замолчал, не договорив фразу.

– А что ты хотел, Толян? – поднялся с койки Иванов. – Это место еще ничего, хоть и хреновый, но город, цивилизация, какая-никакая. Есть немало «дыр» и похуже, взять тот же Толстый лес, где сейчас наш бывший взводный обитает. Мы – люди военные, где прикажут, там и будем служить! Ладно, проехали. Вы лучше мне скажите: все поужинали, голодным никто не остался?

– Да вроде все в столовой были, – ответил за всех Коля Синев.

– Ну и лады! – младший сержант натянул сапоги, подпоясал ремнем гимнастерку, взял в руки пилотку. – Никто, товарищи командиры, не желает прошвырнуться по вечернему Соколовску? В виде променада перед сном?

– Не – ет! – дружно в один голос взвопили «товарищи командиры». – Хватит уже на сегодня! И так спать будем без задних ног, никакой променада не понадобится.

– Ну, что ж, дело ваше. Личному составу объявляется отбой, – Иванов чуть задержался у дверей. – Я в город не пойду, не беспокойтесь! По территории полка прогуляюсь немного, уж больно вечер хороший!

На следующее утро, прибыв после развода в парк, Алексей с удовлетворением отметил, что все, что он заказывал накануне, ротный обещал. Это его воодушевило. Он подозревал своего заместителя:

– Ну, что, Ваня, есть чем работать?

– Есть, товарищ командир.

– Тогда я предлагаю сделать так: сначала почистим пушки, затем их хорошенько смажем и натянем на стволы чехлы. Потом надо будет снять пулеметы и вытащить из обеих пушек клины затворов. До конца дня они должны быть полностью вычищены, смазаны и установлены на места. А завтра загнать огневики во внутрь танков, а механиков-водителей – в трансмиссию. Как тебе такой план?

– Согласен, – немного подумав, ответил сержант.

– Имей в виду, что меня сегодня после обеда не будет. И завтра тоже весь день. Поэтому все, о чем мы сейчас говорим, выполнять придется тебе.

– Сделаем, товарищ командир, не впервой!

– Да, РЧСом особенно не увлекайтесь: поскольку из пушек не стреляли, то и нагара в стволах не будет, поэтому для чистки от пыли и грязи вполне хватит протянуть пару раз. А вот пушечной смазки нужно будет нанести как можно больше, сколько на банник налезет. Особое внимание обрати на пулеметы, раз из них стреляли, то отдраить их и потом смазать надо будет на совесть.

– Есть, товарищ курсант! – поскольку возле них начали собираться солдаты, Демченко ответил, как положено по уставу, приложив руку к пилотке, а затем вполголоса добавил: – Не волнуйся, Леша, все будет нормально, не подведем!

На развод караулов Алексей шел со смешанным чувством. С одной

стороны, временные подчиненные произвели на него благоприятное впечатление: ребята грамотные, устав знают, как действовать – тоже. С другой же стороны, он и сам еще не знал особенностей караульной службы в этом полку, да и вообще начальником караула заступал в первый раз, ибо в училище начальниками основного караула назначались офицеры. Правда, разводящим он бывал неоднократно, да и сам порядок службы знал хорошо, но то было, когда он отвечал только за себя, а сейчас нужно было нести ответственность еще и за подчиненных. Поди, угадай, что у каждого из них в голове, и что они способны выкинуть...

Но развод прошел нормально, без особых замечаний со стороны дежурного по полку старшего лейтенанта Теплового, караульные приняли посты под охрану, и служба началась. Где-то после 23.00 в караульное помещение позвонил дежурный:

– Ну, как, Васильцов, у тебя дела?

– Все нормально, товарищ старший лейтенант! Только что провел смену.

– Люди с постов вернулись?

– Так точно, в полном составе.

– Тогда бери постовую ведомость и давай ко мне в дежурку!

– Есть!

В комнате дежурного по полку старший лейтенант Теплов молча взял у Лешки ведомость и сделал запись, что тогда-то и во столько-то проверил караул, часовые на постах службу несут бдительно, в караульном помещении порядок, после чего расписался и вернул документ начкару. Алексей вопросительно посмотрел на дежурного:

– На посты не пойдем, товарищ старший лейтенант?

– Нет, Леша, не пойдем.

– А Вы не бойтесь: может, там какие-нибудь нарушения есть, а Вы написали, что все в порядке? Вдруг часовой где-то заснул, или еще что-то в этом роде?

– Нет, Алексей, не боюсь. Во-первых, мне уже поздно бояться, в должности меня все равно не оставят, я тебе уже говорил – почему, поэтому проявлять особый фанатизм в службе смысла нет. Во-вторых, я надеюсь на тебя и уверен, что в твоём карауле всегда будет порядок. И, в-третьих, – это, пожалуй, главное, – сейчас ты уйдешь, а я хочу после твоего ухода хоть немного, часика два – три подремать.

– Так ведь не положено ночью спать ни Вам, ни мне! – Лешка сперва подумал, что ослышался, но потом, взглянув на своего командира, понял, что тот действительно говорил то, что он услышал.

– Верно, не положено. Вот ты и не спи, ходи, проверяй посты, в караулке держи бодрствующую смену в нужном тоне. За это ты имеешь полное право отдохнуть согласно инструкции с 10.00 до 14.00. А вот я такого права не имею.

– Почему? – не мог понять Алексей.

– Да потому, что в то время, когда мне положено отдыхать, я должен буду находиться в парке и контролировать работу на технике! Потому, что не могу я положиться в этом деле ни на Дремова, ни на Фоми-

чева, ни, тем более, на их сержантов. А техника роты должна быть обслужена, как положено, и поставлена на хранение вне зависимости от моей дальнейшей судьбы! Это дело принципа. Все, иди Леша, дай мне хоть немного покомарить, потом времени на это не будет.

«Обязательный человек, – одобрительно подумал Лешка, выходя из дежурки, – и совестливый. Что ж ему так не повезло в службе? Ладно, лирика здесь ни к чему, надо, в самом деле, проверить посты, чтоб на сон не тянуло». Он взял с собой, как положено по инструкции, караульного из состава бодрствующей смены, оставил за себя помощника и отправился по постам.

Вопреки его опасениям студенты несли службу четко, как положено по уставу, и Алексей в душе иногда даже чувствовал некоторую неловкость за то недоверие, которое он питал поначалу в отношении них. Он окончательно успокоился и до самой смены караула находился в приподнятом настроении от первого и, к тому же, успешно прошедшего дежурства в должности начальника караула.

Неприятность подстерегала Васильцова в следующем карауле, последнем со студентами: их сборы подходили к концу, предстояли экзамены по всему курсу военной подготовки, поэтому было приказано больше их в караул не назначать. Так что, сменить Алексея через сутки, в понедельник вечером, должен был Володя Ветров уже с караулом из солдат своей третьей роты. Но это – через сутки! Пока же Лешка принял караул, выслушал доклады разводящих, назначаемых также из числа студентов, о выставлении на посты часовых и присел на скамейку у входа в караульное помещение. Идти проверять посты как будто рановато, а в помещение заходить неохота, уж больно хорош вечер! Из находившейся неподалеку дежурной части вышел дежурный по полку лейтенант Завируха и, подойдя к караулке, устроился рядом с Алексеем:

– Ну, что, курсант, какова она, служба в войсках? Привыкаешь?

– Так точно, товарищ лейтенант! – отчеканил Лешка. Сейчас такой ответ был вызван скорее уважением с его стороны, нежели страхом, хотя, чего скрывать, первые дни он всерьез побаивался могучего, постоянно хмурого командира третьей роты. Затем, однако, они как-то поговорили, что называется, по душам, и Алексей проникся к офицеру искренним уважением за его оказавшийся на удивление добрым нрав, доскональное знание армейской жизни. Последнее было вполне объяснимо: прослужил Завируха в армии больше пятнадцати лет: сначала срочную службу, потом сверхсрочно, еще позже окончил офицерские курсы и вот теперь получил диплом об окончании экстерном среднего военного училища. Так что, его советы были весьма ценны. Вот и сейчас, сидя рядом с Лешкой, он охотно делился с последним своими наблюдениями о порядках конкретно в этом полку. Наконец он поднялся:

– Ладно, Алексей, пора идти погонять внутренние наряды, чтоб служба медом не казалась. А ты когда пойдешь посты проверять?

– Где-то, через час, уже следующую смену. Сейчас-то какой смысл? Только заступили, еще усталости нет, все в здравии.

– Молодец, я смотрю – толковый командир из тебя выйдет. Мой-то Ветров тоже парень надежный, но мягковат, ему бы надо еще жесткос-

ти добавить в отношениях с подчиненными, а у тебя – все в норме.

Завирюха ушел, не забыв расписаться в постовой ведомости, а Алексей уже привычно продолжил исполнение обязанностей начальника караула. Наконец ночь закончилась. Васильцов позавтракал и уже предвкушал удовольствие от вполне заслуженного после бессонной ночи отдыха, когда с одного из постов позвонил разводящий, только что ушедший вместе со вскрытым объект сверхсрочником снимать за ненадобностью часового:

– Товарищ курсант! Тут сержант, что со мной пришел, отказывается открывать хранилище и требует прибытия начальника караула. Что делать?

– Оставайся на месте и жди меня, сейчас подойду, – приказал Алексей, у которого неприятно засосало под ложечкой: ничего хорошего этот вызов ему не обещал.

Васильцов спешно отправился на пост. Когда он проходил возле дежурной части, его окликнул лейтенант Завирюха:

– Куда это ты так спешишь, стажер?

– Что-то на посту случилось, Павел Иванович! Разводящий пошел снимать часового, а вскрывший объект сержант отказывается его открывать и требует начкара.

– Постой, постой, а что за объект?

– Пятый пост, хранилище техники разведывательного батальона.

– Угу. Опять эти разведчики... Ты вот что, иди, разбирайся, но ничего не подписывай, никаких бумаг, и жди меня. Я скоро туда подойду, вот только командира полка встречу и доложу ему.

Подойдя к хранилищу, Алексей увидел, что возле закрытых его дверей стоят удрученные часовой с разводящим, а поодаль с деловым видом расхаживает высокий худой сержант сверхсрочной службы, несколькими минутами ранее побывавший в караульном помещении и расписавшийся за вскрытие объекта.

– Что случилось, Воронов? – спросил Алексей разводящего. Тот не успел ничего ответить, как к ним быстрым шагом подошел, буквально подбежал сержант-разведчик:

– Как, что случилось? Мое хранилище незаконно вскрыто и снова опечатано, но уже не моей печатью! Вот, смотри! – он достал из кармана и показал находящуюся на связке ключей маленькую металлическую печать с цифрой «2» в середине круга. – Ну, что, увидел? Вот еще, смотри сюда, на всех воротах такая же печать! А теперь сюда глянь, на двери!

Лешка взглянул на висящий на двери слепок: тоже опечатана, и выделяется на пластилиновом слепке цифра «2», но не посередине, а как бы смещена чуть в сторону, и продетая через слепок нитка проходит не посередине оттиска, а сбоку от «двойки».

– Это не моя печать! – продолжал бушевать сверхсрочник. – Здесь кто-то приложил печать с двузначной цифрой, а потом вторую цифру аккуратно затер! А караул от доблестного танкового полка это безобразие проспал, а может, и сам помогал вскрывать! Все! Хватит! Надоело! Сейчас проверю, что там внутри делается!

Алексей растерялся: такого в его практике еще не случалось. А сержант, не давая опомниться, быстро подошел к двери, сорвал слепок и затем, отомкнув ключом массивный навесной замок, исчез внутри помещения.

Васильцов посмотрел по сторонам. Хранилище разведывательного батальона, подчинявшегося командованию дивизии, находилось на территории парка танкового полка и потому охранялось танкистами. С десятков закрытых и опечатанных ворот, двое дверей, одна из которых была сейчас открыта настежь. Алексей подозвал разводящего, заглянул в находившуюся при нем коробку с контрольными образцами слепков: все верно, оттиск в коробке соответствует оттискам печатей на всех воротах и дверях, кроме уже открытой. Да и на брошенном сержантом слепке цифра «2» было точь-в-точь, как контрольная, только немного смещена в сторону от середины. Что-то здесь не то! Он ринулся в хранилище, куда убежал и уже довольно долго не появлялся разведчик.

Первое, что он увидел внутри хранилища – выставленные в два ряда маленькие бронированные разведывательно-дозорные машины, сокращенно именуемые – БРДМ. За ними – с десятков, а может, и больше мотоциклов с колясками, похожими на тот, на котором в училище во время кроссов гонялся за нерадивыми курсантами майор Климов, еще техника, которую Алексей рассмотреть не успел, так как из двери, ведущей в какое-то внутреннее помещение, показался давешний сержант с листом бумаги:

– Вот! Как я и думал! Украдено пять новеньких шлемофонов, три бинокля, шесть комплектов химзащиты, одна резиновая надувная лодка... – он перечислял что-то еще, а закончив, выдал: – Об этом безобразии я составил акт, подписывай, начальник караула!

Лешка уже оправился от первого шока, пришел в себя, и в его душе стало быстро расти негодование к этому «куску», как в армии частенько называли сверхсрочников. К тому же, он вспомнил предупреждение лейтенанта Завирухи.

– Значит, так, товарищ сержант! – четко выговаривая слова, что выдавало в нем состояние, близкое к бешенству, ровным металлическим голосом начал он. – Во-первых, мы с Вами вместе коров не пасли, поэтому будьте добры обращаться ко мне на «Вы», как положено по уставу. Во-вторых, подписывать я ничего не буду, поскольку осмотр места Вы провели с грубейшими нарушениями. Если Вы считаете, что Вас обокрали, то надо было не вскрывать объект самолично, а делать это при свидетелях. И вообще, сдается мне, та дверь, что Вы открыли, была опечатана той же печатью, что и все остальные, только кто-то намеренно сместил ее вбок, а оказавшийся посередине слепок край печати, как Вы совершенно правильно заметили, затер. Ну, а два дня под палящим солнцем, да еще без защитного козырька, окончательно оплавили слепок, что и было кому-то нужно.

Он повернулся и вышел из хранилища. За ним с угрожающим воплем выскочил сержант, уже на улице продолжавший кричать, что он это дело так не оставит и немедленно доложит о происшествии командиру батальона, а то – и комдиву.

– Что за шум, а драки нет? – раздался за спиной у Алексея знакомый густой, чуть сипловатый бас, и курсант вздохнул с облегчением.

– А, Симутович! Ну, здравствуй, родной! – уже подойдя ближе, обратился Завирюха к сверхсрочнику. – Что у тебя на этот раз стряслось, радость моя? И почему здесь находится начальник караула, которому сейчас отдыхать положено?

– Да хранилище кто-то вскрыл и имущество вынес, вот, посмотрите, – сержант протянул офицеру акт, который Алексей так и не подписал. – А караул это дело проспал!

– Ай – йй – йй, непорядок! – ознакомившись с актом, заключил Завирюха. Он по-прежнему улыбался, но желваки на его щеках прыгали, показывая, что офицер вот-вот взорвется от негодования. – А скажите, сержант Симутович, Вы в караульном помещении за вскрытие объекта расписались?

– Так точно, товарищ лейтенант! Но я же не знал, что здесь такая ситуация возникнет... – с появлением Завирюхи сержант сразу утратил весь свой пыл и гонор и теперь говорил тихим, виноватым голосом.

– Так-так, значит, юридически караул за охрану объекта уже не отвечает, – как бы про себя проговорил лейтенант и снова обратился к разведчику: – А где на этом, с позволения сказать, акте росписи свидетелей данного безобразия, или, говоря языком нашей славной милиции, понятых?

– Товарищ сержант сам вскрыл хранилище, без свидетелей, – пояснил Алексей. – А потом вынес акт со списком того, что у него якобы украдено.

– Вот оно что? – деланно удивился Завирюха, который уже все понял. – Ну, хорошо. Товарищ начальник караула! Поскольку объект уже вскрыт его начальником, часовому здесь делать нечего, пусть вместе с разводящим следует в караулку. А сам задержись, тебе полезно будет послушать дальнейший мужской разговор.

– Воронов, все понятно? – обратился Алексей к разводящему.

– Так точно, товарищ курсант! – отчеканил тот.

– Тогда возвращайтесь оба в караульное помещение, оружие разрядить, поставить в пирамиду и дальше действовать по распорядку! Вперед!

– Есть! – обрадованные караульные быстро покинули неприятное для них место.

Дежурный по полку повернулся к сверхсрочнику:

– Ах, Симутович, Симутович! Помнишь наш разговор на подобную тему в прошлом году? Ты ведь мне тогда обещал, что больше такие фокусы не повторятся. И вот снова за старое взялся?

– Я не понимаю, о чем Вы, товарищ лейтенант, – проямлил сержант.

– Брось, все ты отлично понимаешь! – загремел теперь уже мощным басом Завирюха. – Ты мне лучше ответь: то, что ты в акте указал, у тебя еще здесь или уже загнал? Только не ври, а то я тебя живо под арест возьму, ты меня знаешь.

– Здесь, в кладовке лежит, – обреченно ответил Симутович.

– Вот же сукин сын! – с некоторым даже восхищением воскликнул лейтенант. – Все продумал! Понимал ведь, что с нами, полковыми офицерами, такой фокус не пройдет, знают тебя в нашем полку как облупленного. А здесь часовые – студенты со сборов, со стороны, значит, люди, начальник караула – стажер, молодой, неопытный, и ты понадеялся повернуть это темное дельце без проблем. Я верно говорю? И ведь провернул бы, если б на мое дежурство не нарвался. Что же мне с тобой делать? Наверно, придется тебя сейчас арестовать и позвонить в военную прокуратуру, чтоб прислали следователя. А пока посидишь под арестом в караульном помещении!

– Не губите, товарищ лейтенант! – взмолился сверхсрочник и упал перед Завирюхой на колени. – Семью кормить надо, детишки со всех одежек повыврастали, а денег не хватает. Сами знаете, сколько кладовщики получают...

– Не ной! И встань с коленей, смотреть противно! – офицер отвернулся от Симутовича. – Говоришь, мало денег получаешь? Так переходи на более высокий разряд, старшиной роты, например. Что молчишь? Тяжело быть старшиной? Конечно, тяжело, и ведь не украдешь там ничего, не то, что, будучи завскладом. Ладно, что толку с тобой воду в ступе толочь? В общем, сейчас я тебя прощаю, но этот акт я сохраню. На память. И если опять что своруешь, то он уйдет по назначению в виде плюса к твоим новым грехам. Для утяжеления твоей участи. А о том, что было сегодня, забудь, и вещи, тобой уворованные, разложи по штатным местам. Проверю, не сам, конечно, а вашего начальника штаба попрошу. Не дергайся, я ему о твоём воровстве ничего не скажу, придумаю причину. Все! Пошли, Алексей, нам с тобой сейчас отдыхать положено.

Некоторое время они шли молча. Затем Лешка не выдержал и нарушил молчание:

– Ну, спасибо, Павел Иванович! А то я уже совсем духом упал, думал – все, сейчас раздует дело, а я и доказать не смогу ничего. Вроде бы нормально вчера караул принимал... А почему Вы его простили? В самый раз бы наказать за воровство!

– Да жалко стало стервеца. Я ведь тоже сверхсрочную служил, правда, по более высокому разряду, командиром танка, пока на курсы офицеров не послали, и знаю, сколько такие кладовщики получают. Опять же, кто его семью кормить будет, если его посадят? Трое детей, одно недавно родилось, жена в декрете послеродовом... Да и тебе следователи спокойной бы жизни не дали: то допросы, то показания дай, то еще что, оно тебе надо?

– Нет, конечно, – подтвердил Лешка. – Спасибо за науку, товарищ лейтенант!

– Не за что. Мотай на ус и набирайся опыта. На то и стажировка дается.

Придя в караульное помещение, Алексей объявил личному составу, что вопрос урегулирован, претензий к ним нет, и теперь их задача – без происшествий додежурить оставшуюся часть суток до смены. Сам же попытался хотя бы пару часов подремать, но, покрутившись на топ-

чане, от этой затеи отказался. Какой уж тут сон после такой нервной встряски? «Заруби себе на носу, товарищ Васильцов, – мысленно сказал он сам себе, – в караульной службе мелочей не бывает, смотреть надо в оба и когда принимаешь караул, и дальше, когда несешь там службу!».

А стажировка в должности командира взвода для Алексея, как и для других курсантов, продолжалась. Пока он нес службу в злополучном «студенческом» карауле, его подчиненные во главе с сержантом Демченко, как, собственно, и вся рота старшего лейтенанта Теплова, закончили обслуживание боевых танков и постановку их на кратковременное хранение. Эти танки теперь ровными рядами стояли в боксах, отражая своими блестящими темно-зелеными башнями и черными гусеницами лучи попадавшего на них яркого летнего солнца. Их двигатели были законсервированы с помощью специального аппарата АКДС, а аккумуляторы с них были сняты и сданы в специальное помещение – аккумуляторную – для хранения и подзарядки. Кроме того, перед тем, как расставить танки по своим штатным местам, их топливные баки полностью заправили зимним дизельным топливом. Все! К боевой группе можно больше не заглядывать, пусть эти танки стоят до очередных учений!

Алексей, разумеется, знал, что и как делается в их роте, поэтому ничуть не удивился, когда на следующее утро, придя на службу, услышал от старшего лейтенанта Теплова новую задачу:

– Все, товарищи танкисты, работать закончили, теперь будем учиться! В полку начинается боевая подготовка. Сегодня группа офицеров во главе с начальником службы артиллерийского вооружения полка проведет выверку прицелов и пристрелку оружия на учебно-боевых танках, отобранных для выполнения упражнений по стрельбе, а завтрашнего дня начнутся сами стрельбы. Поэтому, курсант Васильцов, отправляйтесь с экипажем к своему учебному танку, проверьте все, запустите двигатель, затем отгоните танк на площадку для пристрелки, это на участке № 1 штатной директрисы, там доложите о прибытии начальнику артвооружения майору Семенову и будете находиться в его распоряжении до окончания пристрелки. Вам все понятно?

– Так точно, товарищ старший лейтенант! – отчеканил Алексей.

– Тогда выполняйте! А остальной личный состав роты, лейтенант Фомичев, отвести в класс огневой подготовки! Там я с ними буду проводить занятие.

Итак, боевая подготовка в полку началась, но началась довольно тяжело. Постоянным явлением стали отказы техники, особенно при стрельбе. Арттехники сбивались с ног, устраняя всякого рода задержки и неисправности, но все равно время занятий постоянно затягивалось, спланированные расписанием мероприятия накладывались одно на другое и зачастую срывались. Не намного лучше обстояли дела и на занятиях по вождению. И если в стрельбе самым слабым местом считались электроприводы и стабилизаторы, то на танкодроме чаще всего выходили из строя коробки передач. А с переобучением танкистов на новую технику надо было спешить, ибо уже примерно через месяц – полтора предстояли

ротные тактические учения с боевой стрельбой, а какая уж тут стрельба ротой, если по отдельности экипажи еще толком не обучены...

Однажды, когда в очередной раз возникла заминка, старший лейтенант Теплов со злостью стукнул кулаком по подкрылку и в сердцах сказал Алексею:

– Нет, не годится эта машина ни к черту! Сырой танк. С ним бы в КБ еще работать и работать, а не брать на вооружение!

– Почему? – изумился Лешка, уже успевший влюбиться в новый танк.

– Да потому! Ты видишь, сколько отказов? Это в мирной-то, спокойной обстановке. А в боевых условиях? Что, танки в атаку пойдут, а по ним в это время будут технари лазить и стабилизаторы запускать? А если еще и какая-нибудь «болванка» в борт ударит, то вся эта электроника разом накроется и толку в этом случае с нее чуть! Нет, «пятьдесятпятка» намного надежнее.

– Но тут же автомат работает, не надо заряжающего иметь в экипаже, чем плохо? – в растерянности Алексей не знал, какие еще аргументы привести в защиту так понравившегося ему танка.

– А я и не говорю, что все плохо. Механизм зарядания – вещь, безусловно, хорошая и нужная. При условии надежной его работы, а таковой пока не наблюдается. Но это ладно, это – мелочи, вполне устранимые даже у нас, в условиях полка. А что ты про двигатель скажешь, про трансмиссию?

– Что я скажу? Классный движок, маленький, компактный, а 700 лошадиных сил дает! Да и коробки передач, хоть их и две, но тоже небольшие и напрямую передают вращение на ведущие колеса, а те – на гусеницы. И не надо больше никаких промежуточных звеньев. Чем плохо? Да Вы посмотрите, насколько все классно скомпоновано, какая трансмиссия небольшая, и потому танк этот короче, чем прежние!

– Хорошо, это плюсы данного танка, я согласен. А известно ли тебе, какую заводскую гарантию имеет двигатель, который ты назвал классным?

Лешка молчал, не зная, что ответить: гарантия завода была ему известна, поскольку курс двигателей они в училище уже прошли.

– То-то же! – ротный верно понял причину молчания курсанта. – А потом снимай движок и выбрасывай! Да и то, если он до этого срока еще продержится. Разве это показатель? И сколько мы так провуем? А ведь двигатель – вещь не дешевая, чтобы так просто ими разбрасываться. Вот я и говорю: танк-то неплохой, но по-хорошему, с ним еще надо было работать и работать, прежде чем в войска направлять, в боевые части.

Васильцов был обескуражен. До сих пор он считал этот танк образцом, совершенством, даже несмотря на то, что отказы, подобные случившимся здесь, в полку, происходили достаточно часто и в училище, когда они, курсанты, из таких же танков стреляли и так же водили их. Теперь слова опытного офицера окончательно вернули его с небес восхищения на землю. «Ничего, – думал он, шагая вечером в свое общежитие, – быть не может, чтобы эту машину не усовершенствовали и не дорабо-

тали, умные же люди трудятся в КБ, не один танк придумали, вон в какой войне победили!».

Была и еще одна проблема, не дававшая Алексею покоя: очень слабая подготовка и, главное, очень низкие моральные качества подчиненных командиров танков, причем, не только в их роте. Молодых сержантов, только что пришедших из учебных частей и прослуживших, соответственно, полгода, никто из бывалых танкистов ни в грош не ставил и, понятное дело, никакие их приказы не выполнял. Да они и не стремились командовать, трусливо отмалчиваясь в сторонке в ожидании, что пройдет еще полгода, а лучше – год, и тогда, мол, они себя еще покажут! Прав был Теплов: нельзя на этих, с позволения сказать, командиров положиться! А на кого можно? Таких, как его Демченко, – раз-два и обчелся. Основная же масса – балласт. Кто их отбирает для подготовки сержантов, кто и как готовит?

Лешка, как и другие мальчишки его поколения, вырос на кинофильмах про армию, таких, к примеру, как «Максим Перепелица», «Солдат Иван Бровкин» и многих других. Вот где были сержанты! Умные, крепкие, спортивные, безусловные авторитеты для подчиненных. Но то в кино! А наяву... Взять хотя бы сержантов их роты. Допустим, Андрей Березюк особо себя не проявил, но он ведь и стал командиром только на втором курсе. А вот Виктор Чернов, или Антон Крючковский, или даже старшина Николай Рудаков – вот это авторитеты! Для всех! Так ведь их еще по старому закону готовили в учебке целый год и отбирали, наверно, тщательно, со всех сторон изучали. Поэтому и пользуются уважением у рядовых курсантов, хотя командовать и одновременно учиться еще сложнее, чем просто командовать. Да уж...

Алексей старался гнать от себя подобные мысли, но они упорно лезли в голову. Не помогали ни нагрузки по службе (Теплов давал ему различного рода поручения гораздо чаще, чем другим взводным, справедливо полагая, что они будут выполнены точно и в срок), ни частые наряды. Практически Лешка не знал выходных, да и не стремился лишней раз просто так выходить в город, хотя отдельные курсанты, особенно их предшественники из третьего взвода успели обзавестись местными подругами и строили насчет них вполне серьезные планы. По крайней мере, Васильцов встречал их в городе, благо, что Соколовск от Холмограда отстоит сравнительно недалеко.

Несколько раз приходил к ним в полк и лейтенант Ковбасюк, правда, с курсантами он не общался, ограничившись разговорами с их командирами рот. Но в свое последнее по времени появление в части передал Василию Иванову бланки отзывов о стажировке, в которых нужно было заполнить несколько граф, а затем написать характеристику стажеру. Иванов раздал эти бланки курсантам, чтобы те отдали их своим ротным.

Алексей Васильцов также получил такой бланк, с которым и подошел к Теплову:

– Товарищ старший лейтенант! Тут из училища передали бланк отзыва о моей стажировке. Заполните, пожалуйста, а потом нужно будет Вашу подпись заверить печатью в штабе части.

– Алексей, некогда мне ерундой заниматься! – отвечивал командир роты. – Возьми и заполни сам, все как надо, а я подпишу. Еще не хватало на эту дурастику время тратить.

Аналогично и еще более определенно высказался лейтенант Завирюха, когда Лешка обратился к нему по просьбе Володи Ветрова:

– Что, Ветров попросил?

– Так точно!

– Он грамотный? Вот пусть и пишет все, что требуется, а я подпишу!

Между тем, время, отведенное на их стажировку, подходило к концу. Наконец, наступил день, когда курсанты в последний раз вышли на развод, тепло попрощались со своими теперь уже бывшими начальниками и подчиненными и заняли места в прибывшем за ними из училища автомобиле. Все, прощай, Соколовск! Хороший ты город, но лучше все-таки служить в каком либо другом месте. Так сказать, познавать новые гарнизоны!

Машина мчалась по ровному и гладкому асфальту, оставляя позади все новые и новые богатые степные села. А в голове у Алексея, как наверно и в головах многих других его товарищей, главенствовала одна мысль: домой, домой, в отпуск, последний полноценный летний курсантский отпуск, ибо на следующее лето отдыхать он поедет, уже имея на погонах по две лейтенантских звездочки!

A decorative rectangular frame with a black border. The frame is adorned with elegant, black calligraphic flourishes. On the left side, there are several curved, overlapping lines that resemble stylized leaves or petals. On the right side, there are more complex, swirling lines that form a sort of flourish or scroll. The overall style is reminiscent of traditional Russian or European decorative arts.

*Часть
третья*

1.

– Товарищ майор, курсант Васильцов из каникулярного отпуска прибыл, замечаний и нарушений во время проведения отпуска не имел! – четко доложил Алексей, войдя в канцелярию роты, после чего, продолжая стоять по стойке «Смирно!», опустил приложенную к козырьку фуражки руку.

– Здравствуй, Васильцов! – командир роты вышел из-за стола и ответил курсанту рукопожатием. – Ну, как отдохнул? Прибыл в полном здравии?

– Так точно, товарищ майор! Все в полном порядке, готов к дальнейшей учебе!

– Не женился в отпуске?

– Никак нет! Рано мне еще, товарищ майор! Вот закончу училище, тогда можно и подумать об этом, а пока рано.

– Ну, молодец! Иди, отдыхай, пока там твои друзья собираются, и готовься к завтрашнему дню!

– Есть! – Алексей четко повернулся кругом и направился в спальное помещение, с недоумением размышляя над странным вопросом ротного насчет женитьбы. Ладно бы спросил: как провел отпуск, не попадал ли по месту проведения в комендатуру там, или в милицию, а то – на тебе: не женился?

Впрочем, войдя в спальное помещение и радостно пообнимавшись с прибывшими друзьями (а собрался уже почти весь взвод), Лешка понял причину интереса майора Родионова: за прошедший август месяц значительно возросло число, как их здесь называли, «женатиков». Как в целом в роте, так и конкретно в четвертом взводе.

Нельзя сказать, что за прошедшие до этого три года учебы этих самых «женатиков» не было совсем. Нет, курсанты создавали семьи и раньше, но, как правило, это были ребята постарше годами, уже послужившие в армии. Так, например, в первом же летнем отпуске женился, как и обещал в свое время Лешке, сержант Иван Глущенко, причем, не просто женился, а и привез молодую жену с собой в Холмоград и снял для нее небольшую квартиру недалеко от училища, где, в основном, и проводил время в нечастых увольнениях. Со временем обзавелись семьями местные парни Мишка Квашнин, Петя Ярмоленко, Вася Курнев и кое-кто еще, некоторые даже имели уже детей, но все-таки это явление пока еще не было массовым. Правда, у многих ребят, как, к примеру, у Василия Иванова или у Славы Кривцова, были постоянные девушки, и парни не скрывали, что женятся на них сразу после выпуска из училища, справедливо, на Лешкин взгляд, считая, что офицеру нужен на месте службы крепкий и надежный тыл.

С последними был солидарен и Алексей, но вот ему самому создавать семью было пока что не с кем, ибо после расставания с Анжеликой, о которой он постарался и уже успел забыть, новой подругой он так и не обзавелся. Была когда-то Лариса, в нее он влюбился с первого взгляда на первом курсе в первом своем увольнении... Но этот поезд ушел давно и безвозвратно, Алексей это понимал, но легче ему от этого не было.

Существовала еще одна причина, предостерегавшая его от скоропалительной женитьбы. Он чувствовал, что, объяви он об этом матери, реакция с ее стороны будет бурной и крайне негативной. Она и так, будь то ее редкие приезды в Холмоград или его – на каникулы, все время беспокоилась: не дружит ли он с женатыми курсантами, и всячески его от этой дружбы отговаривала. Сначала Лешку эта ее забота об его моральном облике забавляла, потом стала раздражать, и он уже не был с ней так откровенен в подобных вопросах, как раньше. Про себя же он решил четко и однозначно: впереди еще целый год учебы, попадется за это время хорошая девушка – непременно женится, несмотря даже на отрицательную реакцию матери, ибо в жесткости характера он ей не уступал. Но, чтобы ни от кого не зависеть, обзаводиться семьей надо тогда, когда он получит свои заветные лейтенантские звездочки и эту самую семью сможет содержать.

Тем временем, в казарме появился Пашка Зубов, прибывший из отпуска одним из последних, и ему тут же последовал традиционный вопрос: не женился ли и он?

– Ха! Не дождетесь! – Павел был в своем репертуаре, он самодовольно погладил себя по животу. – Не родилась еще та женщина, что сможет меня окрутить!

– Смотри, а то сороковник разменяешь – будешь от тоски на луну выть, как одинокий волк, да и последних волос на голове не останется, тогда уж точно никто тебя, как ты говоришь, не окрутит, – поддел Пашку Слава Кривцов.

– Ничего, зато будущей жене, если такая появится, а я вдруг проштрафлюсь, таскать не за что будет, – Зубова было трудно смутить.

К началу вечерней поверки собралась уже вся рота, и тут курсантов ждал сюрприз. Когда старшина Рудаков доложил присутствовавшему здесь же командиру роты о том, что весь личный состав роты налицо, из отпуска прибыли все сто процентов курсантов и лиц, незаконно отсутствующих, нет, майор Родионов против обыкновения не дал команду разойтись на отбой. Ротный неспешно прошелся вдоль строя, затем обратился к подчиненным:

– Ну, что, товарищи курсанты, отдохнули – пора и за учебу! Расписание занятий на ближайшие две недели все видели?

– Так точно! – ответили сразу несколько голосов.

– Вот и хорошо! Тогда вы, наверно, обратили внимание на то, что первую неделю занимаетесь здесь, в Холмограде, а потом выезжаете в учебный центр. На неопределенное время, но, думаю, не меньше месяца. Так что, настраивайтесь заранее на Улановку: лагерных выездов у вас на четвертом курсе будет много. А чтобы поднять вам настроение, сообщу новость, думаю, весьма приятную для вас.

Строй, заинтригованный словами майора, молча внимал сказанному, а также тому, что будет сказано им еще.

– Вы, конечно, слышали, что после первых двух лет учебы по программе высшего военного училища вас положено разместить для дальнейшего проживания на все последующее время учебы не в казарме, а в условиях общежития. Но это общежитие, где вы должны будете оби-

тать в отдельных комнатах по 4 человека в каждой, еще только проектируется и построено будет, когда вы, скорее всего, отсюда уже выпуститесь. Поэтому, как поется у Высоцкого, пусть повезет другому. А для вас, как людей взрослых и без пяти минут офицеров, командование училища установило так называемый свободный выход. Он заключается в следующем: каждый курсант получит постоянную увольнительную записку, оформленную в двух вариантах. Первый касается уроженцев и жителей Холмограда, а также тех из вас, кто успел жениться и перевез сюда свои семьи. Этим курсантам разрешается увольнение в город, и об этом будет указано в их увольнительных, ежедневно по будням с 19.00, то есть, после самоподготовки, и до 8.30 следующего дня, а также с 16.00 субботы до 8.30 понедельника. Всем остальным будет предложен второй вариант: по будням ежедневно с 19.00 до 22.30, в субботу – с 16.00 до 23.30 и в воскресенье – с 10.00 до 22.30. Курсантам, подпадающим под распорядок второго варианта, необходимо будет присутствовать ежедневно на вечерней поверке, вечерние же прогулки будут отменены. Вопросы ко мне есть?

Стоящие в строю курсанты молчали, все еще переваривая услышанное.

– Ну, если общих вопросов нет, тогда по распорядку дня всем – отбой! Кого что интересует индивидуально – я к вашим услугам. Разойдись!

Когда строй рассыпался, подчиненные окружили своего ротного. Вопросов было много, ребята хотели более четко уяснить сказанное им, получить дополнительную информацию.

– Товарищ майор, что это будут за увольнительные и когда их нам выдадут? – спросил Миша Квашнин.

– Как будут выглядеть – пока не знаю, – ответил ротный. – А выдадут их вам в ближайшее время, думаю – к концу недели. Так что, в субботу сможете ими воспользоваться, если в наряд не попадете. Службу войск ведь еще никто не отменял.

– А куда их потом сдавать? – решил уточнить кто-то из ребят.

– Никуда. Этот документ будет у вас постоянно с собой. Рекомендую держать его вместе с военным билетом. Кстати, хочу вам сразу пояснить и вас предостеречь: эти постоянные увольнительные действительны только в пределах Холмоградского гарнизона. Так что, если вы захотите ими воспользоваться в ином месте, скажем, в Улановке или в Соколовске, то это уже будут другие гарнизоны, и там порядок выхода за пределы, к примеру, нашего учебного центра, остался прежним: нужен отпускной билет.

– Товарищ майор! – к Родионову протиснулся Вася Курнев. – Разрешите вопрос! Вот я – женатый человек, но жена сейчас проживает у родителей в Куринске. Это ведь тоже Холмоградская область, да и ехать оттуда всего ничего. Можно ли мне будет получить увольнение с ночевкой?

– Вот перевезешь жену в Холмоград, и получишь, – усмехнулся майор. – А так – извини, дорогой, только до вечерней поверки! Нечего на стороне безобразиями заниматься при живой-то жене. Думаешь, я не знаю, почему ты об этом спросил?

– Да я просто так, просто поинтересовался, – засмутился Васька и поспешно юркнул в толпу.

Командир роты еще долго отвечал на самые разнообразные вопросы, а курсанты еще более продолжительно, уже после его ухода и отбоя, обсуждали сказанную майором новость.

Впрочем, Лешка к идее вечерних увольнительных отнесся индифферентно, или попросту – безразлично: его в город не тянуло. Видимо также и поэтому он не особенно сопротивлялся своему включению в состав гарнизонного патруля вместе с Васькой Ивановым и еще целым рядом курсантов на сутки, с субботы на воскресенье. Надо – значит надо, о чем разговор! Все равно послезавтра, в понедельник, – выезд в лагерь, а там – танки, стрельбы, вождение, настоящая мужская работа... Разумеется, Алексей не мог не то, чтобы знать, а даже предполагать, что именно в этом наряде произойдет событие, которое перевернет всю его дальнейшую жизнь.

Сейчас же он просто неспешно двигался вместе с Василием Ивановым и капитаном из авиационного полка, начальником патруля, по указанному в предписании коменданта гарнизона маршруту патрулирования. Несколькими часами ранее они, пройдя в комендатуре инструктаж дежурившего сегодня помощника коменданта, хорошо им знакомого капитана Цыбулько о необходимости обеспечить поддержание в гарнизоне строгого порядка и дисциплины, подцепив на ремни штык-ножи и повязав на левые рукава красные повязки с грозной надписью «Патруль», вышли на маршрут. Он показался им не самым трудным: проспект Большевиков от начала на Центральной площади до его окончания, лесопарковой зоны. Район тихий, спокойный, что называется, «спальный», без больших промышленных предприятий. Обычные жилые пятиэтажки, в которых обитал после рабочего дня трудящийся люд, да студенческий городок с десятком таких же в пять этажей общежитий. Обменявшись парой слов друг с другом, ребята пришли к выводу, что им на этот раз повезло: военных в их районе патрулирования предполагалось мало, что, безусловно, хорошо. А ведь могли выпасть на их долю и городской вокзал, и парк имени Горького, и Комсомольский парк, который так нравился Лешке, но являл собой тоже достаточно беспокойное место в предвыходные вечера. Еще хуже было попасть на маршрут, в который входил их знаменитый «Парк живых и мертвых» с легендарным «КПП № 2», через который постоянно удирали в самоволку его друзья, да иногда и он сам, чего греха таить... Конечно, они с Васькой не дали бы в обиду своих товарищей – танкистов, постарались бы их как-то отбить, но тут еще неизвестно, какой попадется начальник патруля...

Капитан оказался из такого же батальона, обеспечивающего аэродромную связь, как и тот, в котором служил до училища Иванов, поэтому не удивительно, что они сразу нашли друг с другом общий язык. Вот и сейчас они оживленно обсуждали характеристики и работу различных локаторов, радиостанций и других средств связи, имевшихся на аэродроме, а также порядки в авиационных частях. Лешка шел чуть сзади, умиляясь чудесным вечером и не особо прислушиваясь к тому, о

чем ведут речь между собой его напарники по патрулю. Не то, чтобы авиация его совсем не интересовала, нет, но ему гораздо приятнее было просто глазеть по сторонам, отмечая про себя, как гуляют после трудовой недели гражданские люди. Важно было еще и не прозевать появления на их пути кого-либо из посланцев комендатуры, направленных с целью проверки нахождения их на маршруте, те вполне были способны неожиданно подъехать, а увлеченные разговором, капитан с Васькой могли таких проверяющих и не заметить.

Патрульные прошли уже половину своего отрезка пути и вот-вот должны были вступить на широкий железобетонный мост, перекинутый через довольно глубокий, заросший мелкоколесем и кустарником овраг, по дну которого протекала небольшая речушка. Они, наверно, так бы и двинулись дальше, но тут Лешка явственно услышал отчаянный женский крик:

– Помогите!... Нет!... Не надо!... Нет!... По-мо-ги-те!!!

Алексей глянул вниз и в надвигающихся сумерках сумел разглядеть глубоко на дне оврага группу каких-то копошащихся людей. Должно быть, этот крик о помощи звучал оттуда. Лешкины напарники тоже его услышали, потому что оба остановились, постояли пару секунд, прислушиваясь и присматриваясь, потом капитан выхватил из кобуры пистолет и, подняв его высоко над головой, рванул вниз по сбегаящей к кустам тропинке, крикнув патрульным на ходу:

– За мной! Оружие не применять!

Чтобы оказаться на месте событий, патрулю потребовалось несколько секунд. Их взору представилась следующая картина: на земле, на небольшом пригорке, трое парней в помятых, расхлыстанных, грязно-белых рубашках наклонились над отчаянно отбивавшейся и зовущей на помощь женщиной, при этом один из подонков держал ее за руки, крепко прижимая их к земле, а двое других стягивали с нее чулки. Один чулок, несмотря на ее активное сопротивление, уже был наполовину сдернут, а второй и вовсе валялся рядом, перепачканный землей и травой. Увидев подбегающих военных, впереди которых неся, размахивая пистолетом, офицер, один из негодяев всполошенно закричал:

– Атас, братва! Мусора!

Насильники бросились врассыпную. Курсанты, не сговариваясь, рванули за ними. Лешка в два прыжка настиг одного из подонков, малорослого, хиленького пацанчика в большой, не по размеру, кепке, но, помня строгий приказ капитана, штык-ножом пользоваться не стал, хотя его и обуревала такая ненависть к этому мерзавцу, что у него, по его ощущению, навряд ли дрогнула бы рука. Вместо оружия Алексей от души приложился носком сапога по тому самому месту пониже копчика, на котором обычно сидят. Пацаненок отчаянно завизжал, кубарем скатился вниз и исчез в кустах, искать его дальше было бесполезно, к тому же, стало быстро темнеть. Васильцов перевел дыхание и вернулся назад, на то место, где мгновением раньше он оставил потерпевшую женщину. С другой стороны туда уже подходил, потирая правый кулак, Васька Иванов:

– Ну, что, Леша, достал кого-нибудь?

– Да одного сморчка только и прихватил. Быстро бегают, сволочи. Но уж этому я врезал пендаль от души!

– Я тоже только одного догнал и тоже врезал по полной. Ладно, пошли посмотрим, кого мы защитили.

– Как, орлы, у вас все в порядке? – озабоченно спросил у ребят их начальник.

– У нас – все, а вот у тех, что сбежали, думаю, не все, – доложил Василий.

– Ну и лады, – с облегчением подытожил капитан. – А сейчас помогите мне нашу красавицу привести в чувство, а то она после пережитого стресса, похоже, не в себе.

Женщина, показавшаяся при тусклом свете уходящего дня совсем юной девушкой, действительно, не реагировала на слова пытавшегося ее успокоить офицера. Она по-прежнему лежала на спине с закрытыми глазами, в разодранном и задранным почти до пояса цветастом светлом платье и обеими руками тянула на себя трусики с такой силой, что те уже врезались в ее тело, обессилено при этом бормоча:

– Нет!.. Нет!.. Нет!

Капитан выпрямился, посмотрел на курсантов, озадаченно развел руками, затем снова наклонился над девушкой и дал ей легкую оплеуху по одной щеке, затем – по другой.

– Зачем Вы так, товарищ капитан? – вырвалось у Лешки.

– Ничего, так быстрее в чувство придет, – ответил офицер. – Проверенный способ. А то темнеет уже, а нам еще службу нести. Да и у нее, возможно, вещи были какие-то с собой, надо же и их собрать. А как мы будем в темноте по кустам шарить?

И действительно, после пощечин девушка открыла глаза, и в них появилось осмысленное выражение. Она отпустила трусики, села, прикрыла обнаженные ноги остатками платья и после этого, наконец, подала голос:

– Кто... вы?

– Мы – военный патруль Холмоградского гарнизона, – веско ответил капитан. – Не бойтесь, никакая опасность Вам больше не угрожает.

Девушка непонимающе глянула на патрульных и вдруг зашлась громким плачем, сквозь рыдания выговаривая:

– Ой, спасибо вам, ребята, ой, спасибо, ... спасибо, ...спасибо...

Капитан дал ей выплакаться, потом решительно заявил:

– Все, красавица, хватит плакать, слезами горю все равно не поможешь. В конце концов, тебе ведь ничего не успели сделать?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Ну, вот и хорошо, а стресс – он со временем забудется. У тебя с собой были какие-либо вещи? Напрягай память, а то скоро совсем стемнеет, тогда уже точно ничего не найдем.

– Сумочка была. И сетка с рабочей одеждой, мы в колхоз на днях едем, на картошку. И кофточку они сорвали...

– Всем искать! – распорядился офицер, и патруль в полном составе занялся поисками. Вещи валялись неподалеку от места происшествия

по обеим сторонам от тропинки, видимо, насильников они не интересовали. Немного успокоившаяся уже девушка проверила и сумочку, и сетку: все в целости и сохранности.

– Отлично! – подвел итог капитан. – А теперь приведи себя в порядок. Вон там, левее, за кустиками ручей протекает, отсюда слышно, как он журчит. Пойди, охладись, умойся и возвращайся сюда. Пойдем наверх, больше нам тут делать нечего.

– Мне страшно, – пролепетала девушка и снова всхлипнула.

– Ничего, ничего, мы тут рядом и если что – зови, сразу придем на помощь. Да и на дорогу отсюда выйдем вместе, – успокоил ее начальник патруля и, дождавшись, пока она скроется за кустами, позвал к себе обоих патрульных:

– Значит так, парни! Надо ее проводить до дома, сейчас она как та стреляная ворона, каждого куста будет бояться. Нужно ее успокоить как-то, разговорить. Мне уходить с маршрута нельзя, поэтому остаться с ней должен кто-то из вас. Кто добровольно хочет доставить ее домой?

– Мне нельзя, у меня невеста есть, и свадьба скоро, – озвучил свои доводы Васька. – А то девка, видать, хорошая, еще влюблюсь. Давай, Алексей, ты у нас все еще свободный человек, дерзай!

– На том и порешим! – подытожил капитан.

Тем временем, из-за кустов показалась девушка. Она все еще вздрагивала, но все же умылась, насколько возможно, причесала волосы, и только развевающиеся при порывах ветра полы платья напоминали о случившемся.

– Ты смотри, какая молодчина! – с восхищением протянул офицер. – Как зовут-то тебя, красавица?

– С..С..Светлана..., – стуча зубами, с трудом выговорила девушка.

– Очень приятно. Мы тут посоветались в узком кругу и решили, что один из нас тебя проводит до дома. На всякий случай и для твоего спокойствия. Ты где живешь?

– Недалеко, в студгородке, в общежитии № 5. Только как я там покажусь в таком виде? – она снова всхлипнула.

– Ничего, придумае что-нибудь. Вы, студенты, – народ головастый, что военные, что цивильные. Теперь так, Алексей! – капитан обратился уже непосредственно к Васильцову. – Мы с твоим напарником пойдем по маршруту, а ты присоединишься к нам потом, когда решишь все вопросы. Просто выйди из студгородка на проспект и ожидай нас у ворот! Временем тебя не ограничиваю, девушка должна быть доставлена домой в полной сохранности и в спокойном состоянии! Все. Мы пошли. А ты выполняй приказ.

– Есть, товарищ капитан! – Алексей взял под козырек, затем оглянулся на девушку. – Ну, что, пошли, что ли и мы?

Он решил изначально держаться с ней нарочито грубовато и покровительственно: так, как он думал, она быстрее успокоится. Некоторое время, пока выбирались по тропинке друг за другом из оврага, они молчали. Лешка, шагая вслед за Светланой, откровенно (благо, что уже окончательно стемнело и наверху включили освещение) любовался ее

стройными ножками, то и дело мелькавшими в прорехах разорванного платья. Наконец они вышли на проспект Большевиков, и тут девушка остановилась:

– Ну, как я дальше пойду в таком виде?

– Спокойно! – через дорогу Алексей заметил небольшой и пока еще не обитаемый скверик с несколькими скамейками. – Вон, видишь? Сейчас мы пойдем туда, сядем на скамейку, и ты прихватишь свое платье несколькими стежками, чтоб оно не развевалось, как знамя на ветру, а потом доберемся до твоей общаги.

– А чем я его прихвачу, если у меня нет ни иголки, ни нитки?

– Зато у меня есть!

Они перешли через проспект, завернули в сквер и присели на грубую деревянную скамью. Лешка достал из фуражки иголку с белой ниткой (спасибо старшине и замкомвзводу за то, что педантично проверяли наличие в их пилотках и фуражках иголок с черной и белой нитками) и протянул Светлане:

– Действуй!

Она благодарно взглянула на курсанта и в несколько стежков прихватила постоянно расходившиеся разорванные полы одежды, после чего молча вернула иголку. Посидели еще. Помолчали. Девушка как будто начала успокаиваться, и Алексей решил заговорить с ней:

– И чего ты поперлась одна через овраг, да еще вечером? Неужели не боялась? Там и днем, насколько я слышал, женщины боятся ходить, а ты учудила... А вдруг мы бы не услышали тебя, мы ведь случайно оказались на мосту именно в это время...

Светлана снова заплакала, и, хотя это уже не был такой истерический плач, как в овраге, Алексей, тем не менее, растерялся. Он обнял девушку, прижал ее к себе и, неуклюже поглаживая по голове, как малое дитя, принялся успокаивать:

– Ну, будет, будет... Все хорошо закончилось, тебя спасли, все хорошо...

Светлана перестала всхлипывать и подняла на Алексея полные слез глаза:

– Знаешь (сама того не замечая, она тоже перешла с ним на «ты»), до меня только сейчас стало доходить, какая я дура. Ведь могла бы этот чертов овраг и обойти, идти, правда, далековато пришлось бы, но все же не так опасно. Я ведь из Нечаевки ехала, там моя подруга живет, ну и пообещала мне рабочую одежду дать на время, мы ведь на этой неделе в колхоз едем, а я из дома ее забыла взять. Автобусная остановка далеко, ну я и решила рискнуть, очень не хотелось круг давать. Не подумала, чем это может закончиться...

Она снова всхлинула, и Алексей поспешил сменить тему разговора:

– А чего ты в студгородке живешь, да еще в общаге?

– Так я же в финансово-экономическом институте учусь, на втором курсе, буду экономистом, если закончу.

– А что, есть сомнения, что закончишь?

– Да не лежит у меня душа ни к экономике, ни к финансам! Это родители настояли, когда я после школы пролетела и не поступила в медицинский. А так хотелось стать врачом, ты не представляешь! Ну, год проработала в своей же школе лаборанткой, стала готовиться поступать снова, вот тогда родители и сказали, что надо нести документы туда, где меньше конкурс. Дескать, ни блата, ни лишних денег у них нет, следовательно – врачом мне не стать! Вот так я и оказалась в финансово-экономическом.

– Знакомых экономистов в моей коллекции пока не было, – на этот раз Алексей сказал чистую правду, до финансового института он еще не добрался.

– И большая у тебя коллекция? – это уже было похоже на чисто женское любопытство.

«Успокаивается, это хорошо, пора вести ее в общагу», – подумал Лешка.

Он поднялся со своего места:

– Не то, чтобы большая, но кое-какие профессии в ней представлены. Пошли, Светлана Батьковна, доведу тебя до твоего родного дома, как начальник патруля приказал.

– Мой родной дом в Приозерске! – уточнила девушка, назвав соседний с Холмоградом областной центр.

За разговором они прошли еще некоторое расстояние, пока не показались въездные ворота студенческого городка, в которые они вошли, продолжив свой путь до стандартной пятиэтажки с вывеской «Общжитие № 5», и уже собрались подняться по ступенькам на крыльцо, когда Светлана схватила Лешку за руку:

– Слушай, мне нельзя в таком виде да еще в твоём сопровождении показываться. Там сегодня такая гримза дежурит, мигом все воспитательнице доложит, тем более, что ты – не наш, а военный, да еще с повязкой. Давай, я здесь на лавочке посижу, а ты подойди к дежурной и вызови Таню Солдатову из 215-й комнаты, а потом выйдете вместе с Танькой сюда, ко мне. Хорошо? И повязку сними пока, ладно?

Дежурная восприняла появление курсанта с явным недоброжелательством, долго уточняла, кто ему нужен и зачем, но, в конце концов, позвонила куда-то и вызвала требуемое лицо. Алексею пришлось довольно долго расхаживать туда-сюда по вестибюлю, пока из дверей, ведущих на верхние этажи, не выпорхнула невысокая, чуть полноватая девушка с копной рыжих волос на голове, одетая в легкий спортивный костюм:

– Вы ко мне? – подлетела она к Алексею.

– Да, Таня, к Вам. Пойдемте, меня просили Вам кое-что передать, – и увлек ничего не понимающую девушку к выходу, сопровождаемый любопытствующим взглядом дежурной. Уже на крыльце он объяснил девушке причину ее вызова и указал на одиноко сидящую на лавочке Светлану.

– Ну, все, девочки, мне пора, – он снова надел повязку. – Я свою задачу выполнил, сдаю Вас, Светлана, с рук на руки.

– А мы еще увидимся? – неожиданно спросила Светлана, застав его врасплох.

– Ну-у, может быть, – ответил немного смущенный вопросом Алексей. – Только очень нескоро. Мы в понедельник в лагерь выезжаем, месяца на полтора.

– А мы – во вторник в деревню на картошку, тоже где-то на месяц, если не больше. Так что, квиты, – весело проговорила Татьяна, девушка, видно, веселая и общительная.

Они еще немного посидели на лавочке, тем более, что чудесный вечер позволял не спешить в помещение.

– Пошли, Танюха, только проводи меня так, чтобы эта тварь, Марья Ивановна, мое платье и мою физиономию не заметила, – попросила Светлана.

– Сделаем, – со смешком пообещала Таня. – Я ей мозги задурю, а ты сразу проскакивай. И постарайся передом у нее на глазах не крутиться. Ну, пока, товарищ военный, приятно было познакомиться! Надеюсь, мы еще встретимся.

– Ну, конечно, – заверил девушек Алексей. Он постоял еще немного, подождал, пока они скроются в дверях, а затем с чувством выполненного долга направился в сторону выхода на проспект Большеви́ков. Продолжать нести патрульную службу.

2.

И снова учебный центр «Улановка»! Не село Улановка, привольно раскинувшееся километрах в пяти отсюда, где находится танковый полк Соколовской дивизии, и где кое-кто из ребят был на стажировке минувшим летом. Нет, село – уже другой гарнизон, где их постоянные увольнительные не действуют, а чтобы законно находиться в нем или, скажем, в Соколовске, нужен полноценный отпускной билет. Вольности июля месяца, когда они могли беспрепятственно выходить за пределы своих воинских частей, закончились вместе с окончанием стажировки. Увы... «Ладно, – подумал Лешка, выгружаясь в очередной раз из поезда, – что было, то было, сейчас надо сосредоточиться на том, что будет».

А что будет – он уже знал. Будет вождение танков в колонне. Будут стрельбы, в том числе – третье упражнение, стрельба из танков с ходу штатным снарядом. Будут занятия по тактической подготовке, где им предстоит действовать за командира танковой роты во всех видах боя и ознакомиться с аналогичными действиями командира батальона. Ну, и, конечно, работы по обслуживанию техники, по ремонту элементов полигона, танкодрома, куда уж без них... Все это – еще впереди, а сейчас главное – быстро построиться, чтобы Чернов смог всех пересчитать, после чего – организованной колонной проследовать в лагерь.

И вот они идут все тем же привычным, сколько раз уже пройденным маршрутом до «паука», после которого им предстоит преодолеть около двух километров бездорожья по территории танкодрома. Все вроде бы, как и тогда, когда они впервые высадились здесь, и самодур старший лейтенант Бессонов погнал их в абсурдный, совершенно бессмыслен-

ный ночной пробег. Но сейчас уже все не так, как тогда. Во-первых, парни за прошедшие годы возмужали, познали себе цену, и их не так-то просто заставить делать глупости. Тем более, что приснопамятный Бессонов где-то затерялся в войсках военного округа, а сопровождающий их старший лейтенант Ковбасюк, получивший третью звездочку, пока курсанты были в отпуске, идет себе спокойно и о чем-то переговаривается с другим курсовым из их роты, командиром первого и второго взводов старшим лейтенантом Никитиным. Во-вторых, почти у всех курсантов имеются фонарики, и в любой момент каждый из них может осветить себе под ноги. Да и знают ребята, куда идут и сколько им еще осталось до того момента, когда откроется перед ними возделенная дверь в казарму, где им предстоит ночлег, потому и идут спокойно, скорее даже не строем, а организованной толпой. Вот только сама дорога осталась прежней, а, может, за прошедшие три года ям на ней еще и прибавилось. Алексей окликнул шагающего рядом с ним Зубова:

– Паша, ищи, где та ямка, что ты так детально обследовал при марше Бессонова?

– Смеешься? – деланно возмутился Пашка. – Смотри, как бы сам в нее не попал!

В тот же миг Лешка действительно споткнулся и упал бы, если б его не поддержали Пашка и шагавший сзади, мурлыкавший, как всегда, какою-то армянскую песенку Хачинян.

– Что я говорил? – не без злорадства заметил Зубов. – Бог-то, он все видит!

– Ну, и злой язык у тебя, Пашка! – рассерженно ответил Алексей.

– Зачем злой? Зачем так говоришь? – взял Зубова под защиту Юрик. – Паша-джан – самый добрый у нас человек!

– Да я и не сомневаюсь, что он хороший человек, – уже более миролюбиво заметил Лешка. – Это, Юра, тот самый случай, когда мы, русские, говорим: язык мой – враг мой!

Некоторое время после прибытия в лагерь занятия проходили в классах. По огневой подготовке курсанты продолжили изучать теорию и правила стрельбы, устройство и принцип действия прицелов, противоткатных устройств, других частей и механизмов, обеспечивающих уверенное и точное ведение огня из всех видов танкового вооружения. Ну, и конечно готовились к штатной стрельбе с ходу, основной для танкистов в современном бою. Как и обещал им в свое время после их первой стрельбы майор Слесарчук, они еще отстрелялись по разу, днем и ночью, с коротких остановок. Было это минувшей весной, как раз после возвращения с этого лагерного выхода, к слову, Лешка и расстался с Анжеликой. Теперь же ребятам предстояло выполнить самое сложное упражнение, которое, к тому же, выносилось и на государственный экзамен по этой дисциплине. Собственно, преподаватель исподволь уже готовил курсантов к стрельбе с ходу. Так, он неоднократно проводил ТСТ, танко – стрелковые тренировки, в огневом городке училища, где специальные качалки с установленными на них тремя танками, раскачивались вверх – вниз, вправо – влево и по диагонали, создавая иллюзию движения, а ребята в это время наводили на цели

прицельные угольники и стреляли из танковых пулеметов. Кроме того, при всех выездах в лагерь он как-то выкраивал время, отводимое на его предмет, и также проводил заезды, во время которых курсанты тоже стреляли с ходу по целям на сокращенных расстояниях до последних, с имитацией стрельбы из пушки одиночными пулеметными выстрелами. Но то все-таки были тренировки, а вот что покажет настоящая, зачетная стрельба...

Вообще-то предыдущая стрельба с коротких остановок Алексею не понравилась. Хотя и отстрелял он вполне прилично, оба раза на четыре балла, но пототеть и понервничать пришлось. В том числе, и по причине плохой слаженности экипажа. И если со своим постоянным напарником Васей Ивановым они понимали друг друга с полуслова, с полужеста, то с солдатом, штатным механиком-водителем их танка, такого понимания не получилось. Отсюда и несинхронность действий, и превышение времени остановок, и много чего еще. Хотя и говорили фронтовики, что такая стрельба на Т-34 была наиболее эффективной, но ведь на «тридцатьчетверке» не было ни дальномера, ни стабилизатора, ни механизма «Дельта Д», автоматически уменьшающего прицел на расстояние, пройденное своим танком... Нет, не получил Лешка удовольствия от этого упражнения. Хорошо хоть, что больше него его выполнять не будут. Теперь для них главная стрельба – с ходу!

Интенсивно проводились занятия и по тактике. Этой дисциплиной курсанты занимались как в классе, так и в поле. В классе они изучали теорию, изложенную в Боевых уставах Сухопутных войск: на более ранних курсах это был устав «взвод – отделение – танк», сейчас же в основном они черпали теоретические знания из устава «батальон – рота». В классе же они работали и практически: получали распоряжения от вышестоящего командования (в реальности – от преподавателя тактики майора Черкасова), уясняли задачу своего подразделения, оценивали обстановку (данные о противнике, время года и суток, состояние местности и так далее) и готовили боевые приказы, после чего наносили все данные на топографические карты. Далее следовали практические действия, чаще всего – без материальной части, то есть «пеший по танковому», но иногда им выделялись для этих занятий и настоящие танки. Причем, в ходе тактических занятий или учений отрабатывались действия подразделений под их командованием во всех видах боевых действий, будь то или наступление, или оборона, или марш с возможным встречным боем.

Ну, и не оставался без дела, вернее – без своих занятий, и любимец ребят подполковник Шорохов. Вот и в очередной день их пребывания в учебном центре согласно расписанию предстояло занятие по вождению танков, поэтому сразу после завтрака сержант Чернов привел взвод на танкодром, где и доложил уже поджидавшему их преподавателю о готовности к занятию. Подождавши с курсантами, подполковник далее объявил:

– Так, товарищи танкисты, продолжим программу обучения по вождению. Первое и второе упражнения отводили?

– Так точно! – хором ответил строй. Действительно, управление танками и преодоление отдельных элементов препятствий, предусмотр-

ренные названными упражнениями, они отрабатывали минувшей зимой на третьем курсе.

– Третье упражнение тоже водили? – задал новый вопрос Шорохов.

– Так точно! – подтвердили курсанты. И это упражнение, вождение по ориентирам, они тоже выполняли на третьем курсе, только уже весной.

– Вот, видите, вы уже – почти опытные механики-водители, – с удовлетворением отметил преподаватель. – Пора идти дальше. Сегодня водим четвертое упражнение, называемое «Движение в колонне», о нем мы еще поговорим. Следующее, пятое упражнение, в котором вам предстоит преодолеть водную преграду по дну нашего вододрома, отложим до будущей весны. А во время всех последующих приездов сюда будете выполнять последнее, шестое упражнение по курсу вождения, то есть, «Вождение танков в сложных условиях». Это комплексное упражнение, оно подразумевает преодоление всех имеющихся на танкодроме препятствий, причем – на время. Его же будете сдавать для получения классной квалификации механика-водителя третьего класса. Но о нем будем говорить подробно, когда подойдет его очередь, а сейчас – непосредственно о том, чем будете заниматься сегодня.

Подполковник медленно прошелся вдоль строя, затем повернулся лицом к курсантам:

– Сегодня, как я уже вам говорил, будем отрабатывать вождение танков в колонне. Это довольно специфическое упражнение, и специфика его в том, что в данном случае речь идет не об индивидуальном, а о коллективном творчестве. Здесь не будет оценок за качество преодоления препятствий, потому что вас на них никто не направит. Здесь оценка выставляется за скорость движения, причем, засекается эта скорость будет по последнему танку в колонне. При этом для всех вас, как механиков – водителей, оценка будет состоять из показателей скорости, но также на эту оценку, в сторону уменьшения, конечно, могут повлиять замечания мои либо механиков – инструкторов, место которых – на башнях ваших танков. Они будут руководить всеми вашими действиями. Это понятно?

– Товарищ подполковник, а как будет оцениваться скорость? – спросил Володя Симаков, воспользовавшись тем, что преподаватель остановился неподалеку от него.

– Очень просто, – повернулся в его сторону Шорохов. – Первый танк в колонне трогается с места – запускается секундомер, последний танк пересекает линию финишного створа – секундомер останавливается. Поскольку пройденный вами путь для всех машин будет один и тот же, то километраж делится на разность показаний секундомера, вот вам и скорость, а, следовательно – и оценка. Одна на всю колонну. Кроме того, как я уже говорил, оценки вам могут быть снижены в случае, если вы не будете реагировать на указания ваших инструкторов, не будете соблюдать дистанцию, ну, и так далее... Кстати, какая должна быть дистанция между танками в колонне на марше? – подполковник ткнул пальцем в грудь стоявшего в первой шеренге Зубова.

– Курсант Зубов! – представился Пашка. – 25 – 50 метров, товарищ подполковник!

– Правильно. Вот так компактно и должна идти колонна! Все, больше теорией заниматься не будем. Товарищ старший лейтенант! – обратился Шорохов к подошедшему на исходную площадку танкодрома Ковбасюку. – Сегодня нам выделено для данного упражнения шесть танков. Поэтому разбейте взвод на группы по шесть человек. На первую машину в колонне назначьте аса, который сможет дать скорость! На последнюю – тоже толкового парня, который не позволит колонне сильно растянуться. Ну, и остальным друг от друга не отставать! Всем ясно?

– Так точно! – дружно ответил строй.

– Молодцы! – похвалил подполковник. – Через десять минут вижу перед собой первых шесть человек! Остальных отвести за центральную вышку! Выполняйте, товарищ старший лейтенант!

– Есть! – Ковбасюк вышел перед строем, позвал к себе Чернова, и, отведя взвод с исходной позиции, они вдвоем начали колдовать над списком. Впрочем, много времени распределение курсантов по группам не заняло, очевидно, кое-какие наметки зам. командира взвода уже сделал заранее, поэтому вскоре сержант со списком личного состава начал формировать первый заезд:

– Так, парни! Первую машину поведу я! Далее, по порядку, Иванов, Васильцов, Белкин, Ветров, замыкающий – Кривцов. Следующая смена: Березюк, ..., – Виктор назвал каждую смену, после чего доложил курсовому офицеру:

– Товарищ старший лейтенант, распределение личного состава взвода по заездам закончено!

– Всем все понятно, кто с кем и за кем едет? – спросил у взвода Ковбасюк.

– Так точно! – раздалось несколько голосов.

– Тогда, сержант Чернов, ведите первую смену к преподавателю!

– Есть! Смена, за мной, шагом марш!

Подведя свою группу к исходной позиции, Чернов доложил подполковнику о готовности первого заезда. Шорохов повернулся к курсантам:

– Все помните, что я вам говорил? Так, молчание – знак согласия. Тогда всем принять машины, вон они уже стоят в колонне одна за другой, познакомиться с инструкторами! Поскольку вы будете двигаться в колонне, а такой способ движения применяется только при совершении маршей, то и сидения свои установите, как положено на марше, то есть – по-походному, и не забудьте проверить, как застопорили крышки своих люков, чтоб во время движения не получили по черепушке! Все! Когда будете готовы – доложите мне, позывные – по порядку номеров в колонне, и по моей команде запустите двигатели, после чего перейдете на внутреннюю связь со своими механиками – инструкторами и в дальнейшем выполняете только их распоряжения! Вопросов нет? Ну, тогда вперед, сынки, и не робеть! К машинам бегом марш!

Все дружно рванули к указанным преподавателем танкам. Вскоре и Лешка пожимал руку сидевшему на башне инструктору, молоденько-

му улыбчивому пареньку, который сразу успокоил курсанта, сказав, что отказов машина не дает, главное – спокойствие, а если что, то он, Николай, подскажет, как и что надо делать. Алексей, и так не особо волновавшийся (как-никак, не первое вождение), успокоился окончательно. Он выполнил все, что говорил преподаватель, после чего доложил ему:

– Вышка, я – третий, к маршу готов, прием!

Спустя несколько минут, после того, как такие же доклады передали все участники заезда, он услышал:

– Броня, я – Вышка, мотор, прием!

Алексей спокойно, как учили, запустил двигатель, перевел переключатель радиостанции на внутреннюю связь и, приподнявшись в люке, показал характерным жестом инструктору, что он уже на связи с ним. Тот понимающе качнул головой и сказал курсанту уже по связи:

– Включи передачу и, когда тронется перед тобой машина, сразу давай за ней!

– Понял, – ответил Лешка, и, как только стоявший перед ним танк Васи Иванова, выпустив клуб черного дыма, плавно стронулся с места, сделал то же самое.

– Молодец, – похвалил инструктор. – Теперь держи дистанцию и не отставай!

Легко сказать – не отставай! Предстояло пройти километров с десять вокруг полигона, а что такое – полигонные дороги? Сплошь ухабы, рытвины, ямы, в которых с успехом мог бы целиком скрыться танк во всю его высоту, в общем – все виды удовольствий! Алексей то разгонял танк, стремясь выдержать установленную дистанцию и не отпустить идущего перед ним Иванова далеко, то притормаживал, чтобы не врезаться Ваське в трансмиссию. От постоянного напряжения и частого переключения передач он вспотел, но внимания не терял! Слава богу, что инструктор не вмешивался в его действия, один только раз вышел с ним на связь перед особенно глубокой выемкой: «В яму не лезь, пока тот танк, что перед тобой, из нее не выйдет!». Лешка ответил ему, по ТПУ, что понял, подумав тем временем, что механик мог бы и не давать подобного указания, поскольку он и сам вполне представлял себе, что может быть, если Вася не вытянет свою махину наверх, и та всей своей массой наползет на его уже зашедший в ямину танк. Все остальное время инструктор сидел на башне его танка, свесив ноги в командирский люк и держась руками за застопоренную крышку этого люка. Трясло его там, конечно, немилосердно, даже имея в виду, что это новый танк с надежными амортизаторами, но он помалкивал и ничем своего присутствия не выдавал. Впрочем, все Лешкино внимание было сосредоточено на впереди идущем танке, наверх он не смотрел. Но вот, наконец, показался исходный рубеж, значит – скоро конец зачетного круга, конец заезда. Тут же он сверху услышал команду:

– Сбавь скорость и подсократи дистанцию. Когда впереди танк остановится, стань за ним в затылок в десяти метрах сзади!

– Понял, – ответил Алексей.

– Какая температура охлаждающей жидкости?

– Норма, около 90 градусов. Не греется, хорошая машина!

– Тогда, как остановишься, дай двигателю поработать пару минут и заглуши! – дал распоряжение инструктор. – Все выключай и – к машине!

Выполнив все, что положено, Алексей выпрыгнул из танка, снял шлемофон и с наслаждением подставил вспотевшие волосы под тугие струи уже прохладного воздуха. Подошел его контролер:

– А ты – молодец, хорошо машину провел. Вот вчера кто-то из ваших меня так растряс, чуть здоровья не лишил, а с тобой жить можно. Ну, иди, вон ваш подполковник вас собирает. Будь здоров!

Лешка пожал инструктору руку и направился к вышке, где уже маячила мощная фигура Шорохова и куда подходили все участники прошедшего заезда. Чернов построил ребят и уже собирался доложить преподавателю, но тот движением руки остановил его:

– Не надо докладывать, сержант, я сам все видел. Ну, что вам сказать? Дистанцию не разрывали, даже остановили колонну по всем правилам. Скорость дали на отличную оценку, ее вы все и получите. Молодцы! Отдыхайте. А Вы, товарищ старший лейтенант, – обратился он к Ковбасюку, – готовьте следующую смену!

Когда занятие закончилось, подполковник Шорохов, подводя итоги, сказал:

– Оценки вы свои знаете, тут я вам ничего нового не скажу. А вот на что хотел бы обратить ваше внимание на будущее, когда станете боевыми командирами и поведете в атаку свои громыхалки. Берегите механиков–водителей, особенно в тех случаях, когда предполагается совершение длительных маршей! Сегодня вы на собственной шкуре испытали, насколько тяжела их доля. Помните об этом! На сегодня – все. А вообще в этом лагерном выходе у нас с вами будет еще одно занятие по погрузке техники на железнодорожную платформу и, ближе к концу пребывания здесь, выполнение шестого упражнения. Так что, следите за расписанием. До свидания, товарищи курсанты!

Занятие по погрузке, о котором говорил преподаватель, было запланировано для их взвода через три дня. И вот в назначенный срок сержант Чернов сразу после завтрака вывел четвертый взвод далеко в поле. Здесь, почти в центре танкодрома, подальше от преодолеваемых танкистами препятствий было оборудовано соответствующее учебное место – погрузочная рампа с примыкавшим к ней отрезком железной дороги. Вплотную к рампе на рельсы были установлены две самые обычные железнодорожные платформы с откинутыми бортами. На подъезде к рампе, устремив вверх стволы своих орудий, стояли два танка из числа тех, что они совсем недавно водили.

Руководитель занятия подполковник Шорохов был, как всегда, немногословен:

– Учебной программой предусмотрено дать вам понятие о том, как производится погрузка танков на платформы при перемещении их по железной дороге. Научить вас управлять процессом погрузки я, разумеется, не смогу, ибо навыки в этом деле приходят только с опытом во время дальнейшей службы, да такая задача и не стоит. Сегодня вы

потренируетесь в заведении танка на платформу, и затем – в возвращении его обратно.

Преподаватель прошелся вдоль строя:

– Немного теории. При ведении современных боевых действий танки на большие расстояния, в основном, перемещаются по железной дороге на грузовых платформах. Так и быстрее, и надежнее, это позволяет организованно и без потерь доставить технику к месту боя. Итак, погрузка. Для этого на железнодорожных станциях оборудуются погрузочные рампы, или, по-другому, аппарели. Они устраиваются на многих станциях, разумеется, не только для нас, а, в основном, для народнохозяйственных грузов, но и мы эти аппарели использовать можем. Рампы бывают торцевые или тупиковые, как вот сейчас у нас, когда рельсы подводятся вплотную к рампе и упираются в нее. В этом случае танки заходят на платформы прямым ходом. Но бывают и боковые рампы, когда железнодорожный путь проходит мимо аппарели рядом с ней, и тогда танк, заведя на платформу, необходимо развернуть на ней на 90 градусов. Всем понятно, что я сейчас рассказал?

Или всем было понятно, или наоборот, но строй молчал.

– Ну, вот сейчас и поглядим, что и как вам понятно, – с удовлетворением отметил Шорохов. – Где мой самый опытный механик-водитель сержант Крючковский?

– Я здесь, товарищ подполковник, – отозвался тот.

– Вот доложите мне, как Вы будете ориентировать танк перед тем, как заводить его на платформу?

– Обыкновенно, товарищ подполковник. Наружный край гусеницы должен идти по краю платформы, – с недоумением (что за пустяковый вопрос?) ответил Антон.

– Совершенно верно, но это все верно для старых танков, таких, как Т-54, Т-55, – развеял недоумение сержанта преподаватель. – А вот новый танк чуть пошире, поэтому, поскольку размер платформы мы изменить не можем, то нужно четко усвоить, что заводить этот танк на платформу нужно, сориентировав на ее край не срез гусеницы, а имеющуюся в траках проушину перед этим срезом. Вот, посмотрите! Понятно? Тем самым, танк будет выступать за край платформы на несколько сантиметров. Сейчас я вам это продемонстрирую, после чего приступим к практической части.

Сегодня подполковник был – сама сосредоточенность, строг, подтянут и почти не употреблял матерных выражений. Даже странно как-то...

Вот Шорохов подал сигнал механику-водителю первого стоящего перед рампой танка и, спокойно руководя его действиями, завел танк на положенное для того место, после чего обратился к курсантам:

– Видели? Сейчас я его отгоню обратно, и дальше вы будете командовать сами процессом погрузки. Особо обращаю ваше внимание вот на что: скорость движения танка должна быть самой минимальной. Здесь быстро не нужна. А вот внимание от вас требуется повышенное. Если почувствуете, что что-то пошло не так – остановите машину, соберитесь с мыслями, прокачайте ситуацию и, уже успокоившись, продолжайте.

Первым, как всегда, вызвался выполнять упражнение Виктор Чернов. Для опытного командира танка не составило труда установить боевую машину на платформе по всем правилам. Через несколько человек подошла очередь и Алексея.

Он влез на платформу и поглядел на стоящий перед ним на рампе танк. Стало жутковато: а вдруг что-то не получится, и эта железная машина скovyрнется вниз? Даже представить такое было невероятно страшно. Лешка моментально вспотел, бешено забилося сердце. «Возьми себя в руки! – мысленно пытался приказать он себе, – перед тобой то же самое делали другие ребята, твои товарищи, такие же, как и ты, курсанты, у них все получилось, и у тебя получится!».

Алексей рукой подал сигнал механику-водителю: «Заводи!», и, когда танк, выплюнув облако дыма, зарокотал устойчивым монотонным звуком, кистями рук изобразил приглашающее движение к себе. Танк стал тихо напoлзать на платформу, вот уже его гусеницы начали впиваться в деревянный настил. Васильцов оценил направление движения: вроде пока все нормально, и, внимательно следя за танком, на несколько шагов отступил назад, слегка жестом скорректировав направление. Так продолжалось до тех пор, пока машина не замерла на том месте, которое указал преподаватель. Алексей махнул рукой: «Стоп!». Шорохов одобрительно кивнул ему с земли головой:

– Молодец! Теперь сгоняй!

Тоже нелегкая задача, но сейчас, по крайней мере, снизу тебе помогает один из твоих друзей, корректируя при заднем ходе движение кормы танка. Все! Машина благополучно покинула платформу и съехала по рампе вниз, на землю. Лешка остановил танк, жестом дал команду заглушить двигатель и посмотрел на подполковника. Тот молча показал пять растопыренных пальцев, поставил оценку в свой блокнот и будничным голосом скомандовал:

– Следующий!

Подводя итоги занятия, преподаватель отметил:

– Сегодня вы выполняли один и самых трудных элементов вождения. Энергии и нервов он отнимает не меньше, чем упражнение на трассе. Выполнили хорошо: «двоек» и «троек» нет, «четверок» – и тех мало. В основном – отличные оценки. Но вы не обольщайтесь, сегодня за рычагами танков сидели опытные механики-инструкторы из нашего ТБО. В войсках же, куда вы попадете уже меньше, чем через год, вам предстоит иметь дело с самыми разными специалистами, в том числе и с молодыми механиками-водителями, только что пришедшими из учебных частей. А чему их там научили, и научили ли вообще – большой вопрос. Я это к чему говорю? Сегодня вы только ознакомились с процессом погрузки танков, совершенствовать же навыки вам придется всю свою службу, ибо пределов совершенству нет! Желаю успехов и жду вас на трассе шестого упражнения!

Впрочем, анонсированное подполковником действие предстояло еще нескоро. Назавтра же в расписании значилась огневая подготовка, стрельба штатным снарядами из танка с ходу.

Вот он, основной вид ведения огня для современных танкистов! И, как считается, самый сложный. Лешка, однако, особой тревоги и волнения не испытывал. Во-первых, из пушки он уже стрелял, и не один, а целых четыре раза, поэтому ощущения, испытанные им в свое время впервые, как-то поутихли, пригладились, и само словосочетание «штатная стрельба» не вызывало у него такой нервной дрожи, как раньше. Во-вторых, предстоящее сейчас упражнение он также выполнял не раз, пусть и винтовочным патроном из пулемета, пусть и на сокращенных дальностях, но все операции по включению стабилизатора, по прицеливанию – одни и те же. Руки уже так натренированы, что выполняют их, не глядя, что называется, на автомате. Тут, правда, есть опасность, что с приобретенными навыками работы с вооружением может появиться и некоторая самоуверенность, дескать, мы – опытные танкисты, уже все и знаем, и умеем. А вот это уже плохо, поэтому внимание, внимание и еще раз внимание!

Ладно, отстреляем как надо, не впервой! Алексею вообще-то нравилось стрелять из танка, поскольку, в отличие от стрельбы из автомата или пистолета, не надо обращать внимание на дрожь в руках и на вероятность по этой причине «смазать» выстрел. Здесь главное – исправный и отрегулированный стабилизатор вооружения и выдержка при его включении. Если эти два условия выполнены, то проблем с попаданием в цель не будет никаких! Можно было бы, конечно, и почаще стрелять из пушки, да снаряды дорогие. Алексей не раз слышал, как бывалые танкисты после очередного пушечного выстрела замечали:

– Вот, еще одна пара генеральских сапог полетела! – в таком эквиваленте оценивалась стоимость одного артиллерийского выстрела, в составе снаряда и заряда.

На более старых танках, где в число членов экипажей входили заряжающие, нашли отличный выход из положения: в стволе пушки закрепляли еще один ствол, так называемый «вкладной ствол». С его использованием на всех тренировках и зачетных стрельбах вели огонь маленькими снарядами калибра 23 миллиметра, которые и стоили намного дешевле, и дефицитом никогда не были. А штатным снарядом из пушек стреляли два раза в год, по одному разу в зимнем и летнем периодах обучения. Но в составах экипажей новых танков нет заряжающих, а при заменивших их автоматах заряжания использовать вкладной ствол невозможно. Ничего не поделаешь: на тренировках – огонь винтовочным патроном, а при реальных стрельбах – штатным снарядом, хоть и дорого...

Утром следующего дня четвертый взвод под командой сержанта Виктора Чернова прибыл на уже достаточно знакомый ребятам участок штатной директрисы, где им и предстояло выполнять назначенное учебной программой третье упражнение. У вышки их нетерпеливо поджидали руководитель стрельбы старший лейтенант Ковбасюк и преподаватель майор Слесарчук. Последний принял доклад заместителя командира взвода и обратился к прибывшим:

– Ну, что, товарищи курсанты, постреляем?

– Так точно, товарищ майор! – дружно ответил строй.

– Я смотрю – настроение у вас бодрое, – заметил преподаватель. – В таком случае, приступим. Вы уже стреляли из пушек, порядок действий при оружии знаете, поэтому долго проводить дебаты не будем, да и время поджигает, не стоит задерживать начало стрельб для танкистов дивизии.

Слесарчук напомнил основные меры безопасности при загрузке боеприпасов и выполнении непосредственно упражнения, особо остановившись на двух моментах:

– Первое, товарищи курсанты! При стрельбе с ходу танк следует по дорожке в 700 метров, и пройти это расстояние он должен не больше, чем за 3 минуты и 5 секунд. В противном случае, при превышении этого времени, экипажу за выполнение упражнения ставится «двойка» независимо от того, попал или не попал по целям наводчик. Ясно? Чтобы успокоить вас, скажу, что наши механики-водители – народ опытный, натренированный, знают, с какой скоростью надо ехать, а вот когда будете в войсках – требуется на это дело обращать внимание.

– И второе. Напоминаю еще раз – и при стрельбе, и по ее окончании пушка должна смотреть все время в поле. Поэтому, когда танк будет разворачиваться для следования по параллельной дороге на исходный рубеж, наводчик должен пультом управления удерживать орудие в нужном направлении и ни в коем случае не направлять его на вышку. А поскольку при подъеме ствола пушки по окончании стрельбы на максимальный угол возвышения в прицел вы сможете увидеть только голубое небо, то весь контроль за положением орудия – по указателю на рукоятке поворотного механизма башни! Всем понятно? Если вопросов нет, на месте остаться трем стреляющим экипажам, а остальных, товарищ сержант, отвести на учебные места по наблюдению за стрельбой и отработке нормативов! Выполняйте!

Алексей снова стрелял в первой смене и снова вместе с Васей Ивановым. Внешне он выглядел спокойным, хотя в душе определенное волнение испытывал: как-никак, а после своей первой отличной стрельбы, выполненной днем с места, в последующих трех случаях «пятерки» от него ускользали. Как тут не потерять уверенность в себе и в своих навыках... Васька все-таки заметил переживания своего напарника:

– Не волнуйся, Леша, все будет нормально. Механика этого танка, с которого будем стрелять, я знаю, толковый парень. За меня тоже не беспокойся. Главное – без суеты делай свое дело.

– Сделаем! – заверил скорее сам себя, чем своего командира, Лешка. И – сделали! Снова, как и в первый раз, Алексей двумя первыми выстрелами из пушки влупил в мишень два снаряда, затем хладнокровно короткими очередями расстрелял из пулемета остальные цели.

– Молодец! – обнял его после заезда Иванов. – Что я тебе говорил?

– Моей заслуги тут немного, – скромно ответил польщенный Лешка. – С такого танка плохо стрелять невозможно. Сам тоже так же отстреляешь, лишь бы техника вдруг не отказала!

Техника не отказала, и в следующем заезде уже Василий под Лешкиным руководством тоже получил «пятерку». Почин для остальных курсантов их экипаж сделал.

Через несколько дней, выполняя это же упражнение ночью, Алексей наконец-то получил и здесь отличную оценку. Этот двойной успех значительно укрепил Лешкину уверенность в своих силах, что было немаловажно, если учесть, что следующая штатная стрельба намечалась лишь на госэкзамене. Конечно, стрелять из танков они еще непременно будут, но, скорее всего, как обычно, с имитацией пушечных выстрелов тремя одиночными из пулеметов. «Ладно, – подумал Алексей, – опыт, тем не менее, приобретен, хороший опыт, авось не забудутся усвоенные навыки за предстоящие полгода до госов». Всего-то полгода осталось. Ну, или чуть больше...

Между тем, подошел октябрь месяц, и, хотя здесь, на юге, солнце днем светило еще по-летнему, но вечера уже напоминали, что наступила осень. И программу текущего лагерного сбора курсанты почти что выполнили, оставалось им только вождение итогового упражнения днем и, что самое интересное, – ночью, с использованием ночного прибора наблюдения. Этот прибор – ТВН (танковый водительский ночной) они уже изучали, но вот на практике им еще не пользовались: самое первое вождение они отрабатывали, освещая трассу фарами, пусть и с частичной светомаскировкой, а все последующие упражнения они выполняли только днем. Что ж, тем интереснее будет посмотреть в прибор на трассу ночью. Тем более, что ждать этого события ребятам осталось недолго, буквально несколько дней, ибо пребывание их в учебном центре подходило к концу.

Возможно, в другой раз и программа была бы построена по-другому, и время их нахождения в лагере могло продлиться подольше, но военного парада 7 ноября еще никто не отменял, а к нему, к этому параду, надо было готовиться. Конечно, и здесь имелся плац, пусть и не такой большой, как в училище, но равнение в шеренгах можно было тренировать и на нем. Чем курсанты и занимались по утрам каждый день, включая выходной, не проводились тренировки лишь в дни, когда с утра планировалась работа на технике: стрельба, вождение, тактика. Так что, в общем-то, строевых навыков ребята не теряли, но вот тренировки в составе «коробки» требовалось проводить только со всем составом курса, а это было возможно лишь на плацу училища.

Стремился побыстрее вернуться в Холмоград и Лешка. В отличие от предыдущих выездов, когда ему было безразлично, сколько они пробудут в учебном центре, сейчас затянувшееся пребывание в лагере стало ему надоедать. Была для этого причина: Алексей стыдился себе в этом признаться, но ему очень хотелось повидать ту девушку, что они с Васькой Ивановым спасли во время патрулирования. Кажется, ее зовут Светлана. Да, точно, Светлана! Чем-то зацепила она его, запала ему в душу. Чем же? Ответа он не находил, хотя в свободное от занятий время снова и снова вспоминал и анализировал свой разговор с девушкой, когда провожал ее до общежития, пытался восстановить в памяти ее облик. Красивая? Наверняка. Правда, ночная темень и не очень яркий

свет фонарей не позволили, как следует, ее рассмотреть, но что деваха симпатичная – факт, это уж он увидеть смог, как и оценить ее точеную фигурку. Так, а сколько же ей лет? После школы год работала, сейчас на втором курсе, значит – нетрудно посчитать – где-то около двадцати, плюс – минус месяц – другой. То есть, можно сказать – его ровесница. Тоже годится! К тому же, судя по тому, как шел их диалог, и как она рассказывала о себе, можно сделать вывод: девушка серьезная, не легкомысленная, но, в то же время, – простая, без чванства и эдакого интеллигентского выпендрежа, которого он не выносил. В общем, Лешка по возвращении в город твердо решил навестить эту самую Светлану в ее общаге, и предлог для встречи есть: ни кто иной, как она сама предложила встретиться еще раз. Правда, он мог бы это желание снова увидеться списать на ее все еще не прошедшее стрессовое состояние. Но в данном случае ее желание совпадало с желанием его самого. Каким-то шестым чувством он понимал: вот оно, то, что ему нужно! Нельзя ни в коем случае упускать эту девушку, это, может быть, его судьба! И поэтому он с нетерпением считал дни до окончания лагерного сбора и выезда отсюда.

Впрочем, выполнили они еще не все, что намечалось, так что, придется со встречей немного подождать, а все внимание сосредоточить на выполнении шестого упражнения по вождению танков. Пока днем. Накануне этого события послеобеденную самоподготовку курсантов посетил сам подполковник Шорохов. Войдя в класс, приняв доклад сержанта Чернова и поздоровавшись с ребятами, он прошелся взад – вперед возле классной доски, затем, как был, в шинели нараспашку, облокотился на край учительского стола и обратился к курсантам:

– Что, сынки, завтра будете водить шестое упражнение. Готовы?

– Так точно! – дружно ответил взвод к вящему удовольствию подполковника.

– Молодцы! Теперь вижу, что готовы. По крайней мере, морально. Это радует. Я ведь почему к вам зашел? Чтобы кое-что вам напомнить, а завтра времени на это не терять, и – сразу в бой! Без всякой политработы, мать ее так!

Шорохов поспрашивал кое-кого из ребят о правилах преодоления препятствий, ответами остался доволен и подытожил:

– Ну, что? Теоретически вы все знаете, да и практически по отдельности эти препятствия уже проходили. Теперь пришло время все выполнить в комплексе. Особо обращаю ваше внимание вот на что: не лихачить на препятствиях, не пытаться их пройти на второй или даже на третьей передаче, а то по своему опыту знаю, что такие удалцы могут найтись и у вас. Запомните – при непосредственном преодолении всех препятствий – только первая передача! А дальше – играйте оборотами двигателя: где прибавить, а где, наоборот, сбавить. За оценку скорости не беспокойтесь: наш танк – машина скоростная, любое время можно наверстать за счет перемещения между препятствиями. Все поняли? Тогда – до завтра! С утра жду вас на танкодроме возле исходной площадки.

И вот Лешка уже сидит в танке. Так, первым делом надо подогнать сидение. Выполняется это упражнение в положении механика-водителя

ля «по-боевому», то есть, с закрытым люком. Весь обзор – через три смотровые щели, называемые триплексами, и все. Алексей выполнил положенные процедуры для запуска двигателя, списал со спидометра исходный километраж, после чего подсоединился к радиостанции и доложил на вышку о готовности. Сегодня он в танке будет находиться один, без инструктора, расположившегося на траве поодаль от исходного рубежа и всегда готового в случае чего прийти на помощь (лучше бы этого случая не произошло!). Поэтому связь следует держать с руководителем вождения, а замечания по прохождению препятствий будет ему делать уже не инструктор, все его нарушения на каждой точке будут отмечать товарищи – курсанты, сегодня – из третьего взвода их роты.

– Четвертый, я – Вышка, мотор! – это уже команда ему.

– Вышка, я – Четвертый, Вас понял, выполняю! – и тут же зарокотал двигатель его танка.

– Четвертый, я – Вышка, ветер! – прозвучало в наушниках его шлемофона пару минут спустя.

Лешка включил передачу и плавно начал отпускать сцепление. Танк медленно, словно нехотя стронулся с места. Так, впереди метрах в двадцати первое препятствие – колейный проход в минном поле. Очень коварная штука: коридор длиной 60 метров, с внешних сторон ограничен полотораметровыми столбами на входе и на выходе, а внутри коридора две колеи справа и слева всего на несколько сантиметров шире танковых гусениц, с обозначением границ каждой колеи маленькими кольшками высотой не больше 20 сантиметров. Особое коварство этого препятствия в том, что, если заденешь хоть один кольшечек, сразу получаешь «неуд» и дальше можешь не ехать. Поэтому, учитывая небольшое расстояние до препятствия, лучше машину не разгонять, а надежно ее сориентировать, что сделать, в общем-то, не так сложно, поскольку место механика – водителя – прямо посередине корпуса. Исходя из данного факта, и направлять танк нужно по центру этого прохода. Так, машина идет по колее. Кажется, идет как надо, не стоит трогать рычаги поворота. Уф-ф! Вроде бы, проехал нормально. Теперь можно переключить передачу и прибавить скорость.

Дальше – участок заграждений и разрушений, именуемый курсантами сокращенно – УЗИР: нагромождение камней, надолбов, противотанковых ежей в сочетании с траншеями, ямами и прочими «радостями». Проехать все это многообразие надо, по возможности, наиболее коротким путем, чтобы меньше затратить времени. Преодоление собственно препятствий осложнялось тем, что обслуживающая УЗИР команда периодически перекрывала специальными указками прочерченные гусеницами уже прошедших танков следы, дабы последующие курсанты пробивали себе другую дорогу, а не шуровали все по одной колее. Вот и сейчас, когда Лешка въехал по чьим-то следам на участок и прошел мимо нескольких препятствий, дальнейший путь ему преградила такая указка – переносной металлический штырь с автомобильным «киршиком» вверх. «Ладно, черт с вами, объеду, общее направление знаю», – подумал Алексей и, сбавив скорость до минимума, взял вправо, пересек под

прямым углом, как учили, траншею, протиснулся между пнем и надолбом, после чего снова вышел на свое направление и выехал с участка заграждений на трассу. Вроде бы, ничего не задел и не сломал, а значит – скорость и вперед, к следующему элементу!

Следующим был колеяный мост, вещь тоже достаточно коварная: не ориентируешь нормально танк – можешь с моста слететь, тогда тоже «двойка», да еще и ушибиться можно вполне. Ну, что ж, надо сбросить скорость, перейти на первую передачу и точно по центру направить свою машину. Есть, проехал ровно, даже не качнулся! Что значит – верно направил! Теперь – снова переключить передачу и вперед, к новым препятствиям.

А вот и они, две горки, между которыми метров 200. На первой нужно произвести остановку на подъеме в габарите между четырьмя столбами и не допустить скатывания вниз. Есть, выполнено! Дальше вторая горка, здесь необходимо уже на спуске совершить зигзаг между тремя столбами, на языке танкистов называемый «змейкой». Есть, и тут все в порядке, кажется – ничего не зацепил. Так, теперь нужно дать скорость, впереди – километра четыре гладкого отрезка трассы. Поэтому – вторая передача, ... третья, ... четвертая, ... пятая, ... шестая... Эх, жаль на шестой передаче танк не тянет, стали падать обороты, и то верно: эта передача предназначена для передвижения по твердому, сухому грунту, а здесь трасса рыхлая, разбита гусеницами. Ладно, перейдем обратно на пятую и прибавим оборотов, и в этом случае скорость тоже будет неплохая.

И вот последнее препятствие – противотанковый ров. Здесь главное – не суетиться: дно рва – забетонированное с вмурованной в него танковой гусеницей, дашь резко большие обороты двигателя – гусеницы твоего танка буксанут, и он, не вытянув наверх, скатится назад. В лучшем случае, потеряешь время, в худшем – возможных последствий лучше себе не представлять. Вообще-то по курсу вождения танков этот ров мог бы быть заменен полутораметровым бродом, но сейчас осень, и в брод решили воду не закачивать. «Ну что ж, ров так ров!» – сказал сам себе Лешка и тихо съехал вниз, после чего плавненько добавил оборотов и с радостью почувствовал, как его танк, вытягиваясь из этой ямы, переваливается носом на ровную поверхность. Есть ров! А впереди уже маячили столбики исходного рубежа.

Алексей спокойно въехал на площадку, где должен был стоять его танк, точно посередине между ограничительными столбами остановил его. В голове мелькнула мысль: научился уже, а, помнится, на первом своем вождении не заехал полностью на площадку и, от растерянности, заглох. Ладно, то было тогда, сейчас же он остановился по всем правилам! Алексей дал с полминуты поработать двигателю, затем заглушил его и, записав пройденный по спидометру километраж, направился к вышке:

– Товарищ подполковник! Курсант Васильцов выполнял шестое упражнение по вождению. Пройдено 7150 метров. Все препятствия преодолены. Все механизмы танка и приборы работали нормально, без сбоев. Доклад окончен!

Шорохов внимательно посмотрел на мокрое от пота лицо курсанта, усмехнулся, после чего записал показания спидометра и подытожил:

– Что можно сказать, курсант Васильцов? Препятствия, по сообщениям контролеров, ты прошел чисто, вот, смотри, на моем планшете одни плюсы. Видишь? Скорость я еще посчитаю: время начала и окончания заезда фиксируется автоматически, километраж ты доложил. Думаю, что и здесь все будет в порядке. Так что, поздравляю!

– Служу Советскому Союзу! – только и смог выдавить из себя уставший от напряжения Алексей.

– Вот и хорошо, служи так и дальше! Все, иди, отдыхай и готовься к выполнению этого упражнения ночью! И заодно остынь, пот вытри! – напутствовал подполковник.

Подготовка танков к ночному вождению требовала определенного времени, поэтому, пообедав и отдохнув положенные полчаса, курсанты взвода вновь прибыли на танкодром к машинам, которые они водили по трассе всего несколько часов назад, чтобы, разбившись на группы, подготовить их к движению ночью.

Так, в первую очередь нужно установить ТВН, для чего вынуть из гнезда центральный триплекс, самый большой, и на его месте закрепить прибор, с помощью которого нужно будет вести танк, затем подсоединить этот прибор к бортовой электрической сети, но не включать. Включить его можно будет только тогда, когда стемнеет, дабы не засветить основной элемент прибора – электронно-оптический преобразователь (ЭОП), работа которого состоит в улавливании инфракрасных лучей, отражаемых от различных находящихся впереди танка предметов. Следовательно, вторая задача – проверить работу всех установленных на боевой машине источников этого самого инфракрасного света, освещающих через черные стекла невидимыми лучами все вокруг. Таких источников в наличии всего три: собственно фара танка, освещающая пространство, что называется, перед носом у механика-водителя, не далее, как на удалении 60 метров, далее – огромный прожектор «Луна», посылающий лучи на расстояние до 800 метров, но имеющий перед танком так называемую «мертвую зону», а также небольшой прожектор на командирской башенке. Вот все это и надо будет включить, когда потребуются. Подполковник Шорохов, проводя последний инструктаж перед началом заездов, также обратил внимание на данное обстоятельство:

– Включайте все, что можно, все источники инфракрасного света! Тогда обзор у вас будет гораздо лучше. И еще вот на что хотелось бы вам указать. Ночное вождение требует от механиков-водителей особого, повышенного внимания. И это касается не только преодоления препятствий. Ночью, как говорят, все волки серые, а дорог и всякого рода просек на танкодроме больше, чем надо. Отсюда – велик шанс элементарно заблудиться, свернуть с трассы не туда, куда надо, такое бывало, и не раз. Поэтому – усиленное внимание и постоянноехождение со мной на связи. Чувствуете, что не туда едете – надо остановиться и осмотреться! Лучше вам потерять несколько минут, чем потом часы на

ваши поиски. Всем понятно? Хорошо. Первая смена – принять танки и доложить о готовности!

Лешка в числе других участников первой смены занял место в танке, проделал все положенные действия и, включив ТВН, прильнул к окуляру. Все, что было перед ним, вырисовывалось четко: и деревья, и следы траков на земле, и много чего еще, но выглядело это в каком-то сказочном, зеленоватом свете, словно находишься на другой планете. Ну, или на морском дне. Васильцов с сожалением оторвался от окуляра прицепа и доложил на вышку о готовности к движению.

Вперед! Получив команду, Алексей плавно тронул танк с места, и вот уже впереди четко различаемый колеяный проход в минном поле. Странно, но Лешка ночью, в более сложных условиях, волновался гораздо меньше, чем днем. В конце концов, все эти препятствия он уже проходил, и прошел нормально. А сейчас в чем разница? Видно-то, как днем! Все, все посторонние мысли из головы вон! Полное внимание на трассу, а то, как бы, в самом деле, не зевнуть какой-либо поворот и не заблудиться. Ну, и препятствия пройти чисто, это уж дело принципа!

За ночное выполнение шестого упражнения Алексей Васильцов тоже, как и днем, получил отличную оценку и теперь, очень довольный собой, с нетерпением ожидал скорого отъезда в Холмоград и, соответственно, предстоящей встречи с той, которая так вошла ему в душу. Невидимые, без включенного яркого света, танки растворялись в темноте, а Алексей, обдуваемый и охлаждаемый легким осенним ветерком, находясь в приподнятом настроении, все думал о девушке, с которой страстно хотел встретиться. Уж ей он бы рассказал обо всех своих впечатлениях, переживаниях, успехах, неудачах, словом – обо всем! Почему-то он был уверен, что Светлана его поймет.

3.

Васильцов нетерпеливо считал дни, когда они вернутся в училище, и он сможет, наконец, использовать свою постоянную увольнительную, квадратик тонкого картона с указанием разрешенного времени пребывания его в городе, такого, какое называл командир их роты в день прибытия из отпуска. Программа занятий вроде бы была выполнена полностью, но отъезд, тем не менее, задержали на два дня: надо же обслужить после себя технику и привести в порядок мишенную обстановку на полигоне и препятствия на танкодроме, особенно последние, раскуроченные во многих местах ночным вождением. Поэтому приехали ребята в Холмоград только вечером в воскресенье, когда об увольнении можно было уже забыть всем, кроме «женатиков». Остальным, таким, как Лешка, оставалось ждать своего часа в следующий выходной день, через неделю. «Ничего страшного, – мысленно успокаивал себя Алексей, – время быстро пройдет, да и девчонки говорили, что в колхоз едут на месяц, неизвестно – прибыли ли?».

Тем не менее, в ближайшее воскресенье он твердо решил побывать в студенческом городке на проспекте Большевиков. Неожиданно, одна-

ко, выяснилось, что их взвод воскресным вечером должен заступать в наряд по училищу, вот же незадача! Хорошо хоть, что не в основной караул, но на развод-то в 18.00 выходить все равно надо, а для этого – за час, как минимум, вернуться из увольнения! Ладно, придется идти к заместителю командира взвода сержанту Чернову:

– Товарищ сержант, разрешите обратиться!

– Ты чего так официально, Алексей? Случилось что?

– Витя, огромная просьба: если можно, поставь меня на кухню! Тем более, что я и в самом деле давно там не был.

– Не проблема. Хотя я уже прикинул, кого куда, но твое желание учту. А что все-таки случилось?

– Да... я... так, – замялся, было, Лешка, но затем все же решил рассказать о причине просьбы. – Хочу девушку знакомую проведать. Я-то постараюсь успеть, но мало ли что... Кухонному наряду ведь на развод выходить не надо.

– Хм, ... Девушка – это причина веская, – усмехнулся сержант. – Я вот хоть и не женился пока, но кое-какие виды на это дело тоже имею. Только у себя на родине. Постой, постой, а это не та ли подруга, которую вы с Ивановым защитили от бандитов? Мне Вася рассказывал, как ты ее провожал.

– Да что я, – Лешка покраснел. – Поручил начальник патруля, вот я и выполнял приказ.

– А сейчас кто тебе приказывает? – Чернов уже откровенно посмеивался.

– Никто, я сам. И вообще, – Алексей внезапно разозлился. – Не хочешь ставить на кухню – назначай куда угодно!

Он уже повернулся, чтобы уйти.

– Ну-ну, не кипятись, успокойся, – сержант положил ему руку на плечо. – Поставлю я тебя на кухню, раз пообещал. Только на всякий случай предупреди, что можешь задержаться, старшего этой команды, им, скорее всего, будет Иван Глуценко. Я думаю, ребята тебя подстрахуют.

– Спасибо, товарищ сержант! Я не подведу!

– Пожалуйста, – Чернов опять усмехнулся. – Да, не забудь ей цветы подарить. Деньги есть? А то одолжу, если надо.

– Не надо, спасибо! Деньги есть! А... какие цветы? – растерянно спросил Лешка.

– Ну, уж какие цветы любит твоя подруга, я не знаю. Сам думай!

В воскресенье с утра Алексей договорился с Глуценко о подстраховке. Тот действительно был назначен старшим наряда по кухне и Лешкину просьбу воспринял с пониманием, пообещал прикрыть в случае задержки, но вот какие цветы подарить девушке, посоветовать тоже затруднился:

– Не знаю я, Леха! Марусе я их давно уже не дарил. Я ей живой цветок подарил, пусть им наслаждается! – Иван улыбнулся. – Ты даже не представляешь, какое счастье, когда ребенок по квартире бежит! А что до цветов – заскочи на базар и посмотри. На какие твой глаз внимание обратит, те и покупай.

«Так и сделаю!» – решил Лешка, выходя воскресным утром за КПП училища.

На рынке, куда заехал Алексей, от цветов рябило в глазах. Чего тут только не было! Десятки видов южной флоры, казалось, сами просили: купи, купи... Парень растерялся: вкусов Светланы он, понятное дело, не знал. В конце концов, Лешка решил купить те цветы, которые нравятся ему самому. Взгляд его упал на красивые нежно-розовые гладиолусы. Он сосчитал имевшуюся у него наличность и, покраснев, поскольку никогда и никому цветов не дарил, купил пять штук. Молоденькая продавщица, сама время от времени бросавшая на высокого стройного курсанта весьма красноречивые взгляды, выбрала для него самые лучшие растения и соединила их в букет. Расплатившись и, при этом, покраснев еще больше, Алексей на выходе с рынка купил какую-то газету и тщательно, хоть и неумело завернул в нее купленные цветы.

Теперь можно ехать и на проспект Большевиков. Выйдя из автобуса и направившись в сторону общежития № 5, Лешка вдруг сообразил, что не знает фамилию Светланы. «Вот черт! – подумал он и почесал затылок. – Что же делать?». Искать девушку по имени бесполезно: сколько их, Светлан, проживает в этой общаге, а больше ничего он о ней не знает. Алексей остановился и стал анализировать ситуацию. «Так, – подумал он, – в прошлый раз я вызывал некую Таньку с военной фамилией из комнаты, кажется, 215-й». «Ну-ка, ну-ка, вспоминай все в точности, как было!» – приказал он себе. Напрягая память, он восстановил события того вечера полтора месяца назад: точно, номер комнаты – 215, а фамилия этой Таньки – Солдатов! Уже легче. Можно было бы вызвать Светлану по номеру комнаты, но не факт, что она в ней обитает. Подруги-то они с Танькой подруги, но жить при этом в одной комнате совсем не обязательно. Ладно, придется сначала вызывать эту рыжую хохотушку, без нее не обойтись!

Дежурившая в общежитии вахтерша, другая, нежели тогда, в сентябре, не задавая лишних вопросов, попросила немного подождать в вестибюле и куда-то позвонила. Вскоре из открывшихся дверей так же, как и в прошлый раз, выпорхнула уже знакомая Алексею девушка. Она даже была все в том же легком спортивном костюмчике, разве что гриву рыжих волос покрывала цветастая косынка. Она сразу узнала курсанта:

– О – о, наш спаситель прибыл! – с этими словами она подбежала к Алексею. – Сколько лет, сколько зим!

– Таня, Вы извините, что я Вас отрываю, но мне хотелось бы увидеть Светлану, а я, к сожалению, не знаю ее фамилии, – запинаясь и покраснев, обратился Лешка к рассматривавшей его в упор девушке. – Не могли бы Вы ее позвать сюда? Извините!

– Вот тебе и раз! – в притворном удивлении развела руками Татьяна. – Я-то думала, что это мне улыбнулось счастье, а, оказывается, Светке! А, может, я смогу ее заменить? – и она, подбоченившись, со смешинкой в глазах взглянула на него.

– Таня, Вы – славная, замечательная девушка, и, видимо, верная подруга, но я все-таки прошу Вас позвать Светлану, – еще сильнее покраснев, обратился к ней Лешка.

– Вот так, обломилось тебе, Танюха! – ничуть не смутившись, в том же игривом тоне продолжила разговор девушка и тут разглядела в руках у Алексея сверток с цветами, который тот старательно прятал за спину. – И цветочки тоже ей? Что ж, пусть повезет подруге! Ты уж тогда спаси ее еще раз, а то она после того случая заладила одно и то же: если и выйду замуж, то только за военного, что привел меня сюда, а если этого не получится – уйду в монастырь. Так что, не дай погибнуть молодой жизни в расцвете лет! Ну, жди, сейчас приведу твою красавицу.

Рыжуха упорхнула так же быстро, как и появилась, а Алексей развернул и выбросил в мусорный бак газету, затем разгладил цветы: хватит маскироваться! Вскоре двери снова распахнулись, и он увидел в проеме уже две женские фигуры: одна была по-прежнему с копной густых рыжих волос, а вот вторая... Сердце его забилося часто – часто, от волнения стал прошибать пот. Это была она – Светлана! Сколько раз в лагере он представлял себе их встречу, и вот она состоялась! А что нужно при этом говорить? Он никак не мог сообразить, какие слова найти, чтобы она поняла, как он рад!

Увидев Алексея, Светлана растерялась не меньше его, если не больше. Она сначала побледнела, потом покраснела и накинулась на подругу:

– Танька! Зараза такая! Почему не сказала, кто пришел?

– Какой сюрприз я тебе устроила, а, Светка? – веселилась довольная Татьяна. – Ну, иди уже к своему Ромео, а я, так и быть, со стороны наблюдаю за чужим счастьем.

Светлана замахнулась было на нее, но та с визгом отскочила и вскоре скрылась в дверях, ведущих наверх. Алексей, со стороны наблюдавший шутиливую перепалку подруг, во все глаза разглядывал девушку. На ней был такой же, как у Татьяны, спортивный костюм, ладно сидевший на ее прелестной фигуре, а волосы, при прошлой, памятной встрече грязные, свалывшиеся и в беспорядке разбросанные по плечам, сейчас были гладко расчесаны и собраны на затылке в легкомысленный хвостик.

Алексей подошел к красной от смущения девушке:

– Здравствуйте, Света! Вот решил Вас проведать, узнать, как Ваша жизнь, ну и так далее, ... – слова застревали в горле, речь казалась косноязычной. Так Лешка еще никогда не волновался.

– И вот, ... это Вам! – с этими словами он протянул Светлане купленный им букет гладиолусов.

– Ой, спасибо, Алеша! – она в смущении всплеснула руками, а Лешка удивился, как она запомнила его имя, он ведь ей не представлялся, по имени его лишь капитан, начальник патруля называл. – А мы вот только два дня назад приехали из колхоза, вчера стирку затеяли. Сейчас вот наводим порядок в нашей комнате...

– Света, а мы не могли бы немного прогуляться, поговорить? У меня, к сожалению, не так много времени, в 17.00 я должен быть в училище,

мы сегодня в наряд заступаем, но часов 5 – 6 в нашем распоряжении имеются.

– Да я с удовольствием, девочки меня, думаю, отпустят. Только переоденусь. Вы меня подождете?

– Ну, конечно!

Девушка исчезла в тех же дверях, что ранее ее подруга, а Алексей вдруг ощутил в груди какой-то непонятный порыв, какие-то неизведанные им ранее чувства. Положительно, эта почти что незнакомая ему Светлана некими исходящими от нее флюидами притягивала его к себе, заставляла испытывать нечто, ранее ему недоступное. Это была не Анжелика, и даже не Лариса. И он, еще толком ее не зная, уже решил, что ни за что ее не упустит. Его даже не интересовало: а вдруг у нее есть жених, а вдруг у нее имеются какие-то другие жизненные планы. «Она будет моей женой, – еще тогда решил он, – и никто мне в этом не сможет помешать!».

Хотя Лешка и ожидал Светлану, девушка появилась перед ним довольно неожиданно. На этот раз она была в цветастой кофточке и в строгой черной юбке чуть выше колен, открывавшей красивые, стройные ножки в черных же лакированных туфельках на высокой шпильке. На ее плечи было накинуто модное темно-зеленое, такого болотно-го цвета, пальто «Джерси», на шее повязана легкая косынка. Длинные, прекрасные светло-русые волосы теперь были распущены и водопадом струились по ее плечам и спине, отражая падавшие на них солнечные лучи. А глаза... На этот раз Алексей рассмотрел их хорошо: огромные, голубые, какие-то бездонные, они излучали одновременно и нежность, и доброту, и твердость характера, да и много еще качеств, которые Лешка не мог пока оценить, но надеялся разгадать эти загадки со временем. Пока же он откровенно любовался девушкой.

Они вышли из студгородка и направились по проспекту к центру города. Некоторое время шли молча, не решаясь нарушить воцарившееся молчание. Алексей не выдержал первым:

– Ну, куда мы пойдём? Какие у Вас предложения?

– Алешенька, не обращайся, пожалуйста, ко мне на «Вы», неужели я такая старая? – девушка с лукавинкой взглянула на него и кокетливо повела плечиком.

– Да я... да нет, не старая, – Лешка совсем растерялся и снова покраснел. – Я просто так, из вежливости к даме, по-гусарски... Конечно, давай на «ты»!

– Ну, вот и хорошо, а то даже неудобно как-то. Я вообще не люблю показной вежливости, особенно, если она исходит от человека, который мне нравится.

– И когда это я успел тебе понравиться? – удивился Лешка.

– Тогда, – Светлана не стала уточнять – когда, все и так было понятно. – Я хоть и была в шоковом состоянии, но смогла оценить твоё воспитание и галантность.

– Да уж «галантность», – смутился Алексей и поспешил перевести разговор на другую тему. – Так куда мы пойдём? В кино навряд ли выйдет, времени маловато остается, в следующий раз сходим. Знаешь что?

Давай в Комсомольский парк поедем и там погуляем, а потом я тебя обратно сюда провожу. Тем более, такая хорошая погода стоит. Идет?

– Согласна! – Светлана взяла его под руку, под левую руку, как положено, тем самым немало удивив Лешку.

– А откуда ты знаешь? – смущаясь, спросил он.

– Что – «знаешь»?

– Ну, что, когда идешь рядом с военным, то надо идти слева от него и держать его под левую руку? А не под правую, как обычно принято у гражданских.

– Да не знаю я этого, – тут уже смутилась Света. – Случайно как-то вышло. А это что, так важно?

– Конечно. Правая рука у военнослужащего должна быть свободна для отдания воинской чести! А раньше, до революции, офицер правой рукой придерживал шпагу. Или кортик. Смотря, у кого что было.

Они доехали на автобусе до любимого Лешкиного парка, побродили по его аллеям, наслаждаясь чудесным солнечным днем, ярким разноцветьем опавшей уже или все еще опадающей листвы, потом присели на скамейку.

– Ты знаешь, – раздумчиво проговорила Светлана. – Я ведь давно хотела познакомиться с военным. Нравится вы мне. Сложно даже сказать, чем. Наверно, подтянутостью своей, надежностью, готовностью прийти на помощь, может и еще чем-то, сразу не могу сообразить, в голове все перемешалось. Конечно, и среди гражданских есть хорошие парни, но, все-таки, это – не то. А после того случая они вообще перестали для меня существовать!

– Поэтому ты и спросила тогда у меня: «Мы еще увидимся?».

– Ну, ты же согласен, что я тогда пережила стресс? Потому и спросила, – немного помолчав, девушка закончила свою мысль фразой, которую, видимо, долго вынашивала, но лишь теперь решилась высказать. – Хотя, не знаю, почему, но ты мне сразу понравился.

– Знаешь, ты мне – тоже, – тихо сказал Алексей и взял ее руку в свои обе. – И тоже не знаю, почему.

Они немного помолчали, погрузившись каждый в себя.

– Значит, тебе еще три года учиться? – нарушил молчание курсант.

– Да. А тебе?

– А я уже на следующий год заканчиваю. Получу по две свои звездочки на каждое плечо, как у нас говорят – по два гвоздя, – и вперед!

– Куда?

– Союз большой. От Белоруссии до Тихого океана. Да еще за границей наши войска есть: в Германии, Венгрии, Польше, недавно вот в Чехословакии появились. Есть где географию изучать.

– Ой, как интересно! – восхитилась девушка.

– Да уж куда интересней. Особенно без квартиры, поэтому частную приходится снимать, без работы для жен, без детского сада для детей, без многого, к чему люди гражданские привыкли и считают само собой разумеющимся. Да и с необходимостью на службе сутками пропадать, не то, что на гражданке – смену отработал, и домой!

– А зачем же ты решил стать военным, если так трудно?

– У меня отец был офицер, фронтовик, две войны прошел: с Германией и с Японией. Умер уже, а я его дело продолжаю. И потом, должен же кто-то и Родину защищать. Почему не я?

– Мои родители тоже воевали, причем, оба: и папа, и мама. Папа с Урала родом, был, как и ты, танкистом. Только он мало повоевал, их танк в первом же бою немцы подбили, а потом сожгли. Папа из всех, кто там был, один живой остался, да и то, когда он из танка вылез, ему осколок в руку попал и почти всю ее перебил. На одном сухожилии держалась или еще на чем-то, он говорил, но я забыла. Ему в госпитале, когда туда доставили, хотели эту руку ампутировать, но он отказался, а потом его мама, моя бабушка, сейчас она уже умерла, приехала за ним, дождалась, когда его комиссовали вчистую, и забрала домой в деревню. Там нашла какую-то бабку, и та заговорами да травами спасла руку, вылечила, все так срослось, что и не скажешь, что он ее чуть не потерял. Сейчас работает ею, как будто ничего и не было, шрамчик небольшой только и остался на том месте. А потом война закончилась, в деревне голодно, мужчин много повыбило, считай – одни женщины колхозы поднимали. А папу бабушка женить решила на вдовой соседке, чтоб легче было хозяйство вместе вести. Ну, он испугался этой соседки и сбежал в Приозерск, где большой завод, тракторный, начали строить. Там и маму встретил.

– А мать, ты говоришь, тоже воевала?

– Да, мама всю войну прошла, начиная с 1942 года, со Сталинграда. Причем, почти все время на передовой. Она была санинструктором батареи в артиллерийском полку, старшина медицинской службы! И награды имеет. Дома даже фотография есть, где она в военной форме сфотографировалась, это уже после войны было, перед тем, как ее демобилизовали.

– Она что, сама пошла на фронт, добровольно?

– Не знаю. Мама у меня детдомовская. Ее родители и вся остальная семья в голоду умерли, а она оказалась в детдоме в Сталинградской области. Она говорила, что, когда фронт стал подходить к Сталинграду, их всех, детдомовских, мобилизовали. Мама попала на курсы санинструкторов, а оттуда – на фронт. Войну в Берлине закончила. На фронте и в партию вступила, в 1944 году, я сама видела, в партбилете записано. А потом, после демобилизации, ей выдали направление для поступления в медицинский институт в Приозерск. Только она туда поступать не стала, а пошла работать на завод, где папу и встретила. Не знаю, может, и зря мама не захотела идти учиться на врача, но она говорила, что столько навидалась на фронте крови, что просто не могла больше смотреть на страдания людей.

Светлана надолго замолчала.

– Ну, а дальше? – нетерпеливо переспросил Алексей.

– А что дальше? Поженились они, вскоре брат мой родился, Петя, он на два с небольшим года старше меня, потом – я. Получили они комнату в коммуналке, где и жили мы все вчетвером. Трудно жили, голодно. Впрочем, тогда все так жили. Потом стало полегче, жизнь наладилась. Мы новую квартиру получили, отдельную, двухкомнат-

ную. Сейчас все в ней и живем: мама, папа, брат, он недавно из армии вернулся, ну, и я, когда туда приезжаю.

– У меня тоже есть брат, Серега, он же – Серый. Но только он младший от меня, у нас разница – пять лет. А мама учительницей работает в Тригорске. И квартира у нас тоже двухкомнатная, в ней они и живут, мама и брат. Правда, бабушка частенько приезжает. Моя мама, в отличие от твоих родителей, по молодости лет не воевала, а провела вместе с бабушкой два года в оккупации под немцами в Покровске. А потом, после войны, поступила в педагогический институт в Западной области, встретила там отца, его после Курил туда направили по службе. Они поженились, и я там родился.

– А в Тригорске как вы оказались?

– Когда отец из армии уволился, они и решили туда переехать. Как, почему – этого я не знаю. А вот военным, офицером, как отец, я хотел быть всегда. Правда, я мог бы и поближе к дому учиться. Наш военкоматовский капитан настойчиво сватал меня в артиллерийское училище в соседнем областном центре. Но оно было средним, по-вашему, пограждански – техникум. Я же хотел поступать в высшее училище, чтоб высшее образование получить. А высшие, куда я мог бы поступить, были только пехотные и танковые. В пехоте служить я ни за что не хотел, выбрал танковое и оказался в Холмограде. Поступил с ходу, и – вот уже последний курс! Вообще-то, у меня был еще один вариант: поехать поступать в Дальнегорск, там тоже такое же училище, как и здесь, и разнарядка в военкомате туда была. Но, хоть я и хотел подальше от дома уехать и пожить самостоятельно, но Дальнегорск – это слишком далеко. Да и с тобой бы мы в этом случае точно бы не встретились.

Они еще долго сидели на парковой скамейке, не замечая времени, обдуваемые приятным теплым осенним ветерком, рассказывали друг другу о себе, о своей жизни, о друзьях – подругах. Девушка нравилась Алексею все больше. «Наверно, влюбляюсь», – мелькнуло у него в голове. И тут он глянул на часы: жаль, но пора отсюда сматываться. Пока он ее проводит до общаги, а потом доберется до училища, как раз будет 18 часов. Надо ехать, ребят подводить не стоит. Алексей поднялся со скамейки:

– Пора, Светик, мне надо возвращаться в училище. Поехали, провозжу тебя до студгородка.

– А мы еще увидимся? – совсем как при первой встрече, спросила Светлана.

– Обязательно! Я теперь тебя ни за что и никуда не отпущу. Если ты, конечно, другого кавалера себе не найдешь. Тут уж я настаивать не буду: сердцу, как известно, не прикажешь.

– Да нет у меня никого! Если раньше и был кто-то, то сейчас единственный мой кавалер – это ты. И я с нетерпением буду ждать, когда ты снова ко мне придешь. Придешь ведь?

– Конечно! Вот, запиши на всякий случай мой адрес, можешь на него в любое время отправить письмо, – он продиктовал ей адрес и, в свою очередь, вписал в свою записную книжку адрес девушки: г. Холмоград, проспект Большевиков, студенческий городок, общежитие №

5, комната 215 (угадал ведь!), Светлана. Там же пометил и номер телефона на вахте, как пояснила Света, в экстренных случаях можно звонить и на него: вахтерша или позовет ее, или запишет, кто и что ей передает.

Они возвратились на проспект Большевиков, и здесь, у ворот студгородка, Алексей, прощаясь, попытался поцеловать девушку, но так ловко от него увернулась:

– Не обижайся, пожалуйста, Алеша, но я дала себе слово, что меня в первый раз поцелует только любимый человек и только на моей свадьбе.

– А я что, не любимый? – обиделся Лешка.

– Но сейчас мы не на свадьбе, – рассмеялась Светлана. – Потерпи, милый, у нас с тобой все еще впереди!

Уже повернувшись, чтобы следовать на выход с территории городка, Алексей еще раз перечитал адрес девушки и насторожился: чего-то здесь не хватает, и шлепнул себя по лбу – фамилию свою она так и не указала, и он не спросил! Вот растяпа! Он быстро обернулся:

– Света!

– Что случилось, Алешенька? – по счастью, далеко отойти она не успела.

– Светик, а ты мне свою фамилию так и не сказала!

– О, господи! Степнова я, Степнова Светлана Павловна. Запомнишь?

– На всю жизнь!

В училище Алексей летел, как на крыльях. Сбылось то, о чем он даже и не мечтал: так понравившаяся ему девушка, во-первых, свободна, а, во-вторых, сама хочет дальнейшего развития их отношений и дает понять, что и он ей не безразличен. Как хорошо жить на свете! Какое это счастье – любить! А что он любит эту девушку – в этом Васильцов не сомневался. Эх, скорей бы выпуск, да жениться на ней!

Но при этом одна и та же мысль все время мучила его, не давала ему покоя: Лешка заранее предвидел отрицательное отношение к этому его желанию со стороны собственной матери, сообщил он ей о своих планах. Впрочем, пока что эту самую мысль он гнал от себя прочь. Мать, которую он горячо, по-сыновьи, любил, представлялась ему умной и мудрой женщиной, которая не будет препятствовать счастью своего сына. Не стала же она препятствовать его желанию поступить в военное училище и стать офицером, как отец. Не могла же она при этом не понимать, что закончит он учебу и уедет куда-нибудь далеко, а, значит, на его постоянную каждодневную помощь рассчитывать уже не сможет. Понимала все, но отговаривать его от этого шага, тем не менее, не стала. Кроме того, она же сама жила в военном городке и не могла не видеть, как хорошая жена способствует укреплению семьи и в конечном итоге, тем самым помогает мужу в карьерном росте. А что Светлана будет хорошей женой – в этом Алексей не сомневался. Ладно, надо будет на каникулах, которые уже не за горами, откровенно поговорить с матерью на эту тему. А пока не стоит забивать себе голову посторонними мыслями. Пока надо думать, как не опоздать к смене наряда и не подвести ребят.

В казарме Лешка появился, когда его товарищи уже готовились к выходу на развод суточного наряда. Сержант Виктор Чернов, заступивший начальником караула № 2, первым заметил влетевшего в помещение Васильцова:

– Ну, как дела, кавалер? Все в порядке? Увиделся со своей красавицей?

– Так точно, товарищ сержант! Все в лучшем виде!

– Рад за тебя. Ну, давай, в таком случае, переодевайся и догоняй свою кухонную команду! Они только что ушли.

– Есть!

Алексей переделся в свое повседневное «х/б» и побежал в столовую. Примчался он туда вовремя, ребята еще даже не начали получать продукты на свою смену. Первым его появление заметил Иван Глущенко и тоже спросил, как у него дела, хотя мог бы и не спрашивать: все испытываемые Лешкой эмоции ясно читались на его лице. Заметил их и Павел Зубов, также заступивший в наряд в составе кухонной команды:

– Ты где был, Леха? И чего опоздал? И вообще, по какой такой причине сияешь, как новый медный пятак?

– Ничего я не опоздал! Вы ж на склад за продуктами еще не ходили?

– Нет, сейчас пойдем. А все-таки, где ты был? Неужели деваха завелась в Холмограде? В таком случае поздравляю!

– Не твое дело! – внезапно разозлился Алексей.

– Да ты что, никак, втюхался? – только и смог произнести ошеломленный Пашка и развел руками. – Точно, влюбился! Ай да земляк! Может, еще и жениться собираешься?

– Может, и собираюсь, – сердито ответил Лешка.

– Ну, молодец! Ты хоть на свадьбу тогда позови, – не отставал Зубов.

– Позову, позову, не беспокойся, – уже спокойнее проговорил Алексей. – Еще и свидетелем будешь, как-никак, а ты у меня здесь единственный тригорский земляк. Глядишь, и тебя поженим со свидетельницей.

– Ну, это уж вряд ли, ручаюсь! – Пашка был верен себе. – Мне моя свобода дороже.

– Не говори «гоп» и ни за что не ручайся, – последнее слово все-таки осталось за Алексеем. – Жизнь – она штука непредсказуемая!

А жизнь, между тем, продолжалась. Занятия в классе, занятия в поле, занятия в учебном центре, наряды... Отгремел медью духовых оркестров военный парад в честь Октябрьской годовщины, последний в жизни курсантов четвертого курса. Поскольку в последующих подобных парадах им предстояло участвовать уже в других местах и в ином качестве, то при возвращении с Центральной площади, на мосту через местную речку, они совершили неписанное, но традиционное ритуальное действие: слегка приподнявшись со своих мест, по общей команде дружно бросили в воду свои белые парадные перчатки. Прощайте, холмоградские парады!

Алексей все свободные выходные проводил со Светланой. Они ходили в кино, в театры, просто гуляли по городу, и Лешка так привык к

тому, что она находится рядом, что в те дни, когда она уезжала домой, в Приозерск, одиноко бродил по Холмограду и чувствовал себя глубоко несчастным человеком. Своей дальнейшей жизни без Светланы он уже не представлял.

Тем временем приближался Новый год, и надо было думать, где и, главное, с кем его встречать. В прошлом году на этот праздник к Алексею в гости приезжали мать с братом, и он, получив увольнение на сутки, встречал начало Нового года в их компании в холмоградской гостинице «Заря». Они пили шампанское, к которому мать ради праздника разрешила приложиться даже Сережке, заедали его тортом, бутербродами, конфетами и непрерывно разговаривали, обменивались мнениями, впечатлениями, как истосковавшиеся друг по другу близкие родственники, что, собственно, так и было. Конечно, об Анжелике, с которой тогда встречался Лешка, этим родственникам не было сказано ни слова, а саму девушку он предупредил, что 31-го декабря заступает в наряд и будет на дежурстве. Да она и не настаивала на совместной встрече Нового года. Нет – так нет, дала она ему понять, найдется с кем встречать.

Но на прошлый Новый год Алексей еще не был знаком со Светланой! Теперь же он хотел встретить этот замечательный, светлый праздник непременно с ней и молил бога, чтобы мать не решила к нему приехать снова. Всевышний, очевидно, его мольбы услышал, поскольку накануне от матери он получил письмо и денежный перевод на 20 рублей. В послании мать сообщала, что в этот раз она приехать не сможет, а с радостью будет ожидать его появления дома на скорых каникулах. На высылаемые же деньги пусть купит себе что-нибудь к празднику и угостит друзей. Лешка ликовав: теперь уже ничто не могло помешать ему встретить Новый год с любимой девушкой! Правда, при этом вставал другой, не менее важный вопрос: где встречать? В Приозерск ехать он не мог: во-первых, его туда никто не приглашал, а, во-вторых, – это хоть и не далекий, всего километров 40, но уже другой военный гарнизон, к тому же – большой, и туда без отпускного билета нечего и соваться, в отпуск же на Новый год его никто официально не отпустит. Выход нашла Светлана, она сообщила Алексею, что ради него она останется встречать праздник в Холмограде, и предложила собраться небольшой компанией на квартире у своей подруги. Разумеется, он согласился и от радости хотел расцеловать девушку, но она от этой фамильярности снова уклонилась: подожди, еще не время!

И вот наступило 31-е декабря. Вообще-то Лешка опасался последнего возможного препятствия для увольнения – новогоднего наряда. Но все обошлось: по училищу их рота в график не попала, а внутренний наряд по роте был не от их взвода. Так что, выполнив все, что было поручено по уборке помещения, Алексей подошел к сержанту Чернову:

– Витя, запиши, пожалуйста, адрес, где я буду встречать Новый год. Если нет ко мне замечаний, то я могу уже идти в увольнение?

Зам. командира взвода записал адрес и понимающе усмехнулся:

– Что, девушка ждет? Та самая?

– Так точно, товарищ сержант!

– Ну, что ж, в таком случае совет вам да любовь! Не забудь только, что завтра нужно вернуться к вечерней поверке. А то еще загуляешь...

– Да я раньше вернусь, где-то к обеду. Ей еще в Приозерск ехать!

К назначенному времени Алексей был на условленном со Светланой месте встречи, по дороге к которому он заскочил в магазин и купил торт и бутылку сухого вина. Света уже ожидала его:

– Здравствуй, Алеша! О, да ты с грузом!

– Так договорились же, кто что приносит. Сама ж говорила!

– Ну да. Но правильнее было бы купить все это нам вместе, с моим участием.

– Ничего, дай мне возможность проявить самостоятельность, пока я еще в образе жениха. Вот станешь моей женой, тогда уже этот номер у меня не пройдет. Так ведь?

Светлана счастливо засмеялась:

– Ладно, пошли уже, жених! – и взяла его под руку.

Они доехали на трамвае до нужного дома, поднялись на требуемый этаж, и Алексей нажал кнопку звонка квартиры, намеченной для встречи Нового года. Дверь сразу распахнулась, на пороге стояла Татьяна в красивом сиреновом платье, поверх которого, правда, был надет кухонный фартук:

– О – о, какие люди! Без охраны, но с товаром! Маша, иди сюда скорее, встречай долгожданных гостей! – энергия так и била ключом из этой рыжеволосой девицы.

На ее зов из глубины квартиры показалась стройная девушка в облегающем свитере и в черной плиссированной юбке. Как и на Тане, на ней так же был надет фартук, а очки в массивной костяной оправе придавали ей строгое выражение. Но вот она улыбнулась, и лицо ее сразу стало приятным и приветливым:

– Здравствуйте, ребята! Я – Маша, подруга Тани, учусь в политехе на архитектурно-строительном факультете. Проходите, будьте, как дома! – и сделала рукой приглашающий войти жест.

– Светлана, Алексей! – представила гостей взявшая бразды правления в свои руки Татьяна. – Леша, ты иди пока в зал, там мужики собираются, а ты, Светка, давай, присоединяйся к нам, надо еще колбасу нарезать, бутерброды приготовить, ну и все такое... А потом попросим пацанов поставить стол и проводим старый год!

Светлана сняла пальто, и Алексей, пристраивая его на вешалке, взглянул на свою любимую и от восхищения прищелкнул языком: Света была в удлинненном, очень красивом светлом платье с голубыми цветами, превосходно облежавшем ее стройную фигуру. Девушка подмигнула ему и отправилась на кухню, откуда послышался ее голос:

– Ну, что надо делать? Танька, дай мне какой-нибудь фартук или еще что-нибудь, чтоб закрыться!

Алексей прошел в комнату, названную залом. Она была достаточно просторной и из нее выходили две двери: одна вела на балкон, а вторая – еще в одну комнату, поменьше. «Знакомо, – отметил про себя Лешка, – стандартная типовая «двушка», у нас в Тригорске такая же».

Навстречу ему с дивана поднялись двое парней. Высокий худощавый брюнет с густой черной гривой волос и черными же усиками, представился коротко:

– Константин!

Лешка тоже назвал себя и крепко пожал протянутую парнем руку. Второй присутствующий, среднего роста крепыш, всмотрелся в Алексея и неожиданно вытянулся во фрунт:

– Здравия желаю, товарищ курсант!

– Коля! Воронов! – Алексей узнал студента, который был на сборах в танковом полку в Соколовске во время их стажировки, и с которым он заступал там в караулы, в том числе и в тот, злосчастный, когда произошел скандальный случай со сверхсрочником из разведбата. Он обнялся с бывшим подчиненным. – Ну, ребята, тесен мир! Не думал я, Николай, что тебя когда-нибудь снова увижу. А ты здесь с кем?

– Да меня Таня пригласила, мы с ней давно дружим. А квартира эта – Машина. Ее родители не захотели нам мешать, уехали к своим друзьям, а нам вот дали возможность в своей компании оторваться. Ну, а чтоб мы квартиру не спалили, да и Машу не обидели, они нам Костю оставили для охраны.

– Ну и болтун ты, Колька! – покраснев, произнес Константин. – Просто мы с Машкой учимся вместе, в одной группе, на архитектурном.

– Да ладно, а то я не знаю, что вы с ней – не разлей-вода, и пожениться собираетесь? Я хоть и в универе учусь, но что в политехе делается, тоже знаю. Моя агентура везде работает!

– Твоя рыжая агентура сейчас на кухне работает, – иронично поддел Николая Костя, и все беззлобно, по-дружески, рассмеялись.

– Мальчики, хватит бездельничать! – из кухни появилась Татьяна. – Давайте, расставляйте стол, несите стулья! До Нового года два часа осталось, а надо еще старый проводить.

Провожали старый год весело. Парни, выпив по чуть-чуть водки, теперь рассказывали всякие истории из своей студенческой жизни, как и не остававшие от них девушки, с той лишь разницей, что в их бокалах искрилось вино. Лешке было легко и приятно находиться в этой веселой компании. «Как одна семья, – думал он, – хоть и из разных ВУЗов. Как здорово здесь сидеть, шутить, смеяться и, в целом, радоваться жизни! Особенно, когда рядом с тобой – девушка, дороже которой нет никого и ничего на свете!». Молодые люди еще немного посидели, потом энергичная Танюха объявила танцы. Лешка танцевал плохо, впрочем, остальные ребята – не лучше, но когда из магнитола зазвучали песни в исполнении Ободзинского, популярных ВИА, разве тут усидишь? Разумеется, Алексей кружился по комнате со Светланой и, видя совсем близко ее глаза, обнимая рукой ее талию, чувствуя упругое девичье тело, он был на седьмом небе от счастья.

– Все, ребята, хватит, а то Новый год прозеваем, – вернула всех на землю все та же рыжая атаманша. – Ну-ка, давайте все за стол! Маша, где у нас шампанское?

После того, как, вслед за вылетевшей пробкой, из здоровенной толстостенной бутылки «Советского шампанского» в подставленные бокалы пошла пена, всем было предложено загадать желание. Загадал его и Алексей, чокаясь с присутствующими и надеясь, что оно непременно сбудется. Кто-то предложил выйти прогуляться на улицу, но это предложение было большинством голосов отвергнуто.

– Да вы что, ребята, там такая холодина, да и сыро, морось какая-то с неба падает. Что, нам здесь плохо? – выразила мнение большинства Маша.

Лешка был с ней полностью солидарен, но по другой причине: «гражданки» у него не было, а привлекать к себе излишнее внимание пьяных трудящихся или, еще хуже, вполне трезвых военных патрулей, в его планы никак не входило. В итоге, веселье продолжилось в квартире. Наконец, где-то часа в три ночи, Татьяна объявила:

– Все, сил больше нет! Давайте все уберем и хоть немного поспим. Съестное тащите на кухню, как проснемся – позавтракаем. Ребята, уберите стол и стелите себе матрацы на полу, здесь тепло, не замерзните! Большая комната – ваша. А девочкам место отдыха – спальня. И не вздумайте, парни, к нам ломиться!

– А почему нельзя расположиться всем вместе? – с подначкой спросил Костя.

– Можно будет, когда со своей невестой из ЗАГСа придешь, – объяснила ему Танюха. – А пока спать всем вместе закон не разрешает. Все понятно?

– Да уж куда понятней, – подчеркнуто уныло произнес парень и стал укладываться на матрац.

Алексеем спать не хотелось. Когда все разошлись по комнатам, он поманил за собой Светлану, и они проскользнули на кухню. Там и сидели, молча, в полной темноте. Лешка гладил по руке свою любимую девушку и, не отрываясь, смотрел в ее блестящие от счастья глаза. Светлана первая нарушила молчание:

– Алешенька, ты не будешь сердиться, если я тебе кое-что скажу?

– Да нет, что ты! – проговорил Алексей, а сам внутренне напрягся: как же не хотелось в такую чудную ночь услышать вдруг что-то неприятное?

– Алеша, я рассказала о тебе своим родителям.

– И что же ты им рассказала?

– Все. Что у меня в Холмограде есть мальчик, военный, курсант, который мне очень нравится. Что без тебя я не представляю дальше свою жизнь. Ну, и все такое...

– А как познакомились, тоже рассказала?

– Да ты что! Если мама об этом узнает, она меня вообще никуда из дома не выпустит. Ты смотри, нигде и никому об этом не проговоришь!

– Обещаю! Ну, а родители что сказали?

– А что? У мамы одно правило: «Светлана, веди мальчика к нам домой!». Алеша, милый, тебе надо приехать в Приозерск и увидеться с моими родными!

– Только и всего? А я-то думал... Неужели ты полагаешь, что я испугаюсь встречи с моими будущими тестем и тещей?

– Так ты...

– Да, Света, я долго думал над этим, и вот сегодня, в такую замечательную ночь хочу у тебя спросить: милая Светлана, любимый мой Светик, согласна ли ты стать моей женой?

– Да, – чуть слышно проговорила, скорее, прошептала девушка.

– Не слышу!

– Да! – повторила она уже громче.

От нахлынувшего счастья и внезапного волнения Лешка вскочил на ноги и протянул к Светлане руки. Она тоже встала из-за стола. Не в силах больше сдерживаться, Алексей обхватил ее обеими руками за плечи и притянул к себе. Она не упиралась, наоборот, сама обняла его своими обеими руками за шею. Совсем близко он увидел ее губы, полуоткрытые, дрожащие, и, недолго думая, страстно, хоть и неумело прижался к ним своими губами в долгом затяжном поцелуе. И, странное дело, Света не пыталась, как раньше, уклониться от этого поцелуя, выскользнуть из его рук, а сама прижималась к нему все сильнее, словно ища у него защиты от каких-то грядущих бед. Он даже чувствовал сквозь тонкую материю, как часто-часто бьется ее сердце.

Алексей не знал, сколько они так простояли, время для него остановилось, он только почувствовал, как державшие его за шею руки ослабли, и в следующее мгновение увидел, как Светлана, тяжело дыша, опустилась на стул.

– Ой, чуть не задохнулась, – еле слышно вымолвила она.

Алексей хотел поцеловать ее снова, но на этот раз она предостерегающе прикрыла губы ладонью:

– Все, Алеша, хватит, я и так тебе сегодня много позволила. Следующий раз будет на свадьбе!

– А будет ли свадьба, если я не понравлюсь твоим родителям?

– Да нет, такого просто не может быть! Ты не можешь им не понравиться! А вот я, могу не понравиться твоей маме?

Алексей нахмурился: вот это было вполне возможно. И не потому, что матери могла не понравиться конкретная Света, которую она совсем не знала, а потому, что мать с непонятным упрямством уговаривала его не ходить с девушками, не дружить с женатыми курсантами, всячески высмеивала тех его друзей, которые уже успели жениться. Следовательно, ее позиция проглядывалась уже достаточно ясно.

– Не буду скрывать: это вполне возможно, но поправимо, – Алексей ласково взял Свету за руку и погладил ее. – Не старые времена, я могу и без ее согласия обойтись. Жить-то вместе с ней мы все равно не будем. Правда, свадьба, хоть и небольшая, все равно требует денег... Ладно, будет препятствовать – одолжу у кого-нибудь, потом отдам. Но свадьба будет в любом случае, будут у тебя и белое платье, и фата! Только чтобы это все было, придется подождать до августа месяца, когда я стану полностью самостоятельным советским офицером. Подождешь до августа?

– Подожду, милый, сколько надо, подожду, лишь бы ты меня за это время не разлюбил!

– Вот этого точно не будет! – отрубил Алексей и поднялся. – Пошли, Светик, подремлем хоть немного, а то от усталости и до родного дома не доедешь.

Они, крадучись, вышли из кухни. В зале на полу дружно сопели парни. Светлана чмокнула Алексея в щеку и проскользнула в спальню к девочкам, а Лешка прилег на матрац и долго лежал на спине, глядя в потолок. Сна не было. Он улыбался от охватившего его ощущения счастья и так, с улыбкой, в конце концов, и уснул.

Проснулись все довольно поздно, навели в квартире порядок, еще посидели за столом, потом Алексей встал:

– Дорогие ребята и девушки! Очень приятно было встретиться с вами лучший праздник на Земле! Мы все были, как одна семья, лично у меня такого чувства не было очень давно. Спасибо вам за это! Но нам со Светой надо идти, ей еще ехать в Приозерск. Поэтому мы вынуждены откланяться, хотя, поверьте, делать это нам совсем не хочется. Еще раз, большое спасибо!

Уже на улице, беря Алексея под руку, Светлана спросила:

– Алешенька, а когда ты все-таки приедешь и познакомишься с моими мамой и папой?

– Как когда? Вот сессию сдадим, она у нас вроде бы с десятого января начнется, после нее будут каникулы, тогда по дороге в Тригорск и заеду к вам. Между прочим, тебе, красавица, аналогичная сессия тоже предстоит.

– Да помню, не надо сегодня о грустном! А родителям передам, что мой жених не из робкого десятка и к ним скоро приедет.

– Верно!

На пригородном вокзале, посадив Светлану в электричку и подождав, пока та тронется, он долго махал рукой вслед составу, уносящему его любимую девушку.

4.

Очередная сессия началась точно в намеченный срок, то есть, с 10-го января. С учетом того обстоятельства, что почти все общеобразовательные дисциплины были сданы раньше, на предыдущих сессиях, и результаты многих из них, будучи итоговыми, уже вошли в диплом, сейчас предстояло отчитываться, в основном, по специальным, военным наукам. Ну, и, разумеется, по физической подготовке, куда уж без майора Климova! И хотя упражнения, что на перекладине, что на брусьях были довольно сложными, Лешка физо не боялся. Он выполнял все четко и правильно, вот только конь выше «тройки» никак не выходил, ну и черт с ним! Все равно общая оценка будет не ниже четырех баллов, а это уже – реальный пропуск на полный срок каникул. Не завалить бы остальные предметы...

В первую очередь, требовалось обратить внимание на техническую подготовку и на ее составляющие: устройство узлов и агрегатов танка, а также электрооборудование и автоматику. Сейчас сдача обоих этих

подразделов будет носить промежуточный характер, в июле на государственном экзамене их придется сдавать снова, да еще к ним добавится курс двигателей, который они благополучно закончили на втором году. Впрочем, о том, что будет впереди, лучше пока не думать, а обратиться всеми мыслями к тому, что предстоит сделать в настоящее время. А предстоящая к выполнению задача была не из легких: преподаватель технической подготовки подполковник Меланин, фронтовик, человек прямой и принципиальный, не собирался ставить оценки просто так, а требовал глубоких знаний, и получить «двойку» у него можно было запросто.

Весьма непростой казалась и сдача электрооборудования. Алексей вспомнил, как они пришли на первое занятие в соответствующий класс и сразу увидели на одной из его стен огромный щит со схемой электрооборудования и автоматики изучаемого танка. Чего там только не было: сотни всяких, разными цветами изображенных проводов, сопротивлений, транзисторов, резисторов и прочих малопонятных наименований. Курсантов эта схема привела в полное смятение.

– Вах, скажи, ара, зачем я все это должен знать? – недоуменно почесывая затылок, обратился к находившемуся к нему ближе всех Мише Забалуеву Юрик Хачинян.

– Не знаю, дорогой, наверно, чтобы быть очень умным, – ответил тот, сам не вполне понимая, зачем в действительности нужно знать эти тонкости.

Подобные сомнения испытывали многие, в том числе, и Алексей. В самом деле, они же будут только эксплуатировать танки, а не ремонтом их заниматься.

– А что же вы хотели, друзья? – ответил сомневающимся преподаватель этой дисциплины майор Бунчук. – Училище высшее, вы все – инженеры, вот и должны знать элементарные вопросы устройства танка. А схемы не пугайтесь, ничего в ней сложного нет. Пройдет два – три месяца, и будете ее знать, как свои пять пальцев.

Многие тогда усомнились в справедливости слов преподавателя, но майор дело свое знал, и, действительно, вскоре эта схема уже не казалась такой загадочно-сложной, курсанты научились ее читать и, казалось, знали ее всю жизнь. Теперь же предстояло сдать экзамен по пройденным к этому времени разделам данного предмета.

Определенные сложности представляла и такая дисциплина, как эксплуатация бронетанковой техники. Здесь тоже были свои подводные камни в виде элементов технического парка, особенностей эксплуатационных материалов, коих насчитывалось великое множество, и так далее, и тому подобное. Тем более, что преподававший этот предмет майор Степаненко предупредил курсантов, что данная дисциплина выносятся на государственные экзамены, а сразу после каникул они начнут работать над дипломными проектами по эксплуатации же.

Предстояли также экзамены по тактической подготовке, где требовалось изложить преподавателю майору Черкасову вопросы организации, то есть: состав и строение подразделений Советской и иностранных армий, а также их вооружения, и, кроме того, знание положений

боевых уставов. И по огневой подготовке тоже предстояло отчитаться: на экзамене по этому предмету майор Слесарчук желал проверить знания курсантов по устройству всего вооружения танка и правил стрельбы. Несколько особняком стояли в ряду сдаваемых дисциплин научный коммунизм в лице принимающих зачет офицеров соответствующей кафедры под руководством полковника Журавлева и иностранный язык, где для немецкой подгруппы, в которую входил и Алексей, испытания готовила молодящаяся очаровашка Тамара Николаевна. В общем и в целом экзамены проблемными не представлялись. «Сдам, не впервой! – решил Лешка, – отступить некуда, позади партбилет».

Действительно, негоже коммунисту проваливать сессию, а Алексей Васильцов стал им в декабре 1969 года, получив на третьем курсе училища полноценный партийный билет. К указанному времени он уже прошел положенный партийным уставом год стажа кандидата в члены КПСС и, заручившись рекомендациями командира роты майора Родионова, замполита их батальона подполковника Приходько и преподавателя майора Слесарчука, написал заявление о приеме в члены партии. Партбюро батальона, рассмотрев его и оценив успехи означенного курсанта в учебе и в общественной жизни подразделения, единогласно приняло его в члены КПСС. Парткомиссия при политотделе училища это решение, опять же единогласно, утвердила. Теперь коммунист Васильцов делом, а именно – учебой, должен был доказывать, что старшие товарищи в своем выборе не ошиблись. Так что, выходит, товарищу Васильцову очередную сессию, как и все предыдущие, необходимо было снова сдавать только на «отлично», ну, или немного на «хорошо». Впрочем, для Алексея результаты этой сессии имели и другое, не менее, если не более важное значение: на кону были каникулы и, в первую очередь, встреча с родителями его Светланы.

Собрав всю свою волю в кулак, Алексей все-таки добился желаемого по итогам сессии результата: в его зачетке не было ни одной «тройки» и всего две «четверки». Вполне довольный собой, Лешка в тот же вечер, как объявили начало каникул, рванул на проспект Большеви́ков. Здесь он узнал, что у Светланы остался еще один экзамен, сдача его – завтра, а потом – тоже каникулы. Договорились, что Света сдает его как можно раньше, в первой группе, а в обед они встречаются на вокзале и едут вместе в Приозерск. Конечно, перспектива провести в казарме еще одну ночь, тогда как друзья с довольным видом разъезжаются по домам, несколько напрягала, но Алексей твердо решил: чего бы это ни стоило, какие бы потери не пришлось понести, но он должен выполнить слово, данное своей невесте (иначе он Светлану в мыслях уже не называл), и познакомиться с ее родителями.

Ненароком в голове промелькнула мысль: а как же собственная мать, и как он объяснит ей более чем двухсуточное опоздание? Но Лешка отмел все сомнения прочь: в конце концов, он и так почти все каникулы проведет дома, а отпускной билет просто не будет показывать. Ну, а если все-таки она отпускной увидит... Ну и что, он и сам собрался с ней откровенно и конкретно поговорить насчет женитьбы, и он это сделает, какой бы ни был результат!

Как и было договорено, Алексей и Светлана встретились на Центральном вокзале. Лешке сразу бросился в глаза усталый вид девушки, черные круги под глазами. Но когда она его увидела, эти самые глаза сразу засветились искренним счастьем.

– Ну, как сессия? – спросил Алексей первое, что пришло на ум.

– Сдала все, слава богу! Обошлась на этой сессии без хвостов!

– Сильно устала?

– Есть немного. Но ты же рядом со мной, какая тут усталость!

Они заняли места в вагоне рядом друг с другом. Алексей взял в свои руки руку девушки и стал ласково ее поглаживать. Светлана благодарно улыбнулась, положила ему голову на плечо и закрыла глаза. Так они и ехали до самого Приозерска: девушка спала, а Алексей всю дорогу сидел, боясь пошевелиться и потревожить сон любимой.

Выйдя из вагона под руку с девушкой, Алексей привычно зыркнул глазами по сторонам: патрулей вроде бы не видно. Хотя в этот раз он их не боялся: внешний вид безукоризненный, документы – в порядке, правда в них указано, что в отпуск он направляется в город Тригорск, но ведь он имеет право сделать остановку в любом населенном пункте на пути следования! А Приозерск как раз и находится по дороге в его родной город. Они прошли в зал ожидания, где Алексей отметил в окошке дежурного администратора на железнодорожном билете остановку, изучил расписание поездов до Тригорска, после чего они вышли на привокзальную площадь, и Светлана стала объяснять дорогу к ее дому:

– Вообще-то можно проехать на автобусах маршрутов 1, 3 и 15 до остановки «Улица Мира» и там немного пройти, а можно и напрямую пешком, тут недалеко, квартала два будет, не больше.

– Слушай, Светик, давай пройдемся пешком: погода хорошая, с неба не каплет, все лучше, чем в автобусах толкаться, – предложил Алексей, на самом деле имея в виду необходимость собраться с мыслями и хоть как-то спрогнозировать разговор с, возможно, будущей тещей.

Они пошли от вокзала сначала по прямой, затем свернули раз, другой, третий в какие-то улицы или переулки, прошли между какими-то домами, пока, наконец, не вышли к угловой пятиэтажке. Алексей машинально отметил в памяти адрес: улица Мира, 40/18.

– Вот и наш дом, – указала на пятиэтажку Светлана, и они, зайдя в один из подъездов, поднялись на третий этаж.

– Не бойся, мои родители не людоеды и тебя не съедят, – заметив его волнение, сказала Света и нажала кнопку звонка.

Алексей хотел было ответить, что он никого не боится, но в этот момент открылась дверь в квартиру, и на пороге появилась круглолицая полноватая женщина средних лет в фартуке поверх домашнего халата. Слегка шоцирувшись, она взгляделась в стоявших перед ней парня и девушку.

– Здравствуй, мамуля! – Светлана обняла мать. – Знакомься, это Алеша, о котором я тебе говорила.

– Да уж все уши прожужжала, – женщина улыбнулась приятной располагающей улыбкой. – Ну, проходите, размещайтесь! Меня зовут Ольга Ивановна.

– Курсант Холмоградского высшего танкового командного училища Алексей Васильцов! – представился по всей форме Лешка, щелкнув при этом каблуками и слегка наклонив голову.

– Ну, чисто гусар! – засмеялась Ольга Ивановна. – Давай, сынок, не стесняйся, вот вешалка, пристраивай свою шинель и проходи в зал. Кушать хотите?

– Конечно, хотим, мамуля! Я ж сегодня последний экзамен сдавала, а после сдачи знаешь, какой аппетит? Да и пообедать по дороге мы не успели, – быстро затараторила Света, опередив хотевшего было возразить Лешку.

– Вот и славно! Тогда, Светлана, иди на кухню, будешь мне помогать, а ты, Алеша, посиди, отдохни с дороги, составь компанию моему супругу. Отец! – позвала она. – Иди сюда, познакомься с молодым человеком!

Из большой комнаты вышел, слегка отдуваясь, здоровенный мужик в спортивном костюме и протянул Алексею руку:

– Павел Васильевич!

Лешка назвал себя и пожал протянутую ладонь, в которой чуть не утонула его тоже не маленькая рука.

– Пошли, молодой человек, на балкон, покурим, пока тут девки на стол собирают, – предложил Светин отец. – Только шинель накинь, зима все-таки.

– А я не курю, – несколько смутившись, ответил Алексей. – Несколько раз начинал, но так толком и не втянулся. А год назад, после того, как неважно себя почувствовал во время кросса, как обрезало. Дым сам по себе переносу спокойно, а вот сигарету во рту не терплю. Так что, могу только постоять за компанию.

– Вот молодец! – похвалил Лешку Павел Васильевич. – Если ты, Светлана, выйдешь за него замуж, я клянусь, что на вашей свадьбе сделаю последнюю затяжку и брошу курить навсегда! Аминь!

– Мам, ты слышала? – крикнула Света уже ушедшей на кухню матери. – Это он который раз обещает?

– На этот раз точно выдержу! – заверил отец.

– Ох, не верится мне, что эта «табачная фабрика» наконец-то перестанет дымить, – засомневалась мать. – Ну, так сейчас и бросай, если уже такое желание появилось!

– Э, нет, девки, меня не проведешь! А вдруг Светка взбрыкнет, да и откажется за Алексея выходить? Что я, зря все это время буду мучиться?

Ольга Ивановна на это только безнадежно махнула рукой, и они со Светланой скрылись в кухонных дверях. Алексей же, по совету Павла Васильевича накинув на плечи шинель и надев шапку, проследовал за ним на балкон. Там Светин отец первым делом крепко затыкнулся, выпустил облако дыма и только после этого обратился к Лешке:

– А я ведь тоже танкист, парень! Механик-водитель на Т-34! В запасном полку перед отправкой на фронт выучили меня ускорен-

ным образом и – на передовую. Правда,хватило меня только на один бой, первый и он же – последний. Немец на нашем танке сначала гусеницу перебил, а потом и совсем сжег. Все, кто был в башне, так там и остались, – он замолчал и снова выпустил дымную струю. – А мне удалось выбраться через свой люк, правда, уже на поле меня осколок догнал, а после госпиталя комиссовали уже под чистую. Вот так-то!

– Да я знаю, мне Светлана рассказывала, – заметил Лешка.

– А я и не скрываю, что вояка из меня вышел аховский. Только вот перед Светкиной матерью стыдно: женщина, а всю войну прошла, награды имеет, а я – будто и не воевал вовсе. А сколько таких, как я? И не будешь же всем объяснять обстоятельства! Это я только тебе говорю, потому что, во-первых, ты – танкист, а, во-вторых, – будущий родственник.

– А если я не стану родственником?

– Ну, это вряд ли, Светка на тебя глаз крепко положила, все время долдонит: ни за кого, кроме Алеши, замуж не пойду! А кавалеров у нее хватало, да и сейчас еще имеются, можешь мне поверить.

– Да я тоже ее люблю, и хотел бы, чтобы она стала моей женой, но всякое еще может случиться, что-то и помешает.

– Будем надеяться, что ничего не случится плохого и ничто вам не помешает! Если уж говорить прямо и честно, мне ты тоже нравишься, – и он хлопнул парня по плечу так, что тот покачнулся.

– Ну, что, танкисты, пора обедать, давайте-ка за стол! – скомандовала, выйдя на балкон, Ольга Ивановна.

– Пошли, что ли, раз зовут, – Павел Васильевич подтолкнул Алексея к дверям, ведущим в комнату, посредине которой был накрыт большой круглый стол. На столе исходили паром четыре тарелки с ароматным наваристым борщом, а также располагалось еще несколько тарелок поменьше с различными салатами.

– Мать, а чего стол не накрыт? – грозно спросил хозяин квартиры.

– Как не накрыт? Все же на столе, а второе позже выставим, чтоб не остыло. Ты что, старый, или глазами уже не видишь?

– Во-первых, я еще не старый, а вполне себе молодой, – затаив в уголках губ усмешку, подчеркнул Павел Васильевич. – А, во-вторых, к нам приехал, можно сказать, близкий родственник, будущий зять, а на столе – пусто! Что он подумает о теще? Бутылка где? Надо же с человеком как следует познакомиться!

Ольга Ивановна ахнула и выбежала из-за стола, на котором вскоре появилась сверкающая белой этикеткой бутылка «Столичной».

– Да я не пью, – смутился Лешка. – И, тем более, мне вечером на вокзал надо.

– А во сколько у тебя поезд? – поинтересовался отец.

– У меня их несколько, и все проходят через Приозерск ночью, начиная с 23-х часов. Мне так удобнее: я приезжаю в Тригорск утром и могу нормально добраться до дома, а то ночью транспорт не ходит, а живем мы от вокзала далеко.

– Ну, вот, видишь, время у тебя еще есть, – успокоил его Павел Васильевич.

– И вообще, Алеша, ты останешься сегодня у нас, переночуешь, мы днем с тобой еще погуляем, а вечером уедешь. И не вздумай отказываться! – подчеркнула Света.

– Вот так! Еще не жена, а уже командует! – растерянно проговорил Алексей, и такое обескураживающее выражение появилось у него на лице, что все рассмеялись.

– Все, хватит речи толкать, не на собрании! Борщ стынет, а водка, наоборот, греется. Давай, сынок, за знакомство! – подвел черту разговорам отец.

Они выпили по рюмке, Ольга Ивановна – половину, а Светлана только пригубила и тут же поставила свою стопку на стол. Удивительное блаженство разлилось по всему телу Алексея, и люди, всего какой-то час назад ему совершенно незнакомые, сейчас показались близкими и родными. Ему вообще понравилась сама атмосфера отношений в этой семье, тепло и уют этого дома. И он с грустью подумал, что в его семье этим, пожалуй, похвастать не придется. К сожалению.

– Ты кушай, кушай, Алеша, голодный, небось, – Ольга Ивановна по-доброму, участливо посмотрела на него. – Мой сынок, Петенька, брат Светы, прошлой весной вернулся из армии, так он рассказывал, что у вас там не шибко здорово кормят.

– Да нет, нас по курсантскому пайку кормят нормально, а вот у солдат – да, могут быть проблемы, – ответил Лешка, вспомнив стажировку в Соколовске. – А где сейчас Ваш сын? Что-то его не видно.

– В рейсе. Он шофером работает и будет только завтра к обеду. Тогда и познакомитесь, – ответил за мать отец. – Ну, давай, Ивановна, нам второе!

– Я помогу, – Светлана тоже поднялась и вместе с матерью скрылась на кухне.

– А что, Алексей, пока девчата на кухне, давай дернем, как настоящие мужики! – не то предложил, не то приказал отец и налил ему полный граненый стакан до краев. – Вот сейчас и поглядим, насколько крепкая рука у танкиста!

«Себе-то не до краев налил, – с тоской подумал Лешка, – как же его выпить и не расплескать? Ладно, знай наших!».

Он обошел вокруг стола, аккуратно взял стакан, чокнулся с Павлом Васильевичем и начал вливать в себя его содержимое. Вкуса водки он не боялся, с ребятами он, хоть и очень редко, но баловался этим делом за компанию. Но столько выпить? Столько одним заходом ему пить еще не доводилось. Он, тем не менее, допил до половины стакана, передохнул, и в этот самый момент с дымящимися тарелками второго блюда в комнату вошла Светлана. Лешка заметил ее расширенные в ужасе глаза и предостерегающе поднятый ее отцом палец: не мешай, мол, и одним махом опустошил стакан, со стуком вернув его на стол.

– Папа! – отчаянным голосом вскричала девушка и, поставив тарелки, обежала вокруг стола с тем, чтобы обнять опустившегося на свой стул Лешку.

– Все нормально, Светик, не беспокойся! Не мог же я не постоять за

родные танковые войска, – пытался пошутить Алексей, которого уже начало понемногу развозить.

– Ох, и возьмусь же я за тебя! – Света то ли плакала, то ли смеялась.
– Кушай, закусывай хорошо, непутевый мой!

– Что у вас тут случилось? – из кухни показалась Ольга Ивановна.

– Да, мам, папа Алешу напоил, целый стакан заставил выпить, – чуть не плача, объяснила Светлана.

– До краев было налито, а он не пролил ни одной капли! – с удовлетворением отметил Павел Васильевич. – Молодец, наш человек, крепкая рука! Теперь я за танковые войска спокоен.

– Ты, старый водкоглотатель, чтоб больше этого не делал, а то накажу, ты меня знаешь, – строго указала ему Ольга Ивановна.

– Да, мамка, да я ничего – виновато оправдывался отец, но мать, не слушая его, уже повернулась к Алексею:

– Ну, ты как, сынок, как чувствуешь себя?

– Да все нормально, Ольга Ивановна, – ответил тот, уминая с пододвинутой ему Светланой тарелки жаркое. Кажется, он экзамен выдержал! Он даже помог убрать со стола посуду и только затем, чувствуя, что водка все-таки дает о себе знать, вышел в коридор и оделся.

– Ты куда, Алешенька? – удивилась и встревожилась Светлана.

– Пойду на балкон, воздухом подышу. Не беспокойся, все хорошо, все под контролем, – успокоил он любимую и обратился к ее родителям. – Спасибо вам, Ольга Ивановна и Павел Васильевич за вкусный обед. И вообще, у вас тут такая теплая, душевная обстановка в семье, что я как будто нахожусь у себя дома!

Он вышел на балкон, присел на стул, спустя несколько минут туда же вышла и Светлана, и они долго сидели, молча глядя друг на друга влюбленными глазами.

К вечеру хмель из головы Алексея почти вышел, но, конечно, о том, чтобы ехать домой в Тригорск, нечего было и думать. Да Лешке и не хотелось покидать эту удивительную, так понравившуюся ему семью.

Они поужинали, посидели у телевизора, поговорили о том, о сем, потом Ольга Ивановна заметила, что Светлана отчаянно клюет носом:

– Ты что, доча, никак спать хочешь?

– Да, мамуля, устала, полночи к экзамену готовилась.

– Ну, ложитесь тогда, да и нам с батей тоже отдохнуть не помешает, хоть завтра и воскресенье.

Она постелила и Алексею, и Светлане в зале, но на разных диванах, друг напротив друга, и выразительно посмотрела на Лешку:

– А может, вам вместе постелить?

– Да Вы что, Ольга Ивановна! – возмутился Алексей. – Мы ляжем вместе только после свадьбы! Надо, чтобы все было по закону.

– Ну, молодец, – с облегчением выдохнула мать. – Не обижайся, Алеша, это я проверяла тебя, насколько ты любишь Светлану и будешь ее ценить и беречь. И я очень довольна, что ты мои надежды оправдал. Все, дети, спокойной ночи!

Назавтра хорошо отдохнувшие и выспавшиеся Алексей и Светлана

отправились на экскурсию по городу. При этом, выходя из дома, девушка заметила:

– А ты понравился моим родителям. Видишь, я была права, ты им просто не мог не понравиться! Так как, теперь возьмешь меня в жены?

– Конечно, возьму, я же сделал тебе предложение и от своего слова не отказываюсь. А твои родители – тоже мировые! И обстановка в семье такая теплая! Дай-то бог, чтобы и у нас с тобой сложились такие же отношения, как у них!

Они неторопливо направились вперед по улице Мира, переходя затем на другие улицы и переулки Приозерска. Лешке, никогда ранее здесь не бывавшему, было интересно открывать для себя страницы истории древнего и, в то же время, молодого города, с удовольствием слушая при этом родной, мелодичный голос своей спутницы, рассказывающей о нем. Они уже оставили позади приличное расстояние, пройденное по центральной улице города, улице Ленина, когда Светлана неожиданно остановилась и, обернувшись к Алексею, указала на довольно красивый, весь в скульптурных группах особнячок, в верхней части которого на уровне второго этажа большие красивые каменные буквы составляли надпись «Дворец бракосочетания»:

– Я мечтаю зарегистрировать свой брак с любимым человеком именно здесь, – задумчиво, как бы сама себе проговорила Света.

– Ну, так если ты об этом мечтаешь, то так тому и быть! – горячо воскликнул Лешка. – Зарегистрируемся мы с тобой в этом Дворце! Хотя я раньше думал, что браки регистрируют в ЗАГСах...

– ЗАГСы у нас тоже есть, целых три штуки, по одному на район, – пояснила ему девушка. – Но, знаешь, туда идут или те, кто уже вот-вот должен рожать, или у кого это не первый брак, или кого просто время поджимает. Там время ожидания недолгое. А девочки, которые регистрируют брак в первый раз, стремятся попасть именно сюда, хотя тут ждать приходится намного дольше. Зайдем?

В особняке они поднялись по небольшой лестнице на высокий первый этаж и постучали в дверь с табличкой «Регистрация». Сидевшая за столом милостивая девушка спросила, на какую дату они хотели бы подать заявление и, когда узнала, что на август месяц, только развела руками:

– У нас заявления принимаются за три месяца, поэтому, если хотите зарегистрироваться в августе, – милости просим к нам в мае! Может, раньше августа распишитесь?

Алексей и Света переглянулись:

– Нет, спасибо за приглашение, но нам пока рано. Мы летом придем!

Возвращались молодые домой, как пионеры, взявшись за руки, так что, сидевшие на лавочке у подъезда соседки могли бы и не спрашивать, кто они: их устремленные друг на друга глаза, сияющие лица говорили сами за себя: это – будущие молодожены!

Поднялись на нужный этаж. В ответ на нажатый Светланой звонок дверь в квартиру им открыл высокий широкоплечий парень. Света завизжала и бросилась к нему на шею:

– Петька приехал!

Парень смутился:

– Ну, что ты, сеструха? Давно не виделись?

– Петя, а я сессию сдала без «хвостов»! – продолжала Светлана на-седать на брата. – А это, знакомься, мой Алеша!

Ребята представились друг другу и прошли в зал. Вскоре Ольга Иванова позвала всех на обед. На этот раз Алексей пить отказался:

– Вы меня извините, дорогие будущие родственники, но на этот раз я водку пить не могу. Сегодня мне нужно будет ехать домой, а дорога и алкоголь – понятия несовместимые. Так что, отложим мое участие в данном мероприятии до следующего раза. Не последний ведь день на свете живем?

– Конечно, не последний! Я надеюсь с тобой еще не раз выпить, если Светку замуж возьмешь! Твое здоровье и хорошей дороги! – поднял рюмку Петр.

– А я Светлане уже сделал предложение, – сказал Алексей и посмотрел на пунцовую от смущения девушку. – И она его приняла!

– Во как! – удивился Светин брат. – Такие события происходят, а я об этом ничего не знаю. И когда же свадьба?

– Летом, – уточнил Лешка. – Когда офицером стану и смогу твою сестру защитить.

После обеда, воспользовавшись тем обстоятельством, что Петр с Павлом Васильевичем подсели к телевизору смотреть хоккей, Ольга Ивановна поманила Алексея на кухню и, когда тот вошел, плотно закрыла дверь. Светлана была уже там.

– Такое дело, сынок, давай поговорим! – обратилась к курсанту Светина мать. – Светлана мне рассказала по поводу вашей свадьбы, что у вас могут возникнуть проблемы. Ну, что она может не понравиться твоим родственникам, что твоя мама может не разрешить тебе жениться, ну и так далее... Как ты в этом случае поступишь? Маму надо слушать!

– Ольга Ивановна! – перебил ее Лешка. – Позвольте мне, так сказать, обрисовать Вам ситуацию, или, как говорят на военном языке, изложить диспозицию. Главное – я сделал Свете предложение, она его приняла, и мы распишемся в любом случае, со свадьбой или без! Моя мама пока не в курсе данного события, и я как раз сейчас, на этих каникулах, буду с ней на тему женитьбы серьезно говорить. Я люблю свою мать и уважаю ее, все-таки она нас с братом, считай, вырастила одна, без отца, но что касается моей жизни, то это именно моя жизнь, а не ее! Я не исключаю, что мама будет против моей женитьбы, но это не означает, что она – против конкретной Светланы, которую знать не знает. Она может быть в принципе против того, чтобы я женился. Вот и попытаюсь ее в этих ее заблуждениях разубедить. Получится – хорошо, не сумею – все равно мы со Светой распишемся и поедем с ней одной семьей служить, куда пошлют!

– А теперь, Алеша, послушай, что я скажу, – Ольга Ивановна пристально глянула на него. – То, что ты так упорно борешься за свое семейное счастье, заслуживает уважения. Поэтому ты знай, что мы с

отцом, хоть и простые рабочие, но люди не без денег, и на свадьбу тебе со Светланой необходимую сумму соберем. Не на самую большую и шикарную, конечно, но стыдно вам не будет. Так что, пусть за материальную сторону дела душа у тебя не болит. Ну, а все остальное в вашей жизни, ваше семейное счастье, зависит уже от вас со Светланой!

– Спасибо, Ольга Ивановна! – Лешка был потрясен: такого подарка он никак не ожидал. – Но я все-таки постараюсь уговорить и мою маму!

Около десяти часов вечера Алексей собрался идти на вокзал. Он тепло попрощался с родителями Светы, но тут неожиданный фокус выкинула она сама:

– Алешенька, я тебя провожу до поезда!

– Еще чего! – возмутился Лешка. – А как ты обратно будешь добираться? Среди ночи? Я всю дорогу волноваться буду!

– Ничего со мной не случится!

Алексей сгоряча чуть было не напомнил Светлане, при каких обстоятельствах они познакомились, да вовремя прикусил язык. Выручил Петр:

– Ты, Леша, не переживай, я тоже пойду с вами на вокзал и доставлю Светку обратно домой в лучшем виде!

На вокзале, закомпостировав билет, Алексей договорился со Светланой, что возвратится он обратно в Приозерск на день раньше окончания каникул, утром в субботу, а в воскресенье после обеда они вдвоем выедут в Холмоград. Девушка посадила его в вагон, дождалась, пока поезд тронется, и долго шла по платформе, махая на прощанье рукой вслед уходящему составу.

Морозным утром Алексей вышел из поезда в Тригорске. Как все-таки хорошо приезжать в родной город! Здесь ему знаком каждый камень, здесь он вырос, здесь живут его друзья, здесь, наконец, живет его мама! При мысли о матери Лешка погрузился: как рассказать ей о Светлане и о предстоящей женитьбе? Он думал об этом все время, пока ехал в трамвае к родному дому, но так ничего и не придумал... Наконец трамвай, лязгнув колесами, остановился, и Алексей вышел на улицу. «Ну, что же, вперед, курсант Васильцов, вперед без страха и сомнения!» – приказал он себе и шагнул в подъезд.

В ответ на его звонок дверь открыла бабушка, чем еще больше смутила парня и ухудшила его настроение: бабушку он не любил. «И чего она приехала к нам именно в такой момент, – с досадой подумал Лешка, – теперь с матерью говорить будет еще сложнее». Вообще-то бабушка приезжала к ним довольно часто, оставив в очередной раз свой покровский дом со всем хозяйством на деда, которым помывкала, как хотела. Лешке даже неловко было, когда он приезжал в Покровск, слушать ее крикливые указания молча слушавшему и только кивавшему головой в знак согласия маленькому седому старичку. Правда, мать рассказывала, что в молодости дед не был таким уж безобидным, а, напиваясь пьяным, частенько гонял их с бабушкой вокруг дома с топором в руках. Но этого Алексей не знал, да и не мог знать, а вот что видел собственными глазами, – так это то, что израненный на фронте и до сих пор носящий в своем теле полученный на Днестре осколок немецкого

снаряда, почти оглохший от последствий полученной тогда же контузии старик молча копошился по дому или в огороде. А то и просто собирал рыбацкие принадлежности, садился в свою лодку-плоскодонку и уезжал далеко – далеко по реке, чтобы никому не мешать. И было в его поведении что-то такое угодливо – покорное, что у Лешки при воспоминаниях об этих моментах к горлу подкатывал ком. Тем не менее, он постарался забыть возникший было в душе негатив в отношении бабушки, расцеловался и с ней, и с подошедшей следом матерью.

– А мы уже заждались тебя, сынок, – вытирая руки о фартук (видимо, хозяйничала на кухне), проговорила мать. – В прошлый раз ты раньше приехал.

– Да ничего страшного, мамуля, просто задержали на два дня весь курс из-за учений, – выпалил первое, что пришло в голову, Алексей и прошмыгнул в комнату, стараясь, чтобы мать не разглядела выражения его лица: врать он не умел.

Несколько дней Лешка наслаждался отдыхом: отсыпался в домашней постели, гулял со старыми школьными друзьями, просмотрел во всех городских кинотеатрах премьеры и при этом все время думал, как подступиться к решающему разговору с матерью. Наконец, уже ближе к отъезду, где-то за пару дней, он решил, что дальше тянуть некуда, тем более, что в данный момент дома никого, кроме матери, не было: Серый находился в школе, а бабушка вышла в магазин. Он решительно толкнул дверь в комнату, где мать читала книгу:

– Мамуля, можно к тебе? Мне бы хотелось с тобой поговорить по одному очень важному вопросу.

– Заходи, сынок! – мать отложила в сторону книгу. – Что случилось? Что тебя тревожит?

– Мамочка! – Лешка решил начать заход издалека. – Как ты знаешь, я совсем скоро, через полгода, заканчиваю училище, стану офицером и поеду служить туда, куда направят, то есть, по всему Советскому Союзу. А для офицера, ты это тоже знаешь, ничто так не важно, как крепкий тыл, иначе говоря – надежная семья. Словом, я собираюсь жениться и хотел бы знать на этот счет твоё мнение.

Мать при его последних словах дернулась в своем кресле, словно получила удар, которого никак не ожидала, и несколько секунд беззвучно глотала воздух открытым ртом, напоминая выброшенную на берег рыбу.

– Ты это серьезно, сынок? – смогла она, наконец, вымолвить хоть что-то в ответ и даже потрогала рукой его лоб: не горячий ли?

– Абсолютно серьезно! Ты пойми, мамуля, во-первых, мне через месяц исполнится двадцать один год. Во-вторых, пройдет еще несколько месяцев, и я стану командиром подразделения, получу в подчинение взвод солдат и буду вполне самостоятельным человеком. Так почему же я не могу жениться?

– Все равно, рано тебе еще об этом думать! – отрезала окончательно пришедшая в себя мать. – Вот послужишь годика два – три, тогда и можно будет говорить на эту тему.

– Выходит, командовать взрослыми людьми я могу, а вот жениться

мне рано! – Алексей начал закипать. – Да за те два – три года, как ты говоришь, я вполне одичать могу! Или спиться от тоски и одиночества! Насмотрелся я на это дело в войсках, когда на стажировку ездил. Да что я тебе рассказываю: сама ведь жила в военном городке и знаешь, как там люди живут и служат, неужели тебе надо что-то еще объяснять?

Ответить мать не успела, поскольку в это время щелкнул дверной замок: из магазина вернулась бабушка. На душе у Лешки стало еще тоскливее, но отступать было уже поздно.

– Что случилось, доченька? – заглянувшая в комнату бабушка сразу заподозрила неладное, поскольку лицо у матери покрылось красными пятнами, свидетельствующими о крайней степени возбуждения.

– Да вот посмотри, мама, на этого сопляка! – указала мать на Алексея. – Молоко на губах не обсохло, а он жениться собрался! Не зря я так боялась его дружбы с женатыми курсантами.

– Мама, я тебя очень люблю и уважаю, но если ты не прекратишь меня оскорблять, то я сейчас же уйду! – красный от негодования Лешка вскочил со стула. – И никакого разговора не будет, а сделаю я все по-своему, ты меня знаешь!

– Все, все, сын, успокойся! – мать сбавила тон. – Но ты пойми и нас с бабушкой: мы тебя столько лет растили, воспитывали, поэтому сейчас вправе надеяться, что и ты нам какое-то время сможешь помогать. Правда, мама?

– Конечно! Вот скажи, внучек, зачем тебе сейчас жениться? Ни кола, ни двора, куда ты свою невесту приведешь? А вот послужишь какое-то время, квартиру получишь, вот тогда и женись! А насчет невесты не беспокойся: вон их, молоденьких, сколько каждый год подрастает! Даже у нас в Покровске. Вот приедешь как-нибудь в отпуск, мы тебе нашу соседку Аню сосватаем, ее отец с матерью давно хотят с нами породниться. Хорошая девочка, как раз еще на пару лет подрастет, восемнадцать исполнится...

– Да как вы не поймете: не нужны мне никакие ваши, бабушка, соседки! Я хочу жениться на девушке, которую люблю, и она меня тоже любит. Жить-то с ней мне, а не вам! Тем более, что жениться я собираюсь не сегодня и не завтра, а только после того, как закончу училище и смогу сам обеспечивать свою семью. И квартиру для проживания получу, как положено!

Произнося свою тираду, Алексей не заметил, как мать с бабушкой перемигнулись за его спиной.

– Ну, ладно, сынок, не кипятись, – мать, кажется, начала успокаиваться. – Лучше расскажи о своей невесте: кто она, чем занимается, кто ее родители...

– Мою невесту зовут Светлана, она студентка финансово-экономического института в Холмограде, учится на втором курсе, живет в общежитии, познакомились мы на вечере у них в институте, – учитывая негативный настрой своих родственников, Лешка счел за лучшее подлинных обстоятельств знакомства не упоминать. – Что еще? По годам – мы ровесники, ну, может, она на пару – тройку месяцев моложе меня. Родители ее живут в городе Приозерске, это областной центр ки-

лометрах в сорока от Холмограда, они – рабочие на местном тракторном заводе. Кроме Светы, в семье есть еще сын, он старше ее, в прошлом году вернулся из армии и сейчас работает шофером. Вот и все.

По ходу своего рассказа Алексей наблюдал, как менялось выражение лица матери, и ближе к концу понял, что изложенные им сведения ни мать, ни бабушку не воодушевили: ждали они от него, очевидно, чего-то другого...

– А скажи, сынок, – неожиданно подала голос мать. – А эта твоя, как ее, Светлана, она, случайно, не беременна?

– Да ты что, мама?! – Лешка выпучил глаза. – Да у меня с ней ничего не было, никаких контактов, мы даже не целовались. Она сказала, что дала зарок: первый раз ее поцелует любимый человек только на свадьбе! И вообще, она, по-моему, еще девушка.

– Это она сама тебе сказала? – с определенной долей язвительности спросила мать.

– Это я сам сделал такой вывод, глаза у меня есть, и опыт общения с девушками какой-никакой тоже имеется, – Алексея этот разговор стал раздражать. – А чтобы вы не сомневались, я завтра же у нее сам об этом и спрошу.

– Погоди, погоди, сынок, а почему завтра? – до матери, похоже, что-то стало доходить. – Завтра же суббота! Что, вы начинаете занятия прямо в воскресенье?

– Нет, мама, – неохотно признался Лешка. – Занятия у нас начинаются в понедельник, а каникулы, соответственно, заканчиваются в воскресенье к исходу дня.

– Так, а почему ты поедешь завтра, когда можешь выехать с утра в воскресенье? – не отставала мать. – Ехать до Холмограда – восемь часов, как раз к вечеру и приедешь.

– Видишь ли, мама, мы со Светой договорились, что я завтра к вечеру приеду в Приозерск, переночую у них, днем мы еще погуляем, а в воскресенье к вечеру вдвоем вернемся в Холмоград: я – в казарму, она – в свою общагу.

Лучше бы он этого не говорил! Поднявшийся тарарам подтвердил самые худшие его опасения: здесь он согласия на свою женитьбу не получит! Мать громкими криками, заламывая руки, проклинала невесть откуда взявшуюся лахудру, окрутившую ее мальчика, бабушка, как курица-наседка, бегала по комнате, хлопала по бокам руками и причитала:

– Вот! Вот! Заманят мальчика в ловушку, положат спать вместе, и – все! Ловушка, самая настоящая ловушка! Вот же аферисты!

– Да прекратите же вы, наконец, этот театр! – не выдержав, вскричал Лешка. – Как вы смеете оскорблять людей, которых совсем не знаете! К вашему сведению, я уже ночевал у них, и никто нас вместе со Светланой спать не укладывал. Все, мне это надоело! Я надеялся, что ты, мама, как жена офицера, меня поймешь, но очевидно, надеялся напрасно. Ну что ж, обойдусь без вашего благословения!

– Ты куда, сынок? – спросила мать, увидев, что он направился к выходу из зала.

– Вещи собирать. Завтра утром уеду, чтоб этого балагана больше не видеть!

– Сынок! – мать упала перед ним на колени, из глаз у нее струями потекли слезы. – Ради меня, сынок, не уезжай завтра, останься до воскресенья и поезжай сразу в училище! Не заворачивай к этой девице, Христом богом молю! Ради меня!

Алексей растерялся. Вид стоящей на коленях, плачущей матери, самого родного, как казалось, человека, потряс его до основания. Никогда прежде такой картины ему видеть не доводилось.

– Мама, но меня же девушка ждет, я обещал к ней приехать, – неуверенно пытался он возразить, но мать, словно не слыша его, продолжала стоять на коленях и голосить:

– Ради меня, сынок! Ради меня! Не езжай завтра, останься до воскресенья!

– Ладно, – не выдержал Лешка. – В воскресенье поеду. А пока пойду на улицу погуляю, душно у вас тут.

Он не видел, как после того, как за ним захлопнулась входная дверь, мать сразу перестала реветь, поднялась с колен и с удовлетворением сказала бабушке:

– Все-таки он меня послушал! Так же и со свадьбой уговорю. По-моему будет!

Алексей же, выйдя из дома, какое-то время бесцельно бродил по улицам родного города, не зная, что делать. В голове не было никаких мыслей, только пустота и неопределенность. Наконец, просидев пару часов на лавочке в сквере, он, в конце концов, решил: нужно сообщить Светлане, что в Приозерск он не приедет. Тут же встал вопрос: как это сделать? Домашнего телефона у родителей Светы не было, а кому из соседей можно было бы позвонить и попросить позвать ее к телефону, он не знал. Так и не найдя выхода, он решил дать телеграмму и, зайдя в ближайшее отделение связи, написал на телеграфном бланке после адреса: «ЗАЕХАТЬ ПРИОЗЕРСК НЕ СМОГУ ПОДРОБНОСТИ ПРИ ВСТРЕЧЕ ХОЛМОГРАДЕ», после чего, перечитал слова и наличие в кармане. Кажется, должно хватить. Тогда он дописал в текст еще три слова: «ЛЮБЛЮ ЦЕЛУЮ АЛЕКСЕЙ» и в таком виде отдал в окошко девушке-приемщице. Денег, к счастью, действительно хватило.

С телеграфа Алексей вышел, уже в какой-то степени успокоившись. По крайней мере, Светлану он предупредил, что не приедет, так что в свою общагу она вернется сама, а в ближайшие после начала учебы субботу или воскресенье они встретятся, и он ей все объяснит. Должна она его понять, если любит, а что любит – в этом он не сомневался. Так что здесь, как он надеялся, все будет нормально.

Гораздо больше его занимал другой вопрос: чем объяснить такую бурную и резко негативную реакцию матери, когда он рассказал ей о наличии любимой девушки и желании жениться? Казалось бы, радоваться должна, что все у сына так хорошо складывается, а нет... Неужели имеет место так называемый родительский эгоизм, неумное желание опекать уже вполне взрослого человека? Что она там говорила: сколько лет растили, воспитывали, а сейчас надеются на

его помощь? Помогать-то можно и нужно в любом случае, но ведь военная служба не предполагает возможности жить постоянно дома рядом с матерью, а связана с частыми переездами. Непонятно. Если у нее в свое время было пожелание в его адрес, подобное высказанному сейчас, так не помогала бы ему поступать в военное училище, не поддерживала бы его в желании стать офицером. Что ей стоило настоять на его учебе в машиностроительном, к примеру, институте? И хотя это шло вразрез с намеченной Алексеем целью, но если бы она стала настаивать – сложно сказать, устоял бы он или нет. Ладно, не стоит заниматься самоистязанием и забивать себе голову всякими домыслами. В конце концов, есть еще Серега, вот пусть мать и определяет его дальнейшую жизненную стезю и решает его судьбу: где ему учиться, на ком жениться, с кем жить... Он, младшенький, всегда был ближе к матери, чем Алексей, который к тому же отличался упертым характером. Мать, видно, забыла, с кем имеет дело! Пусть он сегодня и уступил ей, но это – первый и последний раз! И на Светлане он женится непременно, как бы мать ни противилась! Вот только сама бы Света не дала ему от ворот поворот: дал слово приехать – держи, а не юли, как уж. Впрочем, о таком варианте развития событий Лешка не хотел даже думать.

Оставшиеся два дня каникул прошли относительно спокойно. Мать делала вид, что забыла о представлении, которое она устроила сыну, чтобы убедить его остаться дома до конца срока и, как и бабушка, прямо-таки источала добродушие и ласку. Алексей тоже держался подобным образом, но прошедшие события оставили в его душе серьезную зарубку. И хотя домашние уже привыкли к тому, что он, выходя из дома для следования на вокзал, просил его не провожать, как, собственно, было и сейчас, но сам Лешка чувствовал от прежде родного дома некое отчуждение: не захотели его здесь понять! Ну и ладно, все равно он сделает по-своему!

5.

Последний учебный семестр для курсантов четвертого взвода пятой роты начался с распределения заданий на дипломное проектирование. И хотя эксплуатация как предмет обучения в первый после каникул день занятий в расписании не значилась, после обеда самоподготовку ребят посетил преподаватель этой дисциплины майор Степаненко:

– Ну, как, товарищи курсанты, настрой на заключительный этап учебы? Готовы проектировать объекты для обслуживания танков, тракторов, автомобилей, словом – всего, что может двигаться, хоть на колесах, хоть на гусеницах?

Ответом был общий вздох, а откуда-то с задних рядов голос Кольки Пчельникова спросил:

– Товарищ майор, а может ну его, не нужно нам это проектирование?

– Нужно, Пчельников, нужно, тут уж я ничего не могу поделывать! – майор прежде проводил уже занятия во взводе, поэтому ничего удивительного в том, что он знал многих курсантов в лицо, не было. К тому же преподаватель обладал веселым характером, понимал шутку и сам мог пошутить, поэтому, задавая вопрос, Колька особо не рисковал.

– Какие же вы будете инженеры по эксплуатации, а именно эта квалификация должна быть указана в ваших дипломах, если не сможете рассчитать и спроектировать элементы этой самой эксплуатации? – усмехнувшись, резюмировал майор. – Вот поэтому и нужно, чтобы вы поработали над проектами, причем, каждый самостоятельно.

На этот раз ему уже никто не возражал.

– Ну, вот и хорошо, – преподаватель взял в руки какой-то листок бумаги. – Здесь, на этом листе указаны все темы, предлагаемые для проектирования курсантам вашего взвода. Их несколько: организация парка боевых и специальных машин в целом, а также расчет его отдельных элементов, как то: пункта заправки, пункта чистки и мойки, пункта технического обслуживания и ремонта, ну и так далее... Товарищ заместитель командира взвода! – обратился майор к сержанту Чернову. – После того, как распределите все указанные темы среди курсантов, составьте список по итогам этого распределения и не позднее завтрашнего дня передайте мне на кафедру! После чего получите индивидуальные задания каждому исполнителю. Вам все понятно?

– Так точно! – сержант вышел из-за стола и взял из рук майора список тем.

– Вопросы ко мне есть? – Степаненко явно не спешил уходить из класса. – Ничего сложного в вашей будущей работе нет. Во-первых, сам принцип проектирования мало чем отличается от выполненных вами два года назад курсовых работ по деталям машин: точно так же вы должны будете составить пояснительную записку с расчетами и вычертить три или четыре листа ватмана, уж кому как повезет. А, во-вторых, все эти вопросы, над которыми вы будете сейчас работать, вами уже пройдены в ходе изучения курса эксплуатации и вам, соответственно, знакомы.

– Разрешите вопрос, товарищ майор? – поднялся со своего места Миша Забалуев. – А Вы один будете проверять наши проекты или еще будут привлечены офицеры со всей Вашей кафедры?

– Отвечаю. У каждого из вас будет свой научный руководитель из числа офицеров кафедры эксплуатации. Фамилии своих кураторов вы узнаете завтра, когда получите задания. У кого-то из вас, возможно, таким руководителем буду я, у кого-то – другие преподаватели, задействуется вся кафедра, сто процентов. Еще у кого есть вопросы?

– Разрешите, товарищ майор? – это поднялся обстоятельный Толя Павловский. – Если можно, хотелось бы поконкретнее узнать, что из себя будет представлять задание, которое мы получим.

– Здесь секретов нет. В задании будут указаны: тема проекта, индивидуальные параметры для каждого проектанта, а также отдельное требование на разработку какого-нибудь узла или агрегата, ну и, как я

уже говорил, фамилия вашего научного руководителя. Впрочем, завтра сами все увидите.

Больше вопросов не было. Майор оставил Чернову листок с темами проектов и покинул класс. Сержант пробежал глазами записи и озадаченно произнес:

– Ну, что, орлы, как распределяться будем?

– Как обычно, – поднял руку Слава Кривцов. – Как в прошлый раз, жребий кинем!

– Возражений нет? – впрочем, Чернов мог бы и не спрашивать: более справедливого способа распределения человечество пока еще не придумало. – Ну, если никто не против, тогда, Слава, иди сюда, и ты, Пчельников, тоже. Готовьте все, что надо!

Примерно через час Коля Пчельников, собрав в шапку все бумажки с названиями тем проектов, в сопровождении Кривцова пошел обходить ряды курсантов. Следом за ними со списком личного состава взвода следовал сержант, отмечая в списке, кто какой объект вытянул.

Лешке достался пункт чистки и мойки. Пока что одно название темы ничего ему не говорило: надо дождаться завтрашнего дня и уже конкретно по заданию оценить, чего от него хотят. К слову, подобно Алексею эту же тему предстояло развивать и проектировать и Симакову с Павловым, и Ветрову с Синевым, и еще кое-кому из курсантов взвода.

– Ну, что, братцы, скооперируемся? – подошли к Лешке довольные Коля Синева с Володей Ветровым: тема, на первый взгляд, сложнейшей в себе не таила, а если еще и присовокупить сюда Колькины способности к черчению...

– Скооперироваться-то можно, но лучше, наверно, подождать до завтра, – остудил их пыл Алексей. – Поди, догадайся, какие параметры майор заложит в задания. И потом, вспомните, что он говорил об индивидуальных для каждого из нас узлах и агрегатах...

Завтрашний день действительно прояснил ситуацию, причем, для курсантов, – не в лучшую сторону. Мало того, что исходные параметры для расчетов у всех ребят заметно отличались, вынуждая каждого считать свои проекты самостоятельно, так еще и в каждом задании имелась своя «изюминка», точнее – необходимость придумать и обосновать своего рода рационализаторское предложение по тому или иному агрегату. Например, от Лешки, помимо собственно расчета пункта чистки и мойки, требовалось еще разработать и защитить перед членами принимающей комиссии механизм, позволяющий очищать ходовую часть гусеничной техники без опоры на землю, как бы полностью вывешивая машину в воздухе. «Да-а, ... придется и голову поломать, и кучу литературы перелопатить, – почесал затылок Алексей, – хорошо хоть то, что руководителем у меня назначен именно майор Степаненко, с ним, по крайней мере, поговорить можно спокойно в отличие от иных преподавателей с кафедры, да и разъяснения, какие надо, получить».

Хотя срок окончания проектирования был установлен вполне приличный – полтора месяца, то есть, до конца марта, но большинство ребят, научных горьким (для многих) опытом курсовых проектов, решили не тянуть, а начать работу без раскочки. Так же был настроен

и Лешка Васильцов. Нужно было использовать, что называется, на всю катушку преимущества их пребывания в городе и то обстоятельство, что в обозначенный период времени выездов в учебный центр не планировалось. Конечно, по другим предметам занятия все равно проводились, да и наряды по училищу никто не отменял, но все же вечерние самоподготовки оставались полностью в распоряжении курсантов.

Кстати, из-за этих нарядов, а также по другим причинам Лешка целую неделю не мог вырваться в город. А так хотелось поговорить со Светланой, объяснить, почему он не смог заехать к ней в Приозерск в конце каникул. Но – сначала сутки в карауле, затем, на этой же неделе, назначение взвода дежурным подразделением по училищу, и вот, пожалуйста, – не успел оглянуться, а наступила суббота. На этот раз Алексей решил не ждать, как обычно, воскресенья, а рвануть днем раньше, не дожидаясь ужина, сразу по окончании хозяйственных работ.

На проходной общежития уже знавшая его вахтерша не стала задавать ему лишних вопросов, а сразу позвонила на нужный этаж и вызвала Светлану. Нетерпеливо прохаживавшемуся по вестибюлю Алексею несколько минут ожидания показались целой вечностью, пока, наконец, он не увидел в проеме дверей знакомый силуэт любимой им девушки. Когда Светлана подошла ближе, Лешке сразу бросился в глаза какой-то ее нездоровый вид, бледное лицо, подпухшие глаза. «Плакала, наверно», – подумал он и спросил:

– Что случилось, Светик? Ты, часом, не заболела? Здравствуй, родная! – он попытался обнять девушку, но та уклонилась от объятий и строго посмотрела на него:

– Это я должна у тебя спросить, Алеша: что случилось? Почему ты не приехал, как договаривались? Все, любовь кончилась?

– Не говори глупостей! – Лешка растерялся: в голове в полном беспорядке теснилось множество мыслей, но как их изложить этой славной, милой, любимой девушке, чтобы она его поняла? От возникшей растерянности он даже разозлился на себя: тюфяк, возьми себя в руки, ты же не виноват, ни в чем не виноват, так случилось! Это же своего рода несчастный случай! Иногда так бывает!

– Не говори глупостей! – повторил Алексей. – Я тебя, Света, любил, люблю и буду любить до конца дней своих! Можешь быть в этом уверена и не думай, что когда-либо я стану думать иначе! А вот в том, что случилось, почему я к тебе не приехал, я виноват целиком и полностью, за что прошу у тебя прощения! И вообще, знаешь, Светик, было бы здорово, если бы ты оделась потеплее, и мы бы с тобой с часок прогулялись. Мне есть что тебе рассказать и с тобой обсудить.

Светлана долгим, внимательным взглядом посмотрела на него:

– Подожди, сейчас приду, пальто только накину, – кажется, по отношению к нему она уже несколько смягчилась.

Они вышли на улицу и там, прогуливаясь по заснеженным аллеям меж корпусов общежитий, Алексей честно рассказал девушке все: и о том, как надеялся серьезно поговорить с матерью о женитьбе, и об ее категорическом неприятии этой самой женитьбы, и о том представлении, какое она устроила, чтобы не допустить его отъезда в Приозерск.

– И вот тут, понимаешь, я не смог устоять! Никогда, сколько себя помню, я не видел маму в таком состоянии! Поэтому и пришлось ей уступить, потому что не был я готов к такому повороту. За это и прошу у тебя прощения, что так тебя подвел, но больше такого не повторится, обещаю!

Светлана взглянула на него полными слез глазами:

– А я ведь так ждала тебя, Алешенька, так ждала! Для меня каждая минута без тебя – мучение. А теперь, выходит, нашей свадьбы не будет?

– Да кто тебе сказал, что не будет? – Лешку будто кто-то ужалил в самое сердце. – Я тебе предложение сделал?

– Сделал, – чуть слышно ответила Светлана.

– Ты согласилась?

– Да.

– Ты слышала где-нибудь, что я отказываюсь от своих слов и от моего к тебе предложения стать моей женой?

– Нет.

– Так как же ты можешь сомневаться во мне и в моих к тебе чувствах?

– Но ты сам сказал, что твоя мама...

– Что «моя мама»? – Лешка разозлился не на шутку. – Я ведь тебе не раз говорил, и на Новый год, и у вас дома, и Ольга Ивановна тому свидетель, что свою жизнь я буду строить сам, ну и с твоей помощью, естественно. Но без чьей-либо подсказки и, уж тем более, без чьего бы то ни было принуждения со стороны! Конечно, хотелось бы, чтоб были мир и лад в отношениях как у меня с твоими родителями, так и у тебя с моими. Но раз мои так настроены... Значит, решать будем только мы с тобой, и будет по-нашему! Подойдет срок, и подадим заявление в ваш Дворец бракосочетания! Верить мне?

– Твоя мама опять станет на колени, поплачет, и никакого заявления не будет, – с печальной улыбкой тихо проговорила Светлана.

– А вот тут – шалишь! – усмехнулся Лешка. – Через пару недель, в воскресенье, я вызову ее на телефонные переговоры, и сама увидишь, что будет!

Исполнения данного Светлане обещания, что она «увидит, что будет», пришлось ожидать не две недели, а все четыре: то Лешка оказался на выходной в наряде, то Свете понадобилось срочно уехать домой, то еще что-то помешало. Все же ближе к концу марта Алексей заказал на ближайшее воскресенье телефонный разговор с Тригорском и предупредил девушку, чтобы в этот раз она обязательно была на месте, в своей общаге, поскольку к такому-то времени он за ней зайдет.

Света восприняла его слова с пониманием и пообещала, что обязательно его дождетя. Она вообще за последний месяц успокоилась, меньше стала переживать и, кажется, окончательно поверила, что Лешка ее не бросит. Возможно, в числе прочих, сыграло свою роль и обстоятельство, что он, стремясь загладить свою вину, не оставлял ее в выходные дни ни на минуту без внимания.

И вот в назначенное время Алексей, встретившись, как договаривались, у общежития со Светланой, вошел вместе с ней в двери перего-

ворного пункта. Уточнив в окошечке дежурной телефонистки заказ, он молча присел рядом с девушкой на кожаный диванчик и стал ожидать вызова.

– Не волнуйся, родной, – Света взяла его за руку. – Все будет хорошо!

– Да кто тебе сказал, что я волнуюсь! – отозвался все же заметно побледневший Лешка. – Ты сама смотри, не забудь поздороваться с матерью, ее, между прочим, зовут Анна Николаевна.

– Помню, – совсем тихо, почти шепотом проговорила Светлана.

– Тригорск, восьмая кабина! – прозвучало из динамика.

– Пошли! – Алексей встал, взял девушку за руку и буквально потащил ее к переговорной кабине, в которую, тем не менее, вошел первым, а замешкавшаяся в последнюю минуту Света с трудом втиснулась туда и закрыла за собой дверь.

Лешка снял трубку:

– Алло! Здравствуй, мамуля!

– Здравствуй, Алеша, здравствуй, сынок! А я не одна, со мной Сережа!

– Мама, а я тоже не один, со мной Светлана, сейчас она с тобой поздоровается, – и он протянул девушке трубку.

– Здравствуйте, Анна Николаевна! – стараясь придать голосу как можно больше мягкости и сердечности, произнесла Света.

– Здравствуйте! – голос матери посуровел, стал ледяным. – Не считите за труд передать трубку моему сыну! С Вами я разговаривать не намерена!

Светлана молча передала трубку Алексею. На нее было жалко смотреть: девушка как-то сразу вся сникла, осунулась, на глазах у нее появились слезы. Она попыталась выйти из кабины, но Лешка жестом остановил ее: останься!

– Я слушаю, мама, что ты хочешь сказать? – сухо проговорил в трубку Алексей.

– Сынок, я хотела поговорить только с тобой, зачем ты привел эту девушку?

– Мама, ты меня извини, но эта, как ты ее называешь, девушка – моя невеста, будущая жена. И вообще, – он набрал в легкие побольше воздуха, как будто собрался нырнуть в какую-то неведомую глубину. – И вообще, ставлю тебя в известность, что мы со Светланой подали заявление на регистрацию нашего брака! Свадьба будет летом, когда я закончу училище.

Алексею сразу стало легко и свободно, как будто у него с плеч свалилась огромная тяжесть, целая гора, подобная какому-нибудь Эвересту. Он мельком взглянул на Свету: девушка смотрела на него взглядом, в котором восторг и восхищение его смелостью и решительностью смешивались с ужасом от возможных последствий.

Трубка некоторое время молчала, видимо, мать все еще не могла прийти в себя от услышанного.

– Ка – ак, заявление? Какое заявление? – прозвучало, наконец, в телефоне.

– Заявление о регистрации брака. Я женюсь, мама, как только окончу училище! – твердо, четко, с расстановкой повторил уже сказанное ранее Алексей. – Если ты помнишь, я хотел с тобой на эту тему поговорить, когда приезжал на каникулы, но ты мне в ответ устроила целое представление. Поэтому, извини, но мне пришлось решать вопрос самому, потому что я люблю Светлану и не хочу ее терять. В конце концов, я уже взрослый человек, и вполне способен отвечать за свои поступки. Извини меня еще раз, но свою жизнь я намерен строить сам!

– А забрать назад это заявление никак нельзя? – в голосе матери звучала последняя надежда человека, пытающегося ухватиться за спасительную соломинку.

– Нет, мама, нельзя!

– Ну, что ж, сын, – голос матери опять стал ледяным. – Спасибо тебе за ту радость, что ты мне доставил!

– Ты что маме сказал? Она вышла из будки и плачет, – это уже трубка ответила голосом младшего брата.

– Сказал, что женюсь, когда летом окончу училище, – стараясь говорить как можно спокойнее, ответил Алексей.

– Да как ты посмел маму так огорчать? Это же мама, наша мама! – негодовал в Тригорске Сергей.

– Слушай, ты, молокосос, не смей меня учить! – моментально закипел Алексей, и без того находящийся не в самом лучшем расположении духа. – Ты лучше ответь мне на такой вопрос: а по какому праву мама считает, что может диктовать мне, как я должен поступать в своей жизни? Она меня вырастила, воспитала, честь ей и хвала за это, и я ей до конца жизни за это буду благодарен! Но ее воспитание закончилось уже, закончилось одновременно с окончанием мною школы, а дальше я вправе сам решать, как поступать мне в дальнейшей жизни! И чем скорее вы с матерью это поймете, тем лучше! Все, иди, утешь ее, ей еще надо тебя воспитывать. Вот тебе пусть она сама невесту выбирает и решает, когда тебе можно будет жениться!

Выйдя с переговорного пункта, молодые долго молча сидели на лавочке в небольшом скверике рядом с телеграфом. Говорить ни о чем не хотелось. Лешка тупо уставился в одну точку, а Света, прижавшись к нему, гладила его по голове, как когда-то он ее в день знакомства.

– Послушай, Алешенька, а мы ведь заявление еще не подавали... – нарушила, наконец, молчание Светлана.

– Не подавали, так подадим! – не поворачивая головы, ответил Алексей.

– А, может, не надо и подавать, раз все так складывается?

– Что значит «не надо»? – Лешка поднял голову. – Светик, да ты в своем ли уме? Мы же столько об этом с тобой думали, мечтали, я тебе вполне официально предложение сделал, ты его приняла... С чего это вдруг ты передумала?

– Я не хочу, чтобы ты из-за меня ссорился со своей мамой, – опустив голову, тихо проговорила Света.

– Моя мать – умная женщина, – так же тихо ответил ей Алексей. – Я думаю, до нее со временем дойдет, что ее счастье – в счастье ее детей.

А я буду счастлив только с тобой! Ну, а все-таки, почему ты не хочешь подавать заявление? Замену мне нашла?

– Какая замена, дурачок ты мой любимый! Да еще и ревнивый! Я тоже буду счастлива только с тобой, было у меня время на эту тему подумать. Только с тобой и несмотря ни на что! – она неожиданно обняла Алексея и плотно прижалась своими губами к его губам в затяжном поцелуе.

От неожиданности Лешка обалдел и, когда она его отпустила, долго не мог найти слов, пока, наконец, не выдавил из себя:

– Вот это да! А как же твое желание, чтоб тебя целовал любимый человек и только на твоей свадьбе?

– Ну, любимый человек в данном случае налицо, рядом со мной, а что касается свадьбы... – она вдруг громко рассмеялась. – Ты знаешь, я долгое время вполне серьезно думала, что от поцелуя дети рождаются, вот такая я была недотепа. А на Новый год, если ты помнишь, я не выдержала и позволила тебе меня поцеловать, а потом с ужасом ждала, когда забеременею и ругала себя последними словами. Самое интересное, что и Танька тогда же с Колькой своим тоже целовалась и тоже ожидала таких же последствий. Какие мы были тогда наивные! А потом прошло положенное организму время, и мы обе убедились, что не беременны, а дети делаются немного не так.

Теперь уже от души рассмеялся Лешка: уж как делают детей, он знал: просветили более старшие товарищи. Хотя знания эти были чисто теоретическими, практикой в этом вопросе он похвастаться не мог, да и не хотел: чистая и наивная Светлана была единственной кандидатурой, но только после регистрации!

Отсмеявшись, Света вдруг спросила:

– Алеша, а ты знаешь, зачем я в прошлое воскресенье ездила в Приозерск?

– Нет, конечно. Мало ли какие могут быть у тебя дела? Не жена ведь пока.

– Вот именно, что пока! Мама у какой-то своей знакомой достала классный материал мне на свадебное платье. Импортный, силон называется. Красивый! Весь такой белый, полупрозрачный, с люрексом. Вот в этот приезд я и отдала его, чтобы платье пошить. Красивое будет платье у твоей невесты, длинное, до пят. Видишь, я тоже готовлюсь, хоть и заявление еще не подали.

– А когда я смогу это платье увидеть?

– Вот это – только на свадьбе. До свадьбы нельзя, примета плохая, не будет счастья в семье, если жених раньше времени увидит наряд своей невесты.

– Ты веришь в приметы?

– Я верю только в тебя, родной мой!

Проводив Светлану до ее общежития, в училище Лешка возвращался, весьма довольный собой и произошедшими событиями. Все-таки, несмотря на явное неудовольствие матери, он сумел проявить характер и настоять на своем. Ну, и что из того, что он невольно обманул мать насчет якобы поданного заявления? Разумеется, врать нехорошо.

шо, но это была именно ложь во благо: скажи он мамаше, что только собирается подавать это самое заявление, – та сумела бы его уговорить не делать подобного шага, в ее способности добиваться своего он вполне убедился во время каникул. Но пойти ей навстречу и отложить женитьбу значило потерять Светлану, а подобного Алексей не мог допустить никак. И потом, что Света сделала матери плохого, из-за чего та в довольно грубой форме отказалась с ней разговаривать? Впрочем, Лешка был уверен, что мать, убедившись в его непреклонном желании жениться, все же захочет познакомиться со своей будущей невесткой, а значит – надо ждать ее приезда в самое ближайшее время. Исходя из этого предположения, нужно предупредить Светлану, чтобы она была к этой встрече готова. Нет, все-таки он все сделал правильно, хоть и скребли на душе кошки, и осадок не самый хороший оставался после разговора с матерью, но иначе поступить он просто не мог!

«Так, – подумал Алексей, – увольнение заканчивается, впереди неделя учебы, поэтому пора отбросить посторонние мысли и возвращаться к суровым трудовым будням». В первую очередь, следует разобраться с дипломным проектом. Работа над ним подходила уже к концу: все параметры по заданию были просчитаны, пояснительная записка составлена и проверена куратором проекта майором Степаненко, поэтому все последние самоподготовки Лешка занимался вычерчиванием разработанных им объектов. Здесь дело тоже продвигалось достаточно споро: из трех положенных чертежей два уже были готовы, а последний, на котором надо было изобразить тот самый механизм очистки ходовой части, включенный в задание дополнительно, Алексей собирался закончить к концу наступающей недели, чтобы отчитаться перед дипломной комиссией в числе первых и закрыть этот вопрос. Все-таки помимо эксплуатации имеется еще довольно много предметов, требующих внимания. Да и госэкзамены не за горами, к ним тоже надо начинать готовиться.

Следующий день начался для курсантов четвертого взвода с неприятности: на утренней физзарядке при выполнении комплекса вольных упражнений внезапно почувствовал себя плохо Мишка Квашнин. Держась за правый бок, он присел на спортивную скамейку и на все распросы товарищей только мотал головой.

– Похоже на аппендицит, – оценил ситуацию Чернов. – Ты как, Миша, до санчасти дойдешь?

Тот утвердительно кивнул головой. Все же для страховки сержант отрядил вместе с ним еще Забалуева с Пчельниковым, которые и доставили стонущего Мишку в санчасть, а к обеду он уже был прооперирован в гарнизонном военном госпитале.

За суматохой дел и забот трудовой недели курсантам было не до Квашнина, но ближе к субботе было решено его навестить. Инициативу проявил комсорг на самоподготовке в пятницу:

– И не стыдно вам, ребята? – Слава Кривцов укоризненно оглядел всех, кто находился в классе. – Мишка там страдает в одиночестве, а вы – кто о чем, только о нем – ни слова! Пошли, завтра навестим его! Вита, отпустишь после обеда?

– Всех, конечно, не отпущу, – заметил зам. командира взвода. – Однако человек десять, наверно, с обеда можно будет и отпустить. Как, парни, справимся оставшимися силами с уборкой?

– Справимся! – раздался хор голосов.

– Ну, тогда решайте, кто пойдет. Старшим, – сержант посмотрел на Кривцова, – будешь ты, Слава! Остальных подбирай сам, но только равномерно с каждого отделения, чтобы и здесь кто-то остался выполнять задания старшины.

От первого отделения в состав группы посетителей был делегирован и Лешка Васильцов. Ребята скинулись, собрали некоторую сумму денег и, заехав попутно на рынок и накупив там фруктов, вскоре уже входили в двери хирургического отделения госпиталя.

Квашнина они застали в коридоре отделения. Уже начавший вставать с постели Мишка теперь расхаживался взад – вперед по коридору при помощи и в сопровождении высокой огненно-рыжей девицы. Все ребята, разумеется, знали, что Квашнин за время учебы успел жениться, развестись, снова жениться, но новую Мишину жену не знали и теперь гадали, кто же такая эта его помощница.

– Ай да Мишка! – с восхищением проговорил кто-то из парней. – И здесь не теряется!

– Здравствуйте, ребята! – Квашнин кинулся обниматься с пришедшими. – Кстати, знакомьтесь, это моя жена Тамара!

У парней хватило такта скрыть свое изумление Мишкиными успехами на любовном фронте и особый интерес к его новой жене, они обступили Михаила и завязали с ним оживленную беседу, передав Тамаре принесенные с собой припасы. Даже, что называется, невооруженным глазом было видно, как Квашнин обрадовался приходу друзей. Конечно, будучи по натуре парнем общительным, он здесь и без того не скучал, но одно дело, когда к тебе приходят родители или жена, и совсем другое, когда тебя навещают твои товарищи. У них ведь ты можешь узнать новости о происходящем в училище, и, тем более, с ними ты можешь говорить о том, о чем не рискнешь высказаться в другом окружении.

Алексей тоже находился в толпе, окружавшей Квашнина, и активно участвовал в разговоре, когда вдруг почувствовал, что кто-то сзади тронул его за руку. Он резко обернулся и обомлел: перед ним стояла Лариса, почти уже забытая им девушка, в которую он влюбился с первого взгляда в своем первом увольнении на первом курсе.

– Здравствуй, Алеша! – немного неуверенным голосом проговорила она. – Ты что здесь делаешь?

– Да вот товарища пришли проведать, – слегка растерявшись от неожиданной встречи, ответил Лешка. – Здравствуй, Лариса! А ты что, здесь работаешь?

Наверно, глупее вопрос придумать было трудно, поскольку в свое время Лариса сама ему об этом говорила, но красноречивее всего данный факт ее работы в госпитале подтверждали белый медицинский халат на плечах и такой же белый колпак на голове.

– Да, работаю в этом отделении палатной медицинской сестрой, и

сегодня как раз мое дежурство, – она не обратила на Лешкину растерянность никакого внимания, словно они расстались только вчера, а не целых три с лишним года назад. – Мы могли бы где-нибудь присесть и поговорить, как ты считаешь? Слушай, вон там, у окна, мой пост, когда будете уходить – подойди туда. Девочки меня подменят, и мы сможем спокойно поговорить без спешки.

– Хорошо, – только и нашелся, что ответить Алексей. Он еще долго смотрел вслед идущей по коридору девушке и не мог собраться с мыслями. Конечно, о прежних чувствах не могло быть и речи, сейчас в его жизни основное место занимала Светлана, Светик, его любовь и будущая жена, но и от Ларисы он не мог отмахнуться просто так: все-таки она ему когда-то нравилась... Да и поступила в итоге благородно, не стала морочить ему голову, а честно сказала, что выходит замуж.

Поэтому, когда ребята, вдоволь наговорившись с Мишкой, попрощались с ним, пожелав ему скорейшего выздоровления, и гурьбой пошли к выходу, Лешка, предупредив Славу Кривцова, что немного задержится и доберется до училища сам, направился в сторону поста, на котором дежурила Лариса, уже ожидавшая его:

– Сейчас, подожди минутку! – она исчезла в комнате с табличкой «Сестринская» и, спустя несколько мгновений, показалась оттуда уже в пальто, накинутаю поверх халата:

– Пошли на улицу, там присядем где-нибудь. Денек просто замечательный, чего в помещении париться!

Они вышли из отделения и присели на деревянную скамейку с ажурной металлической спинкой. Алексей во все глаза разглядывал Ларису: да, изменилась девушка за пролетевшие три года, похудела, черты лица как-то обострились, смуглая от природы, она еще больше потемнела лицом, что очень невыгодно для нее подчеркивала контрастирующая с кожей белизна ее медицинского халата.

Лариса перехватила взгляд Алексея и усмехнулась:

– Что смотришь? Постарела я, подурнела, так, что ли? Да не оправдывайся, я и сама знаю, что так, – она достала из кармана пальто коробок спичек и пачку сигарет и, не обращая внимания на Лешкино изумление, ловко прикурила одну из сигарет.

– Ты куришь? – удивился Лешка.

– Да, Алеша, с такой жизнью не только закуришь, – тихо ответила девушка, пуская кольцами дым в небеса. – А ты что, не куришь? Ну, тогда извини, что не спросила.

– Ладно, кури, я дым переносю нормально. А что это ты про жизнь заговорила? Ты ведь, насколько я помню, когда давала мне отставку, сказала, что замуж выходишь...

– Да побывала я замужем, выскочила, чтобы ты от меня отстал, не строил никаких иллюзий. Жалко мне тебя стало, все-таки ты был такой славный, юный мальчик, а я – уже женщина с опытом, парней как перчатки меняла, знала, что в жизни к чему. Хотя ты мне понравился, и кто знает, может у нас с тобой что и вышло бы, несмотря на разницу в возрасте, – в ее голосе прозвучала такая тоска, что Алексею ее стало искренне жаль.

Лариса выпустила еще несколько колечек дыма:

– Вот тогда я и вышла замуж, чтобы тебя окончательно забыть. Саша был летчиком, служил в авиационном полку, ты знаешь, где он находится. Я переехала к ним в городок, почти сразу забеременела, спустя время родила доченьку. Сначала жили мы хорошо. Саша, наверно, меня все-таки любил, ласковый был, пылинки с меня сдувал, в дочке души не чаял. А вот у меня к нему особых чувств не было, и он, видимо, это, в конце концов, понял. Стал на службе задерживаться, все чаще приходил выпивши. Ну и как результат – отстранили от полетов. После этого он совсем пошел вразнос, уже практически не просыхал, да и руку стал поднимать и на меня, и, что особенно страшно, на дочку. После нескольких таких случаев я вернулась с ребенком к маме в Крутогорье и подала на развод. А жить-то на что-то надо, алиментов с муженька я так и не дождалась. Пришлось идти обратно в госпиталь, кланяться начальнику и просить, чтобы взяли хоть кем. Хорошо еще, что наш Василий Герасимович, начальник госпиталя, человеком оказался, принял на работу, хоть и не операционной сестрой, кто мне сейчас операции доверит, навыки растеряла, а простой палатной. И на том спасибо!

– А ребенок твой где? – спросил пораженный услышанной исповедью Алексей.

– Мама смотрит. Оксанке всего два годика, в садик рано еще, не берут.

– А муж что, совсем не помогает? Его же ребенок!

– А нет его, мужа. Вскоре после того, как я от него ушла, он на мотоцикле разбился. По пьянке. И еще кого-то покалечил, кто к нему подсел, чтобы в магазин за водкой смотаться, мало им показалось. Даже приказа об увольнении не дождался, на два месяца опередил события. Вот так-то, Алеша!

Лариса сделала глубокую затяжку, выпустила приличное облако дыма и надолго замолчала. Молчал и Алексей, просто не знал, что сказать, чем ободрить эту неплохую, в общем-то, женщину, успевшую познать в жизни так много неприятных событий.

– Да, Алеша, а ты помнишь свою землячку Ирку Шитову? Ну, у которой мы с тобой познакомились? – после длительной паузы неожиданно спросила Лариса.

Алексей честно признался, что эту девицу он почти не помнит, она по большому счету его никогда не интересовала, а пришел он к ней тогда исключительно как к землячке, по просьбе своей матери, которая когда-то училась вместе с матерью Ирины.

– Так ты, выходит, про нее ничего не знаешь? – произнесла Лариса удовлетворенно, даже с каким-то налетом злорадства. – Теперь Ирка – моя подруга по несчастью, такая же мать – одиночка, как и я. Но я хотя бы разведенка, и в браке доченьку родила, а Ирка вообще нагуляла своего сыночка, и замужем не была. Вообще-то, по всем данным, отец ребенка – Вовка Горохов, ну, ты, может, помнишь парня, который хотел, чтоб его Вольдемаром звали? Он был тогда у Шитовых,

когда мы с тобой познакомились. Ирка за ним ухлестывала в надежде, что выйдет за него замуж и его отец устроит им будущее: за границу поможет свалить в какое-нибудь посольство или торгпредство, или тут выгодно пристроиться. А Вовка ей дите сделал, а жениться наотрез отказался: я, говорит, не уверен, что ребенок мой, Ирка со многими тягалась. И то верно – подруга моя монашкой никогда не была. Ну, вот, после того, как Вовка Ирину бросил, у нее была дикая истерика, хотела сделать аборт, да поздно уже, срок большой, никто не взялся. Чуть самоубийством не покончила, тетя Люба ее в последний момент из петли вытянула. Но потом Ирка смирилась, родила, университет бросила, сейчас вместе по двору коляски детские катаем. Но я-то хоть работаю...

– А этот самый Вольдемар что, так и не объявлялся? – спросил Алексей скорее из вежливости, чем из желания действительно что-то узнать об этом хлыще.

– Нет, – Лариса затушила окурок и выбросила его в урну. – У Ирки он, ясное дело, появиться не мог, а меня вообще никогда не интересовал. Один раз только она мне между делом сказала, что женился он, нашли ему невесту из их круга, дочку какой-то начальницы из горкома партии, но мне это было неинтересно, я ее никогда не видела, и знать не знаю.

«Зато я знаю, – подумал Лешка, – вот так, Анжелика, и вернулось все в твоей жизни на круги своя. Впрочем, бог тебе судья, такого муженька и врагу не пожелаешь, а он тебе достался».

– Ну, а ты сам-то как живешь, Алеша? – неожиданно спросила Лариса, застав его тем самым врасплох. – А то я все о себе, да о других... Не женился еще?

– Да нет пока, – собрался с мыслями Лешка. – Но собираюсь летом, как училище закончу. Знаешь, не хочу на чей-то шее сидеть, хотелось бы быть главой семьи не номинально, а фактически.

– И... невеста есть? – спросила, как показалось Алексею (а, может, просто показалось?), с тайной надеждой услышать отрицательный ответ, Лариса.

– Да, есть! – твердо ответил Лешка. – Есть замечательная девушка, мы любим друг друга и непременно этим летом поженимся! Как видишь, твое пожелание, что я еще встречу достойную меня девушку, сбылось.

– Я рада за тебя, Алеша, – сказала, поднимаясь со скамейки, Лариса. – Искренне рада, можешь мне поверить. Как хорошо, что хоть кому-то из нас повезло! Ну, все, мне пора. Приятно было с тобой повидаться и вспомнить хоть одну светлую страницу в своей жизни. Прощай, Алеша, и будь счастлив!

Она приложилась к его щеке в долгом поцелуе, а затем повернулась и, как-то ссутулившись, сунув руки в карманы пальто, направилась в сторону хирургического отделения, вскоре исчезнув в его входных дверях.

А время продолжало свой стремительный бег. Закончился март, начался апрель. Как и рассчитывал Алексей, в начале наступившего месяца он в числе первых защитил свой проект по эксплуатации, выдержав и отбив все атаки членов дипломной комиссии во главе с самим начальником кафедры, ответив на все их каверзные вопросы, что в итоге означало вполне заслуженную «пятерку». Выдохнув после этого с облегчением, Лешка стал готовиться к другим предметам, по многим из которых уже планировались контрольные занятия с выставлением итоговых оценок.

Как-то к ним в класс на самоподготовку заглянул преподаватель вождения танков подполковник Шорохов. Приняв доклад сержанта Чернова, он прошелся возле классной доски несколько раз взад – вперед, после чего обратился к курсантам:

– Ну, как, сынки, настроение? Будем танки под водой водить?

– Так точно, товарищ подполковник, а когда? – раздался хор голосов с мест.

– Когда – сейчас скажу. Вы расписание на завтра видели? Что скажете, товарищ сержант? – обратился преподаватель к Чернову.

– Действующее расписание заканчивается сегодняшним днем, а на следующие две недели учебный отдел еще данных не дал, потому и нового расписания еще нет, – спокойно ответил Шорохову поднявшийся из-за стола замкомвзвод.

– Вот! Поэтому я к вам сейчас и зашел, потому что чувствовал, что вы ни хрена не знаете. Непосредственно к вам у меня претензий нет, а вот к тем олухам из учебного отдела, что планируют занятия, – есть. Сидят себе там, штаны протирают, а занятия мне чуть не сорвали. В общем, так, сержант! – обратился подполковник к Чернову. – Завтра с утра у вас запланирована легководолазная подготовка. Поэтому сразу после завтрака приведете взвод к тренажерному комплексу. Знаете, где он находится?

– Так точно! – ответил заместитель командира взвода.

– Когда заведете курсантов внутрь комплекса, повернете направо и идете до бассейна, там я буду вас ожидать. При себе иметь плавки, в них вы полезете в бассейн, а также полотенца, чтоб потом смогли насухо вытереться. Все понятно?

– Так точно! – снова подтвердил сержант.

– Завтра будет первое практическое занятие перед подводным вождением, – продолжал подполковник. – В ходе его вы должны будете научиться пользоваться изолирующим аппаратом АТ-1, который входит в комплект нашего танка и предназначен для защиты экипажа от утопления в случае развития в ходе форсирования водной преграды нештатной ситуации. Те, кто служил ранее в танковых войсках на более старых типах танков, знают подобный прибор – изолирующий противогаз ИП-46. Знаете ведь, Крючковский?

– Так точно, товарищ подполковник! Не только знаю, но и не раз практически им пользовался.

– Так вот, названный мною аппарат АТ-1 пришел на замену ИПу, поскольку последний довольно громоздок, и в нем вы просто не поместитесь в новом танке. Принцип же их действия примерно одинаков. Впрочем, технические данные аппарата вы знаете, так как теоретические занятия по преодолению водных преград я уже с вами проводил. Затем – в расписании будет указано, когда – пройдет второе занятие, на этот раз в отсеке, где установлен макет танка, и где вы научитесь покидать танк в случае его затопления. Вот после этих двух практических занятий вы и будете допущены к выполнению упражнения № 5, которое называется «Вождение танков под водой», и выполнять его будете на нашем родном водохранилище в учебном центре.

– А когда, товарищ подполковник, мы практически пойдем под воду? – спросил, поднявшись со своего места и одернув гимнастерку, Слава Кривцов.

– В учебный центр, насколько я знаю, вы всем курсом отправитесь сразу после праздников, то есть, третьего мая, и будете там находиться месяц – полтора, поскольку только по моей части вы, кроме подводного вождения, еще будете сдавать шестое упражнение на получение классной квалификации. Ну, и, думаю, огневики тоже имеют какие-то виды на вас, да и кафедра тактики наверняка захочет каким-то образом вас там готовить к экзаменам. Так что, настраивайтесь на долгий срок! Ну, а завтра жду вас не позднее 9.00 в бассейне. Смотрите, сержант, не опаздывайте!

Шорохов уже покинул класс, курсанты продолжили заниматься каждый своим делом, исходя из индивидуально решаемых задач следующего дня, а оглушенный неожиданным сообщением подполковника Лешка все еще продолжал находиться в состоянии боксера, пропустившего нокаутирующий удар. Что делать? Черт бы побрал всех этих планировщиков из учебного отдела и прочих начальников! Нет, Алексей, конечно, догадывался, что в мае у них будет довольно длительный выезд в лагерь, но чтобы сразу после праздников, третьего числа?... А сегодня – уже середина апреля, до конца месяца остается всего два выходных дня! Черт, что делать, как успеть за оставшиеся апрельские дни съездить в Приозерск и подать в тамошний Дворец бракосочетания заявление о регистрации брака? А сделать это надо именно в апреле, поскольку из Улановки в Приозерск добраться будет намного сложнее, чем из Холмограда, практически невозможно, да и кто его во время занятий отпустит? Думай, курсант Васильцов, думай, безвыходных положений не бывает!

Так, спокойствие! Первым делом нужно увидеться со Светланой и договориться, когда они смогут вместе поехать в Приозерск. Это можно будет сделать и сегодня, прямо после самоподготовки, черт с ним, с ужином! Второй вопрос, который требовалось решить Алексею в связи с будущей женитьбой, был гораздо сложнее: на выезд в Приозерский гарнизон требовался отпускной билет. Значит, надо обращаться по команде к курсовому офицеру или напрямую к командиру роты, причем, второй вариант выглядел предпочтительнее: старший лейтенант Ковбасюк вряд ли захочет войти в положение и понять его, а вот майор

Родионов – вполне возможно. Но, с другой стороны, устав запрещает обращаться к одному командиру через голову другого, более младшего по своему служебному положению... И здесь – проблема! Ладно, сколько там до ближайшей субботы осталось? Три дня. Значит, время еще есть, и этот вопрос он постарается решить завтра – послезавтра. Сегодня же нужно непременно повидаться со Светланой!

Заручившись согласием сержанта Чернова, Алексей договорился с Володей Ветровым, что тот занесет в казарму его полевую сумку с секретными конспектами, и, как только услышал звонок об окончании самоподготовки, опрометью рванул в сторону трамвайной остановки. Сейчас у него на счету была каждая минута! Всю дорогу до студгородка он молил бога лишь об одном: только бы Светлана находилась на месте!

По счастью, все оказалось именно так, и вскоре вызванная по его просьбе девушка уже спустилась в вестибюль. Увидев Алексея, она радостно улыбнулась и одновременно встревожилась: вспотевший от быстрой ходьбы, красный, взъерошенный парень спешил к ней явно неспроста.

– Что случилось, Алешенька? – стараясь не выказывать тревоги, спросила она.

– Ничего не случилось, – Лешка стал понемногу приходить в себя. – Скажи, Светик, ты еще не передумала выходить за меня замуж?

– Да, господи, конечно, нет! – недоумение в голосе Светланы стало переходить в некоторое недовольство. – А в чем дело? Что за вопрос? Ты что, сам уже передумал?

– Тоже нет! Я по-прежнему хочу, чтобы ты стала моей женой. Но обстоятельства складываются так, что заявление в твой Дворец бракосочетания мы с тобой должны подать до конца апреля, так как уже третьего мая мы всем курсом уезжаем в лагерь на добрый месяц, а то и больше. Поэтому поехать в твой родной город с целью исполнения нашего намерения нам нужно в ближайшую субботу. Либо в следующую, но никак не позже! Что ты на это скажешь, будущая жена?

– Алешенька, родной мой, я согласна на любой вариант, только чтобы мы с тобой были вместе. Мне все равно, в ближайшую субботу мы подадим заявление или в следующую! Решай, как лучше и удобнее тебе.

– Спасибо, любимая! Но дело все в том, что со своим начальством я еще ничего не решил, это делать буду завтра, и, если меня отпустят, вечером тебе позвоню. Светик, давай договоримся: где-то с девяти до десяти вечера побудь, пожалуйста, в вестибюле возле телефона, я тебе обязательно позвоню, каков бы ни был результат. Договорились?

– Конечно. До завтра, Алеша! – она поцеловала его в щеку, и через мгновение Лешка, проскочив через входные двери, растворился в вечерних сумерках: надо было еще успеть вернуться в казарму до вечерней поверки.

На следующий день после завтрака Чернов привел взвод к тренажерному комплексу, возле дверей которого их уже нетерпеливо поджидал подполковник Шорохов. Видно было, что сегодня он не в настрое-

нии, но курсантам преподаватель ничего не сказал, велел лишь пройти в бассейн, там раздеться и в одних плавках построиться возле бортика. Когда это его распоряжение было выполнено, он обратился к строю:

– Итак, товарищи курсанты, начнем практическое занятие № 1 по легководолазной подготовке. Вас, – подполковник посмотрел список взвода, – 30 человек, поэтому разобьем взвод на две смены. Первая смена – это номера списка с первого по шестнадцатый включительно, вторая смена – все остальные. В сменах должно быть четное число людей, почему – узнаете чуть позже. Пока вопросов нет?

Пока вопросов не было. Шорохов взял в руки один из лежавших на бортике бассейна комплектов изолирующих приборов:

– Хорошо, поехали дальше. Вот у меня в руках комплект прибора АТ-1. На предыдущих занятиях вы его уже изучали, поэтому на предметах, его составляющих, порядке приведения в рабочее состояние и, вообще, обращению с ним я останавливаться не буду. Это мне расскажете вы. Коротко и понятно. По-военному.

Преподаватель опросил нескольких курсантов, выставил им оценки и, довольный, снова обратился ко взводу:

– Молодцы, теорию знаете. Поэтому перейдем к практике. Внимание всем! Те 16 человек, фамилии которых я назову, остаются на месте, всем остальным отойти назад и расположиться на скамейках! – преподаватель указал место, где должна была разместиться вторая группа ребят.

Когда отданное им распоряжение было выполнено, подполковник перестроил оставшуюся на месте группу в две шеренги, после чего дал команду уже восьми курсантам, оказавшимся в первом ряду, взять комплекты изолирующего прибора, внимательно рассмотреть их, проверить комплектность, но пока не надевать.

– А теперь слушайте, почему вас в смене должно быть четное количество. Восемь человек, что получили изолирующие приборы, через несколько минут по моей команде погрузятся с ними в воду и пойдут потихоньку вдоль бассейна, придерживаясь одной рукой за леерное ограждение, вон за ту трубу, что идет по всему контуру бассейна на метровой глубине, видите? При этом второй рукой вам нужно будет держаться за веревку, которую возьмете при заходе в воду. Понятно? Другой конец этой веревки будет находиться в руках одного из тех курсантов, что составляют вторую восьмерку. Это – так называемые страховщики, они будут страховать нахождение в воде первой группы. Потом по моей команде поменяетесь местами, а затем такие же действия отработает ваша вторая смена. Вопросы есть?

Строй молчал.

– Теперь главное – сигналы оповещения. Страховщики, чье место – над бассейном, будут периодически справляться о самочувствии находящихся в воде, дергая за веревку один раз. Если у тех, кто путешествует по бассейну, все будет в порядке, они в ответ тоже должны дернуть к себе веревку, и тоже один раз. Ну, а если у находящихся в бассейне что-то не в порядке, ну, к примеру, дышать тяжело или еще что-то вам не нравится – дерните за веревку несколько раз и немед-

ленно всплывайте! Если команда на всплытие последует от меня – страховщик тоже дернет за веревку несколько раз. Ясно? Вопросы есть?

Вопросов не было. Тогда преподаватель отправил вторую восьмерку к уходящей в воду металлической лесенке, предназначенной для спуска в бассейн, где были сложены веревки, и обратился уже к первой группе, в составе которой оказался и Алексей:

– Ну, как, рассмотрели приборы? В таком случае надевайте все составляющие части комплектов на себя, закрепляйте их, как положено, и приводите в действие. Все, как я вас учил. Проблем ни у кого нет? Что ж, хорошо. Теперь немного постоит в них, подышите. Если все нормально – поднять вверх руки! И ничего не бойтесь.

По правде говоря, Лешке было немного страшновато: все-таки в этом явлении приобщения к подводному миру было что-то таинственное, неведомое ранее, но он пересилил себя: ну чего он боится? Дышать вроде нормально, одышки никакой не намечается. И он поднял руку.

Проблем, очевидно, не было ни у кого из группы, ибо несколько секунд спустя подполковник подал новую команду:

– Нале-во! Тихо, спокойно заходим в воду! Не забудьте захватить с собой страховочные концы. Вперед, сынки!

Подобрав возле лесенки конец веревки и не заметив даже, кто его страхует, Алексей плавно сошел в воду, погрузившись с головой. Тело сразу потянуло наверх, и он тотчас ухватился за леерную трубу, одновременно почувствовав, как его дернули сверху за веревку. Он дернул в ответ тоже один раз: в самом деле, все действительно в порядке, вода теплая, дышится свободно. Он пошел, вернее, поплыл дальше, стараясь все время находиться полностью погруженным в воду и периодически отвечая на одиночные запросы сверху. Сколько времени так продолжалось, он не знал. Наконец веревка в его руке дернулась несколько раз, и Лешка, медленно выбравшись из воды, по команде преподавателя снял маску.

– Молодец! – коротко резюмировал Шорохов и отметил его фамилию в списке взвода. Теперь Алексею предстояло перейти в ряды страховщиков и держать на привязи Мишу Белкина.

Занятие плавно шло своим чередом дальше, и, казалось, ничто не предвещало неприятностей, но ЧП все же случилось. Во второй смене, ближе к концу занятия. Сидевший на скамейке, уже обсохший и одетый Алексей вдруг увидел, как страховавший кого-то на бортике бассейна Кривцов что-то крикнул, что – со скамейки было не разобрать, и резко потянул за веревку. Над поверхностью воды показалось безжизненное тело Юрика Хачиняна. Несколько подбежавших ребят вытащили парня из бассейна, сделали ему искусственное дыхание, и он открыл глаза. При всем при этом Алексей не мог не отметить самообладание подполковника: тот жестом приказал остальным страхующим продолжать свои действия, а сам подошел к Кривцову:

– Ну, что у тебя тут случилось?

– Ничего не пойму, товарищ подполковник, – недоуменно ответил Славка. – Я ведь перед этим сам запросил у него, как его состояние, он ответил, соответственно, тоже один раз. И тут у меня что-то сработало

в голове, инстинкт какой-то, я сразу потянул его наверх, вытащил, а он не дышит...

– А ты, джигит, что скажешь? – обратился Шорохов к уже пришедшему в себя Хачиняну. – Напугал ты меня сегодня, парень!

– Вах! Совсем не знаю, товарищ подполковник, – черные глаза Юрика возбужденно блестели. – Как Вы сказал, я все сделал, в бассейн зашел, Слава-джан меня все время за веревка дергал, я отвечал, а тут ответил – и ничего не помню. Очнулся уже на полу...

– Да-а, – почесал свою седую шевелюру подполковник. – Были мы сегодня, сынки, в шаге от большой неприятности. Прибор мы, конечно, изымем и проверим, но сдается мне, все дело в неплотно зажатой его нижней крышке. Или регенеративный патрон, в котором происходит обмен выдыхаемого вами углекислого газа на кислород, подвел. Так или иначе, а, скорее всего, в патрон каким-то образом просочилась вода, и образовалась пленка, препятствующая воздухообмену. Причем, не резко, сразу, а постепенно, поэтому юноша и дышал, и ответы давал. До поры до времени. Словом, честь и хвала интуиции курсанта Кривцова, а вам всем, да и мне, старому дураку, наука: в нашем деле мелочей не бывает, на все нужно обращать внимание. И хотя всех случайностей не предусмотреть, все-таки уменьшить их вероятность можно. Все! Свободны! Готовьтесь ко второму упражнению!

После обеда Алексей решил воспользоваться временем отдыха и, пока не дали команду строиться на самоподготовку, попытаться реализовать вторую часть своего плана поездки в Приозерск. Первым делом, он осмотрелся. Так, майор Родионов в канцелярии, а вот старшего лейтенанта Кувбасюка, слава богу, не видно, да и с утра в расположении его не было. Значит, надо идти к командиру роты! Алексей постучал в дверь и, получив разрешение, вошел в канцелярию роты:

– Товарищ майор! Разрешите обратиться по личному вопросу! Курсант Васильцов.

– Обращайся, Васильцов! Что там у тебя стряслось?

– Вопрос жизни и смерти, товарищ майор!

– Даже так? Ну, тогда я весь – внимание, слушаю тебя.

– Товарищ майор, разрешите для начала задать вопрос? Это правда, что мы третьего мая уезжаем на месяц в лагерь?

– Правда. Вот первомайские праздники отгуляем, и с утра третьего – в учебный центр. Весь курс едет. Это последний учебный выезд, которым вы завершаете всю программу обучения, и вам останется только заезд на пару дней в июле для сдачи государственного экзамена по огневой подготовке. А почему тебя это так интересует?

– Товарищ майор! Я прошу Вашего разрешения выехать в ближайшую субботу на двое суток в Приозерск, чтобы подать заявление в ЗАГС для регистрации брака.

– Ишь ты! Тоже жениться собрался? А говорил мне – рано еще, – усмехнулся ротный, сегодня он был настроен добродушно, это Алексей понял с самого начала разговора.

– Так я же, товарищ майор, не завтра жениться собираюсь, а в августе, когда офицером стану. Просто заявление нужно подавать заранее,

за три месяца, Мы хотели в мае это сделать, но теперь никак не получится: из Улановки до Приозерска намного сложнее добраться, чем отсюда.

– Невесту, стало быть, в Приозерске нашел?

– Так точно! Вообще-то она студентка, здесь, в Холмограде учится в финансово-экономическом институте и живет в общежитии в студгородке на проспекте Большевиков. Но сама она родом из Приозерска, там ее родители живут, поэтому и свадьба будет там.

– И как, хорошая девушка, не пожалеешь потом?

– Никак нет! Светлана – замечательная девушка, товарищ майор! – с горячностью воскликнул Лешка. – Мы уже почти год знакомы, и я уверен в ней, как в себе!

– Что же мне с тобой делать, Васильцов? – в задумчивости ротный поднялся из-за стола и прошелся по комнате. – Курсант ты хороший, учишься на «отлично», на красный диплом идешь, да и настроен на семейную жизнь, судя по всему, достаточно серьезно. Но Приозерск – это другой гарнизон, туда нужен отпускной билет, которого у меня нет, поскольку их оформляют в строевом отделе училища. Ладно. Садись, вот тебе лист бумаги, пиши рапорт на мое имя с просьбой предоставить тебе двое суток отпуска по семейным обстоятельствам для регистрации брака! Остальное я сам подпишу, и отпускной тебе будет! Только веди себя в Приозерске прилично и, лучше всего, на глаза патрулю вообще старайся не попадаться. Иначе – придерутся к чему-нибудь, заберут в комендатуру, а выручать тебя оттуда я не поеду, и без тебя хлопот хватает!

– Спасибо, товарищ майор! – не помня себя от радости, Алексей быстро написал рапорт и, отдав его командиру роты, попросил разрешения идти. В ответ майор только устало махнул рукой.

Вечером Лешка уже звонил Светлане:

– Все в порядке, Светик! Меня отпускают с утра в субботу. Теперь надо, чтобы мы с тобой как можно раньше выехали из Холмограда. Часам к десяти ты сможешь быть на вокзале?

– А как же занятия? – отозвалась телефонная трубка голосом его любимой.

– Какие занятия, Света? Мы с тобой должны заявление подать, и обязательно в субботу! Придумайте там с Танькой что-нибудь, какую-нибудь причину, чтобы объяснить твое отсутствие, но мы с тобой должны выехать в Приозерск не позже десяти часов, чтобы успеть во Дворец бракосочетания до его закрытия.

– Хорошо, хорошо, родной, не беспокойся, все будет нормально! Встречаемся в десять часов в субботу на нашем месте! Целую!

Вечером следующего дня майор Родионов, еще раз проинструктиввав Алексея, вручил ему обещанный отпускной билет, а еще через два дня Алексей и Светлана приехали в Приозерск и сразу направились во Дворец бракосочетания. Здесь счастливых молодоженов ждал неприятный сюрприз: для того, чтобы зарегистрировать брак в августе, заявление следовало подавать в мае, и только в мае, ни на один день раньше! Напрасно Лешка убеждал заведующую, что в мае он будет да-

леко от их города и приехать не сможет, а в силу специфики военной службы они должны зарегистрироваться именно в августе. Женщина только разводила руками:

– Ну, что я могу поделать, молодой человек? Не имею я права удлинять срок ожидания! Меня ведь тоже проверяют. Если хотите, поставлю вас на очередь на конец июля. Какая Вам разница: день туда – день сюда, зато порядок будет соблюден.

– Ладно, – посоветовавшись со Светланой, решил Алексей. – Давайте назначим нашу регистрацию на 31-е июля!

– Хорошо, – заведующая посмотрела свой график. – К сожалению, день 31 июля весь уже расписан полностью. Есть одно «окно» накануне этого дня, 30-го июля. Как, оставлять его за Вами?

– Оставляйте! – скрепя сердце, согласился Лешка и, когда после оформления всех документов они вышли на улицу, объяснил счастливой, улыбающейся Светлане причину своего недовольства:

– Понимаешь, Светик, я ведь не знаю, когда у нас в училище будет выпускной. А вдруг – тоже тридцатого? Мне тогда нужно будет одновременно находиться и во Дворце, в Приозерске, и на плацу родного училища, а раздвоиться у меня никак не получится.

– Ничего, Алешенька, придумаем что-нибудь, – Светлана все еще была во власти эмоций. – Главное – мы заявление подали, осуществилась моя мечта: меня приведет во Дворец бракосочетания мой любимый человек! А сейчас – домой! Ух, как мама с папой нас ждут! И Петька сегодня дома. Полный сбор получился в честь нас с тобой!

Глядя на радостно оживленную, буквально светящуюся от счастья девушку, стал успокаиваться и Алексей, смутное беспокойства от даты их регистрации постепенно стало как-то затухать и куда-то уходить. «В самом деле, – подумал он, – маловероятно, чтобы выпуск и свадьба совпали день в день, а и совпадут – придумаем что-нибудь, сейчас же не стоит своим хмурым видом портить праздник этой славной, милой девушке, да и себе тоже». Он еще раз с удовольствием вспомнил, как при заполнении стандартного бланка Света на вопрос заведующей, согласна ли она после регистрации носить фамилию мужа, с гордостью ответила: «Конечно, буду Васильцовой!».

Дома дверь им открыла Ольга Ивановна. Светлана сразу бросилась ей на шею:

– Мамочка, поздравь, мы подали заявление! Свадьба 30 июля!

— Конечно, поздравляю, дети! – мать Светы даже прослезилась. – Теперь и ты, Светлана, и ты, Алеша, – оба мои дети. Алеша, не будешь обижаться, если я тебя стану считать своим сыном?

– Да что Вы, Ольга Ивановна! Сочту за честь такое обращение, – покраснев, ответил Лешка.

– Вот и славно! А сейчас давайте к столу, время обеда, только вас и ждали, – Ольга Ивановна гостеприимно распахнула дверь в квартиру, где в прихожей их уже ждали с поздравлениями Светины отец и брат.

– Интересно, как они узнали, что мы приедем, да еще с какой целью? – вполголоса спросил Алексей у девушки, пристраивая на ве-

шалке свою шинель и ее пальто, когда увидел в соседней комнате празднично накрытый стол.

– А я сообщила, – раскрыла тайну Светлана. – После того, как ты мне позвонил, я набрала номер Марии Петровны, это наша соседка с первого этажа, у нее есть телефон, и попросила передать маме, что мы приедем. Она и передала. Вообще, здесь у нас соседи дружные, если что надо – всегда выручат. Не обижайся, милый, за такую мою инициативу, это ведь праздник, а мне так хочется праздника!

– Да кто тебе сказал, что я обижаюсь? – удивился Алексей. – Для меня это тоже праздник, которого я давно ждал. Тем более, как я надеюсь, больше заявлений мне не придется подавать никогда. Да и какие чувства могут быть, когда рядом со мной такая красавица! – он обнял и поцеловал моментально покрасневшую девушку.

– Эй, молодежь, хорош целоваться! – в прихожую выглянул Петр. – Вся жизнь впереди, еще нацелуетесь! А то нас мать за стол не пускает. Ходим вокруг, облизываемся, а без вас, главных именинников, садиться за стол нельзя!

За обедом царила обычная для этой семьи веселая, непринужденная обстановка, и Лешка еще раз подумал: как же ему повезло оказаться в скором будущем ее частью!

На следующий день после обеда довольные, что выполнили то, ради чего приехали, к тому же хорошо отдохнувшие, молодожены собрались в обратный путь. И здесь не обошлось без помощи соседей. Едва только Алексей в разговоре упомянул, что ему не совсем желательно появляться на вокзале из-за возможной встречи с военным патрулем, как Петька тут же договорился с одним из соседей, Михаилом, и тот на своем «Москвиче» подбросил Алексея со Светланой в Некрасово, на следующую за Приозерском остановку электрички, где патрулей не было.

В вагоне поезда речь зашла о возможных свидетелях на их свадьбе.

– Попрошу Танюху Солдатову, ты ее знаешь, это моя самая близкая подруга, к тому же веселая, – вопросительно–утвердительно высказалась Светлана.

– А с моей стороны, наверно, будет Паша Зубов, – предположил Лешка, – мой тригорский земляк. Из десяти человек, что первоначально приехали поступать в училище, только мы с ним и удержались!

– А этот твой земляк мою подругу не соблазнит? – с подковыркой спросила Света. – Смотри, у Таньки очень серьезные отношения с Юлей Вороновым, там тоже дело к свадьбе идет.

– Да нет, за это волноваться не стоит, Пашка – убежденный холостяк, – успокоил невесту Алексей.

Прибыв в Холмоград, молодые распрощались, договорившись встретиться в следующее воскресенье, и счастливый Лешка поспешил в казарму, где попал в дружеские объятия своих товарищей, разумеется, знавших, куда и зачем он ездил. Вечером, дождавшись из увольнения Зубова, Алексей прямо спросил: согласен ли тот стать свидетелем на его свадьбе 30 июля?

– Конечно, согласен, – немедленно ответил Пашка. – Вот переженю вас всех, кого можно, а потом и сам пойду с чистой совестью под венец.

Учеба, между тем, продолжалась. Из вывешенного накануне расписания ребята узнали, что через день, во вторник, для них запланировано второе занятие по легководолазной подготовке, а накануне, в понедельник, им об этом же сообщил курсовой офицер:

– Смысл занятия в том, чтобы в случае затопления танка научить экипаж организованно этот танк покинуть, – разъяснил старший лейтенант Ковбасюк. – Поэтому на данном конкретном занятии вы будете распределены по экипажам, и в составах экипажей сначала займете места в макете танка, наденете и приведете в действие свои изолирующие противогазы, а потом, после того, как макет заполнится водой, будете организованно оттуда выходить. Ну, а как вам нужно будет действовать – это уже вам подполковник Шорохов расскажет, не буду отбирать у него хлеб.

– А что нам нужно будет иметь с собой? – поинтересовался сержант Чернов.

– Существенный вопрос, – не задержался с ответом Ковбасюк. – С собой каждому нужно будет иметь по одному запасному комплекту хлопчатобумажного обмундирования и сапоги, последние – можно без портянок. И запасные головные уборы тоже не нужны. А то, что нужно, с вечера получить у старшины роты и аккуратно сложить под своими койками, чтоб утром не заниматься лишними поисками, так как некогда будет. Все ясно, Чернов? Заниматься будете в том же тренажерном комплексе, где и в прошлый раз, только в другом его отсеке. Там уже вами будет руководить преподаватель.

– Ну, что, к занятию, я смотрю, вы готовы, – с удовлетворением констатировал подполковник Шорохов, приняв у входа в тренажерный комплекс доклад сержанта Чернова. – Поэтому без раскачки сразу приступим к делу. Сейчас всем пройти в зал № 4, это напротив бассейна, где вы ранее бултыхались! В этом зале всем переодеться в сменный комплект обмундирования, переобуть сапоги, построиться и ждать команды!

После выполнения данного распоряжения Шорохов приказал перестроить взвод в четыре шеренги, а оказавшихся ближе всех к нему, в первой шеренге, назначил командирами экипажей, объяснив свои действия следующим образом:

– Все, стоящие в затылок командирам, – это их экипажи. Пусть вас не смущает то обстоятельство, что в экипажах будет по 4 человека. Просто макет нашего, условно говоря, танка изготавливался раньше и рассчитан был на более старую технику. Для вас это не принципиально и на ваши действия никак не повлияет. А порядок действий будет следующий. Очередной экипаж получает у меня комплекты изолирующих приборов АТ-1, закрепляет их на себе, затем вон через ту дверь, – подполковник показал, через какую, – занимает места в макете и докладывает мне о готовности, ударив один раз металлическим предметом по корпусу. Далее, по моей команде – один удар по корпусу «танка», только на сей раз снаружи – собираетесь возле своих командиров, надеваете маски и приводите в рабочее состояние свои аппараты. Докладываете мне о самочувствии тем же способом, что и ранее. Потом макет запол-

нится водой, не переживайте, вода теплая. Опять сообщаете мне о своем состоянии и, если все в порядке, открываете дверцу в нижней части корпуса и выныриваете в ванну, из которой и вылезаете в наш лучший из миров. Понятен порядок действий?

– Так точно! – нестройно ответило несколько человек, остальные, видимо, пребывали в задумчивости, все еще переваривая полученную информацию.

– Обращаю внимание командиров экипажей: все трое ваших членов экипажей должны держаться за вашу руку, и вообще вам нужно чувствовать друг друга! Тогда в той темени, что будет вас окружать в танке, вы сможете избежать паники. Это вам – на будущее. И сигналы не забывайте подавать! Если все штатно – один удар! Если же случится какая-либо нештатная ситуация – произведете несколько, ну, не более десятка ударов и покинете «танк» через ту же дверь, через которую в него входили. За действия экипажей отвечают их командиры, как положено по уставу. Все! Сейчас первому экипажу получить изолирующие приборы, проверить и закрепить их на себе, после чего я проверяю вашу готовность, и по моей команде вы занимаете места в «танке». Далее – действуете, как я вам уже говорил. Следующий экипаж также получает изолирующие комплекты, проверяет их, надевает и находится возле макета в готовности к действиям! Остальным – наблюдать и оценивать действия своих товарищей, дабы не повторять самим возможные их ошибки!

Лешка, попавший в пятый по счету экипаж, с интересом наблюдал, как его товарищи из первой четверки под командованием младшего сержанта Васи Иванова заняли места в макете. Затем они, вынырнув откуда-то снизу корпуса,плыли к выходу из ванны, к легкой металлической лесенке, поднявшись по которой, снимали маски, а потом – и полностью комплекты. Васька при этом весело подмигнул всем и поднял верх большой палец: здорово, мол!

– Ты что, заснул? – подтолкнул Алексея в бок назначенный командиром их экипажа Толя Павловский. – Пошли, наша очередь в резерве стоять. Сейчас комплекты получать будем.

Нахождение в резерве было недолгим, и вот уже все четверо курсантов с закрепленными на них составными элементами прибора АТ-1 заняли места в макете, просторной и пустой железной коробке с тускло мерцающим под потолком небольшим плафоном. В неверном свете лампочки Лешка все же разглядел в нижней части корпуса люк, через который им и предстояло десантироваться. Павловский плотно закрыл дверцу, через которую они вошли, и взял в руки лежавший здесь же здоровенный гаечный ключ:

– Пацаны, внимание! Сейчас запускаем регенеративные патроны, надеваем маски! Если все в порядке, подгребайте ко мне и берите меня за руку! Все! Поехали!

Привести в действие изолирующий прибор для Алексея проблемы не составило. Он запустил патрон, сделал несколько вдохов – выдохов: все, как будто, нормально. Тогда он надел маску и протиснулся ближе к командиру, взяв того за руку. В окулярах маски он увидел,

как рядом с ним встали и другие члены их экипажа, Коля Синева и Миша Забалуев. В этот момент Толик Павловский ударил ключом по стенке корпуса. За стенкой глухо прозвучал звук ответного удара, тут же погас свет, и откуда-то сверху мощным потоком хлынула вода. «В самом деле, теплая, – успел подумать Лешка, – хотя все равно в мокром обмундировании находиться неприятно».

Вода быстро заполнила все пространство внутри макета. Снаружи по корпусу снова ударили один раз. Толик по очереди пожал всем трем ребятам руки, получил в ответ аналогичное пожатие и тоже ударил один раз металлом по металлу в ответ. Снаружи ударили по корпусу несколько раз, после чего Толя открыл защелку люка в нижней части макета, того самого люка, который успел рассмотреть Лешка перед затоплением «танка». В крошечной темноте проявилось светлое окно, к которому Павловский как командир первым подтолкнул Синеву, затем всех остальных и последним выплыл сам. Все, их экипаж задание выполнил!

Когда все курсанты взвода сняли с себя и отжали мокрую одежду и вылили воду из сапог, после чего переоделись в свою сухую повседневную форму, подполковник Шорохов подвел итоги занятия:

– Все, товарищи курсанты, оба упражнения по легководолазной подготовке вы выполнили, зачеты получили все, и теперь я с чистой совестью могу допустить вас к подводному вождению танков. Так что, до встречи на вододроме!

Тем временем, приближались майские праздники, и Алексей уже планировал, как проведет их, предвкушая удовольствие от предстоящей встречи со Светланой. Конечно, в первую половину дня первого мая их, как обычно, задействуют в оцеплении праздничной демонстрации, зато вторая половина этого дня и весь следующий – это уже их время! В его голове, правда, промелькнула мысль, что Свете, наверно, и к родителям в Приозерск нужно съездить, но он сразу отогнал ее от себя. Во-первых, навряд ли сама девушка предпочтет своих родителей ему, любимому, по ее словам, человеку, без пяти минут мужу. А, во-вторых, для поездки к родителям у Светланы впереди целый месяц, когда они с Алексеем не смогут встречаться: из Улановки выбраться не так-то просто. Так или иначе, а надо прикинуть, на какие кинофильмы ее надо будет сводить, которых она еще не видела. Или пригласить в клуб училища на вечер, «Эпицентр» же будет играть!

Однако расчеты расчетами, а жизнь свои коррективы в его планы внесла: за несколько дней до конца апреля мать телеграммой вызвала его на телефонные переговоры, из которых Лешка узнал, что она собирается вечером тридцатого приехать в Холмоград, а первого мая просит подождать ее на КПП училища для какого-то разговора. В ответ Алексей уточнил, что в этот день, первого мая, освободится он только к обеду, и, в свою очередь, спросил: не желает ли она познакомиться с его невестой? После небольшой паузы мать ответила согласием.

Лешка ликовал. Он и до этого дня где-то в глубине души думал, что мать все же захочет увидеть свою будущую невестку, но, зная материн характер и ее настрой, так наглядно проявившийся во время его кани-

кул, уверен в этом совсем не был. А тут все выходило как нельзя лучше.

Светлану его сообщение о приезде матери изрядно всполошило:

– Ой, Алеша, я боюсь с твоей матерью встречаться. Она и так против меня настроена, а вдруг я не смогу ей угодить и совсем ее разочарую? Да и надеть мне нечего, все мои парадные вещи в Приозерске, а съездить за ними я уже не успею...

– Ничего не бойся! – успокоил ее Алексей. – С одеждой не мудри, надевай свое обычное простое платье, сделай обычную, как все время ходишь, прическу, и не старайся ей в чем-то угодить. Держи себя скромно, но с достоинством. В конце концов, ты же за меня выходишь замуж, а не за нее! Не бойся, не съест она тебя, я буду рядом и такого безобразия не допущу.

Договорились, что после демонстрации Светлана возвращается в общежитие, и будет там ждать Лешку столько, сколько потребуется, никуда не отлучаясь.

Когда автомобили с курсантами, возвращавшимися с Центральной площади, въезжали в ворота училища, Алексей в толпе присутствующих увидел мать и, поскольку машина была открытой, помахал ей рукой, не будучи, правда, уверенным, что она его заметила. Затем решил все вопросы со своим увольнением и, так как ни первого, ни второго мая он в нарядах задействован не был, получил разрешение от сержанта Чернова убыть в город, чем сразу воспользовался и рванул на КПП.

Мать искренне (во всяком случае, так Алексею показалось) ему обрадовалась, стала расспрашивать его обо всех сторонах курсантской жизни, обходя только вопросы, связанные с женитьбой. Лешка понял, что направлять разговор в нужное русло придется ему:

– Мама, а на сколько ты приехала и где остановилась?

– Как и раньше, в гостинице «Заря», ты ее знаешь. А уеду я сегодня вечером, больше задерживаться дела не позволяют, да и Серого одного надолго оставлять нельзя.

– Я почему спрашиваю, мамуля, об этом. Давай сделаем так: сейчас мы вместе поедem в гостиницу, я тебя там на некоторое время оставлю, а сам съезжу за Светланой. Студенческий городок от гостиницы недалеко, а она ждет меня в своем общежитии.

– А, может, сынок, ты все-таки передумаешь жениться? – спросила мать, когда они уже подъехали к гостинице, и в голосе у нее было столько надежды, что Алексею стало не по себе.

– Нет, мама, не передумаю! – с трудом, но, все же пересилив себя, ответил Алексей. – Все, ты поднимайся к себе, а я поехал за Светой. Я по дороге тортик куплю, чтоб по ходу знакомства хотя бы чаю попить.

Когда Лешка появился в общежитии, Светлана уже ожидала его, нервно прохаживаясь по вестибюлю. Алексей невольно залюбовался ею. В простом светлом платье с редкими цветочками и в наброшенной поверх него розовой кофточке она выглядела достаточно элегантно и привлекательно. Образ скромницы-студентки дополняла небольшая сумочка, удерживаемая длинным ремешком на одном плече.

– Ну, что, Светик, поехали! – Лешка сразу взял быка за рога. – А ты молодец, оделась просто, но со вкусом. Не знаю, как моей мамаше, а мне ты уже определенно нравишься.

Светлана на эти слова только слабо улыбнулась в ответ.

Купив в соседнем «Гастрономе» торт и бутылку лимонада (где там, в гостинице, чай кипятить?), молодые люди поднялись по широкой лестнице, и Алексей постучал в дверь нужного номера.

– Да! Входите! – ответил голос его матери.

– Ну, вот, мама, знакомься, это – моя Светлана! – вошедший первым Лешка представил девушку.

– Здравствуйте, Анна Николаевна! – голос Светланы звучал ровно и спокойно, словно она и не испытывала никакой робости.

«Молодец, – порадовался за любимую Лешка, – взяла себя в руки».

– Здравствуйте! – мать во все глаза довольно бесцеремонно разглядывала девушку. – Ну, что же, проходите к столу, будем знакомиться. Расскажите о себе, кто Вы, чем занимаетесь. Мне хотелось бы побольше узнать о человеке, с которым мой сын хочет связать свою жизнь.

– Что я могу о себе рассказать? Зовут меня Светлана, это уже Алеша Вам сказал. Мне двадцать лет, я – студентка финансово-экономического института, учусь на втором курсе экономического факультета. Родители мои живут в Приозерске, работают на тракторном заводе. Есть еще старший брат, он отслужил в армии, и сейчас работает шофером в местной автоколонне. Что еще Вас интересует?

– А почему Вы, Светлана, в Ваши двадцать лет учитесь только на втором курсе?

– Да я после школы хотела поступать в медицинский, но не прошла по конкурсу. После этого год поработала и решила судьбу еще раз не искушать, ну и поступила туда, где конкурс поменьше. В конце концов, всякие профессии важны, если честно исполнять свои обязанности.

Лешка тем временем разрезал торт на более мелкие порции, открыл лимонад и разлил его по стаканам:

– Ну, что мы так сидим? Давайте хоть лимонада выпьем за знакомство! И тортом закусим.

Ни мать, ни Светлана не обратили на его слова никакого внимания и продолжили свой диалог.

– А скажите, Светлана, Вам не кажется, что Вы все-таки рановато выходите замуж? Может, стоило бы сначала окончить институт, приобрести профессию?

– А кто или что мне помешает сделать это в дальнейшем? Институт можно закончить и будучи замужем.

– А как дети пойдут?

– Что – дети? Это для учебы не помеха, если рядом любящий тебя и всегда готовый прийти на помощь человек. Кроме того, могут помочь мои родители, на крайний случай можно взять академический отпуск.

– Мама, ты ведь тоже свой институт закончила, когда я уже родилась, – встрял в разговор Алексей.

– Тогда другое время было, – отрезала, не глядя на него, мать.

– По-моему, время всегда одинаково, если люди любят друг друга, – задумчиво произнесла Светлана и, глядя с вызовом на мать, закончила свою мысль. – А я люблю Вашего сына, Анна Николаевна!

– Неужели? – воскликнула, словно задетая за живое, мать.

– Да, представьте себе! И готова за ним идти, куда угодно, куда бы его ни послали. Хоть на край света, я всегда буду рядом!

Они еще немного посидели, поговорили, но теплого, доверительно-го разговора, на который рассчитывал Лешка, у них так и не получилось. Все старания Алексея и Светланы хоть как-то, что называется, очеловечить беседу, перевести ее в более доброе, сердечное русло результата не дали: мать словно установила вокруг себя невидимый, но непробиваемый панцирь, о который разбивались все их благие намерения. Повод к окончанию встречи дала также она:

– Светлана, позвольте задать Вам нескромный вопрос: а Вы, случайно, не беременны? Может, в этом и состоит причина, по которой Вы так стремитесь замуж?

– Да как Вы смеете? Да у нас с Алешей ничего не было такого, о чем Вы подумали, и не будет до свадьбы! И ни с кем у меня никогда ничего подобного не было! – девушка в гневе выскочила из-за стола, но быстро взяла себя в руки. – Простите, Анна Николаевна, но мне надо идти. Есть одно неотложное дело в институте, решить которое я должна обязательно сегодня. В институте меня ждут. До свидания, Анна Николаевна!

– До свидания! – мать даже не повернула голову в сторону уходившей девушки.

– Подожди, Светик, я провожу! – Алексей поспешил вслед за Светланой на выход.

– Не забудь, сын, мой поезд сегодня в 21.00, – крикнула мать ему вдогонку.

– В восемь буду! – ответил ей Лешка уже из гостиничного коридора.

Светлану он догнал уже на лестнице. В глазах у девушки от обиды стояли слезы:

– Ну, за что она меня так, Алеша? Скажи мне, что я ей плохого сделала? Что не так сказала?

Они вышли из гостиницы, завернули в находившийся неподалеку скверик, и здесь, устроившись на скамейку, Светлана дала волю слезам. Лешка некоторое время не мешал ей выплеснуть накопившийся за день негатив, потом решительно обнял и крепко прижал ее к себе:

– Все, Светик, хватит! Не получилось у вас контакта, ну и что? Я тебя, как и прежде, люблю, а может и еще сильнее. Слава богу, что с твоими родителями у меня полное понимание...

– А ты меня не бросишь? Вдруг мамаша твоя потребует? Я же вижу, что я ей не понравилась.

– Такого, моя милая, не будет никогда! Ты – моя навеки, и перестань думать иначе. А мать – что мать? Провожу ее вечером в Тригорск, и забудем об этом разговоре. Пусть даже на нашу свадьбу не приезжает, я не обижусь. Я всегда считал, да и сейчас считаю ее умной женщиной и думаю, что она поймет со временем, что была неправа. Лучше бы – пораньше. Ну, ладно, любовь моя, вытри слезы, а то встречные люди

еще подумают, что это я тебя обидел, да еще в праздничный день. Поехали, провожу тебя в ваш студгородок. Завтра жди часов в десять утра, день второе мая я посвящаю тебе!

– Спасибо, милый, с нетерпением буду ждать!

Они не спеша направились к автобусной остановке, втиснулись в заполненный празднично одетыми людьми ЛАЗ и вскоре оказались на Центральной площади, откуда пешком проследовали к студенческому городку. Время позволяло. Расстались возле входа в общагу. Светлана прижалась к Лешке, словно ждала от него защиты от всех существующих на земле напастей, и он ответил на ее немой вопрос долгим затяжным поцелуем. Девушка в конце концов вырвалась и, счастливо засмеявшись, взбежала по ступенькам в открытую входную дверь, помахав на прощанье рукой.

В гостиницу Алексей вернулся больше, чем за час до обещанного матери срока. Она уже собрала вещи и теперь сидела, ожидая его, в холле.

– Мама, ну как ты могла себя так вести? Чем тебе Света не угодила? – с ходу начал Алексей.

– А чем она могла мне угодить? Вылупила глаза, как будто не она у меня, а я у нее сына увела!

– Мама, не говори глупостей, кто меня у тебя увел? И вообще, какие у тебя на меня права собственности? Я, конечно, очень благодарен тебе за то, что ты дала мне жизнь и семнадцать лет воспитывала. Но я ушел из дома четыре года назад, я – самостоятельный человек, неужели тебе это до сих пор не понятно?

– Алеша, сынок! – в глазах у матери снова появились слезы, а в голосе – надрыв, совсем как во время недавних его каникул. – Сынок, ради меня откажись от женитьбы, отмени свадьбу! Умоляю тебя!

Она попыталась бухнуться на колени, но Алексей предусмотрительно пресек это ее намерение, подхватил под руки и усадил в кресло:

– Мама, не надо! Это уже напоминает даже не театр, а цирк! Я повторяю, что тебя по-прежнему и люблю, и уважаю, но на Светлане я женюсь обязательно и непременно! Свадьба – 30 июля в Приозерске, и отменять ее я не стану. А лучше для всех будет, если вместо слез и истерик ты приедешь на свадьбу и пожелаешь нам счастья.

– Да, характер у тебя явно не отцовский, – мать не стала уточнять, чей у Лешки характер. Слезы из ее глаз ушли, глаза стали сухими, а взгляд – привычным, холодным и жестким. – Ну, что ж, сын, это твой выбор! Я его уважаю, но буду ли на твоей свадьбе, еще не решила. Как приеду домой, вышлю тебе двести рублей, на них ты сможешь купить себе костюм и недорогое обручальное кольцо. Больше денег у меня нет. И потом. Все наши родственники живут в Покровске, их много, и, конечно, они на свадьбу в Приозерск не поедут. Если будет возможность – организуем для тебя и твоей невесты памятный праздничный вечер, если не будет такой возможности – не вздыхайте!

– Что ж, мама, спасибо и на этом! Я думаю, что со временем ты убедишься, что прав в данной ситуации все-таки я, – Алексей оставил последнее слово за собой.

Он проводил мать на вокзал, посадил в поезд и еще долго после отправления состава оставался на перроне, не в силах куда-либо двинуться. По правде сказать, он рассчитывал совсем на другие результаты от встречи своей матери и своей же невесты. К тому же, он до сих пор не понимал цели приезда матери, и только сейчас до него дошло: мать упорно настроена против его женитьбы, и ее нынешний приезд – последняя отчаянная попытка предотвратить ее. Алексею стало совсем грустно, он все пытался сообразить: ну почему так получается, есть два человека, которых он любит, а они по какой-то причине не могут найти общий язык или хотя бы примириться с существованием друг друга? Ладно. Говорят же, что время лечит, авось и вылечит, в первую очередь, мать. Ее позиция представлялась ему наиболее непримиримой.

7.

– Лагерь, подъем! – раздался усиленный мегафоном голос дежурного по лагерномубору.

– Четвертая рота, подъем! Пятая рота, подъем! Шестая рота, подъем! – продублировали команду дежурного офицера внутренние наряды по ротам.

Лагерь приходил в движение. Именно лагерь, ибо, в связи с выездом в учебный центр разом всего курса, такого количества людей казарма вместить просто не могла, поэтому курсанты разместились по старой памяти в палатках. Это обстоятельство дало повод для многочисленных комментариев. Пашка Зубов, в частности, выразился так:

– Не зря мы, пацаны, философию в свое время учили, вот наглядный пример применения закона отрицания отрицания: начинали мы при поступлении в училище с палаток и заканчиваем палатками, но на более высоком подсознательном уровне.

Действительно, по сигналу подъема ребята уже не выскакивали из палаток, как опеченные, с тем, чтобы убежать в поле для выполнения упражнений физзарядки, а выходили из тех же палаток солидно, неспешно, хотя на зарядку все равно убегали дружным строем. Правда, не все. Некоторые курсантские взводы сразу после подъема выполняли утренний туалет, затем следовали в столовую на завтрак и потом – в технический парк принимать и выгонять на исходные позиции танки: на вождение, на стрельбу, на тактику...

Вот уже почти две недели с курсантами выпускного курса проводились интенсивные занятия по всем специальным военным дисциплинам, даже по таким, как устройство материальной части танков или эксплуатация техники, по которым, казалось, лучше было бы заниматься на зимних квартирах. Все-таки, в Холмограде для этого была создана великолепная материальная база, в частности, много различных моделей, макетов, имелись тренажеры. Но и в условиях учебного центра преподаватели указанных дисциплин, вооружившись плакатами для теоретических занятий и реальными танками для занятий

практических, активно выполняли программу обучения, и указанные в расписании занятия шли без срывов. И четвертому взводу пятой роты сегодня предстояло занятие как раз практическое, по вождению танков. Ожидал их на учебном месте все тот же подполковник Шорохов, который, приняв доклад сержанта Чернова о прибытии на занятия, окинул ребят внимательным взглядом и усмехнулся:

– Что, сынки, думаете, что я вас сейчас в воду погоню? Пока с этим придется подождать, поскольку с вами положено отработать еще одно подготовительное упражнение, суть которого состоит в том, что вам нужно будет провести танк условно под водой, а фактически – по участку местности на суше, но с соблюдением всех правил форсирования водной преграды. Итак, что вы должны будете сделать? Для начала – запустить двигатель танка, после чего подогнать его к исходной линии, возле которой мы с вами сейчас находимся. Здесь – стоп, так как дальше, вы видите, находится коридор, обозначенный по краям столбиками. Это – имитация брода, который вы должны будете преодолеть. Но, перед тем, как в этот коридор идти, вам нужно будет, подходя к линии «Стоп», сориентировать танк. Вон, видите за «бродом» установлены два высоких столба, один ближе к «броду», второй – метров на пятьдесят дальше? Это – так называемый створ, и вы, подходя к линии «Стоп», должны так направить ваш танк, чтобы вместо двух столбов видеть один, то есть, они должны находиться на одной линии вашего взгляда. Это понятно?

– Раз молчите, будем считать, что понятно, – продолжал преподаватель. – Далее вы входите в радиосвязь с комендантом переправы, в данном случае – со мной, включаете гиropолукомпас, докладываете мне, и вам закрывают шторками триплексы, все три. И будете вы вести танк по условному броду в полной темноте, как под водой.

– А когда мы должны будем остановиться и открыть шторки? – спросил Володя Симаков.

– Остановитесь по моей команде, а триплексы вам откроют специально назначенные люди, – уточнил подполковник. – После этого, кстати, вам нужно будет вернуть танк вон туда, на исходную позицию, по дороге, что проходит справа от обозначенного «брода».

Он показал, по какой дороге следует привести танк обратно и где его остановить, после чего затребовал у Чернова список взвода и назвал пофамильно, кто за кем выполняет упражнение, добавив напоследок:

– Когда войдете со мной в радиосвязь, ваш позывной будет «Броня», а мой – «Берег», привыкайте к терминам, которые используют при форсировании водной преграды. Все! Зам. командира взвода, отведите бойцов метров на пятьдесят от исходной позиции, пусть там находятся под Вашим контролем и нигде больше не болтаются. Вы поведете последним, а открывает наши маневры, – Шорохов посмотрел в список, – командир отделения младший сержант Иванов! К машине, сержант!

– Есть! – Василий быстрым шагом направился к танку. Занятие началось.

Вскоре предстояло «форсировать водную преграду» и Лешке. Задание ему сложным не казалось, следовало только восстановить в памяти весь порядок действий и выполнить его. Поэтому он спокойно дождался на исходной позиции своего предшественника Мишу Белкина, принял у него танк, в котором занял место механика-водителя. Потом надел шлемофон, подключил его к радиостанции, переведя последнюю на внешнюю связь. Так, теперь надо заводиться! Выполнив все, что положено, Алексей нажал на стартер. Танк выплюнул клуб дыма и устойчиво заурчал. Все, вперед к линии «Стоп»! Попутно надо сориентировать эту железную коробку. Где эти чертовые столбы створа? А, вон стоят, сначала один, потом второй. Лешка слегка подправил направление движения танка рычагами поворота, и вот уже оба столба слились в один. Все правильно, а вот и нужная линия, на которой надо остановиться и включить прибор с мудреным названием «гирополукомпас»: небольшую коробочку, внутри которой вращался круглый барабан с нанесенными на нем делениями. Именно глядя на него, придется управлять танком дальше. Алексей на всякий случай еще раз взглянул на створ: все нормально, оба столба стоят один в один. Тогда он установил стрелку прибора на «0» и нажатием кнопки включил его. Так, пора докладывать:

– «Берег», я – «Броня», к движению готов, прием!

– «Броня», я – «Берег», Вас понял, прием! – услышал он в ответ, и в ту же минуту ему закрыли все три смотровые щели. Теперь он видел перед собой только светящиеся деления прибора.

– «Броня», я – «Берег», вперед, вперед, прием! – новый приказ заставил его включить передачу. Танк медленно вполз в «брод». Теперь – все внимание шкале гирополукомпаса. Пока все идет нормально, стрелка держится у нуля, как он и установил вначале. Но вот она слегка сползла на подделения. Шорохов молчит, значит, надо самому рычагами подправить направление. Так, сделано, стрелка вернулась к нулю, но сколько еще надо «переправляться»? Почему молчит преподаватель? Может, связь пропала? Мысль об этом, заставившая его поежиться, молнией промелькнула в голове, и в ту же минуту он услышал:

– «Броня», я – «Берег», стой, стой, прием!

Алексей остановил танк, отключил гирополукомпас и открыл люк. Снаружи Димка Павлов уже снимал с триплексов шторы, показав Лешке вверх большой палец. Обменявшись приветственными жестами, Алексей направил танк в обход «брода» на исходную позицию. Задание было выполнено на «отлично», что и подтвердил потом преподаватель.

Когда упражнение выполнили все курсанты, подполковник отправил танк в парк на стоянку, а сам подошел к взводу:

– Ну, что я могу сказать? Молодцы! Упражнение выполнили все, замечаний к вам у меня практически нет. Но имейте в виду, что реально вести танк под водой намного сложнее, в первую очередь – морально. Не очень весело сознавать, что над тобой находится пять метров воды, да еще ее холодные капли попадают вам за шкуру. Мандраж еще тот, смею вас заверить! Впрочем, – Шорохов заглянул в свой блок-

нот, – завтра сами в этом убедитесь. После завтрака жду вас на вододроме!

До вододрома от лагеря было около пяти километров, поэтому сержант Чернов все время торопил курсантов: и с подъема, чтоб быстрее одевались, и в столовой, чтобы быстрее завтракали, и вот сейчас, когда они быстрым шагом двигались по перепаханному танками полю со слабенькой степной растительностью:

– Быстрее, парни, быстрее, опаздывать нельзя! Не мы одни сегодня идем под воду.

И они спешили, но, тем не менее, на вододроме подполковник Шорохов уже поджидал их:

– Спите долго, молодежь! Хотя это и понятно: молодой сон крепкий. Это нам, старикам, не спится, вот и вам покоя не даем. Ну, хорошо, я – человек добрый, поэтому разрешаю пятнадцать минут перекурить.

Строй рассыпался. Большая часть курсантов обступила преподавателя, уже вытянувшего из пачки сигарету, некоторые спросили у него разрешения закурить.

– Курите, конечно, раз я вам уже разрешил, – Шорохов чиркнул спичкой у сигареты, после чего сделал глубокую затяжку. – Заодно посмотрите, как должна выглядеть настоящая переправа для танков под водой. В войсках сами будете такие переправы организовывать.

Действительно, вододром уже не представлял собой заброшенное степное озеро, ограниченное перегородившей его дамбой. Во-первых, впечатляла сама дистанция брода: не доходя с десятков метров до уреза воды, песчано-суглинистая почва, на какой, собственно, и был построен весь учебный центр, плавно переходила в бетонные плиты, которые сами, в свою очередь, терялись в темной глади озера. Впрочем, невооруженным глазом было видно, что на противоположной стороне трассы, метрах в ста от того места, где они сейчас стояли, такие же плиты из озера выходили. Солидности переправе придавало и то обстоятельство, что и здесь, и там ширину брода ограничивали строгие метровые столбики с красными флажками наверху. Во-вторых, сразу же на деловой лад настраивала установленная в нескольких метрах от воды армейская брезентовая палатка под натянутой маскировочной сетью с указателем на невысоком столбике «Командант переправы». В этой палатке, как было видно со стороны, двое солдат в данный момент налаживали работу небольшой переносной радиостанции.

Лешка перевел взгляд левее: и здесь нечто новое! Возле берега на воде слегка покачивалась армейская же лодка с мотором, а чуть дальше за ней в вырытом, очевидно, недавно, окопе занял свое место тяжелый военный тягач БТТ. «Все по науке, – подумал Васильцов, – недавно на теоретическом занятии Шорохов подробно об этом рассказывал».

Между тем, среди курсантов, обступивших преподавателя, завязалась оживленная беседа.

– Товарищ подполковник, а зачем трассу плитами замостили? – не удержался от вопроса Коля Пчельников.

– Вообще-то об этом я должен у тебя спросить, – Шорохов сделал очередную затяжку. – Какое дно должно позволять танкам переправляться через реку? Как я вам говорил об этом на классном занятии?

– Песчаное или каменистое, – тут же нашелся Колька.

– Вот! А в данном месте, где мы с вами находимся, оно илистое, и для переправы танков не годится. Но где-то же вас учить надо? Потому и оборудовали для этих целей специальную трассу. Вообще, если вы помните, а я вам об этом тоже говорил, место для переправы изучается тщательно. Здесь и состояние дна имеет значение, и скорость течения реки, и глубина ее русла. Может даже стать такая ситуация, что организовать переход танков под водой невозможно на протяжении десятков километров берега, тогда строят мост из понтонов или, если перебросить танки надо очень быстро, используют самоходные паромы типа ГСП.

– А кто все это изучение реки и когда проводит? Ведь бой идет, на противоположном берегу противник окопался, – недоумевал осторожный и рассудительный Толик Павловский.

– Изучают те, кому положено, то есть, инженерные войска, в первую очередь – мостовики. Они сначала внимательно просматривают карту, там все те данные, о которых я говорил, указаны, а потом определяют место и способ организации переправы. Вообще, чтоб вы знали, а, я думаю, что и знаете, – танки никогда первыми с ходу в реку не пойдут. Для их переправы нужно создать условия, и главное условие – плацдарм на противоположном берегу. А завоевать его – задача пехоты, ну и разведчиков тоже. Вот они по дну не пойдут, а будут форсировать реку на лодках, плотках, всяких подручных средствах, как мы в свое время Днепр. В общем – как бог даст, и неприятель позволит. А вот потом, как отвоюют какой-никакой плацдарм, тут уже и артиллерию туда перекинут, и танки конечно. Ну, как, накурились? – подполковник затушил и затоптал окурок. – Все, разговоры окончены! Строить, взвод!

– Так, товарищи курсанты! – приняв доклад сержанта Чернова, обратился Шорохов к строю. – Я надеюсь, что за время перекура вы хорошо осмотрелись и сделали на будущее выводы, как должна выглядеть переправа для танков по дну реки, так что, долго объяснять вам ничего не буду, тем более, что на теоретических занятиях вы это все проходили. Поэтому ответьте мне, для чего здесь пришвартована моторка, а за ней в окопе стоит тягач? – подполковник ткнул пальцем в грудь стоявшего в первом ряду, прямо перед ним Павлова.

– Курсант Павлов! – представился Димка. – Если экипажу потребуются затопить танк, на этой лодке к нему подойдет команда спасателей, чтобы данный экипаж эвакуировать и, если потребуются, помочь ему добраться до берега. Следующая задача спасательной команды – нырнуть к танку и подцепить за его крюки буксирный трос. Потом они доставят второй конец троса на берег и прицепят его к тягачу. Ответ окончен!

– Ну, в принципе, все правильно, – преподаватель остался доволен ответом. – Одна только оговорка: бывает, что танк засядет так крепко,

что напрямую тягач его не вытащит, в этом случае буксировочный трос к тягачу цепляется через многоступенчатую систему полиспастов. Ладно, это я так, к слову, для вашего общего развития. Теперь конкретно о сегодняшнем занятии. Видите танки, на которых сегодня пойдете под воду?

– Так точно! – дружно ответил строй.

Танки, а было их всего четыре, стояли колонной метрах в ста позади площадки, на которой сейчас выстроились курсанты, при этом на двух машинах работали двигатели, две же стояли недвижно, просто так. Танки как танки, на первый беглый взгляд не сказать, чтобы их специально готовили к движению под водой. Единственное, что сразу бросилось ребятам в глаза, – на башнях каждого танка торчали широченные трубы, курсанты знали, что называют их «труба-лаз», при этом к каждой трубе был привязан большой фанерный ящик с какими-то вырезами.

– Вот на этих машинах и будет выполняться сегодняшнее подводное вождение, – подчеркнул подполковник. – Все танки прошли необходимую подготовку, загерметизированы, то есть, все те работы, о которых мы с вами говорили в классе, и которые вы, как командиры взводов, должны были бы провести, уже выполнены. Потому что, если мы всем этим будем заниматься сейчас, то за день упражнение не выполнит и половина взвода, а должен, кроме вас, сегодня под воду пойти еще один взвод с вашего курса. По этой же причине на танках взамен штатной воздухопитающей трубы установлена на месте люка командира танка труба-лаз: по ней вы будете забираться в танк и через боевое отделение попадать на место механика-водителя. Всем все понятно?

– Так точно! – громко и дружно ответил строй: курсантам не терпелось быстрее уйти выполнять это новое и таинственно-интересное упражнение.

– Тогда последнее, что я хотел бы до вас довести, – преподаватель прошелся вдоль строя. – На трубах закреплены ящики, видите? На ящиках вырезаны цифры: 1, 2, 3, 4. Это – ваши позывные, мой, как и раньше, – «Берег». Столбы створа на том берегу видите? Вот по ним и ориентируйте свои танки, как это вы делали вчера. Возврат танков на исходную позицию – справа по дамбе, вон по той дороге, всем хорошо видно? Все! Первые четверо по списку: получить в палатке изолирующие приборы, надеть их на себя, но в действие не приводить! Они могут и не понадобиться, но в готовности к работе должны быть всегда. По ходу движения внимательно слушать мои команды! И ничего не бойтесь, даже если затопите танк, вас все равно спасем! Вперед, сынки!

По списку взвода Лешка оказался в первой четверке, хотя и последним. Что ж, придется ждать, пока уедут первые три танка, он же – «Четвертый»! Получив АТ-1, Алексей закрепил на себе его части, привинтил защитную маску и не спеша направился к указанному ему танку. Поздоровавшись с его штатным механиком-водителем, узнав у того особенности управления конкретно этой «коробочкой» и получив пожелание успехов, он полез в трубу-лаз. Надо сказать, удовольствие при этом он испытал небольшое: хотя труба и была достаточно широ-

кой, и в обычных условиях пролезть через нее можно было запросто, но сейчас-то на нем был надет противогаз, который цеплялся за все, за что только можно... Тем не менее, Лешка, хоть и не без труда, но протиснулся на место механика-водителя, устроился поудобнее, включил радиостанцию, проверил перевод ее на внешнюю связь и стал ждать команды.

Перед ним постепенно трогались с места и уходили боевые машины. Вот дал дымный выхлоп и пополз вперед стоявший перед ним танк под управлением Мишки Белкина. Так, следующий – он! Приготовиться! Наконец, и ему поступила команда: завести двигатель и двигаться к линии «Стоп», что Алексей проделал достаточно спокойно. У него было отличное настроение, в себе и в своей способности выполнить это ковыристое упражнение он был уверен. Он подвел танк, сориентировав его по пути на столбы створа, к линии, на которой его ожидал комендант переправы, и остановился.

– «Берег», я – «Четвертый», к движению готов, прием! – доложил Лешка.

– «Четвертый», я – «Берег», ну, что, сынок, машину хорошо сориентировал? Прием! – услышал он в шлемофоне знакомый хрипловатый голос Шорохова.

– «Берег», я – «Четвертый», так точно, все в порядке, прием!

– «Четвертый», я – «Берег», вперед, вперед! Удачи тебе! Прием!

– «Берег», я – «Четвертый», Вас понял! Спасибо! Прием!

Лешка включил гирополукомпас, затем – передачу, и танк медленно, на первой скорости двинулся к воде. Лихачить в данном случае было нельзя: малейшая неточность могла увести с трассы. Танк, между тем, начал потихоньку входить в воду. Сначала Лешка увидел накачиваемые на него легкие волны вдали, затем вода показалась уже на уровне триплексов и, наконец, накрыла весь танк полностью. В отделении механика-водителя наступила кромешная тьма. Теперь смотри в оба, курсант Васильцов! Все внимание – на гирополукомпас! Ничего, пока все вроде бы нормально: центральная стрелка на приборе держится на нуле, а двигатель работает устойчиво.

– «Четвертый», так! – услышал Алексей команду с берега.

– Я – «Четвертый», понял, – ответил он. Привычный хрипловатый голос коменданта переправы успокоил и ободрил его.

Он уверенно продолжил движение. В один из моментов он даже решил немного созорничать и, не отрывая взгляд от гирополукомпаса, включил на танке фары. Никакой выгоды при этом он, правда, не извлек: два снопа света, вырвавшись из фар, растворились в черной темени воды. В сердцах Лешка фары выключил и сосредоточил внимание только на приборе.

– «Четвертый», так! – услышал Алексей в очередной раз, и тут пространство перед ним как-то сразу посветлело, еще мгновение – и со смотровых стекол, триплексов, стала стекать вода, сначала струями, затем – каплями. Васильцов увидел перед собой ясное голубое небо, верхушки деревьев и плавно прибавил обороты. Ура! Танк, которым он управлял, из воды вышел, пройдя всю подводную трассу без замечаний!

Алексей остановил танк, не глуша двигатель, и доложил:

– «Берег», я – «Четвертый», выполнение упражнения закончил, прием!

– «Четвертый», я – «Берег», молодец, сынок! Давай на исходную! Прием!

Выполняя распоряжение преподавателя, Лешка повернул вправо, аккуратно объехал створный столб и направил танк по дамбе на исходную позицию. Эх, здорово! Сердце его пело и трепетало от радости и гордости за себя, душе не хватало воздуха, чтобы выразить охватившие его эмоции. Он прошел под водой! Он стал полноценным танкистом! Жаль, нельзя открыть загерметизированный люк и помахать руками всем присутствующим при его триумфе: своим товарищам-курсантам, солдатам, офицерам... Подобные ощущения до этого момента он испытывал лишь дважды: после первой штатной стрельбы из пушки и после первой самостоятельной поездки за рычагами танка.

Тем временем подводное вождение подходило к концу. После того, как на исходную позицию возвратился последний танк, подполковник Шорохов приказал построить взвод и обратился к курсантам:

– На этом наше итоговое занятие по преодолению водной преграды закончено. Что я могу сказать? Молодцы, сынки, не подвели старика! И дело даже не в том, что почти все вы получили отличные оценки, а в том, что среди вас нет никого, кто был бы оценен «удовлетворительно» или «неудовлетворительно», а самое главное – вы не допустили никаких ЧП. Никто из состава взвода не сошел с трассы, никто не затопил танк и вообще не доставил мне, как руководителю занятия, никакого волнения. Вот за все за это вам огромное спасибо!

– Служим Советскому Союзу! – не сговариваясь, дружно ответили ребята на неуставную, вроде бы, благодарность своего преподавателя. И таким ответом они выразили все свое уважение этому седому подполковнику, прошедшему страшными дорогами минувшей войны, уцелевшему в ней и до сих пор остававшемуся в строю.

Теперь у курсантов оставалась еще всего одна встреча с любимым преподавателем, но зато какая! Через неделю предстояла итоговая сдача шестого, последнего упражнения по вождению танков по трассе танкодрома, притом – не простая сдача, ибо, помимо обычных оценочных баллов, в случае успешного выполнения этого упражнения они получали квалификацию механика-водителя третьего класса! Впрочем, расписания на следующую неделю еще не было, и когда они поведут танки по знакомым уже препятствиям, ребята еще не знали.

Зато они знали весьма определенно, что через два дня им предстоит сдача итогового экзамена по физической подготовке. Этот экзамен значился в недельном расписании, да курсанты и так знали, что майор Павел Павлович Климов уже находится в лагере, и даже начал принимать экзамены в других подразделениях.

– Странно, не ошибка ли это? – не мог сначала поверить своим глазам обстоятельный Толя Павловский, впервые увидев расписание, да и не он один. – Я думал, физо будем в училище сдавать, в городе. Там и база соответствующая есть...

– А здесь чем база хуже? – разубеждал его Слава Кривцов. – Спортгородок не хуже, чем в училище, снаряды даже поновее будут, полоса препятствий – тоже, стометровка – только сдавай! Кросс же можно в любом месте проводить. Потренироваться только лишний раз не мешает, чтобы к новым снарядам привыкнуть. Кто желает со мной на тренировку?

Пошли человек десять, Алексей в том числе. Нет, физической подготовки он уже давно не боялся, прошло то время, когда приближение очередной сессии с непременной сдачей физо внушало ему трепет и надолго портило настроение. Сейчас он окреп, возмужал, легко выполнял на «отлично» все новые и новые упражнения на перекладине и брусьях, не говоря уже о беговых видах. Все так. Но в этот раз на обоих снарядах предстояло предъявлять майору Климову одиннадцатые, последние согласно Наставлению по физической подготовке упражнения, а там были такие заковыристые составляющие элементы, что Лешке дались не сразу. Одним словом, лишняя тренировка не мешает, особенно когда рядом товарищи, которые могут подметить твою ошибку и подсказать, как ее устранить.

Но вот наступил день сдачи. Алексей под одобрительным взглядом преподавателя уверенно отработал на «отлично» и перекладину, и брусья, и, как всегда, на «троечку» перелетел через коня. Ну, что ж, все, как говорится, штатно, беговые виды выручат! Так и есть: сто метров – время на отличную оценку, полоса препятствий – такой же итог. Оставалось последнее испытание – трехкилометровый кросс, сдавать который предстояло уже перед самым обедом. Курсантам раздали номера, и теперь они закрепляли их на себе, одновременно разминая мышцы.

– Ну, что, пацаны, зададим последний и решительный темп? – с этими словами Колька Пчельников подошел к группе, где совершали разминку признанные бегуны взвода, в число которых входил и Алексей.

– Задать-то можно, только все ли его выдержат? – засомневался Миша Забалуев.

– Но если будем тихо плестись, то выдержат, может, и все, хотя и это – не факт, но вот о «пятерках» можно будет забыть. Да и до «четверок» не дотянем. Нет, нужно бежать в привычном, своем темпе, а «тихоходы» пусть за нас цепляются, глядишь – и их вытянем, – предложил Миша Белкин.

– Правильно говоришь, Мишка, я и с тобой, и с Коляном согласен, – высказался и Алексей. – На своем темпе мы лучше поможем пацанам, чем, если ползти будем. Просто посматривать кое за кем надо и подгонять по мере возможности.

– Тогда лады! На старте подбирайтесь поближе, чтоб были рядом, и, когда рванем – пристраивайтесь ко мне, пойдем одной группой, – сказал Пчельников, и предлагать что-то иное ребята не стали. В самом деле, сдача экзамена, да еще итогового, – это сугубо индивидуальное творчество.

Результаты кросса впечатлили: почти весь взвод, за исключением нескольких человек, пробежал три километра со временем, гарантиру-

ющим отличную оценку. Вот это да! Доволен был и майор Климов:

– Не зря я четыре года вас гонял! Теперь не стыдно и в войска вас отправлять. Там вы сможете образцово показать своим бойцам любое упражнение, да и на кроссе от них не отстанете. Словом – молодцы! Особенно я доволен тобой, земляк, – обратился майор к Васильцову. – Выходит, я правильно сделал, что поверил тебе тогда, на мандатной комиссии.

– Так я же пообещал, что Вас не подведу! Видите – слово сдержал, – ответил, покраснев от смущения, Лешка.

– Тригорские слово всегда держат! – поддержал Алексея Пашка Зубов.

– Подтверждаю! – отметил майор и обнял обоих земляков.

Тем временем, учеба продолжалась. Проводились занятия по огневой, тактической подготовке, другим предметам. Но напряжение среди курсантов нарастало: наступил уже июнь месяц, по всему чувствовалось, что скоро государственные экзамены и выпуск, долгожданные офицерские погоны!

А в учебном центре пришло время последнего серьезного практического испытания – сдачи итогового упражнения по вождению танков. Уже несколько курсантских подразделений отчитались на трассе танкодрома, подошла очередь и четвертого взвода.

К назначенному времени курсанты под командованием Чернова прибыли на площадку исходного рубежа возле танкодромной вышки. Подполковник Шорохов уже ожидал их там. Судя по всему, пребывал он в отличном настроении, поскольку не стал дожидаться доклада сержанта, а сразу обратился к строю:

– Что, сынки, сегодня будем прощаться? Вы уж меня, старика, не подводите, а дайте на прощанье результат! Танки, вон они на дорожках, ждут вас. Препятствия все те же, находятся на тех же своих местах. Единственное, что прошу – не лихачить на них, а то, я знаю, есть среди вас, как и в других взводах, асы, которые считают, что все уже умеют, а значит – можно правилами преодоления препятствий пренебречь. Эта вольность, в свою очередь, может выйти для них боком и результатом. Скорость же вы сможете наверстать на дистанции пробеге между препятствиями. Впрочем, вы лучше меня знаете, где поднажать, а где, наоборот, попридержаться коней. Поэтому разглагольствовать больше не будем. По порядку списка взвода принимайте танки, и – вперед! Все, как обычно!

Да, все – как обычно. Поэтому Лешка, приняв у штатного механика водителя танк, по-хозяйски освоился в нем, доложил на вышку о готовности, запустил двигатель и, получив соответствующую команду, ушел на трассу. При этом он совершенно не волновался: все ведь – как обычно. Есть, преодолен колейный проход в минном поле! Чисто! Есть, пройден участок заграждений и разрушений! Тоже чисто, если бы он что-то где-то зацепил, то почувствовал бы! Есть, остался позади колейный мост! Есть, выполнена остановка на подъеме на первой горке, чисто, без скакывания назад! Есть, выполнена «змейка» на спуске второй горки, тоже чисто, столбы все целы! Теперь вперед, скорость, скорость, скорость! Наконец, вот он, брод, последнее препятствие, и он позади! Все отлично,

теперь бы только при заезде на исходный рубеж не опростоволоситься! А то может быть на трассе все здорово, а тут, на глазах у всех, вдруг не получится вписаться в габарит, не доехать до площадки или переехать ее... Поэтому Алексей сбавил скорость и, спокойно прикинув место остановки танка, плавно завел его на середину площадки. Все! Что мог – он сделал. Теперь надо доложить подполковнику и ждать от того новостей.

– Молодец, курсант Васильцов! – услышал он в ответ на свой доклад. – По прохождению препятствий замечаний нет, по скорости – оценка отлично. Кроме того, показанная тобой скорость соответствует нормативу для присвоения классной квалификации. Так что, поздравляю, сынок, с получением квалификации специалиста третьего класса!

Пожалуй, в этот момент не было человека счастливее Алексея Васильцова. Впрочем, экзамен на присвоение классности в этот день сдали все курсанты взвода, тем самым закончив выполнение задач, поставленных перед ними на этот полевой выход. Впереди были возвращение в Холмоград и подготовка уже непосредственно к государственным экзаменам. Учеба выходила на финишную прямую.

8.

После возвращения из учебного центра интенсивность проведения занятий с курсантами выпускного курса не снизилась. Наоборот, в две оставшиеся до госов недели их количество и, главное, качество обещали еще больше возрасти, потому что, во-первых, еще не по всем изучаемым предметам были подведены итоги и, соответственно, оценки по ним не были выставлены и внесены в диплом. А во-вторых, требовалось восстановить в памяти ранее пройденные темы, изучить и набросать конспекты ответов на билеты по всем пяти предметам, вынесенным на государственные экзамены. Поэтому преподаватели проводили консультации и днем, во время плановых занятий, и в часы самостоятельной подготовки, но никто из ребят не роптал и не ворчал, все понимали: это необходимо.

Небольшая встряска в налаженном учебном ритме случилась вскоре после возвращения из лагеря, и виновником ее снова стал неутомный Колька Пчельников, влетевший как-то в класс, где курсанты занимались на самоподготовке, со сногшибательной новостью:

– Полундра, пацаны! Есть распределение!

Никого из преподавателей в классе на тот момент не было, и обступившие Коляна ребята узнали, что в училище пришло распределение, то есть, заявки от военных округов на офицеров-танкистов, стало быть – на них. Впрочем, деталей Пчельников не знал, потому шумиха от его известия быстро утихла. Более конкретно по этому вопросу высказался на вечерней проверке старшина Рудаков, со слов которого следовало, что действительно, распределение получили, всего заявки дали более десятка военных округов, все – западнее Волги, и четыре Группы войск, находящихся за границей. Сейчас, дескать, командование решает, каким образом это распределение проводить.

Сообщение старшины спровоцировало бурную дискуссию, так что даже после отбоя многие курсанты уснули далеко не сразу. То тут, то там собирались группы ребят, и среди них сразу начинались споры.

– Здорово, что самым восточным округом оказался Приволжский, значит, Забайкалье нам не грозит, – радовался Вася Курнев. – А то ротный обещал всех разгильдяев и нарушителей дисциплины загнать именно туда, причем – без замены.

– Ты не особо радуйся, – опустил его с небес Слава Кривцов. – «Хороших» мест везде хватает, можно в Ленинградский округ попасть, он в заявке есть, и в Карелии или в Мурманской области оказаться. Я там бывал, знаю, о чем говорю. Да и в нашем округе есть куда загудеть. Тот же Толстый лес возьми или Троевщину...

– Вот бы за границу попасть! – мечтательно произнес Мишка Забадуев. – Хотя в ту же Германию, посмотреть, как там люди живут.

– А что ты там увидишь? Прослужишь все пять лет за забором, да в должности командира взвода, и вся твоя карьера накроется, слышал же, как тамошнюю службу описывают те пацаны, которые там служили? – вступил в разговор рассудительный сержант Антон Крючковский.

– Правильно, Антоха, – поддержал товарища Вася Иванов. – В Союзе можно за год роту под свое командование получить, еще год – и ты начальник штаба батальона, а значит – дорога в академию открыта. Вспомните, что нам в свое время наш бывший взводный Трунов говорил.

– А я одного не понимаю, – недоуменно произнес Володя Ветров. – Нам же препода все время говорили, что наши новые танки есть только в Союзе, да и то не во всех военных округах, а почему в таком случае нас за границу направляют? На какую такую технику?

– А там переучиваться придется на Т-55 или Т-62, в Группях войск, в основном, они находятся на вооружении в танковых частях. Ну, может кому-то «посчастливится» еще и на «тридцатьчетверках» повоевать, – «обнадежил» желающих попасть за границу Крючковский.

– «Тридцатьчетверок», положим, и в Союзе хватает, в укрепрайонах стоят, – заметил Кривцов.

Алексей слушал эти разговоры, но вступать в них желания не испытывал. «Все равно, – думал он, – куда пошлют, от нас в данной ситуации ничего не зависит, только в Соколовск неохота, Улановский полигон уже в печенках сидит, да и порядки в этой дивизии оптимизма не внушают». В книгах он читал, что в царской армии место службы сначала выбирали юнкера, выпускавшиеся по первому разряду, то есть – отличники, а за ними уже все остальные, кому что останется. Похожий порядок существовал и в Советской армии: сначала – медалисты, потом – просто отличники, и далее – все остальные. И сейчас, слушая разговоры товарищей, Лешка решил сам подобными сомнениями не заморачиваться. Уже засыпая, он подытожил: «Пусть посылают, куда угодно, везде служить надо, без работы не останусь!».

На следующий день эта тема получила свое дальнейшее развитие: по инициативе батальонного комитета комсомола и, не в последнюю

очередь, его секретаря лейтенанта Сергея Пивоварова начальник курса, он же командир батальона подполковник Березов передал вопрос распределения мест будущей службы в руки самих курсантов. Было решено разделить общую заявку равномерно на все 12 взводов курса и в каждом взводе места службы определять с помощью жребия. С таким решением были согласны все. К вечеру сержант Чернов принес на самоподготовку список тридцати мест, выделенных их взводу, из всех указанных в заявке военных округов, и предложил традиционным организаторам жеребьевок, Кривцову и Пчельникову, заняться привычным для них делом. Причем, после первого выбора решили тянуть жребий еще раз, чтобы каждый смог выбрать не только основной, но и запасной вариант округа. На всякий случай.

И вот жеребьевка началась. Достав из Колькиной пилотки и с трепетом развернув скрученную бумажную трубочку, Алексей прочитал на ней: ГСВГ.

– Что ж, неплохо! – подумал он, не испытывая, однако, особой радости. – ГСВГ так ГСВГ, Группа Советских войск в Германии.

– Что у тебя? – повернулся к нему сосед по столу Забалуев.

– Германия, – ответил Лешка.

– И у меня, – обрадовано воскликнул Михаил. – Послужим!

Как запасной вариант Алексей вытащил Прибалтийский военный округ. И тоже особых эмоций не испытал. Хорошо, хоть не свой округ вышал!

После жеребьевки Чернов записал, кто какой округ выбрал, и пообещал сегодня же передать список в канцелярию батальона, заметив при этом, что сделанный ими выбор – не окончательный, коррекция его вполне возможна:

– Вспомните-ка, орлы, распределение прошлого года. Чем оно закончилось?

«Орлы» сразу вспомнили, как в прошлом году председатель комиссии по приему государственных экзаменов, по традиции – заместитель командующего танковой армией, ближайшей к Холмограду, генерал Соболенко крест-накрест перечеркнул предварительное распределение выпускников и всех, кто окончил училище с отличием, оставил для службы в своем военном округе. Разумеется, тех, кто на это согласился, но когда на кону будущая карьера, с генералом не очень-то поспоришь...

Оставалась, правда, небольшая надежда на то, что армия, в общем-то, резервная, и командование там менялось часто, ввиду чего каждый год в училище в качестве председателя госкомиссии приезжал новый генерал. Может, и сейчас нового председателя назначат? Однако вскоре стало известно, что и в нынешнем году председателем государственной комиссии снова будет все тот же генерал-майор Соболенко. Курсанты приуныли: ничего хорошего это не сулило. Впрочем, готовиться к экзаменам и сдавать их все равно надо!

В предэкзаменационной сумятице Алексей никак не мог выкроить время, чтобы увидеться со Светланой, хотя по девушке очень скучал. Кроме того, ему не терпелось поделиться с ней новостями о прошедшем у них распределении и узнать ее мнение: что она думает о тех местах,

где им обоим (конечно же, обоим!) предстоит служить. Однако, с другой стороны, Лешка понимал, что и у его любимой скоро тоже начинается сессия, и ей так же нужно готовиться и сдавать экзамены. В конце концов, желание видеть Светлану победило, и в очередное воскресенье он отправился на проспект Большевиков.

Девушка оказалась на месте и очень ему обрадовалась, хотя Алексею и бросился в глаза ее усталый вид. Что ж, вполне объяснимо: сессия. Да он и сам, наверно, выглядел не намного лучше.

– Так ты совсем заучишься, Светик! – заметил он. – Пошли немного развеемся на свежем воздухе, а то у меня тоже голова кругом идет.

– Сейчас, милый, только подожди немного, приведу себя в порядок, – с этими словами Светлана убежала наверх, в свою комнату, оставив Лешку ненадолго в вестибюле поразмышлять о том, как ей сообщить о тех местах, куда он ее увезет.

Вскоре они уже неспешно шли в направлении Центральной площади, рассказывая друг другу о том, как готовятся сдавать каждый свою сессию.

– А знаешь, Светик, у нас уже распределение прошло, ну, прикинули, кто где будет служить. Куда, как ты думаешь, мы с тобой поедем?

– Понятия, Алешенька, не имею. Да мне все равно – куда, лишь бы быть рядом с тобой, ты же знаешь. Как говорит моя мама: где будет иголка, туда и нитка должна идти.

– Так вот, служить мы с тобой поедем за границу, в Германию, точнее – в Германскую Демократическую Республику!

– Ой! – вырвалось у Светланы. – А как же мы там будем жить, там же – немцы!

– Понятно, что не русские, раз это Германия, – рассмеялся Алексей. – Но ты не пугайся, мы будем жить в военном городке среди своих, русских.

– Все равно, Алеша, мне страшно. Немцы – это же фашисты...

– Ну, это ты, дорогая, загнула, – стал успокаивать ее Алексей. – Начиталась книг о войне да фильмов насмотрелась. Фашисты в Германии если еще и оставались, то давно сбежали на запад, в ФРГ. А с ГДР и ее армией у нас братство по оружию! И потом, неужели тебе не интересно посмотреть, как другие народы живут за нашими границами?

– Интересно, Алешенька, очень интересно, но... страшно, – это было сказано так наивно и простодушно, что Лешка не мог сдержать улыбки.

– Ничего, родная моя, не бойся! – сказал он веско. – Я надеюсь, ты не сомневаешься, что я никогда и никому тебя в обиду не дам и всегда сумею защитить? Тем более, что мы там с тобой окажемся не одни, а за нами будет стоять мощнейшая Группа войск!

– Ой, как ты меня заинтриговал. Скорей бы туда поехать!

– Не все так сразу, милая! Во-первых, сначала туда поеду я, а потом уже организую тебе вызов, нам так рассказали те офицеры, кто там служил. Во-вторых, все еще может быть переиграно, распределение ведь предварительное, а окончательно станет известно только после сдачи госэкзаменов. Так что, дорогая моя, сдавай сессию, и о том, что я тебе сейчас сказал, никому пока ни слова! Договорились?

– Конечно, Алеша, я никому ничего не скажу, можешь мне верить. Я умею хранить тайны, даже родители ничего не узнают, пока ты им сам об этом не расскажешь!

– Вот это – молодец! Настоящая жена офицера, – Лешка открыто, не обращая ни на кого никакого внимания, поцеловал зардевшуюся от смущения девушку.

Государственные экзамены начались точно по графику с первого июля. Накануне все училище было выстроено на плацу для того, чтобы представить членов государственной комиссии. Генералов на этом построении не было, ни начальника училища, ни председателя комиссии, а всем процессом руководил заместитель начальника училища полковник Кузнецов. Для начала он сообщил, что экзамены будут принимать две подкомиссии: одна, что было понятно и логично, – у курсантов-выпускников, другая – у офицеров, ранее закончивших краткосрочные курсы и теперь съехавшихся со всего Союза сдавать экзамены экстерном за курс среднего военного училища. Тут только Лешка обратил внимание на две «коробки» офицеров в званиях от младшего до старшего лейтенанта, занимавших левый фланг построения.

– Ты смотри, Миха, – толкнул в бок Алексей своего соседа Забалуева. – Это что ж получается: мы с этими «микронами» одни и те же экзамены будем сдавать?

Словно отвечая на его вопрос, полковник Кузнецов сообщил, что обе подкомиссии в своей работе совершенно автономны, и друг с другом пересекаться не будут. Далее, в продолжение представления членов комиссии, полковник заявил, что в состав комиссий по каждому сдаваемому предмету входят и будут присутствовать на экзаменах по четыре человека: двое, в том числе, председатель, – от воинских частей, штабов и прочих организаций, и двое – от училища. Представив пофамильно всех членов комиссий, Кузнецов пожелал всем сдающим успехов и приказал следовать к местам подготовки.

Четвертому взводу предстояло открывать эту важнейшую в жизни курсантов сессию сдачей экзамена по научному коммунизму, в билеты которого вошли также и отдельные вопросы из истории КПСС, философии и политэкономии. Материал, конечно, надо было охватить огромный, но для Алексея политические науки никогда проблемой не были, к тому же, накануне сдачи начальник кафедры марксизма-ленинизма полковник Журавлев провел без перерыва в течение шести часов подробнейшую консультацию, дав структуру ответов по всем билетам. Неудивительно, что получил Васильцов на этом экзамене отличную оценку, причем, без особого напряжения. Есть почин!

Следующий, второй по счету экзамен по материальной части танка, который должен был состояться через несколько дней, представлял собой более сложное явление, нежели сданный уже научный коммунизм. И дело даже не в том, что при большом количестве материала по нескольким разделам учебной программы, все термины, детали и агрегаты нужно было называть и показывать четко и точно. Скорее, главная трудность состояла в том, что членами комиссии от войск были знающие свое дело специалисты, которых, что

называется, на мякине не проведешь. Также стоило иметь в виду и то обстоятельство, что и от училища принимать экзамен будет известный своей вьедливостью и принципиальностью подполковник Меланин. А все вместе это означало, что нужно еще раз повторить весь материал, особенно злосчастную схему электрооборудования и автоматики танка.

Но вот и этот барьер взят. Хоть и тяжелый был экзамен, и отвечать на вопросы членов комиссии пришлось довольно долго, Алексей все же и здесь получил отличную оценку. Что ж, приятно, этот результат также приближает заветный красный диплом. Следующий экзамен – эксплуатация – особой тревоги не вызывал и казался более легким, нежели предыдущий. В самом деле: эксплуатационные материалы, несмотря на их обилие, он знал все, вопросы организации обслуживания техники тоже сложности не представляли. Сдадим! Если уж знаменитого Меланина и иже с ним преодолели!

Накануне дня сдачи эксплуатации в класс самоподготовки четвертого взвода неожиданно заглянул курсовой офицер с каким-то списком в руках:

– Так, внимание, товарищи курсанты! Чьи фамилии я сейчас назову – должны проследовать на беседу к председателю государственной комиссии генералу Соболенко. Он ожидает вас в кабинете полковника Кузнецова.

– А когда их направлять, товарищ старший лейтенант? – спросил сержант Чернов.

– Можете прямо сейчас. Итак: Васильцов, Зубов, Кривцов, Симанков... – Ковбасюк назвал больше десятка фамилий, в основном тех курсантов, кто шел на получение диплома с отличием.

Получив разрешение идти на беседу, Лешка направился к генералу. Настроение у него было прескверным: он хорошо понимал, о чем с ним будет вести беседу председатель комиссии. Вот и искомый кабинет заместителя начальника училища. Алексей постучал в дверь, затем открыл ее:

– Разрешите?

– Войдите! – сидевший за столом генерал (а был он в кабинете один) повернулся к вошедшему курсанту.

– Товарищ генерал-майор! – Алексей стал по стойке «Смирно!» и приложил руку к пилотке. – Курсант Васильцов по Вашему приказанию для беседы прибыл!

– Так, Васильцов, Васильцов... – генерал долго изучал лежавший перед ним список, а Лешка тем временем изучал генерала. Вид у председателя комиссии был весьма приметный: большая седеющая голова, обширный лоб, мясистый нос, толстая мощная шея, широкие плечи, ладони... Вот он, кажется, нашел в списке нужную фамилию и поставил напротив нее «галочку», после чего взглянул своими маленькими глазками из-под набухших век на стоявшего перед ним навытяжку курсанта пронзительным, живым взглядом, словно хотел просветить того насквозь.

– Садитесь, товарищ Васильцов! – генерал указал на стул напротив себя.

– Есть! – Алексей выполнил распоряжение.
– Ну, как сдаете государственные экзамены?
– Нормально, товарищ генерал. Первые два экзамена, по научному коммунизму и материальной части, сдал на «отлично». Остальные еще впереди.

– А как обстоят дела с остальными предметами, теми, что Вы уже сдали, и оценки за которые вошли в диплом?

– Тоже нормально. В основном, все оценки – «отлично», имеются всего две четверки из допускаемых при получении диплома с отличием девяти.

– Молодец! Ну, а как семейное положение, родители где живут?

– Отец у меня давно уже умер, а мать с младшим братом проживают в Тригорске, мать работает учительницей в школе. Что касается моего семейного положения, то на текущий момент я холост, но по окончании училища собираюсь жениться.

– Так-так... По всем данным Вы нам подходите. Как Вы смотрите на то, чтобы начать свою офицерскую службу в войсках нашего округа?

«Вот оно, начинается!» – похолодел Лешка. Все происходило, как он и предполагал. Стала накапывать злость: почему кто-то, пусть даже и генерал, решает за него, где ему служить!

– Смотрю на это предложение отрицательно, товарищ генерал, – стараясь, чтобы не задрожал голос (трудно возразить генералу!), но, тем не менее, твердо проговорил Алексей.

– Вы отказываетесь от службы в нашем округе? – изумился генерал.
– Почему?

– Потому, что я бывал в воинских частях нашего округа, в частности, на стажировке в Соколовской дивизии, и порядки, которые я там видел, меня не устраивают. Хочется послужить в других военных округах. Чтобы было что с чем сравнивать.

– Так-так-так! И где же Вы хотели бы служить? – тихим, зловещим голосом спросил генерал.

– Мне все равно, в каком округе служить. Но согласно проведенной у нас жеребьевке мне выпали Прибалтийский военный округ и Группа Советских войск в Германии. В одном из них я бы и хотел продолжить службу.

Лицо генерала побагровело, будто налилось кровью.

– Так ты офицером хочешь быть или тряпошником? – прошипел он.

Кровь ударила в голову Алексею. Так его еще никто не оскорблял! Он встал со стула и вытянулся в струнку:

– Товарищ генерал-майор! Я не знаю, что означает слово «тряпошник», но одно я знаю твердо: в воинских частях, входящих в состав ГСВГ, постоянно и серьезно занимаются настоящей боевой подготовкой, чего мне не приходилось видеть в войсках нашего округа!

Генерал хотел что-то сказать, но раздумал и только махнул рукой:

– Идите, товарищ курсант! Вы свободны!

– Есть! – Лешка четко повернулся и направился к выходу. Он уже не видел, как генерал взял карандаш и поставил напротив его фамилии в списке большой жирный крест.

Выйдя из кабинета, Алексей направился обратно в класс самоподготовки. Сердце от волнения билось часто-часто. «Ну, вот и выяснили отношения насчет будущей службы, – размышлял он, – теперь, курсант Васильцов, жди неприятностей!». В том, что таковые будут, он не сомневался: генерал не простит ему проявленной дерзости.

Едва Алексей вошел в класс, навстречу ему сразу поднялся Зубов, он был следующим вызван на беседу к председателю комиссии.

– Ну, что тебе генерал предлагал? – спросил Пашка, хотя и так всем было понятно, что.

– Предлагал в нашем округе остаться служить. Я отказался, – коротко ответил Лешка и, устроившись за своим столом, начал повторять вопросы билетов: эксплуатацию-то сдавать надо!

Из всех курсантов четвертого взвода, беседовавших с генералом, только Володя Симаков отказался служить в предложенном округе, но у него была веская причина: он непременно хотел попасть в Белорусский военный округ, в ту же воинскую часть, в которой служил его недавно вышедший на пенсию отец. Остальные, в том числе и Пашка Зубов, и Слава Кривцов, и другие, вытянувшие по жребию ГСВГ и иные военные округа, вынуждены были согласиться на предложение генерала Соболенко, не решившись рисковать результатами экзаменов и своей будущей военной карьерой.

На следующий день взвод прибыл сдавать экзамен по эксплуатации. Члены государственной комиссии заняли свои места, и первая группа курсантов, среди которых был и Алексей, отправилась к разложенным на отдельном столе билетам. Лешка также вытянул свой билет, быстро прочитал его содержание: вроде бы все понятно.

– Вопросы есть, товарищ курсант? – дежурно поинтересовался председатель подкомиссии по эксплуатации, полковник из Москвы, из Главного управления бронетанковых войск.

– Никак нет, товарищ полковник, все ясно! – отчеканил Алексей.

– Ну, идите, готовьтесь! – распорядился полковник, и Лешка, заняв указанное ему место за свободным столом, начал набрасывать на бумагу примерный конспект ответа.

Вопросы билета показались ему знакомыми. В самом деле, эксплуатационные масла, смазки и их применение он знал, организацию парковой службы – тоже, а по работе пункта чистки и мойки даже делал дипломный проект, и вот, надо же, этот вопрос попался в билете. Лешка даже повеселел от такого везения и скоро уже готов был отвечать. Чувствовал он себя довольно уверенно, тем более, что среди членов комиссии находился его куратор по дипломному проекту майор Степаненко, который, как надеялся Лешка, в обиду его не даст. Он подошел к столу, где сидели члены комиссии:

– Товарищ полковник! – обратился он к председателю. – Курсант Васильцов к ответу на поставленные вопросы готов!

– Хорошо, приступайте к ответу! – сказал полковник и тут же, словно спохватившись, обратился к Алексею. – Минуточку, товарищ курсант! Если члены комиссии не возражают, я сам приму экзамен у данного курсанта.

Возражений не было.

– Тогда Вы, товарищ майор, поможете мне, – обратился полковник к майору Степаненко. – Остальных же членов комиссии прошу начать принимать экзамены у других курсантов, так будет быстрее.

Лешка насторожился: это было что-то новое. Он, разумеется, не мог знать, что вчера вечером после совещания по подведению итогов дня генерал Соболенко попросил задержаться полковника-эксплуатационника и обратился к нему:

– Станислав Николаевич, насколько я заметил, завтра Вы принимаете экзамен в четвертом взводе пятой роты?

– Так точно, товарищ генерал!

– Так вот, Станислав Николаевич, в этой связи у меня к Вам небольшая просьба, – генерал взял полковника под руку и отвел в сторону. – В этом взводе есть курсант по фамилии Васильцов. Мне бы не хотелось, чтобы он получил отличную оценку.

– Вас понял, товарищ генерал! Будет сделано! – пообещал полковник, и вот теперь, услышав фамилию представившегося курсанта, сразу вспомнил о просьбе генерала и приготовился ее выполнить.

Алексей, между тем, начал отвечать. Материал он знал и излагал его довольно уверенно, пока полковник его не остановил и стал задавать дополнительные вопросы. Сначала Лешка и на них отвечал четко, но потом немного запнулся при очередном ответе и увидел мелькнувшую на губах полковника злорадную ухмылку. Но выбило его из колеи даже не это, а то обстоятельство, что он увидел, как второй сидевший за столом офицер, майор Степаненко, их преподаватель, хорошо знавший всех курсантов, а для него, Васильцова, – еще и руководитель его дипломной разработки, молча ставит на стандартном бланке за его ответ на первый вопрос цифру «три», даже не попытавшись хоть как-то отстоять его. Лешка растерялся и на следующий вопрос полковника ответил:

– Не знаю!

– Да, этот материал Вы, товарищ курсант, не доучили, – резюмировал полковник. – Ну, что ж, давайте, излагайте следующие вопросы!

Отвечать Алексею расхотелось вообще, но он все-таки сумел взять себя в руки: «двойка» на госэкзамене не прельщала его никак. И на оставшиеся три вопроса билета он все-таки ответил, без особого блеска, но ответил, даже на дополнительные вопросы.

– Ну, сколько баллов? – обступили его ребята, когда он вышел в коридор, весь опустошенный и раздавленный.

– Не знаю, «тройка» наверно, – на ходу проговорил Лешка, проходя мимо. Пускаться в рассуждения и что-то объяснять не было сил.

– Слушай, чего этот полковник так за тебя взялся? – догнал его Мишка Забалуев. – Я засекаю время, ты полтора часа отвечал. Чего он от тебя хотел?

– Понятия не имею, Миша, – ответил расстроенный Алексей. – Одно знаю точно: красный диплом пролетел мимо меня. Ну, да и черт с ним! Хотя досадно. Знал ведь материал, да видно где-то что-то не доучил.

В класс Лешка направился не сразу, а сначала несколько раз про-

шелся туда-сюда по коридору: надо же как-то успокоиться. Да, нехорошо получилось, но, в конце концов, в звании его никто не понизит, выпустится из училища, как и все, лейтенантом, в академию поступать он не собирается, по крайней мере, в ближайшее время, а для службы в войсках нет никакой разницы, какой у него диплом: красный или синий. Он вошел в класс и сел в дальний угол, ни с кем не общаясь. Уже здесь, в классе, он узнал, что в итоге по эксплуатации он получил четыре балла. Ладно, и это неплохо. Осталось еще два экзамена, принципиальных: огневая подготовка и тактика. Надо хотя бы их сдать на пятерки. Для собственного удовлетворения.

В этот же день, ближе к вечеру, их взвод выехал в учебный центр, где им предстояло в течение двух дней готовиться, а затем сдавать экзамен по огневой подготовке, который включал в себя практическую стрельбу из танков с ходу и, после нее, испытания в классе по билетам. Вопросы билетов, курсанты знали, охватывали такие разделы, как устройство всего вооружения танка и приборов, обеспечивающих ведение огня, а также теорию и правила стрельбы. Отведенные для подготовки дни пролетели очень быстро, и вот наступил день сдачи.

Прибывших после завтрака к вышке на участке для стрельбы курсантов уже встречали их преподаватель майор Слесарчук, назначенный в этот раз руководителем стрельбы, и два офицера, члена государственной комиссии, которые, переговорив о чем-то с майором, поднялись на вышку. Слесарчук тем временем, обратился к ребятам:

– Ну, что, молодые люди, пришло время отчитаться, чему мы вас здесь научили. Как, готовы?

– Так точно! – дружно ответили молодые люди.

– Тогда не будем тянуть время. Экипажи, насколько я знаю, у вас уже имеются, сформированы. Танки, с которых вам предстоит выполнять упражнение, находятся на исходной позиции, вот, перед вами, видите их? – Слесарчук показал рукой местоположение танков, хотя курсанты и так всех их отлично видели. – Все оружие пристреляно, так что, вам остается только не промахиваться. Через пятнадцать минут жду перед вышкой первые три экипажа! Остальным, товарищ старший лейтенант, – обратился преподаватель к Ковбасюку, – находится в классе под вышкой и готовиться к сдаче теории, а также следить за ходом стрельбы и своевременно готовиться к смене отстрелявших экипажей! Все! Желаю успехов!

Алексею, как обычно, предстояло стрелять в одном экипаже с Васей Ивановым. Накануне они бросили между собой жребий, согласно которому открывать заезды выпало именно Лешке. Он отнесся к этому по-философски: чему бывать – того не миновать, ничего страшного, не первый раз стреляю!

Загрузив боеприпасы и заняв по команде «К бою!» свое место в танке, Лешка спокойно выполнил все положенные операции и теперь с нетерпением ожидал следующей команды «Вперед!». Наконец танк вздрогнул и начал движение. Почти сразу далеко впереди поднялись три пушечных мишени

– Видишь первые цели? – услышал он в наушниках голос Иванова.
– Вижу! – ответил Алексей.
– Дальний рубеж, Леша. Твоя – левая! Ставь прицел, и – огонь!
– Понял! – Лешка установил на необходимое деление прицел, навел прицельный угольник в центр мишени и нажал кнопку электроспуска пушки.

Танк содрогнулся от мощного выстрела, и, спустя мгновение, Алексей с радостью увидел, как трассер его снаряда прошел цель.

– Есть, Леша, молодец! Давай второй туда же! – услышал он по ТПУ и повторил выстрел с таким же результатом, как и в первый раз. Затем, по команде Иванова, произвел и третий выстрел, как сказал Васька, для гарантии, и тоже попал, после чего поразил уже из пулемета вторую и третью цели. Все! Несмотря на нервное возбуждение и начинающую наваливаться из-за нее усталость, Алексей был доволен. Он успешно выдержал очень серьезный экзамен, это вам не болтовня вроде эксплуатации, здесь ясно виден результат! Хотя расслабляться рано: надо еще провести заезд с Васькой за командира, а потом сдавать теоретическую часть экзамена. Он, правда, надеялся, что, учитывая результаты стрельбы, экзаменаторы особо к ним придирааться не будут. Так, собственно, и вышло: все, кто отстрелял на «отлично», в том числе и Алексей, и итоговые оценки получили точно такие же, хотя нельзя сказать, что им эти оценки подарили, отвечать на вопросы билетов пришлось вполне серьезно и конкретно, но все-таки, принимая ответы, экзаменаторы, очевидно, держали-таки в уме практическую стрельбу.

Итак, курсантам-выпускникам, в том числе и Лешке Васильцову, до получения заветного офицерского звания оставалось сделать всего один шаг, сдать последний экзамен. Последний, но зато какой! Не зря пел в недавно вышедшем на экраны кинотеатров фильме «Освобождение» популярный артист Ножкин: «Последний бой – он трудный самый!». Сдавать предстояло экзамен по тактической подготовке, или, попросту говоря, – по тактике. Испытание выделось достаточно серьезным как по степени важности предмета, так и по продолжительности его сдачи.

Ребята уже знали порядок своих действий. Сначала они должны, как обычно, прибыть в учебный корпус. Здесь, в классе, разумеется, не в тактическом, чтобы не помогали подсказки с многочисленных плакатов и щитов, они должны сдать первую, теоретическую часть предмета по билетам. В каждом билете первым вопросом значилась организация, то есть, строение какого-либо батальона или дивизиона (мотострелкового, танкового, артиллерийского и так далее) нашей армии или армий вероятного противника из стран НАТО. Затем требовалось дать ответы еще на два вопроса из Боевых уставов. Но это было еще далеко не все.

После того, как все курсанты ответят на вопросы из ранее выбранных ими экзаменационных билетов, им предстояло тянуть билеты еще. На этот раз в разложенных на столе листочках бумаги указывались исходные данные для выполнения практического задания на тот или

иной вид боевых действий танкового взвода, как то: наступление, оборона, марш... Вытянувший билет курсант должен был проделать всю работу по организации боя в соответствии с полученным заданием: изучить указанные данные, уяснить ситуацию, нанести тактическую обстановку на карту, чего особенно не любил Алексей, и затем отдать боевой приказ. Ну, а потом, опять-таки в соответствии с заданием, практически управлять взводом на реальных учебных танках в том виде боевых действий, который ему выпал по билету. Причем, одна половина взвода должна была выполнять практические действия днем, а вторая – те же действия в ночных условиях.

«Ну и ну!» – подумал в свое время Лешка, да, очевидно, и не он один, узнав о том, какой установлен порядок сдачи тактики. Впрочем, изменить его они, курсанты, не в силах, сдавать все равно придется именно так, поэтому надо готовиться!

Теперь же, получив билет и изучив его, Алексей успокоился: на эти вопросы он ответит! Выпавшую ему организацию американского танкового батальона со всеми его атрибутами он знал назубок, вопросы из Боевых уставов тревоги тоже не вызывали. Поэтому отвечал он четко и уверенно, держал себя свободно и раскрепощено: а что терять, за диплом с отличием дрожать уже не надо, а обычный от него и так не уйдет. Вполне закономерный результат – «отлично». Лешка мысленно отметил в голове промежуточную победу, но тут же решил: не успокаиваться, сдача еще не закончена!

Один из экзаменаторов снова разложил на столе билеты, на сей раз из другой пачки, и в таком же порядке, как и первый раз, предложил курсантам выбирать. Алексей пару секунд постоял возле этого «пасьянса», потом (была – не была!) взял билет и, раскрыв его, пробежал глазами исходные данные. Так, ничего сложного. Что надо сделать? Уяснить задание и оценить обстановку, нанести ее на карту (черт бы побрал эту карту, но придется!) и отдать боевой приказ на наступление, который доложить членам комиссии. Затем практически командовать наступлением танкового взвода днем. Уже хорошо, что не ночью. Сделаем!

Выполнив весь положенный объем работы, Алексей, как и другие ребята, сдал исполненные документы секретчику. Теперь – на обед, а после него – по машинам и на учебное поле. Вся динамика будет разыграна именно там. Несмотря на сложность сдачи экзамена, среди курсантов царило приподнятое настроение. Чувствовалось, что все уже находится в предвкушении окончания учебы.

– Живем, пацаны! – громогласно провозгласил вечный оптимист Пчельников. – Сегодняшний день отмучаем, а там – здоровья желаем, господа офицеры!

– Не только сегодняшний, но и завтрашний еще прихватить придется, – проворчал рассудительный Толя Павловский, которому действовать на технике предстояло ночью. – Хорошо, если часа в два ночи освободимся.

– Ничего страшного, – не сдавался Колька. – Наши звезды от нас не уйдут, все равно получим в самое ближайшее время.

– А про «золотую неделю» ты не забыл? – вернул его с небес на землю Слава Кривцов. – Еще в караул придется сходить, пока майор-кадровик приказ на нас подпишет.

«Золотой неделей» курсанты называли тот период времени, когда уже закончилась сдача государственных экзаменов, и майор, начальник отдела кадров училища, в Москве представлял на подпись Министру обороны СССР проект приказа о присвоении всем им офицерских званий, так как по закону первое звание «лейтенант» присваивал именно Министр. Поскольку все выпускники Холмоградского училища заканчивали сдавать экзамены именно сегодня, 20-го июля, то завтра кадровик с документами на них будет в Москве, и уже от его ловкости и пробивной способности зависело, сколько дней продлится эта самая «неделя»: шесть или восемь, или сколько-то еще... По существующей традиции в этот период времени каждый выпускник должен был один раз отнести службу в караул, заступив, как обычно, на сутки, все же остальное время ребята были предоставлены самим себе. Правда, и тут им предстояло решать одну непростую задачу: получить полный комплект офицерского обмундирования и найти, куда его деть, ибо оставлять его в изрядно надоевшей казарме не хотелось, и каждый находил выход из возникшей ситуации по мере своих возможностей. Лично перед Лешкой данной проблемы не стояло: надо только получить, а потом он, конечно же, отвезет все в Приозерск, к будущей теще, хоть и соседняя область, но не так уж и далеко, в самом Холмограде есть районы и поудаленнее от училища...

Автомобиль скрипнул тормозами и остановился.

– К машине! – послышалась команда старшего лейтенанта Ковбасюка, и курсанты горохом сыпанули из кузова, придерживая на себе полевые сумки и противогазы и передавая друг другу с десятков автоматов, полученных на первом курсе для имитации действий противника.

– Строиться, взвод! – скомандовал курсовой офицер. – Быстрее, товарищи курсанты, а то завтра будете сдавать, кто сегодня не успеет.

– Да уж куда там, завтра! – шепотом огрызнулся Миша Забалуев, но свое место в строю занял быстро, как и остальные его товарищи.

Приняв доклад Ковбасюка о том, что такой-то взвод такой-то роты построен и к продолжению сдачи экзамена готов, подполковник из войск, старший в группе экзаменаторов, исходя из того, кто должен действовать днем, а кто – ночью, разделил взвод пополам. Затем он объявил «ночникам», что сейчас они будут обозначать действия «противника», приказал им забрать все автоматы, получить холостые патроны, взрывпакеты, дымовые шашки и прочие средства имитации, после чего указал старшему лейтенанту Ковбасюку места, куда нужно будет доставить и высадить «врагов», и после этого вернулся к оставленной на время первой группе:

– Внимание, товарищи курсанты! Сейчас начнем работать с вами, будем оценивать ваши действия в различных видах боя, кому что досталось в билетах.

И динамика началась. Сперва отработали свои вопросы четверо ребят, кому досталось действовать на марше: отдать приказ, спланировать движение колонны, отразить нападение «противника» и, нако-

нец, преодолев «зараженный участок местности», организовать дезактивацию техники.

Следующей была группа курсантов, в которую входил и Алексей. Им предстояло командовать взводом в наступлении. Лешка, когда подошла его очередь, четко отработал все вводные, переданные ему по радио экзаменатором, несколько раз совершил маневры перестроения с учетом воздействия «противника» и, получив похвалу от подполковника за уверенные действия, передал командование взводом следующему экзаменуемому – Димке Павлову. Все! Алексей почувствовал немое облегчение. Что он мог, что от него требовалось – он сделал. Больше ничего от него не зависело. В ранге подчиненного курсанта ему осталось разве что отыграть за «противника» для «ночников», да сходить в караул. Его праздничное, приподнятое настроение не смогла поколебать даже постепенно навалившаяся дикая усталость: как и предрекал Толик Павловский, сдача ими последнего экзамена закончилась в третьем часу ночи.

Наутро курсанты долго отсыпались, никто их не беспокоил. Потом сходили на завтрак, после которого все 12 заместителей командиров взводов выпускного курса собрались в канцелярии одной из рот и распределили наряды на оставшуюся неделю. Выходило восемь караулов, и еще четыре взвода дополняли остальные наряды. Лешкин взвод должен был заступать в караул через два дня, поэтому, распуская своих все еще подчиненных, Виктор Чернов попросил:

– Парни, если кто куда уедет, то поимейте совесть, не забывайте про караул! Постарайтесь в день заступления все собраться к обеду!

– Все будет нормально, Витя, не беспокойся! – выразил общее мнение Вася Иванов. – Не подведем. Мы же – офицеры!

Алексей, который из-за сессии почти месяц не виделся со своей невестой и сильно по ней скучал, уговорил Зубова составить ему компанию на проспект Большевиков:

– Айда, Паша, со мной, познакомишься со своей напарницей, свидетельницей со стороны Светы. Классная девка эта Танюха, гадом буду – влюбись. Правда, у нее жених есть.

– Жалко мне тебя, Леха, разорять перед свадьбой, а то бы поспорил с тобой, что не женюсь. Проиграл бы ты однозначно!

– Ладно, проехали. Только девчата сейчас, наверно, на занятиях, у них ведь тоже сессия, хоть и не такая, как у нас. Давай дождемся обеда, потом мотанем в кино, а после него, под вечер, – в общагу.

– Договорились!

На этот раз к парням вышли обе девушки. Алексей представил им Пашку:

– Знакомьтесь, мой лучший друг и единственный земляк, краса и гордость тригорской земли и наш будущий свидетель Павел Зубов! Прошу любить и жаловать.

– Светлана! – девушка протянула Пашке руку лодочкой и при этом заметно смутилась.

– Татьяна! – представилась рыжуха и с таким насмешливым видом глянула на парня, что на этот раз смутился уже он.

– Алексей! – шутя, представился Лешка и заключил Светлану в крепкие объятия. – Ну, здравствуй, родная! Как я по тебе скучал!

– Пойдем, Паша, поговорим. Здесь народ влюбленный, нам, простым смертным, тут делать нечего, а вот обсудить кое-какие вопросы надо, – и Таня увлекла Пашку куда-то за угол.

Лешка, наконец, отпустил Светлану, и они уселись на ближайшую скамейку.

– Все, любовь моя, можешь поздравить: все государственные экзамены сданы успешно, так что, ты теперь – жена лейтенанта. Без пяти минут.

– Поздравляю, Алешенька, от души поздравляю! – Светлана прикинула к нему в жарком поцелуе, потом отстранилась. – А когда эти пять минут закончатся?

– Не знаю, Светик. Кадровик наш еще в Москве, и ничего, никаких известий от него нет. Только бы выпускной не выпал на тридцатое июля...

– Не думай, милый, о грустном. Я вот, когда мне трудно, сразу говорю себе: ты – Светлана Васильцова, жена офицера, ты не должна раскисать! Знаешь, помогает.

– Ты лучше о своей сессии расскажи.

– А что о ней рассказывать? Сдается потихоньку. Все равно один экзамен на осень останется, не успею, наверно, сдать, хотя постараюсь досрочно, если с преподам договорюсь. Сейчас для меня другие цели важнее.

– Да, слушай, Светик, мы тут на днях будем форму получать, ну, все, что положено офицерам, что в ателье пошито, что со склада выдают... В общем, хотелось бы все это добро к вам завезти. Ты не могла бы позвонить маме, предупредить?

– Конечно, Алешенька, сегодня же позвоню.

– Смотри, будет два громадных чемодана, всю квартиру вам захламлю.

– Да хоть десять!

Они еще долго сидели, прижавшись друг к другу, не решаясь сказать слова расставания, не помешал даже подошедший Пашка, который, посмотрев на влюбленных, безнадежно махнул рукой и направился к выходу со студгородка.

Как и договаривались, все ребята собрались для заступления в свой последний курсантский караул своевременно. Получив на одном из младших курсов оружие (свои-то автоматы сдали на склад еще в апреле месяце перед выездом в лагерь), сейчас курсанты расположились в курилке, поджидая начальника караула старшего лейтенанта Ковбасюка, который за это оружие должен был расписаться. Заметив вышедшего из казармы майора Родионова, Лешка подошел к нему:

– Товарищ майор, разрешите обратиться!

– Обращайся, Алексей, слушаю тебя.

– Куда меня все-таки направят служить, не знаете?

– А ты куда записывался?

– Как основной вариант – в Германию.

– Ну, вот туда и поедешь.

– Точно? – Лешка аж подпрыгнул от радости.

– Точнее некуда, – майор усмехнулся. – Генерал Соболенко от тебя отказался, не нужен ты в нашем славном округе. Да и не отличник ты в итоге оказался, зачем ты ему?

– Вот это здорово! Спасибо, товарищ майор, за такую новость!

– На здоровье! – майор снова усмехнулся.

Счастливым Лешка на одном дыхании отдежурил сутки в карауле и, уже сменившись и сдавая автомат, увидел бегущего к ним, размахивающего руками и что-то громко кричащего Кольку Пчельникова. Он подождал, пока тот приблизится, и услышал:

– Ура, пацаны! Есть приказ! Мы – офицеры! Выпускной – 28-го!

Его обступили ребята.

– Откуда знаешь? – с подозрением осведомился Юрик Хачинян.

– Неважно, – ответил Колька. – Хотите – верьте, хотите – нет, ваше дело.

– И откуда ты, Колян, все знаешь? – проговорил Боря Тишков. – Прямо не Пчела, а ходячее Совинформбюро.

У Алексея отлегло от сердца. Теперь его свадьбе ничто не могло помешать!

На следующий день, получив весь комплект офицерского обмундирования, Алексей набил им два своих объемистых чемодана, изготовленных, как и всех выпускников, по спецзаказу, сам надел повседневную форму с брюками навыпуск и вместе со своими товарищами вышел за ворота. Дальнейшие их пути разошлись. Лешка поймал такси и поехал на вокзал. Еще раз услугами таксиста ему пришлось воспользоваться в Приозерске, когда он, сойдя с электрички, понял, что с такими вещами общественным транспортом он далеко не уедет. Ольга Ивановна только руками всплеснула, когда он, усталый, но счастливый лейтенант, втащил чемоданы в квартиру. Его обнимали, поздравляли, а он только смущенно улыбался улыбкой выполнившего свою задачу человека.

Когда наутро Алексей вышел из дому в новенькой, выглаженной парадной форме цвета морской волны, весь двор словно остолбенел: Приозерск хоть и был крупным городом, центром целой области, но военных училищ в нем не имелось, поэтому появление стройного, подтянутого лейтенанта произвело фурор. Не обращая ни на кого внимания, Васильцов направился на вокзал: сегодня их собирали на репетицию торжественного построения при выпуске. Настроение у него было превосходным: ясный, солнечный и пока еще не очень жаркий день вызывал только положительные эмоции. Он чувствовал себя на седьмом небе от счастья: он добился того, к чему стремился всю свою пока еще не очень долгую жизнь! Ему нравилось, что его, не стесняясь, в упор разглядывали и ему улыбались незнакомые девушки, что на него с завистью взирали гражданские парни. «Эх, видела бы меня сейчас Светлана!» – подумал он. Впрочем, с невестой он постарается еще сегодня увидеться, вот только уточнит у ребят некоторые детали выпускного вечера, на котором она должна быть непременно!

Вырваться к Светлане у Лешки получилось только после обеда, под вечер, когда закончились всякие построения, перестроения и прочие подобные дела, а также сдана в каптерку их прежняя курсантская форма. Уже за ненадобностью.

Добравшись до студенческого городка и зайдя на его территорию, Алексей снял парадный мундир и накинул его на руку: слишком жарко стало к вечеру.

Свою любимую он увидел издали: Светлана вместе с еще несколькими девушками подходила к общежитию и о чем-то с ними спорила.

– Света! – прокричал он в надежде, что та его услышит даже на расстоянии.

Очевидно, услышала, да и не только она, поскольку вся группа остановилась, а Светлана взгляделась в того, кто ее окликнул, ахнула и бросилась к нему:

– Здравствуй, мой дорогой, любимый лейтенант!

– О-о-о, ты уже ко мне по воинскому званию обращаешься, – проговорил он, целуя девушку и одновременно замечая, с какой завистью смотрели на них ее подруги. – Светик, у меня мало времени, надо еще на электричку успеть, поэтому буду краток. Выпускной у нас 28-го июля, через двое суток. Постарайся решить свои вопросы, чтобы этот день был у тебя свободен. Начнется все с построения на нашем большом строевом плацу в 11.00. Вход в училище в этот день будет свободный, и мне очень бы хотелось видеть тебя среди зрителей возле плаца. Затем мы всем училищем идем в Дом офицеров, там будет торжественная часть, а потом наш «Эпицентр» даст свой прощальный концерт, ну, там не только наш ВИА будет выступать. А после этого возвращаемся в училище, и в нашей бывшей курсантской столовой начнется праздничный банкет. Вот такая планируется программа.

– Здорово! – только и смогла вымолвить Светлана. – А мне нужно будет что-нибудь принести с собой?

– Только на плечах голову с чистыми мыслями! – рассмеялся Лешка. – Все, что нужно, мы уже подготовили. Так, мне пора на электричку. Что маме передать?

– А я тоже с тобой сейчас поеду, только Таньку предупрежу. Мне же надеть нечего, почти все мои платья дома, а я же должна соответствовать положению! Ничего, я завтра вернусь, подумаешь – всего на одну консультацию опоздаю. Так что, подожди меня, родной, я быстро!

– Что с тобой сделаешь? Конечно, подожду. Только давай в темпе!

И вот наступил долгожданный день выпуска. За полчаса до назначенного времени весь личный состав училища в парадной форме уже располагался единым строем на плацу. На правом фланге занял место оркестр. Позади трибуны ожидали своей очереди три стола, которые вынесут чуть позже и установят посередине плаца. На эти столы выложат дипломы и значки об окончании училища, которые затем будут вручены им, главным именинникам сегодняшнего дня, выпускникам. Пока они стояли в общем строю училища, выделяясь только цветом парадной формы, но с началом мероприятия по команде они выйдут вперед и развернутым строем займут место напротив столов.

– Пацаны, монеты у всех есть? – полусшепотом спросил неугомонный Пчельников. – А то я подкину, у кого нет.

– Есть, есть, не суетись, – ответил ему за всех Чернов. – Ты лучше внимание напруги, чтоб команду на перестроение не прозевать.

Лешка проверил содержимое своего кармана, в котором нащупал несколько монет, одну из которых нужно будет подбросить вверх по общей команде после прохождения торжественным маршем. На счастье!

Он подумал, до чего же быстротечно время! Казалось, еще недавно он стоял на этом плацу, совсем «зеленый» юнец в новеньком «х/б», только-только нацепивший черно-желтые курсантские погоны и донельзя счастливый от исполнения своей мечты. И вот, спустя, без малого, четыре года, он стоит здесь же, на нем форма цвета морской волны и золотистые погоны, на каждом из которых значится по две золотистых же звездочки! Алексей покрутил головой, пытаясь отыскать среди окруживших плац зрителей Светлану, но сделать это было решительно невозможно, и он отказался от этой затеи, понадеявшись, что она все же здесь.

– Училище, равняйся! Под Знамя, смирно! Знамя внести! – раздалась усиленная динамиком команда заместителя начальника училища полковника Кузнецова. Под раскатистый марш Знамя училища в сопровождении почетного караула заняло место на правом фланге рядов с оркестром.

На трибуну поднялись три генерала: начальник училища, председатель государственной комиссии Соболенко и прибывший накануне заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант Коржов, которому полковник Кузнецов и доложил о том, что Холмоградское высшее танковое командное училище для проведения очередного выпуска офицеров построено. Приняв доклад, тот поздоровался со всеми стоящими на плацу и дал команду приступить к проведению мероприятия.

Тотчас же специально назначенные курсанты с более младшего курса вынесли на середину плаца, ближе к трибуне, стоявшие до поры «в засаде» столы, на которые и сложили дипломы выпускников и небольшие коробочки с «ромбиками», значками об окончании высшего военного училища. Одновременно почетный караул также переместился вместе со Знаменем в центр плаца и стал прямо возле трибуны. И по этой же команде, продублированной начальником курса подполковником Березовым, батальон выпускников покинул свое прежнее место и выстроился по-ротно напротив вынесенных столов. Спустившиеся с трибуны генералы, каждого из которых сопровождал один офицер, подошли к столам. Мероприятие началось.

Первыми, как водится, получали дипломы и значки медалисты, за ними – просто отличники, потом – все остальные выпускники. Наконец, услышал свою фамилию и лейтенант Васильцов:

– Я! – ответил Лешка пересохшим от волнения голосом.

– Выйти из строя для получения документов об окончании обучения! – скомандовал генерал Соболенко, по иронии судьбы вручавший дипломы именно курсантам пятой роты.

– Есть! – Алексей четким строевым шагом подошел к столу, чуть не дойдя до него, остановился и приложил руку к козырьку фуражки. – Товарищ генерал-майор! Лейтенант Васильцов для получения документов об окончании обучения прибыл!

– Поздравляю Вас, товарищ лейтенант, с окончанием учебы и желаю отличной службы! – Соболенко не узнал Алексея или сделал вид, что не узнал, какая сейчас разница? Он взял из рук помощника диплом, коробочку со значком, вручил все это Алексею и сильно пожал ему руку. Узнал, все-таки, наверно. Ну и ладно!

Васильцов, четко повернувшись кругом, громко произнес:

– Служу Советскому Союзу!

Следующим моментом в ритуале выпуска было прощание со Знаменем. Алексей, как и все выпускники до него, строевым шагом подошел к трибуне и, повернувшись лицом к Знамени, снял и взял в левую руку фуражку, опустился на одно колено, взял в свободную правую руку уголок красной материи и поднес его к своим губам. Затем поднялся во весь рост, надел фуражку и отдал Знамени воинскую честь, после чего, четко повернувшись, прежним строевым шагом отошел от Знамени и занял свое место в строю взвода. Все, его личное участие в выпускном торжестве закончилось!

Когда все дипломы были вручены, а выпускники вернулись на свое место в общем училищном строю, когда столы убрали, и на их место посредине плаца переместился оркестр, генералы, а также заместители начальника училища и несколько каких-то гражданских взошли на трибуну, последовала команда:

– К торжественному маршу...

Лешка вздрогнул. Сколько раз он слышал эту команду на парадах, других торжественных построениях... Сейчас он слышал ее последний раз, стоя в общем строю. Теперь после ее получения он должен будет выходить вперед, перед строем своих подчиненных, как это делают сейчас их училищные командиры. Да-а... Его мысли прервал оркестр, грянувший марш «Прощание славянки». Торжественное прохождение мимо трибуны началось.

Когда молодые лейтенанты, четко держа равнение, прошли мимо руководства, и можно было уже расслабиться, по рядам прошелестело:

– Готовьте монеты!

Лешка тоже сунул руку в карман мундира и, спустя несколько секунд, по общей команде подбросил, как и все его товарищи, как и все выпускники до них и после них, над головой монету, даже не взглянув, какую. На счастье! За успех будущей службы! Стоявшие на трибуне офицеры и генералы понимающе переглянулись: ничего не поделаешь, традиция!

Снова встав на свои места после прохождения торжественным маршем, ребята получили разрешение на полчаса разойтись, после чего вновь построиться для следования в Дом офицеров. Все сразу смешались в одну кучу: выпускники, курсанты, родственники гражданские, родственники военные... Алексея с Пашкой уже поздравили их земляки Андрей

Задорин и Сергей Муромцев, пообещавшие через два года составить им компанию в войсках, а Лешка все озирался по сторонам, надеясь отыскать в этом людском муравейнике Светлану, которой пока не было видно. «Наверно, задержалась где-то», – с досадой подумал Алексей, и в эту минуту кто-то сзади взял его за руку. Немедленно обернувшись, Лешка ахнул: это была Она, его мечта, его любовь! Она, и в то же время как бы и не она: какая-то повзрослевшая, посерьезневшая, в голубом, так хорошо идущем ей в сочетании с ее большими голубыми глазами, платье и с какой-то немислимой прической на голове.

– Здравствуй, Алешенька, поздравляю! – он готов был слушать ее мелодичный голос вечно. – Ты сегодня такой красивый, что я, ей-богу, снова в тебя влюбилась!

И тут же поцеловала его. Вокруг заплодировали.

– Вот теперь и мы видим, к кому целый год бегал на свидания наш Алексей, – под общий смех высказался Витя Чернов. – Держи ее крепче, Леша, а то уведут, за такой красавицей глаз да глаз нужен!

– Пусть попробуют, – притворно рассердился Лешка.

– Не переживай, Алеша, – успокоила его девушка. – Никто меня у тебя не уведет, я люблю только тебя, а через два дня ты станешь моим законом!

– Да, ребята, послезавтра у меня, – он оглянулся на Светлану и увидел ее подтверждающий кивок головой, – у нас свадьба. Поэтому тех из вас, кто не спешит домой и еще не успеет уехать, приглашаем: приезжайте в Приозерск, адрес Паша Зубов знает. На всякий случай, запомните: улица Мира, дом 40\18...

– Не бойся, найдем, – перебил его Вася Иванов. – Я своим носом за версту чую, где выпить можно.

Светлана прыснула: нос у Васьки был еще той длины. В это время прозвучала команда строиться. Лешка отвел Свету в сторону:

– Светик, мы сейчас последний раз пройдем строем, а ты иди к Дому офицеров и ожидай меня там возле входных дверей. Нас там распустят, и все остальное время я буду с тобой и никуда тебя не отпущу. Клянусь!

– Верю, милый, до встречи! – тихо ответила девушка и растворилась в толпе.

Торжественная часть была короткой. Выступил только заместитель командующего войсками округа. Говорил генерал Коржов достаточно долго. Он от имени командующего поздравил выпускников с завершением учебы и с началом их самостоятельной командирской деятельности, привел массу примеров, каким должен быть настоящий советский офицер, которому смогут доверять подчиненные, как самим себе, и еще много чего. Его речь была живой, интересной, но в переполненном зале все больше усиливалась духота, под конец слушали его уже не очень внимательно, и генерал понял это. Он еще раз поздравил молодых офицеров и завершил свою речь, после чего сцену начали готовить к концерту.

Алексей со Светланой вышли на улицу. После душевного зала на свежем воздухе было просто здорово! Так не хотелось уходить обратно! Но и пропускать последнее выступление «Эпицентра» тоже не хотелось.

И они вернулись. Свободных мест в зале, разумеется, уже не было, поэтому, потолкавшись немного в проходе между рядами, они вышли из Дома офицеров, на этот раз – окончательно.

Алексей посмотрел на часы: до начала праздничного банкета осталось еще больше часа, и они медленно пошли в сторону училища, наслаждаясь красотой тихого летнего вечера.

– А я тебя выглядывал, выглядывал, думал, что ты уже не придешь, – нарушил молчание Лешка.

– Ну, ты что, родной, как же я могла к тебе не прийти на твой самый главный праздник, – возразила Светлана. – Другое дело, что я в парикмахерской больше двух часов просидела. Но главное: как ты к столу подходил, и как флаг целовал, видела! И как вы деньги бросали... А что, так надо?

– Традиция! И потом, я целовал не флаг, а знамя. Привыкай к военной терминологии, – объяснил Лешка и пристально посмотрел на девушку. – Слушай, Светик, а ты сегодня какая-то не такая. Я сначала, как ты подошла, тебя и не узнал.

– Что, постарела? – с лукавой улыбкой поинтересовалась Света.

– Да ты что, нет, конечно! – горячо возразил Лешка. – Просто как-то солиднее выглядишь, чем раньше.

– Видишь ли, Алеша, я очень редко пользуюсь косметикой, почти совсем не пользуюсь, а тут, ради такого случая, немного подкрасилась, подмазалась, прическу сделала. Что, плохо?

– Да нет же, здорово! Просто как-то непривычно...

– Что ж, привыкай. Женщины имеют привычку иногда менять свой облик, особенно с возрастом, так что, не пугайся, если однажды вместо Красной шапочки я буду выглядеть, как Баба Яга. Не испугаешься?

– Да нет, что ты, я тебя в любом облике люблю!

– Какой ты молодец, надо же, не испугался! Кстати, помнишь, ты говорил, что твое место службы окончательно решится после сдачи всех экзаменов? Как, уже решилось? Куда мы с тобой поедем?

– Да, решилось. Поедем в Германию. Это уже точно. Теперь – не боисься?

– Нет. С тобой я ничего не боюсь!

К тому моменту, когда они, изрядно прогулявшись, появились на пороге столовой, к началу банкета все было готово, и зал начал заполняться его участниками. Почти каждый выпускник приводил с собой девушку, будь то жена, невеста или просто подруга. Поэтому, по большей части, столы, рассчитанные на четыре человека, являли собой места на двух офицеров и на двух их спутниц, что, понятное дело, учитывалось при составлении меню вечера. Тем более, что ребята во избежание ненужной толчеи заранее определили, кто с кем и за каким столиком будет сидеть.

Веселье началось. Короткие тосты сменялись ритмичной музыкой, танцами и, конечно, поздравлениями. Многие ребята хотели получить личное напутствие от любимых командиров, преподавателей, поэтому наперебой приглашали их к своим столикам. Не были исключением и Лешка Васильцов со своим соседом по столу Василием Ивановым, при-

шедшим на выпускной вечер со своей женой – высокой красивой шатенкой по имени Валентина. Возле их столика уже побывали командир роты майор Родионов, преподаватели подполковник Шорохов, подполковник Меланин, майор Слесарчук, майор Бунчук и другие. Все они желали выпускникам успехов в службе, хорошего обустройства на местах назначения, семейного счастья... Все пожелания воспринимались на «Ура!».

Вот рядом со столиком ребят остановились начальник их курса подполковник Березов и гражданский мужчина приятной, располагающей к себе наружности в темно-синем костюме и в рубашке с галстуком. Алексей уже видел его на трибуне во время торжественного построения, затем – в президиуме собрания в Доме офицеров, и знал, что это – секретарь горкома партии Василий Степанович Горохов. «Отец Вольдемара!» – мелькнула в голове и тут же ушла куда-то в небытие мысль о том, что яблоко, бывает, и далеко падает от яблони. Отец в отличие от сына выглядел куда приятнее.

– Ну, вот, Иван Максимович! – обратился Горохов к комбату. – Видишь, и за этим столиком две наших красавицы, которых увозят от нас твои орлы! Вот к кому ни подхожу, у кого из девчат ни спрашиваю, все в один голос отвечают: я – холмоградка, я – холмоградка... Кто же у нас останется наших парней осчастливливать да новых холмоградцев рожать? Вот Вы, – обратился он к Валентине. – Вы – наша?

– Да, я – холмоградка, – удовлетворила его любопытство Валя. – Но я никуда не уезжаю. Мой муж получил предложение остаться в училище курсовым офицером и принял его. Так что, я из Холмограда – ни ногой!

– Как Вы меня утешили! – шутливо обрадовался секретарь горкома и обратился к Светлане. – А Вы?

– А я уезжаю с мужем далеко, в Германию, – разочаровала его девушка. – Но я все равно не Ваша, я – приозерская.

– А здесь как Вы оказались?

– Училась в финансово-экономическом институте и жила в общежитии на проспекте Большевиков, там с мужем и познакомилась.

– Значит – все равно наша! – Горохов и Березов чокнулись со всеми сидящими за столиком бокалами с шампанским, которые держали в руках. – Счастья и успехов вам, ребята, и вам, боевые подруги!

Банкет продолжался, и его участники веселились, не обращая внимания на время. Случайно глянув на часы, Лешка ахнул: ничего себе, первый час ночи! Тут только он заметил, что и людей в зале стало вроде бы поменьше. Да-а, детское время, получается, вышло. Он увидел направленный на него взгляд Светланы:

– Алешенька, может, и нам уже пора? До Приозерска ведь ехать, на электричку опоздаем!

– Не бойся, Светик, домой поедem на такси. Сегодня – можно. А вот покинуть это заведение, пожалуй, уже пора, а то действительно будет поздно, когда все оставшиеся одновременно повалят по домам.

Они попрощались со своими соседями, еще кое с кем из ребят, при этом Алексей заверил Иванова, что за документами он прибедет к двенадцати дня как штык, тихо вышли из зала и вскоре оказались на

улице. Впрочем, продолжающим гулять в зале было не до них.

Ночная прохлада приятно освежила разгоряченные лица. Они направились к КПП, возле которого Алексей тормознул таксиста. Хотя до Приозерска такси в среднем стоило пятнадцать рублей, шофер, молодой парень, согласился отвезти их за десятку:

– Что, лейтенант, гуляем?

– Да, сегодня выпускной в училище, потом отпуск, и – в войска!

– Я сам танкист, три года, как из армии пришел, так что, службу помню и вас, офицеров, уважаю!

Машина рванула в ночную темень. Алексей расположился на заднем сидении и, крепко обняв посапывающую рядом с ним Светлану, думал о том, какой он счастливый человек! Он сумел выполнить данное отцу обещание заменить его в офицерском строю и стал лейтенантом, ступив на первую ступеньку своего длинного служебного пути. К тому же, через два, нет, уже через один день он станет мужем этой славной девушки, и они вместе пойдут по жизни, какой бы трудной она ни была!

Впереди ожидало первое место его службы в незнакомой, загадочной, таинственной Германии. Что там его ждет? Так хотелось, чтобы офицерская служба началась и продолжалась успешно. Иначе нельзя, на то он и сын фронтовика!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Биография</i>	3
<i>А. Тернов. Правильная настольгия</i>	4
<i>В. Шаванов. Предисловие</i>	6
Часть первая.....	10
Часть вторая.....	128
Часть третья.....	321

Литературно-художественное издание

Виталий Шаванов

Курсанты

Книга издана в авторской редакции
Компьютерная верстка
И. Фёдоровой

Подписано в печать

Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBookC
Печать офсетная.
Тираж Заказ

Издательство «ММТК-СТРОЙ».
113035, Москва, 2-й Кадашевский пер., д. 10, кор.1
Отпечатано в ЗАО «Завод экспериментального
оборудования «ММТК-СТРОЙ»
113035, Москва, 2-й Кадашевский пер., д. 10, кор.1
Телефон: 8 (495) 646-66-73 e-mail: mmtk-st@yandex.ru

